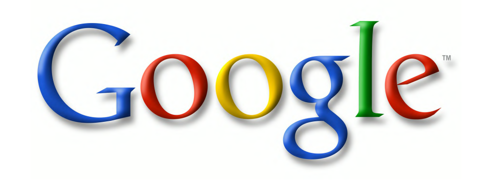
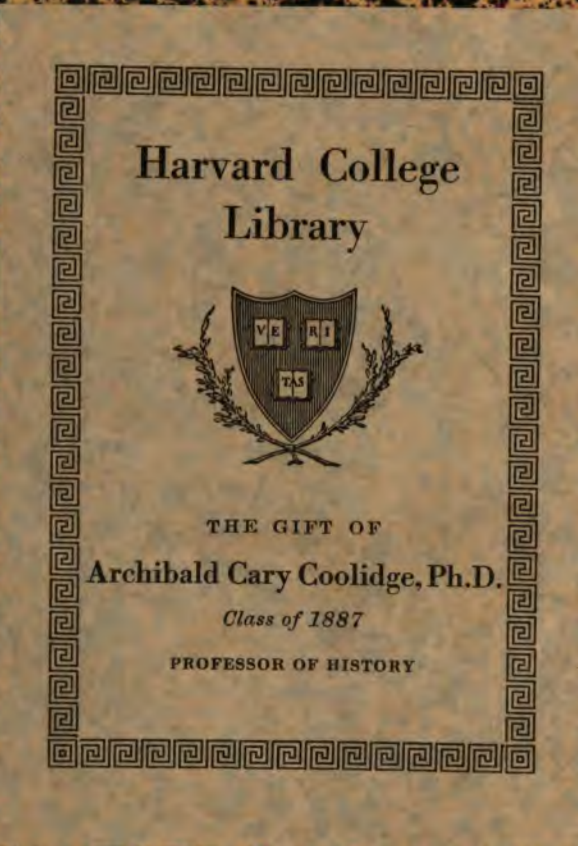

VE
RI
TAS

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1898.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., собств. домъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Александръ Николаевичъ Островскій.

(Изъ воспоминаній).

— Надо освѣжить голову: потруднѣе какой-нибудь пасьянсъ разложить,—обычно говаривалъ А. Н. Островскій, когда достаточно поработавъ надъ отдѣлкою сценъ своихъ драмъ и комедій и довольный работой, желалъ отрѣшиться отъ нея и отдохнуть.

Онъ, по издавна усвоенной привычкѣ, когда приготовлялся что либо писать, то долго, до утомленія, расхаживалъ по комнатѣ, то раскладывалъ легкіе пасьянсы. Зналъ онъ тѣхъ и другихъ способовъ подбора картъ очень много: трудно было кому-либо показать ему неизвѣстные. Онъ не покидалъ этого стариковскаго развлеченія, столь удачно приспособляемаго въ досужее время на случаи воспоминаній о прожитомъ,—не покидалъ и въ молодые годы, когда создавалъ лучшія свои произведенія, прибѣгая къ нему даже и въ тѣ дни, когда началъ письменную работу.

Писать предпочиталъ А. Н. по ночамъ, по крайней мѣрѣ въ первое время своей литературной дѣятельности, пользуясь тѣми тихими и молчаливыми, какими славятся и красятся всѣ московскія захолустья, а въ томъ числѣ и веребинское. Обыватели очень рано, по крайней мѣрѣ не позднѣе сосѣдней Таганки и всегда въ урочный часъ, какъ по командѣ, засыпали мертвымъ сномъ. Въ сосѣднихъ Серебряныхъ баняхъ усталый до изнеможенія дежурный банщикъ бросалъ на каменку послѣднюю шайку, и вода не только не вылетала паромъ, но и не шипѣла. Будочникъ Николай, жившій прямо передъ окнами, приставлялъ алебарду къ двери, присѣдалъ на порогѣ и, уткнувши голову въ колѣни, также засыпалъ до утра. Московскій день кончался, и для писателя, счастливаго необычайными успѣхами, и для человѣка, доступнаго всѣмъ и привѣтливаго, безпокойный день оставался назади и съ пріятными, и съ докуч-

ными посѣщеніями, которыя особенно учащались послѣ каждаго представленія новой пьесы его на сценѣ.

По свойству прирожденнаго характера дѣлать все не спѣша, вдумчиво и основательно, Алек. Ник. обыкновенно писалъ долго, допускалъ большіе перерывы. Такъ, наприм., надъ «Банкротомъ» («Свои люди сочтемся») онъ работалъ свыше четырехъ лѣтъ, несмотря на то, что писалъ уже умѣлою и привычною рукой послѣ сценъ и очерковъ Замоскворѣчья и особенно послѣ «Картины семейнаго счастія», которая произвела сильное впечатлѣніе на Гоголя. Писалъ Островскій разгонистымъ и крупнымъ четкимъ почеркомъ, круглыя буквы котораго напоминали неувѣренный женскій, что приводило въ нѣкоторое недоумѣніе Тургенева, одно время увлекавшагося мимоходно возможностью, по внѣшнимъ характернымъ признакамъ автографовъ, опредѣлять не только состояніе духа въ данный моментъ писанія, но и вообще душевныя прирожденныя качества писавшаго лица. Впрочемъ, то было время орѣшковыхъ чернилъ и гусиныхъ перьевъ. Для чиненья ихъ продавались въ лавкахъ особыя машинки, а въ департаментахъ и палатахъ имѣлись особые чиновники, изготовлявшіе для начальства этого рода издѣлія *).

Несмотря однако-жъ на поразительную разборчивость своихъ рукописей, Островскій всѣ произведенія отдавалъ переписывать въ другія руки по нѣскольку разъ. Отъ этого удовольствія не отказывались ближайшіе друзья автора (какъ, наприм., Т. И. Филипповъ и А. А. Григорьевъ) и оно же И. Ѳ. Горбунову, тогда еще неизвѣстному, но уже до обожанія увлекшемуся красотами произведеній новаго писателя, облегчило возможность найти къ нему доступъ, удостоиться вниманія и знакомства, и затѣмъ на всю послѣдующую жизнь сдѣлаться неразлучнымъ спутникомъ и самымъ преданнымъ другомъ. Горбуновъ, наприм., пять разъ переписалъ драму: «Не такъ живи, какъ хочется». Эта народная драма между прочимъ, служитъ показателемъ того, что плана, предназначеннаго, законченнаго, Алек. Ник. не записывалъ, полагаясь на свою необыкновенную память. Онъ подчинялся тому влеченію творческаго духа, когда завязка и развязка были на второмъ планѣ, а фабула зависѣла уже отъ характера задуманныхъ и выношенныхъ дѣйствующихъ лицъ. Писалъ эту драму, «взятую изъ народныхъ раз-

*) Вообще это время—начало 50-хъ годовъ—было переходною эпохою отъ гусиныхъ перьевъ къ стальнымъ, отъ ассигнаціоннаго рубля къ серебряному, отъ сальныхъ свѣчей къ стеариновымъ, отъ курительныхъ трубокъ къ папиросамъ и т. п., и въ тѣхъ и другихъ случаяхъ съ постепенностью, по градаціямъ.

сказовъ» о событіи конца прошлаго вѣка подъ вліяніемъ настроенія кружка, гдѣ пѣсня народная была «главною силой, которая постепенно слагала, вырабатывала и выясняла основы міросозерцанія молодыхъ друзей». Писалъ ее Островскій долго,—гораздо медленнѣе прочихъ, можетъ быть, также и потому, что принялся за нее нѣсколько поистратившимся и во всякомъ случаѣ очень усталымъ,—принялся тотчасъ же послѣ послѣдней пьесы («Бѣдность не порокъ») изъ прочихъ трехъ, уже игранныхъ на сценѣ («Бѣдная невѣста» и «Не въ свои сани не садись»).

Горбуновъ, жившій у автора въ домѣ и имѣвшій легкую и ежедневную возможность слѣдить за процессомъ творчества, сохранилъ поллиста бумаги, на которомъ рукою Островскаго небрежно написано что-то вродѣ конспекта:

«Божье крѣпко, а вражье лѣпко».

Это зачеркнуто, а сверху написано:

«Не такъ живи, какъ хочется».

Лица:

Старикъ.

Старуха.

Чуетъ мое сердце, не доброе оно чуетъ.

Монастырь.

Наступаютъ дни страшные! Опомнись!

Широкая масляница.

Груша.

Дѣвушки.

Вася. Ну, піяй! Ты меня піять хочешь?

Еремка—олицетвореніе дьявола.

Ужъ я ли твому горю помогу,

Помогу, могу, могу...

Петръ на тройкѣ.

Ночь.

Прорубь на рѣкѣ. Ударъ колокола.

(Балалайка).

(Входитъ старикъ).

Сирота-ль ты моя, сиротинушка!

Ты запой, сирота, съ горя пѣсенку».

Вотъ и весь сценарій того произведенія, которымъ далеко впослѣдствіи такъ очарованъ былъ знаменитый композиторъ А. Н. Сѣровъ, въ свою очередь увлекшій и автора на передѣлку. И. Ѳ. Горбуновъ, въ запискахъ своихъ, сопровождаетъ этотъ точный подлинникъ такимъ сообщеніемъ:

«Посѣтившему Алек. Ник. артисту К. Н. Полтавцеву онъ разсказалъ пространно, съ мельчайшими подробностями, содержаніе пьесы, но изъ-подъ пера вышло не то, что онъ разсказывалъ. По разсказу сюжетъ могъ быть разработанъ гораздо шире, а не сталось такъ можетъ быть отъ того, что въ это время Островскій очень болѣлъ глазами, а пьесу нужно было окончить къ бенефису».

Если Островскій вообще писалъ очень медленно, то имѣются въ то же время факты въ видѣ нѣкоторыхъ немногихъ исключеній. Покойный другъ покойнаго драматурга, въ примѣръ быстрыхъ или ускоренныхъ работъ, сообщаетъ между прочимъ, что «Воспитанницу» Алек. Ник. написалъ, гостивши въ Петербургѣ, въ три недѣли, «Василису Мелентьеву» (тоже въ Петербургѣ) въ сорокъ дней. Процессъ писанія этой пьесы онъ называлъ «искушеніемъ отъ Гедеонова» *).

Драма «Не такъ живи, какъ хочется» къ осени 1854 г. была готова, и авторъ въ первый разъ прочиталъ ее «кружку» у себя на дому, слѣдуя издавна установившемуся обычаю доставлять полное эстетическое удовольствіе слушателямъ своимъ мастерскимъ, несравненнымъ чтеніемъ, искать у компетентныхъ судей: отъ товарищей по перу—совѣтовъ при случаяхъ нарушенія строгаго художественнаго строя цѣльнаго произведенія, отъ артистовъ—указаній практическихъ при уклоненіяхъ отъ требованій сцены. Наи-

---

*) Тогдашній директоръ Императорскихъ театровъ Ст. Алек. Гедеоновъ, сынъ прежняго директора, написавшій въ молодости драму „Смерть Ляпунова", задумалъ на возрастѣ новую, также историческую пьесу, основанную на трагической судьбѣ одной изъ двухъ, извѣстныхъ въ исторіи, наложницъ Ивана Грознаго,—именно Василисы Мелентьевой. Мужъ ея, какъ извѣстно, былъ заколотъ опричникомъ, а сама она за то, что ревнивый царь замѣтилъ ее, „зрящу яро на оружничаго Ивана Девтелева князя" пострижена въ Новгородѣ въ монахини. Гедеоновъ, не пожелавшій выступить, во дни своего директорства, на сцену съ пьесой своего сочиненія, рѣшился прикрыться авторитетнымъ знаменемъ драматурга и передалъ ему свою драму для исправленія и отдѣлки. Она А. Н. такъ понравилась, что сюжетомъ ея онъ искренно увлекся и написалъ драму, десятки лѣтъ не сходящую съ репертуара столичныхъ и провинціальныхъ театровъ. А. А. Нильскій, авторъ недавно вышедшей книги, богато снабженной интересными и живыми данными по исторіи театра въ послѣдніе годы („Закулисная хроника") пишетъ, что С. А. Гедеоновъ „придумавъ сценарій пьесы „Василиса Мелентьева", не сталъ его разрабатывать самъ, а отдалъ весь свой матеріалъ А. Н. Островскому, который, по его конспекту, и написалъ эту драму".

Иначе разсказываетъ объ этомъ И. Ѳ. Горбуновъ, имѣвшій несомнѣнные случаи видѣть подлинную гедеоновскую рукопись при ежедневныхъ своихъ посѣщеніяхъ въ Петербургѣ дорогого московскаго гостя. Онъ пишетъ:

„Директоръ театровъ С. А. Гедеоновъ передалъ *написанную пьесу* Ал. Ник., который, оставивши въ неприкосновенности сюжетъ, написалъ собственную свою пьесу, не воспользовавшись ни одною сценой, ни однимъ стихомъ изъ творенія Гедеонова".

большимъ довѣріемъ у автора между тѣми и другими оцѣнщиками пользовались: Филиппов, Эдельсонъ, Садовскій и Ап. Григорьевъ.

Эдельсонъ, по словамъ одного изъ близкихъ друзей и дѣятельныхъ членовъ «кружка» (Т. И. Филиппова), «отличался полною самостоятельностью мысли, весьма тонкимъ художественнымъ чувствомъ и замѣчательно изящнымъ изложеніемъ. Тонъ былъ всегда спокоенъ и въ высшей степени деликатенъ. Спокойствіе и невозмутимое приличіе его тона истекали изъ глубокаго уваженія къ достоинству литературы».

Садовскій, сблизившійся съ авторомъ еще въ 1849 г., по мнѣнію того же компетентнаго оцѣнщика, былъ такимъ исполнителемъ типовъ, созданныхъ Островскимъ, какихъ можно видѣть только во снѣ. «Этотъ писатель и этотъ актеръ были буквально созданы другъ для друга и представляли собою идеальное сочетаніе».

Ап. Ал. Григорьевъ, до фанатизма увлекавшійся Островскимъ, прослушалъ всѣ его художественныя созданія по нѣскольку разъ, съ неустаннымъ и неослабѣвавшимъ интересомъ. Если въ это время онъ не успѣлъ подсказать руководящихъ мотивовъ, за то умѣлъ придать энергіи въ работѣ и увѣренности въ силахъ своими толкованіями мѣста и значенія уже созданныхъ и вылившихся въ образы художественныхъ типовъ. Григорьевъ во всякомъ случаѣ своими критическими этюдами сдѣлалъ свое имя, въ свою очередь, неразрывнымъ и неотдѣлимымъ отъ имени Островскаго.

Конечно, отъ этихъ 4—5-ти (изъ которыхъ остался въ живыхъ лишь одинъ человѣкъ) получалъ искренніе совѣты и пользовался неподкупною любовью нашъ знаменитый писатель,—конечно, единственно отъ нихъ, а не отъ надутаго Шевырева, чопорнаго и не въ мѣру строгаго Погодина. Такому художнику отъ этихъ нечѣмъ было поживиться, хотя передъ ними раньше другихъ ему довелось впервые обнаружить во всю силу свой необыкновенный талантъ и поразить ихъ всѣхъ обаяніемъ новизны и изумительнаго мастерства какъ въ отдѣлкѣ фабулъ, такъ и въ процессѣ чтенія.

3-го декабря 1849 года Островскій прочелъ «Банкрота» у Погодина (попеременно съ Садовскимъ), и затѣмъ всю зиму читалъ эту пьесу: то у гр. Ростопчиной, то у кн. Мещерскихъ, у Пановой, у Шереметевыхъ, у Каткова, и вездѣ производилъ необыкновенное впечатлѣніе,—читалъ чуть не каждый день,—и быстро разнеслась его слава по Москвѣ. О чтеніи у Погодина поэтъ Бергъ (Ник. Вас.) записалъ, что «Гоголь пріѣхалъ среди чтенія, тихо подошелъ къ двери и всталъ у притолки. Прослушалъ, повидимому, внимательно до

конца, но ничего не говорилъ ни съ кѣмъ во весь тотъ вечеръ. Къ Островскому не подходилъ ни разу».

Въ мартѣ 1850 г. комедія, черезъ четыре мѣсяца была напечатана въ *Москвитянинѣ*, упрямо и настойчиво запаздывавшемъ выходомъ своихъ книжекъ, и съ этого времени началась всероссійская извѣстность новаго таланта. Особенно быстро распространилась она по Москвѣ, когда узнали тамъ, что пьеса запрещена для представленія на сценѣ и самъ авторъ отданъ подъ надзоръ полиціи. Воспользовавшись случаемъ сказать объ этомъ въ прежнихъ статьяхъ своихъ, въ настоящее время имѣю возможность сдѣлать дополненіе и разъясненіе, основанныя на свидѣтельствѣ лица, близко стоявшаго къ дѣлу.

Попечитель Московскаго учебнаго округа (потомъ генералъ-губернаторъ Сѣверо-западнаго края, нѣкогда сопровождавшій въ путешествіи по Россіи, вмѣстѣ съ поэтомъ Жуковскимъ, Царя-Освободителя Александра II, бывшаго наслѣдникомъ цесаревичемъ), Влад. Ив. Назимовъ, какъ начальникъ московской цензуры, предварительно прочелъ «Банкрота» графу Закревскому. Однако «негласный комитетъ» изъ Петербурга обратилъ вниманіе министра просвѣщенія графа Уварова (вѣдавшаго всю цензуру), а этотъ, въ свою очередь, Назимова, поручивши ему сдѣлать нѣкоторое вразумленіе автору, что цѣль таланта не только въ живомъ изображеніи смѣшного и дурного, но и въ справедливомъ его порицаніи, въ противопоставленіи пороку добродѣтели, чтобы злодѣяніе находило достойную кару «еще на землѣ». Назимову Алекс. Ник., съ обычною помощію и по совѣту ближайшихъ друзей, отвѣчалъ письмомъ, исполненнымъ достоинства. Между прочимъ онъ сказалъ: «твердо убѣжденъ, что всякій талантъ дается Богомъ для извѣстнаго служенія, что всякій талантъ налагаетъ обязанности, которыя честно и прилежно долженъ исполнять человѣкъ,—я не смѣлъ оставаться въ бездѣйствіи. Будетъ часъ, когда спросится у каждаго: «гдѣ талантъ твой?»

Впрочемъ, столь важная неудача на первыхъ шагахъ, очень чувствительная также и въ матеріальномъ отношеніи, не произвела, какъ извѣстно, глубокаго вліянія на впечатлительнаго автора, сумѣвшаго весьма вскорѣ оправиться отъ внезапнаго и сильнаго удара, побороть въ себѣ естественныя и непріятныя ощущенія острастки, исходившей издалека и свысока. Первымъ же порывомъ осмѣлѣвшаго духа онъ направилъ свой путь къ предопредѣленной цѣли. За «Бѣдною невѣстой» послѣдовали комедіи «Не въ свои сани не садись», за нею и «Бѣдность не порокъ», которыя въ одно

и то же время развѣяли прахомъ гнусныя клеветы литературныхъ недоброжелателей, безплодно искавшихъ въ первой комедіи плагіата, и поставили на чрезвычайную, небывалую высоту нашу родную (выражаясь словами восторженной гр. Ростопчиной) «театральную литературу». Въ артистическомъ же мірѣ совершился коренной переворотъ со всѣми спутниками, присущими крупнымъ явленіямъ: завистью, недоброжелательствомъ и даже расколомъ. Совершилось нарожденіе народнаго театра и тотчасъ за нимъ коренное обновленіе стараго съ перваго же почина на знаменитомъ московскомъ.

Высоко-комическій талантъ Прова Михайловича послѣ легкихъ и веселыхъ ролей, вродѣ офицеровъ въ «Что имѣемъ не хранимъ», какъ манны небесной, дождался ролей: чиновника Беневоленскаго, богатаго и степеннаго въ полную силу коренного русскаго склада купца Русакова и въ конецъ разорившагося бездомнаго гуляки (обычнаго въ Москвѣ типа купеческаго брата или сына) Любима Торцова и проч. Воплощеніе Садовскаго въ живыхъ, всѣмъ знакомыхъ лицахъ драмъ и комедій Островскаго и послѣ Осипа въ «Ревизорѣ» было поразительно, а въ частностяхъ исполненіе предстало какъ совершенно неожиданное новое явленіе. Актеръ какъ бы только и ждалъ этого, подбодряющаго нервы и потрясающаго до вдохновенія, новаго слова. Слѣдомъ за тѣмъ, одно за другимъ безъ отдыха и передышки, свободно вытекали художественные образы, какъ чистыя и свѣтлыя струи изъ неизсякаемаго источника, который до той поры глохъ, не имѣя простора и воли. Всѣмъ существомъ своимъ до увлеченій, столь свойственныхъ этому коренному русскому человѣку, П. М. Садовскій отдался толкованію созданій Островскаго, удѣляя послѣ того лишь изрѣдка по старому и по наряду меньшую дозу усердія дешевымъ ролямъ ежедневнаго театральнаго репертуара. Съ этой поры игра его здѣсь (въ водевиляхъ и переводныхъ комедіяхъ) стала казаться шутками, на досужіе часы отдыха, когда бываетъ забавно и весело самому опроститься до нихъ и легкимъ сердцемъ порѣзвиться и посмѣшить.

Съ этой же поры стала блѣднѣть и свободная, какъ дома, заразительная веселостью, превосходная игра Живокини, неподражаемаго, рѣдкостнаго и единственнаго на русскихъ сценахъ комика-буфа. Забавной, непринужденной шуткой совершенно празднаго оттѣнка стала казаться игра его, не имѣющая иныхъ претензій, кромѣ желанія смѣшить во что бы то ни стало. И это въ особенности сказывалось въ тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда (конечно, съ позволенія начальства и по особому разрѣшенію) этотъ давнишній

любимецъ публики, помимо текста разыгрываемыхъ пьесъ, прибѣгалъ къ неожиданнымъ выходкамъ: останавливалъ онъ въ проходѣ направлявшагося къ выходу офицера до окончанія водевиля и усаживалъ его добродушною, безобидною просьбой посмотрѣть и послушать, что будетъ дальше, въ самомъ концѣ. Начиналъ разсказывать анекдоты изъ своихъ путешествій по провинціи, когда видѣлъ, что товарищи его, актеры или актрисы, замѣшкались въ уборныхъ. Останавливалъ оркестръ, начинавшій уже подыгрывать заключительному куплету, передразнивалъ контрабасъ и укорялъ скрипки въ томъ, что онѣ поспѣшили игрой, когда онъ еще не разсказалъ кое-что изъ того, что хоѣлъ разсказать. Затѣмъ повѣствовалъ о встрѣчѣ на Тверскомъ бульварѣ съ авторомъ водевиля Тарновскимъ, который предложилъ ему на выборъ два заключительныхъ куплета: одинъ отъ имени автора съ просьбою о снисхожденіи къ сочиненію, другой за артистовъ и за ихъ настоящую игру: такъ вотъ онъ теперь хочетъ пропѣть послѣдній, а не тотъ, который началъ играть оркестръ. Иногда онъ любезно рекламировалъ новыя пьесы, и, приглашая (по тексту водевиля) на свадьбу дочери и, встрѣтивъ, конечно, на заданный вопросъ отвѣтное молчаніе публики, своимъ своеобразнымъ голосомъ съ пригнуской, ропталъ: «къ намъ вотъ на свадьбу не хотятъ, а на «Свадьбу Кречинскаго» такъ и ломятся», и т. под. И злоупотреблялъ: понравизшееся публикѣ словечко, вызвавшее хохотъ, любилъ повторять на соблазнъ и на бѣду легкомысленныхъ приказчиковъ изъ Ножовой линіи.

Выходило во всѣхъ случаяхъ такъ, что достаточно было неясныхъ звуковъ знакомаго голоса, раздававшагося еще вдалекѣ за кулисами, какъ уже растворялись на устахъ улыбки и тотчасъ затѣмъ раздавался непрерывный сплошной смѣхъ, переходившій въ откровенный хохотъ. Слышались женскіе взвизги отъ верху до низу, когда начиналъ хозяйничать на сценѣ совсѣмъ по халатному Василій Игнатьевичъ со своими шаловливыми вставками, не имѣвшій соперниковъ и не оставившій однако послѣдователей. Въ руку съ нимъ, ему въ помощь, играла и актриса Акимова, безконечно веселая и живая, и актеръ Ленскій, несомнѣнно даровитый каламбуристъ и острякъ, изготовлявшій и подходящія пьесы, какъ «Принцъ съ хохломъ, горбомъ и бѣльмомъ», какъ «Стряпчій подъ столомъ» и т. под. Случилось однако то, что хотя съ этимъ несомнѣннымъ мастеромъ своего дѣла и давнимъ опытнымъ борцомъ не легко было справляться и отъ него отучать избалованную имъ публику, но и это удалось сдѣлать въ эту эпоху театральнаго вос-

кресенія и явнаго обновленія. И Живокини наконецъ привелось осадить назадъ, встать совершеннымъ особнякомъ и безобидно примириться съ новыми вѣяніями. Увлекся и самъ онъ лично, попытавши силы, но онѣ, набалованныя повадкой и надломленныя годами, не выдержали: въ шаржированномъ костюмѣ, съ пересоломъ въ гримировкѣ, Живокини не былъ живымъ лицомъ въ роли Карпа Карпыча въ картинахъ московской жизни «Не сошлись характерами». Онъ перестарался, кого-то пересмѣялъ, просто пошутилъ и совсѣмъ характера роли не понялъ, подобно тому, какъ не въ силахъ уже былъ проникнуться цѣлями автора въ Любимѣ Торцовѣ и самъ великій комикъ Щепкинъ. Въ этой роли онъ не имѣлъ успѣха.

Охотно вскочилъ съ кровати и весело и бойко выбѣжалъ изъ «Комнаты съ двумя кроватями» С. Васильевъ, валявшійся тамъ на одной изъ нихъ, и велъ пустячные разговоры для выясненія какихъ-то совсѣмъ не серьезныхъ недоразумѣній,—выбѣжалъ для того, чтобы возродиться въ Бородкинѣ. Въ лицѣ его, вмѣсто ожидаемаго смѣха, онъ вызвалъ одной лишь фразой непритворныя слезы и откровенныя всхлипыванія простодушныхъ натуръ, совершенно обманутыхъ представленіемъ и окончательно на этотъ разъ забывшихъ о театральной сценѣ. Въ Васильевѣ счастливый авторъ умѣлъ найти ту надежную опору, какъ и въ Садовскомъ, на которой твердо укрѣпился громадный успѣхъ его сценическихъ произведеній на все то время, пока этому артисту не измѣнило зрѣніе и красота его глазъ не сдѣлалась причиною его преждевременной смерти. Идя въ уровень съ сильнымъ товарищемъ, Васильевъ также вдумчиво относился къ принятымъ на себя ролямъ, понимая какую важную отвѣтственность онъ несетъ передъ художественной литературой, передъ русскимъ обществомъ въ этомъ служеніи своемъ житейской правдѣ. Ей оставались они оба, Садовскій и Васильевъ, послѣдовательными и были точными до самыхъ мелочей, не тяготясь и не пренебрегая незначительными вводными лицами. Въ примѣръ, поученіе и руководство послѣдующимъ поколѣніямъ оба умѣли изъ небогатаго матеріала создавать нѣчто такое, что у зрителей не забывается десятками лѣтъ. Васильевъ, чтобъ оттѣнить алозначущую роль всего въ какихъ-нибудь десятокъ словъ, приалъ ей такой комическій оттѣнокъ, что она дѣлалась цвѣтистою навсегда памятною. Играя кучера въ картинахъ московской жизи «Не сошлись характерами» (на дворѣ), болѣе задорнаго и храбго, чѣмъ первый, и такого молодца, что «хоть сейчасъ подъ черееса»,—онъ надѣлъ на голову огромную кучерскую шляпу по са-

мыя уши, на плечи напялилъ армякъ съ широкими полами и длиннымъ подоломъ. Въ такомъ нарядѣ всей фигурой онъ казался гораздо ниже своего обыкновеннаго роста. Артистъ и путался въ полахъ армяка, когда говорилъ, что все объ войнѣ думалъ до того, что раскипѣлось сердце, и потряхивалъ не по головѣ шляпой, когда поддакивалъ о французѣ, который придетъ «и разоритъ, потому сила». А искусно и находчиво умалилъ онъ свой ростъ также и для того, чтобы рѣзче оттѣнить и выпуклѣе представить послѣдующій насмѣшливый окрикъ кухарки:

— Охъ, воины! Сидя на печкѣ воюете. Видно, не страшна война, только утиши Господи!

Онъ же, С. В. Васильевъ (впрочемъ, какъ и всѣ другіе по неизмѣннымъ московскимъ традиціямъ), не переставалъ играть въ то время, когда ему не полагалось ролей. Исполняя также вводную роль Разлюляева въ «Бѣдность не порокъ», умѣлъ оживить и подцвѣтить ее. Съ молодцовской ухваткой расхаживалъ онъ щеголькомъ между дѣвицами, пощелкивая орѣшками, и съ ухорскимъ вывертомъ потчивалъ ихъ изъ синяго платочка. Словомъ, все было на счету и полагалось въ смѣтѣ, чтобъ играла жизнь на сценѣ такъ же, какъ и на вольномъ свѣтѣ. И Садовскій въ роли пропоицы Любима Торцова не задумался отыскать и надѣть тотъ сортъ одежи, которая у рядскихъ остряковъ давно извѣстна подъ названіемъ «срамъ-пальто»: не краситъ и не грѣетъ, и удобно лишь въ немъ отъ долговъ бѣгать. Казалось даже и по такимъ мелочамъ, что на этихъ высокихъ праздникахъ рожденія русскаго народнаго театра всѣ, очевидно, воспрянули духомъ и несомнѣнно возликовали сердцемъ. Поддерживая намѣренія автора и служа его высокимъ цѣлямъ, всѣ безъ исключенія, до женскихъ персонажей включительно, помогали ему съ сознаніемъ высокой важности и глубокаго значенія совершавшагося на сценѣ историческаго событія.

Л. П. Косицкая, много уже потратившая силъ на слезливыхъ роляхъ искусственныхъ французскихъ мелодрамъ, достигшая наивысшаго успѣха въ «Материнскомъ благословеніи» (гдѣ и Сергѣй Васильевъ въ роли савояра прыгалъ подъ пѣсенку некрасовскаго перевода: «За моей женой три су, а за мной всего четыре»), воспрянула въ жизненной поэтической Катеринѣ (въ «Грозѣ»). Здѣсь она очаровала самого автора, а въ роли Дуняши («Не въ свои сани не садись») вызывала непритворныя слезы, зачастую доводила до истерикъ болѣе впечатлительную и слабую половину театральныхъ зрителей. Сестры Бороздины (особенно Варвара Павловна въ «Грозѣ») изъ водевильныхъ гризетокъ и ложно-рус-

скихъ горничныхъ преобразились въ подлинныхъ русскихъ дѣвицъ, на всякую стать: скромныхъ и застѣнчивыхъ, бойкихъ и шаловливыхъ, городского пошиба и подлиннаго купеческаго склада.

Всѣ эти исполнительницы со включеніемъ Васильевой (Екат. Ник.) въ той пьесѣ Островскаго, съ которой несомнѣнно началась новая эра, поставленной въ бенефисъ Косицкой («Не въ свои сани) проявили свои таланты въ полную мѣру. Совершеннѣе сыграть было невозможно.

Изъ артистовъ со вторыхъ ролей погодился, придясь ко двору, и Ник. Мих. Никифоровъ, который уже издавна и кстати любилъ пить чай съ купцами въ Охотномъ ряду. Точно также, къ немалому удивленію всѣхъ, любовно и зорко слѣдившихъ за успѣхами сцены, выступилъ въ пьесѣ Островскаго во второстепенной, почти также вводной не легкой роли трактирщика Маломальскаго Степановъ, поразившій мастерскою отдѣлкой ея. Точно и онъ, содержимый въ черномъ тѣлѣ, все время втайнѣ копилъ и сберегалъ свои силы, чтобъ охотливо обнаружить ихъ, когда всѣхъ потребовали къ отвѣту и облегчили его задачами на знакомыя темы. Петръ Гавриловичъ былъ необыкновенный, замѣчательный гримъ, съ такимъ успѣхомъ исполнявшій роль князя Тугоуховскаго (въ «Горе отъ ума»), что императоръ Николай Павловичъ приказалъ вызвать его въ Петербургъ, чтобъ еще разъ доставить удовольствіе императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, признавшей въ этомъ исполнителѣ молчаливой роли одного московскаго сановника. Степановъ, сыгравшій Маломальскаго, удостоился и другой оцѣнки, личнымъ свидѣтелемъ которой былъ Ив. Θед. Горбуновъ, оставившій въ своемъ дневникѣ такую замѣтку.

Вскорѣ послѣ перваго представленія комедіи «Не въ свои сани не садись» зашли они пить чай въ трактиръ Пѣгова (гдѣ теперь ресторанъ «Эрмитажъ»).

— Выпили мы «четыре пары»,—такъ въ то время опредѣлялась порція чаю,—Петр. Гавр. отдалъ половому деньги. Половой черезъ минуту принесъ ихъ обратно и положилъ на столъ.

— Что значитъ?—съ удивленіемъ спросилъ Степановъ.

— Приказчикъ не беретъ,—съ улыбкой отвѣчалъ половой.

— Почему?

— Не могу знать,—не беретъ. Ту причину пригоняетъ...

— Извините, батюшка, мы съ хозяевъ не беремъ,— сказалъ, почтительно кланяясь, подошедшій приказчикъ.

— Развѣ я хозяинъ?

— Ужъ такой-то хозяинъ, что лучше требовать нельзя! Въ

точности изволили представить! И господинъ Васильевъ тоже: «кипяточку!» На удивленіе!...

— За комплиментъ благодарю, а деньги все-таки возьми.

Я привожу этотъ маленькій случай съ небольшимъ актеромъ собственно для того, чтобы показать, насколько, при давно уже упрочившейся связи театра съ публикой, вліяла сцена на первобытную нетронутую русскую природу, когда заговорили о человѣческихъ чувствахъ на общепонятномъ родномъ языкѣ. До изумительно-точнаго художественно обработаннаго языка Островскаго за народную русскую рѣчь выдавалось на сценѣ такое поддѣльное мѣсиво, которое по всей справедливости слѣдуетъ назвать дурацкимъ. «Филатка и Мирошка», водевиль актера Григорьева, прославившагося на весь свѣтъ куплетомъ: «По Гороховой я шелъ, но гороху не нашелъ, а на Малой на Морской капли нѣтъ воды морской», —водевиль, пользовавшійся необыкновеннымъ успѣхомъ даже на дѣтскихъ театрахъ,—считался первымъ произведеніемъ изъ народнаго быта. А между тѣмъ не угодно ли прислушаться къ тому, какъ поютъ на сценѣ мужички петербургскаго издѣлія по наблюденіямъ столичныхъ знатоковъ и сценическихъ изслѣдователей и толковниковъ (кстати сказать, эти пейзаны къ тому же всѣ безъ исключенія патріоты самаго приторнаго свойства). Григорьевскій мужикъ поетъ:

Русскихъ знаетъ цѣлый свѣтъ:
Не съ руки намъ чванство,—
Правду молвилъ я иль нѣтъ,
(*обращаясь къ публикѣ*)
Пусть рѣшитъ дворянство.

Никогда и ни одинъ изъ русскихъ театровъ не достигалъ до такой высоты совершенства и вліянія, до какой поднялся къ серединѣ текущаго столѣтія Московскій театръ. Произошло это, благодаря необыкновенно счастливому соединенію разнообразныхъ талантливыхъ силъ, создавшихъ извѣстныя традиціи, живыя и дѣйствительныя тамъ и въ наши дни, и выразилось въ томъ, что всѣ роды драматическихъ произведеній находили себѣ первоклассныхъ исполнителей. Геніальный трагикъ Мочаловъ, увлекавшій своею игрою до чрезвычайныхъ восторговъ самую требовательную публику, донашивалъ на своихъ могучихъ плечахъ классическую трагедію и драму. Высокая комедія также властительно пользовалась своими законными правами и блистательно отвоевывала ихъ съ такими вождями, какъ Грибоѣдовъ и Гоголь и такимъ пособникомъ, какъ М. С. Щепкинъ, звѣзда котораго къ тому времени, когда вы-

ступилъ Островскій, еще блистала яркимъ свѣтомъ. Подъ особой защитой высокой комедіи укрылся и ужился вѣтреный весельчакъ, безобидный острякъ и безстрастный потѣшникъ, привозный гость,— водевиль, счастливѣе и богаче всѣхъ прочихъ заручившійся поклонниками и защитниками. При такихъ условіяхъ сцена, угождая репертуаромъ рѣшительно всякому вкусу, а при подобныхъ исполнителяхъ самому требовательному, возобладала небывалымъ вліяніемъ на общество богатой и купеческой Москвы. Такого вліянія въ равной степени нельзя наблюдать ни въ какомъ другомъ городѣ, хотя бы также университетскомъ и также торговомъ.

Мочалову (едва ли не изъ первыхъ) довелось убѣдиться, на сколько существенно это вліяніе сцены и дѣятельна связь, незримо, но прочно закрѣпляемая ею съ зрителями. Во всякомъ случаѣ онъ первымъ въ счастливомъ избыткѣ воспользовался результатами вліянія своей потрясающей нервы игры на простыхъ людей, не тронутыхъ образованіемъ, и тотчасъ же, какъ только они возъимѣли рѣшимость выйти въ театральную залу изъ затворовъ Замоскворѣчья, оберегавшихся дубовыми воротами и злыми цѣпными собаками. Увлеченіе Мочаловымъ въ наибольшихъ размѣрахъ проявилось именно въ этой средѣ, нуждавшейся въ сильныхъ наркотическихъ средствахъ для подъема душевной энергіи, ежедневно ослабляемой мелкими заботами будничной жизни, направленной исключительно къ наживѣ и сосредоточенной на денежномъ барышѣ и имущественной прибыли. Въ то время, когда художественная, тонкая въ отдѣлкѣ игра Щепкина въ высокихъ комедіяхъ была здѣсь менѣе внятною, чѣмъ въ интеллигентныхъ столичныхъ слояхъ,—у Мочалова была благодарная, воспріимчивая и имъ же самимъ взрыхленная почва въ среднихъ классахъ.

«Купцы наши московскіе (свидѣтельствуетъ его дочь, Ек. Пав. Шумилова) такъ любили отца, что готовы были поллавки отдать за то только, чтобъ онъ побывалъ у нихъ». Не отставали и француженки въ модныхъ и богатыхъ магазинахъ, разсыпаясь передъ нимъ въ любезностяхъ, когда знаменитый трагикъ съ дочерью являлся за покупками.

Если купеческія дѣти просили матерей лепечущимъ языкомъ, це безсильнымъ выговаривать правильно фамилію Косицкой, указать имъ ее на сценѣ, то это совсѣмъ не означало, чтобы Л. П. раздѣляла съ Мочаловымъ успѣхи и славу. Лавры ея и всѣхъ прочихъ выросли въ купеческихъ домахъ уже далеко потомъ, а между тѣмъ уже въ это время 12-тилѣтней дѣвочкѣ — дочери Мочалова, лишь изъ любви къ ея отцу одинъ поклонникъ въ серебряныхъ

рядахъ поднесъ прелестное бриллiантовое колье на шею. При этомъ замѣчательно то, что Мочаловъ своихъ поклонниковъ не баловалъ и, пробиваясь тернистымъ путемъ и расчищая дикую залежь для послѣдующихъ сѣятелей,—знамя независимаго артиста держалъ высоко. Какъ передовому—и уже положительно первому—ему приходилось выводить званiе актера изъ ничтожества, изъ того полупрезрительнаго положенiя, въ какомъ оно долгое время находилось. Когда, въ виду обычая развозить бенефисные билеты по домамъ, ему совѣтовали поступить такъ же, увѣряя даже, что купецъ Гучковъ приготовилъ въ подарокъ серебряный сервизъ цѣною въ 500 рублей, Пав. Ст. отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ:

— Билеты на бенефисъ актера Мочалова продаются въ кассѣ Большого театра.

Затѣмъ послѣ Мочалова надо было явиться Островскому съ народными драмами и комедiями, чтобы, смягчивъ и уничтоживъ кое-какiя противорѣчiя и недоразумѣнiя, разомъ повернуть симпатiи Москвы въ другую сторону, остановить ихъ на новомъ мѣстѣ и здѣсь навсегда закрѣпить.

Благодаря Островскому, сцена сдѣлалась въ общественномъ мнѣнiи своею, родною, «нашей московской». Театръ изъ храма увеселенiй превратился въ школу, и въ ней совершилось неожиданное чудо. Авторъ, проникшiй во всѣ тайны темнаго царства и выставившiй ихъ на всеобщiй судъ и осужденiе,—и артистъ, одухотворявшiй съ равнымъ искусствомъ и очевидною правдой и крикливый порокъ и молчаливую добродѣтель, сдѣлались излюбленными друзьями этихъ самыхъ героевъ комедiй. Уваженiе обоимъ великимъ художникамъ оказывалась всюду и всѣми также великое. Они сдѣлались дорогими гостями. За высокую честь стали считать ихъ вниманiе и посѣщенiя; къ ихъ рѣчамъ съ восторгомъ и благоговѣнiемъ прислушивались. И сотворила такiя чудеса художественная правда, выведенная на сцену, не только въ средѣ образованныхъ изъ купечества, успѣвшаго зачислиться въ интеллигенцiю, но и среди тѣхъ «дикихъ» избалованныхъ достаткомъ самодуровъ, которыхъ особенно не щадилъ авторъ, и въ нихъ дѣйствительно еще не кончилась борьба темнаго злого духа съ добрымъ началомъ. И эти въ одинаковой степени широко растворяли двери своихъ крѣпко запертыхъ домовъ прямо въ гостиныя комнаты съ аляповатою мебелью старыхъ рисунковъ, съ застоявшимся затхлымъ запахомъ забытыхъ покоевъ, которые только что передъ приходомъ дорогихъ гостей были подметены и провѣтрены, а открывались и освѣщались лишь на такiе исключительные случаи.

Степень нравственнаго вліянія произведеній Островскаго на публику въ главномъ выдающемся сословномъ представительствѣ ея жителей, съ самыхъ первыхъ пьесъ, сдѣлалась на столько очевидной, что не нуждается въ примѣрахъ и доказательствахъ. Особенно сильное возбуждающее впечатлѣніе на «купеческую» Москву произвела драма «Бѣдность не порокъ», съ 25 января 1854 года до послѣдняго дня Масляницы не сходившая со сцены. И все это между тѣмъ происходило въ то тяжелое время, когда помрачился политическій горизонтъ и до патріотической русской столицы, хотя и медленно и въ искаженномъ, по обычаю, видѣ доходили недобрыя вѣсти о севастопольскомъ погромѣ.

Очевидецъ, свидѣтель первыхъ успѣховъ этой счастливой пьесы, И. Ѳ. Горбуновъ былъ поставленъ въ благопріятныя условія наблюденій за тѣми впечатлѣніями, какія были вызваны ею въ средѣ московскаго купечества. Мастерскими штрихами наблюдательнаго художника онъ сумѣлъ оттѣнить оба результата, вызванные неподражаемою игрой Садовскаго, съ которымъ Горбуновъ былъ въ это время неразлучнымъ, сопровождая его всюду, откуда получались приглашенія на хлѣбъ-соль или чашку чая.

Въ одномъ случаѣ онъ былъ свидѣтелемъ такого привѣта, полученнаго Садовскимъ:

— Ну, Провъ Михайлычъ, такое ты мнѣ,—московской первой гильдіи купцу Ив. Вас. Н—ву,—уваженіе сдѣлалъ, что въ ноги я тебѣ долженъ кланяться. Какъ вышелъ ты, я такъ и ахнулъ! Да и говорю женѣ (увидишь,—спроси ее): смотри, говорю,—словно бы это я!... Борода только у тебя покороче была,—ну вотъ, какъ есть! Это, говорю, на меня критика. Даже стыдно стало: сижу въ ложѣ-то, да кругомъ и озираюсь,—не смотрятъ ли, думаю, на меня. Ей-Богу! А какъ заговорилъ ты про тарантасъ, я такъ и покатился! У меня тоже у Макарья случай съ тарантасомъ былъ.

И онъ разсказалъ, какъ съ Нижегородской ярмарки возвращался онъ въ Москву и три дня не вылѣзалъ изъ тарантаса.

Горбуновъ записалъ, между прочимъ, и такую исповѣдь Садовскому одного изъ московскихъ купеческихъ самодуровъ, по поводу именно игры Любима Торцова:

— Вѣрите, Провъ Михайлычъ, я плакалъ. Ей-Богу плакалъ! Какъ подумалъ я, что со всякимъ купцомъ это можетъ случиться... страсть! Много у насъ, по городу *), ихъ такихъ ходитъ: ну,

---

*) Разумѣя, конечно, Гостиный дворъ съ прилегающими окрестностями. Упомянутый здѣсь случай благотворенія не выдуманъ.

подашь ему,—а что бы это жалѣть... А васъ я пожалѣлъ,—именно, говорю, пожалѣлъ. Думаю: Господи, самъ я этому подверженъ былъ,—ну, вдругъ! Вѣрьте Богу, страшно стало! Домъ у меня теперь пустой: одинъ въ немъ существую, какъ перстъ. И чудится мнѣ, что я ужъ и на паперти стою, и руку протягиваю... Спасибо, голубчикъ! Многіе, которые изъ нашихъ, можетъ очувствуются.. Я теперь, братъ, ничего не пью,—будетъ! Все выпилъ, что мнѣ положено!... Думаю такъ: богадѣльню открыть... Которые теперича старички,—въ Москвѣ много ихъ!—пущай грѣются. Вотъ именно мнѣ эти ваши слова: «какъ я жилъ, какія я дѣла выдѣлывалъ!» Ну, честное мое слово,—слезы у меня пошли.»

Сверхъ купеческихъ домовъ, куда на-расхватъ приглашались нашъ драматургъ и его толкователь, компанія Островскаго любила посѣщать по субботамъ веселые и разнообразные вечера Булгакова,—не Павла, бросившаго на сцену кошку вмѣсто букета петербургской танцовщицѣ Андреяновой, а другого брата — Константина Александровича. У этого всѣ друзья Островскаго были своими людьми, умѣло соединенные въ такую бесѣду, подобной которой не было, конечно, во всей Москвѣ, благодаря тому, что и самъ хозяинъ не былъ заурялнымъ человѣкомъ. Онъ было отлично образованъ и даровитъ: прекрасно рисовалъ, мастерски игралъ на рояли и подъ аккомпаниментъ ея безъ голоса умѣлъ обаятельно передавать суть глинкинскихъ романсовъ. Сверхъ всего, владѣлъ онъ необыкновенно добрымъ сердцемъ.

Посѣтители булгаковскихъ вечеровъ, на Дмитровкѣ, въ домѣ Щученка, куда К. А. перебрался по смерти отца, назывались «субботниками». Заведена была книга-альбомъ, въ который каждый изъ посѣтителей обязанъ былъ, при поступленіи, собственноручно вписывать свою фамилію. Кн. П. А. Вяземскій, при проѣздахъ черезъ Москву бывавшій у Булгакова, значится въ числѣ субботниковъ и въ альбомѣ имѣются его стихотворенія. Вообще стиховъ было много, въ особенности Б. Н. Алмазова. А. Н. Островскій также охотливо, вмѣстѣ съ друзьями, посѣщалъ эти собранія и, слѣдуя общему закону кружка, внесъ и свою лепту, и, по примѣру большинства, также стихотворную—«Къ ней» или «Объ ней», но во всякомъ случаѣ вызванную молодымъ настроеніемъ въ пору развлеченій и любви. Хотя, благодаря внѣшней формѣ, стихи могли быть прочитаны при постороннихъ свидѣтеляхъ, но въ нихъ все-таки скрывалось истинное увлеченіе влюбленнаго и стихотвореніе предъявлено было въ видѣ признанія, но искусно за-

маскированнаго шуткой. Свидѣтелями были обычные посѣтители вечеровъ: чуть не ежедневный Садовскій, Мих. Ник. Лонгиновъ, скульпторъ Рамазановъ, музыкантъ-композиторъ Дютшъ, остроумный Б. Н. Алмазовъ и отставной актеръ Максинъ, служившій большимъ утѣшеніемъ и развлеченіемъ общества. Онъ иногда, среди оживленнаго разговора, задавалъ вопросы, совершенно не вытекающіе изъ темы бесѣдъ, и вставлялъ замѣчанія, вызывавшія общую веселость, а временами даже и непріятную досаду. При такомъ-то вмѣшательствѣ Максина, когда онъ, по привычкѣ, усвоенной на сценѣ, всталъ въ важную позу и сдѣлалъ серьезную мину, являя изъ себя видъ знатока, прочиталъ А. Н. Островскій свое стихотвореніе:

Снилась мнѣ большая зала
Свѣтомъ облита,
И толпа подъ звуки бала
Полъ паркетный колебала
Пляской занята.

— Прекрасно! — воскликнулъ Максинъ. — Живая картина!

У дверей — оффиціанты
И хозяинъ самъ.
И гуляютъ гордо франты,
И сверкаютъ брилліанты
И глаза у дамъ.

— Необыкновенная поэтическая картина! Ну-съ! — не отставалъ Максинъ.

— Да не мѣшайте, Петръ Алексѣичъ!

— Я не мѣшаю: я преклоняюсь передъ поэтомъ.

Воздухъ ароматно-душенъ,
Легкимъ тяжело.
Къ атмосферѣ равнодушенъ
Женскій полъ совсѣмъ воздушенъ,
И одѣтъ голо...

— Да! Къ сожалѣнію, въ нашемъ великосвѣтскомъ обществѣ дамы одѣваются...

— Ахъ, Петръ Алексѣевичъ!

— Молчу!

И отважно и небрежно
Юноши глядятъ.
И за дочками прилежно,
Проницательно и нѣжно
Маменьки глядятъ.

Всюду блескъ, кенкеты, свѣчи,
Шумный разговоръ,
Полувзгляды, полурѣчи,
Бѣломраморныя плечи
И бряцанье шпоръ.

—

Вальсъ въ купчихахъ неумѣстно
Будитъ жаръ въ крови,
Душно, весело и тѣсно,
Кавалеры повсемѣстно
Ищутъ визави.

— Виноватъ, я думалъ, что это въ великосвѣтскомъ обществѣ, — не переставалъ Максинъ, говоря все тѣмъ же напыщеннымъ тономъ голоса, къ какому привыкъ на сценѣ, играя въ трагедіяхъ.

Вотъ межъ всѣхъ красавицъ бала
Краше всѣхъ одна.
Вижу я, что погибало
Отъ нея сердецъ немало,
Но грустна она.

—

Для нея толпа пируетъ
И сіяетъ балъ,—
А она неглижируетъ,
Что ее ангажируетъ
Чуть не генералъ.

— Превосходно!

— Да отстаньте, Петръ Алексѣичъ!

Чтеніе прерывается. Стихотвореніе полностью вносится въ альбомъ Булгакова, какъ въ протоколъ веселаго засѣданія.

Геній думъ ее объемлетъ
И молчатъ уста.
И она такъ сладко дремлетъ,
И душой послушной внемлетъ
Что поетъ мечта.

—

Какъ все пусто! То ли дѣло,—
Какъ въ ночной тиши
Милый другъ съ улыбкой смѣлой
Скажетъ въ залѣ опустѣлой
Слово отъ души.

—

Снятся ей другія рѣчи...
Дворъ покрыла мгла...

И, накинувъ шаль на плечи,
Для давно желанной встрѣчи
Въ садъ пошла она.
. . . .

Слѣдомъ за этимъ стихотвореніемъ Щепкинъ собственноручно вписываетъ стихотвореніе Пушкина «Полководецъ». Онъ также читалъ его и здѣсь, какъ равно и любимое стихотвореніе про Жакартовъ станокъ, которымъ онъ всегда занималъ публику на благотворительныхъ концертахъ и литературно-драматическихъ вечерахъ. Это, какъ извѣстно, дало поводъ Б. Алмазову сказать въ одномъ изъ стихотвореній:

И Щепкинъ не разъ про Жакартовъ станокъ
Разсказывалъ намъ со слезами,
И самъ я отъ слезъ удержаться не могъ,
И плакали Корши всѣ съ нами *),

«Она» стихотворенія Островскаго и его увлекшагося сердца принадлежала къ интеллигентной семьѣ и въ комедіи, по толкованію его живыхъ комментаторовъ, оказалась въ семьѣ небогатаго чиновника, подъ именемъ Марьи Андреевны. Находилась «она» въ очень схожихъ условіяхъ жизни, какъ и дочь вдовы Незабудкиной. Вообще на «Бѣдную невѣсту» будущимъ комментаторамъ придется обратить особое вниманіе, тѣмъ болѣе, что эта, одна изъ самыхъ раннихъ пьесъ, писалась подъ впечатлѣніемъ ближайшей среды, когда горизонтъ міровоззрѣній автора еще не развернулся въ полную мощь и сумма наблюденій не была еще настолько богата, какъ впослѣдствіи. При обобщеніи характерныхъ чертъ дѣйствующихъ лицъ комедіи свободно и естественно могли подвернуться тѣ, которыя присущи нѣкоторымъ друзьямъ автора, можетъ быть изъ его же кружка, какъ, наприм., Милашинъ, и, кромѣ того, конечно, случайные знакомцы, хотя бы по кратковременной службѣ автора въ одномъ изъ московскихъ присутственныхъ мѣстъ (каковы: старый стряпчій Добротворскій и служащій чиновникъ Максимка Бе-

*) Извѣстная семья, замѣчательная выдающимися дѣятелями: старшій, Евгеній Ѳедоровичъ Коршъ, недавно скончавшійся въ глубокой старости, принадлежалъ литетурѣ, какъ и братъ его Валентинъ Ѳедоровичъ, бывшій редакторъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Младшій братъ, Леонидъ, извѣстенъ былъ въ Петербургѣ, какъ владѣлецъ экипажной фабрики, изготовлявшей самыя фешенебельныя и прочныя рессорныя кареты, коляски и проч. Изъ сестеръ одна была замужемъ за извѣстнымъ нашимъ критикомъ Аполлономъ Алекс. Григорьевымъ, другая—за К. Д. Кавелинымъ, третья—профессоромъ университета Никитой Ив. Крыловымъ четвертая—за московскимъ богачомъ А. К. Куманинымъ, а пятая расцвѣтала въ дѣвицахъ во время молодости Ал. Ник. Островскаго.

неволенскій *). Въ Хорькова вложены тѣ общія субъективныя черты, которыя присущи робкимъ и безхарактернымъ людямъ кореннoго русскаго склада, ударяющихся при роковыхъ неудачахъ въ загулъ, но вовсе нѣтъ надобности искать здѣсь какого-то отвѣта коварной измѣнницѣ отъ страстно влюбленнаго и отвергнутаго поклонника. Могло пройти и это событіе живымъ и вчерашнимъ на зоркихъ глазахъ юнаго и впечатлительнаго автора. Конечно, и его исключительному темпераменту, какъ избранника, не только не меньше, но въ значительной степени въ болѣе крупныхъ дозахъ отпущено было запаса нѣжныхъ чувствъ, для проявленія ихъ, какъ законной дани молодости. Затѣмъ всесильная мода на альбомы и всемогущій обычай свидѣтельствовать свои влюбленныя чувствованія стихами извѣстныхъ поэтовъ, а того лучше собственнаго сочиненія, соблазнили и молодого драматурга нашего. И онъ не избѣгъ общей участи: къ нему, конечно, также предъявлялись эти требованія въ ту пору, когда романтическое настроеніе еще не искоренилось и замоскворѣцкія дѣвы поглядывали на луну и задумывались надъ пылающими сердцами, зарисованными въ ихъ альбомы. Молодой Островскій представлялъ изъ себя стройнаго юношу, одѣтаго щеголевато, а по полученіи первой платы отъ Погодина за «Свои люди», даже по послѣдней парижской модѣ. Онъ пѣлъ романсы и пѣлъ превосходно, очень мелодичнымъ теноромъ, какъ свидѣтельствовала въ печати одна изъ знакомыхъ его въ этой ранней молодости. Съ годами онъ началъ полнѣть, пріобрѣталъ солидную посадку и перестaлъ въ довольной мѣрѣ напоминать собою то время, когда онъ былъ еще начинающимъ писателемъ **). А такъ какъ въ то же время онъ становился великимъ, то долгъ нашъ, обязывающій сохранять въ памяти все то живое, чѣмъ высказывался его устанавливающійся характеръ, невольно понуждаетъ кстати и къ слову привести нижеслѣдующій акростихъ, написанный въ скромномъ и теперь уже потерянномъ альбомѣ:

Зачѣмъ мнѣ не данъ даръ поэта,
Его и краски, и мечты?
Нашлась нужда теперь на это.
Аврору, майскіе цвѣты
И всё на свѣтѣ красоты

*) Въ Беневоленскомъ знающіе люди находятъ схожія во многомъ черты съ извѣстнымъ оригиналомъ, профессоромъ университета по каѳедрѣ Римскаго права.

**) — „Вотъ что дѣлаютъ годы: изъ Аполлона я превратился теперь въ Посейдона“ — шутливо острилъ надъ собою Ал. Ник. близко знавшимъ его въ молодости друзьямъ своимъ въ Петербургѣ.

Давно бы описалъ я смѣло,
А васъ писать — другое дѣло.

Рядомъ со стихотворными шутками, облегченными знаніемъ роднаго языка и его формъ, доведеннымъ, можно сказать, до виртуозности, у Островскаго шло прислужливое изученіе неизвѣстныхъ еще пріемовъ въ живой рѣчи и усыновленіе ихъ, при помощи сцены, въ литературномъ языкѣ. Опыты, какъ извѣстно, оказались настолько удачными, что многія слова и выраженія получили права гражданства и нѣкоторыя изъ нихъ узаконены, какъ новыя пословицы, или уличныя поговорки. Родную рѣчь онъ любилъ до обожанія, и ничѣмъ нельзя было больше порадовать его, какъ сообщеніемъ новаго слова или неслыханнаго имъ такого выраженія, въ которыхъ рисовался новый порядокъ живыхъ образовъ или за которыми скрывался неизвѣстный циклъ новыхъ идей. Это привело его къ серьезной работѣ составленія особаго словаря съ своеобразнымъ толкованіемъ, которая, конечно за недосугомъ, не могла быть доведена до конца. Тѣмъ не менѣе наслѣдникамъ автора представилась возможность дать 2-му отдѣленію академіи наукъ цѣнный подарокъ въ образчикахъ, которые удалось набросать Островскому въ черняках
ъ его посмертныхъ рукописей.

Много словъ, взятыхъ изъ его произведеній, прошло въ обиходъ и досужливому наблюдателю не трудно будетъ выдѣлить ихъ и занести, какъ новость и особенность, въ словарь, подобно словамъ «метеорское званіе», «доказывать», «патріотъ своего отечества», «черты изъ жизни» (на красныхъ носахъ невоздержныхъ гулякъ) и проч., за которыми скрываются цѣльныя представленія и картины, обрисовываются оригинальные характеры и живые типы *). Всѣ, имѣвшіе случаи слушать его бесѣды и принимать въ нихъ участіе, не откажутся подтвердить, какую массу мѣткихъ замѣчаній разбросалъ онъ безслѣдно съ легкостью богатаго и расточительнаго владѣльца.

---

*) „Метеорское званіе“, которое носилъ знаменитый Любимъ Торцовъ, и сейчасъ примѣняется съ удобствомъ ко всѣмъ лицамъ подобной печальной профессіи метеоровъ и который съ придаткомъ характеристики „тепленькаго“, „чуть тепленькаго“, тѣняются настоящіе, безвозвратно потерянные. „Доказываетъ“(свое превосходство)— ›мается надменный человѣкъ, не желающій слушать чужихъ мнѣній и не умѣющій вѣчать по неразвитости; мысли въ разбродѣ и голова занята лишь самимъ собой; рдо глядитъ, односложными словами отвѣчаетъ, покручивая усы и даже мимоходомъ глядывая въ зеркало, и т. п. Объемъ статьи затрудняетъ дальнѣйшія наблюденія этомъ направленіи. Примѣненіе различныхъ выраженій изъ произведеній Островаго къ случайнымъ обстоятельствамъ обиходной жизни Горбуновъ довелъ также до ртуозности. Модестъ Писаревъ также знаетъ почти всего Островскаго наизусть.

Глубина наблюденій всегда являлась первою на глаза и вела къ прямому убѣжденію, насколько богато одарена была эта талантливая натура, которой однако не помирволила судьба. Богатой природѣ не дано было настоящаго образованія въ строгомъ смыслѣ этого слова, по зависимости отъ обстоятельствъ того суроваго времени, когда началъ расти и развиваться самобытный природный талантъ. Ему не удалось сдѣлаться спеціалистомъ, пригоднымъ на государственную службу, такъ-называемымъ «сихъ дѣлъ мастеромъ», но та же университетская неудача не помѣшала найти путь къ истинному призванію. Не многимъ удавалось выбиваться изъ навязанной или вынужденной колеи и за свой счетъ попасть на прямую дорогу при чрезмѣрныхъ усиліяхъ. Въ прежнихъ статьяхъ объ Островскомъ я имѣлъ случаи указать на рѣзкіе и выдающіеся примѣры и, теперь при занесеніи въ этотъ списокъ Островскаго, тѣмъ не менѣе не приходится считать это общеевропейское явленіе кореннымъ русскимъ. Въ самомъ же виновникѣ недовольство собой и эта досада на вынужденное несовершенство было довольно глубоко и искусно скрыто. Въ явѣ это могло проявляться (и то лишь отчасти) въ той хвастливости, которую засчитывали Ал. Ник., — явный недостатокъ, правду сказать, рѣзко бросавшійся въ глаза. Въ сущности же неудержимое стремленіе прихвастнуть собой и повеличаться небывалыми и даже невозможными въ его положеніи качествами и достоинствами, всего вѣрнѣе слѣдуетъ отнести ко времени выхода изъ незамѣтнаго положенія въ общественной средѣ и къ той забалованной привычкѣ, отъ которой отставать ему не хотѣлось, а окружающіе усиленно не дозволяли. Привычка эта, конечно, пріобрѣтена была имъ главнѣйшимъ образомъ въ ту пору, когда ранніе успѣхи и тотчасъ слѣдовавшая за ними слава захватили его въ молодыхъ лѣтахъ неустоявшимся. Не было опыта жизни и достаточныхъ силъ удержаться отъ угара, чтобъ ослабить охмѣляющій наплывъ лести и слѣпого повсюднаго поклоненія. Эта хвастливость не была однако продуктомъ отталкивающаго чванства или гордаго самомнѣнія. Она носила самый невинный характеръ, доходившій нерѣдко до забавныхъ крайностей въ тѣхъ случаяхъ, когда въ виду чужихъ дѣйствительныхъ заслугъ на него быстро нападалъ капризъ равняться и даже первенствовать на словахъ, какъ бы изъ боязни остаться на задахъ въ обидномъ положеніи неумѣлаго или неспособнаго. За то, если кто изъ людей, къ нему близкихъ, проявилъ извѣстное признанное за нимъ дарованіе, то въ глазахъ и на словахъ Островскаго не

было уже человѣка лучшаго и высшаго. Привязанность здѣсь была искренняя и прочная, и даже не безъ крайности и увлеченія. Личная же похвальба во всякомъ случаѣ явилась не только странною, но и совершенно ненужною даже и въ это время. Все, что успѣлъ Островскій сдѣлать въ своей трудовой литературной жизни, произведено было имъ съ образцовымъ и изумительнымъ совершенствомъ, и Ал. Н—чу некому было завидовать.

Мнѣ, между прочимъ, довелось быть свидѣтелемъ того, насколько были вразумительны, сильно трогая и глубоко проникая, тѣ мѣста его произведеній, которыя отдѣлалъ онъ съ наибольшимъ успѣхомъ и любовью. И это право отпущено его таланту въ исключительный даръ за то, что онъ съ уваженіемъ относился къ каждой написанной имъ строкѣ; и затѣмъ, конечно, могъ отстоять каждое слово имъ выпущенное, любой эпитетъ, имъ подвѣшенный, ловко и въ надлежащую мѣрку.

— Слово «упаточилась» очень извѣстное и употребительное. Да и у меня въ рукописи написано оно такъ четко, что ненадобно и разбирать,—съ явнымъ досаднымъ упрекомъ и замѣтнымъ недовольнымъ чувствомъ отвѣчалъ онъ Горбунову, бывшему еще неизвѣстнымъ переписчикомъ и спросившему его объ этомъ словѣ собственно для того лишь, чтобы въ первый разъ въ жизни услышать его голосъ (до той поры онъ видѣлъ его только издалека).

С. Максимовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПАННА РОЗА.

Элизы Ожешковой.

Переводъ съ польскаго.

Во всю мою жизнь я не приходилъ въ такое изумленіе, какимъ меня преисполнилъ разсказъ, если хотите, признаніе, почтеннаго, просвѣщеннаго, пріятнаго, но, главнымъ образомъ, очень, очень богатаго пана Северина Дорши. Когда говоритъ такой человѣкъ, вѣрить необходимо, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, кто бы могъ допустить? кто бы могъ разсчитывать? Значитъ правильно повелѣно человѣку, чтобъ онъ не былъ судіею своего ближняго. Да, да! Иногда въ глубинѣ чьего-нибудь сердца скрывается такой бриллiантъ, что и самъ регентъ англійской короны поблѣднѣетъ передъ нимъ. Только одно око Божіе и видитъ его...

Развѣ только одно око Божіе могло видѣть, что панна Роза вообще обладаетъ какимъ-нибудь бриллiантомъ, потому что для людскихъ глазъ это такая неинтересная и ничего не значащая фигурка, что ее можно видѣть сто разъ и не узнать, встрѣтившись нечаянно,—встрѣчаться сто разъ и не испытывать ни малѣйшей охоты сблизиться съ нею. Ни молодости, ни красоты, ни блестящаго ума, ни общественнаго положенія, — однимъ словомъ, ничего такого, что приближающемуся къ ней человѣку могло бы принести какую-нибудь пользу и побудить сойтись покороче. Если женщина красива, скажемъ—хотя не безобразна, хотя бы только молода, то мужчина можетъ разсчитывать на болѣе или менѣе пріятныя вещи; если она обладаетъ выдающимся умомъ, остроуміемъ, талантомъ, то, кромѣ пріятной бесѣды и не менѣе пріятнаго раздраженія любопытства, которое возбуждаетъ всякая недюжинность, тутъ еще въ перспективѣ представляется нѣкоторый отблескъ, отбрасываемый большимъ блестящимъ предметомъ на тѣхъ, кто къ нему приближается. Наконецъ, умъ, въ настоящее время, какъ мужчи-

нѣ, такъ и женщинѣ даетъ выгодное положеніе въ свѣтѣ. Если женщина занимаетъ это положеніе не сама по себѣ, а по милости мужа, все равно, никто не станетъ доискиваться, откуда она взялась,—брилліанты, хранящіеся въ ея головѣ и сердцѣ становятся болѣе видимыми. Но существуетъ такая категорія женщинъ, что еслибъ онѣ вдругъ разсѣялись въ воздухѣ и исчезли, никто бы не замѣтилъ ихъ отсутствія, а замѣтивъ, не вздохнулъ бы о томъ. Очень часто эти женщины бываютъ работящими, дѣятельными, услужливыми, какъ будто вѣчно извиняющимися за то, что живутъ на свѣтѣ, и, несмотря на то, не возбуждаютъ къ себѣ ни симпатіи, ни уваженія. О, нѣтъ! Сѣмена такихъ чувствъ черезчуръ дороги, чтобы разбрасывать ихъ по безплоднымъ долинамъ, коли они могутъ дать урожай только на плодоносныхъ возвышенностяхъ. Къ числу такихъ долинъ собственно и принадлежала панна Роза, которая, въ качествѣ бѣдной родственницы и домоправительницы, проживаетъ въ извѣстномъ и уважаемомъ домѣ нашего почтеннаго, милаго, гостепріимнаго и богатаго пана Януарія. Я говорю «нашего» потому, что имѣю честь быть сосѣдомъ съ Двòрками и считаться близкимъ знакомымъ, чуть не другомъ ихъ владѣльцевъ. Хорошее имѣніе и—не заложенное. Уже одно то обстоятельство, что у пана Януарія нѣтъ долговъ, что-нибудь да значитъ въ глазахъ его сосѣдей,— всякому пріятно быть въ знакомствѣ и дружбѣ съ феноменомъ. Еслибы братъ пана Януарія былъ живъ, имѣніе представлялось бы въ другомъ видѣ, его пришлось бы дѣлить, но бѣдный Брòнекъ давно уже пересталъ попирать ногами землю. Почему онъ пересталъ попирать ногами землю, объ этомъ въ Двòркахъ когда-то говорили потихоньку, а потомъ и говорить перестали... забыли. Помнили о томъ, можетъ быть, сосны лѣса, который начинался около самаго барскаго дома и тянулся далеко-далеко, да *должна* была помнить панна Роза... Вообразите себѣ, господа, вещь трудную для воображенія: она была обручена съ роднымъ братомъ нашего милаго и уважаемаго пана Януарія, съ тѣмъ бѣднымъ Бронкомъ, который такъ напрасно... Ну, это все равно; важенъ всѣмъ извѣстный фактъ, что когда-то панна Роза была невѣстой одного изъ красивѣйшихъ и богатѣйшихъ молодыхъ людей нашего околотка. Sic transit gloria mundi!

Однако, говоря правду, и теперь еще, еслибъ кто-нибудь пристально всмотрѣлся бы въ нее, тотъ могъ бы найти не только слѣды, но можетъ быть и остатки прежней красоты. Что-жъ, она не молода, но и не особенно стара, только всматриваться въ нее охотниковъ нѣтъ, да, кромѣ того, панна Роза, какъ свѣчка при солн-

цѣ, становится незамѣтною въ присутствіи пани Изы. Да, нашъ околотокъ можетъ справедливо похвастаться тѣмъ, что обладаетъ этой женщиной, румяной, какъ заря, бѣлой, какъ молоко, осанистой, какъ царица, и, въ добавокъ, еще умной, да!... И еслибъ она была очень красива,—нѣтъ! ротъ у нея черезчуръ широкъ, русые волосы черезчуръ рѣдки, — за то кожа лица, какъ кровь съ молокомъ, ростъ высокій, тѣло полное, уста кораловыя. Еслибъ она была очень образована или талантлива, — и того нѣтъ; но у нея есть смѣтливость, которая сама по себѣ составляетъ извѣстный сортъ ума, и не какого-нибудь, а приводящаго къ благамъ... конечно, не того, загробнаго, невѣдомаго міра, а здѣшняго, практическаго, ядущаго, піющаго и смачно храпящаго міра. Первымъ доказательствомъ этой смѣтливости былъ ея бракъ съ паномъ Януаріемъ.

Вдовецъ, съ тремя дѣтьми, съ значительно посѣдѣвшими волосами, съ совершенно сѣдыми усами, съ излишнимъ румянцемъ толстаго лица и съ ожирѣвшей низенькой фигурой, нашъ дорогой и уважаемый панъ Януарій влюбился въ дѣвушку, напоминающую іюльскій полдень, но не имѣющую ни гроша ломанаго за душой. Я, можетъ быть, черезчуръ сильно сказалъ, что панъ Януарій влюбился,—и годы его были уже не такіе, и самъ онъ никогда не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые стремятся къ небеснымъ сладостямъ. Панна Иза пришлась ему по вкусу, понравилась, а такъ какъ Дворки — имѣніе хорошее и не заложенное, то зачѣмъ пану Януарію было отказывать себѣ въ лишней утѣхѣ на короткомъ и тернистомъ жизненномъ пути? Онъ присватался и только одни дураки могли удивляться, что панна Иза приняла его предложеніе.

А дураки были, и такіе, которые приходили въ изумленіе, и такіе, которые огорчались. Какой-то молокососъ, прозябающій на маленькомъ хуторишкѣ, такъ безумно былъ влюбленъ въ панну Изу, такъ огорчился ея поступкомъ, что продалъ свой хуторишко и поѣхалъ на край свѣта. Но все это одинъ пустой и глупый романтизмъ.

Факты же представляются такъ, что пани Иза живетъ себѣ въ Дворкахъ какъ царица, окруженная роскошью, удобствами, всеобщимъ уваженіемъ и дворомъ, въ которомъ ея мужъ является въ качествѣ перваго маршала.

Нужно знать, что нашъ разсудительный и въ другихъ случаяхъ энергичный панъ Януарій находился подъ сильнымъ, очень сильнымъ вліяніемъ жены; иные даже утверждаютъ, что онъ боится ея.

Я лично не думаю, чтобъ онъ боялся. Имѣніе все-таки принадлежитъ ему, — пани Иза пользуется какою-то частью, — а кому принадлежитъ имѣніе, тотъ — господинъ положенія и бояться ему некого.

Но тридцать лѣтъ разницы въ супружескомъ союзѣ, это — резонъ, допускающій извѣстную, такъ сказать, склонность къ нѣкоторымъ уступкамъ со стороны той, на которую падаютъ невыгоды этой разницы. На этой сторонѣ и энергіи меньше, и всегда какое-то невольное сознаніе не то своей вины, не то приниженности.

Вотъ и въ этомъ союзѣ: если кто уступаетъ кому, то онъ ей; если кто терпитъ отъ кого, то онъ отъ нея, — такой порядокъ водворила пани Иза, а вѣдь всякій признаетъ, что величайшая мудрость человѣка состоитъ въ томъ, чтобы нести какъ можно меньше тяготы.

Есть люди, которые утверждаютъ, что страданія имѣютъ свою хорошую сторону, воспитываютъ сердце, закаляютъ духъ и дѣлаютъ еще что-то въ такомъ же родѣ.

Все это басни! Страданіе портитъ здоровье, сокращаетъ жизнь, покрываетъ лицо морщинами, губитъ аппетитъ и всякій, насколько возможно, избѣгаетъ этого лѣкарства, только не всякій избѣжать сумѣетъ.

Наша милая пани Иза сумѣла избѣжать его, и хотя можетъ быть правду говорятъ, что она не особенно умна и образована, но за то смѣтлива.

Но возвратимся къ паннѣ Розѣ.

Сколько разъ она ни представала въ моемъ воображеніи на-ряду съ пани Изой, столько же разъ приходило мнѣ въ голову: однако, какое богатство контрастовъ существуетъ на этомъ свѣтѣ!

Панна Роза не особенно малаго роста, но очень худа, лицо у нея блѣдное, одѣвается она всегда въ сѣрое и, въ присутствіи видной, свѣжей, щегольски одѣтой пани Изы, кажется какой-то тонкой и полинялой ниткой рядомъ съ развернутой штукой яркой, шурщащей и плотной матеріи.

Отношенія между барынями, натурально, такія, какія должны ыть между начальницей и подчиненной, — женщиной, которой судьа благопріятствовала, и той, которой судьба не оказала ни маѣйшей симпатіи.

Когда панъ Януарій передъ свадьбой просилъ невѣсту, чтобъ на дозволила остаться на мѣстѣ паннѣ Розѣ, его бѣдной родственицѣ, воспитавшейся въ его домѣ и теперь по-матерински ухажи-

вающей за его дѣтьми, панна Иза охотно согласилась на его просьбу, а потомъ говорила моей сестрѣ, съ которой была и до сихъ поръ состоитъ въ большой дружбѣ:

— Что мнѣ помѣшаетъ, если эта старая дѣва будетъ жить у насъ? Напротивъ, она будетъ заниматься хозяйствомъ и избавитъ меня отъ массы скучнѣйшихъ дѣлъ. Къ тому же, эти дѣвочки... мальчикъ еще ничего, онъ постарше, но двѣ маленькихъ дѣвчонки могли бы костью стать поперекъ моего горла. Пускай она присматриваетъ за ними и дѣлаетъ все, что для нихъ нужно. Конечно, пусть остается; я даже назначу ей какое-нибудь жалованье.

Но панна Роза сначала истолковала свое отношеніе къ хозяйкѣ дома иначе. Позволеніе заниматься дѣтьми и хозяйствомъ она приняла съ благодарностью, приняла и назначенное жалованье, хотя и раньше получала его и даже въ большемъ размѣрѣ. Но, кромѣ занятій съ одной стороны и жалованья съ другой, ей нужно было и еще что-то. Я знаю это въ подробностяхъ отъ своей сестры, довѣреннаго лица пани Изы.

И вотъ, вскорѣ послѣ прибытія въ Дворки молодой хозяйки, панна Роза какъ-то припала къ ея колѣнямъ и предложила, чтобъ онѣ, то-есть она и пани Иза, были сестрами.

Она говорила о своей привязанности къ пану Януарію, къ его дому, къ его дѣтямъ, о томъ, что жену своего единственнаго родственника готова полюбить какъ сестру.

Пани Иза, со свойственной ей всегдашнею разсудительностью, отвѣтила:

— Милая панна Роза, у меня двѣ сестры, но я не могу сказать, чтобы во время нашей совмѣстной жизни въ домѣ папа мы доставляли бы другъ другу большое удовольствіе. Я очень уважаю васъ и въ моемъ домѣ вы будете пользоваться всякими удобствами, но пустыхъ словъ я не люблю. Взаимная любовь, сестры!... Зачѣмъ толковать, коли мы не сестры и любить намъ другъ друга надобности не представляется? Лучше жить безъ фикцій!

Когда предложенный проектъ былъ такимъ образомъ отвергнутъ, панна Роза намекнула, что недурно бы имъ говорить другъ другу ты.

— Эти вѣчные титулы такіе холодные... Говори мнѣ: ты, Роза, а я буду говорить: ты, Иза. Это гораздо теплѣй и сближаетъ людей.

— Хорошо,—отвѣтила пани Иза.—По совѣсти говоря, мнѣ вовсе не холодно и я не знаю, произойдетъ ли какая-нибудь перемѣна отъ того, кто какъ кого называетъ. Но если это доставитъ вамъ удовольствіе...

И, при малѣйшей возможности, пани Иза говорила ей по-прежнему: вы, панна Роза.

Панна Роза поняла и больше уже никогда не касалась этого предмета.

Однако такія хилепькія и блѣдненькія существа бываютъ иногда чрезвычайно упрямы. Сидитъ въ нихъ что-то такое, какая-то неистощимая симпатія или другая какая-нибудь «фикція» въ подобномъ же родѣ, и вѣчно побуждаетъ ихъ производить опыты, которые вѣчно не удаются.

Такъ и панна Роза, не смущаясь послѣдовательнымъ паденіемъ своихъ проектовъ, еще нѣкоторое время пробовала поймать молодую хозяйку въ сѣти нѣжности и къ титулу «пани» добавляла прилагательныя, вродѣ «дорогая», «милая», «золотая», угождала ей какъ малому ребенку, восхваляла ея молодость, свѣжесть, красоту и тотъ здравый умъ, отъ котораго она сама была такъ безконечно далека.

Пани Иза услуги и восхваленія принимала какъ нѣчто вполнѣ ей приличествующее, прилагательныя, сопровождающія титулъ «пани», благосклонно сносила, но идти дальше по этой дорогѣ не имѣла ни охоты, ни желанія.

И сколько разъ панна Роза, болѣе яркимъ и выразительнымъ способомъ, ни выказывала стремленіе осуществить свои мечты о сближеніи, столько же разъ пани Иза удерживала ее словами:

— Хорошо, хорошо, милая панна Роза, только безъ этихъ фикцій.

Я никогда не могъ уяснить себѣ, что̀ именно подъ этимъ словомъ подразумѣвала пани Иза: притворство, обманъ, или безуміе, или иллюзію.

Выговаривала его она всегда съ мимолетною складкой на бѣломъ лбу, немного скрививъ свои кораловыя губки. Все это, взятое вмѣстѣ, составляло такъ-называемую гримасу, очень милую, которая шла ей къ лицу. Всякой хорошенькой женщинѣ дозволяется дѣлать гримасы, которыя идутъ ей къ лицу.

Но на панну Розу все это производило впечатлѣніе, окончательно разсѣивающее ея заблужденіе.

Она охладѣла и утихла.

Утихла совсѣмъ, потому что и панъ Януарій, который прежде игралъ съ нею и выказывалъ къ ней дружбу, теперь, занятый молодою женой и постоянными гостями, почти пересталъ говорить съ панной Розой, почти пересталъ даже обращать на нее вниманіе.

Сначала, вѣрный старой привычкѣ, онъ еще иногда присажи-

вался къ ней, здороваясь и прощаясь, цѣловалъ у нея руку, но пани Иза тихо, со своею красивою гримаской, всегда останавливала его:

— Януся, только безъ этихъ фикцій!

Порою она измѣняла фразу:

— Безъ этихъ нѣжностей!

Панъ Януарій началъ остерегаться, скоро утратилъ прежнія привычки и къ паннѣ Розѣ обращался только по какимъ - нибудь хозяйственнымъ надобностямъ, коротко, сухо, какъ къ лицу, которое отправляетъ какія-нибудь обязанности, но само по себѣ совершенно ничего не значитъ.

И панна Роза утихла, да такъ совершенно, что, бывая часто въ домѣ уважаемаго пана Януарія, я не помню, слышалъ ли ея голосъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Положимъ, и странно было бы, еслибъ она говорила, коли съ ней никто не говорилъ.

Тѣмъ не менѣе во всемъ околоткѣ домъ пана Януарія самый оживленный. Да почему же бы и нѣтъ? Комнаты большія, хорошо меблированныя, есть чѣмъ дышать и на чемъ отдохнуть, пріемъ— отличный, потому что панъ Януарій гастрономическую науку произошелъ до тонкости, хозяюшка молода, красива и страстно любитъ играть въ винтъ.

Владѣльцы Дворковъ обожаютъ винтъ, она больше, чѣмъ онъ.

Но есть и такіе, которымъ это не нравится. Они утверждаютъ, что нехорошъ этотъ, недавно введенный у насъ обычай, чтобы молодая, полная силъ и здоровья женщина половину жизни, а то и болѣе, проводила за картами.

Прежде,— говорятъ они, — только старыя барыни, уложивъ своихъ внуковъ и прочитавъ вечернія молитвы, садились играть въ марьяжъ со старыми сосѣдями, да и то на короткое время.

Все это правда, но, во-первыхъ, не всякое лыко ставится въ строку; во-вторыхъ, одинъ вѣкъ съ другимъ не сходится, а нашъ вѣкъ, милостивый государь, — вѣкъ декадентства, атеизма, космополитизма, меланхоліи, Панамы и вѣкъ винта.

Правда, въ то время, о которомъ я говорю, Панамы еще не было, за то винтъ царилъ повсюду.

Рѣдкій день Дворки не навѣстятъ хоть двое человѣкъ изъ сосѣдей, чаще пріѣзжаютъ по нѣсколько, даже по десятку человѣкъ и больше.

Хозяева и гости играютъ до двухъ, до трехъ часовъ ночи, потомъ расходятся спать и встаютъ около полудня. Но и въ теченіе

сокращеннаго такимъ образомъ дня совершается множество пріятныхъ дѣлъ: вице-завтракъ, завтракъ, обѣдъ, полдникъ, вице-ужинъ, ужинъ.

Въ интервалахъ немного бесѣды, немного музыки, въ хорошую погоду небольшая прогулка, а все остальное время посвящается возлюбленному винту.

Всѣ мы, гости пана Януарія, за исключеніемъ пана Дорши, очень любимъ его, а пани Иза любитъ въ особенности.

Женщина если любитъ что-нибудь или не любитъ, то всегда не на шутку.

Моя сестра, Идалія, однажды, смѣясь, сказала:

— Винтъ—это любовникъ пани Изы!

И она сказала правду.

Нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы не чувствовалъ потребности истратить на какой-нибудь предметъ избытка своихъ чувствъ и энергіи, а пани Иза не тратитъ ихъ ни на что и ни на кого... хотя еслибъ достойнѣйшій панъ Дорша при всемъ своемъ умѣ не былъ бы такимъ дуракомъ, то, можетъ быть...

Но объ этомъ послѣ. Довольно сказать, что наша милая и добрая хозяюшка была очень плохою хозяйкой.

Въ комнатѣ панны Розы на комодѣ стоялъ сундучокъ, наполненный ключами, на столѣ лежали счетныя книги.

Часто во время разговора или карточной игры мнѣ приходилось заглядывать въ окно.

На дворѣ дождь, ненастье, грязь или снѣгъ, морозъ или такая вьюга, что вокругъ все шумитъ, воетъ и свищетъ, а худощавая фигурка въ сѣромъ платьѣ и ватной кофточкѣ бѣжитъ по двору по направленію къ сараю, къ прачечной, къ молочной, къ флигелю, гдѣ находится помѣщеніе для гостей.

За нею по пятамъ слѣдуетъ поваръ съ кастрюлями или прачка съ корзинами бѣлья, или еще кто-нибудь изъ служащихъ.

Однажды, когда она такъ быстро бѣжала по снѣгу, я замѣтилъ на ея черной кофтѣ два какихъ-то ярко-розовыхъ пятна, да и не я одинъ. Кто-то другой обратилъ на это вниманіе.

— Что это, неужели панна Роза сорвала на снѣгу два тюльпана?

Но младшая изъ барышенъ, блондинка Мариня, объяснила намъ ›имъ грустнымъ голоскомъ, въ чемъ дѣло:

— О, нѣтъ, у нея руки такъ раскраснѣлись отъ холода. Бѣдч тетя!

А наша милая пани Иза, которая какъ разъ въ эту минуту по-

казывала на зеленомъ столѣ какую-то коронку, заслышавъ нашъ разговоръ, невольно посмотрѣла на свою довольно крупную, но бѣленькую, пухленькую ручку, сверкающую кольцами, истинно аппетитную ручку хорошо откормленной баловницы.

За нѣсколько минутъ до трапезы панна Роза появляется въ столовой, осматриваетъ сервировку, дирижируетъ лакеями и поминутно смотритъ на часы.

И вотъ когда хозяйка дома во главѣ гостей входитъ въ большую, нарядную столовую,—пріятно посмотрѣть на накрытый столъ: все такъ чудесно устроено, разставлено, разложено.

При помощи наемника никогда не добьешься, чтобы пиршественный столъ, да еще много разъ въ сутки, представлялъ такой образецъ порядка и изящнаго вкуса.

А виновница этого порядка тихонько сидитъ себѣ на самомъ концѣ стола и молчитъ, какъ рыба.

Мы всѣ, бывало, весело болтаемъ и смѣемся, запивая вкусныя яства, приходимъ въ самое пріятное расположеніе духа, а она, словно птица, клевнетъ что-нибудь съ тарелки и сейчасъ же положитъ вилку, а сама такъ и слѣдитъ глазами за прислугой, а если видитъ, что все идетъ по порядку, уставится глазами въ скатерть и задумается, какъ будто совсѣмъ не принадлежитъ къ этому міру.

И вотъ именно тогда-то мой взглядъ, притягиваемый ужъ я не знаю какою силой, не разъ обращался къ ней.

Жаль мнѣ ее было, что ли, или разбирало любопытство узнать, что можетъ чувствовать и думать эта женщина? Можетъ быть ей вспоминался ея бывшій женихъ, красивый, милый, богатый Бронекъ?

И, пристально присматриваясь къ гладкимъ прядямъ волосъ, окаймлявшихъ ея постоянно поникшій и изрѣзанный тонкою сѣтью морщинъ лобъ, я находилъ въ деликатномъ овалѣ ея щекъ, въ длинѣ рѣсницъ, въ очертаніи страдальчески сжатыхъ губъ остатки прежней красоты.

Еслибъ ее кто-нибудь отогрѣлъ, развлекъ, излѣчилъ, одѣлъ бы хорошенько, она еще не одну молодую заткнула бы за поясъ.

А пока что, она все больше и больше худѣла и желтѣла, а такъ какъ наша пани Иза выказывала къ ней больше нерасположенія, то для всѣхъ насъ она становилась все менѣе и менѣе замѣтною, такъ что въ концѣ только я одинъ видѣлъ, что она существуетъ на свѣтѣ, да и то украдкой.

Никто, кромѣ меня и моей сестры Идаліи, не зналъ о причинѣ

нерасположенія, которое возникло противъ такого незамѣтнаго существа въ сердцѣ всѣми уважаемой и любимой владѣтельницы Дворокъ.

Прежде всего, я долженъ сказать, что нашъ околотокъ, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, до сихъ поръ изобилуетъ множествомъ богатыхъ обывателей, обладающихъ множествомъ разнообразныхъ достоинствъ, но какъ итальянскій тополь возвышается надъ липами и кленами, такъ и среди своихъ сосѣдей выдѣлялся панъ Северинъ Дорша.

Чего только ни захочешь, все найдешь въ этомъ человѣкѣ: и статную фигуру, и красивое, осмышленное лицо, и, если позволите выразиться, кристальную чистоту и честность, и, кромѣ того, большое, совсѣмъ большое состояніе.

По блеску его черныхъ глазъ, по свѣжему цвѣту лица, никто не могъ бы дать ему пятидесяти лѣтъ, и хотя сѣдина кое-гдѣ серебрится въ его волосахъ, цвѣта воронова крыла, а лобъ слегка изборожденъ морщинами, наши барыни утверждаютъ, что это только увеличиваетъ его обаяніе, свидѣтельствуетъ объ обиліи мыслей, тѣснящихся въ его прекрасной головѣ, и о страданіяхъ, которыя встрѣтили его, но не погнули его стройный станъ.

Панъ Дорша обладаетъ прекраснымъ домомъ, библіотекой, картинной галлереей и другими рѣдкостными вещами, хозяйство ведетъ великолѣпно, а сосѣдей ссужаетъ всѣмъ,—совѣтами, книжками, денежными пособіями и проч.

Взамѣнъ этого сосѣди очень уважаютъ его, но чтобъ очень любили его, этого я не скажу, ибо кто плыветъ къ человѣческому сердцу по рѣкѣ Добра, тотъ никогда не достигнетъ своей цѣли.

Самая прямая и правильная дорога,—это на кабакъ Веселье и на большой городъ Дюжинность.

Къ тому же разница вкусовъ часто становится преградой на дорогѣ къ любви.

Панъ Дорша не любитъ много вещей, которыя нравятся его сосѣдямъ, и наоборотъ.

Сдержанный, всегда чѣмъ-то очень занятой, онъ рѣдко съ кѣмъ вступаетъ въ фамильярныя отношенія и, вслѣдствіе этого, однихъ отталкиваетъ, на другихъ наводитъ скуку, третьимъ мѣшаетъ веселиться.

Однако, несмотря на то, никто не осмѣлится сказать о немъ ни одного дурного слова, знакомство съ нимъ считается за честь,—это первое, а второе за средство спасенія въ минуту опасности.

Въ Дворкахъ панъ Северинъ бывалъ не часто и, позволю сказать, велъ себя въ этомъ, всѣмъ любимомъ и уважаемомъ, домѣ не совсѣмъ такъ, какъ слѣдуетъ.

Насколько мы всѣ обожали пани Изу за ея прекрасную фигуру, свѣжій цвѣтъ лица, смѣтливость и умѣнье играть въ винтъ, настолько же панъ Дорша равнодушенъ къ ней. Онъ только соблюдаетъ всѣ требованія вѣжливости, но не больше.

Разговариваетъ онъ съ нею какъ можно меньше и не выказываетъ при этомъ никакого удовольствія и,—этого мы рѣшительно не можемъ переварить,—здороваясь и прощаясь съ нею, никогда не цѣлуетъ ея ручки.

Возьметъ онъ эту бѣленькую, толстенькую ручку, едва дотронется, и выпуститъ изъ своей руки.

А ея рука такъ и дрожитъ отъ желанія, чтобъ его суровыя уста запечатлѣли на ней поцѣлуй, можетъ быть потому, что эти уста такъ суровы и такъ мало склонны для поцѣлуевъ.

Однажды мы садились обѣдать, когда у крыльца остановился кабріолетъ пана Дорши. Смотрю, наша пани Иза раскраснѣлась такъ, какъ будто на нее кто-нибудь вылилъ горшокъ кипятку,—уши и шея такъ и горятъ.

Но это скоро прошло и, когда уважаемый гость занялъ мѣсто напротивъ нея, хозяйка сдѣлалась такою молчаливою, несмѣлою, какъ будто ее кто подмѣнилъ.

Въ теченіе всего обѣда она ни разу гордо не откинула назадъ своей головки, не состроила ни одной милой гримаски, не сдѣлала мужу ни одного предостереженія.

Въ присутствіи пана Дорши ничего: ни гордости, ни гримасъ, ни споровъ о томъ, что тотъ пошелъ не съ той карты, съ какой слѣдовало.

Пани Иза молчитъ, опускаетъ глазки и, — обратите вниманіе,—ни съ того, ни съ сего начинаетъ заговаривать о книжкахъ.

Она болтаетъ вздоръ, не знаетъ, что панъ Дорша человѣкъ очень начитанный, и хоть отчасти хочетъ выказать и свою начитанность.

Послѣ обѣда она не хочетъ играть въ винтъ, сажаетъ за себя мужа, а сама разговариваетъ съ паномъ Доршей. Нужно же, чтобы кто-нибудь изъ хозяевъ занималъ гостя, который одинъ изъ всей компаніи не играетъ въ карты.

«Ну,—думаю себѣ, — если наша пани Иза отказалась отъ партіи, то значитъ... Да и что-жъ удивительнаго? Панъ Януарій въ

сравненіи съ паномъ Севериномъ то же, что кустъ можжевельника въ сравненіи съ могучимъ дубомъ.

Наконецъ, кто можетъ отгадать, почему одного человѣка тянетъ къ другому? Какъ бы то ни было, Идалія застала однажды бѣдную панну Изу всю въ слезахъ. Умная, кажется, женщина, но и на нее пришла очередь обычной человѣческой глупости. Помилуйте, не обращаетъ вниманія на то, что слезы портятъ красоту, и плачетъ!

— Отчего,—говоритъ,—я не познакомилась съ нимъ раньше, чѣмъ вышла за Януарія? Зачѣмъ я такъ спѣшила выйти замужъ? Еслибъ я подождала, мы, ничѣмъ не связанные, встрѣтились бы когда-нибудь!

Она не сомнѣвалась, что еслибъ не была замужемъ, онъ влюбился бы въ нее и взялъ себѣ въ жены.

Въ значительной степени она была права,—такія именно женщины и оказываютъ большее вліяніе на мужчинъ. Одалиски!

— Онъ такой сдержанный,—продолжала пани Иза,—никогда не покажетъ, что влюбился въ замужнюю женщину.

Она думала, что панъ Северинъ изъ-за сдержанности таитъ свою любовь къ ней, и эта сдержанность являлась солнцемъ, подъ лучами котораго таяли дѣвственные снѣга ея души.

— Что мнѣ эти щелкопёры, которые прыгаютъ передо мною, какъ воробьи! И безъ нихъ есть у меня сокровище! Вотъ тотъ такъ мужчина!

Не всякій знаетъ, сколько разносторонней, искренней и высшей правды иногда кроется въ восклицаніи женщины: «Вотъ тотъ, такъ мужчина!»

Наконецъ, ни съ того, ни съ сего, она привязалась къ паннѣ Розѣ.

— Знаешь, Идалія,—изливалась она передъ моей сестрой,—эта поганка вретъ ему на меня что-нибудь, я увѣрена, вретъ, и отталкиваетъ отъ меня.

Выраженіе было не особенно изящное, но въ интимныхъ разговорахъ пани иногда употребляла такія выраженія.

Идалія сразу поняла, что подъ «поганкой» подразумѣвается панна Роза.

— Когда она можетъ врать на тебя?—пробовала Идалія вступиться за панну Розу,—они такъ мало разговариваютъ.

— Однако хоть сколько-нибудь да разговариваютъ! Онъ, какъ и пріѣдетъ, все-таки поговоритъ съ ней и—ты замѣтила?—когда здоровается и прощается, постоянно цѣлуетъ у нея руку. За сто-

ломъ также всегда обращается къ ней. Это какое-то необычайное уваженіе, и даже больше, чѣмъ уваженіе,—прямо симпатія. И за что выказывать такое уваженіе старой дѣвѣ? Какимъ образомъ можно питать симпатію къ такой мокрой курицѣ?

— Что удивительнаго, милая Иза! Они такъ давно знаютъ другъ друга.

Пани Иза отъ негодованія стиснула кулаки.

— Какой вздоръ ты городишь! Такъ давно знаютъ другъ друга... Между человѣкомъ, съ такимъ положеніемъ, какъ онъ, и такою блохой, какъ она, не можетъ быть настоящаго знакомства. Кивнуть головою, пожалуй,—и она, все-таки, женщина,—а смотрѣть на что?

Однако, панъ Дорша смотрѣлъ на панну Розу, и, когда останавливался на изящномъ овалѣ ея лица, которому гладкія пряди черныхъ волосъ придавали выраженіе кротости и спокойствія, его глаза, несмотря на немолодыя лѣта, еще полные блеска и глубины, принимали выраженіе доброты, жалости и грусти.

Однажды, въ присутствіи пана Дорши, пани Иза, вопреки обыкновенію, засѣла играть въ карты.

Не играющіе гости разговаривали съ сынкомъ пана Януарія и съ младшей изъ его дочерей, потому что старшая уже съ годъ пристрастилась къ винту.

Прошло съ четверть часа. Вдругъ пани Иза безпокойнымъ взглядомъ окинула гостиную и живо спросила у пасынка, который сидѣлъ возлѣ окна:

— А гдѣ же панъ Дорша?

Студентъ посмотрѣлъ въ окно и сказалъ:

— Ходитъ съ панной Розой по каштановой аллеѣ и разговариваетъ.

Это было весною. Апрѣльское солнце высушило землю, трава зеленой щеткой выползала по всему пространству сада, великолѣпныя аллеи котораго начинали зеленѣться развертывающимися почками и молодыми листками.

По милости отдаленія, я не замѣтилъ ни жестовъ ихъ, ни выраженія лицъ; я сквозь блѣдно-зеленое кружево видѣлъ лишь, какъ о-бокъ съ высокой, крѣпкой фигурой пана Северина движется сѣрое платье панны Розы.

Пани Иза обратилась къ мужу:

— Януся, позвони и прикажи сказать паннѣ Розѣ, чтобъ подавали закуску.

Обычная закусочная пора еще не наступила, но гостепріимная

хозяйка дома видимо обезпокоилась, какъ бы ея гости не проголодались.

Вскорѣ въ гостиную вошелъ панъ Северинъ, немного грустный, а потомъ послышался стукъ колесъ его экипажа.

— Вы уже уѣзжаете?—воскликнула, видимо огорченная, пани Иза.

Несмотря на усиленныя просьбы хозяевъ, панъ Северинъ не захотѣлъ остаться и уѣхалъ.

Развѣ не было замѣтно, что онъ пріѣзжалъ только за тѣмъ, чтобы поговорить о чемъ-то со старою дѣвой?

А она, когда мы входили въ столовую, только что кончала уборку стола. Я замѣтилъ, что ея худенькія руки дрожатъ, а на блѣдныхъ щекахъ проступаетъ слабый румянецъ.

Никогда я не забуду выраженія глазъ пани Изы, съ какимъ она окинула взглядомъ наклонившуюся надъ столомъ голову панны Розы. Голубые глаза хозяйки, обыкновенно немного сонные, теперь горѣли, жгли, метали молніи.

Еще раньше, въ дверяхъ столовой, она шепнула Идаліи:

— Хорошую подругу выбралъ себѣ панъ Дорша! Подходящая партія!

Садясь за столъ, она громко сказала мужу:

— Януся, ты знаешь новость? Панъ Северинъ Дорша сегодня предложилъ руку паннѣ Розѣ.

Нашъ почтенный панъ Януарій сначала вытаращилъ было свои выпуклые, посоловѣлые глаза, но, видимо желая угодить женѣ, за что-то давно дующейся и не обращающей на него вниманіе, отвѣтилъ ей въ тонъ:

— А, поздравляю, поздравляю, кузина! Очень радъ! Наконецъ-то! Да ужъ и пора! Когда же свадьба?

Шутки, какъ по данному сигналу, посыпались со всѣхъ сторонъ.

Зигмунтъ подскочилъ и, нѣжно обнимая панну Розу, восклицалъ:

— Тетя, вы обѣщаете мнѣ первый вальсъ на вашей свадьбѣ?... А можетъ быть мы теперь попробуемъ... для практики.

Старшая барышня смѣялась:

— Тетя отбиваетъ у насъ, молодыхъ, блестящую партію.

Сестра пани Изы, женщина въ сущности не злая, но вѣчно выманивающая у нея что-нибудь для себя и кучи своихъ дѣтей, тоненькимъ смѣшкомъ повторяла:

— Ну, барышни, никогда не отчаивайтесь! Видите, и до старости не нужно терять надежды.

А ея мужъ грубымъ басомъ выпаливалъ фразы на ужасномъ французскомъ языкѣ:

— Мье во тардъ ке жаме! Шакенъ труфъ сонъ шакюнъ!

Панъ Януарій, обрадованный весельемъ жены, которая покатывалась со смѣху, но видимо дѣлающій надъ собой усиліе, разспрашивалъ:

— Какъ же это было, какъ же это было?

— Какъ было?—переспросила пани Иза, и, дѣлая толстенькими ручками соотвѣтственный жестъ, начала пояснять: — Поэтично, идеально... при закатѣ солнца, въ каштановой аллеѣ... подъ молодыми листочками прохаживается молодая пара.

— Какъ бы только отъ этой вечерней прогулки они не получили насморка.

— Фу, насморкъ и любовь... какое несоотвѣтствіе!

— И между людьми иногда бываетъ несоотвѣтствіе.

Клянусь Богомъ, ни я, ни сестра моя, Идалія, не принадлежали къ этому хору. Что за охота нападать на человѣка ни съ того, ни съ сего!

Притомъ я хорошо видѣлъ, какъ панна Роза при первомъ словѣ пани Изы подняла на нее свои страшно перепуганные глаза.

Я не понималъ, что могло быть причиной ея испуга, и все-таки мнѣ стало жаль ее. Потомъ, когда она убѣдилась, что все это только шутки, то блеснула изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ глазами, сильно разрумянилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ и успокоилась и тотчасъ же начала собирать въ корзину печенье которое разсыпалъ Зигмунтъ.

Въ этомъ блескѣ глазъ, въ этомъ румянцѣ виднѣлся гнѣвъ. Но гнѣвъ тотчасъ же исчезъ, оставивъ послѣ себя на спокойно сжатыхъ устахъ панны Розы какую-то загадочную улыбку.

Можно было подумать, что въ глубинѣ души она сама смѣется надъ тѣми, кто насмѣхался надъ нею.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ она и страдала. Рѣсницы ея дрожали, какъ это бываетъ съ тѣмъ, кто напрягаетъ всѣ силы, чтобы воздержаться отъ рыданія.

— Посмотрите, господа, какое зарево на небѣ. Пожаръ, можетъ быть!—вдругъ крикнулъ я, указывая на окно. Идалія поняла мое намѣреніе и подбѣжала къ окну.

— Не Козёлки ли горятъ, панъ Януарій?

Панъ Януарій съ супругой тоже были уже у окна. Козёлки—это ихъ хуторъ, верстахъ въ двухъ отъ Дворокъ.

Наступило замѣшательство. Всѣ смотрѣли на небо, спорили и

наконецъ пришли къ убѣжденію, что зарево, которое я принялъ за пожаръ, было не чѣмъ инымъ какъ необыкновенно яркимъ, огненнымъ отблескомъ заходящаго солнца.

Насмѣшки обратились въ мою сторону. Вообще въ Двòркахъ существовалъ обычай или мода избирать кого-нибудь изъ присутствующихъ цѣлью шутокъ. Того или другого, ту или другую преслѣдовали то за неумѣнье играть въ винтъ, то за старость, то за молодость, то за плохое веденіе хозяйства или неудачи въ сердечныхъ дѣлахъ.

Остроты вспыхивали какъ ракѐты, раскаты смѣха гремѣли, какъ громъ.

Тѣ, надъ которыми производились подобные эксперименты, волей-неволей смѣясь вмѣстѣ съ другими, выискивали, нельзя ли поскорѣй передать свою роль еще кому-нибудь.

И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Благосостояніе, государь мой, полнѣйшее,—времени свободнаго столько, сколько его протечетъ съ утра до ночи, большая семья, не считая почти постоянныхъ гостей.

Зигмунтъ былъ хорошенькій, стройный мальчикъ, немножко избалованный отцомъ и мачихой. Пани Иза видимо выдѣляла его изъ числа остальныхъ дѣтей и по его поводу часто впадала въ фикцію. Однако, не нужно предполагать, чтобы тутъ было что-нибудь, вродѣ исторіи Федры и Ипполита,—сохрани Боже! Наша пани Иза была настолько разсудительна, чтобы не пускаться въ подобныя греческія авантюры.

Она питала слабость къ Зигмунту, а если женщина питаетъ къ кому-нибудь слабость, то, государь мой, сверните свое знамя, на которомъ изображены вопросы: а зачѣмъ? а почему? а къ чему это ведетъ? и т. д.

Она питаетъ слабость и, конечно, поэтому балуетъ, нѣжитъ, хвалитъ, а что выйдетъ изъ баловня, надъ этимъ не особенно много думаетъ.

Что касается педагогики, то можно сказать, что наша милая пани Иза не имѣла о ней никакого понятія, потому что вѣчно жужжала у мужа надъ ухомъ:

— Дай Зигмунту денегъ! Пошли Зигмунту денегъ побольше!

А когда Зигмунтъ, сначала въ гимназическомъ, потомъ въ студенческомъ мундирѣ, пріѣзжалъ домой, она придумывала для него новые сюрпризы и развлеченія.

Зигмунтъ, какъ всякій человѣкъ, уже по природѣ чуявшій вкусъ къ лакомымъ кускамъ, живой, впечатлительный, увертли-

вый, способный къ наукамъ, но склонный и къ развлеченіямъ, всею грудью вдыхалъ въ себя пріятную атмосферу домашней жизни и, отъѣзжая учиться, запасался этимъ воздухомъ настолько, что пользоваться другимъ у него уже не оставалось ни охоты, ни желанія.

Въ сущности нельзя сказать, чтобъ этотъ мальчикъ пе любилъ панну Розу, которая такъ ухаживала за нимъ во время вдовства пана Януарія. Напротивъ, онъ нѣтъ-нѣтъ да и подбѣжитъ къ ней, заботливо заглянетъ ей въ глаза, скажетъ нѣсколько ласковыхъ словъ.

Онъ только не вступалъ съ ней въ долгія бесѣды. И мачихѣ это не понравилось бы, да и молодому человѣку какое удовольствіе могутъ доставить подобные разговоры?

Однажды, когда панна Роза, занятая приготовленіемъ салата, стояла, повернувшись спиной ко всему обществу, Зигмунтъ подкрался къ ней сзади и ловко вытащилъ двѣ шпильки изъ ея прически.

Вышло нѣчто необыкновенное. Удивительные волосы!... Кое-гдѣ въ нихъ вилась серебряная нить, но черные, какъ чернила, густые и длинные, они разсыпались по ея плечамъ, спустились ниже колѣнъ и всю ея худенькую, сѣрую фигурку покрыли блестящимъ атласнымъ покровомъ.

Обладательница этого сокровища сначала съ испугомъ обернулась назадъ, въ ея темныхъ глазахъ промелькнулъ огонекъ гнѣва и тотчасъ же угасъ, угасъ и румянецъ, выступившій было на худыя щеки. Панна Роза поспѣшно захватила волосы въ обѣ руки, скрутила въ одинъ узелъ на затылкѣ, приколола шпильками, которыя ей возвратилъ Зигмунтъ, и спокойно принялась доканчивать свое занятіе. А вокругъ раздавались взрывы смѣха.

— Іисусъ, Марія! Столько волосъ на головѣ! Стоитъ ли ихъ носить, коли ихъ никто не замѣчаетъ?

Дѣйствительно, до сихъ поръ никому не угодно было обратить вниманіе, какіе волосы у панны Розы.

— Зачѣмъ вамъ, тетя, такіе волосы?—щебетала старшая изъ барышенъ, панна Камилла.—Отдайте ихъ мнѣ, по крайней мѣрѣ они годятся на что-нибудь.

— Я съ удовольствіемъ сдѣлала бы это, милая Камилла,— равнодушно отвѣтила панна Роза, занимая свое послѣднее мѣсто за столомъ.

— О, я никогда не повѣрю этому!—воскликнула пани Иза,— никто по доброй волѣ не разстается съ остатками прежняго великолѣпія.

А ея зять, нашъ остроумный и вѣчно веселый панъ Фаустинъ, скорчилъ уморительную гримасу въ сторону панны Розы, и, значительно покашливая, подхватилъ слова пани Изы:

— До тѣхъ поръ, пока кто-нибудь... кх... кх.... я не знаю кто, а панна Роза, конечно, догадывается... не заявитъ, что не любитъ длинныхъ волосъ у женщины. Въ такомъ случаѣ ихъ придется остричь, потому что лучше имѣть хорошаго мужа, чѣмъ хорошіе волосы.

Этотъ же самый баринъ, собственно недурной человѣкъ, но вѣчно нуждающійся въ подачкахъ шурина, желая отплатить хоть дурачествомъ за оказываемое ему гостепріимство, однажды, когда мы всѣ усѣлись за столъ, принесъ изъ сада отцвѣтающую, наполовину осыпавшуюся розу.

Въ гранатной матросской блузѣ и бѣломъ батистовомъ галстукѣ, съ посѣдѣвшими волосами и пробивающейся лысиной, съ круглымъ лицомъ, сильно покраснѣвшимъ отъ загара, онъ торжественно прошелъ по комнатѣ и поставилъ увядающій цвѣтокъ въ стаканъ передъ приборомъ панны Розы.

Потомъ онъ съ шутливой почтительностью раскланялся и проговорилъ:

— Ски се ресамбль, сасамбль!

Всѣ разразились смѣхомъ.

Въ глазахъ панны Розы снова на мгновенье блеснулъ огонекъ и скрылся за опущенными рѣсницами.

Съ любезностью женщины, принимающей отъ мужчины какую-нибудь легкую услугу, она проговорила:

— Благодарю васъ.

Вокругъ опять взрывы смѣха.

— Стоитъ благодарить, нечего сказать!

— Тетя, если вы хотите, я послѣ обѣда принесу вамъ цѣлый букетъ такихъ цвѣтовъ.

— Принеси и поставь передъ портретомъ Мицкевича.

— Или лучше передъ шкапомъ съ книжками...

Съ портретомъ еще кое-какъ примирялись, — несмотря на здоровую, разсудительную атмосферу дома, никто не рисковалъ особенно издѣваться надъ великимъ именемъ, но шкапъ съ книжками давалъ огромный матеріалъ для шутокъ. Предполагалось, что онъ былъ весь набитъ поэтическими произведеніями, испускающими благоуханіе на всю комнату.

— Однажды я прихожу въ комнату панны Розы, — чѣмъ-то

пахнетъ...—разсказывала пани Иза.—Чѣмъ? ландышами, миртами, ананасомъ.

— Тимьяномъ, лиліей, гіацинтомъ,—подсказываетъ кто-нибудь, болѣе знакомый съ ботаническою номенклатурой.

— Какой-то удивительно старомодный запахъ. Думаю, чтобы это могло быть? Смотрю и убѣждаюсь, что это сквозь щели шкапа благоухаетъ поэзія.

Однажды по поводу этой поэзіи произошла сцена, при воспоминаніи о которой я еще до сихъ поръ краснѣю, но не лицомъ, а душою.

Дѣло было такъ:

Въ Дворкахъ, кромѣ хозяйской семьи, находилось только четверо гостей: сестра пани Изы съ мужемъ и я съ Идаліей.

Мы были совсѣмъ въ своемъ тѣсномъ кружкѣ, и я замѣтилъ, что нашей доброй пани Изѣ какъ-то совсѣмъ не по себѣ.

Мужа она обрывала на каждомъ шагу, на падчерицу фыркала, въ винтъ играла невозможно и за собственныя ошибки мнѣ же бѣдному два раза препорядочно намылила голову.

Еслибъ не уваженіе, приличествующее дамѣ съ такимъ общественнымъ положеніемъ, такой красивой и гостепріимной, то я осмѣлился бы сказать, что она взбѣсилась. Господи, Боже мой! такая прекрасная, богатая, разсудительная женщина и вдругъ— бѣшенство.

Какая-то ломаная линія. Очень жаль, но что-жъ дѣлать, коли въ человѣческомъ обществѣ нельзя найти совершенно прямыхъ линій.

Стѣна должна быть пряма, дерево часто бываетъ прямымъ, садовая дорожка, если садовникъ разобьетъ ее по шнурку, прямёхонько прорѣзываетъ мураву, а человѣкъ нѣтъ.

Будь онъ ужъ я не знаю какъ разсудителенъ, остроуменъ, сколько ни избѣгай «фикцій», всегда найдется въ немъ что-нибудь такое, что искривитъ его линіи въ ту или другую сторону. А паче всего—страсть, страсть, милостивый государь...

Такъ и здѣсь было. Вбила себѣ баба два гвоздя въ голову: первое, что панъ Северинъ не ѣдетъ и не ѣдетъ къ нимъ, а второе, что виною всему панна Роза, наклеветала ему что-то... Конечно, во время прогулки по каштановой аллеѣ наклеветала.

Идалія, воспользовавшись случаемъ, шепнула мнѣ, что пани Изѣ ужасно опротивѣли нѣжности пана Януарія.

— Онъ все больше и больше льнетъ ко мнѣ,—жаловалась она своей пріятельницѣ, а я думаю... о томъ. Какъ это злитъ меня и приводитъ въ отчаяніе.

Конечно, это вполнѣ естественно, но, я думаю, здѣсь было и не безъ бабьихъ вывертовъ. Нѣжности противны ей, а Двôрки со всѣмъ принадлежащимъ къ нимъ?

Поздно вечеромъ, когда мы, послѣ ужина, кончили послѣдній роберъ, пани Иза вышла изъ гостиной и возвратившись чрезъ нѣсколько минутъ, предстала предъ нами раскраснѣвшеюся и едва сдерживающей смѣхъ.

— Хотите видѣть поэтесу? Настоящую поэтесу? Если у нея выстрѣлить надъ ухомъ, то не услышитъ, такъ углубилась въ чтеніе. Поэтому намъ такъ долго и не даютъ фрукты. Комедія! Пойдемте, господа, посмотримъ.

Она такъ мило просила, что мы встали и пошли. Панъ Январій пробормоталъ было:

— Оставь, рыбка! Что тутъ интереснаго?

Но она обрѣзала его:

— Милый Януся, только безъ этихъ капризовъ!

Итакъ, мы встали и отправились.

Прошли мы столовую, еще комнату, и еще, и очутились у дверей комнаты панны Розы.

Ничего особеннаго.

Стѣны оклеены пестрыми обоями, у стѣны—кровать, покрытая бѣлымъ одѣяломъ, на комодѣ сундучокъ съ ключами, въ глубинѣ комнаты шкапъ со стеклянными дверями... этотъ знаменитый шкапъ!

И одна только поражающая вещь: глубокая тишина.

Въ этомъ шумномъ домѣ, съ утра до вечера оглашаемомъ стукомъ стакановъ и тарелокъ, смѣхомъ, радостными восклицаніями, возгласами играющихъ въ винтъ, эта комната казалась оазисомъ такой тишины, что было слышно, какъ за ея окномъ тополь шелестѣлъ листьями подъ дуновеніемъ ночного вѣтра. И лицомъ къ лицу съ этою тишиной и этимъ шелестомъ стояла наша веселая компанія.

На стѣнѣ висѣлъ портретъ Мицкевича, за столомъ, облитая ...ткимъ голубоватымъ свѣтомъ абажура лампы, сидѣла панна ...за. Повернувшись къ намъ профилемъ, она внимательно читала ...жащую передъ ней книжку.

Ея тонкія губы сложились въ мягкую линію, профиль съ от...гливостью бѣлой камеи выдѣлялся на фонѣ голубоватаго свѣта ...ипы, который скрадывалъ темный цвѣтъ ея волосъ и ярче оттѣ...ъ пробивающіяся въ нихъ серебряныя нити.

Она была такъ погружена въ свое чтеніе, что не слыхала нашего приближенія. Положимъ, мы разговаривали очень тихо.

Наконецъ, она вздрогнула, какъ пробужденная отъ сна, обратила къ намъ лицо и, видя, что мы, какъ стадо барановъ, столпились у дверей, спросила:

— Вамъ угодно что-нибудь?

— Ничего, ничего! Намъ только интересно знать, во что это вы такъ углубились?

— Можетъ быть въ Марію Мальчевскаго?

— Можетъ быть это Адольфъ и Марія, или два любовника на берегахъ Днѣстра?

— Э, нѣтъ! Должно быть это поваренная книга Цверцякевитовой.

— Зачѣмъ вы вѣчно сидите за этими книжками и даете поводъ для всякихъ остротъ!—озлобленно заговорилъ панъ Януарій.

Всѣ ворвались въ комнату и окружили панну Розу тѣснымъ кольцомъ. Только мы съ Идаліей остались за дверями, да младшая изъ барышенъ, Мариня.

Ворвавшіеся болтали, точно дѣлали что-нибудь важное:—Покажите, что вы читаете!—Нѣтъ, лучше прочтите намъ что-нибудь!—Хорошая мысль! попробуйте, панна Роза!—Да она, пожалуй, расчувствуется!

Панна Роза, какъ всегда бывало въ такихъ случаяхъ, зардѣлась румянцемъ, да ея глаза вспыхнули изъ-подъ низко опущенныхъ рѣсницъ.

Но прошла минута, и она спокойно взяла со стола развернутую книжку. Только на ея губахъ появилась еле замѣтная улыбка, которую я замѣчалъ не разъ и которою она, казалось, снисходительно улыбалась тѣмъ, кто издѣвается надъ нею.

— Ага! Вы прочитаете намъ страничку объ Адольфѣ и Маріи?

— А можетъ быть о ростбифѣ съ пармезаномъ?

— Сидите смирно! Слушайте!

Съ легкимъ поклономъ, съ какимъ обыкновенно хорошо воспитанная женщина соглашается сдѣлать то, что отъ нея требуютъ, панна Роза сказала:

— Пожалуйста. Если вамъ это доставитъ удовольствіе, я прочту.

И голосомъ, сначала тихимъ, потомъ все болѣе и болѣе увѣреннымъ и звучнымъ, она начала:

О, Господи, печальный и смущенный,
Молю Тебя опорою мнѣ быть:

Мой врагъ, какъ левъ, свирѣпый, разъяренный,
За мной слѣдитъ, чтобъ душу поглотить.
Кто защититъ?... всесиленъ Ты, Единый,
Меня, мой Богъ, спасти изъ пасти львиной.

...Передъ Тобою тайны быть не можетъ,
Людская мысль открыта предъ Тобой
Моей души волненье не тревожитъ,
Я, сердцемъ чистъ, охраны жду святой.
О, Судія Благій и Справедливый,
Всѣмъ по дѣламъ воздастъ Твой судъ правдивый.

Я не все, не въ томъ порядкѣ повторяю то, что она читала, хотя потомъ мы съ Идаліей пытались выучить этотъ псаломъ наизусть. Важно то, что всѣ присутствующіе опѣшили и стояли словно остолбенѣлые, съ открытыми ртами.

Что-жъ подѣлаешь! Въ комнатѣ тихо такъ, что слышно, какъ за окномъ шелестятъ тополя, сквозь рамы заглядываютъ сверкающія среди ночного мрака звѣзды, со стѣны на насъ смотритъ лицо Мицкевича, и худенькая, изящная женщина, облитая голубымъ свѣтомъ лампы, съ тяжелымъ вѣнцомъ черныхъ волосъ на головѣ и съ книжкой въ рукахъ, все болѣе и болѣе усиливающимся голосомъ изливаетъ изъ своихъ устъ ноты пѣсни соловья и Чарноляса *).

Я говорю вамъ, угостила она насъ!

Когда панна Роза кончила, мы пробормотали что-то несвязное и ушли назадъ.

«Она дала пощечину нашему духу», и мы удалились въ смущеніи. При разставаньи, смотрю я, что это такое? Глаза и Зигмунта и Марини какіе-то странные, затуманенные, смущенные, не то мечтательные, не то опечаленные чѣмъ-то.

А панъ Януарій шепнулъ мнѣ на ухо, чтобъ этого не слыхала его супруга:

— Это я отдалъ ей тѣ книжки на память о Бронкѣ. Вѣдь они помолвлены были... какъ же! Ей Богу, были помолвлены и любили другъ друга чуть не съ дѣтства. Счастье миновало ее и потомъ она уже никого не встрѣтила на своей дорогѣ.

И не правда, мы скоро узнали, что она встрѣтила, да только... Впрочемъ, позвольте мнѣ все разсказать это по очереди.

*) Приведенное стихотвореніе составляетъ отрывокъ VII псалма Давида (Domine Deus meus), переложенный Яномъ Кохановскимъ изъ Чарноляса. *Прим пер.*

Послѣ разговора съ панной Розой подъ каштанами, панъ Северинъ долго не пріѣзжалъ въ Двȯрки.

Весна прошла, наступило лѣто, Зигмунтъ давно уже пріѣхалъ домой на вакаціи, а интересный сосѣдъ, ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ и не думалъ показываться. Но наконецъ онъ пріѣхалъ и—нужно же такое несчастное совпаденіе обстоятельствъ!—въ тотъ самый день, когда панна Иза была опять сильно раздражена, на этотъ разъ по случаю долговременнаго отсутствія панны Розы.

Панна Роза еще утромъ заявила, что до вечера не возвратится домой, довѣрила ключи Маринѣ, а сама куда-то ушла.

Всѣ помнили, что такія долгія отлучки бывали иногда, но Мариня утверждала, что это случается только разъ въ годъ.

Управляющій сообщилъ, что встрѣтился съ панной Розой на опушкѣ лѣса и что она скоро исчезла изъ его глазъ за деревьями. При этихъ словахъ панъ Януарій засопѣлъ, несмѣло откашлялся и сказалъ женѣ:

— Оставь, рыбка! Я знаю, куда она пошла. Пусть гуляетъ на здоровье... Велика важность, если одинъ разъ въ годъ.

Пани Иза перебила его:

— Януся, только безъ этого заступничества! Ты всегда заступаешься за нее. Вотъ везетъ этой женщинѣ! Всѣ влюбляются въ нее, можетъ быть и ты также. Тебѣ сначала нужно было бы спросить свое сердце, а я навѣрно ужъ не вступила бы въ соперничество... съ такой красавицей. Ты знаешь, куда она пошла. И я знаю. Я ужъ восемь лѣтъ живу въ Двȯркахъ и каждый годъ слышу эту чувствительную исторію. Какой вздоръ! припомнила старушка утѣхи своей юности... Въ ея годы давно было бы нужно позабыть объ этихъ фикціяхъ. Цѣлый день домъ безъ призора... Не таскаться же Камиллѣ и Маринѣ по кухнямъ и кладовымъ, а то, пожалуй, люди скажутъ, что мачиха обратила ихъ въ своихъ работницъ.

Мариня замѣтила, что распоряженія сдѣланы уже обо всемъ. Пани Иза напустилась на нее.

— И ты за тетеньку заступаешься? Можетъ быть замѣнить ее думаешь? Что? Ты всегда имѣла большую охоту къ хозяйству? Качъ же! Въ головѣ у тебя кружева, вышивки, музыки, танцы, а не хозяйство! Я и не принуждаю тебя,—я мачиха. Пойдутъ толки, что я преслѣдую тебя, обижаю. Интересно знать, что ты скажешь, если къ намъ кто-нибудь пріѣдетъ? Тетенька твоя по ночамъ упивается поэзіей, а днемъ шляется по лѣсу, а ты только и умѣешь, что брякать ключами. Пусть пріѣдетъ кто-нибудь изъ гостей,—увидишь,

сдѣлается ли все по бряканью твоихъ ключей какъ по щучьему велѣнью!

И пріѣхали.

Да кто еще! Самъ панъ Северинъ Дорша, который держалъ свой домъ на широкую барскую ногу и тѣмъ побуждалъ другихъ принимать его такимъ же образомъ.

Теперь и панъ Януарій пожалѣлъ, что панны Розы нѣтъ дома.

Онъ зналъ, что его жена и дочери не вмѣшиваются въ хозяйство, прислуга безъ присмотра можетъ допустить какія-нибудь ошибки, а такія вещи въ Двòркахъ считались вопросомъ первостепенной важности.

Мариня передъ тѣмъ, какъ пригласить къ столу, такъ заботливо потряхивала ключами, что раскраснѣлась какъ мѣсячная роза, но достаточно было бросить одинъ взглядъ, чтобъ убѣдиться, что дыня разрѣзана неправильно, къ кофе поданы чашки несоотвѣтственной величины, вновь нанятый лакей явился безъ бѣлыхъ перчатокъ... и мало ли какихъ ошибокъ и недочетовъ.

Панъ Януарій скрылъ свое недовольство и только сопѣлъ громче обыкновеннаго; сдержалась бы навѣрное и пани Иза, еслибъ не пріѣздъ пана Северина, случившійся такъ некстати.

Мы всѣ усѣлись за закуску. Прекрасная хозяйка съ букетиками гвоздики въ русыхъ волосахъ и съ самой любезной улыбкой начала упрекать пана Доршу за то, что такъ давно не видала его за этимъ столомъ. Но въ это время гость взглянулъ на пустой стулъ панны Розы и спросилъ:

— Я не вижу одной особы изъ вашей семьи. Можетъ быть, она нездорова?

Казалось, что одна мысль объ этомъ повергла его въ сильнѣйшее безпокойство, и это-то именно обстоятельство выбило нашу, всегда разсудительную, пани Изу изъ равновѣсія.

Стремительно и необдуманно опа отвѣтила:

— Вотъ еще! Она здорова какъ нельзя лучше и пошла въ лѣсъ любезничать съ покойнымъ своимъ женихомъ.

Еслибъ она подумала хоть минуту, то не произнесла бы этихъ словъ,—она хорошо соображала, чтò и при комъ можно говорить,— что же дѣлать, кровь не вода! Въ минуту раздраженія истинная ура человѣка выскакиваетъ изъ него, какъ волкъ изъ лѣса.

Панъ Дорша поморщился, какъ будто его что-то кольнуло. Онъ ожительно не могъ выносить всякой шероховатости, а панъ арій, желая смягчить неособенно умѣстныя слова жены, причлъ соболѣзнующимъ голосомъ:

— Это грустная исторія... очень грустная.

— Я хорошо зналъ ее,—отвѣтилъ панъ Северинъ, принимая все болѣе и болѣе угрюмый и недоступный видъ.

Пани Изѣ крайне были непріятны соболѣзнующій тонъ мужа и угрюмый видъ гостя, но, сохраняя въ голосѣ обычную мягкость, она проговорила:

— Милый Януся, ты говоришь такъ, какъ будто этотъ трагическій случай произошелъ мѣсяцъ тому назадъ. Панна Роза такъ... Это было такъ давно.

Ея зять подхватилъ ея слова.

— Ле керъ на па де ридъ!

Тутъ и я осмѣлился вставить свое замѣчаніе:

— Память памяти рознь, уважаемая пани Иза,—одни помнятъ мѣсяцъ, годъ, другіе не могутъ забыть всю жизнь.

Пани Иза пустила въ меня изъ своихъ глазъ убійственную стрѣлу и тотчасъ же отвѣтила:

— Въ особенности, если потомъ ничего не могло запечатлѣться въ памяти.

— Извините, на этотъ разъ могло бы,—сказалъ панъ Северинъ.

Пани Иза съ истинно-чарующей улыбкой отвѣтила ему:

— Съ тѣхъ поръ, какъ панъ Брониславъ уѣхалъ, за панной Розой никто не ухаживалъ, замужъ она выйти ни за кого не могла.

— Извините, могла бы,—повторилъ панъ Дорша.

Онъ поразилъ всѣхъ насъ. Никто и никогда не слыхалъ, чтобъ на панну Розу кто-нибудь имѣлъ виды.

Панъ Дорша молчалъ съ минуту, думалъ, потомъ положилъ ложечку на блюдце и сказалъ совершенно простымъ голосомъ, какъ будто говорилъ кому-нибудь: доброе утро!

— Я три раза просилъ руки панны Розы и три раза получалъ отказъ.

— Іисусъ, Марія!—подскакивая на креслѣ, простоналъ панъ Януарій.

Пани Иза поблѣднѣла, какъ скатерть на столѣ, ея свѣжій румянецъ до капли сбѣжалъ съ ея щекъ.

А достойнѣйшій и богатѣйшій панъ Дорша продолжалъ самымъ обыкновеннымъ тономъ:

— Я долженъ вамъ разсказать, чтобъ разъяснить недоразумѣніе. Панна Роза много лѣтъ тому назадъ могла, могла бы и теперь, еслибъ захотѣла быть моею женою и госпожею дома въ моемъ Тенчовѣ. Но она не хотѣла и не хочетъ. Можетъ быть, знакомст-

съ побужденіями, которыя направляютъ ея волю, улучшитъ ваше мнѣніе о ней, возвыситъ ее въ вашихъ глазахъ и сдѣлаетъ болѣе удобнымъ ея положеніе. Мнѣ, собственно говоря, только это и нужно.

Тутъ онъ обратился къ пану Януарію:

— Вы помните, что съ вашимъ братомъ, Брониславомъ, мы жили въ тѣсной дружбѣ. Невѣсту его я зналъ, она мнѣ нравилась, но влюбленъ въ нее я не былъ. Мы составляли только очень тѣсный кружокъ. То былъ кружокъ романтиковъ. Я отправился въ долгія скитанія по свѣту, панна Роза осталась одна. Возвратившись изъ путешествія, я тотчасъ же отправился въ Дворки узнать о судьбѣ невѣсты моего друга. Судьба ея тогда была сравнительно сносная. Съ первой хозяйкой этого дома она жила въ ладу и согласіи и хотя по милости того, что произошло, затуманилась, но казалась еще свѣжей и цвѣтущей.

— Развѣ она была когда-нибудь цвѣтущей?—спросила пани Иза тихо, потому что ей что-то начинало давить горло.

— Она была прекрасна, можетъ быть не столько совершенно прекрасна, сколько полна прелести и жизни. Вы съ трудомъ вѣрите этому? Правда, теперь она только тѣнь самой себя. Но на свѣтѣ нерѣдко бываетъ такъ, что человѣкъ долго влачится за самимъ собой, какъ нѣмая и темная тѣнь ползетъ въ лунную ночь даже за самымъ веселымъ и живымъ человѣкомъ. Бываетъ и такъ, что человѣка, собственно говоря, уже и нѣтъ, а тѣнь его еще долго продолжаетъ свое существованіе... Но въ то время, о которомъ я говорю, панна Роза находилась еще въ расцвѣтѣ молодости, а молодость — это такая птица, которая усмотритъ солнце сквозь самыя густыя тучи и, хотя съ опутанными крыльями, не перестаетъ дѣлать попытокъ взлетѣть къ нему. Мнѣ улыбнулась мысль вмѣстѣ съ этой женщиной разгонять тучи, взлетать къ солнцу. Я полюбилъ ее и въ седьмую годовщину отъѣзда Бронислава, на томъ мѣстѣ, гдѣ она простилась съ нимъ въ послѣдній разъ и гдѣ, навѣрно, находится теперь, сказалъ, что она сдѣлаетъ меня несказанно счастливымъ, если захочетъ сдѣлаться моей женой.

— Ну, что-жъ, и что-жъ?—допрашивали мы голосами, дрожавшими отъ удивленія и любопытства.

А панъ Северинъ тономъ совершенно обыкновеннаго разсказа продолжалъ:

— Отказала. Она плакала, благодарила меня за добрыя чувства и предложеніе, но повторяла одно и тоже: «Я не могу! Я такъ еще люблю его, онъ такъ неотступно стоитъ передъ моими глазами... я такъ его люблю, что не могу!» Потомъ она добавила еще:

«мнѣ его такъ жаль, такъ жаль!» И при этомъ она плакала съ такою болью, какъ будто слезы съ неимовѣрной мукой вытекали изъ самой глубины ея сердца... Отказала.

Прикрывая опущенными рѣсницами выраженіе своихъ глазъ, но совершенно спокойный, чтобъ не сказать болѣе, панъ Северинъ снова обратился къ пану Январію:

— А въ другой разъ это случилось тогда, когда до меня дошло извѣстіе, что вы намѣреваетесь вступить во второй брачный союзъ. Мы оба,—и я, и панна Роза,—были уже гораздо старше, хотя не были стары. Мнѣ было сорокъ два года, ей тридцать съ чѣмъ-то. Я пріѣхалъ, засталъ ее за уборкой дома для пріѣзда новой хозяйки и въ саду повторилъ то, что нѣсколько лѣтъ назадъ говорилъ въ лѣсу. Благопріятный отвѣтъ для меня былъ теперь еще болѣе желателенъ, чѣмъ раньше, конечно, болѣе желателенъ потому, что солнце моей жизни уже перешло полуденную точку и начало бросать на міръ меланхолическіе лучи. Я чувствовалъ приближающееся дыханіе вечера, во мнѣ все сильнѣй, все непобѣдимѣй разгоралось желаніе уготовать для нея и себя, до приближенія ночи, тихое и теплое пристанище. Наконецъ мы были въ лѣтахъ, болѣе всего благопріятныхъ для энергичнаго, общаго труда и возникновенія тѣхъ чувствъ, которыя глубиною и прочностью вознаграждаютъ за недостатокъ юношеской пылкости. Я все это представилъ паннѣ Розѣ, и на этотъ разъ, — осмѣливаюсь похвастаться,—слова мои взволновали ее. Мнѣ казалось, быть можетъ, что слово согласія громко звучало въ ея сердцѣ и насильно хотѣло вырваться на уста, но она не произнесла его и просила двухдневной отсрочки. Черезъ два дня я пріѣхалъ снова и нашелъ ее похудѣвшей, поблѣднѣвшей, точно она только что оправилась отъ тяжелой болѣзни. Но когда я спросилъ ее о рѣшеніи, она долго не могла говорить, лишь только взглядомъ вымаливала у меня прощеніе и отрицательно качала головой. Потомъ она говорила, что еслибъ Брониславъ умеръ обыкновенной смертью, то можетъ быть... но... «Ему преждевременная, мученическая смерть, а мнѣ счастливая жизнь! Что же это за справедливость? Я не могу! Это мой святой! Я не отступлюсь отъ него даже ради самаго лучшаго изъ людей». Это ужъ было не то, что прежде. Любимый человѣкъ подвергся метаморфозѣ; мысль и волны скорби обратили его въ святого, а душа, умѣющая чтить и разумѣть святыню, не хотѣла извергнуть его изъ себя взамѣнъ земного счастья, котораго, однако, жаждала. Съ умершими трудно бороться. Я уѣхалъ побѣжденнымъ.

Даже и представить себѣ не могу, какая у меня была мина во

время этого разсказа. Помню только одно, что три раза доставалъ изъ кармана носовой платокъ.

Смотрю на баловня Зигмунта, а у того слезы такъ и навертываются на глаза. Онъ крутитъ кончикъ уса, выпрямился какъ струна и смотритъ на пана Доршу, какъ на святую икону.

А панъ Северинъ, ужъ не знаю почему, теперь обратился ко мнѣ и къ Зигмунту и заговорилъ тише, чѣмъ прежде:

— Своимъ геройствомъ онъ навсегда покорилъ ея душу. Онъ стоитъ теперь передъ нею въ ореолѣ святого, и она, какъ вѣрующій отъ алтаря, не можетъ оторваться отъ этой картины.

— Вѣрная!—невольно сказали мы.

— Да, но на все есть своя мѣра. Сила сердца, которое вѣритъ и страдаетъ, тоже можетъ исчерпаться... Снова прошло восемь лѣтъ. Надо мною уже спускался вечеръ. Время врѣзывается въ человѣка, какъ пила въ сердцевину дерева...

Тутъ онъ обратился къ пану Фаустину:

— А вы ошибаетесь. Le coeur a parfois des ailes.

Панъ Фаустинъ въ смущеніи завертѣлся па стулѣ.

— Я... уважаемый панъ Дорша, сказалъ это только такъ... анъ парантесъ!

Панъ Дорша продолжалъ, но уже теперь направляя свои слова къ намъ:

— По временамъ утомленное сердце еще болѣе жаждетъ сладости и успокоенія, чѣмъ свѣжее сердце. А что же можетъ быть слаще общества доброй и любимой женщины, искренней дружбы и попеченія, которымъ тебя окружаютъ? Правда, солнце наше уже спустилось къ закату, но вѣдь могутъ же быть чудныя, тихія минуты и при блескѣ вечерней зари. И вотъ, мѣсяца три назадъ, въ послѣдній мой пріѣздъ въ Дворки, я возобновилъ передъ панной Розой мое горячее ходатайство.

Глаза пани Изы становились почти совсѣмъ безумными. То, что она когда-то придумала какъ злобную шутку, какъ нѣчто неправдоподобное, оказывается, такъ сходится съ истиной!

— На этотъ разъ я встрѣтился совсѣмъ съ другимъ. Панна Роза сказала мнѣ, что если до сихъ поръ памятью и сердцемъ она осталась вѣрна своему... святому, то разставаться съ нимъ для того незначительнаго количества времени, которое ей придется прожить на землѣ, положительно не стоитъ. Она сказала, что уже такъ долго живетъ со своимъ одиночествомъ и своею скорбью, что они стали ея второю натурой, сутью жизни, и выкинуть ихъ изъ себя замѣнить чѣмъ - нибудь совершенно противуположнымъ рѣши-

тельно невозможно. Она сказала, что, по словамъ одной изъ любимыхъ ея книжекъ, она уже давно «живетъ въ тѣни смерти», думая и о своей смерти, какъ о свободномъ взлетѣ всего, что кроется въ ней въ безсознательной формѣ, въ область великаго, неизмѣримаго, невѣдомаго и желаемаго тѣмъ болѣе, что эта область будетъ совсѣмъ не похожа на здѣшнюю юдоль... А кто долго проживетъ въ этой тѣни, тому уже невозможно выйти на дневной свѣтъ; кто долго жилъ съ такими мыслями, тому невозможно вступить въ кругъ беззавѣтныхъ радостей... Она еще хотѣла мнѣ сказать... но тутъ ее позвалъ слуга. Она ушла приготовлять вамъ закуску.

Тутъ голосъ пана Северина какъ-то дрогнулъ и оборвался. Пользуясь этой паузой, давно уже волновавшійся и раскраснѣвшійся отъ волненія, нашъ милый, толстенькій панъ Януарій привсталъ на стулѣ, схватилъ руку гостя и, потрясая ею, чуть не захлёбываясь отъ плача, заговорилъ:

— Я весьма, весьма извиняюсь передъ вами за мою кузину... Женщина добродѣтельная, до сихъ поръ помнитъ о покойникѣ Бронкѣ, но обижать такого человѣка, какъ вы, отвергать такое счастье,—развѣ это возможно? развѣ это возможно? Вѣрьте мнѣ, панъ Северинъ, я ничего не зналъ, а еслибы зналъ... Наконецъ, родство съ вами доставило бы мнѣ такое удовольствіе, такую честь... Теперь, узнавъ все, я сдѣлаю кузинѣ строгій, очень строгій выговоръ, а у васъ прошу проще...

Онъ не договорилъ. Стулъ изъ-подъ пани Изы выскользнулъ и громкимъ стукомъ упалъ наземь. Сама она какъ-то странно крикнула и разразилась нечеловѣческимъ смѣхомъ.

Оказалось, что «globus hystericus», который давилъ ее во время всего разговора, теперь дошелъ до ея горла, и пани Иза въ первый разъ узнала, что такое значатъ спазмы.

Идалія, панъ Фаустинъ и другіе подхватили ее подъ мышки и увели во внутреннія комнаты.

Панъ Януарій отправился посылать за докторомъ, панъ Дорша уѣхалъ домой. Въ столовой остались только трое: Зигмунтъ и Мариня о чемъ-то шептались у окна, а я какъ сидѣлъ за столомъ на своемъ стулѣ, такъ и приросъ къ нему.

Отъ того, что я услыхалъ, все такъ и кружилось у меня въ головѣ, и не въ одной головѣ.

Я никакъ не могъ выйти изъ своей задумчивости.

Вдругъ Зигмунтъ отскочилъ отъ окна и какъ стрѣла вылетѣлъ изъ комнаты. Мариня также заглянула въ окно и также выпорхнула.

Думаю себѣ: что они увидали на дворѣ, куда такъ устремились?

Всталъ и я, подошелъ къ окну и, какъ вы думаете, что я увидалъ?

Дѣти бѣжали навстрѣчу паннѣ Розѣ, которая только что входила въ ворота. Она несла съ собою вязанку лиловыхъ колокольчиковъ и золотистой арники.

Но цвѣты упали къ ея ногамъ, когда баловень Зигмунтъ схватилъ ея руки и, склонившись низко-низко, началъ цѣловать ихъ такъ, какъ будто вливалъ въ эти поцѣлуи всю свою душу.

А Мариня, съ свой стороны, обхватила ея шею руками и прильнула своимъ голубымъ платьицемъ къ сѣрому, печальному платью панны Розы.

В. Л.

ПУСТЫННОЕ СЕРДЦЕ.

„Ты не искалъ бы Меня такъ, еслибъ уже не нашелъ Меня“.

Паскаль.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Петръ Дмитріевичъ Турыгинъ откинулся на спинку кресла и, отложивъ книгу, которую онъ читалъ съ увлеченіемъ, взглянулъ на часы. Было около одиннадцати вечера. На улицѣ бушевала непогода; вѣтеръ съ ревомъ и свистомъ проносился по ней, качалъ вѣтвями обнаженныхъ деревьевъ, срывалъ мелкіе и тонкіе сучья; снѣгъ падалъ хлопьями и покрывалъ мостовую и панели. Небольшой садикъ, находившійся во дворѣ, казался волшебной декораціей, погруженный въ густую тьму и бѣлѣвшій пеленою снѣга; деревья качались, нагибались другъ къ другу, перешептываясь и осуждая неистовую погоду.

Но въ комнатѣ Турыгина, несмотря на ея болѣе чѣмъ скромную обстановку, было уютно. Лампа, подъ зеленымъ колпакомъ, мягко освѣщала большой письменный столъ; печка въ углу комнаты топилась и бросала на чистый крашенный полъ красный отблескъ огня; дрова потрескивали, разгараясь все больше и больше. Въ комнатѣ не было холодно,—напротивъ, скорѣе жарко,—но Турыгинъ особенно любилъ видъ топящейся печки; онъ любилъ бы еще больше каминъ, но камина у него не было, хотя онъ давно уже мечталъ о немъ и приходилось довольствоваться обыкновенной, круглой желѣзной печью.

Онъ не роптал. Мало ли чего не хватало ему для полнаго благополучія! И то уже было хорошо, что онъ сумѣлъ устроиться вполнѣ самостоятельно, ни отъ кого не завися и не нуждаясь въ помощи отца, на шеѣ котораго до сихъ поръ жилъ его младшій братъ Але-

ксандръ. Да и развѣ Саша живетъ лучше его? Ничуть. Несмотря на крайне ограниченныя потребности жизни, доведенныя имъ до послѣдняго предѣла, несмотря на его уже солидный тридцатилѣтній возрастъ, братъ все еще находится въ положеніи сына при родителяхъ; частенько мерзнетъ отъ холода въ плохо вытопленной комнатѣ, еще чаще не доѣдаетъ и, что хуже всего, находится въ рабской зависимости отъ феноменально - скупого отца. Тяжелая жизнь, что и говорить! Но Саша почему-то предпочитаетъ такую жизнь самостоятельности и независимости.

У Саши много общаго съ отцомъ. Такое же, закованное въ непроницаемую броню сердце, нечувствительное къ горю ближняго, такая же наклонность къ дѣловитости и накопленію богатствъ, такая же, если не бо̀льшая скупость; даже не скупость, а скаредность, гарпагонство, и, право, въ этомъ наслѣдственномъ порокѣ есть что-то больное, ненормальное, тяжелое. Можетъ быть онъ и самъ страдаетъ отъ этого, но взять себя въ руки, побѣдить эту роковую страсть, онъ уже не можетъ: лѣта не тѣ, да и слишкомъ большое количество лѣтъ онъ провелъ подъ суровой ферулой отца.

Ихъ вѣчно больная мать тоже страдаетъ отъ этого двойного эгоизма самыхъ близкихъ ей людей—мужа и сына. Петръ Дмитріевичъ знаетъ, что она охотно покинула бы ихъ и пріѣхала бы жить вмѣстѣ съ нимъ; но у нея не хватало воли сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ и она безропотно продолжала прозябать между этими двумя эгоистами, молча страдая отъ ихъ утѣсненій. Кромѣ того, она должна была охранять свою дочь. Сестра Петра Дмитріевича жила въ семьѣ и, пожалуй, страдала еще болѣе въ этой удушливой атмосферѣ, она была моложе всѣхъ и всѣми силами души любила жизнь и всѣ ея блага. Ей уже двадцать семь лѣтъ. Несмотря на замѣчательную красоту, она не могла до сихъ поръ выйти замужъ: отецъ—никого не принималъ у себя, она—никуда не выѣзжала, для этого вѣдь были бы необходимы хотя скромные туалеты, а даже самые скромные туалеты стоятъ денегъ. И она проводила жизнь въ четырехъ стѣнахъ между суровымъ отцомъ, хмурымъ братомъ и слабой, больной матерью. О, жизнь ея была тяжела! Но Петръ Дмитріевичъ былъ не въ силахъ ни въ чемъ ей помочь. Ему самому стоило огромныхъ усилій вырваться изъ-подъ этого невыносимаго родительскаго гнета и устроить себѣ хоть сколько-нибудь сносное существованіе.

Уже около пяти лѣтъ какъ онъ живетъ одинъ, далеко отъ семьи и не горюетъ объ этомъ. Иногда, въ часы раздумья, вотъ какъ теперь, въ такую ненастную ночь, сердце его мучительно сожмется

и онъ вспомнитъ о страдалицѣ матери и о бѣдной сестрѣ. Но жизнь идетъ своимъ чередомъ, мечтать и вздыхать некогда, если нужно работать, чтобъ имѣть возможность жить, и милые, дорогіе образы тускнѣютъ и исчезаютъ изъ его воображенія. Да, нужно работать, чтобы жить; кто же станетъ спорить противъ этого? Но... для чего жить? Вотъ вопросъ, который мелькнулъ однажды въ его головѣ, остался въ ней навсегда и съ каждымъ днемъ становился отчетливѣе, все грознѣе, все суровѣе. Сама жизнь не давала ему отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ ѣлъ, пилъ, спалъ, служилъ. День проходилъ за днемъ, ночь смѣнялась ночью, часъ походилъ на часъ. Жизнь ли это? Безъ сомнѣнія именно это называется на человѣческомъ языкѣ жизнью; но, если это жизнь, то для чего она? Онъ перечиталъ много философскихъ, религіозныхъ и историческихъ книгъ. Но ни одна изъ нихъ не дала ему болѣе или менѣе удовлетворительнаго отвѣта. Жить, чтобы жить; жить, чтобъ умереть; жить и наслаждаться; жить и страдать. Эпикуръ и Шопенгауэръ, Кантъ и Спиноза, Леопарди и Ницше и многое множество другихъ не дали ему ничего, кромѣ ряда системъ, въ сложныхъ дебряхъ которыхъ какимъ-то непостижимымъ образомъ таялъ вопросъ — для чего жить? И всѣ эти системы походили на хитро выведенныя зданія, выстроенныя богато и красиво умнымъ архитекторомъ, обладавшимъ большимъ вкусомъ и знаніемъ. Всѣ они дѣйствовали на воображеніе, на глазъ, на умъ той или иной частью,—одно фасадомъ, другое красотою матеріала, третье подробностями архитектурныхъ украшеній. Одному недоставало того, что было у другого, другому не хватало того, чѣмъ гордилось третье; во всѣхъ было что-то недоговоренное и недоконченное. Еслибъ соединить въ одномъ зданіи все хорошее, что было въ другихъ, можетъ быть и получилось бы нѣчто стройное, величественное, грандіозное и тогда можно было бы понять то, что теперь ускользало отъ пониманія. Но такого архитектора-генія до сихъ поръ не явилось. Явится ли онъ когда-нибудь? Теперь же эти храмы-системы съ ихъ хитро выведенными сводами, полумракомъ, вырывавшимся изъ ихъ стрѣльчатыхъ, затемненныхъ цвѣтными картинами оконъ, съ ихъ вытянутыми кверху, какъ будто стремящимися къ небу, башнями и колокольнями, давили его своею неопредѣленностью, своею мистическою загадочностью.

Часы пробили одиннадцать.

Турыгинъ вздрогнулъ,—до того неожиданнымъ показался ему этотъ звонъ среди обуявшихъ его мечтаній. Ложиться было рано, спать ему не хотѣлось и онъ вяло взялъ книгу со стола и теперь уже нехотя продолжалъ чтеніе.

«Нужно искать прежде царствія Божія и правды его, а остальное приложится», читалъ онъ.

Это была книга о любви и эгоизмѣ—два вопроса интересовавшіе его особенно, потому что онъ давно понялъ, что именно любовь и эгоизмъ—два основныхъ элемента, изъ которыхъ складывалась жизнь. Но любовь—понятіе широкое, какъ море. Эгоизмъ противорѣчитъ любви, нравственному закону и соціальному понятію. Но какъ развить въ себѣ широкую, альтруистическую любовь и какъ бороться съ эгоизмомъ? «Любовь есть даръ неба, землѣ принадлежитъ вражда», сказалъ Иннокентій III. Но вѣдь онъ, Турыгинъ, человѣкъ; всѣмъ существомъ, всѣми помыслами принадлежитъ землѣ. Любовь—комплексъ добра, высшихъ идеаловъ, источникъ счастья; эгоизмъ—вѣчный источникъ зла, беззаконія, горя, доводящаго человѣка до отчаянія. Почему же въ человѣкѣ царитъ эгоизмъ и угнетена любовь? Почему ненавидѣть легко, любить—трудно? Но пусть онъ покоритъ въ себѣ чувство эгоизма и возлюбитъ весь міръ. Какая будетъ отъ того польза міру, что какой-то жалкій, слабый Турыгинъ любитъ міръ? Богъ, устами Исаіи, сказалъ: «всѣ ваши жертвы лицемѣрны: куреніе мерзость передо мною. Моя душа ненавидитъ ваши праздники: они бремя мнѣ, мнѣ тягостно нести его. Ваши руки полны крови, сердце далеко отъ меня и благоговѣніе — заученая человѣческая заповѣдь. Научитесь дѣлать добро, стремитесь къ правосудію, спасите угнетеннаго, заступитесь за сироту и вдовицу». Вотъ въ этомъ дѣятельномъ добрѣ и есть то царствіе Божіе, искать котораго рекомендуется прежде всего.

Но вѣдь это легче сказать, чѣмъ исполнить... Онъ можетъ болѣть душой о чужомъ горѣ, онъ можетъ сокрушаться сердцемъ о чужой бѣдѣ, онъ можетъ любить и страдать платонически. Но онъ не въ силахъ спасти угнетеннаго, заступиться за обиженнаго. Ни его общественное положеніе, ни его средства не позволяютъ ему этого, и дѣятельное добро—для него отдаленный и неосуществимый идеалъ. И вотъ, силою сложившихся обстоятельствъ, онъ снова низвергнутъ на землю, которой «принадлежитъ вражда». Заколдованный кругъ! И никогда, никогда не выберется изъ этого круга и всегда, всегда онъ будетъ думать «не о томъ, что Божіе, но что человѣческое!» И что же ему остается? «Wir sind gewöhnt,—какъ сказалъ Гёте,—dass die Menchen verhöhnen, was sie nicht verstehen».

Да... много онъ не могъ понять въ этой странной жизни, которая окружала его, какъ и всѣхъ людей его поколѣнія. Идеалы нравственности, идеалы любви, которую возвѣстилъ Христосъ, всѣми признаны, всѣми исповѣдуются. Но эти идеалы находят-

ся высоко, далеко на небѣ. До нихъ недостать и практическое, дѣятельное ихъ значеніе ничтожно. А жизнь течетъ внизу, на землѣ, по издавна установившимся традиціямъ и направляется другими идеалами, которые не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, признанными и исповѣдуемыми. Религія любви — одно, жизнь—другое. Они не сливаются вмѣстѣ и никогда не сольются, ибо сколько же вѣковъ прошло со дня ихъ возвѣщенія? Все осталось по-старому: «Жестоковойные! Люди съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому, какъ отцы ваши, такъ и вы. Кого изъ пророковъ не гнали отцы ваши?» Вотъ слова мужа безукоризненной святости, архіепископа Стефана. Развѣ не могъ бы онъ произнести этихъ словъ въ наши дни, по отношенію къ нашему времени?

Турыгинъ опять увидѣлъ, что мысли его далеки отъ книги. Чтеніе не ладилось. На одну прочитанную строку являлось въ его возбужденной головѣ тысячи смутныхъ отзвуковъ. Онъ опять перевернулъ страницу и взоръ его упалъ на слѣдующія строки: «Царство Божіе не пища и питье. Будемъ искать того, что служитъ къ миру и ко взаимному назиданію... Для чистыхъ все чисто, а для оскверненныхъ и невѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго, но осквернены и умъ ихъ, и совѣсть».

— Ахъ, Боже мой!—съ досадой прошепталъ онъ, кладя книгу на столъ.—Знаю я, что царство Божіе не пища и питье! И ищу я его всѣми помыслами сердца и души! Ищу давно, страстно, мучительно! Да и не я одинъ ищу, многіе до меня искали и будутъ искать послѣ меня... Но кто же, кто нашелъ его? И какъ я могу найти его, когда у меня осквернены и умъ и совѣсть? И правда, правда, осквернены они. Но что же дѣлать? Какъ очиститься, какъ спастись, какъ любить?

И вдругъ ему съ отчетливой ясностью вспомнился отецъ—суровый деспотъ, черствый эгоистъ, человѣкъ съ низменными мыслями и чувствами. И такая глубокая ненависть наполнила сердце Турыгина, что онъ содрогнулся. И отчаяніе овладѣло имъ:

— Нѣтъ,—прошепталъ онъ,—я не могу простить, я не могу любить его! А еще ищу чего-то, бьюсь изъ-за чего-то, жажду дѣятельной любви! Можетъ ли сидѣлка падать въ обморокъ при видѣ крови? Какъ можетъ сестра милосердія перевязывать раны, если она не переноситъ вида страданій? Какъ я могу мечтать о широкой любви къ человѣчеству, когда я ненавижу родного отца?

Онъ опустилъ голову подъ тяжестью безсилія. Онъ протеръ рукою глаза, встряхнулся и всталъ.

— Что это со мною?—проговорилъ онъ.—Право, мнѣ кажется, я схожу съ ума! И съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Надо все это бросить.

Онъ рѣшилъ пойти спать. Сна не было, но необходимо было постараться заснуть.

Когда онъ проходилъ черезъ переднюю, надъ дверьми дрогнулъ звонокъ.

«Двѣнадцатый часъ ночи,—подумалъ Турыгинъ,—кто бы это могъ быть?»

И онъ рѣшилъ, что это, вѣроятно, телеграмма.

Воображеніе заработало, сердце забилось. Должно быть заболѣлъ отецъ, котораго онъ только что такъ ненавидѣлъ!

Турыгинъ смутился.

Звонокъ раздался снова. Турыгинъ самъ отворилъ двери.

Это не былъ разносчикъ телеграммъ. Передъ нимъ стоялъ офицеръ въ пальто, занесенномъ снѣгомъ, въ башлыкѣ на низко надвинутой на глаза фуражкѣ, скрывавшей его лицо.

Турыгинъ не узналъ его.

— Это я,—поспѣшно заявилъ офицеръ, какимъ-то глухимъ, сдавленнымъ голосомъ.

— Семенъ Яковлевичъ?—освѣдомился хозяинъ.

— Я.

Турыгинъ пропустилъ его въ переднюю и помогъ ему раздѣться.

Офицеръ, между тѣмъ, говорилъ:

— Ради Бога, простите, Петръ Дмитріевичъ... такъ поздно... двѣнадцатый часъ, кажется? Но я не могъ... Неотложное дѣло... сейчасъ разскажу все.

Онъ досталъ платокъ, вытеръ оттаявшіе усы и въ нерѣшительности остановился.

Турыгинъ пригласилъ его въ комнату.

Онъ поднялъ фитиль въ лампѣ; дрова въ печкѣ догарали и теперь уголья бросали на полъ отблескъ мрачно-краснаго цвѣта. Буря продолжала завывать на дворѣ. За окномъ, занавѣсь котораго не была спущена, медленно падала бѣловатая пелена снѣга, часто прерывавшаяся подъ напоромъ бѣшенаго вѣтра.

Только дѣйствительно неотложное дѣло могло выгнать человѣка въ такую пору изъ дому.

Турыгинъ предложилъ гостю стулъ у письменнаго стола, а самъ усѣлся въ кресло.

Онъ долго ждалъ объясненія офицера, но тотъ молчалъ, погрузившись въ тяжелое раздумье или не находя подходящихъ словъ.

— Вы говорили о дѣлѣ... — осторожно началъ Турыгинъ. — Какое дѣло?

Гость молчалъ. Замолчалъ и Турыгинъ, не зная, какъ ему вывести пришедшаго изъ задумчивости.

Офицеръ былъ очень блѣденъ и нижняя губа его часто вздрагивала. Взоръ его былъ устремленъ на угли печки и, казалось, онъ съ большимъ вниманіемъ вглядывался въ синій огонекъ, то вспыхивавшій, то потухавшій надъ углями. Нѣсколько разъ онъ складывалъ пальцы рукъ вмѣстѣ, сжималъ ихъ такъ, что они хрустѣли. Глаза его были окружены темными, синими кругами. Въ его сосредоточенномъ, неподвижномъ взглядѣ было что-то тяжелое, жесткое, упорное.

Тишина стояла въ комнатѣ и тѣмъ слышнѣе становилась буря. Турыгину сдѣлалось жутко.

— Семенъ Яковлевичъ...—рискнулъ онъ и дотронулся рукой до колѣна гостя.

— Ахъ, да... простите... я задумался. Вы правы. Я долженъ объясниться. Но мнѣ тяжело. Ахъ, еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело!

Голосъ его дрогнулъ и оборвался.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Турыгинъ.

— Въ чемъ дѣло? Дѣло скверно. Очень, очень скверно. Вотъ я пришелъ къ вамъ... Вы думаете: «зачѣмъ это Пронскій пришелъ ко мнѣ ночью?» А я и самъ не знаю, зачѣмъ я пришелъ. Развѣ человѣкъ разсуждаетъ, когда вотъ...—Онъ сдѣлалъ рукою жестъ, желая показать, что кто-то схватилъ его за горло и душитъ его, не выпуская. Онъ продолжалъ:—Дай,—думаю,—пойду къ Петру Дмитріевичу... авось, онъ выручитъ. Положимъ, мы недавно знакомы. Сознаюсь, неосновательно поступилъ. Простите впередъ.

Онъ опять замолчалъ. Видимо, онъ старался подойти къ главному, какъ-нибудь такъ, чтобы не сразу удивить хозяина, но у него ничего не выходило.

— Семенъ Яковлевичъ,—началъ Турыгинъ, стараясь придать своему голосу мягкость, которая бы подбодрила его страннаго гостя.—Знаете что? Я вижу, вамъ тяжело, не по-себѣ. Говорите прямо, не стѣсняйтесь. Вѣдь чѣмъ короче выразить мысль, тѣмъ она будетъ понятнѣе. Да и легче всегда, когда скажешь главное. Въ чемъ же ваше дѣло?

— Сказать прямо?—какъ будто обрадовавшись началъ Пронскій и весь встрепенулся.—Такъ-таки напрямки? И то, надо вѣдь это дѣлать. Минутой раньше, минутой позже... Не все ли равно?

Только какъ же это? Вѣдь вы презирать меня станете... Можетъ быть, выгоните меня изъ дому... Безчестное, грязное дѣло. Вотъ. Сказалъ.

— И я, все-таки, не знаю, въ чемъ оно состоитъ.

— Я растратилъ казенныя деньги. Что? Вы ничего не говорите? Вы меня не гоните?

Турыгинъ вздрогнулъ и молчалъ.

— Вы не примитесь мнѣ читать проповѣди? Проповѣди о томъ, что растратить казенныя деньги — подло? А сколько я слышалъ этихъ проповѣдей за послѣдніе два дня. И къ чему?... Какъ будто я самъ не знаю, что это... некрасиво.

Нижняя губа его опять подернулась и лицо его исказилось болѣзненной улыбкой. Онъ опять хрустнулъ пальцами.

— Читали, читали мнѣ эти проповѣди, — продолжалъ онъ. — Что-жъ! Это вѣдь такъ легко! Это ничего не стòитъ и ни къ чему не обязываетъ... Такъ вы отказываетесь?—въ упоръ глядя на Турыгина спросилъ гость.

— Что это?—не понялъ тотъ.

— Прочесть мнѣ лекцію о нравственности?—почти сердито проговорилъ Пронскій.

— Отказываюсь.

— Почему?

— Да потому, Семенъ Яковлевичъ, что это не мое дѣло. Я не вправѣ судить своего ближняго и учить его тому, чего и самъ хорошенько не знаю. И потомъ... чтобъ обвинять, надо знать всѣ обстоятельства дѣла, знать жизнь человѣка. Что его побудило сдѣлать это... эту...

— Это воровство, — съ какимъ-то наслажденіемъ подсказалъ ему Пронскій.

— Эту растрату. Но я и не желаю знать этого. Это было бы неумѣстнымъ любопытствомъ. Еслибъ я могъ помочь вамъ,—я бы помогъ, вотъ и все, чтò я вправѣ и долженъ былъ бы сдѣлать.

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но Пронскій прервалъ его:

— Вотъ за этимъ-то я и пришелъ къ вамъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ Турыгинъ.

— За помощью...—еще тише произнесъ Пронскій.

— Бѣдный Семенъ Яковлевичъ!—вскрикнулъ Турыгинъ.—Но акъ я могу помочь вамъ? Вѣдь развѣ вы не знаете, что у меня ѣтъ денегъ? У меня весь капиталъ заключается въ пятистахъ убляхъ... въ сберегательной кассѣ. Я служу въ банкѣ, получаю

маленькое содержаніе. Вѣдь не пятьсотъ же рублей вы рас... вамъ нужно?

— Нѣтъ, не пятьсотъ,—покачалъ головой Пронскій.—Много, много больше!

— Ну, вотъ, видите...

— У меня не хватаетъ семи тысячъ.

Турыгинъ всплеснулъ руками. Онъ чувствовалъ, какъ глубокая горесть охватывала его сердце. Онъ не разсуждалъ о безнравственности этого человѣка, еще вчера блестящаго офицера, который гордо несъ голову, царилъ въ мѣстномъ клубѣ, задавалъ тонъ. Ни на минуту не пришло ему въ умъ обвинить его. Ему просто безотчетно жаль было видѣть теперь передъ собою безпомощную, опустившуюся фигуру Пронскаго. Ему представлялось уже, какъ его сошлютъ, сколько униженія и позора онъ долженъ будетъ перенести.

— А жена?—робко спросилъ онъ своего гостя.

Пронскій вдругъ задрожалъ съ головы до ногъ. Какой-то хрипъ вырвался изъ его запекшихся губъ.

— Жена?—прошепталъ онъ.—Что—жена?

— Она... знаетъ?

Пронскій безнадежно махнулъ рукой.

— Н-не знаю!—съ трудомъ выговорилъ онъ, быстро отворачиваясь отъ Турыгина и вновь устремивъ свой взглядъ въ отверстіе печки, гдѣ угли уже потухли.

Турыгинъ вызвалъ въ своемъ воображеніи образъ молодой женщины. Годъ тому назадъ вышла она замужъ за этого офицера. Бѣдная! Какое страшное несчастіе обрушилось на ея голову. За что?

Пронскій рѣшительнымъ движеніемъ всталъ съ своего стула, рѣзко отодвинулъ его и подошелъ къ Турыгину. Въ его позѣ было что-то мужественное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скорбное. Слегка дрожащимъ голосомъ, который проникалъ въ душу, взволнованный, онъ заговорилъ:

— Петръ Дмитріевичъ! Вотъ передъ вами стоитъ негодяй... о, не качайте головой! Негодяй—мнѣ нѣтъ другого имени. И вы, и тѣ немногіе, которые еще знаютъ объ этомъ дѣлѣ, имѣютъ право назвать меня такъ. Пронскій—негодяй. И я долженъ это слушать, молча, почтительно, безпрекословно. И я не имѣю права защитить себя, если даже мнѣ это скажетъ другой такой же негодяй, какъ я, если не хуже. Но тотъ будетъ—необнаруженный негодяй, а я... обнаруженный... Знаете, Петръ Дмитріевичъ! Знаете, назовите меня вотъ здѣсь, сейчасъ, въ этой комнатѣ, негодяемъ... хотите? Ну, плюньте мнѣ въ лицо! Ну, пожалуйста, я прошу васъ...

— Семенъ Яковлевичъ!...

— Я прошу васъ. Я хочу видѣть, какъ я это выдержу. Нужно же мнѣ привыкать, наконецъ... Не хотите? Не бойтесь, я защищаться не стану... А? Вы скажите только: «вы, господинъ Пронскій,—негодяй». А я послушаю, какъ это звучитъ. Положимъ, я себѣ это говорю ежеминутно. Но вѣдь это я, я самъ. А я хочу слышать это изъ чужихъ устъ. Не хотите? «Вы, господинъ Пронскій, негодяй! Негодяй! Негодяй! Воръ! Мошенникъ... туза тебѣ въ спину, въ арестантскій халатъ!»

Онъ захохоталъ мелкимъ, скверненькимъ смѣхомъ, въ которомъ было много озлобленія.

— Семенъ Яковлевичъ, опомнитесь, голубчикъ!—поймавъ его за руку и стараясь усадить на стулъ, проговорилъ Турыгинъ.—Вы нездоровы, вы взволнованы. Ну, къ чему это... самоистязаніе? Вѣдь это дѣлу не поможетъ. Надо подумать, какъ бы это... возможно ли это устроить?

— А-а!—протянулъ тотъ, покоряясь желанію хозяина и усаживаясь на стулъ. — Совѣты? Да, да, мнѣ много ихъ надавали. Это, вѣдь, все-таки утѣшеніе! И, знаете, все — даромъ! То-есть такъ-таки прямо даромъ! А? Какое великодушіе! Сколько только хочешь, столько и бери!... Совѣтовъ-то... Если каждый оцѣнить по рублю, можно было бы набрать семь тысячъ совѣтовъ. Да вѣдь это не деньги, поймите вы! Подлыя, гнусныя, презрѣнныя деньги!... Ну, что мнѣ дѣлать съ вашими семью тысячами совѣтовъ? Заложить? Продать? Положить ихъ въ казенный ящикъ вмѣсто недостающихъ денегъ? Взять бы въ табачной лавочкѣ, напримѣръ, вексельныхъ бланковъ разнаго достоинства... Въ долгъ, конечно, взять, потому что у меня денегъ нѣтъ даже векселя купить. Да и написать на одномъ: «По одежкѣ протягивай ножки. Совѣтъ первый. Цѣна оному сто рублей». На второмъ: «повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Совѣтъ-предостереженіе второй». Цѣна? Ну, этотъ больше пяти рублей не стòитъ,—запоздавшій. На третьемъ: «Сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ. Совѣтъ третій и цѣна оному тысяча рублей». Можно, вѣдь, набрать тысячъ на семь этой народной мудрости? Или ея не хва-тъ даже и на семь тысячъ? И какая сухая, бездушная, черствая, корузлая эта народная мудрость!

— Семенъ Яковлевичъ! — попробовалъ его остановить вновь рыгинъ.

Но тотъ продолжалъ:

— Деньги, деньги мнѣ нужны, а не совѣты! Я самъ ихъ умѣлъ

давать своимъ подчиненнымъ, и еще сколько! — чуть не крикнулъ онъ. — Поймите, тутъ идетъ вопросъ о жизни и смерти. Неужели жизнь не стòитъ семи тысячъ? Даже такая гнусная, какъ моя?

— Стòитъ, Семенъ Яковлевичъ, очень стòитъ. Но, голубчикъ, дорогой мой, выслушайте меня, не волнуясь. Неужели вы думаете, что еслибъ у меня вотъ здѣсь, въ столѣ, или хоть въ банкѣ были бы семь тысячъ, я бы вамъ ихъ не далъ! Господи, да какъ далъ бы еще! Да вѣдь нѣтъ... поймите, нѣтъ ихъ. Пятьсотъ рублей, все мое достояніе... возьмите ихъ... Развѣ же я жалѣю? Да я вамъ ихъ завтра же отдамъ. Выну изъ сберегательной кассы и отдамъ. Можетъ быть еще у кого-нибудь возьмете — у насъ въ городѣ много вѣдь богатыхъ людей. Понемногу и составите необходимую сумму.

— Понемногу?—вскрикнулъ Пронскій.—Да поймите вы, что послѣ завтра назначена повѣрка суммъ, инспекторскій смотръ! Гдѣ же я успѣю? Да и наконецъ, я прошу у васъ этихъ денегъ въ долгъ. Кончится смотръ, я вамъ отдамъ ихъ! Слышите — отдамъ! Честное слово...

Онъ вдругъ засмѣялся, желчно, злобно.

— Хорошъ я! Старая привычка... «Честное слово...» Какое же честное слово у негодяя? Конечно, вы вправѣ не вѣрить... Черезъ недѣлю я долженъ получить деньги. — Онъ поспѣшно отвелъ глаза отъ Турыгина и опустилъ ихъ. — Все дѣло въ недѣлѣ... вышла задержка... Еслибы недѣлей позже...—путался онъ, все ниже и ниже опуская голову.

— Кто-нибудь знаетъ о... растратѣ?—спросилъ Турыгинъ.

— Изъ начальства—никто. Два-три лица, къ которымъ я обращался, знаютъ. Да вотъ вы теперь. Дайте, Петръ Дмитріевичъ, не откажите...

— Господи, да вы, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не вѣрите, что у меня нѣтъ такихъ денегъ? — въ отчаяньи вскрикнулъ Турыгинъ.

— Не вѣрю, — тихо проговорилъ офицеръ.

Турыгинъ остолбенѣлъ.

— Не вѣрите? Но почему же?

— Кто же не знаетъ, что вашъ отецъ—милліонеръ?—посмотрѣвъ ему въ глаза, заявилъ Пронскій.

— Ахъ, вотъ что...—раздумчиво произнесъ Турыгинъ.—Да вы правы. Мой отецъ милліонеръ. Это вѣрно. Но такъ же вѣрно то, что я ничего общаго съ отцомъ не имѣю, ни копейки отъ нег не получаю и... и...

Онъ не докончилъ начатой фразы и умолкъ, поникнувъ головой

— Такъ это правда?—началъ Пронскій.—Мнѣ говорили это

но я не вѣрилъ. Какое несчастье! Я такъ разсчитывалъ на васъ... Только на васъ...

Наступило молчаніе.

Пронскій опять устремилъ свой взоръ на черное отверстіе печки, въ которомъ угли уже покрылись сѣрымъ пепломъ. Онъ тяжело дышалъ. На глазахъ его блестѣли слезы.

Турыгинъ молча наблюдалъ его. Сквозь отпечатокъ тяжелаго горя, легшаго на лицо его гостя, онъ читалъ въ немъ какую-то странную рѣшимость, какое-то мужество, какую-то борьбу. Нѣсколько разъ ему показалось, что Пронскій готовъ на все махнуть рукой, встать и уйти. Но это продолжалось лишь мгновеніе; потомъ имъ овладѣвало суровое упорство, и онъ, закинувъ ногу на ногу, продолжалъ безмолвно сидѣть и ждать чего-то. Молчаніе длилось долго.

Взоръ Турыгина упалъ на открытый листъ книги, которую онъ читалъ до прихода Пронскаго. Въ его глазахъ замелькали строки: «Научитесь дѣлать добро... спасите угнетеннаго»... И онъ спросилъ себя: что онъ можетъ сдѣлать для Пронскаго, какъ онъ можетъ спасти его? Денегъ у него нѣтъ; пятьсотъ рублей онъ, конечно, отдастъ ему, но это—капля въ морѣ, и это все, что онъ въ состояніи сдѣлать. Точно ли это все?...

Онъ задумался, стараясь найти выходъ, придумать что-либо.

Какъ будто желая ему прійти на помощь, Пронскій, оторвавшись, наконецъ, отъ созерцанія пепла, рѣшительно повернулся къ нему.

— Петръ Дмитріевичъ,—сказалъ онъ.—Сознаю, что не имѣю никакого права настаивать на вашей помощи. Благодарю и за то, что не выгнали меня отъ себя. Я вѣдь думалъ совсѣмъ другое; я не зналъ, что вы съ вашимъ батюшкой не въ ладахъ. Да этого и никто не знаетъ въ городѣ. Всѣ думаютъ, что вы, какъ сынъ извѣстнаго милліонера, имѣете средства. Если и не въ достаточной пока степени, то всѣ увѣрены, что вы получите рано или поздно хорошее наслѣдство.

Турыгинъ покачалъ головой и слабо улыбнулся.

— Я? Получу наслѣдство?... Никогда. Да я и не хочу нио получать.

Пронскій не обратилъ вниманія на эти слова, какъ будто ихъ слыхалъ. Онъ видимо спѣшилъ поскорѣе высказаться, боясь, въ рѣшительную минуту слова застрянутъ въ его горлѣ и тогонъ не будетъ имѣть возможности сдѣлать ему то предложеніе, орое у него назрѣло.

— И если у васъ нѣтъ денегъ, — продолжалъ Пронскій, — то у васъ есть то, чего нѣтъ у меня и у многихъ другихъ...

— Что именно?—спросилъ съ любопытствомъ Турыгинъ.

— Кредитъ.

— Кредитъ?!—вскрикнулъ тотъ.—Но я никогда ни у кого не просилъ денегъ. Вы думаете, мнѣ бы дали въ долгъ семь тысячъ? Мнѣ? Да и какъ бы я могъ ихъ взять... вѣдь я знаю, что никогда не буду въ состояніи отдать ихъ.

— Но если я вамъ говорю, что все дѣло въ одной недѣлѣ? Черезъ недѣлю я вамъ ихъ отдамъ... копейка въ копейку,— съ трудомъ прибавилъ Пронскій и снова отвелъ свой взоръ отъ собесѣдника.

«Не отдастъ»,—мелькнуло въ головѣ Турыгина, но онъ тотчасъ же упрекнулъ себя.

— Голубчикъ,—началъ опять Пронскій.—Умоляю васъ, сдѣлайте это. Попросите въ банкѣ. Вамъ дадутъ не семь, а семнадцать, двадцать тысячъ. Вамъ дадутъ сколько угодно... подъ обыкновенный вексель... Вы спасете мнѣ жизнь... и честь...

Онъ задохнулся, тяжело перевелъ духъ и смолкъ. Потомъ, оправившись, продолжалъ:

— Ну, если вы не хотите въ банкѣ... телеграфируйте отцу. Телеграфируйте что-нибудь, что вы страшно нуждаетесь въ этой суммѣ... Онъ переведетъ телеграммой. Деньги придутъ вòвремя. Я буду спасенъ.

— Ни за что! — энергично отвѣтилъ Турыгинъ. —Никогда я не обращусь къ отцу. Во-первыхъ, это мое самое священное правило—не пользоваться его деньгами; во-вторыхъ, это безполезно. Онъ мнѣ ничего не отвѣтитъ на телеграмму. Черезъ нѣсколько дней я получу отъ него письмо на клочкѣ сѣрой бумаги съ упреками и наставленіями. И тѣхъ будетъ немного, чтобы не вышло много чернилъ и не затупилось перо,—вѣдь все это стòитъ денегъ... А марка? Семь копеекъ будутъ брошены зря и никакого дохода не принесутъ. О, вы его не знаете!... Нѣтъ, избавьте! Если ужъ необходимо нужно у кого-нибудь просить денегъ,—я предпочитаю обратиться къ чужимъ, совершенно мнѣ постороннимъ людямъ.

— Вы сдѣлаете это?—обрадовался Пронскій.

Турыгинъ не отвѣтилъ; но онъ опять прочиталъ въ книгѣ «Научитесь дѣлать добро... спасите угнетеннаго».

— Я это сдѣлаю,—тихо сказалъ онъ.

Подойдя къ своему гостю, онъ остановился передъ нимъ, пол-

жилъ ласковымъ движеніемъ руку ему на плечо и медленно, проникновеннымъ, просительнымъ голосомъ началъ:

— Семенъ Яковлевичъ... Съ первыхъ шаговъ самостоятельной жизни я поставилъ себѣ за правило никогда ни къ кому не обращаться за помощью. Я бросилъ университетъ, потому что платить за ученье, одѣваться и обуваться, ѣсть и пить мнѣ стало не на что. Уроки прекратились, переписки не находилось, работы никакой. Я не обратился къ отцу. Это была самая горькая, самая страшная минута моей жизни. До безумія я любилъ науку. Всю свою молодость промечталъ я о томъ, какъ кончу курсъ, какъ буду заниматься наукой дальше, какъ буду писать книги, сдѣлаюсь ученымъ... Мало ли что еще! Все это рухнуло. Я вышелъ изъ университета, не кончивъ курса. Можете вы понять, чего это мнѣ стоило?

Рука его задрожала и сильнѣе оперлась на плечо слушавшаго его гостя. Побѣдивъ овладѣвшее имъ волненіе, онъ продолжалъ:

— И вотъ, благодаря доброму товарищу, сыну директора здѣшняго банка, я получилъ мѣсто и служу... Сначала мнѣ давали маленькое содержаніе, теперь я получаю больше. Я сжался, я работалъ, часто просиживалъ ночи и, право, я получаю это содержаніе не даромъ. Если мѣсто я получилъ по протекціи, то я давно оправдалъ данную мнѣ рекомендацію и все остальное мнѣ принадлежитъ уже по праву работы. Но я задыхаюсь отъ этой жизни. Я ненавижу деньги, я всю жизнь ненавидѣлъ ихъ. И я, по роду своей службы, имѣю дѣло только съ деньгами. Мнѣ некогда читать, о продолженіи научныхъ занятій и думать нечего... Иногда, какъ сегодня, выдастся вечеръ, когда я могу взять книгу въ руки. Но это мнѣ приноситъ одно мученіе, какъ напоминаніе о погибшей для меня научной карьерѣ. Ну, что дѣлать! Надо жить... Я и живу — скромно, тускло, безцвѣтно. Я совершенно не знаю того, что̀ называется радостями жизни. Я обрѣзывалъ себя во всемъ: ѣлъ мало, квартиру нанялъ скромную, откладывалъ остававшіеся гроши. Мало ли что можетъ случиться? Я могу лишиться мѣста и тогда буду вынужденъ обратиться за помощью къ кому бы то ни было. Вотъ я и отложилъ пятьсотъ рублей, о которыхъ говорилъ вамъ. Сколько я намучился за это время! Мнѣ уже начало казаться, что я дѣлаюсь скаредомъ, что я полюбилъ деньги, что я коплю ихъ изъ любви къ нимъ самимъ, что во мнѣ заговорилъ наслѣдственный инстинктъ, что отцовская кровь проснулась во мнѣ... И я бросилъ копить. Сказать вамъ все?...

Онъ остановился, какъ будто соображая, слѣдуетъ ли ему ска-

зать то, что пришло ему на умъ. Встряхнувъ рѣшительно головой, онъ продолжалъ:

— Я любилъ дѣвушку, милую, славную, хорошую. Ну, какъ я ее любилъ, распространяться не стану. Еслибы нужно было пожертвовать за нее жизнью,—вы думаете, я бы задумался хотя на одну минуту?... И она, моя Оляша, любила меня. Какіе вечера мы проводили? Какъ мечтали, какіе строили планы!... Вотъ это была дѣйствительно минута счастья... Кончилось все очень печально,—пониженнымъ, скорбнымъ голосомъ проговорилъ онъ.—Въ одну изъ минутъ откровенности я разсказалъ ей о своемъ семейномъ положеніи. Я сказалъ ей, что мнѣ не на что разсчитывать, кромѣ какъ на свой трудъ. Что я ничего отъ отца не получаю, что наслѣдства никакого не ожидаю, что у меня впереди ничего нѣтъ... Теперь она уже два года, какъ жена другого. Живетъ съ богачомъ мужемъ въ Петербургѣ, ѣздитъ за границу...

Онъ опять замолчалъ, удерживаясь отъ волненія, овладѣвшаго имъ.

— Не знаю,—усмѣхнувшись, проговорилъ онъ,—къ чему я вамъ все это разсказываю. Вамъ не интересно, да у васъ и свое горе... Нѣтъ, впрочемъ, знаю. Я хотѣлъ вамъ сказать, что этотъ случай потрясъ меня. Я пересталъ вѣрить въ любовь, въ людей. И вотъ я живу одиноко и одиночество мое унылое, безпросвѣтное. Родныхъ, близкихъ у меня нѣтъ... Мать и сестра, которыхъ я любилъ когда-то, да и теперь, кажется, люблю, далеко и я даже не могу вызвать въ своемъ воображеніи ихъ лицъ,—такъ давно я не видалъ ихъ. Одиночество мое гордое: я никому ничѣмъ не обязанъ, ни у кого никогда ничего не просилъ... Вы требуете отъ меня невозможной, по моимъ понятіямъ, вещи. Вы требуете отъ меня, чтобы я отказался отъ всѣхъ своихъ убѣжденій, отъ всей своей, годами выработанной, системы... Я долженъ идти просить денегъ, да еще такую большую сумму, которую мнѣ и выговорить-то страшно. Но я сдѣлаю это... Нѣтъ, нѣтъ, благодарить не стоитъ. Я сдѣлаю это, потому что нельзя жить только для себя и заботиться только о своемъ душевномъ спокойствіи. Это было бы эгоизмомъ... Это означало бы, что я не могу отдѣлаться отъ наслѣдственнаго порока, отъ того эгоистическаго индифферентизма, который удалилъ меня отъ отца и зародышъ котораго, какъ я подозрѣваю, перешелъ въ меня вмѣстѣ съ его кровью... Эта мысль угнетаетъ меня... Я сдѣлаю для васъ это и попрошу денегъ. Я долженъ научиться дѣлать добро, я долженъ спасти васъ. Если я вамъ разсказалъ свою жизнь, то это для того, чтобы вы знали, что

никогда и ни у кого не просилъ для себя денегъ, что я никогда никого не обманывалъ. И это я говорю вамъ не для того, чтобы заслужить вашу благодарность за столь «геройскій» мой поступокъ, а чтобы услышать отъ васъ еще разъ торжественное увѣреніе, что вы отдадите эти деньги...

И вдругъ онъ умолкъ. Странная перемѣна въ лицѣ Пронскаго поразила его. Его гость заволновался, опустилъ глаза, всталъ со стула. Лицо его покрылось пятнами, нижняя губа вздрогнула и пальцы судорожно сжались.

— Клянусь вамъ... — неувѣреннымъ голосомъ проговорилъ Пронскій, уходя въ темный уголъ комнаты.

Турыгинъ пошелъ за нимъ и остановился противъ него.

— Не клянитесь,—строго сказалъ онъ.—Это лишнее. Скажите мнѣ просто, и я вамъ повѣрю.

— Я отдамъ эти деньги черезъ недѣлю,—задыхаясь проговорилъ Пронскій.

Турыгинъ зорко взглянулъ ему въ глаза, но вѣки Пронскаго были опущены и хозяинъ не могъ увидѣть взгляда своего гостя.

— Я вамъ вѣрю, Семенъ Яковлевичъ,—значительно произнесъ Турыгинъ.—Я вамъ долженъ вѣрить. Вмѣстѣ съ деньгами я вручаю вамъ свою честь, свое незапятнанное имя—все, что осталось у меня еще дорогого въ жизни. Я васъ мало знаю; я не хочу входить въ разборъ того обстоятельства, которое понудило васъ сдѣлать растрату. Но я не могу допустить, чтобы вы пришли ко мнѣ съ дурными цѣлями... Вы молчите? Васъ обижаютъ мои слова? Не обижайтесь, голубчикъ, простите меня.

— Послушайте,—глухимъ голосомъ началъ Пронскій,—не дѣлайте ничего для меня. Я лучше уйду. Я воръ, я подлецъ, я мошенникъ... какъ можете вы вѣрить моему слову? Я уйду. Спасибо за намѣреніе меня выручить... Знаете что? — вскрикнулъ онъ и замолчалъ сразу, махнувъ рукой.

— Ну, вотъ вы и обидѣлись. Конечно, я былъ неправъ, что заговорилъ съ вами въ такомъ тонѣ. Но не обвиняйте меня. Я не умѣю подыскивать выраженій мягкихъ и изящныхъ. Это вина моей юмости и одичалости. Я говорю то, что думаю, и такъ, какъ аю. Простите меня...—и онъ протянулъ ему руку.

Пронскій пожалъ ее холодно, безъ увлеченія.

— Вотъ вы говорили, что вы знали минуту счастья,— наъ онъ, мелькомъ взглянувъ на Турыгина.—Мнѣ кажется, вы ибаетесь. За минуту счастья можно расплатиться жизнью. А вы ько готовы были отдать эту жизнь, но не отдали. Ваша Оляша

ушла отъ васъ, а вы вотъ имѣли мужество жить и живете до сихъ поръ. Это не любовь. Я понимаю любовь иначе и не только готовъ, но отдамъ свою жизнь, когда... это потребуется. Откровенность за откровенность: именно такъ я люблю свою жену. Еслибы для ея счастья потребовалась моя жизнь—вотъ она!

Онъ хотѣлъ еще сказать что-то, но удержался, пристально посмотрѣлъ на Турыгина и опустилъ глаза.

— Все это не то, не то... Я хотѣлъ сказать совсѣмъ другое... Извините меня, со мной что-то дѣлается, я самъ не знаю, что говорю. Позвольте мнѣ уйти...

Онъ взялъ фуражку и робко протянулъ руку Турыгину. Тотъ горячо пожалъ ее, чтобы придать ему бодрости. На порогѣ комнаты Пронскій обернулся къ провожавшему его хозяину и отчетливо проговорилъ:

— Чтò бы со мной ни случилось... чтò бы вы обо мнѣ ни услышали,—не судите меня дурно, Петръ Дмитріевичъ. О васъ я унесу самое лучшее воспоминаніе и противъ васъ я не предприму ничего подлаго.

— Охотно вѣрю вамъ, Семенъ Яковлевичъ. Такъ будьте завтра дома около двухъ часовъ. Не приходите ко мнѣ. И я не приду къ вамъ, чтобы не возбуждать ничьихъ подозрѣній и толковъ. Я вамъ пришлю деньги на домъ въ плотномъ, запечатанномъ конвертѣ.

— А вексель?

— Никакихъ векселей мнѣ не надо. И расписки не надо. Вѣдь, если вы рѣшились отдать мнѣ эти деньги, вы отдадите безъ векселей и расписокъ.

— Благодарю васъ. Прощайте и будьте счастливы.

— До свиданья.

— Нѣтъ, прощайте,— настойчиво проговорилъ Пронскій.—Я съ вами не увижусь. Я уѣду отсюда... надолго. Позволите поцѣловать васъ?—вдругъ спросилъ онъ.

Они поцѣловались.

— Прощайте же и не вспоминайте обо мнѣ дурно.

Онъ ушелъ. Турыгинъ заперъ за нимъ двери и вернулся въ комнату.

Буря стихала, снѣгъ перестадъ, выглянула луна. Турыгин подошелъ къ окну и взглянулъ на дворъ. Высокія деревья, покрытыя тяжелой ризой снѣга, высились передъ нимъ, залитыя серебрянымъ свѣтомъ луны, и стояли теперь неподвижно, какъ буд все уже было между ними переговорено и рѣшено навсегда. Так

же опредѣленное чувство царило и въ немъ самомъ. Какъ только Пронскій исчезъ за дверью, тотчасъ же въ Турыгинѣ укрѣпилось его рѣшеніе помочь ему. Въ его присутствіи онъ чувствовалъ какую-то неловкость, нерѣшимость, смущеніе. Теперь ему ясно стало, что онъ долженъ помочь несчастному человѣку и что иначе поступить онъ не можетъ. Почти спокойный, какъ человѣкъ разъ навсегда выяснившій свои сомнѣнія, онъ подошелъ къ письменному столу, на которомъ гасла лампа.

На одно мгновеніе въ его утомленномъ мозгу мелькнула мысль: правильно ли онъ поступаетъ, собираясь вернуть обществу его несомнѣнно порочнаго члена?

Но ему сдѣлалось совѣстно при этой мысли. И какъ бы желая провѣрить себя, онъ нагнулся надъ книгой и прочиталъ первое попавшееся ему мѣсто:

«Высшій характеръ любви есть благожелательство—содѣйствіе увеличенію и совершенству человѣческаго блага. Безъ него и правда, хотя законная, остается холодной, бездушной, не проникнутой участіемъ сердца, а слѣдовательно безотрадной. Одна любовь влечетъ людей другъ къ другу, учитъ принимать въ судьбѣ ближняго полное сердечное участіе—«радоваться съ радующимися, плакать съ плачущими»—и тѣмъ возвышать радость и облегчить горе другихъ. Любовь воспитываетъ полезнаго члена общества, утѣшаетъ страждущаго, останавливаетъ отъ паденія слабаго и обращаетъ на путь долга и правды павшаго».

Лампа потухла и Турыгинъ не могъ уже читать дальше.

Успокоенный, весь во власти радостнаго настроенія, онъ пошелъ спать.

II.

На слѣдующій день Турыгинъ отправился въ банкъ.

Онъ былъ очень разстроенъ вслѣдствіе плохо проведенной ночи. Онъ почти не спалъ. Перебирая въ умѣ разговоръ съ Пронскимъ, онъ пришелъ къ страннымъ выводамъ. Было что-то необыкновенное во всемъ поведеніи Пронскаго, въ его словахъ, въ ыраженіи его лица и глазъ, въ его жестахъ. Онъ походилъ не на ловѣка уже совершившаго преступленіе, а скорѣе на человѣка *товящагося* его совершить. Турыгинъ понялъ это только ночью, гда тщетно старался уснуть и когда полная тишина ночи выясла передъ нимъ рельефнѣе слова и видъ Пронскаго. Въ его рѣхъ и манерѣ держаться и въ особенности въ неуловимыхъ то-

нахъ его голоса было нѣчто особенное, нѣчто необыкновенное, крайне подозрительное. Очевидно, у него на душѣ была какая - то тайна, которую онъ тщательно скрывалъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желалъ высказать. Она тяготила его, мучила, давила. Но онъ не былъ интимнымъ другомъ Турыгина, даже не былъ близокъ ему и, конечно, только это обстоятельство и помѣшало ему облегчить душу откровеннымъ признаніемъ.

И это смущало Турыгина. Переворачиваясь съ боку-на-бокъ, онъ нѣсколько разъ задавалъ себѣ мучительный вопросъ: хорошо ли онъ сдѣлалъ, это согласился выручить Пронскаго? Но дѣло было уже сдѣлано и идти назадъ было поздно.

Директоръ банка принялъ его въ кабинетѣ.

Турыгина въ банкѣ считали за образцоваго служащаго. Онъ былъ аккуратенъ, исполнителенъ, не боялся труда, не усчитывалъ служебнаго времени и исполнялъ свои обязанности съ педантической точностью. Его очень цѣнили за эти рѣдкія качества. Но его не любили. Не любили за его замкнутость, за его нелюдимость, угрюмость, необщительность. Никому не было доступа въ его наглухо запертую внутреннюю жизнь. Это раздражало и обижало его сослуживцевъ. Они его считали гордецомъ, человѣкомъ временно находящимся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; всѣ знали, что его отецъ—милліонеръ и что послѣ смерти этого отца сынъ, да еще старшій, получитъ львиную долю наслѣдства. Слѣдовательно, если онъ теперь занимаетъ скромное мѣстечко въ провинціальномъ отдѣленіи банка, то это лишь по временнымъ недоразумѣніямъ съ отцомъ и даже, вѣроятно, единственно потому, что отецъ, какъ дѣловой человѣкъ, просто-на-просто хочетъ, чтобы его сынъ прошелъ дѣловую школу на практикѣ, съ низшихъ ступеней. Конечно, это не должно было понравиться сыну, который не могъ же не знать о состояніи отца и не могъ не мечтать о болѣе веселой и болѣе интересной жизни, чѣмъ прозябаніе въ провинціальномъ уголкѣ. Но его вмѣстѣ съ тѣмъ боялись. Не сегодня - завтра онъ можетъ сдѣлаться милліонеромъ. Какъ же не сохранить за собой его расположенія? Мало ли что можетъ случиться и что можетъ потребоваться? Поэтому въ отношеніяхъ товарищей къ нему проглядывало сквозь наружную холодность и равнодушіе нѣкоторое подобострастіе, нѣкая угодливость.

Турыгинъ очень страдалъ отъ этихъ установившихся отношеній. Но измѣнить ихъ онъ былъ не въ силахъ. Онъ не могъ переработать своего замкнутаго характера, да и еслибъ люди, его окружавшіе, стали бы относиться къ нему ласковѣе, сердечнѣе, он

сталъ бы зорко всматриваться въ ихъ лица и прислушиваться къ ихъ рѣчамъ. Онъ не довѣрялъ людямъ. Онъ былъ бы увѣренъ, что отношенія ихъ измѣнились вслѣдствіе существованія отцовскихъ милліоновъ и предположенія, что эти милліоны сдѣлаются его собственными. Онъ переживалъ эти сомнѣнія молча, ни съ кѣмъ не дѣлясь своими мыслями, не будучи въ состояніи найти родственную душу, не будучи увѣреннымъ, что его поймутъ и не обвинятъ въ лицемѣріи и фальши.

Начальство относилось къ нему покровительственно. Его, выражаясь мѣстнымъ языкомъ, «менажировали». Еще бы! У его отца въ столичномъ отдѣленіи банка были вклады—весьма солидные конечно—и онъ состоялъ чуть ли не главнымъ акціонеромъ общества. И въ отношеніяхъ начальства было то же искательство, та же угадливость, нѣсколько затуманенная, болѣе прикрытая.

Ахъ, съ какой радостью Турыгинъ перемѣнилъ бы свою фамилію, еслибъ только это было возможно! Всюду его преслѣдовало имя отца милліонера; и его милліоны, которыхъ онъ никогда не видѣлъ и знать не хотѣлъ, жестоко тяготѣли надъ нимъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ его директоръ, усаживая его на стулъ противъ себя и подавая ему руку.

Турыгинъ почувствовалъ, какъ задрожали его ноги, какъ выступилъ потъ на его лбѣ. Онъ растерялся. Онъ съ радостью бы пошелъ назадъ, ничего не сказавъ директору. Но было уже поздно. Онъ пришелъ, онъ долженъ былъ говорить. Директоръ молча смотрѣлъ на него, выжидая отвѣта.

— Ефимъ Сергѣевичъ,—началъ было Турыгинъ и остановился, не будучи въ силахъ продолжать. «Какъ тяжело просить... да еще за другого, каково же просить для себя»—быстро мелькнуло у него въ умѣ. — Ефимъ Сергѣевичъ... я пришелъ къ вамъ съ просьбой,—наконецъ выговорилъ онъ.

— Что такое?—спросилъ Ефимъ Сергѣевичъ.

— Мнѣ нужно... мнѣ нужны деньги.

— «Денегъ дай, денегъ дай и успѣха ожидай!»—сбалагурилъ директоръ.—Деньги всякому нужны, это самый больной нервъ современной цивилизаціи. Сколько?

— Мнѣ много нужно, Ефимъ Сергѣевичъ.

— Гм... «много». Это понятіе условное и растяжимое. Въ математикѣ существуютъ понятія о безконечно-малыхъ и безконечно-большихъ величинахъ. Все, что между ними и много и мало— depends! Вы какъ? Ближе къ безконечно большимъ или безконечно-малымъ? Ничего нѣтъ точнѣе цифръ. Цифры бываютъ одно-

значные, двузначные и такъ далѣе. Какая ваша цифра? Вѣроятно, трехзначная? Такъ возьмите въ счетъ содержанія. Я прикажу выдать.

И онъ приготовился нажать электрическую кнопку.

— Мнѣ гораздо больше нужно, — чуть не прошепталъ Турыгинъ, все больше и больше конфузясь.

— Больше?—удивился Ефимъ Сергѣевичъ, не покидая своего излюбленнаго веселаго тона.—То-есть какъ это больше? Больше чего именно? Вы не назвали цифры. Это нѣкій иксъ. Скажите wie viel?

— Мнѣ нужно семь тысячъ... или нѣтъ, я ошибся... виноватъ, мнѣ нужно шесть тысячъ пятьсотъ.

— Шесть тысячъ пятьсотъ!—дѣлая комическое лицо, проговорилъ директоръ.—Это недалеко отъ семи. Почему не семь, почему не шесть, а нѣкоторая дробь, впрочемъ, довольно крупненькая? Впрочемъ, это меня не касается. Любопытство есть мать всѣхъ пороковъ, а ужъ если и не мать, то несомнѣнно ближайшая родственница. Но, cher ami, знаете ли, что хотя эта цифра—четырехзначная, однако—и далека отъ такъ называемыхъ безконечно большихъ величинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея физіономіи ничего нѣтъ похожаго и на безконечно малыя? Съ одной стороны нельзя не признаться, а съ другой не сознаться, ну и прочее. Конечно, принимая во вниманіе, это проситъ будущій акціонеръ банка. Tiens! Une idée. А папахенъ? Что вы скажете о достоуважаемомъ Дмитріи Валентиновичѣ Турыгинѣ? Еслибъ, того... заставить играть телеграфъ? Депешку? Знаете, что-нибудь вродѣ: Donnez-moi quelque chose, папахенъ, а? Ловко придумано? — старался отвильнуть Ефимъ Сергѣевичъ.

— Конечно, онъ бы мнѣ не отказалъ, — въ первый разъ въ жизни солгалъ Турыгинъ и густо покраснѣлъ.

— И чудесно! Дѣло въ шляпѣ, какъ говорятъ фокусники. Только они вынимаютъ изъ шляпы яйца, а мы вынемъ радужныя. Это вѣдь ловче, а? Не хотите ли присѣсть и черкнуть? Нѣтъ? А почему, смѣю спросить?

— Я очень не хотѣлъ бы обращаться къ отцу, — смущенн промолвилъ Турыгинъ.—Я никогда не прошу у него денегъ.

— Похвально. Понимаю. Вы не хотите терять у него кредит Дескать пущай онъ будетъ въ полной увѣренности, что я соли ный сынъ. Отъ этого убытка не будетъ, а? Такъ, что ли?

— Пожалуй, что такъ,—опять солгалъ Турыгинъ.

— Хвалю. Но тогда я не вижу, какъ выдти изъ этого полож

нія, какъ сказалъ одинъ генералъ, взятый въ плѣнъ турками, а можетъ быть и не турками. Дайте сообразить. Тэкъ-съ, шесть тысячъ пятьсотъ. Но почему именно «пятьсотъ»? Ишь проклятая мать всѣхъ пороковъ.

— У меня есть пятьсотъ рублей своихъ.

— Прикопили? По всему вижу, будете имѣть милліоны. И скоро нужно?

— Сегодня.

— О-о! Значитъ: вынь да положь? А какъ же это сотворить? Ума не приложу. Надо вѣдь доложить совѣту... нечестивыхъ. А совѣтъ нечестивыхъ, хотя бы ему и было доложено о семъ многосложномъ и весьма запутанномъ дѣлѣ, не разрѣшитъ. Н-нѣтъ,— протянулъ онъ,—не разрѣшитъ. А почему не разрѣшитъ? Ибо нѣтъ такого правила. Правила нѣту. Это довольно возмутительно, что такого правила нѣту, согласенъ, но тѣмъ не менѣе оно есть... то-есть есть такое правило, чтобъ не выдавать. А какое обезпеченіе?

— Жалованье.

— Маловато-съ. Нельзя ли, ваша милость, прибавить?

— Вексель или расписка... я не знаю. Обязательство.

— Звукъ пустой. Вексель имѣетъ цѣну, пока на немъ не стоитъ чьей-либо подписи. Тогда въ табачной лавочкѣ онъ имѣетъ свою цѣну, пока чистъ. Ну, а ужъ какъ только «повиненъ я»... «или кому онъ прикажетъ»,—ну, и дрянь, просто дрянь, макулатура, такъ сказать, и можно въ него завертывать пирожки. Да и опять правила нѣту.

— Я черезъ недѣлю отдамъ, Ефимъ Сергѣевичъ, — проговорилъ упавшимъ голосомъ Турыгинъ, въ видѣ послѣдняго аргумента, собираясь мысленно, въ случаѣ неудачи уходить. Ему надоѣло балагурство директора. Никогда нельзя было постичь, что скрывается за этой болтовней: желаніе ли помочь или рѣшеніе отказать.

— Черезъ недѣлю! — высоко поднявъ брови, чуть не вскрикнулъ Ефимъ Сергѣевичъ. — Черезъ недѣлю! Отъ сего тысяча восемьсотъ такого-то года, дня и мѣсяца, черезъ семь дней повиненъ ..ну и прочее...—и вдругъ, хлопнувъ Турыгина по колѣну, онъ хихикалъ и конфиденціальнымъ шепотомъ произнесъ: — cherchez femme, значитъ? Э, этакое нѣкоторое романтическое приключеніе?...

Турыгинъ поникъ головой, ничего не отвѣтивъ. Лгать онъ больше не могъ.

Директоръ вдругъ перемѣнилъ тонъ. Онъ взглянулъ на часы, вскрикнулъ отъ изумленія и заторопился.

— Время-то, время-то ушло!—быстро заговорилъ онъ.—Вотъ что, cher ami, ступайте попросите двухъ товарищей поручиться за васъ... Если это вамъ удастся,—а это удастся несомнѣнно,—я вамъ выдамъ требуемую сумму на свой рискъ и страхъ. Ежели вы не уплатите въ срокъ, пострадаютъ ваши поручители и азъ многогрѣшный. Ступайте и торопитесь, я пока посижу здѣсь; черезъ полчаса я долженъ уѣхать.

Турыгинъ отправился за поисками поручителей. Директоръ былъ правъ: ему не отказали. Напротивъ, это имъ польстило,—Турыгинъ вдругъ заговорилъ съ ними и не только просто заговорилъ, а въ просительной формѣ. Какъ было не согласиться? Еслибъ даже онъ не отдалъ этихъ денегъ, все равно никакого риска не было. Вѣдь не допуститъ же, въ самомъ дѣлѣ, милліонеръ Турыгинъ своего сына до скандала.

Всѣ формальности были очень скоро исполнены, и Турыгинъ возвратился домой съ туго-набитымъ банковскимъ портфелемъ. По дорогѣ онъ зашелъ въ сберегательную кассу и вынулъ свой вкладъ.

Онъ еще разъ тщательно пересчиталъ деньги, положилъ ихъ въ холщевый конвертъ и отправилъ, предварительно запечатавъ его, по адресу Пронскаго.

Только тогда онъ нѣсколько успокоился. Все время съ самаго утра и до этого момента онъ горѣлъ какъ въ лихорадкѣ и чувствовалъ себя прескверно. Ему казалось, что онъ совершаетъ преступленіе. Все вѣдь можетъ случиться: Пронскій не получитъ во время ожидаемыхъ имъ денегъ и что тогда? Онъ, Турыгинъ, будетъ опозоренъ, подведетъ товарищей и директора и долженъ будетъ ѣхать просить денегъ у отца. О, только бы не это! Все что угодно, но не этотъ позоръ, не это ужасное униженіе, которое къ тому же можетъ ничѣмъ не кончиться.

И въ болѣзненномъ воображеніи его рисовались ему эти мрачныя картины, отъ которыхъ онъ никакъ не могъ отдѣлаться.

«Не знаю, какъ выразить вамъ мою благодарность, дорогой Петръ Дмитріевичъ. Вашей услуги я никогда не забуду, что бы со мной ни случилось.

Прощайте, тороплюсь окончить начатое дѣло».

Подписи не было.

Турыгинъ прочелъ письмо и задумался.

До очевидности ясно ему стало, что у Пронскаго что-то задумано. Эта повторяющяся фраза—въ письмѣ и въ разговорѣ—чт

съ нимъ должно что-то случиться крайне подозрительна. Разъ онъ внесетъ недостающія деньги, что же можетъ случиться съ нимъ? Онъ что-то затѣваетъ. Но что именно? Бѣжать съ деньгами за границу? Не можетъ быть! Развѣ убѣгаютъ съ такою ничтожною суммой?

И онъ терялся въ догадкахъ и его еще больше терзали угрызенія совѣсти. Почему онъ не отказалъ ему прямо, рѣзко, сразу? Вѣдь онъ былъ бы правъ. У него не было своихъ денегъ, слѣдовательно онъ и не могъ помочь Пронскому. Собственно вѣдь помогли ему эти два поручителя и директоръ и только фирма помощи—его, турыгинская.

Онъ сталъ припоминать исторію Пронскаго, о которомъ одно время много говорили въ городѣ. Пронскій считался самымъ блестящимъ офицеромъ въ этомъ провинціальномъ уголкѣ. Онъ былъ не глупъ, хорошо воспитанъ, держался нѣсколько въ сторонѣ отъ провинціальнаго общества, которое ему, по всему видимому, не очень нравилось. Онъ вовсе не участвовалъ въ городскихъ спектакляхъ и рѣдко принималъ участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ. Онъ много читалъ. Говорили про него, что онъ перешелъ сюда изъ гвардіи по недостатку средствъ, которыя были ограничены. Жизнь онъ велъ скромную, тратя деньги на обстановку и на одежду. Одѣтъ онъ былъ всегда не только чисто, но и щеголевато. Куда же онъ могъ растратить деньги? Годъ тому назадъ онъ внезапно женился, удививъ весь городъ. Обыкновенно въ городѣ знали обо всѣхъ существующихъ городскихъ «романахъ»; съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за ихъ развитіемъ, предсказывали тотъ или иной исходъ. И вдругъ свадьба Пронскаго свалилась досужимъ любопытствующимъ какъ снѣгъ на голову. Онъ женился на барышнѣ, о которой ходили недобрые слухи,—основательные или нѣтъ, никто этого не зналъ конечно достовѣрно. Но особенность провинціальной жизни именно и заключается въ томъ, чтобы слухи ловить, преувеличивать, и чѣмъ невозможнѣе слухъ, тѣмъ охотнѣе ему вѣрить. Барышня была дочерью отставного чиновника, служившаго когда-то въ казенной палатѣ. Вокругъ него всѣ брали взятки, онъ одинъ ихъ не бралъ. Поэтому его исключили изъ с жбы за взятки. Однако онъ сумѣлъ оправдаться и доказать свою в инность. На службу его вновь не приняли, но пенсіей наг дили.

Пенсіи было конечно недостаточно, чтобы жить даже въ такомъ г одѣ, какимъ былъ этотъ провинціальный уголокъ. Поэтому чи- ч чикъ не жилъ, а перебивался съ трудомъ. Между тѣмъ его дочь

красавица-барышня, съ огненными глазами, волнистыми волосами и роскошнымъ бюстомъ, не отказывала себѣ ни въ чемъ. Главный пунктъ обвиненія заключался въ томъ, что она была всегда одѣта по модѣ, съ достаточнымъ изяществомъ, хотя платья шила «хозяйственнымъ способомъ» изъ дешевенькаго матеріала, но всегда по послѣдней картинкѣ. Важнымъ преступленіемъ было и то, что она завела велосипедъ и каталась на немъ. Но было множество болѣе мелкихъ преступленій: она держала себя гордо, насмѣшливо, не обращала вниманія на ходившіе объ ней слухи и поступала посвоему, игнорируя неодобрительные взгляды и кривыя усмѣшки. Началось, конечно, неизбѣжное провинціальное дознаніе: откуда она беретъ деньги? Это ужасно всѣхъ безпокоило. Находились храбрые люди изъ молодежи, которые ухаживали за нею, прельщаясь ея необыкновенною красотой, но она гордо отвергала ихъ ухаживанья и не обращала на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Это оскорбило общество. Въ концѣ-концовъ ею перестали интересоваться и оставили ее въ покоѣ, исключивъ ее изъ предметовъ общественныхъ разговоровъ. Она, казалось, ни мало не обидѣлась этимъ: продолжала ѣздить на велосипедѣ, посѣщать городской садъ, гулять съ назависимымъ видомъ по единственной большой улицѣ города.

И вдругъ она вышла замужъ за Пронскаго. Это возмутило рѣшительно всѣхъ. О ней снова заговорили. Какъ, Катя Холмова вышла замужъ за блестящаго Пронскаго? Сначала этому не вѣрили. Хотѣли распространить слухи, что никакого брака не было, «а просто такъ». Этому трудно было повѣрить, потому что всѣ знали церковь, гдѣ совершился бракъ и священника, который самымъ законнымъ образомъ повѣнчалъ ихъ. Тогда принялись за предсказанія. Сначали увѣряли, что бракъ этотъ таитъ въ себѣ съ перваго дня зачатки разрушенія; потомъ, подробнѣе, стали говорить, что «она сбѣжитъ отъ него», что «она возьметъ его въ руки и покажетъ себя», что его нелюдимая, демоническая натура совершенно не подходитъ къ ея разнузданному характеру; полюбить она его не можетъ, потому что «слишкомъ широко пользовалась жизнью», а самъ онъ ее любитъ—тѣмъ хуже для него.

Нашлись конечно и мѣстные Добчинскіе и Бобчинскіе, которы передавали во всѣхъ подробностяхъ о томъ, какъ было сдѣлано как было принято предложеніе. Они «совершенно случайно», в тотъ знаменательный вечеръ, проходили мимо бесѣдки городско сада, въ которой сидѣла «влюбленная парочка». Такъ какъ всѣ извѣстно, что Екатерина Львовна всегда говоритъ громко и да

какъ бы бравируетъ этимъ, то они нисколько же не виноваты въ томъ, что все слышали. Она будто бы сказала ему: «Откровенность за откровенность: я согласна выйти за васъ замужъ, но... я не люблю васъ». Онъ ей отвѣтилъ: «А я васъ люблю безумно. Дѣлайте со мной что хотите, я буду рабомъ вашимъ, слугою, чѣмъ хотите. Но жить безъ васъ я не могу, а умереть страшно». «Зачѣмъ умирать?—сказала она,—будемъ друзьями и товарищами. У васъ будетъ красавица жена, у меня будетъ защитникъ мужъ. Но два условія: въ бѣдности я жить не согласна,—бѣдность мнѣ надоѣла до послѣдней степени. Поэтому позаботьтесь о средствахъ. И жить въ этой захолустной дырѣ я тоже не хочу больше. Поэтому увезите меня. И помните, что если вы согласитесь на эти условія, я сумѣю добиться ихъ исполненія. Я желаю жить въ столицѣ и ни въ чемъ ие нуждаться». Водворилось, молчаніе послѣ котораго раздался его взволнованный голосъ: «Я вамъ доставлю и то и другое. Моя любовь такова, что я ни передъ чѣмъ не остановлюсь и готовъ пожертвовать своею жизнью и честью, чтобы вывести васъ изъ невыносимаго положенія. Такая красавица, такая прелесть не можетъ, не должна глохнуть въ этой проклятой дырѣ. Но дайте мнѣ годъ. Я придумаю за это время выходъ. Можетъ быть, я погибну, но вы получите то, что желаете. На годъ терпѣнія согласны?»—«Согласна».—«Итакъ, рѣшено?»—«Рѣшено. А можетъ быть я васъ и полюблю, если вы исполните ваше обѣщаніе».—«Можетъ быть тогда уже поздно будетъ»,—сказалъ онъ.—«Любить никогда не поздно»,—отвѣтила она.

Вотъ все, что слышали вѣстовщики. Эта исторія надѣлала тогда много шума. О ней подробно, долго и тщательно толковали, пока она не надоѣла. Одни вѣрили ей, другіе—сомнѣвались. Если этотъ разсказъ былъ выдуманъ, то, во всякомъ случаѣ, придуманъ онъ былъ ловко и вполнѣ очерчивалъ нравственную сущность фигурировавшихъ въ немъ лицъ. Потомъ забыли объ этомъ разсказѣ и даже измѣнили свое отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ. Пронскіе стали выѣзжать, бывать въ обществѣ, принимать у себя въ домѣ. Стойкіе провинціальные умы еще помнили нанесенное имъ оскорбленіе въ словахъ «глухая дыра», но большинство приписало эти слова разыгравшемуся воображенію вѣстовщиковъ и поспѣшили забыть о «разговорѣ въ садовой бесѣдкѣ».

Все это припоминалъ теперь Турыгинъ, сначала смутно, туманно, потомъ все отчетливѣе и отчетливѣе, со всѣми подробностями. Онъ много разъ слышалъ этотъ разсказъ, но никогда не вслушивался со вниманіемъ, потому что мало интересовался город-

скими дѣлами и еще менѣе городскими сплетнями. Мало ли о комъ и что говорятъ. О немъ самомъ говорили не лучше и не меньше. Но онъ припоминалъ, что тогда онъ, все-таки, какъ будто заинтересовался этой, не совсѣмъ обыкновенной исторіей, и находя, что если она и вымышлена Добчинскими и Бобчинскими, то вымышлена не дурно и что у нихъ во всякомъ случаѣ имѣется нѣкоторое литературное дарованіе.

И вотъ теперь въ его головѣ поселилась мысль: а что какъ вся эта исторія правдива? Что какъ Пронскій прихватилъ казенныя деньги съ его деньгами и можетъ быть деньгами другихъ довѣрчивыхъ людей и укатитъ съ ними и съ женой за границу или въ Америку?

Но онъ самъ себя остановилъ на этомъ пунктѣ. Ужъ не проявляется ли и у него нѣкоторое литературное дарованіе? Вѣдь нужно же придумать такую исторію!...

И онъ успокоился, вновь отдавшись службѣ и своему любимому занятію—чтенію.

Но и среди чтенія и на службѣ мысль, засѣвшая въ немъ, возвращалась почти постоянно къ одному и тому же пункту. Вѣдь если это случится,—что же онъ будетъ дѣлать? И зачѣмъ все это свалилось именно на него? Жилъ онъ одиноко, замкнуто, далеко отъ жизни. Счастливъ онъ не былъ, но относительнымъ душевнымъ спокойствіемъ пользовался. Въ послѣднее время подошла такая минута жизни, когда приходится разсуждать о смыслѣ существованія. Такая минута неизбѣжно приходитъ въ жизни каждаго человѣка, живущаго умомъ и сердцемъ. И она является обыкновенно между тридцатью и сорока годами. Прошлое представляется длиннымъ и томительнымъ путемъ по безплодной пустынѣ, въ которой за все время можетъ быть попалось два-три прохладныхъ оазиса. Настоящее—унылымъ и печальнымъ, какъ всякая остановка на перевалѣ, когда поздно уже возвращаться назадъ, не хочется идти впередъ, вслѣдствіе утомленія и разочарованія; а будущее—представляется мрачнымъ и труднымъ спускомъ къ катакомбамъ, въ нѣдрахъ которыхъ царитъ мерзость запустѣнія, мракъ небытія, могильный холодъ смерти. И начинается смотръ прошлаго, размышленія о будущемъ; въ прошломъ— ошибки, нестроені‹ неурядицы; въ будущемъ они не повторятся, такъ какъ накопилс‹ опытъ жизни; но непремѣнно явится другой рядъ ошибокъ, кот‹ рыя еслибъ очутились какимъ-нибудь образомъ опять въ прош‹ ломъ, то-есть, еслибы существовало бы еще будущее будущаго, т‹ оказались бы опять столь же нелѣпыми и безсмысленными. А ‹

общемъ невыносимое и тупое блужданіе въ непроницаемой тьмѣ съ огаркомъ въ рукѣ, который ничего не въ состояніи освѣтить и который своимъ колеблющимся, обманчивымъ свѣтомъ вводитъ только въ заблужденіе и ложно освѣщаетъ попадающіеся на пути предметы. Всѣ человѣческія знанія, громко именуемыя положительными, вся человѣческая наука, что это—какъ не тусклый огарокъ, освѣщающій узенькій кругъ, за которымъ тьма еще глубже, еще непроницаемѣе, еще страшнѣе? Старый вопросъ о томъ, «что есть Истина», такъ же неразрѣшимъ въ наше время, какъ былъ онъ неразрѣшимъ восемнадцать вѣковъ назадъ. И всѣ мы похожи на наивнаго Пилата, у котораго не было руководящаго принципа, который также блуждалъ во тьмѣ, который тщетно вопрошалъ «что есть Истина,» и предалъ Истину на поруганіе и распятіе. Не вѣдалъ онъ что творилъ, но больше ли мы вѣдаемъ теперь?

И вотъ, какъ только вопросъ о смыслѣ существованія впервые явился въ душѣ Турыгина,—жизнь сразу ему опостылила. Да онъ и никогда не восхищался ею. Выросъ онъ подъ тяжелымъ гнетомъ отцовскаго деспотизма. Видѣлъ вокругъ себя слезы, обиды, оскорбленія, униженія. Когда—подросъ, сталъ понимать, что онъ растетъ одинокимъ. Онъ любилъ мать и мать любила его, но ихъ чувство было не свободно, потому что отецъ не допускалъ никакихъ изліяній. Онъ видѣлъ, какъ страдала его мать, слабая и больная женщина, все больше и больше угнетаемая отцомъ; онъ чувствовалъ, что она погибаетъ въ этой удушливой атмосферѣ накопленія богатствъ, царства денегъ; что-то больное, мучительное залегло съ юныхъ лѣтъ въ его душу. Онъ не могъ понять, для чего отецъ копитъ и «дѣлаетъ» деньги, когда ни самъ онъ, ни семья его не пользуются ими? Ни разу мать не ѣздила лѣчиться за границу, потому что отецъ считалъ это безумной роскошью, и молча, тихо, покорно таяла. Въ дѣтствѣ отецъ его жестоко высѣкъ за то, что онъ отдалъ нищему пятакъ, выданный ему отцомъ для покупки булки. Мальчикъ разсудилъ остаться безъ завтрака въ гимназіи, куда онъ ходилъ, но помочь бѣдняку. И за это онъ былъ наказанъ. Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ деньги.

Но въ немъ было несомнѣнно нѣчто отцовское: это—упорство достиженіи разъ намѣченной цѣли, сила характера. Чуть ли не этого злосчастнаго случая въ немъ зародилась идея о самостояьной жизни. И онъ сталъ упорно къ ней стремиться. Блестясдалъ экзаменъ въ гимназіи и, вопреки волѣ отца, поступилъ въ иверситетъ. Это были ужасные годы. Платить за ученіе было ѣмъ; надо было добывать уроки, переписку, работу. Освободить

отъ платы за ученье его не могли, такъ какъ никто не могъ повѣрить, что сынъ богача не можетъ внести за себя плату. Книгъ покупать было не на что: приходилось пользоваться у товарищей. Жить нужно было впроголодь. Но это послѣднее обстоятельство его безпокоило меньше всего, какъ и то, что онъ принужденъ былъ ходить въ рваныхъ сапогахъ и грязной одеждѣ.

И все-таки, въ концѣ-концовъ, вся эта борьба не привела ни къ чему и онъ долженъ былъ покинуть университетъ, не кончивъ въ немъ курса. Это было жестокимъ ударомъ судьбы, которая выбросила его въ жизнь и исковеркала ее.

Вотъ онъ добился кое-какъ того, къ чему такъ страстно стремился: къ самостоятельности и независимости. Онъ въ состояніи прокармливать себя. Ну и что же? Гдѣ же руководящій принципъ жизни, гдѣ скрывается тотъ свѣточъ, къ которому нужно стремиться? Въ чемъ житейская мораль? Нужно работать, чтобы имѣть деньги. Хорошо. Нужно имѣть деньги, чтобы ѣсть и пить. Отлично. Нужно ѣсть и пить, чтобы жить. Еще лучше. Но для чего нужно жить? Вѣдь деньги, пища и питье—не принципы же жизни, въ самомъ дѣлѣ? И царство Божіе—не пища и питье. «Будемъ искать того, что служитъ миру и назиданію». Какъ все это туманно и непонятно!

Но какъ же жить безъ принципа? Да и что такое принципъ? Нѣчто вродѣ знамени, которое можно выбрать по собственному вкусу, по тому цвѣту или по тѣмъ сочетаніямъ цвѣтовъ, которыя ласкаютъ субъективный глазъ. Или принципъ нѣчто внутреннее, органическое, зараждающееся въ духовной сущности человѣка и предназначенное руководить, двигать, направлять его мысли и сердечные порывы? Но въ такомъ случаѣ — одинъ ли онъ незыблемый, прочный, основной для всѣхъ людей, или у каждаго свой? У его отца принципъ—деньги, накопленіе ихъ. У его матери, очевидно,—безропотная покорность; у него самого—самостоятельное существованіе, у Пронскаго—безумная любовь къ женѣ. Но развѣ это принципы? И если да, то какъ они мелки, пошлы, ничтожны!... Неужели нѣтъ принципа высшаго, общаго, все объединяющаго? Если онъ есть, зачѣмъ онъ такъ тщательно скрытъ отъ людского пониманія, зачѣмъ его нужно искать, завоевывать? Зачѣмъ онъ не такъ же несомнѣненъ, не такъ же безспоренъ, какъ матеріальный принципъ жизни? Чтобы существовать, необходимо питаться. Вотъ это всѣ знаютъ и исполняютъ и противъ этого онъ не споритъ...

Говорили ему и самъ онъ читалъ, что принципъ нравственной жизни, что сокровенный его смыслъ заключенъ въ вѣрѣ, въ ре-

гіи. До сихъ поръ онъ мало интересовался этими вопросами, но теперь, уставъ жить безсмысленно, принявшись искать смысла жизни, онъ сталъ заниматься этими вопросами. И на первыхъ же порахъ тучи сомнѣній и недоразумѣній осадили его. «Всѣ заботы свои возложите на Него, ибо Онъ печется о васъ», читалъ онъ слова апостола Петра въ книгѣ. Значитъ, нужно оставаться пассивнымъ? Значитъ, нужно сложить паруса, бросить руль и нестись по житейскому морю безъ кормила и весла, потому что есть невидимый кормчій, направляющій нашу ладью? Но такъ живутъ дѣти, подъ ферулой нянекъ и боннъ. Но за то у дѣтей нѣтъ принциповъ, нѣтъ активной жизни, нѣтъ и заслугъ. Читалъ онъ, что съ нашей стороны требуется лишь *не препятствовать* дѣйствію божественной любви; но кто же будетъ ей препятствовать, коли сказано, что на нее нужно возложить всѣ свои заботы? Это было бы со стороны человѣка актомъ неразумія и даже безумія! Еще читалъ онъ, что «нѣтъ преступленія, превышающаго Его милосердіе». И опять онъ ничего не понялъ. Стало быть «все позволено?» Имѣя такую заручку, что божественное милосердіе покроетъ самое ужасное преступленіе, можно пуститься во всѣ тяжкія грѣха? Но тогда это ученіе соблазнительное, безнравственное. Въ опроверженіе этого говорятъ, что человѣку оставлена свободная воля избрать тотъ или иной путь: путь грѣха и путь спасенія. Но это противорѣчитъ многому: какая же это свобода, если сказано всѣ заботы возложить на Него; если даже избирать путь грѣха,—все равно Его милосердіе покроетъ всякій грѣхъ. Да и какъ можетъ быть такому темному существу, какъ человѣкъ, предоставлена свобода воли? Да и не въ Писаніи ли сказано: «все изъ Него, Имъ и къ Нему». И, тѣмъ не менѣе, за человѣкомъ все-таки признано право считаться разумнымъ, нравственнымъ и свободнымъ. Но какъ же онъ можетъ считаться таковымъ, когда высшій смыслъ жизни тщательно скрытъ отъ него. Онъ припоминалъ и университетскія лекціи своихъ любимыхъ профессоровъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что свобода и ея элементы—нравственность и разумъ осуществляются внутреннимъ актомъ собственной воли; что то что дано in potentia необходимо развить in actu. Между тѣмъ какъ другой профес-
...ъ, читавшій о философскихъ системахъ, говорилъ о томъ,
... вся философія, начиная съ Канта, отказываетъ разуму въ
...наніи высшихъ истинъ и даетъ ему просторъ только въ об-
...ти наблюденія и опыта; современный вѣкъ вѣруетъ въ де-
...минизмъ и подчиняетъ человѣка фаталистическому прогрессу.
...шая воля неизвѣстна, а потому нельзя вѣрить въ невѣдо-

мый, хотя быть можетъ и существующій принципъ. И вотъ всѣ мотивы человѣческой дѣятельности зиждутся на принципахъ практической пользы, житейскаго разсчета и низменныхъ удовольствій и наслажденій... Ну, и что же дѣлать? Жить какъ всѣ живутъ? Жить животной жизнью, не задумываясь надъ «проклятыми вопросами» жизни? Жить по-волчьи? Исповѣдывать эгоизмъ какъ самый удобный практическій принципъ? «Съ волками жить — по-волчьи выть...» Или ужъ, если во что бы то ни стало необходимы принципы, то увѣровать, во имя нравственности и религіи, въ принципъ соціальной коммунистской любви и тѣмъ возжечь пламя ненависти между людьми и въ результатѣ этой вражды ждать осуществленія высшаго блага человѣчества—равенства и братства? Но и это—утопія. И этотъ, опять-таки, только лишь практическій и матеріальный результатъ недостижимъ, потому что зло сильнѣе добра, личное благо сильнѣе соціальнаго и сила зла зависитъ, по Лейбницу, отъ нѣкоей безразличной свободы, ограниченности и неполноты бытія; по Шеллингу—отъ дуализма, отъ имманентности зла, отъ какой-то темной основы въ Богѣ. И вотъ элементы человѣческаго существованія: животная жизнь, отъ которой нѣтъ возможности отрѣшиться, и стремленіе къ высшему невѣдомому принципу, къ которому невозможно приблизиться; отсюда—раздвоенность, неудовлетворенность, отчаянье,—сознаніе лжи, часто ненависть къ ней и другое сознаніе, что нѣтъ никакой возможности прекратить ложь. Ну, и надо махнуть рукой на нравственные идеалы, жить какъ живется, въ разладѣ съ собой, въ мечтахъ о невѣдомой Истинѣ и Красотѣ среди очень вѣдомой лжи и насилія...

Но онъ такъ жить не въ состояніи. Онъ дошелъ до того перевала, когда необходимо ясно поставить себѣ вопросъ: что дѣлать? Какъ выйти изъ этого безвыходнаго положенія? Праздный вопросъ! Разъ положеніе безвыходно,—изъ него выйти нельзя. Гдѣ же эта пресловутая свобода воли? И что она такое? Слѣпое побужденіе «постулата»—категорическаго императива? Или детерминизмъ, основаніе котораго,—разумъ безъ свободы? И вотъ надо пожертвовать или логикой, или этикой. Вмѣсто этики признать физику и психофизику, господство механическихъ законовъ, господство фактовъ и эмпирическаго опыта,—однимъ словомъ, провозгласить позитивную философію какъ основу жизни.

Но развѣ это выходъ? Критицизмъ и скептицизмъ — вотъ современные двигатели. Да вотъ и онъ, Турыгинъ, сталъ скептикомъ, но онъ хочетъ быть скептикомъ честнымъ: скептически относиться къ тому, чего не познал, и не закрывать глазъ на то, что позналъ

возможно. И нужно искать. «Идите и обрящете, стучите и отверзется вамъ». И вотъ съ тяжелыми думами на уставшей душѣ, съ неразрѣшенными сомнѣніями въ умѣ, съ гнетущею накипью на сердцѣ онъ пустился въ трудный путь, въ поиски за Истиной. И ему вспоминались слова Паскаля: «Ты не искалъ бы Меня такъ, если бы уже не нашелъ Меня».

Ахъ, еслибъ это было такъ!

Но это не такъ. И если въ концѣ предпринятаго имъ пути онъ ничего не найдетъ, если этотъ путь приведетъ его къ наглухо-закрытой двери, въ которую онъ будетъ стучать и которая не отворится, что тогда дѣлать?

Ну, тогда одинъ исходъ, одно разрѣшеніе—Смерть. Но развѣ это—исходъ? Это опять нѣчто таинственное и опять нѣчто невѣдомое, столь же таинственное и невѣдомое, какъ Жизнь! Это лишь другой полюсъ того же Невѣдомаго.

Но, вѣдь, это же, наконецъ, ужасно, это жестоко, это безпощадно.

Холодный потъ охватывалъ его, дрожь пробѣгала по тѣлу, разсудокъ мутился, сердце усиленно, тревожно билось. Зачѣмъ, зачѣмъ проснулось въ немъ это мучительное исканіе смысла жизни?...

В. Я. Свѣтловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Милостивый государь,

Прилагаемые стихи написаны молодымъ человѣкомъ крестьяниномъ. Стихи, по моему мнѣнію, очень хороши и не только стоятъ того, чтобы быть напечатанными, но должны обратить на себя вниманіе, если будутъ напечатаны.

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ

5 апр. 1897 г. *Левъ Толстой.*

Пахарь.

Эй, ты, вылѣзь товарищъ! Родной!
Но, касатикъ кормилецъ, вали,—
Первый разъ что-ль идешь бороздой,
Такъ на старости лѣтъ ты ее не криви.
И скрипитъ, и трещитъ хомутишко плохой,
Паръ столбомъ отъ буланаго друга,
И бредетъ онъ, качаясь, и съ каждой лѣхой
На бокахъ его слабнетъ подпруга.
Бороздой онъ по нивамъ ходить не отвыкъ,
Не была-бъ борозда искривлена,
Да кормилъ-то соломой хозяинъ-мужикъ,
Что изъ крыши для корма свалена.
Онъ и самъ-то, хозяинъ, идетъ чуть живой,
Почернѣлъ будто пень обгорѣлый,
Развѣ сытому такъ бы идти за сохой,
Не впервой чай рукѣ огрубѣлой.
Допахали вчера на господскомъ кругу,
Конь чуть живъ до межи дотащился,
Глянулъ робко хозяинъ на друга слугу,
Громко охнулъ и перекрестился.

На буланаго сѣсть не посмѣлъ онъ верхомъ,
И съ далекаго барскаго поля
Шелъ пѣшкомъ за сохой, да боролся съ грѣхомъ
И шепталъ все: эхъ, горькая доля!
Вечеряло; въ ночевку усѣлись грачи
На макушкѣ засохшей березы,
За горою вдали замирали лучи,
Освѣщая мужицкiя слезы.
Да! онъ плакалъ, и слезъ удержать не хотѣлъ,
Иль не могъ ослабѣвшей душою,
Все шагая, на лапти упорно смотрѣлъ,
Утирая слезу за слезою.
Какъ пришли съ пахоты ко двору,
Самъ калитку буланый отсунулъ
И глубоко въ родимомъ хлѣву
Въ ясли морду сухую засунулъ;
Погремѣлъ языкомъ тамъ по дну:
Ни зерна въ нихъ, ни былки,—обидно,—
Не насыпалъ какъ прежде хозяинъ ему,
Пожалѣлъ для товарища, видно.
Въ это время хозяинъ швырялъ съ пелены,
Раскрывая порывисто хату,
И ужъ черной соломы клоки свалены
Для обѣда усталому брату;
Онъ потомъ топоромъ ихъ съ плеча изрубилъ,
Разложилъ аккуратно въ корыто,
Изъ чугунки горячей водою облилъ,
Бабѣ крикнулъ: «Поди-ко сюда-то.
Что-жъ, муки добыла али нѣтъ?
И потупился, глядя съ тревогой.
«Добыла,—еле слышный раздался отвѣтъ
Изъ дверей развалюшки убогой,—
Только пудъ кумъ Матвѣй далъ взаймы,
Да и то попрекалъ и бранился.
Ай чѣмъ Бога съ тобою прогнѣвали мы?
Глянь-ко, высохъ ты весь, изморился?
Вѣдь пошлетъ же Госнодь бѣдняку,—
Уморимъ мы ребятъ...»—«Ну довольно!—
Крикнулъ мужъ.—Подавай что-ль муку.
Ты ужъ, мать, разболталась, чай, больно...»

Ту муку, что сейчасъ онъ раздѣлитъ съ конемъ,
Самъ уляжется спать полусытый,
И останется тайной, что было съ нимъ днемъ,—
Онъ заснетъ съ своимъ горемъ забытый.
Принесла та мѣшокъ, затряслась вся въ слезахъ,
Не сдержала, знать, бабья натура...
Повернулся къ ней пахарь съ улыбкой въ глазахъ.
«Ѳекла! Что ты? А Богъ-то! Эхъ, дура!...»

И опять утромъ солнце за лѣсомъ взойдетъ,
Бѣдняковъ и богатыхъ освѣтитъ,
Все добро, всю неправду Господь разберетъ
И въ дневникъ свой великій отмѣтитъ.
Ужъ давно пахарь въ полѣ опять за сохой,
Съ нимъ грачи вереницею ходятъ,
Они дружно сжились и при долѣ плохой
Въ бороздѣ свое счастье находятъ.
Но опять все крива и мелка борозда,
Знать пропала и бодрость и сила;
И на плечи больныя «Андревна» соха
Стопудовымъ ярмомъ надавила.
Но, закону судебъ повинуясь вполнѣ,
Тянутъ жалкія Божьи созданья,
И не имъ разсуждать ужъ, по чьей тутъ винѣ
Непосильныя терпятъ страданья.
Что другимъ, если бѣдный кормилецъ мужикъ,
Исполняя свой подвигъ великій,
Наѣдаться до-сыта давно ужъ отвыкъ
И живетъ испитой, блѣдноликій.
Что за трудъ въ продолженіе долгаго дня!
Онъ заплачетъ отъ думы сокрытой,
Разживется-ль муки у сосѣда жена,
Чтобъ семьѣ и скотинѣ быть сытой.
Но онъ крѣпокъ,—средь мудрыхъ законовъ Творца
Въ милость Божью онъ вѣритъ глубоко,
И съ молитвой свой крестъ донесетъ до конца,
И другихъ опередитъ далеко.
Эй, пошелъ!—раздается порой
Въ тишинѣ безконечнаго поля,
И идетъ онъ, качаясь, своей полосой,
Разсѣвая мужицкое горе.

Заскородитъ его горемычной судьбой,
Да слезами польетъ отъ засухи,
И съ улыбкой промолвитъ, довольный собой:
«Ну, теперь не умремъ съ голодухи.
Лишь бы Богъ зародилъ, а ужъ тамъ уберемъ.
Эй, пошелъ бороздой! Безтолковый!
Не тужи, обрастемъ, чередомъ заживемъ,
Да съ наборомъ хомутъ справимъ новый,
Накормлю и овсомъ, подвяжу колколецъ,
Какъ къ сватамъ мы на праздникъ сберемся.
Эй, ты вылѣзь, кормилецъ-отецъ,
Будетъ время, потерпимъ, дождемся!...»

Потерпи, мужичокъ, забавляйся мечтой,
Веселись, разгоняй свою скуку,
Но теперь я съ любовью стою предъ тобой,
Дай пожать твою грубую руку.
Ты прими мой привѣтъ, благодарность возьми
За свой край для родимаго края;
Мой поклонъ предъ тобой вплоть до самой земли
Я кладу, на другихъ не взирая.
Другъ, спасибо за тѣхъ, для кого цѣлый годъ
Кровь и потъ проливаешь въ работѣ,
Кто тобою, какъ трутень, въ довольствѣ живетъ,
И твоей же смѣется заботѣ.
И за тѣхъ, за презрѣнныхъ купцовъ-торгашей,—
Первый путь твоего разоренья,—
Что жирѣютъ отъ взятыхъ неправдой грошей,
Позабывши людей назначенье.
И за всѣхъ и за вся благодарность я шлю:
Будь здоровъ и великъ въ своей долѣ!
А въ минуты сознанья я Бога молю,
Чтобъ прошло твое горькое горе!

В. Ляпуновъ.

Тула.

ЗАМѢТКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

I.

За четыре съ полтиной.

Пробившись въ сугробѣ при самомъ въѣздѣ въ маленькую деревушку, мы окончательно стали. Гусевая лошадь запуталась такимъ образомъ, что повернулась головой къ санямъ. Теперь она испуганно фыркала, потряхивая заиндевѣвшею мордой, а коренникъ безпомощно топтался въ снѣгу на одномъ мѣстѣ.

— Ну, и народы здѣсь проживаютъ!—презрительно сказалъ мой ямщикъ.—Одно званіе, что деревня, а на мѣсто того въ снѣгу закопамшись, какъ зайцы въ оврагѣ.

Сдѣлалось очевиднымъ, что безъ посторонней помощи намъ обойтись не удастся; поэтому ямщикъ передалъ мнѣ вожжи, зачѣмъ-то ударилъ раза два гусевую по мордѣ и, утопая въ снѣгу, побѣжалъ къ ближайшей избенкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ возвратился онъ съ необыкновенно угрюмымъ, лохматаго вида мужикомъ, второпяхъ накинувшимъ полушубокъ на плечи, и они вдвоемъ, крича и ругаясь, принялись выпутывать лошадей. Наконецъ мы, что называется, «выправились» на дорогу.

— А гдѣ здѣсь, милый человѣкъ, училищу вашу найти?—спросилъ мой ямщикъ.

Угрюмаго вида мужикъ началъ раздумывать. Коренникъ, отряхиваясь отъ снѣга, позвякивалъ колокольчиками. Мужикъ, наконецъ, надумалъ.

— А нѣту у насъ ее, родимые, училища-то! Это вотъ еж[illegible] и, напримѣръ, вамъ въ Никольское,—такъ сейчасъ налѣво, тутъ [illegible] це ветелки пойдутъ. Верстъ съ шесть будетъ.

— Ахъ ты, братецъ ты мой, какой непонятный! Мы сами [illegible]йчасъ изъ Никольскаго: видишь, барина по училищамъ возимъ, [illegible] ты насъ опять тѣмъ же слѣдомъ!—говоритъ мой ямщикъ.

— У васъ здѣсь должна быть частная школа?—спрашиваю я.

— Чаво?

— Да гдѣ вы ребятъ-то учите, идолы! Вѣдь учите гдѣ-нибудь?—негодуетъ ямщикъ.

— Такъ это у насъ солдатикъ такой есть. Прозывается—Егоръ Митричъ. Вы бы такъ, родимые, и спросили про него. А то училищу! Онъ у насъ по-очереди изъ избы въ избу переходитъ. Теперь вонъ у Авдотьи, вонъ которая изба съ конькомъ повыше.

— Спасибо.

Училище было найдено. Угрюмый обыватель занесенной снѣгомъ деревушки никакъ не хотѣлъ признать его за училище, и можетъ случиться, что мой благосклонный читатель поступитъ совершенно такъ же. Если предъявить къ школѣ какія-нибудь опредѣленныя требованія не только со стороны внѣшняго, дисциплинарнаго порядка, но и со стороны ея внутренняго содержанія, тѣхъ задачъ, которыя она предполагаетъ выполнить,—то это, пожалуй, будетъ и не училище,—по крайней мѣрѣ съ общепризнанной точки зрѣнія. А между тѣмъ училище существуетъ. Никто его не предлагалъ, не навязывалъ, никакихъ средствъ на его содержаніе ни изъ какихъ суммъ не отпускалъ, а оно вотъ взяло да и объявилось, да и притомъ въ одной изъ самыхъ глухихъ деревушекъ. Кочуетъ оно изъ избы въ избу въ силу какихъ-нибудь, надо полагать, совершенно достаточныхъ основаній экономическаго характера, и все-таки существуетъ. Значитъ, создала его сама жизнь, и нужны какія-нибудь сверхъестественно-неблагопріятныя условія, чтобъ его сокрушить. Зачѣмъ же и для чего съ такимъ упорствомъ захолустная жизнь требуетъ его существованія? Опредѣленныхъ задачъ у такого училища нѣтъ, но за то нѣсколько неопредѣленныя и притомъ необыкновенно скромныя задачи всегда находятся въ полной наличности. Это—*въ большей или меньшей степени* научить двумъ простымъ навыкамъ—читать и писать.

— Намъ бы хоть мало-мальски, кой-какъ разбирать научились! Потому, главная причина, учетъ старосты. Или ежели опять взять сборщиковъ... Бумага напримѣрно, а что въ ей, въ бу- ѣ-то?

Мнѣ неисчислимое количество разъ слышавшему такія скром- ı пожеланія, поневолѣ приходится считать ихъ за minimum. одной стороны «хоть какъ-нибудь разбирать», потому что въ омномъ множествѣ «ходитъ бумага» и всѣми мѣрами старается улировать жизнь, а съ другой—искреннія и хорошія слезы дѣ-, умоляющихъ оставить ихъ еще на годъ по окончаніи курса

въ земскомъ училищѣ, настоящее горе отъ невозможности достать книжку,—вся эта хорошая и свѣтлая, рѣшительно ненасытная дѣтская любознательность. Земской школѣ выпало за послѣднее время на долю создать этотъ типъ жаждущихъ свѣта и знанія дѣтей и этимъ самымъ поставить насъ, сидящихъ по разнымъ захолустьямъ, въ нѣсколько затруднительное положеніе. Нѣтъ ни библіотекъ, ни даже отдѣльныхъ книгъ для чтенія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Дѣлается совѣстно отъ сознанія, что мы (да простятъ мнѣ это сравненіе!) словно выучили кого-нибудь, ну хоть столярному ремеслу, взявъ съ него предварительно честное слово, что онъ ни пилы, ни рубанка не возьметъ въ руки. А потомъ приходится считать «рецидивистовъ», забывающихъ грамоту по всему участку. Жаль только, что невозможно подсчитать того дѣтскаго горя, цѣной котораго достается это забвеніе.

Когда паръ, принесенный прямо изъ холодныхъ сѣней моею шубой и совершенно промерзшимъ тулупомъ моего ямщика, вошедшаго вслѣдъ за мной въ избу Авдотьи, бѣлымъ облакомъ поднялся къ закоптѣлому потолку,—передо мной предстало училище. За простымъ столомъ у окна сидѣли разнаго возраста дѣти. Учитель, среднихъ лѣтъ человѣкъ, въ которомъ по первому взгляду не трудно было отгадать отставного солдата, стоялъ на вытяжку у того же стола, повидимому очень смущенный неожиданнымъ посѣщеніемъ. Всѣхъ дѣтей оказалось девять,—все это были, разумѣется, мальчики. Передъ каждымъ изъ нихъ лежало по книгѣ, и мой приходъ помѣшалъ на время ихъ чтенію. Но, Боже мой, какъ разнообразны были эти книги! Я еще никогда не видалъ такого разнообразія книгъ для чтенія ни въ одной школѣ. Я нашелъ книжку г. Бунакова, растрепанный экземпляръ *Родного Слова*—годъ второй, букварь г. Тихомирова. Дальше шли какія-то то мнѣ незнакомыя азбуки съ удивительными картинами, изданныя Никольскимъ рынкомъ во славу россійскаго просвѣщенія. Но что мнѣ показалось особенно удивительнымъ и даже, если хотите, трогательнымъ, такъ это то, что ближайшій ко мнѣ мальчуганъ держалъ въ рукахъ засаленный экземпляръ рыцарской повѣсти *Гуакъ или непреоборимая вѣрность*.

— Сколько же, однако, у васъ здѣсь отдѣленій?—спрашив[illegible] я учителя.

— А нѣтъ нисколько, ваше благородіе! Потому, мы съ ка[illegible]дымъ отдѣльно. Который поступаетъ на мѣсяцъ, который на в[illegible] зиму. Опять же и то взять,—который ужъ буквы разбираетъ, [illegible] который и совсѣмъ неграмотный. А тѣхъ, которые вовсе безг[illegible]

мотны,—я на новый маперъ обучаю,—хвастливо прибавляетъ учитель.

— Что же это за новый маперъ такой?—интересуюсь я.

— А вотъ извольте посмотрѣть,—говоритъ учитель.

Онъ беретъ со стола аспидную доску, грифелемъ чертитъ на ней букву «б», высоко поднимаетъ доску надъ своей головой и говоритъ ребятамъ строгимъ тономъ опытнаго преподавателя.

— Тяните всѣ сразу. Что я тутъ написалъ?

— Бы-ы!—тянутъ дружно ребята.

— Вотъ изволите видѣть,—объясняетъ мнѣ Митричъ,—допрежъ того было «буки», а на новый маперъ прозывается «бы».

— Ну хоть и не «бы»,—говорю я,—однако же вѣдь обучаете, слава Богу. А вы сами въ нашей земской школѣ учились?

— Никакъ нѣтъ! Въ третьей ротѣ, въ гренадерскомъ полку, у г. поручика Пыжикова. Былъ еще у насъ вольноопредѣляющійся.

— Да-йка мнѣ, братъ Митричъ, маленечко табачку на цыгарку,—неожиданно прерываетъ его мой ямщикъ.

Митричъ сконфуженно суетъ ему свой кисетъ, очевидно понимая всю неумѣстность подобной фамильярности при ревизіи, да еще въ школѣ, и рѣшительнымъ жестомъ выпроваживаетъ его въ сѣни: кури, молъ, тамъ сколько хочешь.

Митричъ принимается за чтеніе. Звонкіе голоса дѣтей сливаются въ сплошной гулъ, въ которомъ я, на первыхъ порахъ, ничего не могу разобрать, кромѣ любовныхъ фразъ рыцарской повѣсти, потому что ближайшій ко мнѣ мальчуганъ выкрикиваетъ ихъ съ какимъ-то словно ожесточеніемъ. Но за то Митричъ, повидимому, великолѣпно приспособился къ этому способу преподаванія: онъ ухитряется улавливатъ ошибки, слышитъ среди общаго гула перевранныя слова и останавливаетъ то одного, то другого изъ своихъ учениковъ. Черезъ полчаса такой шумной работы мы отпускаемъ учениковъ; утомленіе слишкомъ ясно сказывается на ихъ лицахъ, да и самъ учитель видимо усталъ и отъ напряженія и отъ постоянныхъ окриковъ. Одинъ за другимъ выходятъ мальчики изъ избы и когда, наконецъ, мы остаемся вдвоемъ и присаживаемся за тотъ же столъ, за которымъ сидѣли ребята, Митричъ говоритъ мнѣ [illegible]нфуженно:

— Я, вѣдь, дешево! За полтинникъ съ мальчишки. Теперь [illegible]ъ за четыре съ полтиной въ мѣсяцъ работаю. Да и полтинника у нашего брата, ваше благородіе, не бываетъ. И я не неволю: [illegible] хочетъ, такъ и мукой, за полтора пуда на мѣсяцъ! Опять же [illegible]ч безъ письма, то и дешевле, и за 30 к. очень возможно.

Наступаетъ молчаніе. Собираясь уѣзжать, я надѣваю на себя полушубокъ и шубу,—всѣ тѣ громоздкія одежды, безъ которыхъ теперь нельзя и показаться въ степи. Митричъ продолжаетъ сидѣть за столомъ, и на его лицѣ написана какая-то дѣтски-робкая тревога. Чувствуется, что у него есть вопросъ, который для него теперь представляетъ необычайную важность, а ему, бравому служивому, нужно особое мужество, чтобы его задать. Наконецъ, онъ встаетъ изъ-за стола и говоритъ мнѣ съ непреклонною рѣшимостью.

— Дозвольте мнѣ насчетъ разрѣшенія! Дозвольте мнѣ этакимъ родомъ ребятъ обучать.

— Пожалуйста обучайте,—говорю я.—Это ваше право; былъ даже циркуляръ, разрѣшавшій такое обученіе лицамъ благонадежнымъ. А я даже постараюсь прислать вамъ на-дняхъ нѣсколько книгъ и немного бумаги,—и Богъ вамъ на помочь!

Черезъ нѣсколько минутъ я выѣзжалъ за околицу занесенной снѣгомъ деревушки, унося съ собой впечатлѣніе благодарно-радостныхъ словъ скромнаго Митрича. Какъ немного, подумаешь, иногда бываетъ нужно для человѣческой радости. Впереди передо мной разстилалась ровная, снѣжная степь, охваченная тишиной. Ни звука, ни шороха. И даже здѣсь, въ деревушкѣ, у самой околицы,—эта тишина словно лелѣяла серебряный иней на ветлахъ. Наступалъ холодный, но ясный вечеръ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, которые бываютъ особенно красивы въ этой степи. Въ холодной степи зимняго неба изрѣдка перебѣгали лохматыя, бѣлыя облачка. Но они бѣжали себѣ гдѣ-то стороной, не заслоняя заходящаго солнца, и вся степь кругомъ горѣла милліонами брилліантовыхъ искръ... Хорошо бываетъ въ такую пору, поплотнѣе закутавшись, ѣхать по степи, прислушиваясь къ однообразному позвякиванью колокольчиковъ. Ѣдешь—и думаешь. И думы, одна за другой, пробѣгаютъ предъ вами, какъ эти облачка въ недосягаемой синевѣ неба. Должно быть по контрасту съ этимъ безконечнымъ, залитымъ свѣтомъ просторомъ, вспоминается мнѣ теперь угрюмый и хмурый Петербургъ. Тянется надъ нимъ обычное для него сѣроесѣрое небо, да и то какъ-то скупо проглядываетъ кое-гдѣ между громадами каменныхъ зданій. Теперь, въ этотъ ранній еще для него часъ, когда я иду по его улицамъ, онъ не кажется оживленнымъ, и на красотѣ его прямыхъ, широко раздвинутыхъ улицъ, лежитъ мертвенный отпечатокъ. Позже, когда онъ успѣетъ кончить свою дѣловую и канцелярскую жизнь, и въ раннихъ зимнихъ сумеркахъ, какъ яркіе факелы, одинъ за другимъ вспыхнутъ на его красавицѣ-улицѣ блестящіе фонари,—онъ будетъ неузнаваемъ.

емъ, но за то теперь я иду (торопясь, какъ и все въ Петербургѣ) по безмолвной и почти пустынной улицѣ. Я спѣшу разыскать одинъ изъ громадныхъ домовъ старинной постройки и обращаюсь съ вопросомъ къ всевѣдующему дворнику.

— Скажите пожалуйста, гдѣ у васъ здѣсь помѣщается частное начальное училище?

— А вотъ, пожалуйте,—на второмъ заднемъ дворѣ направо, въ частной лабораторіи профессора N.

Сколько же, однако, можетъ быть дворовъ—переднихъ и заднихъ—въ этихъ угрюмыхъ каменныхъ громадахъ, и сколько тѣснится въ нихъ люда, который у насъ разметался со своими убогими деревеньками на необъятномъ просторѣ! Я прохожу по первому, тщательно выметенному двору, прохожу по второму, среди котораго стоитъ крошечный, словно игрушечный садикъ, лишенный свѣта и воздуха, и, наконецъ, звоню у дверей частной лабораторіи профессора N. Мнѣ отворяетъ дверь молодая дѣвушка.

— Вы?! Какими судьбами?

— Не все же мнѣ по захолустнымъ училищамъ бѣгать. Я и вашими столичными, если позволите, интересуюсь!—говорю я.

— Милости просимъ!—смѣясь, отвѣчаетъ учительница.

И я провожу все время въ маленькой частной школѣ, устроенной на частныя средства, въ частной профессорской лабораторіи. Исторія ея возникновенія—очень проста. Три дѣвушки, только что кончившія гимназію, задумали отдать часть своего времени работѣ и притомъ такой, которая была бы не безполезна другимъ. Въ могучей и колоссальной (какъ пишется въ передовыхъ статьяхъ) странѣ—проще всего казалось остановиться на мысли о школѣ,—потому, что страна—малограмотна. Нашлись небольшія средства, а, главное, нашлась кипучая, молодая энергія... И вотъ я слушаю занятія съ двумя или тремя десятками худыхъ и блѣдныхъ, какихъ-то словно изможденныхъ дѣтей, такъ не похожихъ на нашихъ маленькихъ работниковъ, на нашихъ крошечныхъ богатырей степи. Методы преподаванія ведутся здѣсь, разумѣется, не на «новый манеръ» моего Митрича, извѣстный математикъ приходитъ сюда время отъ времени дѣлать свои указанія. Но дѣти—в гда дѣти, и я вижу въ ихъ глазахъ тотъ огонекъ любознательн ти, который вотъ уже много лѣтъ подрядъ свѣтитъ мнѣ и ман ъ меня къ себѣ въ глухой и далекой степи. Быстро бѣгутъ час коротkія «перемѣны» наполняютъ невообразимымъ шумомъ и г омъ частную лабораторію. Но вотъ ужъ и полдень. Маленькая ш ола торопится окончить свой учебный день.

— Теперь мы васъ заставимъ работать!—смѣясь, говорятъ мнѣ учительницы. — Дѣти у насъ обѣдаютъ, и вы будете вмѣстѣ съ нами разносить имъ тарелки съ супомъ, раздавать горячія макароны, наливать чай.

Все это, дѣйствительно, появляется въ одной изъ двухъ комнатъ лабораторіи. Какая-то женщина, приглашенная, надо полагать, для этого на гастроли, приноситъ это изъ какой-то, по близости находящейся, кухни. Дѣти усаживаются за столы, и сколько звонкаго, молодого веселья сопровождаетъ этотъ обѣдъ! Они, изможденныя и блѣдныя дѣти громаднаго города, кажутся еще веселѣе нашихъ задумчивыхъ степняковъ. И въ то же время вамъ кажется, что не въ нихъ это веселье, что оно согрѣваетъ и освѣщаетъ ихъ извнѣ никогда не виданной ими лаской, какъ тепличный цвѣтокъ, который получилъ нежданные свѣтъ и тепло.

Что же вызвало къ жизни и поддерживаетъ, лелѣя, эту крохотную, но милую школу?—Простыя и искреннія усилія людей, которыхъ одинъ изъ русскихъ публицистовъ назвалъ по справедливости культурными одиночками, одиночками потому, что слишкомъ еще мало дѣлателей и слишкомъ еще велика нива. Попробуйте только кликнуть кличъ, и изъ темныхъ подваловъ и чердаковъ, изъ тѣхъ норъ, гдѣ никогда не видать свѣта Божьяго, выползутъ изможденныя дѣти столичной нищеты,—такой нищеты, какой не знаетъ наша бѣдная-бѣдная степь,—выползутъ въ буквальномъ смыслѣ слова всѣ эти дворницкія и «швейцарскія» дѣти. Плохо кормленныя, они еще и страшно невѣжественны, потому что не знаютъ даже самыхъ простыхъ и естественныхъ условій человѣческой жизни. Ни неба, ни земли, ни утра, ни вечера, — никакой природы не существуетъ для нихъ кромѣ нелѣпой пальмы, стоящей на лѣстницѣ, но сдѣланной все-таки изъ жести. Изъ темной конуры видно, какъ поднимаются по лѣстницѣ разряженныя дамы и господа—иногда въ лентахъ и звѣздахъ, чтобы поздравить «нашихъ господъ», а здѣсь, въ конурѣ, вѣчный мракъ и сонъ мысли, вызванный отсутствіемъ впечатлѣній. Спасибо же тѣмъ, кто съ лаской и знаніемъ идетъ на помощь этой нищетѣ, и еще большее спасибо потому, что эта нищета безмолвна: на ласку она не смѣетъ разсчитывать, и знанія она не попроситъ... Велика еще нива, и до го еще не будетъ хватать работниковъ даже и тамъ, гдѣ ихъ ищут и просятъ. Никакой школы, разумѣется, не придумывалъ Митричъ, да и не хотѣлъ и не могъ этого сдѣлать. Онъ и самъ-то объявился со своимъ удивительнымъ кустарнымъ промысломъ только потому, что по грошамъ и копейкамъ сколотилось четыре съ полтиною.

— Получай, милый человѣкъ, сдѣлай такое твое одолженіе, четыре съ полтиной! Главное, чтобы какъ-нибудь разбирали,—ходитъ вѣдь она, бумага-то!

И на усиленный зовъ и поиски пришелъ Митричъ, потому что ему это выгодно: все-таки заработокъ. И онъ относится къ нему честно и добросовѣстно, несетъ захолустной деревушкѣ свой «новый манеръ» изъ третьей «гарнадерской» роты и спокойно примиряется съ «Гуакомъ», съ которымъ, къ слову сказать, никогда и не ссорился. Работаетъ себѣ помаленьку.

Въ его убогой, кочующей изъ избы въ избу, лишенной какихъ бы то ни было учебныхъ пособій, школѣ нѣтъ, повидимому, ничего общаго съ тѣмъ маленькимъ частнымъ училищемъ, которое мнѣ теперь почему-то вспомнилось среди тихой, морозомъ закованной степи. Здѣсь на первомъ планѣ жизнью поставленный вопросъ о четырехъ съ полтиной, тамъ—благородное отрицаніе именно этого вопроса. И все-таки мнѣ кажется, что это коренное несходство является только одной стороной дѣла, вызваннаго какимъ-то громаднымъ общимъ мотивомъ. Я не сумѣю его выразить иначе, какъ назвавъ пробужденіемъ. Здѣсь—громадной, вѣками некультурной и неграмотной степи, которая уже не можетъ обойтись хотя бы безъ примитивныхъ средствъ къ знанію, тамъ—небольшой, но съ каждымъ годомъ все увеличивающейся толпы людей, которая въ свою очередь не можетъ уже обойтись безъ работы на благо другихъ... Не далеко, положимъ, уйдешь съ грамотой Митрича (особенно, если безъ письма, за 30 коп.), но вѣдь уже жаждѣ знанія данъ первый толчокъ. Не даромъ же его ученики умоляютъ меня, также какъ и ихъ товарищи въ земскихъ училищахъ, дать почитать книжечку. Скоро ли найдутъ наши захолустныя деревушки учителей способнѣе Митрича, я не знаю. Я знаю только, что для этого надо, чтобъ измѣнились тѣ условія, въ которыхъ могутъ работать Митричи, но должны въ конецъ замучиться «культурныя одиночки».

Солнце опускается все ниже и ниже, почти касаясь на западѣ громады снѣговъ. На востокѣ встаютъ сѣрыя сумерки и быстро мѣняютъ видъ степи: она еще свѣтла, но не блеститъ теперь ярко своими потускнѣвшими снѣговыми алмазами. Дѣлается холоднѣе. Ямщикъ натягиваетъ возжи, тройка, какъ струна, вытягивается в одну линію, и мы мчимся впередъ по темнѣющей степи.

— Смотрите, баринъ, какъ солнце свѣтло погорѣло. Завтра б етъ хорошій денекъ,—говоритъ мнѣ ямщикъ.

Я закутываюсь поплотнѣе и думаю, также какъ и онъ, о х ошемъ, сіяющемъ днѣ.

II.

Некуда дальше.

Когда въ маленькой, закоптѣлой избенкѣ сумерки сгустились настолько, что я пересталъ различать сквозь окно первыя весеннія лужи на улицѣ, а лохматыя соломенныя крыши противоположныхъ домовъ начали принимать самыя фантастическія очертанія, хозяйка зажгла газъ. Въ маленькомъ, самомъ обыкновенномъ керосиновомъ ночникѣ, дымясь и колеблясь, вспыхнуло пламя. Это и должно было изображать газовое освѣщеніе потому только, что керосинъ въ нашихъ мѣстахъ называется «газомъ». Большое свѣтовое пятно отъ этого ночника задрожало на темномъ потолкѣ, потянулось въ уголъ, къ темнымъ иконамъ, но оставило въ тѣни бо́льшую часть избы. Остался въ тѣни и хозяинъ, сидѣвшій на печкѣ, и хозяйка, копошившаяся въ дальнемъ углу. За то здѣсь, у этого простого стола, за которымъ я помѣстился, было совершенно свѣтло. Словно скупой и дымный ночникъ не хотѣлъ свѣтить никому, кромѣ меня да красиваго четырнадцатилѣтняго мальчугана, сидѣвшаго за тѣмъ же столомъ напротивъ.

Приходилось какъ-нибудь коротать вечеръ, и я досталъ изъ чемодана послѣднюю книжку журнала. Съ добросовѣстностью провинціала, читающаго все отъ доски до доски, я переглядѣлъ всю книжку и, наконецъ, еще разъ остановился на разсказѣ любимаго писателя. Свѣтлый образъ простой и милой дѣвушки, просто полюбившей и такъ же просто подчинившейся приказу сухой и строгой, очень «идейной» сестры не любить, грустно мелькнулъ передо мной. И еще грустнѣе дѣлалось отъ того, что этотъ болѣзненный крикъ маленькаго человѣка: «гдѣ ты?»,—относившійся одновременно и къ дѣвушкѣ, и къ личному счастью, зачѣмъ-то съ неумолимою жестокостью звучитъ въ человѣческомъ обществѣ.

Я сталъ еще разъ перечитывать красивый разсказъ и своимъ примѣромъ, повидимому, соблазнилъ мальчугана. Онъ досталъ съ матицы засаленную книжку, потревоживъ при этомъ меланхолическаго вида теленка, привязаннаго у опечка, и тоже принялся за чтеніе. Въ избѣ было тихо. Мальчуганъ читалъ шепотомъ, изрѣдка переходившимъ въ слабый голосъ, и такимъ образомъ я дѣлался иногда его невольнымъ слушателемъ.

«Ахъ,—Францыль! сказала ему на то Ренцывена:—надобно ли быть нечувствительнымъ по законамъ рыцарства? Неужѣли храброе и геройское сердце, истребивъ свою нѣжность, должно быть звѣрскимъ?»

Я слушаю эту тираду, и она такъ странно звучитъ въ маленькой закоптѣлой избушкѣ глубокаго захолустья. А мальчуганъ продолжаетъ читать. Читаетъ онъ, надо сказать правду, съ нѣкоторою даже выразительностью, но вотъ голосъ его снова переходитъ въ неразборчивый шепотъ, и я снова возвращаюсь къ книжкѣ журнала.

— Дозвольте вамъ доложить,—говоритъ мнѣ хозяинъ, слѣзая со своей печки,—дозвольте вамъ доложить насчетъ Васьки! Можно ли ему поучиться?

— Отчего же нельзя? — говорю я.—И онъ у васъ недурно читаетъ.

— То-есть можно ли ему, напримѣръ, дальше учиться по случаю одной лошади?

— Какой лошади? Причемъ же тутъ лошадь? — рѣшительно недоумѣваю я.

— Лошадь-то? Одна она у насъ лошадь-то. И какъ ежели больно желаетъ мальчонка учиться, то мы ему не препятствуемъ. Съ великимъ даже удовольствіемъ. Что мы съ нимъ вдвоемъ на одной лошади можемъ?

На этотъ разъ самъ Васька желаетъ разсѣять мои недоумѣнія. Поэтому онъ кладетъ на столъ свою засаленную книжку— «Исторію о храбромъ рыцарѣ Францилѣ Венціанѣ и прекрасной королевнѣ Ренцывенѣ» и говоритъ очень смущеннымъ тономъ, точно онъ въ чемъ-нибудь виноватъ:

— Я уже два года тому назадъ курсъ кончилъ.

— Тогда, разумѣется, тебѣ нельзя ходить въ училище, — говорю я. — Да тамъ, кстати, и для некончившихъ-то мѣста не до стаетъ.

— Да у насъ, вотъ видите ли, новая учительница поступила,—еще болѣе смущеннымъ тономъ продолжалъ объяснять Васька.—Ну, хорошо. И какъ только поступила, такъ сейчасъ же, Господи благослови, стала насъ, т.-е. которые кончившіе, собирать по вечерамъ, чтобы учить дальше, а тутъ бумага какая-то объявилась, что, молъ, учить вечернимъ временемъ нельзя!

— А дозвольте доложить, почему же бумага, ежели, напри- ѣръ, одна лошадь?—вмѣшивается снова хозяинъ.

Ужасно непріятно бываетъ коротать вечеръ въ избѣ, когда рѣ- ительно ничего не можешь толкомъ объяснить ея обитателямъ. увствуешь себя совершенно чужимъ, на манеръ иностранца, на эторaго смотрятъ не безъ любопытства, но съ которымъ никакъ евозможно договориться ни до чего вразумительнаго. И вотъ я те

перь, въ качествѣ такого иностранца, никакъ не могу уловить той связи, въ которую мой хозяинъ съ такимъ упорствомъ ставитъ «бумагу» и свою единственную лошадь... Что же касается до мальчугана, то онъ мнѣ по неволѣ представляется героемъ довольно-таки трагической исторіи. Я заранѣе представляю себѣ ту недовѣрчивую улыбку, которой, быть можетъ, читатель встрѣтитъ эту трагедію нищей избы. Помилуйте, какія же тутъ могутъ быть трагическія позы, когда просто нѣтъ книжки и читать нечего? Только и всего. Отчего кромѣ «Францыля» нѣтъ въ довольно все-таки грамотной деревушкѣ никакихъ книгъ, я не знаю. Отъ этого, вѣроятно, я не знаю и того, зачѣмъ тоскующій мальчуганъ долженъ повторять свое печальное «некуда дальше». Но вѣдь дѣло въ томъ, что это мы же, съ великимъ трудомъ и усиліями, старались разбудить въ мальчуганѣ его благородную жажду. А дальше начинается трагедія, и даже совсѣмъ въ древне-греческомъ стилѣ. Наша работа кончается, и мы можемъ въ качествѣ зрителей спокойно наблюдать, какъ будетъ глохнуть та самая грамотность, которую мы нѣжно лелѣяли. Жизненныя условія выставляютъ для этого свою неизбѣжность, настоящій и внезапный «хоръ» древней трагедіи. Героямъ, очевидно, остается только декламировать передъ «хоромъ»: по случаю одной лошади... некуда дальше.

Далеко за полночь я засыпаю, наконецъ, передъ окномъ на узенькой лавкѣ и сплю тревожнымъ сномъ и отъ тяжелыхъ впечатлѣній этого «некуда», и отъ духоты, оставленной газовымъ освѣщеніемъ, и отъ непрерывныхъ вздоховъ меланхолическаго вида теленка. Когда, на другое утро, я выхожу изъ душной избы,— яркое весеннее солнце стоитъ уже довольно высоко. Оно еще не успѣло согрѣть остывшаго за ночь воздуха, и вчерашнія лужи лежатъ передо мной, искрясь, какъ тонкое стекло, но съ крышъ уже падаютъ тяжелыя и крупныя капли. Сквозь голыя ветлы я вижу теперь ярко озаренную степь, чернѣющую своими проталинами. По ней мѣстами синѣютъ лощины: это — подснѣжные ручьи, нестынущіе всю ночь, образуютъ зажоры. Надо торопиться; еще нѣсколько дней — и мои путешествія по школамъ сдѣлаются невозможными. Но хорошее и ясное весеннее утро несетъ съ собой какое-то особенно бодрое и радостное настроеніе.

Я иду къ училищу. Меня обгоняютъ школьники со своими посконными сумками, и въ ихъ радостной толпѣ я вижу то же бодрое и хорошее настроеніе, для котораго нужно весеннее солнце надъ степью и ласковый вѣтерокъ. Въ такіе дни легче работать въ училищѣ. Въ каждую перемѣну настежь отворяемыя двери освѣжают

неизбѣжную духоту неизбѣжно тѣснаго помѣщенія. По большей части учителя накидываютъ въ такую пору лишній часокъ для занятій, готовясь къ экзаменамъ. Мнѣ лично всегда доставляетъ огромное удовольствіе та серьезная вдумчивость, съ которой наши «маленькіе работники» относятся къ предстоящимъ, немного страшнымъ для нихъ, экзаменамъ. И если для учителя они являются иногда поводомъ подчеркнуть показную сторону преподаванія, то для его добровольныхъ слушателей (хочешь — ходи въ училище, хочешь—дома сиди!) они являются не болѣе, какъ простой повѣркой ихъ знаній, по крайней мѣрѣ по установившимся отношеніямъ нашихъ земскихъ экзаменаторовъ. Но, во всякомъ случаѣ, работа въ эту весеннюю пору идетъ въ училищахъ на всѣхъ парахъ, съ каждымъ днемъ веселѣе.

Эта рабочая бодрость бываетъ такъ заразительна, что не сразу покидаетъ васъ послѣ учебныхъ часовъ, когда вы благодушно отдыхаете за стаканомъ чая въ учительской комнатѣ. Мое благодушіе дѣлается на этотъ разъ совершенно невозмутимымъ особенно потому, что учительница разсыпается въ похвалахъ своему помѣщенію. Я, впрочемъ, никакъ не могу понять, что ей особенно нравится въ этомъ четырехъ-аршинномъ въ ширину и восьми-аршинномъ въ длину помѣщеніи. Должно быть оно очень тепло и за зиму она не назяблась. Но, Боже мой, какъ мало иногда бываетъ нужно людямъ для искренней похвалы. Но, вѣроятно, въ это весеннее утро все непремѣнно должно быть настроено хорошо, и я слышу радость въ голосѣ учительницы, которая говоритъ мнѣ:

— Ахъ, какъ здѣсь у васъ хорошо, а главное — какъ здѣсь покойно! Я только и начала у васъ отдыхать, съ тѣхъ поръ, какъ перешла сюда изъ сосѣдняго уѣзда. Въ конецъ замучили меня тѣлесныя наказанія!

Впечатлѣнія яснаго весенняго дня, хорошее и бодрое рабочее настроеніе — все это вдругъ готово покинуть меня, и я съ недоумѣвающимъ вопросомъ смотрю на свою собесѣдницу.

— Ахъ, кабы вы знали, какъ это мучительно!—продолжаетъ она. — А вѣдь я работала тамъ двѣ зимы... Моя школа числилась при волостномъ правленіи и, дѣйствительно, только сѣни отдѣляли меня отъ судилища. Вотъ вы себѣ и вообразите все это. Я ужъ не говорю про себя и про свои нервы,—возьмемъ хоть преподаваніе. Вы вотъ насъ провѣряете, и всякія методики изучили, а что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Начинаю я, напримѣръ, читать съ полной выразительностью, по всѣмъ нашимъ правиламъ:

Зима... Крестьянинъ торжествуя
На дровняхъ обновляетъ путь...

А какъ разъ въ это время у меня мальчуганъ изъ средняго отдѣленія принимается рыдать, всхлипывая:

— Это мово тятьку дерутъ... бо-о-о-льно!

— Тутъ ужъ не до выразительнаго чтенія, разумѣется. Не знаю ужъ, подлинно ли его тятьку, или другого кого,—только въ сѣняхъ упражняются... Просто бы убѣжалъ куда глаза глядятъ! Да вѣдь и дверь отворить невозможно: въ самыхъ сѣняхъ лежитъ... правосудіе. Смущенныя и испуганныя, прислушиваются къ стонамъ и крикамъ цѣлыхъ три отдѣленія училища,—вѣдь, все-таки, дѣти!

— Да, — говорю я, утрачивая радостный тонъ своего весенняго настроенія,—тутъ мы съ вами, пожалуй, и съ нашими методиками ничего не подѣлаемъ; вспомните хоть старинныя опредѣленія Амоса Коменскаго: воспитывать всѣхъ тѣхъ, которые родились людьми, во всемъ томъ, что человѣчно», а тутъ вонъ куда повернуло!

— Но за то у васъ здѣсь—превосходно!—радуется моя собесѣдница. — Не всякое же училище стоитъ непремѣнно рядомъ съ судилищемъ. Такіе случаи все-таки рѣдки, — и у васъ здѣсь невозмутимая тишина. Кончишь работать, придешь къ себѣ въ комнату, начнешь о чемъ-нибудь думать, — никто не мѣшаетъ. И еслибъ вы знали только, сколько можетъ иногда передумать человѣкъ за цѣлый годъ одиночества! А то такъ и просто пріятно бываетъ иногда посидѣть неподвижно, безъ мысли, безъ ощущеній... Правда, вѣдь, хорошо? Но человѣку, должно быть, такъ уже присуще вѣчное недовольство, что и во мнѣ нѣтъ-нѣтъ да и зашевелится обида на то, что некуда дальше.

— Знаете ли,—говорю я,—есть что-то рѣшительно фатальное въ этомъ «некуда». Я только что ночевалъ въ избѣ и горевалъ съ мальчуганомъ, что ему и читать нечего, и учиться дальше идти некуда, а теперь вотъ вы...

— Что же тутъ удивительнаго? Развѣ уже это такъ неестественно? Вы вотъ хорошо знаете нашъ губернскій городъ. Ничего въ немъ нѣтъ особеннаго, кромѣ развѣ мертвящей скуки, чиновничьихъ интересовъ, сплетенъ да неизбѣжнаго винта на придачу. Но это такъ только на первый взглядъ кажется. Развѣ можетъ устоять городъ, если не будетъ вѣять надъ нимъ «духъ живъ»? Вѣдь тотъ же городъ служитъ образовательнымъ центромъ для цѣлаго громаднаго района, больше какой-нибудь Бельгіи... Возьмите хоть нашу гимназію: сколько она каждый годъ выпускаетъ дѣту-

шекъ, обреченныхъ сидѣть безъ опредѣленныхъ занятій! Бѣдность, разбуженная мысль, подчасъ дѣтски-искренняя жажда хорошаго дѣла и молодыя, кипучія силы. Развѣ не съ этого для большинства начинается обидное некуда? Сиди, пожалуй, какъ это въ пѣснѣ поется, у косящата окна и судьбы ожидай. Такъ вѣдь и право сидѣть у косящата окна этому большинству надо еще заработать. Это—не Милочки, взлелѣянныя даровой сытостью. Да и кто-жъ ее знаетъ, судьбу-то, когда она въ окно устремится! Некуда. Ѣхать на курсы? Но они, какъ рѣдкость какая, за тысячи верстъ помѣщаются. Вотъ и образуются понемногу въ томъ же городѣ, гдѣ процвѣтаютъ скука и винтъ, кружки молодежи, которые, какъ манны небесной, жаждутъ самаго обыкновеннаго дѣла. Мало ли, напримѣръ, у васъ кандидатокъ записано?

— Это правда,—говорю я:—кандидатокъ у насъ сколько угодно.

— Ну, вотъ видите. У васъ въ рукахъ—сила, цѣлая армія для незамѣтнаго, но все же необходимаго труда, а вы подчасъ не знаете, куда вамъ самимъ отъ нея же дѣваться. Кругомъ повальное невѣжество, солдатскія письма за нѣсколько верстъ ѣздятъ диктовать женѣ и матери, а маленькая губернская армія изнываетъ по разнымъ угламъ скучнаго города: ахъ, какой на-дняхъ въ клубѣ скандалъ объявился, ахъ, какъ Николай Петровичъ за Манечкой началъ ухаживать! Скука...

Моя собесѣдница, очевидно, сильно разнервничалась. Она выпила сразу чашку остывшаго чая, поглядѣла въ окно на улицу, всю залитую весеннимъ солнечнымъ блескомъ, и закрыла лицо руками. Наступило недолгое молчаніе.

— Мнѣ, вѣдь, грѣхъ жаловаться,—заговорила снова она.—Здѣсь у васъ такъ покойно, и судилища меня въ конецъ измучившаго нѣтъ, и дѣло любимое подъ руками. А только вотъ нѣтъ-нѣтъ да и встанетъ опять обидное «некуда», только ужъ совсѣмъ по другому. Не могу же я не сознавать, что съ каждымъ днемъ отстаю... ну, хоть отъ той педагогической литературы, новинки которой вы мнѣ теперь привезли. Да и такъ вообще. До ближайшей почтовой станціи 45 верстъ, ни одинъ мужикъ меньше двухъ рублей за девяносто верстъ взадъ и впередъ не поѣдетъ,—ну и некуда, значитъ. Сидишь себѣ иногда послѣ работы, да вдругъ и подумаешь: живутъ люди на свѣтѣ, есть у нихъ громадная литература, и все это для тебя заповѣдано, какъ приладился къ своему дѣлу, такъ и живи, впередъ не пойдешь,—некуда дальше! И не только для работы, но и для отдыха полагается одиночество, къ которому все-

таки надо привыкнуть. Куда же пойдешь? Батюшка занятъ хозяйствомъ да требами, матушка—и визитами не прочь посчитаться, и не прочь дать понять при случаѣ, что ты, молъ, учитель такъ, на манеръ самаго послѣдняго человѣка въ селѣ. О властяхъ волостныхъ говорить нечего,—вы и сами ихъ достаточно знаете.

— Разумѣется, дѣло трудное,—говорю я.—И само по себѣ трудное, и по неустановившимся еще отношеніямъ мѣстной интеллигенціи къ учителю. Однако, работаютъ помаленьку.

— Да я и не говорю, что работать нельзя!—пугается моя собесѣдница.—Напротивъ, въ этой работѣ единственный и послѣдній смыслъ жизни для насъ. Вотъ только съ мечтами ранней юности не легко справиться, потому что по-истинѣ некуда съ ними. Боже мой, о чемъ только не передумалось на школьной скамьѣ? Какъ хотѣлось живого дѣла, настоящей работы, и какъ хотѣлось самой, ни на минуту не останавливаясь, идти впередъ и впередъ, съ каждымъ днемъ совершенствуясь. А тутъ жизнь врывается въ объяснительное чтеніе... съ розгами, мальчуганъ надрываетъ душу требованіемъ книги, которой нѣтъ, да и не будетъ, потому что ее купить не на что. Куда ужъ тутъ самой дальше: некуда! И вотъ, въ концѣ-концовъ, учительница надоѣдаетъ своему гостю безполезнымъ нытьемъ и жалобами...

Моя собесѣдница улыбнулась. Я поспѣшилъ перемѣнить разговоръ на эту, очевидно, слишкомъ для нея наболѣвшую тему и спросилъ про моего вчерашняго мальчугана.

— Какже, я его хорошо знаю, — отвѣчала учительница.— Онъ у меня перечиталъ все, что было, и сталъ было дальше учиться, но мнѣ не удалось устроить дополнительнаго класса. Теперь, когда ѣзжу въ городъ за жалованьемъ, я всегда съ собой привожу номеръ газеты, и надо видѣть, съ какой жадностью набрасывается онъ на нее.

Черезъ часъ я простился со своими новыми знакомыми. Мнѣ показалось, что было что-то грустное въ томъ взглядѣ, которымъ провожалъ меня Васька. Ужъ не возлагалъ ли онъ на меня какихъ-нибудь надеждъ по поводу своего «некуда»? Но что же я могъ для него сдѣлать?... Пригрѣтый яркими лучами весенняго солнца, я уѣзжалъ изъ глухой деревушки, медленно двигаясь по степи. Лошади на каждомъ шагу проваливались въ рыхломъ снѣгу на дорогѣ. Но не скучно бываетъ тащиться и шагомъ въ такую пору по степи,—до того она весела. Хохлатыя пиголицы то и дѣло перебѣгаютъ вашу дорогу, откуда-то сверху, изъ голубой выси безконечной, неумолкающей трелью льется пѣснь жаворонка...

— Хорошая, баринъ, здѣсь учительница!—неожиданно сказалъ, обернувшись ко мнѣ, мой ямщикъ.—Главное дѣло, человѣкъ больно душевный. А ужъ какъ она насчетъ разныхъ ученьевъ, это вамъ, ваше благородіе, виднѣй нашего!

Я ожидалъ такой похвалы. Я зналъ, что «душевность» такъ дорого цѣнится у насъ по деревушкамъ и селамъ, что если есть такое свойство въ учителѣ, то рѣдкій ямщикъ не постарается сообщить вамъ объ этомъ дорогой: кто-жъ, молъ, его знаетъ, начальство,—зачѣмъ оно по училищамъ ѣздитъ; долго ли душевнаго человѣка обидѣть? Пусть оно знаетъ, что мы премного довольны.

Разные бываютъ учителя, конечно. Бываютъ ремесленники, которыхъ тяжелая нужда гонитъ тяжелымъ трудомъ зарабатывать грошовое содержаніе, попадаются по-просту, какъ и вездѣ впрочемъ, ограниченные, мало развитые люди, которыхъ одинъ изъ моихъ пріятелей назвалъ «печенѣгами».

— Ну, что въ твоей школѣ учитель?

— Ничего: долбитъ свое дѣло. Отдолбилъ—и доволенъ, обязанность отбылъ. У помѣщика изношенныхъ сюртуковъ проситъ. Человѣкъ недурной, но въ культурномъ отношеніи—печенѣгъ.

Бываютъ, наконецъ, и люди отдающіе себя дѣлу, тѣ жаждущіе, для которыхъ такъ мучительны разныя «некуда»—свои и чужія. Которому изъ этихъ типовъ легче живется,—вопросъ посторонній. Но безъ этихъ жаждущихъ самое дѣло обратилось бы въ мертвеца, и не много бы дала выучка дѣтямъ. Какъ весна пробуждаетъ теперь недавно мертвую снѣжную степь,—оживляетъ ихъ «духъ живъ» то дѣло, которому они служатъ.

Можетъ ли такой типъ исчезнуть?

Викторъ Липягинъ.

КРЕСТОНОСЦЫ*).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Мацько терпѣливо ждалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, не придутъ ли къ нему изъ Згожелицъ какія-нибудь вѣсти, не умиротворится ли аббатъ, но, наконецъ, ему надоѣли неувѣренность и ожиданія, и онъ рѣшилъ самъ отправиться къ Зыху. Все, что произошло, произошло не по его винѣ, но ему хотѣлось узнать, не питаетъ ли и Зыхъ къ нему непріязненнаго чувства. Что касается аббата, то Мацько былъ увѣренъ, что его гнѣвъ отнынѣ будетъ тяготѣть и надъ Збышкомъ, и надъ нимъ, тѣмъ не менѣе, онъ хотѣлъ сдѣлать все, чтобы отвратить этотъ гнѣвъ, и началъ думать и составлять планъ, что ему сказать въ Згожелицахъ, чтобы смягчить нанесенную обиду и возобновить старыя дружескія сосѣдскія отношенія. Однако, мысли какъ-то не клеились въ его головѣ и онъ былъ очень радъ, когда засталъ только одну Ягенку, которая приняла его по-старому, низко поклонилась и поцѣловала руку,—однимъ словомъ, по-старому, хоть съ оттѣнкомъ грусти.

— Отецъ дома?—спросилъ Мацько.

— Поѣхалъ съ аббатомъ на охоту. Того и гляди, что возвратятся.

Ягенка провела гостя въ комнату, усадила и послѣ долгаго молчанія заговорила первая:

— Тошно вамъ однимъ въ Богданьцѣ?

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 97 г.

— Тошно,—отвѣтилъ Мацько.—А ты уже знаешь, что Збышко уѣхалъ?

Ягенка тихо вздохнула.

— Знаю. Я видѣла его въ самый день его отъѣзда и думала... что онъ зайдетъ къ намъ, хоть доброе слово скажетъ, а онъ не зашелъ.

— Какъ же ему можно было зайти?—сказалъ Мацько, — аббатъ разорвалъ бы его на двѣ части, да и твоему отцу было бы непріятно видѣть его.

Она покачала головой и отвѣтила:

— Я не дала бы его никому въ обиду.

Мацько, несмотря на свое закаленное сердце, тронулся этими словами, привлекъ къ себѣ Ягенку и сказалъ:

— Да вознаградитъ тебя Богъ, дѣвушка. Тебѣ тяжело, да и мнѣ не легко. Я тебѣ одно скажу: ни родной отецъ, ни аббатъ не любятъ тебя больше, чѣмъ я люблю. Лучше бы я издохъ отъ раны, которую ты вылѣчила, только бы онъ женился на тебѣ, а не на другой.

На Ягенку нашла минута такого горя и тоски, когда человѣкъ ничего не можетъ утаить въ себѣ, и она сказала:

— Никогда я его уже не увижу, а если увижу, то съ Юрандовной... лучше мнѣ до того времени всѣ глаза выплакать.

И, взявъ конецъ фартука, она прикрыла имъ глаза, полные слезъ.

А Мацько сказалъ:

— Успокойся. Поѣхать-то онъ поѣхалъ, но, дастъ Богъ, вернется не съ Юрандовной.

— Отчего ему не съ Юрандовной вернуться? — отозвалась Ягенка изъ-за фартука.

— Потому что Юрандъ не хочетъ отдавать за него дочь.

Ягенка при этихъ словахъ сразу открыла лицо и, повернувшись къ Мацьку, живо спросила:

— Онъ и мнѣ говорилъ. Да правда ли это?

— Правда, какъ Богъ святъ.

— А отчего?

— Кто его знаетъ. Обѣтъ какой-то, или еще что, а съ обѣомъ ничего не подѣлаешь. Ему понравилось, что Збышко обѣщалъ му помочь отомстить, но и это не помогло. И сватовство княгини нны кончилось ничѣмъ. Юрандъ ничего не хотѣлъ слушать,—ни росьбъ, ни уговоровъ, ни приказаній. Говоритъ, что онъ не мотъ,—онъ человѣкъ твердый, и того, что сказалъ, не измѣнитъ.

Ты, дѣвушка, не теряй надежды и не падай духомъ. Малый, по справедливости, долженъ былъ ѣхать, потому что поклялся въ костелѣ привезти павлиньи гребни... А она его косынкой прикрыла въ знакъ того, что хочетъ взять его въ мужья, — безъ этого ему бы голову отрубили. Онъ обязанъ ей, что тутъ говорить! Богъ дастъ, она не будетъ принадлежать ему, но онъ по закону принадлежитъ ей. Зыхъ на него обижается, аббатъ навѣрно отомститъ ему такъ, что у него шкура затрещитъ, меня самого разбираетъ на него зло, а поди-ка, сообрази, что ему было дѣлать? Коли онъ въ долгу передъ тою, значитъ приходилось ѣхать. Вѣдь онъ все-таки шляхтичъ. Но я скажу тебѣ вотъ что: если его нѣмцы изобьютъ до полусмерти, то какимъ онъ поѣхалъ, такимъ и вернется, и возвратится не только для меня старика, не только для Богданьца, но и для тебя, потому что онъ всегда былъ радъ видѣть тебя.

— Гдѣ тамъ!—сказала Ягенка, но вмѣстѣ съ тѣмъ придвинулась къ Мацьку, толкнула его локтемъ и спросила:

— Вы откуда знаете, а? Должно быть не правда.

— Откуда я знаю?—переспросилъ Мацько.—Потому что я видѣлъ, какъ ему тяжело было уѣзжать. И такъ еще было: когда мы порѣшили, что ему нужно ѣхать, то я спрашиваю его: а тебѣ не жаль Ягенки? а онъ говоритъ: «пусть Богъ дастъ ей здоровья и всего лучшаго». И онъ такъ принялся вздыхать, какъ будто у него въ брюхѣ были кузнечные мѣхи.

— Должно быть, что не правда,—тише повторила Ягенка,—а все-таки разсказывайте до конца.

— Богомъ клянусь, правда!... Послѣ тебя ему та ужъ не такъ будетъ по вкусу, ты сама знаешь, что болѣе здоровой и пригожей дѣвки, чѣмъ ты, не найти на всемъ свѣтѣ. Его тянуло къ тебѣ,—ты не бойся,—можетъ быть больше, чѣмъ тебя къ нему.

— Далъ бы Богъ!—воскликнула Ягенка.

И, сообразивъ, что̀ у нея вырвалось второпяхъ, она снова закрыла свое разрумянившееся, какъ яблоко, лицо, а Мацько усмѣхнулся, провелъ рукою по усамъ и сказалъ:

— Эхъ, будь я помоложе!... А ты подбодрись, я ужъ вижу, какъ будетъ дѣло: онъ поѣдетъ, получитъ на мазовецкомъ дворѣ рыцарскія шпоры, потому что оттуда до за границы рукой подать, и насчетъ крестоносца легко... Я знаю, что и среди нѣмцевъ бываютъ лихіе рыцари, а желѣзо и отъ шкуры Збышка не отскочитъ, но думаю такъ, что первый встрѣчный съ нимъ не справится, потому что эта шельма страсть какъ ловка въ битвѣ

Посмотри-ка, какъ онъ Чтана изъ Рогова и Вилька изъ Бжозовой въ одинъ мигъ угомонилъ, хотя, какъ говорятъ, они парни здоровые и сильные, какъ медвѣди. Гребни свои онъ привезетъ, но Юрандовны не привезетъ, потому что и я толковалъ съ Юрандомъ и знаю, какъ стоитъ дѣло. Ну, а потомъ что? Потомъ онъ возвратится сюда,—куда же ему дѣваться?

— Когда еще онъ возвратится-то!

— Если ты не выдержишь, ему не за что будетъ обижаться на тебя. Но пока повтори аббату и Зыху то, что я говорю тебѣ. Пусть они хоть немного смирятъ свой гнѣвъ противъ Збышка.

— Какъ я буду говорить? Тятя больше печалится, чѣмъ гнѣвается, а при аббатѣ говорить о Збышкѣ небезопасно. Досталось мнѣ и тятѣ за того слугу, котораго я послала къ Збышку.

— За какого слугу?

— Ну, вотъ... Былъ у насъ здѣсь одинъ чехъ,—тятя взялъ его подъ Болеславцемъ, — человѣкъ добрый и вѣрный. Звали его Глава. Тятя отдалъ его мнѣ, потому что Глава называлъ себя шляхтичемъ, а я дала ему хорошее вооруженіе и послала къ Збышку, чтобъ онъ служилъ ему и оберегалъ, а въ случаѣ, отъ чего Боже сохрани, далъ бы мнѣ знать... Дала я ему и кошелекъ на дорогу, а онъ поклялся мнѣ спасеніемъ души, что до смерти будетъ вѣрно служить Збышку.

— Милая ты моя! Да вознаградитъ тебя Богъ! А Зыхъ не противился?

— Какъ ему было не противиться! Сначала онъ совсѣмъ не позволилъ, а потомъ, когда я припала къ его ногамъ, такъ дѣло и рѣшилось по-моему. Съ тятей особой возни не было, а когда узналъ объ этомъ аббатъ отъ своихъ скомороховъ, то въ одинъ мигъ напустилъ проклятій на цѣлую комнату... чистый судный день... Тятя даже въ амбаръ убѣжалъ. Только къ вечеру аббатъ смиловался надъ моими слезами и еще подарилъ мнѣ ожерелье... Но я рада была все вытерпѣть, только бы у Збышка была свита побольше.

— Богомъ клянусь, не знаю, его ли я больше люблю, или тебя. Но онъ и такъ взялъ большую свиту и денегъ я ему далъ, хотя онъ и не хотѣлъ... Ну, Мазовія не за горами...

Дальнѣйшій разговоръ прервалъ лай собакъ, крики и голосъ [illegible]ныхъ трубъ. Заслышавъ это, Ягенка сказала:

— Тятя и аббатъ возвратились съ охоты. Пойдемте на крыльцо, лучше, если васъ аббатъ увидитъ издали, а не невзначай въ комнатѣ.

Она вывела Мацька на крыльцо. На покрытомъ снѣгомъ дворѣ

виднѣлись люди, лошади, собаки и заколотые или подстрѣленные изъ лука лоси и волки. Аббатъ, завидѣвъ Мацька, еще не слѣзая съ лошади, метнулъ въ него дротикомъ не для того, чтобы попасть, а чтобы заявить свой гнѣвъ на всѣхъ обитателей Богданьца. Но Мацько издали махнулъ ему шапкой, какъ будто ничего не замѣтилъ, а Ягенка и взаправду ничего не замѣтила,—въ свитѣ аббата находились оба искателя ея руки.

— Чтанъ и Вилькъ здѣсь! — крикнула она, — должно быть, встрѣтились гдѣ-нибудь въ лѣсу съ тятей.

Но Мацька при видѣ ихъ что-то кольнуло въ старую рану. Въ его головѣ, какъ молнія, промелькнула мысль, что одинъ изъ нихъ можетъ добиться Ягенки, а вмѣстѣ съ ней получить Мочидолы, аббатовы земли и деньги... И горе вмѣстѣ со злобой схватили его за сердце, въ особенности когда черезъ минуту онъ увидалъ нѣчто совершенно новое. Вилькъ изъ Бжозовой, несмотря на то, что его отецъ недавно хотѣлъ драться съ аббатомъ, теперь подскочилъ къ его стремени, чтобы помочь сойти съ коня, а аббатъ, слѣзая, дружески оперся о плечо молодого шляхтича.

«Аббатъ помирится со старымъ Вилькомъ такимъ манеромъ, что отдастъ за дѣвкой лѣса и земли»,—подумалъ Мацько.

Но его размышленія прервалъ голосъ Ягенки, которая въ ту же минуту сказала:

— Оправились послѣ Збышкиной трёпки... пріѣхали тоже, очень нужно ихъ!

Мацько посмотрѣлъ на нее. Лицо дѣвушки одинаково раскраснѣлось какъ отъ холода, такъ и отъ гнѣва, а голубые глаза ея сердито искрились, хотя она хорошо знала, что Вилькъ и Чтанъ собственно за нее вступились на постояломъ дворѣ и изъ-за нея были побиты.

И Мацько сказалъ:

— Ну, сдѣлаешь то, что прикажетъ аббатъ.

А та безъ раздумья отвѣтила ему:

— Аббатъ сдѣлаетъ то, что захочу я.

«Боже ты мой милостивый!—подумалъ Мацько,—и отъ такой-то дѣвки сбѣжалъ дуракъ Збышко!»

II.

А «дуракъ Збышко» выѣхалъ изъ Богданьца дѣйствительно съ тяжелымъ сердцемъ. Прежде всего ему было какъ-то не по себѣ безъ дяди, съ которымъ онъ не разлучался съ раннихъ лѣтъ и къ кото-

рому такъ привыкъ, что самъ не зналъ хорошенько, какъ будетъ обходиться безъ него и въ путешествіи, и на войнѣ. Во-вторыхъ, ему было жаль и Ягенку; хотя онъ и говорилъ себѣ, что ѣдетъ къ Данусѣ, которую любитъ всею душой, но ему было такъ хорошо съ Ягенкой, что только теперь онъ почувствовалъ, какая радость была жить возлѣ нея и какъ грустно можетъ быть безъ нея. И онъ самъ удивлялся своему сожалѣнію и даже встревожился,— еслибъ онъ тосковалъ по Ягенкѣ, какъ братъ тоскуетъ по сестрѣ, то это было бы еще ничего. Но онъ замѣтилъ, что ему тошно безъ того, что онъ не можетъ брать ее за талію и сажать на коня, или снимать съ сѣдла, переносить ее черезъ ручьи, выжимать воду изъ ея косы, ходить съ ней по лѣсамъ, смотрѣть на нее и совѣтоваться съ ней. Онъ такъ привыкъ къ этому, такъ это было мило его сердцу, что когда онъ началъ думать объ этомъ, то сейчасъ же воспламенился и забылъ, что ѣдетъ въ дальній путь, въ самую Мазовію, за то передъ его глазами предстала та минута, когда Ягенка оказала ему помощь въ лѣсу въ борьбѣ съ медвѣдемъ. И показалось ему, что это было не дальше, какъ вчера, что вчера они ходили на бобровъ на Одстайное озеро. Онъ не видалъ, какъ тогда она пустилась вплавь за бобромъ, но теперь ему казалось, что онъ видитъ ее,—и имъ овладѣло такое же безпокойство, какое охватывало его недѣли двѣ тому назадъ, когда вѣтеръ черезчуръ высоко поднялъ платье Ягенки. Потомъ онъ вспомнилъ, въ какомъ великолѣпіи она ѣхала въ Кшесненскій костелъ и какъ онъ удивлялся, что такая простая дѣвушка показалась ему панной высокаго рода. Все это привело къ тому, что его сердце взволновалось какою-то сладостною и вмѣстѣ съ тѣмъ грустною тревогой, какими-то смутными желаніями, а когда онъ подумалъ, что могъ бы сдѣлать все, что ему угодно, какъ ее тянуло къ нему, какъ она смотрѣла ему въ глаза и льнула къ нему, то едва могъ усидѣть на конѣ. «Хоть бы я заѣхалъ, простился и обнялъ бы ее на дорогу, авось бы мнѣ полегчало»,—думалъ онъ, но тотчасъ же почувствовалъ, что это неправда и что ему бы не полегчало, потому что при одной мысли о такомъ прощаньи по тѣлу его пробѣжала теплая дрожь, хотя на дворѣ стоялъ морозъ.

Наконецъ онъ испугался такихъ воспоминаній, черезчуръ похожихъ на грѣшную страсть, и стряхнулъ ихъ съ души, какъ сухой снѣгъ съ одежды.

«Я ѣду къ Данусѣ, къ возлюбленной моей!» — подумалъ онъ.

И онъ сразу сообразилъ, что это любовь другого сорта, словно съ благоговѣйнымъ оттѣнкомъ, не такъ распаляющая тѣло. И ма-

ло-по-малу, по мѣрѣ того, какъ его ноги мерзли въ стременахъ, а холодный вѣтеръ охлаждалъ его кровь, онъ всѣми мыслями устремился къДанусѣ. Вотъ ей такъ онъ ужъ непререкаемо былъ обязанъ. Еслибъ не она, голова его свалилась бы на помостѣ краковскаго рынка. Вѣдь это она сказала передъ лицомъ рыцарей и горожанъ: «онъ мой», и тѣмъ самымъ вырвала его изъ рукъ палачей и съ тѣхъ поръ онъ принадлежитъ ей, какъ рабъ господину. Не онъ взялъ ее,—она его взяла, съ этимъ никакое сопротивленіе Юранда ничего не сдѣлаетъ. Она одна могла бы оттолкнуть его, какъ госпожа отталкиваетъ своего слугу, хотя онъ и тогда бы не пошелъ далеко, потому что его связываетъ съ нею и собственный обѣтъ. Но тутъ Збышко подумалъ, что она его не оттолкнетъ, что скорѣе она пойдетъ за нимъ хотя бы на край свѣта, и, представивъ себѣ это, началъ восхвалять ее въ душѣ, съ великимъ ущербомъ для Ягенки, какъ будто она была виновата въ томъ, что имъ овладѣло искушеніе и что сердце его ломалось на двѣ половины. Теперь ему не приходило въ голову, что Ягенка выходила стараго Мацько, что безъ ея помощи медвѣдь ободралъ бы его, и онъ нарочно возмущалъ себя противъ Ягенки, думая, что угодитъ такимъ образомъ Данусѣ и оправдается въ собственныхъ глазахъ.

Въ это время подоспѣлъ посланный Ягенкой чехъ Глава и привелъ съ собою навьюченнаго коня.

— Да будетъ благословенно имя Господне, — сказалъ онъ, низко кланяясь.

Збышко разъ или два видѣлъ его въ Згожелицахъ, но теперь не узналъ и отвѣтилъ:

— Во вѣки вѣковъ. Кто ты такой?

— Вашъ слуга, вельможный господинъ.

— Какъ мой слуга? Мои слуги тамъ,—онъ указалъ рукою на двухъ турокъ, подаренныхъ ему Завишей, и на двухъ здоровыхъ парней, которые вели за собой рыцарскихъ коней,—вотъ тѣ мои, а тебя кто прислалъ?

— Панна Ягенка Зыховна изъ Згожелицъ.

— Панна Ягенка?

Збышко только что возмущался противъ нея, сердце его было преисполнено недоброжелательства къ ней, и онъ сказалъ:

— Возвращайся домой и поблагодари панну Ягенку за ея доброту, а ты мнѣ не нуженъ.

Но чехъ отрицательно покачалъ головой.

— Я не возвращусь, господинъ. Меня подарили вамъ и, кромѣ того, я поклялся до смерти служить вамъ.

— Если тебя мнѣ подарили, то ты мой слуга.

— Вашъ слуга, господинъ.

— Ну, тогда я приказываю тебѣ возвратиться.

— Я далъ клятву, и хоть я плѣнникъ и человѣкъ бѣдный, а все-таки шляхтичъ...

Збышко разсердился.

— Пошелъ прочь! Что это такое? Ты будешь мнѣ служить противъ моей воли, такъ, что-ль? Убирайся, а то я прикажу натянуть лукъ.

Чехъ спокойно отторочилъ плащъ, подбитый волчьимъ мѣхомъ, подалъ его Збышку и сказалъ:

— Панна Ягенка прислала вамъ вотъ это.

— Ты хочешь, чтобъ я тебѣ кости переломалъ? — спросилъ Збышко и взялъ копье изъ рукъ своего татарина.

— Кромѣ того и кошелекъ, — отвѣтилъ чехъ.

Збышко замахнулся копьемъ, но вспомнилъ, что чехъ, хотя и плѣнникъ, но происхожденію шляхтичъ, и если оставался до сихъ поръ у Зыха, то потому, что у него нечѣмъ было откупиться, и опустилъ оружіе.

Чехъ наклонился къ его стремени и сказалъ:

— Не гнѣвайтесь на меня, господинъ. Если вы не позволите мнѣ ѣхать за вами, я поѣду во ста или двухстахъ саженяхъ позади васъ, но поѣду непремѣнно, потому что поклялся спасеніемъ своей души.

— А если я прикажу убить тебя или связать?

— Если вы прикажете меня убить, то грѣхъ будетъ не на моей душѣ, а если меня свяжутъ, то останусь, пока меня не развяжетъ какой-нибудь добрый человѣкъ или пока меня не съѣдятъ волки.

Збышко не отвѣтилъ ничего и пустилъ коня впередъ, а за нимъ двинулись его люди. Чехъ съ лукомъ за плечами и съ топоромъ на плечѣ тащился позади, закутываясь въ косматую шкуру зубра, ...тому что началъ дуть рѣзкій вѣтеръ и осыпать всадниковъ снѣж...ми крупинками.

Вьюга усиливалась съ каждою минутою. Турки, несмотря на ...и тулупы, окостенѣли, слуги Збышка начали похлопывать себя ...ами, а самъ онъ посмотрѣлъ разъ на волчій плащъ, привезен...й Главой, посмотрѣлъ два и наконецъ приказалъ турку подать себѣ.

И, завернувшись въ него, онъ тотчасъ же почувствовалъ, какъ тепло распространяется по его тѣлу. Въ особенности удобенъ былъ капюшонъ, который закрывалъ большую часть лица, такъ что снѣжный вихрь почти пересталъ безпокоить его. Тогда онъ невольно подумалъ, что Ягенка—съ ногъ до головы дѣвушка добрая и немного придержалъ коня, потому что его разбирала охота разспросить чеха о ней и обо всемъ, что дѣлается въ Згожелицахъ.

И, подозвавъ къ себѣ новаго слугу, онъ спросилъ:

— Старикъ Зыхъ знаетъ, что панна отправила тебя ко мнѣ?

— Знаетъ, — отвѣтилъ Глава.

— И не противился этому?

— Противился.

— Разскажи, какъ все было.

— Панъ ходилъ по комнатѣ, а панна за нимъ. Онъ кричалъ, а паненка ничего, только какъ онъ повернулся къ ней, она ему въ ноги. И все молча. Наконецъ, панъ говоритъ: «Оглохла ты, что ли, что не отвѣчаешь мнѣ? Говори, я, все равно, дозволю, хотя аббатъ мнѣ за это голову разобьетъ». Тогда панна сообразила, что поставитъ на своемъ, заплакала и начала благодарить. Панъ началъ упрекать, что она подвела его, что во всякомъ дѣлѣ дѣлается по ея, а въ концѣ сказалъ: «обѣщайся мнѣ, по крайней мѣрѣ, что ты не выскочишь прощаться съ нимъ, тогда я позволю, иначе нѣтъ». Панна опечалилась, но обѣщала, и панъ былъ радъ, потому что они съ аббатомъ ужасно боялись, какъ бы ей не пришла охота видѣться съ вашей милостью... Ну, этимъ дѣло не кончилось,— потомъ панна хотѣла послать двухъ коней, а панъ спорилъ, панна хотѣла послать волчій плащъ, а панъ спорилъ. Да что толку изъ этого! Еслибъ ей захотѣлось поджечь домъ, то старый панъ разрѣшилъ бы и это... Вотъ почему передъ вами другой конь, волчій плащъ и вотъ этотъ кошелекъ.

«Добрая дѣвушка!»—подумалъ про себя Збышко, а черезъ минуту спросилъ громко:

— А съ аббатомъ возни было много?

Чехъ улыбнулся, какъ улыбается умный человѣкъ, отдающій себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ вокругъ него, и отвѣтилъ:

— Они оба держали все въ тайнѣ. Аббатъ уѣхалъ раньш меня, и я не знаю, что было бы, еслибъ онъ узналъ до своего отъ ѣзда. Аббатъ—извѣстно что: гаркнетъ на паненку, а потомъ гла зами вслѣдъ за ней поводитъ и соображаетъ, не черезчуръ ли е обидѣлъ. Я самъ видѣлъ, какъ однажды онъ накричалъ на нее, потомъ пошелъ въ сундукъ, досталъ такую цѣпочку, что и в

Кракове лучше не найдешь, и говорить панне: «на!» Да она и съ аббатомъ справится,— онъ ее любитъ не меньше, чѣмъ родной отецъ.

— Должно быть, что такъ.

— Какъ Богъ святъ.

Они смолкли и ѣхали впередъ, осыпаемые снѣжною крупой. Вдругъ Збышко пріостановилъ коня, потому что со стороны, изъ лѣса, послышался чей-то жалобный голосъ, заглушаемый шумомъ деревьевъ:

— Христіане, подайте помощь служителю Бога въ минуту несчастія!

Вмѣстѣ съ тѣмъ на дорогу выбѣжалъ человѣкъ въ одеждѣ полудуховной, полусвѣтской и, остановившись передъ Збышкомъ, началъ кричать:

— Кто бъ вы ни были, господинъ, окажите помощь человѣку и ближнему въ тяжелую минуту.

— Что съ тобой случилось и кто ты такой?—спросилъ молодой рыцарь.

— Я слуга Божій, хотя еще и не пріявшій священства, а случилось со мной то, что сегодня утромъ у меня убѣжалъ конь, везущій сундукъ со священными вещами. Я остался одинъ, безъ оружія, а вечеръ приближается, того и гляди, какъ лютый звѣрь отзовется въ бору. Если вы не спасете меня, мнѣ придется погибать.

— Еслибъ ты погибъ по моей винѣ, то мнѣ пришлось бы отвѣчать за твои грѣхи,—сказалъ Збышко,—но какъ я узнаю, что ты говоришь правду, что ты не бродяга какой-нибудь или грабитель... и такихъ много таскается по большимъ дорогамъ.

— Господинъ, вы узнаете меня по моей поклажѣ. Не одинъ кошелекъ, набитый дукатами, вы отдали бы, чтобъ обладать тѣмъ, что находится въ моихъ сундукахъ, но я и задаромъ удѣлю вамъ частицу, если вы возьмете меня съ моими вещами.

— Ты называешь себя слугою Божіимъ, а того и не знаешь, что оказывать помощь нужно не ради земныхъ, а ради небесныхъ наградъ. Да и какая поклажа у тебя осталась, коли конь твой убѣжалъ вмѣстѣ съ вещами?

— Коня, прежде чѣмъ я нашелъ его, волки зарѣзали, а сундуки мои уцѣлѣли. Я подтащилъ ихъ къ дорогѣ, чтобы ждать милости и помощи отъ добрыхъ людей.

Желая доказать, что онъ говоритъ правду, онъ указалъ на два лубочныхъ короба, лежащіе подъ сосной. Збышко смотрѣлъ на него

съ недовѣріемъ, потому что этотъ человѣкъ казался ему не особенно хорошимъ, да къ тому же и выговоръ его, хотя и чистый, обнаруживалъ происхожденіе изъ дальнихъ странъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не хотѣлъ отказать незнакомцу въ помощи и дозволилъ ему, вмѣстѣ съ сундуками, которые оказались удивительно легкими, присѣсть на свободную лошадь, которую чехъ велъ въ поводу.

— Да умножитъ Богъ твои побѣды, мужественный рыцарь!— сказалъ незнакомецъ и, видя юношеское лицо Збышка, прибавилъ вполголоса:

— А также и волоса на твоей бородѣ!

Онъ ѣхалъ рядомъ съ чехомъ. Разговаривать они не могли, потому что дулъ сильный вѣтеръ и въ лѣсу царилъ страшный шумъ, но когда немного успокоилось, Збышко услыхалъ за собой такую бесѣду:

— Я не спорю, что ты былъ въ Римѣ, но похожъ на нѣмца, который только и дѣлаетъ, что лопаетъ пиво,—говорилъ чехъ.

— Бойся вѣчной муки,—отвѣтилъ незнакомецъ,—ибо ты говоришь съ человѣкомъ, который на прошлую Пасху ѣлъ крутыя яйца со святымъ отцомъ. Кромѣ того, на такомъ холодѣ если ты хочешь говорить о пивѣ, то говори о подогрѣтомъ, а еще лучше, если у тебя есть баклага съ виномъ,—дай мнѣ хлебнуть два - три глотка, и я тебѣ уменьшу за это мѣсяцъ пребыванія въ чистилищѣ.

— Какъ же ты это сдѣлаешь? Я слышалъ, какъ ты самъ говорилъ, что не воспріялъ священства.

— Священства я не воспріялъ, но голова у меня обрита, потому что я на это получилъ позволеніе и, кромѣ того, везу съ собой разрѣшительныя грамоты.

— Вотъ въ тѣхъ лубочныхъ коробахъ?—спросилъ чехъ.

— Въ тѣхъ лубочныхъ коробахъ. А еслибъ вы увидали все, что у меня есть, то пали бы ницъ, да не только вы, а и всѣ сосны этого лѣса, всѣ дикіе звѣри.

Но чехъ, человѣкъ опытный и умный, подозрительно взглянулъ на торговца святынею и сказалъ:

— А волки, однако, съѣли твою лошадь?

— Съѣли, потому что они сродни нечистой силѣ, а потомъ лопнули. Одного я собственными глазами видѣлъ... лежитъ весь раздутый. Если у тебя есть вино,—дай; хотя вѣтеръ утихъ, я весь замерзъ, когда сидѣлъ у дороги.

Чехъ вина не далъ и замолчалъ, но черезъ нѣсколько минутъ незнакомецъ заговорилъ самъ:

— Вы куда ѣдете?

— Далеко. Пока до Серадза.

— Поѣдешь съ нами?

— Долженъ ѣхать. Переночую въ конюшнѣ, а завтра благочестивый рыцарь, можетъ быть, подаритъ мнѣ коня, я и поѣду себѣ дальше.

— Ты изъ какихъ мѣстъ?

— Изъ-подъ прусскаго владычества, изъ-подъ Мальборга.

Услыхавъ это, Збышко повернулъ голову назадъ и кивнулъ незнакомцу, чтобы тотъ приблизился къ нему.

— Ты изъ-подъ Мальборга?—спросилъ онъ.—И ѣдешь оттуда?

— Изъ-подъ Мальборга.

— Но ты должно быть не нѣмецъ, если такъ хорошо говоришь по-нашему. Какъ тебя зовутъ?

— Я нѣмецъ, а зовутъ меня Зандерусъ на вашемъ языкѣ я говорю чисто потому, что родился въ Торунѣ, а у насъ весь народъ говоритъ такъ. Послѣ я жилъ въ Мальборгѣ, но и тамъ тоже самое. Да что тамъ, даже и монашествующіе рыцари понимаютъ вашу рѣчь.

— А давно ты изъ Мальборга?

— Я, господинъ, былъ во Святой Землѣ, потомъ въ Константинополѣ и въ Римѣ, откуда черезъ Францію возвратился въ Мальборгъ, а изъ Мальборга ѣхалъ въ Мазовію и развозилъ святыя реликвіи, которыя благочестивые христіане охотно покупаютъ ради спасенія своей души.

— Ты былъ въ Плоцкѣ или въ Варшавѣ?

— Я былъ и тамъ и тамъ. Да пошлетъ Богъ здоровье обѣимъ княгинямъ! Не даромъ княгиню Александру любятъ даже прусскіе вельможи,—благочестивая госпожа, хотя и княгиня Анна Данута не хуже ея.

— Дворъ въ Варшавѣ? Ты видѣлъ его?

— Я встрѣтилъ его не въ Варшавѣ, а въ Цехановѣ, гдѣ князь и княгиня гостепріимно приняли меня, какъ служителя Божія, и щедро одарили на дорогу. Но и я также оставилъ имъ реликвію, которая должна призвать на нихъ благословеніе Божіе.

Збышко хотѣлъ было спросить о Данусѣ, но имъ вдругъ овлала какая-то робость и какой-то стыдъ. Онъ понялъ, что это было то же самое, что посвятить въ тайны своей любви незнакомца, човѣка низкаго происхожденія, который, притомъ, представляется кимъ подозрительнымъ и могъ оказаться простымъ мошенникъ. И, послѣ минутнаго молчанія, онъ спросилъ:

— Какія же это реликвіи ты развозишь по свѣту?

— Я развожу и разрѣшительныя грамоты и реликвіи. Разрѣшительныя грамоты разныхъ сортовъ: и полныя, и на пятьсотъ лѣтъ, и на триста, и на двѣсти, и на меньшее число, подешевле, чтобъ и бѣдные люди могли пріобрѣтать ихъ и такимъ манеромъ сокращать грозящія имъ муки чистилища. У меня есть разрѣшенія на прошлые грѣхи и на будущіе, но не думайте, господинъ, чтобъ вырученныя за это деньги я приберегалъ для себя... Кусокъ чернаго хлѣба и глотокъ воды—вотъ что мнѣ нужно,—остальное, что я соберу, то отвожу въ Римъ, дабы со временемъ накопилось достаточно денегъ для новаго крестоваго похода. Правда, по бѣлому свѣту ѣздитъ не мало обиралъ, у которыхъ все фальшивое—и разрѣшенія, и реликвіи, и печати, и свидѣтельства. Святой отецъ справедливо преслѣдуетъ ихъ своими посланіями, но со мною серадзскій пріоръ поступилъ жестоко и неправильно, потому что мои печати настоящія. Осмотрите воскъ и скажите сами.

— А что же сдѣлалъ серадзскій пріоръ?

— Ахъ, господинъ! Дай Богъ, чтобъ я ошибался, но мнѣ кажется, что онъ зараженъ еретическимъ ученіемъ Виклефа. Но, если вы, какъ мнѣ говорилъ вашъ оруженосецъ, ѣдете въ Серадзь, то мнѣ лучше не показываться туда, чтобъ не давать случая пріору грѣшить и кощунствовать противъ святыни.

— Короче говоря, это значитъ, что онъ принялъ тебя за плута и обманщика?

— Еслибъ меня, господинъ! Я отпустилъ бы ему грѣхъ изъ любви къ ближнему,—какъ я, впрочемъ, и сдѣлалъ... Но онъ говорилъ концунственныя слова противъ моего святого товара, и, я очень боюсь, будетъ осужденъ за это безъ всякаго милосердія.

— Какой же у тебя святой товаръ?

— Такой, что о немъ негодится и говорить съ покрытою головой, но теперь я даю вамъ разрѣшеніе не снимать капюшона, потому что вѣтеръ подулъ снова. На ночлегѣ вы купите у меня грамоту и грѣхъ вашъ не будетъ зачтенъ вамъ. Чего у меня нѣтъ! У меня есть копыто осла, на которомъ совершилось бѣгство въ Египетъ. Копыто это было найдено вблизи пирамидъ. Король Аррагонскій давалъ мнѣ за него пятьдесятъ дукатовъ добрымъ золотомъ. Есть у меня перо изъ крыльевъ архангела Гавріила, которое онъ выронилъ во время Благовѣщенія; есть головы перепелицъ, которыя были низосланы израильтянамъ въ пустынѣ; масло, въ которомъ язычники хотѣли изжарить святого Іоанна, и ступень лѣстницы, которую Іаковъ видѣлъ во снѣ, и слезы Маріи Египетской, и ржавчина съ ключей св. Петра... Но всего я и перечислить

могу, во-первыхъ, потому что замерзъ, а во-вторыхъ, вашъ оруженосецъ, господинъ, не далъ мнѣ вина. Да я и до вечера не перечислилъ бы своихъ реликвій.

— Великія реликвіи, если только настоящія,—сказалъ Збышко.

— Если только настоящія? Возьмите, господинъ, копье изъ рукъ слуги и выставьте впередъ,—діаволъ вблизи васъ, онъ и внушаетъ вамъ такія мысли. Держите его на длинѣ копья. А если вы не хотите навлечь на себя несчастія, то купите у меня разрѣшеніе на этотъ грѣхъ,—иначе въ теченіе трехъ недѣль умретъ кто-нибудь изъ тѣхъ, кого вы больше любите на свѣтѣ.

Збышко испугался этого предсказанія. Ему пришла на память Дануся. Онъ сказалъ:

— Это не я сомнѣваюсь, а серадзкій пріоръ доминиканцевъ.

— Господинъ, осмотрите сами воскъ на печатяхъ, а что касается пріора, то Богу одному извѣстно, живъ ли онъ еще, потому что судъ Божій свершается скоро.

Но оказалось, что пріоръ былъ живъ. Збышко по пріѣздѣ въ Серадзь тотчасъ же отправился къ нему заказать двѣ обѣдни,— одну за здравіе Мацька, а другую,—чтобъ Богъ помогъ ему, Збышку, достать скорѣе павлиньи гребни. Пріоръ, какъ это часто случалось въ тогдашней Польшѣ, былъ чужеземецъ, родомъ изъ Цилеи, но въ теченіе сорокалѣтняго пребыванія въ Серадзѣ хорошо научился польскому языку и былъ большимъ врагомъ крестоносцевъ. Поэтому, узнавъ о намѣреніи Збышка, онъ сказалъ:

— Ихъ встрѣтитъ еще бо́льшая кара Божія, но я и тебя не отвлекаю отъ твоего намѣренія, во-первыхъ, потому, что ты далъ обѣщаніе, а во-вторыхъ, что они еще не получили воздаянія отъ польской руки за все то, что сдѣлали въ Серадзѣ.

— А что они сдѣлали?—спросилъ Збышко, который съ жадностью ловилъ всякіе слухи о несправедливостяхъ крестоносцевъ.

На это старичокъ пріоръ развелъ руками и сначала прочиталъ громко: «Упокой ихъ, Господи», а потомъ закрылъ глаза, какъ будто хотѣлъ воскресить передъ собою старыя воспоминанія и наконецъ заговорилъ такъ:

— Призвалъ ихъ сюда Винцентъ изъ Шамотуръ. Мнѣ тогда было двѣнадцать лѣтъ и я только что прибылъ изъ Цилеи, откуда меня вывезъ дядя мой, казнохранитель Петцольдъ. Крестоносцы напали ночью на городъ и тотчасъ же подожгли его. Мы съ городскихъ стѣнъ видѣли, какъ на рынкѣ они рубили мужчинъ и женщинъ мечами, какъ бросали въ огонь маленькихъ дѣтей... Я самъ видѣлъ и убитыхъ священниковъ, потому что крестоносцы въ

своей злобѣ никому не давали пощады. А случилось такъ, что пріоръ Николай,—онъ былъ родомъ изъ Эльблонга,—зналъ комтура Генриха, который предводительствовалъ войскомъ. Пошелъ онъ тогда со старшею братіей къ этому лютому рыцарю и, ставши передъ нимъ на колѣни, заклиналъ по-нѣмецки, чтобъ онъ сжалился надъ христіанскою кровью. Комтуръ сказалъ ему: «Не понимаю» и вновь приказалъ рѣзать людей. Тогда перерѣзали и монаховъ, а вмѣстѣ съ ними и дядю моего, Петцольда, пріора же Николая привязали къ конскому хвосту... На утро во всемъ городѣ не было ни одного живого человѣка, кромѣ крестоносцевъ и кромѣ меня,—я притаился на балкѣ, которая поддерживала колоколъ. Богъ покаралъ уже ихъ за это подъ Пловцами, но они все еще покушаются погубить это христіанское королевство и потуда будутъ покушаться, покуда ихъ не сотретъ десница Божія.

Збышко сказалъ:

— А подъ Пловцами погибли почти всѣ мужи моего рода, но я не жалѣю ихъ, коль скоро Богъ даровалъ королю Локетку такую великую побѣду и поразилъ двадцать тысячъ нѣмцевъ.

— Ты дождешься еще большей войны и еще большей побѣды,— сказалъ пріоръ.

— Аминь!—отвѣтилъ Збышко.

И они повели бесѣду о другомъ. Молодой рыцарь слегка спросилъ о торговцѣ реликвіями, на котораго наткнулся дорогою и узналъ, что множество подобныхъ обманщиковъ таскаются повсюду и смущаютъ легковѣрныхъ людей. Пріоръ добавилъ, что существуютъ папскія буллы, повелѣвающія епископамъ преслѣдовать подобныхъ торговцевъ и тотчасъ же судить тѣхъ, у которыхъ нѣтъ надлежащихъ распоряженій и печатей. Такъ какъ показанія этого бродяги показались пріору подозрительными, то онъ хотѣлъ тотчасъ же отправить его къ епископу. Еслибъ оказалось, что онъ дѣйствительно имѣетъ право раздавать разрѣшенія, съ нимъ ничего бы дурного не было. Но онъ предпочелъ бѣжать. Можетъ быть онъ боялся утомительнаго путешествія, но благодаря этому бѣгству впалъ еще въ большее подозрѣніе.

Въ концѣ пріоръ пригласилъ Збышка отдохнуть и переночевать въ монастырѣ, но Збышко не могъ принять этого приглашенія. Ему хотѣлось вывѣсить листъ съ вызовомъ на «пѣшее или конное единоборство» всякаго рыцаря, который противился бы тому, что панна Данута Юрандовна самая прекрасная и самая добродѣтельная дѣвица во всемъ королевствѣ, а такой вызовъ ни въ какомъ случаѣ невозможно было вывѣшивать на монастыр-

ской стѣнѣ. Пріоръ и остальные монахи отказались даже написать вызовъ, вслѣдствіе чего молодой рыцарь впалъ въ весьма большое замѣшательство и не зналъ, что ему дѣлать. И лишь только возвратившись на заѣзжій дворъ, онъ ухватился за мысль обратиться къ торговцу реликвіями.

— Пріоръ съ достовѣрностью не знаетъ, дѣйствительно ли ты обманщикъ,—сказалъ онъ,—и говоритъ такъ: чего бы ему бояться епископскаго суда, еслибъ у него были настоящія свидѣтельства?

— Я боюсь не епископа, а монаховъ, которые не знаютъ толка въ печатяхъ,—отвѣтилъ Зандерусъ.—Я собственно хотѣлъ ѣхать въ Краковъ, но такъ какъ у меня нѣтъ лошади, то долженъ ждать, пока мнѣ не подаритъ ее кто-нибудь. Туда я пошлю тогда письмо и приложу къ нему печать.

— Я тоже подумалъ про себя, что если покажешь мнѣ, что знаешь письменное дѣло, то ты будешь не простой человѣкъ. Но какъ же ты пошлешь письмо?

— Съ какимъ-нибудь путникомъ или странствующимъ монахомъ. Мало развѣ народу ѣдетъ поклониться могилѣ королевы!

— А мнѣ ты сумѣешь написать на листѣ бумаги?

— Напишу, господинъ, напишу все, что прикажете, ясно и толково. Хотя бы даже и на доскѣ.

— На доскѣ лучше будетъ,—сказалъ обрадованный Збышко,—и не порвется, и пригодится на будущее время.

И вотъ, когда послѣ нѣкотораго времени, слуги Збышка отыскали и принесли свѣжую доску, Зандерусъ принялся за писаніе. Что онъ тамъ написалъ, Збышко прочитать не могъ, но приказалъ тотчасъ же прибить къ воротамъ вызовъ, а подъ нимъ повѣсить щитъ, который попеременно стерегли два турка. Кто ударитъ мечомъ въ щитъ, тотъ даетъ знакъ, что принимаетъ вызовъ. Но въ Серадзѣ, видно, не было охотниковъ до подобныхъ дѣлъ, потому что ни въ этотъ день, ни до полудни слѣдующаго щитъ ни разу не зазвучалъ подъ ударомъ копья. Послѣ полудня молодой рыцарь, немного огорченный своимъ неуспѣхомъ, пустился въ дальнѣйшій путь.

Не задолго до этого къ нему пришелъ Зандерусъ и сказалъ:

— Еслибъ вы, господинъ, вывѣсили щитъ въ странахъ прусскихъ рыцарей, то навѣрно оруженосецъ долженъ былъ бы стягивать ремни вашего панцыря.

— Что ты говоришь! вѣдь крестоносецъ — монахъ; у него не можетъ быть дамы, въ которую онъ былъ бы влюбленъ,—это ему не позволяется.

— Не знаю, дозволяется или нѣтъ, только дамы у нихъ бываютъ. Правда, крестоносецъ безъ ущерба для себя не можетъ вступить въ единоборство, ибо клялся, что будетъ бороться наряду съ другими только за вѣру, но тамъ, кромѣ монаховъ, множество и свѣтскихъ рыцарей изъ далекихъ странъ. Тѣ только и смотрятъ, какъ бы съ кѣмъ сцѣпиться, въ особенности французскіе рыцари.

— О, великая важность! видалъ я ихъ подъ Вилькомъ, а дастъ Богъ, увижу и въ Мальборгѣ. Мнѣ нужны павлиньи гребни съ рыцарскихъ шлемовъ; я обѣщалъ,—понимаешь?

— Господинъ, купите у меня двѣ или три капли пота святого Георгія, пролитыя имъ во время борьбы съ дракономъ. Никакая другая реликвія не можетъ такъ пригодиться рыцарю. Дайте мнѣ за это коня, на котораго вы позволили мнѣ присѣсть, я за это прибавлю еще разрѣшеніе за христіанскую кровь, которую вы прольете при единоборствѣ.

— Оставь меня въ покоѣ, а то я разсержусь. Я не возьму твоего товара, пока не удостовѣрюсь, что онъ настоящій.

— Вы, господинъ, говорили, что ѣдете къ князю Янушу Мазовецкому. Спросите у его придворныхъ, сколько реликвій они взяли у меня,—и сама княгиня, и рыцари, и панны, передъ тѣмъ, какъ выходить замужъ. Я на всѣхъ свадьбахъ былъ.

— На какихъ свадьбахъ?—спросилъ Збышко.

— Какія обыкновенно устраиваются предъ рождественскимъ постомъ. Рыцари женились одинъ за другимъ, потому что люди говорятъ, что скоро будетъ война между польскимъ королемъ и прусскими рыцарями за Добжинскую землю... Вотъ они и говорятъ себѣ: «Богу одному извѣстно, останусь ли я живъ», и спѣшатъ нарадоваться съ молодой женой.

Збышка очень заинтересовала вѣсть о войнѣ, но еще болѣе то, что Зандерусъ говорилъ о свадьбахъ, и онъ спросилъ:

— Какія же дѣвицы вышли замужъ?

— Придворныя княгини. Не знаю, осталась ли хоть одна; я слышалъ, какъ княгиня говорила, что ей придется искать новыхъ.

При этихъ словахъ Збышко примолкъ на минуту, а потомъ спросилъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ:

— А панна Данута Юрандовна, имя которой стоитъ на дос[illegible]ѣ, тоже вышла замужъ?

Зандерусъ задумался надъ отвѣтомъ. Во-первыхъ, онъ с[illegible]ъ ничего не зналъ хорошенько; во-вторыхъ, рѣшилъ, что, удержи[illegible]я рыцаря въ неизвѣстности, онъ получитъ надъ нимъ нѣкото[illegible]е

преимущество и сумѣетъ лучше извлечь пользу. Онъ ужъ и прежде взвѣсилъ въ душѣ, что ему нужно держаться этого рыцаря, который обладалъ такою многочисленною свитой и былъ съ достаткомъ снабженъ всѣмъ необходимымъ. Зандерусъ отлично понималъ толкъ въ вещахъ и людяхъ. Молодость Збышка дозволяла ему думать, что это человѣкъ щедрый и неосмотрительно разбрасывающій деньги направо и налѣво. Замѣтилъ онъ также и драгоцѣнный медіоланскій панцырь и огромныхъ боевыхъ коней (у бѣдныхъ людей такихъ не бываетъ), и сказалъ себѣ, что при такомъ барчукѣ онъ можетъ присосѣдиться къ любому двору и получить не разъ возможность выгодно сбывать свои реликвіи.

Поэтому, услыхавъ вопросъ Збышка, онъ нахмурилъ брови, поднялъ глаза кверху, какъ будто напрягая память, и сказалъ:

— Панна Данута Юрандовна?... А изъ какихъ мѣстъ она?

— Данута Юрандовна изъ Спыхова.

— Я тамъ видѣлъ ихъ всѣхъ, но какъ какую звали, не упомню.

— Молодая, на лютнѣ играетъ и забавляетъ княгиню своими пѣснями.

— Ага... молодая... на лютнѣ играетъ... Выходили и молодыя... Не черная она изъ себя какъ агатъ?

Збышко вздохнулъ.

— Нѣтъ, не та! Та бѣлая, какъ снѣгъ,—только на щекахъ румянецъ,—и русая.

На это Зандерусъ сказалъ:

— Одна, черная, какъ агатъ, осталась при княгинѣ, а остальныя почти всѣ вышли замужъ.

— Ты говоришь «почти всѣ», это не значитъ, чтобы всѣ до одной. Богомъ тебя заклинаю, если ты хочешь что-нибудь получить отъ меня, то вспомни.

— Сразу не вспомнишь... дня въ три, въ четыре, пожалуй, можно было бы... А пріятнѣй всего былъ бы для меня конь, который везъ бы мнѣ святые товары.

— Ты получишь его, если скажешь правду.

Въ это время чехъ, который слышалъ весь разговоръ съ начала и посмѣивался въ кулакъ, отозвался:

— Правда узнается на мазовецкомъ дворѣ.

Зандерусъ съ минуту посмотрѣлъ на него, потомъ сказалъ:

— А ты думаешь, что я боюсь мазовецкаго двора?

— Я не говорю, что ты боишься мазовецкаго двора, я говорю, что ни сейчасъ, ни черезъ три дня ты не уѣдешь на дареномъ конѣ.

Если же окажется, что ты солгалъ, то ты и на собственныхъ ногахъ не уйдешь, потому что панъ прикажетъ переломать ихъ.

— И прикажу!—подтвердилъ Збышко.

Зандерусъ сообразилъ, что, въ виду такого обѣщанія, лучше держать себя поосторожнѣй, и отвѣтилъ:

— Еслибъ я хотѣлъ солгать, то сразу сказалъ бы, что она вышла замужъ или не вышла, а я сказалъ, что не помню. Еслибъ у тебя былъ какой-нибудь умъ, ты сразу постигъ бы мою добродѣтель по моему отвѣту.

— Мой умъ не братъ твоей добродѣтели,—она можетъ приходиться сестрой только собакѣ.

— Моя добродѣтель не лаетъ, какъ твой умъ, а кто лаетъ при жизни, тотъ, чего добраго, будетъ выть послѣ смерти.

— Конечно! Вотъ твоя добродѣтель послѣ смерти выть не будетъ, а будетъ скрежетать, если только при жизни не потеряетъ зубы на посылкахъ у дьявола.

Они начали грызться. Чехъ былъ скоръ на языкъ и на каждое слово нѣмца находилъ два. Но Збышко подалъ знакъ къ отъѣзду и вскорѣ двинулся, предварительно хорошенько разспросивши бывалыхъ людей о дорогѣ на Лэнчицу. Прямо за Серадземъ начинались глухіе лѣса, которыми была покрыта большая часть этого края. По серединѣ лѣса шла дорога, мѣстами даже окопанная канавами, мѣстами, на низинахъ, выложенная кругляками,—память о хозяйствѣ короля Казиміра. Правда, послѣ его смерти, среди военныхъ замѣшательствъ, которыя подняли Налэнчи и Грималиты, дороги нѣсколько испортились, за то при Ядвигѣ, послѣ умиротворенія государства, лопаты и топоры вновь застучали въ рукахъ забѣглаго люда и въ послѣдніе годы ея жизни купецъ уже могъ провозить между болѣе значительными городами свои тяжело нагруженныя телѣги безъ опасенія, что онѣ сломаются на какой-нибудь выбоинѣ или увязнутъ въ трясинѣ. Развѣ только дикіе звѣри да разбойники могли причинять кому-нибудь вредъ на дорогѣ, но отъ звѣрей служили защитой ночью факелы, днемъ копья и стрѣлы, а разбойниковъ здѣсь было меньше, чѣмъ въ пограничныхъ лѣсахъ. Наконецъ, кто ѣхалъ вооруженнымъ и со слугами, тотъ могъ ничего не опасаться.

Збышко не боялся ни разбойниковъ, ни вооруженныхъ рыцарей и даже не думалъ о нихъ. Имъ снова овладѣла сильная тревога и своею душою онъ летѣлъ къ мазовецкому двору. Застанетъ ли онъ свою Данусю при княгинѣ, или женою какого-нибудь мазовецкаго рыцаря, Збышко и самъ не зналъ и съ утра до ночи бился надъ

разрѣшеніемъ этого вопроса. По временамъ ему казалось невозможнымъ, чтобъ она могла забыть о немъ, но иногда ему приходило въ голову, что можетъ быть Юрандъ уже пріѣхалъ изъ своего Спыхова и выдалъ дочь замужъ за какого-нибудь сосѣда или пріятеля. Вѣдь еще въ Краковѣ говорилъ же онъ, что Дануся не про Збышка писана и что онъ не отдастъ ее ему. Очевидно, онъ обѣщалъ ее кому-нибудь другому, очевидно, связанъ съ кѣмъ-нибудь клятвой и теперь исполнилъ эту клятву. Збышку, — когда онъ думалъ объ этомъ,—казалось вещью несомнѣнной, что онъ увидитъ Данусю не иначе, какъ замужнею. Тогда онъ подзывалъ Зандеруса, снова разспрашивалъ его, снова выпытывалъ, но тотъ путался все больше и больше. Случалось, онъ почти что вспоминалъ Данусю и ея свадьбу, потомъ вдругъ приставлялъ палецъ къ губамъ, задумывался и заканчивалъ: «а можетъ и не она!» Въ винѣ, которое должно было освѣжать его голову, нѣмецъ также не находилъ памяти и постоянно держалъ молодого рыцаря между смертельнымъ опасеніемъ и надеждой.

Итакъ, Збышко ѣхалъ въ тоскѣ, огорченіи и неувѣренности. По дорогѣ онъ уже вовсе не думалъ ни о Богданьцѣ, ни о Згожелицахъ, думалъ о томъ, что ему надлежитъ дѣлать. Прежде всего ему надлежало ѣхать на мазовецкій дворъ и узнать всю правду. Онъ и ѣхалъ, спѣшно, останавливаясь на самое короткое время въ городахъ и на заѣзжихъ дворахъ, чтобы только не загнать лошадей. Въ Лэнчицѣ онъ снова приказалъ вывѣсить доску съ вызовомъ, убѣждая себя въ душѣ, что вышла ли Дануся замужъ, нѣтъ ли, она навсегда останется госпожею его сердца и онъ обязанъ ломать за нее копья. Но въ Лэнчицѣ не много было людей, умѣвшихъ прочитать вызовъ, а тѣ рыцари, которымъ прочли его искусившіеся въ наукѣ клирики, не знали иноземнаго обычая, только пожимали плечами и говорили: «должно быть дуракъ какой-нибудь ѣдетъ! Кто же будетъ соглашаться или спорить съ нимъ, коли этой Дануты не видалъ въ глаза во всю свою жизнь!» А Збышко ѣхалъ впередъ все быстрѣе, погружаясь въ болѣе и болѣе угрюмыя думы. Онъ никогда не переставалъ любить свою Данусю, но въ Богданьцѣ и въ Згожелицахъ, почти каждодневно видясь съ Ягенкой и смотря на ея красоту, не такъ часто думалъ о Данусѣ, а теперь она ни днемъ, ни ночью не выходила ни изъ его памяти, ни изъ его мысли. Во снѣ онъ видѣлъ, какъ она стоитъ передъ нимъ, съ непокрытою головой, съ лютней въ рукахъ, съ вѣнкомъ на головѣ. Она протягиваетъ къ нему руки, а Юрандъ оттаскивалъ ее. Утромъ, когда сны разсѣивались, тоска Збышка дѣлалась еще сильнѣй, и никогда онъ не любилъ Данусю, какъ на-

чалъ любить теперь, когда не былъ увѣренъ, не отняли ли ее у него.

Ему приходило въ голову, что ее навѣрно отдали замужъ поневолѣ, и онъ въ глубинѣ души не обвинялъ ее,—она почти ребенокъ и не можетъ еще имѣть собственной воли. За то онъ возмущался Юрандомъ и княгиней, а когда думалъ о мужѣ Дануси, сердце его чуть не разрывалось отъ гнѣва и онъ грозно посматривалъ на своихъ слугъ. Онъ рѣшилъ уже, что не перестанетъ служить ей и, хотя бы нашелъ ея женою другого, обязанъ сложить у ея ногъ павлиньи гребни. Но въ этой мысли было больше горя, чѣмъ утѣшенія, потому что Збышко рѣшительно не зналъ, что станетъ дѣлать потомъ.

Если его и утѣшало что-нибудь, то только мысль о большой войнѣ. Хотя ему и не хотѣлось жить безъ Дануси, онъ не предполагалъ, что погибнетъ совсѣмъ,—во время войны его душа и память настолько будутъ заняты, что онъ освободится отъ своихъ мукъ и огорченій.

А война такъ и висѣла въ воздухѣ. Откуда брались слухи о ней,—неизвѣстно, тѣмъ болѣе что между королемъ и орденомъ существовалъ миръ. Тѣмъ не менѣе, повсюду, гдѣ ни проѣзжалъ Збышко, только и говорилось, что о войнѣ. Всѣ какъ будто предчувствовали, что это должно наступить скоро, а иные говорили прямо: «зачѣмъ намъ было соединяться съ Литвой, если бы не за тѣмъ, чтобы вмѣстѣ идти на волковъ-крестоносцевъ? Съ ними нужно покончить разъ навсегда, чтобъ они не рвали наши внутренности». Другіе прибавляли: «безумные монахи, мало имъ было Плóвцовъ! Смерть виситъ надъ ними, а они еще захватили Добжиньскую землю, которую имъ придется изблевать обратно вмѣстѣ съ кровью»... И во всей землѣ королевства подготовлялись, не торопясь, безъ хвастливости, съ которой обыкновенно идутъ на смертный бой, а съ глухой свирѣпостью могучаго народа, который черезчуръ долго сносилъ утѣсненія и, наконецъ, готовился къ страшной отместкѣ. Во всѣхъ рыцарскихъ домахъ Збышко встрѣчалъ людей убѣжденныхъ, что не сегодня, то завтра придется садиться на коня, и приходилъ въ изумленіе: и онъ, какъ другіе, слышалъ, что дѣло должно дойти до войны, но, однако, не думалъ о томъ, чтобъ она должна была наступить такъ скоро. Ему и не приходило въ голову, что человѣческія желанія въ этомъ случаѣ предупреждаютъ событія. Онъ вѣрилъ другимъ, не себѣ, и радовался въ душѣ при видѣ воинственнаго настроенія, которое встрѣчалъ на каждомъ шагу. Всѣ другія заботы уступали передъ заботами о конѣ и вооруженіи, вездѣ сосредото-

ченно осматривались копья, мечи, топоры, рогатины, шлемы, панцыри. Кузнецы день и ночь стучали молотками по желѣзнымъ листамъ, выковывая грубые, тяжелые панцыри, которые едва ли были бы подъ силу изнѣженнымъ рыцарямъ Запада, но которые легко носили крѣпкіе рыцари Великой и Малой Польши. Старики добывали изъ своихъ сундуковъ заплѣсневѣвшіе мѣшки съ гривнами, чтобы какъ слѣдуетъ снарядить дѣтей. Однажды Збышко ночевалъ у состоятельнаго шляхтича, Бартоша изъ Бѣлявъ, отца двадцати двухъ здоровыхъ сыновей, который заложилъ свои обширныя земли Ловичскому монастырю, чтобы купить двадцать два панцыря, столько же шлемовъ и прочихъ частей вооруженія. Збышко не слыхалъ въ Богданьцѣ, что можетъ быть и ему придется отправиться въ Пруссію, и благодарилъ Бога за то, что теперь такъ хорошо снабженъ всѣмъ, что нужно для войны.

Дѣйствительно, его вооруженіе возбуждало всеобщее удивленіе. Всѣ считали его сыномъ воеводы, а когда Збышко говорилъ, что онъ только простой шляхтичъ и что такое вооруженіе можно купить у нѣмцевъ, лишь бы заплатить хорошимъ ударомъ топора, сердца его собесѣдниковъ загорались воинственнымъ пыломъ. Не одинъ изъ нихъ, не будучи въ состояніи сдержать себя, догонялъ Збышко по дорогѣ и предлагалъ вступить въ состязаніе изъ-за вооруженія. Но Збышко торопился, охоты вступать въ состязаніе съ кѣмъ-нибудь не изъявлялъ, только его чехъ начиналъ свирѣпо натягивать лукъ. Збышко перестала даже вывѣшивать доску съ вызовомъ, потому что сообразилъ, что чѣмъ онъ больше удаляется въ глубь страны, тѣмъ менѣе люди поймутъ его намѣреніе и тѣмъ болѣе сочтутъ его дуракомъ.

Въ Мазовіи о войнѣ говорили меньше. Населеніе думало, что война будетъ, но когда — неизвѣстно. Въ Варшавѣ все было спокойно, тѣмъ болѣе, что дворъ находился въ Цехановѣ, который князь Янушъ перестраивалъ, вѣрнѣе сказать—возводилъ снова послѣ литовскаго нашествія,—отъ стараго города остался только замокъ. Въ Варшавской крѣпости Збышка принялъ Ясько Соха, староста замка, сынъ воеводы Абрагама, который палъ подъ Ворсклой. Ясько зналъ Збышка, потому что былъ съ княгиней въ Кракові и принялъ его съ радостью.

А Збышко, только усѣлся за трапезу, тотчасъ же началъ разспрашивать о Данусѣ,—не вышла ли она замужъ вмѣстѣ съ другими придворными княгини.

Но Соха не могъ отвѣтить на это. Князь и княгиня проживали въ Цехановскомъ замкѣ съ ранней осени. Въ Варшавѣ осталась

только горсть лучниковъ и онъ, Соха, для стражи. Онъ слышалъ, что въ Цехановѣ бываютъ разныя увеселенія, были и свадьбы, какъ всегда передъ рождественскимъ постомъ, но кто изъ придворныхъ дѣвицъ вышла замужъ и кто осталась, онъ, какъ человѣкъ женатый, не разспрашивалъ.

— Все-таки я думаю,—сказалъ онъ, — что Данута не вышла замужъ, потому что свадьбы безъ Юранда не могло бы быть, а я не слыхалъ о его пріѣздѣ. Въ гостяхъ у князя живутъ два крестоносца, комтуры, одинъ изъ Янсборка, другой изъ Щитна,—конечно, съ ними много заграничныхъ людей,—а Юрандъ въ это время никогда не показывается, потому что одинъ видъ бѣлаго плаща сразу приводитъ его въ бѣшенство. А коли не было Юранда, не было и свадьбы. Если хочешь, я пошлю гонца и прикажу ему возвращаться какъ можно скорѣй, хотя думаю, что ты найдешь Юрандовну еще въ дѣвицахъ.

— Я самъ поѣду завтра утромъ, но за утѣшеніе да наградитъ тебя Богъ. Поѣду, какъ только отдохнутъ лошади, потому что не буду имѣть покоя, пока не дознаюсь до правды. А все-таки да наградитъ тебя Богъ,—мнѣ сразу полегчало.

Соха однако не ограничился этимъ и послалъ разспрашивать дворянъ, временно проживающихъ въ замкѣ, а также и солдатъ, не слыхалъ ли кто-нибудь о свадьбѣ Дануты Юрандовны. Оказалось, что никто не слыхалъ, хотя нашлись такіе, что были и въ Цехановѣ и присутствовали на нѣкоторыхъ свадьбахъ. «Если она и вышла, то развѣ только въ послѣдніе дни». Могло случиться и такъ, потому что въ то время люди не тратили времени для размышленія. Какъ бы то ни было, Збышко пошелъ спать значительно ободреннымъ. Лежа онъ думалъ, прогнать ли ему Зандеруса, или этотъ негодяй можетъ понадобиться ему, благодаря знанію нѣмецкаго языка, когда придется идти на Лихтенштейна? Вмѣстѣ съ тѣмъ Збышку пришло въ голову, что до сихъ поръ Зандерусъ еще не обманулъ его и хотя былъ убыточнымъ пріобрѣтеніемъ, потому что на заѣзжихъ дворахъ ѣлъ и пилъ за четверыхъ, тѣмъ не менѣе онъ человѣкъ услужливый и выказываетъ по отношенію къ новому господину нѣкоторую привязанность. Кромѣ того, онъ обладалъ искусствомъ письма и тѣмъ возвышался не только надъ чехомъ, но и надъ самимъ Збышкомъ.

Все это привело къ тому, что молодой рыцарь позволилъ нѣмцу доѣхать съ собою до Цеханова. Зандерусъ былъ радъ не только потому, что такимъ образомъ было обезпечено его «пропитаніе», но и потому, что, по его вѣрному наблюденію, находясь въ хоро-

шемъ обществѣ, онъ внушаетъ больше довѣрія и легче находитъ покупателей на свой товаръ. Выѣхавъ изъ Цеханова и переночевавъ еще разъ въ Насельскѣ, Збышко подъ вечеръ второго дня увидалъ стѣны Цехановскаго замка. Молодой рыцарь остановился на заѣзжемъ дворѣ, чтобъ надѣть на себя латы и въѣхать въ замокъ какъ подобаетъ, въ шлемѣ и съ копьемъ въ рукахъ, затѣмъ возсѣлъ на своего рослаго коня и, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ дорогу, пустился впередъ. Но не успѣлъ онъ проѣхать и десяти шаговъ, какъ сопровождающій его чехъ поровнялся съ нимъ и сказалъ:

— Ваша милость, за нами какіе-то рыцари, чуть ли не крестоносцы.

Збышко повернулъ коня и не вдалекѣ отъ себя увидалъ блестящую процессію, во главѣ которой ѣхали двое рыцарей на сильныхъ померанскихъ коняхъ, оба въ полномъ вооруженіи, въ бѣлыхъ плащахъ съ черными крестами и въ шлемахъ съ высокими павлиньими гребнями.

— Крестоносцы, клянусь Богомъ!—воскликнулъ Збышко.

И, невольно, онъ пригнулся къ сѣдлу и наклонилъ копье на половину конскаго уха. Чехъ, видя это, плюнулъ себѣ на ладонь, чтобы покрѣпче держалась рукоятка топора.

Люди Збышка, — народъ бывалый и знающій воинскій обычай,—также подготовились, правда, не въ битвѣ, потому что при рыцарскихъ столкновеніяхъ слуги никогда не принимали участіе, но для того, чтобъ отмѣрить мѣсто для коннаго поединка или утоптать снѣгъ для пѣшаго. Одинъ только чехъ, какъ дворянинъ, могъ разсчитывать вмѣшаться въ дѣло, но и онъ ожидалъ приказа Збышка и удивлялся, зачѣмъ его молодой господинъ склонилъ копье передъ вызовомъ.

Но Збышко во время пришелъ въ себя. Онъ вспомнилъ свой безумный поступокъ подъ Краковымъ, когда онъ ни съ того, ни съ сего напалъ на Лихтенштейна, всѣ бѣды, которыя произошли изъ того, отдалъ копье чеху и, не обнажая меча, пустился къ крестоносцамъ. Приблизившись, онъ замѣтилъ, что кромѣ нихъ былъ еще третій рыцарь, также съ перьями на головѣ, и четвертый, безоружный, длинноволосый, который показался ему мазуромъ.

Видя это, Збышко сказалъ самому себѣ:

— Когда я былъ въ темницѣ, то обѣщалъ своей дамѣ не три гребня, а столько, сколько пальцевъ на рукахъ. Три,—если это не послы какіе-нибудь,—сейчасъ были бы готовы.

А кто знаетъ, можетъ это, дѣйствительно, какіе-нибудь послы къ князю мазовецкому? Збышко вздохнулъ и громко проговорилъ:

— Да будетъ благословенно имя Іисуса Христа!

— Во вѣки вѣковъ, — отвѣтилъ длинноволосый безоружный рыцарь.

— Помогай вамъ Богъ!

— И вамъ также.

— Слава святому Георгію!

— Онъ нашъ патронъ. Привѣтъ вамъ!

Они начали раскланиваться, потомъ Збышко сказалъ, кто онъ, какого герба, откуда ѣдетъ на мазовецкій дворъ, а длинноволосый рыцарь заявилъ, что зовется онъ Ендркомъ изъ Кропивницы и сопровождаетъ гостей князя: брата Готфрида, брата Роттера и кромѣ того господина Фулькона де-Лоршъ, изъ Лотарингіи, который, гостя у крестоносцевъ, хочетъ увидать собственными глазами мазовецкаго князя, а въ особенности княгиню, дочь славнаго «Кинстута».

Въ то время, когда произносили ихъ имена, заграничные рыцари, выпрямившись на сѣдлахъ, по очереди склоняли свои головы, облеченные въ желѣзные шлемы. По блестящему вооруженію Збышка они думали, что это князь выслалъ къ нимъ на встрѣчу какую-нибудь значительную особу, можетъ быть, собственнаго сына.

А Ендрекъ изъ Кропивницы продолжалъ:

— Комтуръ, то-есть, по-нашему, староста изъ Янсборка, живетъ въ гостяхъ у князя, и разсказывалъ ему о трехъ рыцаряхъ, которые очень хотѣли бы навѣстить нашъ край, но не осмѣливаются, въ особенности рыцарь изъ Лотарингіи. Онъ родомъ издалека и думалъ, что какъ разъ за землями крестоносцевъ живутъ сарацины, съ которыми ведется неустанная война. Князь, нашъ гостепріимный господинъ, тотчасъ же послалъ меня къ границѣ, чтобъ я помогъ рыцарямъ безопасно проѣхать отъ зáмка къ зáмку.

— А безъ вашей помощи они развѣ не могли бы проѣхать?

— Нашъ народъ страшно негодуетъ на крестоносцевъ,—не потому, что они нападаютъ на насъ,—и мы къ нимъ заглядываемъ,— а за ихъ коварство. Если крестоносецъ обнимаетъ тебя и цѣлуетъ спереди, то въ то же время сзади готовъ пырнуть тебя ножомъ. Обычай этотъ совершенно свинскій и для насъ, мазуровъ, противный... Конечно, нѣмца всякій подъ кровъ свой приметъ и гостя не обидитъ, но на дорогѣ ищетъ случая сцѣпиться съ нимъ. А есть и такіе, которые только это и дѣлаютъ ради мести или изъ-за славы, какую да пошлетъ Богъ всякому.

— Кто же изъ васъ самый славный? — спросилъ Збышко.

— Есть одинъ такой, что нѣмецъ лучше встрѣтится со смертью, чѣмъ съ нимъ: Юрандъ изъ Спыхова.

Сердце молодого рыцаря дрогнуло при этомъ имени, и онъ рѣшился выпытать все отъ Ендрка изъ Кропивницы.

— Знаю,—сказалъ онъ,—слышалъ! Это тотъ, дочь котораго, Данута, была въ придворныхъ у княгини, пока не вышла замужъ.

И онъ пытливо заглянулъ въ глаза мазовецкаго рыцаря, сдавивъ дыханіе въ своей груди. Ендрекъ изъ Кропивницы выразилъ сильное изумленіе и отвѣтилъ:

— Кто вамъ сказалъ это? Да вѣдь она еще дѣвочка. Бываетъ, что и такія выходятъ замужъ, но Данута не вышла. Я выѣхалъ изъ Цеханова шесть дней назадъ и видѣлъ ее у княгини. Да какъ же выходить замужъ постомъ?

Збышко, услыхавъ это, напрягъ всѣ силы воли, чтобы не обнять мазура и не крикнуть: «да наградитъ тебя Богъ», но однако сдержался и сказалъ:

— А я слышалъ, что Юрандъ хотѣлъ ее выдать за кого-то.

— Княгиня хотѣла, а не Юрандъ, да и княгиня ничего не могла сдѣлать противъ его воли. Княгиня хотѣла выдать Дануту за одного рыцаря, который избралъ ее дамой сердца и котораго она любитъ.

— Она любитъ его?—крикнулъ Збышко.

Ендрекъ проницательно посмотрѣлъ на него, усмѣхнулся и сказалъ:

— Ишь ты! Какъ вамъ приспичило узнать все объ этой дѣвицѣ.

— Я хочу разузнать о знакомыхъ, къ которымъ я ѣду.

Изъ-подъ шлема виднѣлась только часть лица Збышка, но за то его носъ и щеки были такъ красны, что хитрый и склонный къ насмѣшкамъ мазуръ сказалъ:

— У васъ лицо, вѣрно, отъ мороза раскраснѣлось такъ, какъ пасхальное яйцо.

Молодой человѣкъ смѣшался еще больше и отвѣтилъ:

— Конечно, отъ мороза.

Они молча двинулись въ путь,—только лошади ихъ фыркали отъ времени до времени, выпуская изъ ноздрей клубы пара, да чужеземные рыцари начали о чемъ-то болтать другъ съ другомъ. Но, спустя немного, Ендрекъ изъ Кропивницы спросилъ:

— Да какъ васъ зовутъ-то? Я, признаться, плохо разслышалъ.

— Збышко изъ Богданьца.

— Миленькій! Вѣдь и того, за кого сватали Юрандовну, звали, кажется, такъ же.

— А вы думаете—я отопрусь?—стремительно и гордо отвѣтилъ Збышко.

— Не въ чемъ запираться. Боже ты мой! Такъ вы тотъ Збышко, кому дѣвчонка накрыла голову косынкой? Послѣ возвращенія изъ Кракова княгинины дѣвки только и говорили, что о васъ, не одна, слушаетъ, бывало, слушаетъ, да и разрюмится. Такъ это вы! Вотъ будетъ радость при дворѣ... и княгиня васъ такъ любитъ.

— Да благословитъ ее Богъ и васъ за добрую вѣсть... Какъ вы мнѣ сказали, что она не вышла замужъ, такъ у меня отъ сердца отлегло.

— Какъ можно ей было выйти!... Такая дѣвка—лакомый кусокъ, за ней весь Спыховъ пойдетъ въ приданое; но хоть при дворѣ не мало красивыхъ парней, ни одинъ не заглядывалъ ей въ глаза, потому что всякій уважалъ ея поступокъ и вашу клятву. Да и княгиня не допустила бы этого. Вотъ будетъ радость-то! Правду сказать, дѣвку порой сбивали съ толку. Скажутъ ей бывало: «не возвратится твой рыцарь!»—а та затопаетъ ногами и повторяетъ одно и то же: «нѣтъ, возвратится! нѣтъ, возвратится!» А вотъ когда ей говорили, что вы женились на другой, то дѣло и до слезъ доходило.

Это растрогало Збышка, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и привело въ гнѣвъ, и онъ сказалъ:

— Я вызову на поединокъ того, кто осмѣлился такъ брехать на меня!

Ендрекъ изъ Кропивницы расхохотался.

— Бабы болтали, на зло. Вы и бабъ вызывать будете? Съ мечомъ противъ кудели ничего не подѣлаешь.

Збышко, довольный тѣмъ, что Богъ послалъ ему такого веселаго и расположеннаго къ нему спутника, началъ разспрашивать его о Данусѣ, потомъ объ обычаяхъ мазовецкаго двора, потомъ опять о Данусѣ, потомъ о князѣ Янушѣ и о княгинѣ, потомъ снова о Данусѣ,— наконецъ вспомнилъ о своемъ обѣтѣ и разсказалъ Ендрку, что слышно о войнѣ, какъ люди готовятся къ ней, какъ ждутъ ее со дня на день, и наконецъ предложилъ вопросъ, такъ же ли думаютъ и въ Мазовецкомъ княжествѣ.

Но владѣтель Кропивницы не думалъ, чтобы война могла быть такъ близка. Люди болтаютъ, что иначе и быть не можетъ, но онъ самъ слышалъ, какъ князь говорилъ Николаю изъ Длуголяса, что это крестоносцы спрятали свои когти и что еслибъ король настаивалъ, то они отступятся отъ завоеванной ими Добжиньской земли, потому что боятся могущества короля, или, по крайней мѣрѣ, бу-

дутъ оттягивать дѣло до тѣхъ поръ, пока хорошенько не подготовятся.

— Наконецъ,—сказалъ онъ,—князь недавно ѣздилъ въ Мальборгъ, гдѣ, за отсутствіемъ магистра, его принималъ великій маршалъ и устроилъ для него турниръ и теперь у князя гостятъ орденскіе комтуры, а вотъ и новые гости ѣдутъ.

Тутъ онъ остановился на минуту и добавилъ:

— Говорятъ, что крестоносцы не спроста сидятъ у насъ и у князя Земовита въ Плоцкѣ. Должно быть они хотятъ, чтобы въ случаѣ войны наши князья помогали не польскому королю, а имъ, или, по крайней мѣрѣ, оставались бы въ покоѣ, но этого не будетъ...

— Богъ дастъ, что не будетъ. Развѣ вы усидите дома? Вѣдь ваши князья подвластны королевству Польскому. Думаю, что не усидите.

— Не усидимъ, — согласился Ендрекъ изъ Кропивницы.

Збышко опять посмотрѣлъ на чужеземныхъ рыцарей и ихъ павлиньи перья.

— И эти за тѣмъ же ѣдутъ?

— Крестоносцы, можетъ быть, за тѣмъ же. Кто ихъ знаетъ.

— А тотъ, третій?

— Третій ѣдетъ изъ любопытства.

— Должно быть, какое-нибудь важное лицо.

— Да, за нимъ идутъ три окованныхъ воза съ разными вещами, да прислуги у него девять человѣкъ. Хорошо бы подраться съ такимъ! Даже слюнки текутъ!

— А подраться нельзя?

— Какъ можно! Самъ князь приказалъ мнѣ охранять ихъ. По дорогѣ до Цеханова волосъ не падетъ съ ихъ головы.

— А еслибъ я ихъ вызвалъ, и они приняли мой вызовъ?

— Тогда вы должны будете прежде биться со мной, —пока я живъ, изъ этого ничего не выйдетъ.

Збышко дружественно посмотрѣлъ на молодого рыцаря и сказалъ:

— Вы хорошо понимаете, что такое рыцарская честь. Съ вами иться я не буду, потому что хочу быть вашимъ другомъ, но въ ,ехановѣ, можетъ быть, Богъ пошлетъ, я какъ-нибудь прицѣплюсь ъ нѣмцамъ.

— Въ Цехановѣ дѣлайте, что вамъ будетъ угодно. Тамъ дѣло) обойдется безъ какихъ-нибудь турнировъ, а можетъ быть и иноборства, если разрѣшатъ князь и комтуры.

— У меня есть доска, на которой написанъ вызовъ всякому, кто не признаетъ, что панна Данута Юрандовна самая добродѣтельная и самая прелестная дѣвица во всемъ мірѣ. Но, знаете... люди всегда пожимали плечами и смѣялись при видѣ этого.

— Здѣсь этотъ обычай считается чуждымъ и, по правдѣ сказать, глупымъ, у насъ съ нимъ знакомы развѣ гдѣ-нибудь въ пограничныхъ мѣстахъ. Вотъ и лотарингецъ по дорогѣ задиралъ шляхту, приказывалъ имъ восхвалять превыше всѣхъ свою госпожу, но его никто не понималъ, а я и такъ не допустилъ бы его до драки.

— Какъ? Приказывалъ восхвалять свою даму? Да что онъ, Бога что ли не боится, или стыда нѣтъ у него въ глазахъ?

Онъ посмотрѣлъ на заграничнаго рыцаря, какъ бы желая получше разсмотрѣть, что это за человѣкъ, у кого нѣтъ стыда въ глазахъ, но долженъ былъ признать въ душѣ, что Фульконъ де-Лоршъ вовсе не представляется какимъ-нибудь бродягою. Напротивъ, изъ-подъ приподнятаго забрала смотрѣли добрые глаза, а на молодомъ лицѣ лежалъ отпечатокъ какой-то грусти. Збышко только теперь съ удивленіемъ замѣтилъ, что шея рыцаря троекратно была обвита волосяной веревкой, которая спускалась вдоль панцыря до лодыжки и кончалась на ней также троекратнымъ кольцомъ.

— Что это за веревку онъ носитъ на шеѣ?—спросилъ Збышко?

— Я не могъ хорошенько разузнать. Они нашего языка не понимаютъ, за исключеніемъ брата Ротгера, который сумѣетъ сказать пару словъ, да и то не Богъ вѣсть какъ. Сдается мнѣ, что молодой рыцарь далъ обѣтъ, что до тѣхъ поръ не сниметъ этой веревки, пока не совершитъ какого-нибудь великаго рыцарскаго подвига. Днемъ онъ носитъ ее на панцырѣ, а ночью на голомъ тѣлѣ.

— Зандерусъ!—вдругъ вскрикнулъ Збышко.

— Что прикажете?—спросилъ нѣмецъ, приближаясь.

— Спроси у этого рыцаря, какая изъ дамъ самая добродѣтельная и прекраснѣйшая дама на свѣтѣ!

Зандерусъ перевелъ вопросъ и Фульконъ де-Лоршъ отвѣтилъ:

— Ульрика де-Эльнеръ!

И, поднявъ глаза къ небу, онъ принялся вздыхать. Збышко, услыхавъ это кощунство, былъ внѣ себя отъ негодованія и разсердился такъ, что пришпорилъ коня, но, прежде чѣмъ успѣлъ вымолвить хоть одно слово, Ендрекъ изъ Кропивницы поставилъ своего коня между Збышкомъ и чужеземцемъ и сказалъ:

— Здѣсь вы не будете драться!

Збышко опять обратился къ торговцу реликвіями.

— Скажи ему отъ меня, что онъ влюбленъ въ сову.

— Господинъ мой говоритъ, что вы, благородный рыцарь, влюблены въ сову,—какъ эхо повторилъ Зандерусъ.

Де-Лоршъ опустилъ поводья, растегнулъ свою желѣзную перчатку и бросилъ ее на снѣгъ передъ лошадью Збышка, а тотъ сдѣлалъ знакъ своему чеху, чтобы тотъ поднялъ ее остріемъ копья.

Въ это время Ендрекъ изъ Кронивницы обратилъ къ Збышку свое разгнѣванное и грозное лицо и сказалъ:

— Вы не будете драться, повторяю вамъ, пока мое посольство не кончится. Я не позволю ни ему, ни вамъ.

— Вѣдь не я его вызвалъ, а онъ меня.

— Да, но за сову. Довольно, а если кто будетъ противиться... такъ вѣдь и я умѣю держать копье въ рукахъ.

— Я съ вами драться не хочу.

— А должны были бы, потому что я обѣщалъ охранять гостей князя.

— Ну, какъ же мнѣ быть?—сказалъ упрямый Збышко.

— Цехановъ не далеко.

— Но что обо мнѣ подумаетъ нѣмецъ?

— Пусть вашъ слуга скажетъ ему, что здѣсь вамъ вступать въ единоборство нельзя, и что сначала нужно испросить разрѣшеніе князя для васъ и разрѣшеніе комтура для него.

— А какъ этого разрѣшенія не дадутъ?

— Ну, тогда сами ищите случая. Довольно этой болтовни!

Збышко, видя, что тутъ ничего не подѣлаешь и что Ендрекъ изъ Кропивницы, дѣйствительно, не могъ допустить единоборства, приказалъ Зандерусу объяснить лотарингскому рыцарю, что придется подождать, пока не пріѣдутъ на мѣсто. Де-Лоршъ, выслушавъ слова нѣмца, кивнулъ головою въ знакъ того, что понимаетъ, а потомъ взялъ руку Збышка, удержалъ ее съ минуту въ своей рукѣ и крѣпко сжалъ. По рыцарскимъ обычаямъ это обозначало, что они будутъ драться гдѣ бы и когда бы имъ ни пришлось встрѣтиться. Потомъ, въ наружномъ согласіи рыцари двинулись къ Цеханову, тупыя башни котораго уже виднѣлись на фонѣ неба, окрашеннаго румянцемъ зари.

Пріѣхали они еще засвѣтло, но прежде, чѣмъ ихъ опросили у воротъ зáмка и спустили мостъ, наступила глубокая ночь. Гостей принялъ къ себѣ старый знакомый Збышка, Николай изъ Длуголяса, который начальствовалъ надъ гарнизономъ, состоящимъ изъ горсти рыцарей и трехсотъ превосходнѣйшихъ курпаскихъ лучниковъ. Збышко тотчасъ же, къ великому своему огорченію, узналъ,

что двора въ за̀мкѣ не было. Князь, желая почтить комтуровъ изъ Щитна и Янсборка, устроилъ въ курпаскихъ лѣсахъ большую охоту, на которую, для приданія зрѣлищу большей торжественности, отправилась и княгиня вмѣстѣ со своими дамами. Изъ знакомыхъ женщинъ Збышко нашелъ только Офку, вдову Кшиха изъ Яжомбкова, завѣдывавшую хозяйствомъ за̀мка. Офка была очень рада Збышку, потому что со времени возвращенія изъ Кракова разсказывала всякому, кто хотѣлъ и кто не хотѣлъ, о его любви къ Данусѣ и приключеніи съ Лихтенштейномъ. Эти разсказы давали ей почетное положеніе среди болѣе молодыхъ дворянъ и дѣвицъ. Она была отчасти признательна Збышку за это и теперь старалась смягчить его грусть, которою онъ преисполнился при вѣсти объ отсутствіи Дануси.

— Ты не узнаешь ее,—говорила Офка.—Выросла такъ, что швы на платьѣ такъ и трещатъ. Ужъ это не та «дрянь», какою она была когда-то, и любитъ тебя не такъ, какъ прежде. Теперь, если ей крикнуть надъ ухомъ: «Збышко!»—такъ ее точно кто шиломъ кольнетъ. Ужъ такова наша женская доля, и тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, потому что это творится по повелѣнію Божію... А дядя твой, ты говоришь, здоровъ? Отчего же онъ не пріѣхалъ сюда?... Да, да, такова наша доля... Тошно, тошно женщинѣ одной жить на свѣтѣ... Слава Богу, что дѣвчонка не поломала ногъ, каждый день взбирается на башню и смотритъ на дорогу... Каждая изъ насъ ищетъ любви.

— Я покормлю коней и поѣду къ ней, хоть ночью, да поѣду,—сказалъ Збышко.

— Это ты хорошо сдѣлаешь, только возьми проводника, а то заблудишься въ лѣсу.

И дѣйствительно, на ужинѣ, который Николай изъ Длуголяса устроилъ въ честь гостей, Збышко заявилъ, что ѣдетъ тотчасъ же, и просилъ дать ему проводника. Утомленные крестоносцы, тотчасъ же послѣ ужина, придвинулись къ громаднымъ каминамъ, въ которыхъ пылали цѣлые сосновые стволы, и рѣшили ѣхать только завтра, послѣ отдыха. Одинъ де-Лоршъ, узнавъ въ чемъ дѣло, заявилъ, что также ѣдетъ вмѣстѣ съ Збышкомъ, а то боится опоздать на охоту.

Потомъ онъ приблизился къ Збышку и снова троекратно стиснулъ его руку.

III.

Но подраться имъ опять-таки не пришлось, потому что Николай изъ Длуголяса, узнавъ отъ Ендрка изъ Кропивницы, въ чемъ

дѣло, взялъ съ обоихъ рыцарей слово, что безъ вѣдома князя и комтуровъ они не станутъ нападать другъ на друга, а въ случаѣ сопротивленія грозилъ замкнуть ворота. Збышку прежде всего хотѣлось увидать Данусю, да кромѣ того онъ не смѣлъ спорить. Де-Лоршъ, который бился, когда это было нужно, но не былъ кровожаднымъ человѣкомъ, безъ особыхъ затрудненій поклялся своею рыцарскою честью, что будетъ ждать разрѣшенія князя, тѣмъ болѣе, что боится прогнѣвать его, если будетъ идти наперекоръ его желанію. Лотарингецъ наслушался вдоволь пѣсенъ о турнирахъ, любилъ многочисленныя собранія и блестящія торжества, любилъ вступать въ единоборство именно въ присутствіи двора, сановниковъ и дамъ и думалъ, что такимъ образомъ слава его побѣды громче прозвучитъ по свѣту и облегчитъ ему возможность получить золотыя шпоры. Притомъ его интересовала незнакомая страна и ея населеніе. Мысль объ отсрочкѣ улыбалась ему, тѣмъ болѣе, что Николай изъ Длуголяса, который провелъ цѣлые годы въ плѣну у нѣмцевъ и легко могъ объясняться съ чужеземцами, разсказывалъ истинныя чудеса о княжескихъ охотахъ на диковинныхъ звѣрей, уже неизвѣстныхъ въ западныхъ краяхъ.

Въ полночь Збышко и де-Лоршъ двинулись къ Пшашину со своими свитами и людьми, снабженными факелами для охраны отъ волковъ, которые зимою скоплялись въ неисчислимыя громады и могли бы показаться страшными для нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ, хотя бы и отлично вооруженныхъ. Съ той стороны Цеханова также не было недостатка въ лѣсахъ, которые за Пшашиномъ переходили въ гигантскую Курпескую пущу, сливающуюся на востокѣ съ непроходимыми борами Подлясья и лежащей дальше Литвы. Еще недавно по этимъ борамъ пробирались на Мазовію полудикіе литовцы, минуя, однако, грозныхъ курповъ. Въ 1337 году они дошли до Цеханова и разрушили городъ. Де-Лоршъ съ великимъ интересомъ слушалъ разсказы стараго проводника, Мацька изъ Туробоевъ, потому что пылалъ въ душѣ желаніемъ помѣряться съ литовцами, которыхъ, какъ и другіе рыцари Запада, считалъ за сарацинъ. Онъ и прибылъ сюда точно какъ на крестовый походъ, желая стяжать славу и спасеніе души, и во время пути думалъ, что война даже и съ мазурами, какъ съ полуязыческимъ народомъ, также сулитъ вѣчное спасеніе. И вотъ теперь онъ почти не вѣрилъ глазамъ, когда, уже вступивъ на мазовецкую почву, онъ увидѣлъ городскія церкви, кресты на башняхъ, духовенство, рыцарей со святыми изображеніями на панцыряхъ и народъ, правда, буйный и запальчивый, склонный къ ссорѣ и дракѣ, но христіан-

скій и не болѣе хищный, чѣмъ нѣмцы, которыхъ въ такомъ множествѣ пришлось увидать молодому рыцарю. И когда ему разсказывали, что этотъ народъ издавна поклоняется Христу, де-Лоршъ самъ не зналъ, что ему думать о крестоносцахъ, а когда узналъ, что покойная королева окрестила даже и Литву, его изумленію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неудовольствію не было границъ.

И онъ началъ разспрашивать Мацька изъ Туробоевъ, что въ этихъ лѣсахъ, по которымъ они ѣдутъ, нѣтъ ли, по крайней мѣрѣ, драконовъ, которымъ приносятъ въ жертву дѣвъ и съ которыми можно было бы сразиться, но отвѣтъ Мацька и въ этомъ отношеніи совершенно разочаровалъ его.

— Въ борахъ есть разный знатный звѣрь—волки, туры, зубры и медвѣди, съ которыми можно позаняться,—отвѣтилъ Мацько,—можетъ быть въ болотахъ гнѣздятся и нечистые духи, но о драконахъ я что-то не слыхалъ, а еслибъ они и были, то дѣвокъ мы не отдавали ли бы имъ, а пошли бы на нихъ скопомъ. Да еслибъ они водились, курпы давно бы носили пояса изъ ихъ кожи.

— Что это за народъ? Драться съ нимъ можно?—спросилъ де-Лоршъ.

— Драться-то можно, да нездорово, — отвѣтилъ Мацько, — и, кромѣ того, рыцарю непристойно, потому что это народъ мужицкій.

— Швейцарцы также мужики... А здѣсь всѣ поклоняются Христу?

— Всѣ поклоняются Христу. Здѣсь люди все наши и княжескіе. Вы, вѣдь, видѣли лучниковъ въ замкѣ. Всѣ они до одного курпы, потому что лучше нихъ нѣтъ лучниковъ на свѣтѣ.

— Англичане и шотландцы, которыхъ я видѣлъ при бургундскомъ дворѣ...

— А я видѣлъ ихъ въ Мальборгѣ, — перебилъ Мацько. — Парни крѣпкіе, но не дай имъ Богъ когда-нибудь стать противъ курповъ. У курповъ ребенку съ семи лѣтъ ѣсть не дадутъ, если не собьетъ себѣ ѣды стрѣлою съ верхушки сосны.

— О чемъ это вы толкуете? — спросилъ Збышко, вниманіе котораго привлекло нѣсколько разъ повторенное слово курпы.

— О курпескихъ и англійскихъ лучникахъ. Вотъ этотъ рыцарь говоритъ, что англійскіе и шотландскіе превосходятъ всѣхъ.

— Видалъ и я ихъ подъ Вильномъ и, мало того, слышалъ свистъ ихъ стрѣлъ у моего уха. Были тамъ и рыцари изъ разныхъ странъ, которые грозились, что съѣдятъ насъ безъ соли, и какъ попробовали разъ и другой, такъ и потеряли охоту къ ѣдѣ.

Мацько разсмѣялся и перевелъ слова Збышка де-Лоршу.

— Объ этомъ говорили при разныхъ дворахъ, — отвѣтилъ де-Лоршъ,—вездѣ превозносятъ храбрыхъ вашихъ рыцарей, но осуждаютъ ихъ за то, что они защищаютъ язычниковъ отъ тѣхъ, кто идетъ къ нимъ со святымъ крестомъ.

— Мы защищали народъ, который и такъ хотѣлъ креститься, отъ нападеній и несправедливости. Это нѣмцы хотятъ укрывать ихъ въ язычествѣ, чтобъ имѣть поводъ къ войнѣ.

— Это разсудитъ Богъ,—сказалъ де-Лоршъ.

— Можетъ быть и скоро,—отвѣтилъ Мацько изъ Туробоевъ.

Но лотарингецъ, услыхавъ, что Збышко былъ подъ Вильномъ, началъ разспрашивать о ней Мацька, потому что вѣсти о совершившихся тамъ рыцарскихъ поединкахъ уже широко разошлись по свѣту. Въ особенности поединокъ четырехъ польскихъ рыцарей съ четырьмя французскими сильно подстрекалъ воображеніе западныхъ воиновъ. И де-Лоршъ съ бо́льшимъ увлеченіемъ началъ поглядывать на Збышка, какъ на человѣка, который принималъ участіе въ такихъ славныхъ бояхъ, и радовался въ глубинѣ сердца, что ему придется биться не съ кѣмъ-нибудь.

Рыцари ѣхали дальше, сохраняя наружное согласіе, оказывая взаимныя услуги при остановкахъ и угощая другъ друга виномъ, которое у де-Лорша имѣлось въ большомъ запасѣ. Но когда изъ его разговора съ Мацькомъ оказалось, что Ульрика де-Эльнеръ вовсе не дѣвица, а сорокалѣтняя замужняя женщина, съ шестерыми дѣтьми, гордость Збышка вскипѣла еще болѣе: этотъ странный чужеземецъ не только смѣетъ сравнивать съ Данусей свою «бабу», но и требовать для нея преимущества! Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подумалъ, что можетъ быть этотъ человѣкъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ и что темная комната и батоги болѣе приличествовали бы ему, чѣмъ путешествіе по бѣлому свѣту, и мысль эта сразу удержала его отъ гнѣвной вспышки.

— Вы не думаете, что злой духъ омрачилъ его разумъ?— сказалъ онъ Мацьку.—Можетъ быть дьяволъ сидитъ у него въ головѣ, какъ червь въ орѣхѣ, и почью готовъ переселиться въ кого-нибудь изъ насъ. Съ нимъ нужно быть на-сторо́жѣ.

Положимъ, Мацько изъ Туробоевъ изъявилъ свое несогласіе, но тѣмъ не менѣе, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ началъ посматривать на лотарингца и кончилъ тѣмъ, что сказалъ:

— Случается, что въ одержимомъ сидитъ и сто бѣсовъ и больше, а какъ имъ станетъ тѣсно, они и ищутъ жилища въ другихъ людяхъ. Самый худшій дьяволъ тотъ, котораго нашлетъ баба.

И онъ вдругъ обратился къ рыцарю:

— Да будетъ прославлено имя Іисуса Христа!

— И я поклоняюсь ему, — съ нѣкоторымъ удивленіемъ отвѣтилъ де-Лоршъ.

Мацько совершенно успокоился.

— Ну, видите!—сказалъ онъ,—еслибы въ немъ сидѣлъ нечистый, то сейчасъ же остервенился бы или грянулся бы вмѣстѣ съ нимъ наземь. Мы можемъ ѣхать спокойно.

И они поѣхали спокойно дальше. Отъ Цеханова до Пшашина было не особенно далеко и лѣтомъ гонецъ на добромъ конѣ могъ бы въ два часа пробѣжать разстояніе, раздѣляющее два города. Но наши рыцари ѣхали значительно медленнѣй по милости ночи, остановокъ и снѣжныхъ сугробовъ, а такъ какъ выѣхали гораздо позже полуночи, то до княжескаго охотничьяго дома, стоящаго за Пшашиномъ, на лѣсной опушкѣ, прибыли только на разсвѣтѣ. Домъ большой, низкій, деревянный, хотя и съ окнами изъ стеклянныхъ пластинокъ почти упирался въ лѣсъ. Передъ домомъ виднѣлись журавцы колодцевъ и двѣ конюшни, а вокругъ все пространство было усѣяно шалашами, наскоро сплетенными изъ сосновыхъ вѣтвей, и кожаными палатками. Передъ палатками, при сѣроватомъ свѣтѣ начинающаго дня, ярко горѣли костры, а вокругъ нихъ толпились загонщики въ полушубкахъ, шерстью наружу, въ лисьихъ, волчьихъ и медвѣжьихъ тулупахъ. Фулькону де-Лоршъ показалось, что онъ видитъ передъ собою дикихъ звѣрей, поднявшихся на дыбы, тѣмъ болѣе, что на головѣ загонщиковъ надѣты были шапки, сдѣланныя изъ шкуры, снятой со звѣриныхъ головъ. Одни стояли опершись на луки или рогатины, другіе вязали огромныя сѣти изъ толстыхъ веревокъ, третьи поворачивали на вертелахъ лосиные или зубровые окорока, очевидно предназначенные для ранняго завтрака.

Отблескъ огня падалъ на снѣгъ, освѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ эти дикія фигуры, неясныя среди окружающаго ихъ дыма, чада отъ поджариваемаго мяса и пара отъ дыханія. Дальше виднѣлись стволы могучихъ сосенъ и новыя толпы людей, что приводило въ изумленіе лотарингца, не привыкшаго къ такому многочисленному охотничьему собранію.

— Ваши князья ходятъ на охоту точно на войну, — сказалъ онъ.

— Какъ вы видите, у нихъ недостатка нѣтъ ни въ охотничьихъ принадлежностяхъ, ни въ людяхъ,—отвѣтилъ Мацько изъ Туробоевъ.—Это только княжескіе загонщики, но есть еще и другіе, которые являются сюда торговать изъ своихъ лѣсныхъ зарослей.

— Что намъ дѣлать?—перебилъ Збышко,—въ домѣ всѣ еще спятъ.

— Ждать, пока проснутся, — отвѣтилъ Мацько. — Не стучаться же въ дверь и не будить князя, господина нашего.

Онъ подвелъ Збышка и де-Лорша къ костру; курпы набросали имъ на снѣгъ зубровыхъ и медвѣжьихъ шкуръ и привѣтливо начали угощать ихъ дымящимся мясомъ, а заслышавъ чуждую рѣчь, кружкомъ стѣснились вокругъ нихъ, чтобы посмотрѣть на нѣмца. Кто-то сболтнулъ, что это рыцарь «изъ - за моря», и любопытные начали напирать такъ, что панъ изъ Туробоевъ долженъ былъ пустить въ ходъ всю свою власть, чтобы предохранить чужеземца отъ излишняго любопытства. Де-Лоршъ замѣтилъ въ толпѣ и женщинъ, тоже одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры, но румяныхъ какъ яблоко и очень красивыхъ, и началъ разспрашивать, принимаютъ ли и онѣ участіе въ охотахъ.

Мацько объяснилъ ему, что въ охотахъ онѣ участія не принимаютъ, но явились сюда изъ-за бабьяго любопытства или для продажи своихъ лѣсныхъ богатствъ и покупки городскихъ товаровъ. Княжескій домъ былъ очагомъ, вокругъ котораго, даже во время отсутствія князя, сталкивались двѣ стихіи—городская и лѣсная. Курпы не любили выходить изъ лѣса,—имъ было какъ-то не по себѣ, когда они не слыхали шума вѣтвей надъ головой, а пшашишане привозили въ этотъ лѣсной уголъ свое знаменитое пиво, муку, смолотую на городскихъ вѣтрянкахъ или ня водяныхъ мельницахъ, расположенныхъ вдоль Венгерки, соль, столь рѣдкую въ лѣсу и пріобрѣтаемую съ такой охотой, желѣзо, ремни и другіе продукты городской производительности, а взамѣнъ брали кожи, цѣнные мѣха, сушеные грибы, орѣхи, зелья, пригодныя въ разныхъ болѣзняхъ или куски янтаря, который среди курповъ не представлялъ большую рѣдкость. Вотъ поэтому-то вокругъ княжескаго дома кипѣла почти постоянная торговля, которая усиливалась еще болѣе во время княжескихъ охотъ, когда и обязанность, и любопытство выманивали мѣстныхъ жителей изъ лѣсныхъ глубинъ.

Де-Лоршъ слушалъ объясненія Мацька, съ любопытствомъ глядя на загонщиковъ, которые, вдыхая въ себя здоровый, смолистый воздухъ и питаясь, какъ большинство тогдашнихъ крестьянъ, преимущественно мясомъ, не рѣдко удивляли заграничныхъ путешественниковъ своимъ ростомъ и силой, а Збышко, сидя у костра, не спускалъ глазъ съ оконъ княжескаго дома и едва могъ удержаться на мѣстѣ. Свѣтилось только одно окно, очевидно кухонное, потому что оттуда, сквозь недостаточно плотно прилаженныя

щели, выходилъ дымъ. Другія окна были темны и только отражали блескъ начинающаго дня, который усиливался съ каждой минутой и все ярче серебрилъ засыпанную снѣгомъ пущу. Въ маленькихъ дверяхъ, пробитыхъ въ боковой стѣнѣ дома, иногда показывался кто-нибудь изъ прислуги и бѣжалъ къ колодцу съ ведрами на коромыслѣ. На разспросы прислуга отвѣчала, что дворъ, утомленный вчерашней охотой, еще отдыхаетъ, но что ранній завтракъ уже готовится.

И дѣйствительно, изъ щелей кухоннаго окна началъ доноситься запахъ шафрану и далеко разошелся повсюду. Наконецъ, скрипнули и распахнулись, показывая ярко-освѣщенныя сѣни, главныя двери, и на крыльцо вышелъ человѣкъ. Збышко при первомъ же взглядѣ узналъ его,—то былъ одинъ изъ рибальтовъ, которыхъ онъ видѣлъ въ Краковѣ въ свитѣ княгини. При видѣ его, Збышко, не ожидая ни Мацька изъ Туробоевъ, ни де-Лорша, такъ стремительно помчался къ крыльцу, что изумленный лотарингецъ спросилъ:

— Что это случилось съ молодымъ рыцаремъ?

— Ничего не случилось, — отвѣтилъ Мацко, — только онъ влюбленъ въ одну придворную княгини и хотѣлъ бы увидать ее какъ можно скорѣй.

— Ахъ!—отвѣтилъ де Лоршъ, приложивъ обѣ руки къ сердцу.

И, поднявъ кверху глаза, онъ началъ такъ жалостно вздыхать, что Мацько пожалъ плечами и подумалъ про себя:

«По своей старухѣ, что ли, онъ такъ вздыхаетъ? Пожалуй и правда, что не въ своемъ умѣ».

Но, тѣмъ не менѣе, онъ повелъ его въ домъ и вскорѣ они очутились въ обширныхъ сѣняхъ, украшенныхъ рогами туровъ, зубровъ, лосей и оленей, и освѣщенныхъ огнемъ сухихъ колодъ, пылавшихъ въ огромномъ каминѣ. По серединѣ стоялъ покрытый ковромъ столъ съ мисками, приготовленными для яствъ; въ сѣняхъ было нѣсколько человѣкъ придворныхъ, съ которыми разговаривалъ Збышко. Мацько познакомилъ придворныхъ съ де-Лоршемъ, но такъ какъ тѣ не знали по-нѣмецки, то долженъ былъ помогать имъ въ бесѣдѣ. Число придворныхъ увеличивалось съ каждой минутой,—все молодецъ въ молодцу, людей по большей части не полированныхъ, но рослыхъ, плечистыхъ, русоволосыхъ, одѣтыхъ такъ, какъ одѣваются въ пущѣ. Тѣ, которые знали Збышка и слышали объ его краковскихъ приключеніяхъ, привѣтствовали его какъ стараго друга, и было видно, что онъ пользуется среди нихъ почетомъ. Другіе смотрѣли на него съ такимъ изумлені-

емъ, съ какимъ обыкновенно смотрятъ на человѣка, надъ головой котораго висѣлъ топоръ палача. Вокругъ слышались голоса: «Наконецъ-то! Княгиня здѣсь, Юрандовна здѣсь... Скоро ты увидишь ее и поѣдешь съ нами на охоту». А въ это время взошли два гостя крестоносца: братъ Гуго де Данфельдъ, староста изъ Ортельсбурга или изъ Щитна (его родственникъ когда-то былъ маршаломъ) и Зифридъ де Лӧве, также изъ заслуженной крестоносической фамиліи,—янсборскій бургомистръ. Первый—довольно молодой еще, но тучный, съ лицомъ хитраго пивопійцы и толстыми, лоснящимися губами, другой высокій, съ суровыми, но благородными чертами лица. Збышку показалось, что Данфельда онъ видѣлъ когда-то у князя Витольда и что Генрикъ, епископъ плоцкій, на турнирѣ выбилъ его изъ сѣдла, но нить его воспоминаній тутъ же и порвалась. Вошелъ князь Янушъ, придворные и крестоносцы повернулись къ нему. Къ князю подошелъ де-Лоршъ вмѣстѣ съ комтурами и Збышко, и князь привѣтствовалъ всѣхъ любезно, но съ оттѣнкомъ величія на своемъ безусомъ, мужичьемъ лицѣ, обрамленномъ волосами, ровно подстриженными надо лбомъ и спускающимися по бокамъ вплоть до плечей. За окнами загремѣли трубы въ знакъ того, что князь садится за столъ, загремѣли разъ, другой, но при третьемъ распахнулись двери съ правой стороны, и на порогѣ показалась княгиня Анна, а рядомъ съ ней дивной красоты простоволосая дѣвочка, съ лютней, перевѣшанной черезъ плечо.

Збышко выступилъ впередъ и, сложивъ руки, опустился передъ ней на колѣни въ почтительной и благоговѣйной позѣ.

Въ сѣняхъ прошелъ шумъ. Поступокъ Збышка удивилъ и даже огорчилъ нѣкоторыхъ мазуровъ. «Ишь, окаянный,— говорили старики,—навѣрно перенялъ этотъ обычай отъ какихъ-нибудь заморскихъ рыцарей, а можетъ быть и совсѣмъ отъ язычниковъ,— такого обычая и у нѣмцевъ нѣтъ». Но молодые утверждали, что тутъ ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ обязанъ этой дѣвушкѣ своей головой. Княгиня и Дануся узнали Збышка не сразу, потому что онъ очутился спиною къ камину и лицо его оставалось въ тѣни. Княгиня въ первую минуту думала, что это кто-нибудь изъ придворныхъ, провинившись передъ княземъ, проситъ ея заступничества, но у Дануси зрѣніе было острѣе. Она сдѣлала шагъ впередъ и, наклонивъ голову впередъ, крикнула тонкимъ, испуганнымъ голосомъ:

— Збышко!

Не думая о томъ, что на нее смотритъ весь дворъ и загранич-

ные гости, она, какъ серна, подскочила къ молодому рыцарю, обвила его руками, и начала цѣловать его глаза, губы, щеки, прижимаясь къ нему и отъ избытка радости болтая до тѣхъ поръ, пока всѣ мазуры не разразились хохотомъ и пока княгиня не потянула ее за воротникъ къ себѣ.

Тогда Дануся оглянулась вокругъ, страшно переконфузилась и, съ одинаковой быстротой спрятавшись за спину княгини, скрылась такъ, что ея голова еле виднѣлась въ складкахъ юбки.

Збышко припалъ къ ногамъ Анны Дануты, а та привѣтливо подняла его и начала разспрашивать о Мацькѣ, умеръ ли онъ, живъ ли, а если живъ, то почему также не пріѣхалъ въ Мазовію. Збышко не особенно внимательно отвѣчалъ на эти вопросы, и, перегибаясь изъ стороны въ сторону, старался увидать Данусю, которая то показывалась изъ-за спины княгини, то снова ныряла въ складкахъ ея юбки. Мазуры хватались за бока при этомъ зрѣлищѣ, смѣялся и самъ князь, но, наконецъ, принесли первыя блюда и добродушная княгиня обратилась къ Збышку:

— Ну, служи намъ, милый слуга, и дай Богъ не только за столомъ, но и всегда.

Потомъ она сказала Данусѣ:

— А ты, шальная муха, вылѣзай же изъ-за моей юбки, а то оборвешь ее совсѣмъ.

Дануся вышла изъ-за юбки раскраснѣвшаяся, смущенная, постоянно пытающаяся посмотрѣть на Збышка боязливыми, пристыженными и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытными глазами,—такая прелестная, что сердце дрогнуло не только у Збышка, но и другихъ людей: староста изъ Щитна началъ прикладывать пальцы къ своимъ толстымъ, лоснящимся губамъ, а де-Лоршъ пришелъ въ совершенное изумленіе и спросилъ:

— Ради святого Іакова Компостельскаго, кто эта дѣвица?

На это староста изъ Щитна,—несмотря на свою толщину онъ былъ низокъ ростомъ,—привсталъ на цыпочки и сказалъ лотарингцу на ухо:

— Дочь дьявола.

Де-Лоршъ посмотрѣлъ на него, моргнулъ нѣсколько разъ, потомъ сморщилъ брови и проговорилъ въ носъ:

— Не правъ тотъ рыцарь, который осмѣливается лаять на красоту.

— Я ношу золотыя шпоры и я—монахъ,—съ высокомѣріемъ отвѣтилъ Гуго де-Данфельдъ.

Уваженіе къ опоясаннымъ рыцарямъ было такъ велико, что лотарингецъ опустилъ голову, но черезъ минуту отвѣтилъ:

— А я родственникъ брабантскаго князя.

— Pax, pax! — поспѣшилъ успокоить его крестоносецъ. — Слава могучему князю и другу ордена, изъ рукъ котораго и вы скоро получите золотыя шпоры. Я не отнимаю красоты у этой дѣвушки, но выслушайте, кто ея отецъ.

Но онъ не успѣлъ ничего разсказать, потому что въ эту минуту князь Янушъ сѣлъ за столъ, а предварительно узнавши отъ янсборскаго бургомистра о знатномъ родствѣ де-Лорша, далъ знакъ, чтобъ онъ занялъ мѣсто около него. Напротивъ расположились княгиня съ Данутой. Збышко, какъ нѣкогда въ Краковѣ, сталъ позади ихъ стульевъ. Дануся какъ можно ниже наклоняла голову надъ миской, потому что ей было стыдно передъ людьми, но старалась держать ее немного наискось, чтобы Збышко могъ смотрѣть на ея лицо. И Збышко жадно и съ восторгомъ смотрѣлъ на ея русую головку, на розовую щеку, на узкіе рукава уже не дѣтской одежды и чувствовалъ, что въ немъ поднимается рѣка новой любви, которая заливаетъ всю его грудь. Онъ чувствовалъ еще на своихъ глазахъ, на своихъ губахъ, на своемъ лицѣ ея не остывшіе поцѣлуи. Когда-то она цѣловала его какъ сестра брата, и онъ принималъ поцѣлуи отъ нея какъ отъ малаго ребенка. Теперь же, при свѣжемъ воспоминаніи о нихъ, съ нимъ дѣлалось то, что по-временамъ дѣлалось, когда онъ бывалъ рядомъ съ Ягенкой, — его охватывала какая-то страсть, на него нападала какая-то слабость, подъ которой таился жаръ, какъ въ кострѣ, засыпанномъ пепломъ. Дануся казалась ему совершенно взрослой дѣвушкой, — да она и дѣйствительно выросла, расцвѣла. Кромѣ того въ ея присутствіи такъ много и такъ постоянно говорили о любви, что, какъ цвѣточная почка, согрѣваемая лучами солнца краснѣетъ и развертывается быстрѣе, такъ и ея глаза раскрылись на любовь. Въ ней было что-то такое, чего не было раньше, какая-то красота, уже не дѣтская, прелесть, изливающаяся изъ нея какъ тепло изливается изъ огня, какъ благоуханіе изъ розы.

Збышко чувствовалъ, но не могъ отдать себѣ отчета въ этомъ, потому что совсѣмъ забылъ самого себя. Онъ забылъ даже о томъ, что за столомъ нужно служить, не видалъ, какъ придворные смотрятъ на него, толкаютъ другъ друга локтями, показываютъ на него и на Данусю и смѣются. Онъ не замѣчалъ ни окаменѣвшаго отъ изумленія лица Фулькона де-Лорша, ни выпуклыхъ глазъ старосты изъ Щитна, которые все время были обращены на Данусю и,

отражая, вмѣстѣ съ тѣмъ, огонь камина, казались красными и блестящими, какъ глаза волка. Очнулся онъ лишь тогда, когда трубы заиграли во второй разъ, въ знакъ того, что нужно отправляться въ пущу, и когда княгиня Анна Данута, обращаясь къ нему, сказала:

— Ты поѣдешь съ нами. Нужно, чтобы ты утѣшился и могъ бы свободно говорить о своей любви, а я послушаю.

Сказавъ это, она вышла съ Данусей, чтобы снарядиться въ дорогу, а Збышко выскочилъ на дворъ, гдѣ конюхи уже держали покрытыхъ инеемъ, фыркающихъ отъ нетерпѣнія коней, приготовленныхъ для семейства князя, его гостей и дворянъ. На дворѣ уже не было прежней сутолоки, потому что загонщики ушли раньше съ своими сѣтями и потонули въ пущѣ. Костры угасли, день обѣщалъ быть яснымъ, морознымъ, снѣгъ скрипѣлъ, а съ деревьевъ, колеблемыхъ легкимъ вѣтромъ, сыпались сухія, искрящіяся снѣжинки. Вскорѣ вышелъ князь и сѣлъ на лошадь. Его сопровождалъ слуга съ лукомъ и рогатиной, такою длинной и тяжелой, что едва ли бы кто-нибудь могъ владѣть ею, но князь легко справлялся съ ней, потому что, какъ и другіе мазовецкіе пясты, обладалъ необыкновенною силой. Въ этомъ родѣ были и женщины, которыя во время свадебныхъ пировъ скручивали въ пальцахъ широкіе желѣзные тесаки *). Рядомъ съ княземъ стояли два мужа, готовыхъ на помощь въ минуту опасности, лучшихъ изо всѣхъ дворянъ Варшавской и Цехановской земли. Прибывшій издалека рыцарь де-Лоршъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на ихъ страшныя руки и плечи.

Вышла и княгиня съ Данусей, обѣ въ куньихъ капюшонахъ. Дочь Кейстута лучше умѣла стрѣлять, чѣмъ владѣть иглою,—поэтому за нею несли изукрашенный, хотя и менѣе тяжелый лукъ. Збышко, преклонивъ колѣно на снѣгъ, протянулъ руку, княгиня оперлась на нее ногою, потомъ онъ поднялъ на сѣдло Данусю такъ же, какъ въ Богданьцѣ поднималъ когда-то Ягенку, и всѣ пустились въ путь. Всадники вытянулись въ длинную, змѣевидную линію, которая, свернувъ направо отъ княжескаго дома, переливаясь и сверкая на опушкѣ лѣса какъ цвѣтная кромка, бѣгущая по краю темнаго сукна, мало-по-малу исчезала за деревьями.

Уже въ глубинѣ лѣса княгиня обратилась къ Збышку и спросила:

— Отчего ты все молчишь? Поговори съ нею.

---

*) Напримѣръ, Цимбарка, иначе Цецилія, дочь Земовита, князя плоцкаго, которая въ 1412 г. вышла замужъ за князя рагузскаго, Эрнеста Желѣзнаго, мать императора Фридриха III.

Збышко, хотя и поощренный словами княгини, продолжалъ молчать, потому что имъ овладѣла какая-то робость. Прошло столько времени, сколько нужно для того, чтобы прочитать одинъ или два раза Богородицу, прежде чѣмъ онъ отозвался.

— Дануся!

— Что, Збышко?

— Я люблю тебя такъ...

Онъ запнулся, подыскивая слова, которыми обладалъ не въ достаточномъ количествѣ. Хотя онъ по-заграничному преклонялъ колѣна передъ дамою своего сердца, хотя всяческими способами оказывалъ ей честь и старался избѣгать простонародныхъ выраженій, до полированнаго придворнаго ему было далеко и душа его, переполненная чувствами, могла изливать ихъ только простыми словами.

Вотъ и теперь онъ сказалъ:

— Люблю тебя такъ, что духъ спирается!

Дануся изъ своего куньяго капюшона подняла на него голубые глаза и лицо, до-красна нащипанное холоднымъ лѣснымъ воздухомъ.

— И я тебя, Збышко!—отвѣтила она, какъ бы торопясь.

Потомъ она снова опустила рѣсницы. Она уже знала, что такое любовь.

— Эхъ, сокровище ты мое! эхъ, дѣвушка ты моя! — воскликнулъ Збышко.—Эхъ!...

И онъ умолкъ отъ счастья и отъ волненія, но добрая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любопытная княгиня во второй разъ пришла къ нему на помощь.

— Такъ говори же ей, какъ тебѣ было тошно безъ нея, а если гдѣ-нибудь въ зарosляхъ ты ее и въ губы поцѣлуешь, то я сердиться не буду, потому что это лучше будетъ свидѣтельствовать о твоей любви.

И Збышко началъ разсказывать Данусѣ, какъ ему было «тошно» въ Богданьцѣ съ больнымъ Мацькомъ и съ сосѣдями. Только объ Ягенкѣ хитрецъ не сказалъ ни слова. Впрочемъ, онъ былъ искрененъ, потому что въ эту минуту такъ любилъ Данусю, что ему хотѣлось бы схватить ее, пересадить на своего коня и прижать къ груди.

Но онъ не смѣлъ, однако, сдѣлать этого, за то когда первые кусты раздѣлили ихъ съ ѣдущими позади придворными и гостями, онъ склонился къ Данусѣ и погрузилъ свое лицо въ ея куній капюшонъ, свидѣтельствуя такимъ образомъ о своей любви.

Но такъ какъ зимою на кустахъ лещины листьевъ не бываетъ, то это видѣли Гуго фонъ-Данфельдъ и Фульконъ де-Лоршъ, видѣли многіе придворные и начали разговаривать между собою:

— Поцѣловалъ при княгинѣ! Должно быть она скоро обвѣнчаетъ ихъ.

— Парень онъ ловкій, да и кровь Юранда—огонь.

— Кремень и огниво, хотя дѣвка какъ будто и труситъ. Посыплются отъ нихъ искры, вотъ ты увидишь. Впился въ нее, какъ клещъ въ кожу!

Придворные болтали и смѣялись, а старôста изъ Щитна обратилъ къ де-Лоршу свое козлиное, злое и сладострастное лицо и спросилъ:

— Вы не хотѣли бы, чтобы какой - нибудь Мерлинъ чародѣй скою властью обратилъ васъ вонъ въ того рыцаря *).

— А вы?—переспросилъ де-Лоршъ.

Крестоносецъ, въ которомъ ревность и страсть вспыхнули съ неудержимою силой, нетерпѣливо дернулъ коня и воскликнулъ:

— Клянусь моею душой!...

Но въ эту же минуту онъ опомнился и, поникнувъ головою, добавилъ:

— Я монахъ и далъ обѣтъ цѣломудрія.

Онъ пытливо посмотрѣлъ на лотарингца, не замѣтитъ ли на его лицѣ улыбки, потому что орденъ въ этомъ отношеніи пользовался дурною славою у людей, а Гуго фонъ-Данфельдъ еще худшею. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ былъ помощникомъ бургомистра въ Самбіи и вызвалъ такія громкія жалобы, что при всей снисходительности, съ которою на такія дѣла смотрѣли изъ Мальборга, его пришлось назначить начальникомъ гарнизона въ Щитну. Прибывъ недавно съ тайными порученіями ко двору князя и увидавъ Юрандовну, онъ возгорѣлся къ ней страстью, которой годы Дануси не могли представлять ни малѣйшей преграды, потому что въ то время выходили замужъ и въ еще болѣе юномъ возрастѣ. Но такъ какъ Данфельдъ зналъ, изъ какого рода она происходитъ, такъ какъ въ его памяти имя Юранда соединялось со страшнымъ воспоминаніемъ, то и его страсть выросла на почвѣ дикой ненависти.

А де-Лоршъ началъ разспрашивать его:

— Вы назвали эту прекрасную дѣвицу дочерью дьявола; п[illegible]чему вы назвали ее такъ?

---

*) Рыцарь Унгеръ, влюбившись въ добродѣтельную Игерну, супругу князя Г[illegible]-ласа, принялъ его видъ при помощи Мерлина и прижилъ съ Игерной сына, будущ[illegible]о короля Артура.

Данфельдъ началъ разсказывать исторію Злоторыи: какъ при постройкѣ зàмка крестоносцамъ удалось похитить князя вмѣстѣ съ его придворными, какъ при этомъ погибла мать Дануси и какъ съ тѣхъ поръ Юрандъ изливаетъ свою месть на всѣхъ крестоносцевъ. При этомъ разсказѣ ненависть, какъ огонь, охватывала Данфельда, потому что онъ имѣлъ на это основательныя соображенія. Два года назадъ онъ и самъ столкнулся съ Юрандомъ, но при видѣ «Спыховскаго кабана» сердце его въ первый разъ было охвачено такою постыдною трусостью, что онъ покинулъ своихъ родственниковъ, людей, добычу и какъ безумный цѣлый день мчался по направленію къ Щитну, гдѣ съ перепугу даже захворалъ, и надолго. Когда онъ оправился, великій маршалъ ордена отдалъ его подъ рыцарскій судъ. Приговоръ, положимъ, оправдалъ его, принявъ въ соображеніе клятву, данную Данфельдомъ на Распятіи, что взбѣшенный конь унесъ его съ поля битвы, но за то закрылъ ему путь къ высшимъ орденскимъ должностямъ. Крестоносецъ, конечно, теперь не упоминалъ объ этихъ обстоятельствалъ, но излилъ столько жалобъ на свирѣпость Юранда и дерзость всего польскаго народа, что все это едва могло умѣститься въ головѣ лотарингца.

— Все-таки мы теперь у мазуровъ, не у поляковъ?—спросилъ рыцарь де-Лоршъ.

— Это отдѣльное княжество, но народъ одинъ, — отвѣтилъ старòста,—одинакова ихъ подлость, одинакова ненависть къ ордену. Дай Богъ, чтобы нѣмецкій мечъ истребилъ все это племя.

— Вы правильно говорите: чтобы князь, на видъ такой достойный, осмѣлился воздвигнуть зàмокъ въ вашихъ владѣніяхъ, да о такомъ безправіи я не слыхалъ даже и у язычниковъ.

— Зàмокъ онъ воздвигалъ противъ насъ, но Злоторыя находится въ его владѣніяхъ, а не въ нашихъ.

— Тогда слава Христу, что Онъ послалъ вамъ побѣду надъ нимъ. Чѣмъ же окончилась эта война?

— Въ то время войны не было.

Де-Лоршъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на крестоносца.

— Какъ? Такъ вы въ мирное время напали на женщинъ и на князя, который строилъ зàмокъ на собственной землѣ?

— Для славы ордена и христіанства нѣтъ безчестныхъ поступковъ.

— А этотъ страшный рыцарь ищетъ мести только за молодую жену, убитую вами въ мирное время?

— Кто поднялъ руку на крестоносцевъ, тотъ сынъ тьмы.

Услыхавъ это, рыцарь де-Лоршъ задумался, но не имѣлъ вре-

мени отвѣтить Данфельду, потому что всѣ уже пріѣхали на широкую поляну, занесенную снѣгомъ. Князь слѣзъ съ коня, за нимъ начали слѣзать и другіе.

IV.

Опытные лѣсники, подъ предводительствомъ великаго ловчаго, начали разставлять охотниковъ длиннымъ рядомъ на краю поляны, такъ, чтобъ они, находясь сами подъ прикрытіемъ, имѣли передъ собою пустое пространство, представляющее всѣ удобства для стрѣльбы изъ луковъ и арбалетовъ. Двѣ короткихъ стороны полянки были обведены сѣтями, за которыми таились «нагоняльщики»; ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы нагонять звѣря на охотниковъ, или, если онъ запутается въ сѣтяхъ, добивать его рогатинами. Неисчислимое множество курповъ должны были загонять всякую живую тварь изъ лѣсной глубины на поляну. За стрѣлками также находилась сѣть, растянутая съ тою цѣлью, чтобы звѣрь, которому удастся прорваться сквозь рядъ охотниковъ, запутался и погибъ въ ея петляхъ.

Князь стоялъ въ серединѣ цѣпи, въ небольшой ложбинѣ, которая перерѣзывала всю ширину поляны. Главный ловчій, Мрокота изъ Моцажева, нарочно выбралъ для него это мѣсто, зная, что именно по этой ложбинѣ и двинется изъ пущи самый крупный звѣрь. Самъ князь держалъ въ рукахъ лукъ, у ближайшаго дерева виднѣлась тяжелая рогатина, а немного позади держались два «защитника» съ топорами на плечахъ и также съ натянутыми луками. Огромные, похожіе на сосновые обрубки, они готовы были въ каждую минуту оказать помощь князю. Княгиня и Дануся не слѣзали со своихъ коней,— князь никогда не дозволялъ этого, принимая въ соображеніе, что отъ бѣшенства тура или зубра легче спастись на конѣ, чѣмъ на своихъ ногахъ. Де-Лоршъ, получившій приглашеніе занять мѣсто по правую сторону князя, испросилъ позволеніе остаться защитникомъ дамъ и сидѣлъ на своемъ конѣ не вдалекѣ отъ княгини. Со своимъ рыцарскимъ копьемъ, — оружіемъ, мало пригоднымъ для охоты, — онъ напоминалъ какой-то длинный гвоздь и вызывалъ скрытныя насмѣшки мазуровъ. За то Збышко воткнулъ рогатину въ снѣгъ, лукъ перекинулъ черезъ плечо и, стоя рядомъ съ Данусей, то и дѣло поднималъ на нее глаза, шепталъ что-то или, обнявъ ея ноги, цѣловалъ ея колѣни: онъ вовсе не скрывалъ отъ людей свою любовь. Усмирился онъ лишь тогда, когда Мрокота изъ Моцажева, который въ лѣсу осмѣливался ворчать и на самого князя, грозно приказалъ ему молчать.

Гдѣ-то далеко-далеко, въ глубинѣ пущи, раздался звукъ курпескаго рожка, которому съ поляны отвѣтилъ короткій, пронзительный голосъ дудки, — потомъ воцарилась полнѣйшая тишина, развѣ только отъ времени до времени въ верхушкахъ сосенъ застрекочетъ сойка, да кто-нибудь изъ облавы издастъ крикъ ворона. Охотники сосредоточили все свое вниманіе на пустомъ пространствѣ, гдѣ вѣтеръ колебалъ изъ стороны въ сторону осыпанныя инеемъ вѣтви кустарниковъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, какой первый звѣрь покажется на снѣгу; охота вообще обѣщала быть обильною и великолѣпною, потому что пуща такъ и кишѣла зубрами, турами и кабанами. Кромѣ того, курпы выкурили изъ берлогъ и нѣсколько медвѣдей, которые, пробужденные отъ своего сна, блуждали по зарослямъ злые, голодные, настороженные, догадываясь, что вскорѣ имъ придется вступить въ борьбу не только за спокойный зимній сонъ, но и за жизнь.

Ждать, однако, приходилось долго, потому что люди, которые гнали звѣря къ полянѣ, заняли огромное пространство и приближались изъ такой дали, что до ушей охотниковъ не доходило даже лая собакъ, которыхъ по первому знаку сигнальной трубы тотчасъ же спустили со своръ. Одна изъ нихъ, освобожденная раньше, или добровольно увязавшаяся за курпами, оказалась на полянѣ, обнюхивая, обѣжала ее и скрылась за охотниками. И вновь стало пусто и тихо, только загонщики все каркали, давая знать, что работа скоро начнется. И дѣйствительно, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ на противоположномъ концѣ показались волки; болѣе чуткіе, чѣмъ прочіе звѣри, они первые пытались вырваться изъ цѣпи. Ихъ было нѣсколько штукъ. Выбравшись на поляну и зачуявъ вокругъ людей, они вновь дали тягу, очевидно, отыскивая другой выходъ. Потомъ кабаны, вынырнувъ изъ зарослей, длинною черною цѣпью потянулись по снѣжному пространству, похожіе на стадо домашнихъ животныхъ, которыя на зовъ хозяйки, хрюкая и потряхивая ушами, торопятся къ дому. Но цѣпь эта отъ времени до времени останавливалась, прислушивалась, наконецъ свернула въ сторону сѣтей и, зачуявъ загонщиковъ, снова пустилась на охотниковъ, храпя, соблюдая всѣ предосторожности, но приближаясь все больше и больше, пока не раздался свистъ стрѣлъ и первая кровь не запятнала бѣлаго покрова снѣга.

Тогда раздался пронзительный визгъ и стадо разсыпалось, какъ будто въ него ударилъ громъ. Одни кабаны сломя голову бросились впередъ, другіе кинулись къ сѣтямъ, третьи бѣгали то по одиночкѣ, то кучками, мѣшаясь съ другимъ звѣрьемъ, которое тѣмъ вре-

менемъ хлынуло на поляну. Теперь уже ясно слышались звуки рожковъ, лай псовъ и отдаленный говоръ людей, идущихъ въ главномъ отрядѣ изъ глубины лѣса. Населеніе лѣсовъ, стѣсняемое широко раскинутыми крыльями облавы, все тѣснѣе и тѣснѣе наполняло лѣсную поляну. Ничего подобнаго нельзя было видѣть не только въ заграничныхъ странахъ, но даже и въ другихъ польскихъ земляхъ, въ которыхъ не было такихъ лѣсовъ, какъ въ Мазовіи. Случалось, что зубры нападали на войско и приводили его въ безпорядокъ *). Крестоносцы слыхали объ этомъ, сами бывали въ Литвѣ, но и они дивились неимовѣрному количеству звѣря, въ особенности дивился рыцарь де-Лоршъ. Стоя близъ княгини и ея придворныхъ, какъ журавль на стражѣ, онъ уже начиналъ скучать и, замерзая въ своемъ стальномъ панцырѣ, думалъ, что охота не удалась. И вдругъ передъ его глазами предстали цѣлыя стада легконогихъ сернъ, сѣровато-желтыхъ оленей и толстоголовыхъ лосей, увѣнчанныхъ вѣтвистыми рогами,— все это перепутанное другъ съ другомъ, мечущееся по полянѣ, ослѣпленное тревогой и тщетно ищущее выхода. Княгиня, въ которой при видѣ этого отозвалась отцовская, Кейстутовская кровь, выпускала въ пеструю массу стрѣлу за стрѣлою, радостно вскрикивая каждый разъ, когда раненый олень или лось привскакивалъ на бѣгу, а потомъ тяжко падалъ и начиналъ взрывать снѣгъ ногами. Ея придворные также часто наклоняли лицо къ лукамъ,—всѣхъ охватила охотничья страсть. Только одинъ Збышко не думалъ объ охотѣ. Опершись локтемъ о колѣно Дануси и положивъ голову на ладонь, онъ смотрѣлъ въ ея глаза, а Дануся, смѣясь и конфузясь, пыталась закрыть рукою его глаза, дѣлая видъ, будто не можетъ выносить его взгляда.

Вниманіе рыцаря де-Лорша привлекъ огромный медвѣдь, который вдругъ появился невдалекѣ отъ стрѣлковъ. Князь выстрѣлилъ въ него изъ лука, потомъ пошелъ на него съ рогатиной и, когда звѣрь, съ громовымъ рычаніемъ, поднялся на заднія лапы, закололъ его на глазахъ всѣхъ присутствующихъ такъ быстро и ловко, что ни одному изъ «защитниковъ» не пришлось пустить въ ходъ своего топора. Тогда молодой лотарингецъ подумалъ, что немногіе изъ государей, дворы которыхъ онъ посѣтилъ по дорогѣ, отважились бы на такую забаву и что съ такими князьями и такимъ народомъ Ордену когда-нибудь придется вести тяжелый споръ и пережить тяжелыя минуты. Но потомъ де-Лоршъ видѣлъ, какъ и другіе охотники съ такою же ловкостью закалываютъ свирѣпыхъ,

*) О подобныхъ случаяхъ упоминаетъ Вигандъ изъ Марбурга.

клыкастыхъ кабановъ, превышающихъ своимъ ростомъ и бѣшенствомъ тѣхъ, на которыхъ охотились въ лѣсахъ Нижней Лотарингіи и въ нѣмецкихъ пущахъ. Такихъ ловкихъ и самоувѣренныхъ охотниковъ, такихъ ударовъ рогатиной рыцарь де-Лоршъ не видалъ нигдѣ и, какъ человѣкъ опытный, объяснялъ себѣ тѣмъ, что этотъ народъ, гнѣздящійся въ глубинѣ необозримыхъ лѣсовъ, съ раннихъ лѣтъ привыкаетъ къ луку и рогатинѣ и въ обращеніи съ ними доходитъ до большаго совершенства, чѣмъ другіе народы.

Поляна почти вся была густо устлана трупами звѣрей разнаго рода, но до конца охоты оставалось еще далеко. Напротивъ, самая любопытная, а вмѣстѣ съ тѣмъ самая опасная минута только что приближалась, — загонщики выгнали на поляну нѣсколько десятковъ зубровъ и туровъ. Обыкновенно въ лѣсахъ они держались особнякомъ, но теперь шли вмѣстѣ, нисколько не ослѣпленные тревогою, и скорѣе грозные, чѣмъ испуганные. Хотя они подвигались впередъ не особенно быстро, какъ будто увѣренные, что ихъ ужасная сила низвергнетъ всѣ препоны, — земля такъ и дрожала подъ ихъ тяжестью. Бородатые быки, идущіе впереди, съ головами, низко склоненными надъ землей, отъ времени до времени останавливались, какъ бы раздумывая, въ какую сторону ударить. Изъ ихъ чудовищной груди вырывалось глухое рычаніе, подобное подземному грохоту, изъ ноздрей вырывались клубы пара. Разбрасывая снѣгъ передними ногами, они, казалось, высматривали своими кровавыми глазами скрытаго врага.

Загонщики подняли оглушительный крикъ, который подхватили сотни голосовъ съ праваго и съ лѣваго крыла облавы; рожки и пищалки пронзительно затрещали; пуща содрогнулась до самыхъ своихъ неизвѣданныхъ глубинъ. На поляну съ безумнымъ лаемъ и визгомъ высыпали курпескія собаки, идущія по слѣду. Самки, имѣющія дѣтенышей, при видѣ ихъ пришли въ неистовство. Стадо, идущее до сихъ поръ медленно, бѣшенымъ размахомъ разметалось по всей полянѣ. Одинъ изъ туровъ, сѣровато-желтый, гигантскій, чудовищный самецъ, размѣрами своими чуть ли не превышающій зубра, тяжелыми прыжками пустился къ линіи стрѣлковъ, свернулъ къ правой сторонѣ поляны, завидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя лошадей, стоявшихъ между деревьями, остановился и началъ бороздить рогами землю, какъ бы подстрекая себя къ борьбѣ.

При этомъ страшномъ зрѣлищѣ загонщики подняли еще большій крикъ; въ ряду охотниковъ послышались испуганные голоса: «Княгиня! княгиня! спасайте княгиню!» Збышко схватилъ воткнутую въ снѣгъ рогатину и помчался на опушку лѣса, за нимъ—нѣ-

сколько литовцевъ, готовыхъ погибнуть при защитѣ дочери Кейстута. Въ эту минуту лукъ въ рукахъ княгини скрипнулъ, стрѣла засвистала и, пролетѣвъ надъ наклоненною головою тура, вонзилась въ его загривокъ.

— Готовъ! — крикнула княгиня, — не уйдетъ...

Но ея слова заглушило рычаніе такое страшное, что даже лошади осѣли на заднія ноги. Туръ бросился, какъ ураганъ, прямо на княгиню, но вдругъ, съ неменьшею стремительностью изъ-за деревьевъ появился мужественный рыцарь де-Лоршъ и, склонившись къ лошадиной шеѣ, съ копьемъ, простертымъ, какъ на рыцарскомъ турнирѣ, устремился прямо на тура.

Присутствующіе во мгновеніе ока увидали, какъ въ загривокъ животнаго вонзилось копье, какъ оно тотчасъ же изогнулось дугою и разсыпалось мелкими обломками, какъ затѣмъ огромная, рогатая голова тура совершенно исчезла подъ брюхомъ лошади де-Лорша и, прежде чѣмъ кто-нибудь могъ вскрикнуть отъ ужаса, и конь, и всадникъ, словно камень изъ пращи, взвились въ воздухъ.

Конь упалъ въ сторону и бился въ предсмертныхъ судорогахъ, де-Лоршъ лежалъ рядомъ съ нимъ безъ движенія, напоминая собою длинный желѣзный клинъ. Туръ съ минуту, казалось, колебался, не оставить ли ихъ и не напасть ли на другихъ лошадей, но видя передъ собой свои первыя жертвы, вновь обратился къ нимъ и свирѣпствовалъ надъ несчастною лошадью, ударяя ее головой и терзая рогами ея распоротое брюхо.

Изъ лѣса высыпало много людей на защиту иноземнаго рыцаря. Збышко, который больше всего интересовался спасеніемъ княгини и Дануси, прибѣжалъ первый и вонзилъ остріе рогатины подъ лопатку тура. Но ударилъ онъ съ такимъ размахомъ, что рогатина при внезапномъ движеніи тура сломалась, а самъ Збышко упалъ лицомъ въ снѣгъ. «Погибъ! погибъ!» — кричали на бѣгу мазуры. Тѣмъ временемъ голова тура совершенно прикрыла Збышка и придавила его къ землѣ. Со стороны князя уже приближались два могучихъ «защитника», но едва ли подоспѣли бы во-время, еслибъ, къ счастью, ихъ не предупредилъ подаренный Ягенкою Збышку чехъ Глава. Онъ подбѣжалъ раньше и, поднявъ обѣими руками широкій топоръ, ударилъ тура какъ разъ по затылку.

Ударъ былъ такъ страшенъ, что звѣрь рухнулъ, какъ по а-женный громомъ, съ головою, раскроенною пополамъ, но, пад я, придавилъ Збышка. Оба «защитника» въ ту же минуту оттащ ли въ сторону огромную тушу, а княгиня и Дануся, спѣшившись, о ѣ-мѣвшія отъ ужаса, подбѣжали къ раненому молодому рыцар .

Збышко, блѣдный, обагренный собственною кровью и кровью тура, немного приподнялся, попробовалъ было встать, но зашатался, упалъ на колѣна и, опираясь на руки, смогъ промолвить только одно слово:

— Дануся!...

Изъ устъ его хлынула кровь и сознаніе покинуло его. Дануся приподняла было его за плечи, но не могла удержать и закричала о помощи. Збышка окружили со всѣхъ сторонъ, оттирали снѣгомъ, вливали въ ротъ вино, наконецъ ловчій, Мрокота изъ Моцажева, приказалъ положить его на плащъ и остановить кровь при помощи трута.

— Будетъ живъ, если у него сломаны только ребра, а не спинной хребетъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ княгинѣ.

Въ то же самое время другіе придворные, при помощи охотниковъ, занялись рыцаремъ де-Лоршемъ. Его повертывали изъ стороны въ сторону, отыскивая слѣды турьихъ рогъ, но кромѣ снѣга, который набился въ промежутки между желѣзными пластинками, ничего не было видно. Туръ больше всего мстилъ коню, а рыцарь де-Лоршъ не получилъ ни малѣйшей раны. Онъ только впалъ въ обморокъ вслѣдствіе паденія и, какъ оказалось потомъ, вывихнулъ правую руку. Но теперь, когда съ него сняли шлемъ и влили въ ротъ вина, онъ тотчасъ же открылъ глаза, пришелъ въ себя и, видя надъ собой двѣ красивыя женскія головки, спросилъ по-нѣмецки:

— Конечно, я въ раю, а это ангелы склонились надо мной?

Правда, придворные княгини не поняли того, что сказалъ де-Лоршъ, но обрадовались тому, что онъ ожилъ и заговорилъ, и при помощи охотниковъ приподняли его съ земли. Де-Лоршъ застоналъ, ощутивъ боль въ правой рукѣ, лѣвой оперся на одного изъ «ангеловъ» и съ минуту простоялъ неподвижно, боясь сдѣлать шагъ впередъ и не довѣряя своимъ ногамъ. Потомъ онъ мутнымъ взглядомъ обвелъ поле битвы, увидалъ сѣровато-желтую тушу тура, которая вблизи казалась чудовищно-огромною, увидалъ Данусю, ломающую руки надъ Збышкомъ, и самого Збышка, безъ движенія лежащаго на плащѣ.

— Такъ это тотъ рыцарь поспѣшилъ мнѣ на помощь? — спросилъ де-Лоршъ.—Онъ живъ?

— Онъ тяжко раненъ,— отвѣтилъ одинъ изъ придворныхъ, знающій по-нѣмецки.

— Съ этого дня я не съ нимъ буду биться, а за него! — воскликнулъ лотарингецъ.

Въ эту минуту къ нему приблизился князь и началъ восхвалять его за то, что онъ своимъ смѣлымъ поступкомъ отвратилъ отъ княгини и другихъ женщинъ грозящую имъ опасность, за что, кромѣ рыцарскихъ наградъ, его ждетъ слава, которая перейдетъ и въ потомство.

— Теперь, когда всѣ люди измѣнились и чуть не превратились въ женщинъ,— закончилъ князь,— по свѣту разъѣзжаетъ все меньше и меньше настоящихъ рыцарей. Погостите у насъ подольше или и совсѣмъ останьтесь въ Мазовіи; мое расположеніе вы уже заслужили, а любовь моего народа такъ же легко пріобрѣтете своими доблестными дѣяніями.

Жаждущее похвалъ сердце рыцаря де-Лорша такъ и таяло при этихъ словахъ, а когда онъ сообразилъ, что совершилъ рыцарскій подвигъ и удостоился такихъ похвалъ въ странѣ, о которой на Западѣ разсказывали диковинныя вещи, то отъ радости почти не чувствовалъ боли въ вывихнутомъ плечѣ. Конечно, рыцарь, который будетъ имѣть возможность разсказывать при брабантскомъ или бургундскомъ дворѣ, что онъ спасъ жизнь княгини мазовецкой, получитъ особый вѣсъ и значеніе. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей онъ тотчасъ же хотѣлъ идти къ княгинѣ и колѣнопреклоненно предложить ей свое служеніе, но и княгиня и Дануся были заняты Збышкомъ. Молодой рыцарь снова на минуту пришелъ въ себя, улыбнулся Данусѣ, провелъ рукою по лбу, покрытому холоднымъ потомъ, и опять впалъ въ безпамятство. Опытные охотники, видя, какъ при этомъ сплелись его руки, а ротъ остался открытымъ, говорили, что онъ не выдержитъ, но еще болѣе опытные курпы, изъ которыхъ не одинъ носилъ на себѣ слѣды медвѣжьихъ когтей, кабаньихъ клыковъ или зубровыхъ роговъ, утверждали, что рога тура только скользнули по бокамъ рыцаря, что можетъ быть одно изъ нихъ или два сломаны, но что спина цѣла, иначе онъ не могъ бы приподняться ни на одну минуту. Оказалось, что Збышко упалъ на снѣжный сугробъ, что собственно и спасло его,—разъяренное животное, притиснувъ его лбомъ къ землѣ, не могло совершенно раздробить его грудь или спину.

Къ несчастью, врача княгини, ксёндза Вышонка изъ Дзеванны, не было на полянѣ. Обыкновенно онъ всегда присутствовалъ на охотахъ, но на этотъ разъ занимался печеніемъ облатокъ. Чехъ узналъ объ этомъ и помчался за ксендзомъ, а тѣмъ временемъ курпы понесли Збышка въ княжескій домъ. Дануся хотѣла послѣдовать за нимъ пѣшкомъ, но княгиня не дала на это своего разрѣшенія,—дорога была дальняя, въ оврагахъ лежалъ глубокій снѣгъ

и, кромѣ того, нужно было торопиться. Комтуръ крестоносцевъ, Гуго фонъ-Данфельдъ, помогъ дѣвушкѣ сѣсть на коня и, держась съ нею рядомъ какъ разъ вслѣдъ за людьми, которые несли Збышка, сказалъ по-польски тихимъ голосомъ, такъ, чтобъ его слова были слышны только одной Данусѣ:

— У меня въ Щитнѣ есть чудодѣйственный бальзамъ. Я досталъ его отъ одного пустынника въ Герцинскомъ лѣсу и могъ бы вытребовать его въ теченіе трехъ дней.

— Да вознаградитъ васъ Богъ,—отвѣтила Дануся.

— Богъ считаетъ всякое доброе дѣло, но отъ васъ я могу ли также разсчитывать на награду?

— Какъ же я могу вознаградить васъ?

Крестоносецъ еще ближе пододвинулся къ Данусѣ, хотѣлъ было что-то сказать ей, но задумался и произнесъ немного погодя:

— Въ орденѣ, кромѣ братьевъ, есть и сестры... Одна изъ нихъ привезетъ цѣлительный бальзамъ, а о расплатѣ мы поговоримъ потомъ.

V.

Ксёндзъ Вышонекъ перевязалъ раны Збышка и нашелъ, что у него сломано только одно ребро, но въ первый день за выздоровленіе не ручался, ибо не зналъ, «не перевернулось ли у больного сердце и не оборвалась ли его утроба». На рыцаря де-Лорша вечеромъ нашла такая слабость, что онъ принужденъ былъ лечь, а на другой день не могъ пошевельнуть ни рукой, ни ногой. Княгиня, Дануся и другія придворныя ухаживали за больными и, по предписанію ксёндза Вышонка, варили для нихъ разныя мази и «теріаки». Збышко, видимо, былъ сильно помятъ и отъ времени до времени харкалъ кровью, что сильно безпокоило ксендза Вышонка. Тѣмъ не менѣе, онъ не терялъ сознанія и на другой день, узнавъ отъ Дануси, кому обязанъ своимъ спасеніемъ, несмотря на слабость, призвалъ своего чеха, чтобы поблагодарить и наградить его. Конечно, при этомъ ему не могло не прійти въ голову, что чеха онъ получилъ отъ Ягенки, и еслибъ не ея доброе сердце, то онъ дол ж ъ былъ бы погибнуть. Мысль эта была тяжела для Збышка,— о ь чувствовалъ, что никогда не расплатится съ милою дѣвушкой д ромъ за добро и что явится причиной ея огорченій и смертель- н тоски. Правда, онъ тотчасъ же сказалъ себѣ: «не разорваться з мнѣ на двѣ части», но на днѣ его души осталось что-то вродѣ у река совѣсти, а чехъ еще болѣе возбудилъ его внутреннюю т вогу:

— Я клялся паненкѣ своею шляхетскою честью, что буду оберегать васъ и поэтому никакой награды мнѣ не нужно,— сказалъ онъ.—Не мнѣ, господинъ, а ей вы обязаны своимъ спасеніемъ.

Збышко не отвѣтилъ ничего и лишь только тяжело вздохнулъ, а чехъ, помолчавъ съ минуту, заговорилъ снова:

— Если вы прикажете мнѣ ѣхать въ Богданецъ, то я поѣду. Можетъ быть вамъ пріятно будетъ увидать стараго пана, а то Богъ знаетъ, что съ вами будетъ.

— А что говоритъ ксёндзъ Вышонекъ?—спросилъ Збышко.

— Ксёндзъ Вышонекъ говоритъ, что все выяснится къ новолунію, а до него еще четыре дня.

— Ну, тогда тебѣ не зачѣмъ ѣхать въ Богданецъ. Я или умру до тѣхъ поръ, пока пріѣдетъ дядька, или выздоровлю.

— Вы бы хоть письмо послали. Зандерусъ отпишетъ все какъ слѣдуетъ. По крайней мѣрѣ будутъ знать, что̀ съ вами случилось, и закажутъ обѣдню за ваше здоровье.

— Оставь меня, мнѣ что-то нехорошо. Если я умру, ты возвратишься въ Згожелицы и разскажешь, что было,—тогда пусть и молятся за меня. А меня похоронятъ здѣсь или въ Цехановѣ.

— Развѣ что въ Цехановѣ или въ Пшаснышѣ,—въ лѣсу хоронятъ только курповъ, да и надъ ними волки воютъ. Я слышалъ, что князь, вмѣстѣ со своимъ дворомъ, дня черезъ два собирается въ Цехановъ, а потомъ въ Варшаву.

— Не оставятъ же меня здѣсь,—отвѣтилъ Збышко.

Онъ угадалъ. Княгиня въ тотъ же день отправилась къ князю съ просьбой, чтобъ онъ позволилъ ей остаться вмѣстѣ съ Данусей, своими придворными и ксёндзомъ Вышонкомъ, который не хотѣлъ скоро перевозить Збышка въ Пшаснышъ. Рыцарю де-Лоршу черезъ два дня сдѣлалось значительно лучше, онъ началъ вставать, но узнавъ, что «дамы» остаются, остался также, чтобы сопровождать ихъ на обратномъ пути и охранять въ случаѣ нападенія сарацинъ. Откуда должны были взяться сарацины, мужественный лотарингецъ не задавалъ себѣ такого вопроса. Положимъ, на далекомъ Западѣ такъ называли литовцевъ, но съ ихъ стороны не могло грозить ни малѣйшей опасности дочери Кейстута, родной сестрѣ Витольда и двоюродной могучаго «краковскаго короля» Ягелла. Но рыцарь де-Лоршъ такъ долго жилъ среди крестоносцевъ, что, несмотря на все слышанное имъ въ Мазовіи о крещеніи Литвы и о соединеніи двухъ коронъ на главѣ одного владыки, тѣмъ не менѣе предполагалъ что отъ литовцевъ можно ожидать всего дурного.

Такъ ему говорили крестоносцы, а онъ еще не совсѣмъ утратилъ вѣру въ ихъ слова.

Тѣмъ временемъ произошелъ случай, который тѣнью легъ между княземъ Янушемъ и его гостями, крестоносцами. За день до выѣзда двора въ лѣсной домъ князя прибыли братья Готфридъ и Роттеръ, которые остались въ Цехановѣ, а вмѣстѣ съ ними нѣкій господинъ де-Фурси, и привезъ извѣстія, неблагопріятныя для крестоносцевъ. Случилось слѣдующее. Заграничные гости, проживающіе у старосты крестоносцевъ въ Любовѣ,—онъ, господинъ де-Фурси, господинъ де Бегровъ и господинъ Майнегеръ (послѣдніе изъ знатныхъ рыцарскихъ фамилій) наслушавшись о Юрандѣ изъ Спыхова, не только не испугались, но рѣшились вызвать на бой знаменитаго воина, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли онъ такъ страшенъ, какъ его описываютъ. Положимъ, староста противился, ссылаясь на миръ между орденомъ и мазовецкимъ княжествомъ, но въ концѣ концовъ, можетъ быть въ надеждѣ освободиться отъ грознаго сосѣда, не только согласился смотрѣть на все сквозь пальцы, но и далъ своихъ вооруженныхъ кнехтовъ. Рыцари послали вызовъ Юранду. Тотъ сейчасъ же вызовъ принялъ съ условіемъ, что рыцари отошлютъ назадъ своихъ кнехтовъ и втроемъ выйдутъ противъ него и двухъ его товарищей на самой границѣ Пруссіи и Спыхова. Когда же рыцари не захотѣли ни отправить своихъ кнехтовъ, ни выйти изъ предѣловъ спыховской земли, Юрандъ напалъ на нихъ, кнехтовъ перебилъ, господина Майнегера тяжело ранилъ копьемъ, а господина де Бегрова взялъ въ плѣнъ и ввергнулъ въ спыховскія подземелья. Де Фурси спасся одинъ и послѣ трехдневнаго блужданія по мазовецкимъ лѣсамъ, узнавъ отъ смолокуровъ, что въ Цехановѣ гостятъ крестоносцы, пробрался къ нимъ, чтобы вмѣстѣ съ ними принести жалобу князю, просить его о возмездіи и объ освобожденіи господина де-Бегрова.

Вѣсти эти сразу нарушили добрыя отношенія между княземъ и его гостями, потому что не только вновь прибывшіе рыцари, но и Гуго де-Данфельдъ и Зигфридъ де-Лёве начали настойчиво требовать отъ князя, чтобъ онъ удовлетворилъ справедливыя требованія ордена, освободилъ бы границы отъ хищника и сразу покаралъ бы его за всѣ его вины. Въ особенности Гуго де-Данфельдъ,—у него были старые счеты съ Юрандомъ и воспоминаніе о нихъ терзало его стыдомъ и болью,—чуть не съ угрозой требовалъ отмщенія.

— Если мы не дождемся справедливости отъ вашей княжеской

милости,—говорилъ онъ,—то будемъ жаловаться самому великому магистру и онъ уже самъ сумѣетъ найти ее, хотя бы за этимъ разбойникомъ стояла вся Мазовія.

Мягкій по натурѣ, князь разгнѣвался и сказалъ:

— Какой справедливости вы добиваетесь? Еслибъ Юрандъ первый напалъ на васъ, сжегъ ваши деревни, увелъ ваши стада и перебилъ вашихъ людей, я, конечно, вызвалъ бы его на судъ и опредѣлилъ наказаніе. Но вы напали сами. Вашъ старòста далъ своихъ кнехтовъ, а что сдѣлалъ Юрандъ? Онъ принялъ вызовъ и требовалъ только, чтобъ ваши кнехты удалились. Какъ же мнѣ наказывать его за это или призывать къ суду? Вы затронули страшнаго человѣка, котораго всѣ боятся и добровольно навлекли бѣду на свою голову,—чего же вы еще хотите? Или мнѣ приказать ему, чтобъ онъ не сопротивлялся, когда вамъ придетъ охота напасть на него?

— Не орденъ на него напалъ, а гости, чужеземные рыцари,—отвѣтилъ Гуго.

— За гостей отвѣчаетъ орденъ; кромѣ того, тутъ были кнехты изъ любовскаго гарнизона.

— Что же, старòстѣ приходилось отдавать своихъ гостей на закланіе?

Тогда князь обратился къ Зигфриду и сказалъ:

— Смотрите, во что обращается справедливость въ вашихъ устахъ. Неужели всѣ ваши выверты не оскорбляютъ Бога?

Но суровый Зигфридъ отвѣтилъ:

— Господинъ де-Бегровъ долженъ быть выпущенъ изъ неволи—мужи изъ его фамиліи бывали старѣйшинами въ Орденѣ и оказали великія услуги крестоносцамъ.

— А смерть Майнегера должна быть отмщена,—добавилъ Гуго де-Данфельдъ.

Князь, услыхавъ это, откинулъ волоса на обѣ стороны, всталъ со скамьи и съ зловѣщимъ лицомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ нѣмцамъ, но сообразилъ, что они были его гости, сдержался еще разъ, опустилъ руку на плечо Зигфрида и сказалъ:

— Слушайте, старòста: вы носите на плащѣ крестъ, такъ вотъ, во имя совѣсти, во имя этого креста, отвѣтьте: правъ ли былъ Юрандъ или не правъ?

— Господинъ де-Бегровъ долженъ быть выпущенъ изъ неволи,—отвѣтилъ Зигфридъ де-Лёве.

Наступила минута молчанія, потомъ князь проговорилъ:

— Пошли мнѣ Богъ терпѣнія!

Зигфридъ продолжалъ рѣзкимъ голосомъ, причемъ каждое его слово походило на ударъ меча:

— Обида, которой мы подверглись въ лицѣ нашихъ гостей,— это новый поводъ къ жалобамъ. Съ тѣхъ поръ, пока существуетъ орденъ, ни въ Палестинѣ, ни въ Седмиградіи, ни въ языческой до сихъ поръ Литвѣ никто не причинилъ намъ столько зла, сколько этотъ разбойникъ изъ Спыхова. Ваша княжеская милость, мы требуемъ возмездія не за одну обиду, а за тысячу, не за одно нападеніе, а за пятьдесятъ, не за кровь, пролитую однажды, а за цѣлые годы преступленій, за которыя небесный огонь долженъ былъ бы въ конецъ пожрать это гнѣздо злобы и свирѣпости. Чьи вопли взываютъ къ Богу объ отмщеніи?—наши! Чьи слезы?—наши! Напрасно мы заявляли наши жалобы, напрасно просили суда. Намъ никогда не давали удовлетворенія.

Князь Янушъ кивнулъ нѣсколько разъ головой и отвѣтилъ:

— Да. Прежде крестоносцы не разъ гостили въ Спыховѣ и Юрандъ не былъ вашимъ врагомъ, пока любимая имъ женщина не умерла на вашей веревкѣ. Сколько разъ вы затрогивали его сами, желали его гибели, какъ желаете и теперь за то, что онъ одерживалъ побѣды надъ вашими рыцарями? Сколько разъ вы насылали на него убійцъ и они изъ засады стрѣляли въ него изъ луковъ? Правда, онъ нападалъ на васъ, потому что его томила жажда мести, но вы или рыцари, которые сидятъ на вашихъ земляхъ, развѣ не нападали на мирныхъ жителей Мазовіи, не отбивали стада, не жгли деревень, не убивали мужчинъ, женщинъ и дѣтей? А когда я жаловался магистру, онъ отвѣчалъ мнѣ изъ Мальборга: «Это обыкновенные пограничные безпорядки!» Оставьте же меня въ покоѣ! Жаловаться приличествуетъ не вамъ, которые схватили меня самого въ мирное время на моей собственной землѣ. Еслибы не страхъ предъ гнѣвомъ краковскаго короля, я можетъ быть и до сихъ поръ стоналъ-бы въ вашихъ подземельяхъ. Вотъ какъ вы отплатили мнѣ, происходящему изъ рода вашихъ благодѣтелей. Оставьте меня въ покоѣ, — не вамъ говорить о справедливости.

Крестоносцы съ неудовольствіемъ переглянулись другъ съ другимъ; имъ было неловко, что князь упомянулъ о происшествіи подъ Злоторыей въ присутствіи рыцаря де-Фурси, и Гуго де-Данфельдъ, желая прекратить этотъ разговоръ, сказалъ:

— Съ вашею княжескою милостью произошла ошибка, которую мы исправили не изъ страха передъ краковскимъ королемъ, а во имя требованій справедливости. За пограничные же безпорядки

нашъ магистръ отвѣчать не можетъ,—на границахъ всѣхъ государствъ царитъ духъ своеволія.

— Вы сами говорите это и вмѣстѣ съ тѣмъ требуете суда надъ Юрандомъ. Чего же вамъ нужно?

— Справедливости и кары.

Князь стиснулъ свои костлявыя руки и повторилъ:

— Пошли мнѣ Богъ терпѣнія!

— Пусть ваша княжеская милость приметъ въ соображеніе и то,—продолжалъ Данфельдъ,—что наши буяны обижаютъ только людей свѣтскихъ и не принадлежащихъ къ нѣмецкому племени, а ваши поднимаютъ руку на нѣмецкій орденъ, вслѣдствіе чего оскорбляютъ самого Искупителя. А какія муки и кары могутъ считаться излишними для поругателей Креста?

— Стойте,— сказалъ князь,— не дѣлайте имя Божія своимъ орудіемъ, — Его вы не обманете.

Онъ опустилъ руки на плечи крестоносца и такъ сильно встряхнулъ его, что тотъ заговорилъ болѣе мягкимъ голосомъ:

— Если правда, что наши гости первыми напали на Юранда и не отослали назадъ своихъ кнехтовъ, я ихъ не одобряю, но дѣйствительно ли Юрандъ принялъ вызовъ?

Онъ незамѣтно моргнулъ глазомъ въ сторону рыцаря де Фурси, какъ бы желая вызвать его отрицаніе, но тотъ или не могъ, или не желалъ сдѣлать этого и отвѣтилъ:

— Онъ желалъ, чтобы мы отослали нашихъ кнехтовъ и бились съ нимъ трое на трое.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Клянусь честью! Я и де Бегровъ согласились, но Майнегеръ отказался.

Тогда князь сказалъ:

— Староста изъ Щитна! Вы лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, знаете, что Юрандъ не откажется отъ вызова.

Тутъ онъ обратился къ другимъ и добавилъ:

— Если кто-нибудь изъ васъ захочетъ вызвать его на конное или пѣшее единоборство, — я даю свое разрѣшеніе. Если Юрандъ будетъ убитъ или взятъ въ плѣнъ, — панъ Бегровъ выйдетъ изъ неволи безъ выкупа. Больше отъ меня не требуйте, — ничего не получите.

Послѣ его словъ воцарилась глубокая тишина. И Гуго де Данфельдъ, и Зигфридъ де Лёве, и братъ Ротгеръ, и братъ Готфридъ, несмотря на свое мужество, черезчуръ хорошо знали страшнаго владѣльца Спыхова и не желали вступать съ нимъ въ борьбу на жизнь

или смерть. Это могъ сдѣлать какой-нибудь чужеземецъ, какъ де Лоршъ или де Фурси, но де Лоршъ при разговорѣ не присутствовалъ, а де Фурси еще не освободился отъ испытаннаго имъ страха.

— Я видѣлъ его разъ и не хочу видѣть во второй, — тихо проговорилъ онъ.

А Зигфридъ де Лöве сказалъ:

— Крестоносцамъ не дозволяется вступать въ единоборство безъ особаго разрѣшенія магистра и великаго маршала, да мы и требуемъ не разрѣшенія, а того, чтобы де Бегровъ былъ выпущенъ изъ неволи, а Юрандъ присужденъ къ казни.

— Не вы предписываете законы въ этой странѣ.

— Потому что мы терпѣливо сносили до сихъ поръ это тяжелое сосѣдство. Но нашъ магистръ сумѣетъ добиться справедливости.

— И вы, и вашъ магистръ — берегитесь Мазовіи!

— За магистромъ стоятъ нѣмцы и римскій императоръ.

— А за мною—польскій король, которому подвластны еще болѣе земель и народовъ.

— Такъ значитъ ваша княжеская милость желаетъ войны съ орденомъ?

— Еслибъ я хотѣлъ войны, то не ждалъ бы васъ въ Мазовіи, а пошелъ бы на васъ, но и ты не угрожай мнѣ, потому что я не боюсь тебя.

— Я долженъ донести объ этомъ магистру?

— Вашъ магистръ ничего не спрашивалъ. Говори ему, что хочешь.

— Тогда мы сами отомстимъ и учинимъ наказаніе.

Князь протянулъ руку и грозно взмахнулъ пальцемъ передъ самымъ лицомъ крестоносца.

— Берегись! — проговорилъ онъ, подавляя гнѣвъ въ своемъ голосѣ, — берегись! Я позволилъ тебѣ вызвать Юранда на единоборство, но если вы ворветесь со своимъ войскомъ въ нашу страну, тогда и я ударю на васъ, и ты не гостемъ здѣсь очутишься, а плѣнникомъ.

Дѣйствительно, мѣра его долготерпѣнія, видимо, была исчерпана. Онъ бросилъ свою шапку на столъ и вышелъ изъ комнаты, громко стукнувши дверью. Крестоносцы поблѣднѣли отъ бѣшенства, а рыцарь де Фурси поглядывалъ на нихъ недоумѣвающими глазами.

— А дальше что же будетъ?—первый спросилъ братъ Ротгеръ.

А Гуго де Данфельдъ чуть не со стиснутыми кулаками подскочилъ къ рыцарю де Фурси.

— Зачѣмъ вы сказали, что первые напали на Юранда?

— Потому что это правда.

— Нужно было солгать.

— Я пріѣхалъ сюда биться, а не лгать!

— Хорошо же вы бились,—нечего сказать!

— А вы не бѣжали отъ Юранда вплоть до Щитна?

— Pax! pax! — перебилъ де Лӧве. — Этотъ рыцарь — гость ордена.

— Все равно, что онъ не сказалъ, — вступился братъ Готфридъ.—Безъ суда Юранда не наказали бы, а на судѣ вся правда обнаружилась бы.

— Такъ что же будетъ дальше?—повторилъ братъ Ротгеръ.

Наступила минута молчанія, потомъ заговорилъ суровый и свирѣпый Зигфридъ де Лӧве.

— Съ этой кровожадной собакой нужно покончить разъ навсегда. Де Бегровъ долженъ быть освобожденъ отъ неволи. Стянемъ гарнизоны изъ Щитна, изъ Инсборка, изъ Любовы, захватимъ хелминскую шляхту и ударимъ на Юранда... Пора покончить съ нимъ!

Но болѣе проницательный Данфельдъ, умѣющій обсудить всякій вопросъ съ двухъ сторонъ, закинулъ руки на затылокъ, нахмурилъ брови и, подумавъ, сказалъ:

— Безъ разрѣшенія магистра нельзя.

— Если удастся, то и магистръ одобритъ, — отозвался братъ Готфридъ.

— А если не удастся? Если князь подниметъ копейщиковъ и ударитъ на насъ?

— Между нимъ и орденомъ миръ,— не ударитъ.

— Да! Миръ-то миръ, но мы первые нарушимъ его. А противъ мазуръ нашихъ гарнизоновъ будетъ мало.

— Тогда магистръ вступится за насъ и будетъ война.

Данфельдъ снова нахмурилъ брови и задумался.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ онъ черезъ минуту.—Если удастся, магистръ, въ глубинѣ души, будетъ радъ... Къ князю отправятся послы, пойдутъ разные переговоры и мы вывернемся безнаказанно. Но, въ случаѣ нашего неуспѣха, орденъ не вступится за насъ и войны князю не объявитъ... Для этого нужно другого магистра... За княземъ стоитъ польскій король, а магистръ задирать его не станетъ.

— Тѣмъ не менѣе, мы захватили Добжиньскую землю,—значитъ не намъ бояться Кракова.

— Тогда были уважительныя причины... Князь Окольскій... Мы взяли какъ будто въ залогъ, да и то...

Онъ осмотрѣлся вокругъ и тихимъ голосомъ добавилъ:

— Я слышалъ въ Мальборгѣ, что еслибъ намъ грозили войной, — то пусть намъ отдадутъ данныя подъ залогъ деньги, — мы возвратимъ Окольскую землю.

— Ахъ! — сказалъ братъ Ротгеръ, — еслибъ среди насъ былъ Марквартъ Зальцбахъ или Шомбергъ, который придушилъ щенятъ Витольда, — тѣ справились бы съ Юрандомъ. Сообразите, кто такой Витольдъ? Намѣстникъ Ягелла, великій князь, — а несмотря на то, Шомбергу все сошло съ рукъ. Придушилъ дѣтей Витольда — и ничего!... Правда, правда, мало среди насъ людей, которые сумѣютъ найтись, когда нужно...

Гуго де Данфельдъ оперся локтями на столъ, склонилъ голову на руки и на время погрузился въ глубокую задумчивость. Но вдругъ глаза его прояснились, онъ отеръ, по своей привычкѣ, влажныя, толстыя губы и проговорилъ:

— Да будетъ благословенна минута, когда вы, благочестивый братъ, упомянули мужественное имя брата Шомберга.

— А что такое? Придумали вы что-нибудь? — спросилъ Зигфридъ де Лёве.

— Да говорите же! — поддержали братья Ротгеръ и Готфридъ.

— Слушайте же, — сказалъ Гуго. — У Юранда есть одна дочь, которою онъ дорожитъ, какъ зѣницею ока.

— О, мы знаемъ ее! Княгиня Анна Данута любитъ ее.

— Да. Такъ вотъ слушайте. Еслибы мы похитили ее, то Юрандъ отдалъ бы за нее не только Бегрова, но всѣхъ плѣнниковъ, самого себя и Спыховъ въ придачу.

— Клянусь кровью святого Бонифація, пролитою въ Докумѣ! — воскликнулъ братъ Готфридъ, — такъ и было бы, какъ вы говорите!

Рыцари всѣ затѣмъ смолкли, какъ бы устрашенные смѣлостью и трудностью этого предпріятія. Только спустя нѣсколько минутъ братъ Ротгеръ обратился къ Зигфриду де Лёве:

— Ваши разумъ и опытность равняются вашему мужеству, — сказалъ онъ, — что вы думаете объ этомъ?

— Я думаю, что дѣло стоитъ, чтобъ обсудить его.

— Ибо, — продолжалъ Ротгеръ, — она приближенная княгини, мало того — почти ея любимая дочь. Подумайте, благочестивые братья, какой выйдетъ шумъ.

Гуго де Данфельдъ засмѣялся.

— Да вы сами же говорили, что Шомбергъ отравилъ или придушилъ щенятъ Витольда, а что ему досталось за это? Шумъ они поднимаютъ по всякому поводу, но еслибъ мы отослали Юранда на цѣпи къ великому магистру, то, конечно, насъ ждетъ не кара, а награда.

— Да, — отозвался де Лёве, — время для нападенія удобное. Князь уѣзжаетъ, княгиня остается здѣсь только со своими придворными. Но все-таки нападеніе на княжескій домъ въ мирное время—дѣло не маловажное. Княжескій домъ—не Спыховъ, Злоторыя—это дѣло совсѣмъ другое! Опять пойдутъ жалобы ко всѣмъ королямъ и къ папѣ на насилія ордена, опять грозно заворчитъ проклятый Ягелло, а магистръ,—вы знаете его,—онъ радъ схватить то, что удастся, но войны съ Ягелломъ не хочетъ... Да, крикъ поднимется во всѣхъ земляхъ Мазовіи и Польши.

— А тѣмъ временемъ кости Юранда побѣлѣютъ на висѣлицѣ,—отвѣтилъ братъ Гуго.—Да, наконецъ, кто же вамъ говоритъ, чтобъ я похитилъ дочь Юранда отсюда, изъ княжескаго дворца, изъ-подъ боку у княгини?

— Но вѣдь не изъ Цеханова же, гдѣ, кромѣ шляхты, триста лучниковъ?

— Нѣтъ. Но развѣ Юрандъ не можетъ захворать и прислать людей за дочерью? Княгиня не можетъ ей запретить ѣхать, а если дѣвка въ дорогѣ пропадетъ, кто скажетъ вамъ или мнѣ: «это ты ее похитилъ»?

— О! — отвѣтилъ разсерженный де Лёве, — устройте такъ, чтобъ Юрандъ захворалъ и вызвалъ дочь.

Гуго улыбнулся и отвѣтилъ:

— У меня въ свитѣ есть золотыхъ дѣлъ мастеръ. Его за плутовство изгнали изъ Мальборга, онъ поселился въ Щитнѣ и можетъ вырѣзать какую угодно печать. Есть у меня и люди,—они хотя и наши подданные, происходятъ изъ мазурскаго племени. Неужели вы и теперь не понимаете меня?

— Понимаемъ! — съ энтузіазмомъ воскликнулъ братъ Готфридъ.

А Ротгеръ поднялъ руки кверху и сказалъ:

— Да поможетъ Богъ вашимъ начинаніямъ, благочестивый братъ,—ни Маркварть Зальцбахъ, ни Шомбергъ не нашли бы лучшаго способа.

Потомъ онъ прищурилъ глаза, какъ будто пытался разсмотрѣть что-то отдаленное.

— Вижу я Юранда,—сказалъ онъ,—какъ съ веревкой на шеѣ онъ стоитъ у Гданскихъ воротъ Мальборга и какъ ему даютъ пинки наши кнехты.

— А дочь его будетъ послушницей ордена,—добавилъ Гуго.

Услыхавъ это, де Лѣве обратилъ свои суровые глаза на Данфельда, тотъ ударилъ себя рукою по губамъ и сказалъ:

— А теперь намъ нужно какъ можно скорѣе спѣшить въ Щитну!

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПѢСНИ ИЗЪ „УГОЛКА“.

Усть-Нарова 1897 г.

XI.

Я мыслить жажду потому, что въ этомъ—
Живой покой, святая тишина,
Все полно яснымъ, нетревожнымъ свѣтомъ,
Въ душѣ легко, и ясно даль видна!

И если мгла, за нѣкоторой гранью
Передъ умомъ какъ бы скрываетъ даль,—
Страдать отъ этого немыслимо сознанью:
Мнѣ жаль, что—мгла, но мнѣ спокойно жаль...

Тогда какъ въ чувствахъ столько острой боли,
Такая мощь безумной толчеи
Терзаній духа и страданій воли,—
Успокоенье только въ забытьи,—

Что всѣ восторги страстныхъ наслажденій,
Всѣхъ оргій чувствъ за время лучшихъ лѣтъ,
Не искупятъ безвременныхъ мученій,
Всегда идущихъ оргіямъ во-слѣдъ...

Спѣши, спѣши въ спокойствіе мышленья,
Въ немъ нерушимъ довременный покой;
Тамъ нѣтъ борьбы, не надобно прощенья,
Ты у себя—желанный и родной!...

XII.

Тьма непроглядна. Море близко,—
Молчитъ... Такая тишина,
Что пѣсня комаровъ полночныхъ
И та мнѣ явственно слышна...

Другая ночь, и тоже море
Нещадно бьетъ вдоль береговъ;
И тьма полна такихъ стенаній,
Что я своихъ не слышу словъ.

А я все тотъ же!... Не завишу
Отъ этихъ шутокъ бытія,—
Меня влечетъ, стезей особой,
Совсѣмъ особая ладья.

Ей все равно: что тишь, что буря...
Другъ! Полюбуйся той ладьей!
Прочти названье: «Все проходитъ!»
Ладьи не купишь,—самъ построй!

XIII.

Вдоль Наровы ходятъ волны,
Противъ солнца—огоньки!
Волны будто что-то пишутъ,
Набѣгая па пески.

Тянемъ тоню; грузный неводъ.
Онъ по дну у насъ идетъ
И захватитъ все, что̀ встрѣтитъ,
И съ собою принесетъ.

Тянемъ, тянемъ... Что-то будетъ?
Окунь, щука, сигъ, лосось?
Иль щепа̀ одна, да травы,—
Незадача, значитъ, брось!

Ближе, ближе... Замѣчаемъ:
Что-то грузное въ мотнѣ;
Какъ барахтается, бьется,
Какъ мутитъ песокъ на днѣ.

Вотъ всплеснула, разметала
Воду; всѣхъ насъ облила!
Моря синяго царица
Въ нашемъ неводѣ была:

Засверкала чешуею
И короной золотой
И на насъ на всѣхъ взглянула
Жемчугомъ и бирюзой!

Всѣ видали, всѣ слыхали!
Всѣ до самыхъ пять мокры...
Еслибъ взяли мы царицу,
То-то-бъ шли у насъ пиры!

Значитъ, сами виноваты,
Недогадливый народъ!
Поворачивайте вòротъ,—
Тоня новая идетъ...

И—какъ тоня вслѣдъ за тоней—
За мечтой идетъ мечта;
Хороша, порой, добыча
И богата—да не та!...

XIV.

Сказочку слушаю я,
Сказочка—радость моя!
Сколько ужъ, сколько вѣковъ
Тканями этихъ же словъ
Ночи въ таинственный часъ
Дѣтскихъ сомкнулося глазъ!
Жизнь наша, сказки быстрѣй,
Насъ обращаетъ въ дѣтей.

Слышу о зломъ колдунѣ...
Вотъ онъ—сидитъ при огнѣ...
Чудная фея добра
Блещетъ въ лучахъ серебра...
Множество замысловъ злыхъ—
Фея разрушила ихъ...
И колдуна больше нѣтъ!
Только и въ ней меркнетъ свѣтъ...
Лѣсъ, что куда-то пропалъ,
Вдругъ очарованный всталъ...
Вотъ и колдунъ на печи...
Сказка! Молчи же, молчи!

Сказочку слушаю я,
Сказочка—радость моя!
Жизнь наша, сказки быстрѣй,
Насъ обращаетъ въ дѣтей...

К. Случевскій.

ПРЕСТУПНИКИ.

(Тюремные типы).

I.

Бродяжка.

Какъ его звали—никто не зналъ. Всѣ, кому онъ нуженъ былъ, кричали ему: бродяжка, и на эту кличку онъ неизмѣнно отвѣтствовалъ: вотъ онъ я. Ко мнѣ въ камеру онъ въ первый разъ зашелъ вмѣстѣ съ знакомымъ мнѣ арестантомъ, молодымъ деревенскимъ парнемъ, по имени Савка, и, переступивъ порогъ, сейчасъ же поздравилъ меня съ добрымъ днемъ и папиросской. Я спросилъ, кто онъ.

— А никто, ваше сіятство! — отвѣтилъ онъ это такъ весело, что и я невольно улыбнулся.

— Ну, хоть какъ звать, скажи,—попросилъ я.

— Вы, господинъ, насчетъ имени-прозвища не сумлѣвайтесь,—затараторилъ онъ быстро,—потому нашъ братъ-бродяжка сегодня Иванъ, завтра Степанъ, а послѣзавтра ужъ безпремѣнно Пётрой будетъ. Теперя ты то сообрази: скажу я, примѣрно, что зовутъ меня Иваномъ, ты и крикнешь: эй, Иванъ, на, молъ, пятачокъ на табачокъ! а замѣсто меня, гляди, другой Иванъ и подвернется, вотъ что... А лучше уже, коли милость будетъ насчетъ пятачка, такъ и кричи: бродяжка!... Дѣло-то вѣрнѣе будетъ, милый человѣкъ.

Тирада эта, въ особенности конецъ ея, сильно не поправилась Савкѣ, и онъ поспѣшилъ высказать свое неудовольствіе:

— Ну, попрошайка, началъ ужъ!

Бродяжка, прищурившись, посмотрѣлъ на него, не торопясь вынулъ изъ-за пазухи старенькую трубочку, выколотилъ изъ нея объ ноготь золу и полѣзъ въ карманъ. Доставъ и развернувъ замасленный кисетъ, онъ сокрушенно помоталъ головой и къ тому

же Савкѣ обратился: дай, слышь, табачку на трубочку. Савка презрительно бросилъ ему папироску, которую бродяжка поймалъ на лету, немедленно закурилъ, съ наслажденіемъ затянулся и потомъ уже сказалъ, ни къ кому особенно не обращаясь:

— Гм... попрошайка!... Оно, конечно, нашъ братъ не упуститъ случая, а только это ты напрасно...

— Чего напрасно!—огрызнулся Савка.—Извѣстно — попрошайка. Тебя путемъ спрашиваютъ, а ты сейчасъ: пятачокъ, пятачокъ.

— Э-эхъ, Савелій, Савелій!—укоризненно покачалъ головою бродяжка.—Хорошо тебѣ, когда то отецъ пріѣдетъ, то мать недавно вотъ пріѣзжала, три целковыхъ оставила; такъ тебѣ, говорю, хорошо, а вотъ нашему-то брату гдѣ взять, что дѣлать?... Голъ, какъ соколъ; родни-то только въ лѣсу звѣрь, да въ полѣ птичка; небось, запопрошайничаешь...

— А кто велитъ шляться?—не уступалъ Савка.—Сидѣлъ бы на мѣстѣ, да работалъ, вотъ и попрошайничать не надо; а то таскается куда-то... Самъ же говорилъ, что третій годъ бродяжишь, а зачѣмъ?

Бродяжка залился добродушнымъ, разсыпчатымъ смѣхомъ. Смѣялся онъ замѣчательно заразительно: плутоватые голубые глаза почти закрывались, все лицо съ мелкими чертами, съ маленькою, рыженькою бородкой принимало такое задушевное и веселое выраженіе, что улыбка невольно просилась на уста.

— Ахъ, ты, человѣчина!—сказалъ онъ, переставъ смѣяться.—Нашелъ, чѣмъ корить: третій, молъ, годъ бродяжу! Да дай ты мнѣ только до мѣста дойтить—на другой же день Митькой звали.

— И опять пымаютъ,—упрямо говорилъ Савелій.

— Это такъ, это вѣрно; безпремѣнно пымаютъ, — спокойно согласился бродяжка.

— Такъ зачѣмъ же бѣгать-то?

Бродяжка минуту помолчалъ.

— Не понять этого тебѣ, милый человѣкъ,—тихо сказалъ онъ, задумчиво глядя на Савку.

— Эвона, не понять!—обидѣлся тотъ.—Чай, не мудрена загадка—робить не охота.

— Не то, совсѣмъ не то говоришь, милый человѣкъ!—быстро заговорилъ бродяжка и даже замахалъ руками.— Ты, поди, самъ деревенскій, знаешь, нашъ братъ-бродяжка, — который, значитъ, только настоящій, — всегда поработаетъ, не откажется... А это, это... Ну, какъ бы тебѣ сказать, чтобы понятнѣе?... Ну, хоть

возьми ты собаку: пойдетъ она тебѣ сама на цѣпь, какъ ты думаешь? А ежели и посадишь ее, такъ вѣдь она то и дѣло что рвется, покуль цѣпи не оборветъ, да не убѣжитъ... Такъ-то оно и нашъ братъ...

— Такъ вѣдь то собака, а ты-то? Человѣкъ вѣдь, тварь Божья, прости Господи!—перебилъ Савка.

— То-то и оно-то, милый человѣкъ! Ужъ коли собака неволи не терпитъ, то какъ же человѣку, твари-то Божьей, съ ней свыкаться?... Ты то сообрази, неразумная твоя голова: пригонятъ тебя изъ Рассеи, приткнутъ къ какой ни на есть деревушкѣ; люди все чужіе, сторонятся тебя, варнакомъ обзываютъ... А тутъ вспомнишь родимую сторонушку, и люди-то тамъ добрѣе, и солнышко ровно не такъ свѣтитъ... Ну, и потянетъ тебя, и идешь, прячешься, какъ звѣрь, все больше по лѣсамъ, да по оврагамъ хоронишься... Спасибо, хоть вашъ братъ-сибирякъ рѣдко обидитъ: накормитъ, напоитъ, а чтобы по начальству доложить, того и не бывало, кажись.

— А дошелъ ли хоть разъ?—спросилъ я.

— Это до дому-то?—Нѣтъ. Сибирь всюё пройдешь, а какъ перевалилъ въ Рассею, сейчасъ изловятъ. Не привыкли тамъ къ нашему брату, думаютъ, какъ бродяжка, такъ воръ, либо разбойникъ.

— А сейчасъ гдѣ изловили?—полюбопытствовалъ Савка.

— Не изловили меня, самъ я отдался его благородію, господину засѣдателю.

— Вре-ошь?—не повѣрилъ Савка.

— А ей-Богу, не вру,—добродушно усмѣхнулся бродяжка.

— Какъ же оно случилось такъ?

— А такъ и случилось, что колибъ ты мнѣ папироску далъ, я бы покурилъ, да разсказалъ бы тебѣ.

— Ахъ, чтобъ те язвило! И всегда сведетъ, чтобы выпросить что,—сердился Савка, давая однако просимую папироску.

— Гдѣ-жъ мнѣ взять-то, милый человѣкъ!—смѣясь и закуривая, говорилъ бродяжка.—Ну, вотъ теперь хорошо, теперь важно, теперь я тебѣ все разскажу по порядку, а ты слушай, да на усъ м тай,—сгодиться можетъ... Видишь ли, какъ дѣло-то было. Излов ли меня въ третьемъ году, да и отправили въ Красноярскъ. Тамъ, к къ водится, всыпали, да и послали дальше, за Иркутскимъ еще, д еввенька есть, Глушкина прозывается. Деревенька-то завалящ ая, скучная, у самаго бора,—однимъ словомъ, тайга, глушь, да и попалъ я туда въ самый великій постъ. Что дѣлать? Денегъ ни

гроша, одежонка вѣтромъ подбитая, а морозы бѣды какіе были. Пошелъ я къ одному чалдону, другому, третьему: возьми, молъ, меня въ работники.—Не надоть, говорятъ:—сѣвъ-то еще когда зачнется, до той поры за что тебя кормить?—Вамъ же, говорю, хуже: Христовымъ именемъ побираться начну, къ вамъ же и приду.—Это,—говорятъ,—особь статья: Христа ради подадимъ, а работниковъ не надобно... Фу, ты, чтобъ васъ Богъ любилъ!... Уйти сейчасъ нельзя,—куда пойдешь? Сторона незнакомая, да и холодъ лютый стоялъ. Сталъ я побираться. Грѣхъ сказать, не голодалъ,—ну, а насчетъ тово...—бродяжка щелкнулъ себя пальцемъ по шеѣ,—плохо было. Только разъ и удалось выпить,—купецъ какой-то проѣзжалъ, толстый-претолстый; я ихъ степенству въ пошеву залѣзть помогъ, а онъ мнѣ за это гривенникъ, а я его тую-жъ минуту въ кабакъ... Ну, ладно. Дождался я кое-какъ Пасхи, отпраздновалъ, нельзя сказать, чтобъ очень, а все же ничего, да и нанялся къ одному тамъ въ работники. До Николы поработалъ, попросилъ у хозяина денегъ,—рубь восемь гривенъ пришлось,—да подъ вечеръ въ Николинъ день и отправился, благо лѣсъ-то тутъ же, недалеко. Немного и отошелъ, версты три, и заночевалъ. Проснулся утромъ, глянулъ кругомъ, Господи! какъ это все на Божьемъ свѣтѣ устроено хорошо!... Солнышко этто только-только встаетъ; кругомъ зелень, роса на ней, ну вотъ слеза твоя; а птица-то, птица! такъ и заливается, поетъ. То-исъ, милый человѣкъ, нѣтъ тебѣ такого удовольствія, какъ первое утро въ лѣсу, когда бродяжить пойдешь!... И до этого сколько разъ вставалъ до свѣту, и лѣсъ-то тутъ же подъ бокомъ, а все какъ быдто не то... И не то, чтобы тамъ свободу какую чувствовалъ, какая ужъ тамъ свобода — на каждомъ шагу оглядывайся! а... ну, вотъ не могу я тебѣ сказать, а только третій уже разъ я бродяжу, и въ четвертый пойду, а все, кажись, за одно это утро... Ровно ты только родился; на душѣ это такъ легко, никакой тебѣ обиды противъ кого; такъ бы въ присядку и пустился... Хо-орошо!—Бродяжка даже глаза зажмурилъ отъ пріятныхъ воспоминаній.

— Ну, однако, долго нашему брату засиживаться не доводится, того и гляди, принесетъ кого,—со вздохомъ продолжалъ онъ черезъ минуту.—Помолился на восходъ, взвалилъ палку съ котомкой и котелкомъ за спину, да и побрелъ. Только, милый человѣкъ, разсказывать гдѣ былъ, что видѣлъ—долго будетъ, да оно и не антиресно. Извѣстно, нашъ братъ, бродяжка, много терпитъ, особливо зимой. Плохо намъ приходится зимой, ой-ой-ой какъ плохо!...

Найдешь гдѣ-нибудь пымышки *) старые, затасканные, тряпье всякое насбираешь, обмотаешь ногу,—ну, ногамъ ровно бы и ничего, а вотъ насчетъ прочаго—бѣды, морозъ донимаетъ. На себѣ-то только халатишко арестантскій, вѣтромъ подбитый, коротенькій... Ежешься, ежишься въ ёмъ, покуда добѣжишь до банешки какой,—въ горницы-то тоже не пускаютъ насъ. Иной разъ подумаешь, подумаешь, да диву дашься, какъ это мы и выживаемъ?... И гдѣ-гдѣ только не приходится хорониться: и въ стогъ зароешься, и въ овинъ забредешь, и въ баню какую, и все это дрожишь, чтобы не пымали, потому вашъ братъ хоть по начальству и не представитъ, ну, а бока намнетъ за мое почтеніе, — пожару все боитесь вы, чтобы не надѣлали... Да и то̀ сказать, пропадаетъ нашего брата зимой, много пропадаетъ. Ты, милый человѣкъ, то сообрази: сколько бѣжитъ, а много ли объявятся? Куды дѣваются? Все зима доканаетъ, люта она у васъ больно здѣсь, въ Сибири... Случается, бѣжишь гдѣ подлѣ лѣсу, да и запримѣтишь, быдто чернѣется что, подойдешь ближе, а это *онъ*. Скрючился весь, бѣдняжечка, руки въ рукава заложилъ, да такъ подъ деревомъ и застылъ... Лицо бѣлое-бѣлое, ровно снѣгъ; глаза открыты, въ небо смотрятъ; слеза на нихъ, да крупная такая, такъ на щекѣ и застыла... Видно, родное что вспомнилось, какъ замерзать началъ,—ну, слеза и прошибла... Жутко станетъ!... А то искушеніе возьметъ: сорву, молъ, съ него лопатинку **), *ему* все равно, а мнѣ теплѣе будетъ,—да какъ вспомнишь, что можетъ и тебѣ такой же конецъ, такъ только перекрестишься, его перекрестишь, да побѣжишь дальше, развѣ что котомку захватишь,—все же подспорье... Только рѣдко кому такое счастье выпадаетъ... Обнаковенно, мнѣ старые бродяги сказывали, какъ почувствуютъ, что смерть приходитъ, такъ стараются куда поглуше забраться, а ужъ тамъ звѣрье косточки растаскаетъ... Да... Такъ-то вотъ, милый человѣкъ!...

Послѣднія слова бродяжка выговорилъ чуть слышно. Изъ коридора доносился глухой шумъ перебранивающихся арестантовъ, но въ моей камерѣ было тихо и въ этой тишинѣ мягкій, задушевный и вибрирующій голосъ разсказчика производилъ особое впечатлѣніе. Самъ онъ сузившимися глазами задумчиво глядѣлъ на золотой, сверкающій заходящимъ солнцемъ крестъ ближайшей церкви, виднѣвшійся изъ окна камеры. Савка, сидя на полу, обхвативъ обѣими руками колѣни, такъ и впился въ бродяжку; глаза у парня

*) Валенки.

**) Одежда.

полны слезъ, лицо приняло какое-то дѣтски-страдальческое выраженіе.

«Ну, вотъ, я и говорю: долго разсказывать нечего, не антиресно,—тяжело вздохнувъ, началъ опять бродяжка.—Только по веснѣ нынче и перевалилъ я въ Рассею. И вѣдь вотъ, милый человѣкъ, акказія какая! Потянуло меня на тѣ мѣста, гдѣ въ прошлый разъ изловили. Самъ знаю, что нехорошо дѣлаю; что мнѣ, по-настоящему, куды обойти надо, чтобы только уйти, анъ нѣтъ,—тянетъ: посмотрю, да посмотрю... Ну, и посмотрѣлъ, да такъ, что едва ноги уплелъ. То-ись, бѣды, милый человѣкъ, какъ тамъ народъ лютъ насчетъ бродяжекъ; какъ на звѣря набрасываются... Насилу назадъ ушелъ, да въ вашихъ мѣстахъ вотъ и объявился. Пришелъ въ одну деревеньку, да, какъ водится, прямикомъ въ кабакъ. День праздничный, народу въ кабакѣ много; не столько пьютъ, сколько галдятъ. Я какъ зашелъ, такъ и крикнулъ: здравіе, молъ, желаю; съ праздникомъ поздравляю, за ваши деньги, ваше вино выпиваю! Смѣются,—откудова, молъ, такой?—А я это сейчасъ: Лѣсовой губерніи, борового уѣзда, норкиной волости самый старшій убернаторъ-засѣдатель. Зачѣмъ, дескать, пожаловалъ? А за тѣмъ, говорю, и пожаловалъ, зачѣмъ и всякое начальство жалуетъ—за шкаликомъ. Такъ шуткой, да смѣхомъ, пробалякалъ тамъ,—стаканчикъ небольшой, спасибо, поднесли,—а вечеромъ ушелъ, да въ огородахъ и заночевалъ. И не знаю уже почему, а только полюбилась мнѣ эта деревня, надо быть потому, что ласково больно встрѣтили съ перваго разу. А надо такъ сказать, что попалъ я въ самую, что ни есть нерабочную пору: посѣвъ только кончили, а косить не начинали еще. Ну, по началу ничего, подавали, кормился, а потомъ и подавать перестали; гонятъ: что присталъ, говорятъ, ступай въ друго мѣсто... И вотъ, милый человѣкъ, дошло, что голодать сталъ; двое сутокъ маковой, что называется, росинки во рту не было. Проснулся на третьи—ажъ тошнитъ отъ голода... Думаю: была не была, пойду, попытаюсь, можетъ хоть корочкой хлѣба раздобудусь. Подошелъ къ одному двору, баба тамъ, съ коровой возится; попросилъ Христа ради, прогнала, обругала еще: ни свѣтъ, ни заря носитъ, гритъ, васъ окаянные. Къ другой—подошелъ, къ третьей—те же: гонятъ, да шабашъ... Ста[ль] я среди улицы, да такъ это мнѣ нехорошо стало, такъ нехо[ро]шо... Непривычный я плакать, а тутъ и слезы на глазахъ... Гл[ав]ное—хоть бы корочку хлѣбца... Стою этто, я такъ, да думаю: у[ж] не стащить гдѣ что? и слышу колокольчики. Сейчасъ сторонил[ся], выглядываю, такъ соображаю, что ежели проѣзжающій кто, поп

шу Христа ради, можетъ дастъ. Только слышу колокольчики повернули туда, гдѣ земская фатера; я туда. Смотрю и староста, Артемій Иванычъ, бѣжитъ; увидалъ меня, да и кричитъ:

— Куды, анаѳема, бѣжишь? Хоронись скорѣе,—самъ засѣдатель.

— Ну, думаю, тутъ не поживешься; однако побѣжалъ другою стороной туда же, забрался въ огородъ, выглядываю,—окна-то ко мнѣ, мнѣ и видно,—значитъ, засѣдатель, писарь съ нимъ, да староста у притолоки стоитъ, докладываетъ что-то. Немного погодя принесли самоваръ, хлѣба, яицъ, масло; сталъ засѣдатель чай пить, писаря съ собой посадилъ. Какъ увидалъ я, что ѣдятъ они, ну, смертушки мои! такъ изо рта и вырвалъ бы; голодъ донялъ... Думаю, будь, что будетъ, пойду, можетъ, хоть кусочекъ хлѣба дастъ, вѣдь православный же онъ... Поднялся, подошелъ къ окну, писарекъ меня увидалъ, показалъ рукой засѣдателю, обернулся онъ.

— Это, говоритъ, что за морда?

Молчу я, дрожу весь.

— Бродяга, что ли?

— Такъ точно, говорю, ваше благородіе!—а у самого и голоса не стало и не отъ страху, а прямо отъ голода.—Хлѣбца бы, говорю, мнѣ кусочекъ, Христа ради... Какъ закричитъ!

— Что?! У *меня* Христа ради просишь? Да я вотъ...

— Что хотите, говорю, дѣлайте со мной ваше благородіе,—а только сейчасъ хоть махонькій кусочекъ хлѣбца... Ну, тутъ ужъ онъ совсѣмъ сбѣсился; на старосту накинулся.

— Это, говоритъ, что за порядки, бродяги шляются? Взять его да представить ко мнѣ!

Выбѣжалъ староста, хотѣлъ меня взять, а я какъ вцѣпился въ окно; такъ и не можетъ онъ меня оторвать; все свое твержу, кусочекъ, кусочекъ... Ровно ополоумѣлъ... Какъ увидалъ засѣдатель, что не можетъ староста со мной пособиться, отъ окна оторвать, да какъ звизданетъ меня, я и покатился; ослабѣлъ шибко, да и засѣдатель огромаднѣйшая туша. Подхватилъ меня староста, повелъ въ каталагу, ругается дорогой, что изъ-за меня и ему попало; а я, ужъ и не знаю, что стало со мной, какъ баба заревѣлъ.

— Что ты, глупая твоя башка?—спрашиваетъ староста, а я того пуще.

— Аль вправду голодъ донялъ?

— Правда, говорю, Артемъ Иванычъ. Коли-бъ не это, пошелъ я развѣ самъ волку въ пасть?

— Ну, говоритъ, погоди.—Подошли мы тутъ къ одному дому,

староста хозяина вызвалъ, калачика попросилъ; вынесъ хозяинъ, отдалъ мнѣ, а я его тую-жъ минуту сожралъ, какъ собака набросился, не слышу даже, что староста съ мужикомъ говорятъ... Поглядѣлъ мужикъ, какъ я жру, покачалъ головой, зашелъ въ избу и вынесъ еще три калача, луковицъ пару, соли малость; повелъ меня староста дальше, а я это дорогой все ѣмъ, все ѣмъ, никакъ съ голодомъ совладать не могу... Три дня въ каталагѣ продержали. И вотъ, милый человѣсъ, на волѣ былъ, Христа ради просилъ,—не давали; а тутъ кажный день и калачей, и луку, разъ даже баба какая-то яицъ пару принесла ей-Богу!... Отправили меня къ засѣдателю, сдѣлалъ онъ мнѣ допросъ по форменному, да сюда въ острогъ и отправилъ. Пыталъ было засѣдатель насчетъ старосты, дескать, не зналъ ли, что я, бродяга, у него на селѣ проживаю,—сорвать видно хотѣлъ что,—ну, да я тоже травленый волкъ: знать, молъ, не знаю, вѣдать не вѣдаю какой староста, впервой, молъ, вижу. Такъ ни съ чѣмъ и отъѣхалъ... Вотъ оно, значитъ, и выходитъ, что не изловили меня, а самъ я отдался. Понялъ теперь?... Закончилъ бродяжка.

— Что же теперь будетъ тебѣ?—спросилъ Савка.

— А что будетъ? Всыплютъ сколько полагается, да и отправятъ за Иркутскимъ еще, далеко.

— И... много... Не то волнуясь, не то конфузясь,—спросилъ Савка опять.

— Теперя много... Знаки-то отъ прошлыхъ разовъ остались... Хва-атитъ теперя,—тихо и глухо отвѣтилъ бродяжка.—То-ись, милый человѣкъ, къ чему нашъ братъ, бродяга, не привыкъ? И голодъ терпитъ, и холодъ, и бьютъ-то его какъ собаку, гонятъ, какъ звѣря травятъ, а все ничего, переносишь... А вотъ это... И къ чему оно, къ чему?—вдругъ заговорилъ онъ горячо, дѣлая нѣсколько шаговъ къ Савкѣ и размахивая руками.—Ну, хочешь тамъ сердце, что ли, сорвать,—ну, бей, бей сколько влѣзетъ, а срамить-то, срамить-то за что же?... Хоть и бродяга, а человѣкъ вѣдь... Тоже, поди, и у меня ребятенки были; можетъ и теперь живы, тятькой бы звали... Эхъ! Да лучше не говорить,—тряхнулъ онъ головой, какъ бы отгоняя что отъ себя. — Дай-к лучше еще папироску.

Савка безъ пререканій и торопливо сунулъ ему въ руку вмѣст одной три папироски.

II.

Совѣтникъ.

Ни обычной робости новичковъ, ни угрюмаго, угнетеннаго состоянія крупныхъ, бывалыхъ преступниковъ, попадающихъ вновь въ тюрьму,—ничего подобнаго не замѣчалось въ Прохорѣ Букинѣ. Спокойно, какъ самое привычное дѣло, снималъ онъ съ себя свои лохмотья и облекался въ казенныя, сопровождая процессъ переодѣванья шутками на собственный счетъ. Надѣвъ штаны, бушлатъ и коты *), онъ какъ-то встряхнулся и, ставъ во фронтъ, съ комичной серьезностью отдалъ по военному честь тюремному надзирателю, смотря на него смѣющимися, быстрыми, какъ у мышенка, глазами.

— А, чортъ, ровно другого и не носилъ никогда,—разсмѣялся надзиратель.

— Вольготнѣе,—въ тонъ ему отвѣтилъ Букинъ.

— Ну, ступай, ступай! А то я тебѣ покажу вольготнѣе,—не переставая улыбаться, замахнулся на него надзиратель.

Букинъ сдѣлалъ испуганное лицо, быстро пробѣжалъ длинный коридоръ и, стрѣлой поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, остановился въ дверяхъ общей камеры.

— Добра здоровья! Добра здоровья!—крикнулъ онъ.

Шумѣвшіе, какъ пчелы въ ульѣ, арестанты примолкли и съ любопытствомъ стали осматривать небольшую, съ неимовѣрно длинными руками и громаднымъ носомъ фигуру Букина. Онъ также своими быстрыми глазами всматривался въ арестантовъ, какъ бы отыскивая кого.

— Совѣтникъ! Ребята, Совѣтникъ!—раздались восклицанія и къ Букину сразу подбѣжало человѣкъ пять арестантовъ, за руки втащили его въ камеру и съ громкимъ смѣхомъ забросали его радостными восклицаніями и разспросами.

— Опять попалъ!

— Откуда?

— Ахъ, чортъ гладкій!

— На долго ли?

— Чего зѣвать!... Изъ Кузнецка... Не знаю еще... вертясь въ всѣ стороны, также радостно сообщалъ Букинъ.

Большая часть арестантовъ, въ особенности новички, съ удив-

*) Арестантскіе: пиджакъ и башмаки.

леніемъ смотрѣли на Совѣтника,—имъ еще не приходилось видѣть такихъ веселыхъ арестантовъ.

— Ахъ ты лѣшакъ! Ровно и не въ острогъ попалъ!—выразилъ кто-то громко свое удивленіе.

— Кому острогъ, а Совѣтнику отчій домъ,—отвѣтилъ за Букина одинъ изъ его знакомцевъ, по фамиліи Семеновъ.

— Онъ намъ еще спляшетъ! Спляшешь, Совѣтникъ?—спросилъ другой знакомецъ.

— Можно! Музыку только давай,—сейчасъ же согласился Букинъ и мелкой дробью прошелся по камерѣ.

— Музыку—сейчасъ. Эй, Васька! Жарь камаринскую!

Въ рукахъ одного арестанта оказался металлическій гребешокъ, обернутый кускомъ бумаги. На этомъ инструментѣ онъ издалъ какой-то жужжащій и дребезжащій звукъ.

— Ну, вотъ тебѣ и музыка. Валяй, Совѣтникъ!

Образовался большой кругъ съ Букинымъ по серединѣ. Музыкантъ заигралъ. Въ дребезжащихъ и жужжащихъ звукахъ трудно было уловить хоть намекъ на мотивъ камаринскаго, но Букинъ вполнѣ удовлетворился «музыкой» и пошелъ плясать. Плясалъ онъ мастерски. Грубые арестантскіе коты то отбивали мелкой дробью, то скользили неслышно по неровному полу. Онъ вертѣлся, извивался, выдѣлывалъ невѣроятныя па̀ и все это съ неподдѣльнымъ оживленіемъ и одушевленіемъ. Послѣднее постепенно передавалось арестантамъ; они притопывали ногами, передергивали плечами и, казалось, вотъ-вотъ сами пустятся въ плясъ. Многіе, не попавшіе въ кругъ, забрались на нары, любовались и выражали свой восторгъ крупной руганью, которая какъ будто только подбадривала Букина.

Развеселившіеся арестанты не замѣтили подошедшаго надзирателя, того самаго, который переодѣвалъ Букина. Простоявъ нѣкоторое время молча и улыбаясь, надзиратель, вспомнивъ, что это «не полагается», грозно крикнулъ:

— Это что за плясы? Уже пришелъ! Маршъ въ карцеръ!

Арестанты мигомъ разбѣжались, а Букинъ, отирая съ лица потъ и тяжело дыша, очутился передъ надзирателемъ. Онъ смотрѣ[л] на него такъ добродушно и хитро, что и тотъ невольно улыбнул[ся]. Букинъ, повидимому, только этого и ждалъ.

— А для васъ, Ѳаддей Никитичъ, еще и не такъ попляшу, вотъ... — онъ подбоченился, нагнулъ голову и завертѣлся, ка[къ] волчокъ.

— Ну, ну, ну! Я тебѣ попляшу! Экій дьяволъ! Не успѣли п

вести, а онъ уже пляшетъ, бydто въ кабакъ пришелъ, — сказалъ надзиратель, награждая его здоровымъ щелчкомъ въ лобъ.

— Да вѣдь я, Ѳаддей Никитичъ, изъ Кузнецка,—не обращая вниманія на щелчокъ, отвѣтилъ Букинъ.

— Изъ острога, что ли?—видимо понялъ тотъ суть отвѣта.

— Извѣстно, три мѣсяца просидѣлъ тамъ. Походилъ, походилъ потомъ недѣльки три по волѣ, скучно стало, я къ вамъ и попросился, — улыбаясь, сообщалъ Букинъ.

— Пропасти на тебя, Совѣтникъ, нѣтъ! —качая головой, говорилъ надзиратель.—А теперь насколько опять?

— Еще не знаю. Мѣсяца, надо быть, четыре, да пока обсудятъ два пройдетъ; съ полгодика, значитъ, у васъ погощу. Ужъ вы за мной поухаживайте, Ѳаддей Никитичъ, потому гость я у васъ недолгій. А изъ старыхъ надзирателей, кромѣ васъ, еще служитъ кто?—спросилъ онъ.

— Да ты давно ли ушелъ, чтобы перемѣнились? — удивился надзиратель.

— Ну, все-жъ таки почитай мѣсяцевъ восемь не былъ тутъ, поди, у васъ безъ меня непорядки разные завелись, — вотъ я васъ! — Букинъ выпрямился, сдѣлалъ строгое лицо и погрозилъ пальцемъ.

Надзиратель схватилъ его за волосы и началъ трепать, не переставая смѣяться; смѣялись и арестанты, а громче и искреннѣе всѣхъ смѣялся самъ Букинъ.

— За чаемъ!—раздался крикъ снизу; надзиратель отпустилъ Букина и, наказавъ «не шумѣть», вышелъ.

— Ну, братцы, за чаемъ, за чаемъ! — крикнулъ Букинъ.— Ѣсть хочу.

— Приготовили для тебя, какъ же!—сказалъ одинъ арестантъ, направляясь къ дверямъ съ жестянымъ чайникомъ въ рукахъ.

— Хлѣба захвати, да побольше! — въ догонку ему крикнулъ Букинъ.

Внимательно осмотрѣвъ камеру, Букинъ направился къ одной группѣ, усѣвшейся на разостланномъ одѣялѣ на полу, въ ожиданіи товарища, ушедшаго за кипяткомъ. Букинъ безъ церемоній сѣлся возлѣ арестантовъ и оглядѣлъ всѣхъ своимъ смѣющимся взглядомъ.

— Чего тебѣ?—спросили его.

— Какъ чего? Чай пить, — спокойно отвѣтилъ онъ и сейчасъ же прибавилъ:—А вы, братцы, неладно усѣлись, тутъ ходить будутъ, мѣшать; давай лучше туда вонъ. Ну-ка ты, съ краю, встань.

Потревоженный Букинымъ арестантъ совершенно не зналъ его, но невольно поддался его самоувѣренному тону и манерамъ. Букинъ быстро передвинулъ одѣяло и самъ усѣлся первый, подогнувъ подъ себя ноги.

— Вотъ тутъ куда лучше, спокойнѣе, неправда ли?—сказалъ онъ.—А у васъ, братцы, чашки лишней нѣтъ?

— Нѣту!

— Эко горе! Изъ чего же я чай-то пить буду? Эй, братцы!— крикнулъ онъ. — Нѣтъ ли у кого чашки? Дай, пожалуйста, чайку попить, я потомъ свою куплю.

— Разбогатѣлъ, значитъ, Совѣтникъ, — смѣясь, отозвался знакомецъ Семеновъ.—Ну, богатому и уважить можно; нà чашку.

— Да ты дай сюда.

— Чортъ этакій! Тебѣ не только дай, а еще поднеси? Не дамъ совсѣмъ,—обидѣлся Семеновъ.

— Экій чудакъ, экій чудакъ! Да вѣдь я сегодня сорокъ пять верстъ сдѣлалъ; усталъ, поди. Эта? — подошелъ онъ къ Семенову и взялъ одну чашку.

— Пошелъ къ чорту! Давай назадъ.

— Ну, эта, такъ эта; мнѣ все едино, — спокойно забирая чашку, сказалъ Букинъ и протянулъ руку. — Теперь папироску давай.

— Вотъ тебѣ папироска! — Семеновъ размахнулся и ударилъ его въ бокъ.

— Крѣнкій, братъ, у тебя табакъ,— мнѣ не годится,— какъ ни въ чемъ не бывало, разсмѣялся Букинъ и отошелъ.

Вернувшись къ оставленному мѣсту, онъ усѣлся по-прежнему, безъ приглашенія налилъ себѣ чашку чаю и началъ пить, ни на минуту не смолкая.

— Сахару-то нѣтъ? Жаль. Съ сахаромъ оно куда скуснѣе,— говорилъ онъ, торопливо откусывая кусокъ чернаго хлѣба и запивая чаемъ.—Хорошо бы еще калачиковъ пашеничныхъ. Вотъ скоро, братцы, начнутъ носить и калачей, и огурцовъ, и арбузовъ. Поѣдимъ тогда!

— Да ты почемъ знаешь, что приносить будутъ? — спросили его.

— Я-то откуль знаю?—удивился Букинъ.—Да вѣдь я четвертый разъ тутъ; слава тебѣ, Господи, пора и знать. Хорошій острогъ; однимъ словомъ, нигдѣ такого не сыщешь: и вольготы больше, только на ночь запираютъ, днемъ гуляй себѣ, ну и на счетъ подаянія хорошо—носятъ. Въ другихъ острогахъ похуже.

— А ты въ какихъ еще острогахъ сидѣлъ?—поинтересовался сосѣдъ.

— Я, братъ, по всей губерніи сидѣлъ. Ну-ка, налей еще чашечку, — обратился онъ къ нему и, пока тотъ наливалъ, продолжалъ: — въ Томскѣ восемь мѣсяцевъ сидѣлъ; въ Барнаулѣ годъ три мѣсяца; въ Кузнецкѣ два раза: разъ шесть мѣсяцевъ, а второй—три только, здѣсь вотъ ужъ четвертый разъ; надо быть, годика этакъ съ два всего будетъ. Шибко мнѣ этотъ острогъ нравится; всегда норовлю сюда попасть. Хорошій острогъ!

— Ну, и дьяволъ! Какъ это тебѣ еще головы не свернули?

— Да вѣдь я, братъ, ничего такого не дѣлаю; только и есть за мной, что что-нибудь тяпну. Разъ одинъ было,—вотъ, годъ-то три мѣсяца сидѣлъ, — фальшивыя деньги продалъ. Ха, ха, ха! — вдругъ залился онъ мелкимъ смѣхомъ.—Вотъ, братцы, потѣха-то была! Цѣловальника надули. Обернули, значитъ, простую бумагу всамдѣлишними деньгами, да продали ему быдто сотню за четвертную, а тамъ денегъ-то только и было, что сверху рублевка, снизу рублевка, да по бокамъ рублевкой обмазано. Попрыгалъ же онъ тогда! Ха, ха, ха! Да жаль, скоро хватился, нагналъ насъ съ товарищемъ; товарищъ у меня былъ, такое дѣло одному, безъ товарища, не сварганить. Вотъ ловкачъ былъ, такъ ловкачъ! На поселеніе недавно ушелъ. Ужъ и ругалъ же насъ тогда цѣловальникъ, ужъ и ругалъ! И такіе, — говоритъ, — вы, и сякіе, мошенники, ха, ха, ха!

— Поди и досталось не мало,—улыбаясь же, сказалъ одинъ арестантъ.

— А побили, извѣстно, только такъ; смѣшно всѣмъ было, что, значитъ, цѣловальника да надули. Нѣтъ, братцы, вотъ разъ меня били, такъ би-или, безъ малаго до смерти. Кабы на хитрости не пустился, не жилъ бы. Остервенились, надо быть; бьютъ, бьютъ, вижу—плохо; я возьми, да притворись мертвымъ. Возьмутъ меня за волосъ—я ни гу-гу; сапожищемъ въ бокъ или животъ хватятъ— ни - ни; глаза закативъ, терплю. Перепужались они; убили, говорятъ, надо, говорятъ, подальше куда оттащить. Поволокли меня, а я и не шелохнусь,—мертвый, да и шабашъ. Бросили они меня въ ровъ, да глубокій такой: ужъ я катился, катился; всю лопаинку порвалъ. Полежалъ я тамъ часа два, съ силами собрался, и ушелъ. Апосля того стрѣлся съ однимъ: да ты, говоритъ, живъ, собака? Померъ, говорю, померъ, да давай Богъ ноги. Поднадулъ ихъ тогда славно, ха-ха-ха!

— А за что это они тебя такъ?

— За котелокъ мѣдный. Работали они, что ли, въ полѣ, ну, и грѣли чай, а я мимо шелъ, снялъ, а они замѣтили, погнались, поймали. Оно, кабы ногу не обварилъ себѣ—не поймали бы, потому, бѣгаю я шибко, иному бѣгуну *) не догнать, а какъ ногу обварилъ,—тутъ и поймали.

— Ну, Совѣтникъ, чего тутъ врешь?—подошелъ къ нему Семеновъ.

— А это я разсказываю, какъ шадринскихъ мужиковъ обманулъ, мертвымъ-то притворился. А тебѣ, братъ, спасибо за чашку, хорошая чашка. Ты продай мнѣ ее.

— Да ты никакъ въ самъ дѣлѣ разбогатѣлъ! Откуда у тебя деньги?

— Какъ, откуда? А вотъ сейчасъ. Эй, братцы!—поднялся онъ и крикнулъ на всю камеру.—Кому завтра съ парашей?

— Намъ съ Образцовымъ,—послышался отвѣтъ.

— Ну, кто-нибудь найми меня. Чего вамъ возжаться.

— А много-ль хочешь?

— Гривенникъ.

— Фью!—свиснулъ очередной парашникъ.—Жирно, парень.

— Да, вѣдь, чудакъ ты этакій, за цѣлый-то день! А работа-то какая? Самая паскудная. Ну, да ладно, для перваго разу восемь копеекъ.

— Больше пятака не дамъ.

— Прибавь хоть копеечку. Не хочешь? Ну, ладно, вотъ ему отдашь,—показалъ онъ на владѣльца чашки.—А ты уже съ меня, Семеновъ, больше не бери, услужу когда,—и не давъ послѣднему сказать ничего въ отвѣтъ, крикнулъ:—Ну, вотъ и чашку заработалъ, теперь бы еще и табачку—совсѣмъ бы хорошо. Эй, кому еще съ парашей, на послѣзавтра? Нанимай.

— За пятакъ, что ли?—подошелъ арестантъ.

— Нѣтъ, мнѣ пятака не надо, а ты купи мнѣ восьмушку табаку, два листа бумаги, да коробку спичекъ. Идетъ?

— Да, вѣдь, это ужъ шесть копеекъ будетъ!

— Ну, шесть, эка бѣда! Что, тебѣ копейку жалко? Значитъ, идетъ? Ай, да Совѣтникъ! Сразу и чашкой и табакомъ раздобылся,—похвалилъ онъ самъ себя, и пошелъ плясать, вызывая смѣхъ и веселыя шутки.

— А ты что же, Совѣтникъ, службу свою не сполняешь, совѣтовъ не даешь? Онъ у насъ, ребята по этой части ходокъ, всѣм

*) Участвующая въ бѣгахъ лошадь.

совѣты даетъ; какъ, значитъ, и что. Его за это и Совѣтникомъ прозвали,—сообщилъ другой знакомецъ Букина.

— Погоди, послѣ повѣрки все разберу по закону,—отвѣтилъ тотъ, выходя изъ камеры.

— Ловкій!—сказалъ кто-то послѣ его ухода.

— Травленый, ну, и опустился шибко, такъ изъ острога въ острогъ переходитъ, и все по пустякамъ. Баба даже и та бросила.

— Такъ у него и баба есть?

— Есть. И ребята есть, только онъ къ нимъ и не является. Баба съ кѣмъ-то тамъ связалась, а его и на глаза не пущаетъ. Самъ же и разсказываетъ все, ровно не его.

— Эка, подлый мужичонко!—возмутился одинъ старикъ арестантъ.

— Нѣ. Опустился только, а то такъ мужичонко ничего, услужливый,—заступился Семеновъ. Но старикъ, видимо, съ нимъ не согласился, съ негодованіемъ выругался и плюнулъ.

Послѣ повѣрки, едва заперлась дверь камеры, Букинъ вскочилъ на нары и крикнулъ:

— Ну, кому какой совѣтъ требуется? Подходи, научу всему даромъ.

Никто не подходилъ, и Букинъ самъ подошелъ къ тому самому старику арестанту, который такъ возмущался имъ. Начался допросъ: за что сидитъ, на какой срокъ, какія показанія давалъ? Старикъ отвѣчалъ неохотно, но Букинъ понялъ все изъ двухъ-трехъ словъ.

— Не хорошо, братъ, сдѣлалъ. Тебѣ бы съ перваго разу повиниться, куда полегче осудили бы. Ты это всегда помни, попался ежели,—сейчасъ же винись.

— А ежели, примѣрно, я не виноватъ?

— Ну, братъ, какъ это не виноватъ? Этого не бываетъ.

— Фу, чортъ! Да вотъ сичасъ, я...

— Ну-къ, что-жъ?—перебилъ Букинъ.—Все-таки повинился бы. Тебя бы, глядишь, вмѣсто года, да полгода. Со мной, братъ, разъ вотъ какая штука была. Стащилъ я у бабы одной холстину,— н[illegible] поймали, къ слѣдователю. Пока, значитъ, вязали, баба-то плакалась, что вотъ, дескать, недавно коня у нея увели, а теперь и холстину украсть хотѣли. Потомъ это слѣдователь и спроси меня: не ты ли, молъ, и коня-то у бабы укралъ? Я было позамялся, а онъ и скажи: ты, говоритъ, лучше признайся, тебѣ же лучше. Точно, говорю, такъ, ваше благородіе, я. Самъ-то сномъ-духомъ

не вѣдаю, какой конь, а ему-то размазываю,—это я бабья-то причитанья наслушался: конь, молъ, гнѣдой, годовъ этакъ 10—12; а продалъ, говорю, на дорогѣ цыганамъ. То-ись такъ ему размазалъ, какъ по маслу. Ну, привели меня сюда, а тутъ тогда Васька Шляпкинъ сидѣлъ, хохочетъ. Это онъ-то коня увелъ, а я, значитъ, за него признался, ха, ха, ха!

— Да врешь ты все, проклятый!—не повѣрилъ старикъ.

— Вонъ хоть Семенова спроси, онъ тогда тутъ былъ. Семеновъ!—позвалъ онъ и когда тотъ подошелъ, сказалъ:—вотъ не вѣритъ, что я за Ваську Шляпкина въ конѣ-то признался.

— Какъ же, правда! Еще пять мѣсяцевъ за это отсидѣлъ,—смѣясь, подтвердилъ Семеновъ.

— Такъ ты, значитъ, за его и въ острогѣ отсидѣлъ?—все болѣе и болѣе удивлялся собесѣдникъ.

— Холстину-то мнѣ простили, а за коня—пять мѣсяцевъ и то только потому, что признался сразу, а то бы хуже.

— Зачѣмъ же это ты за другого въ острогѣ сидѣлъ?—все еще не могъ взять въ толкъ старикъ.

— Такъ что-жъ такое? Мнѣ Васька тогда еще цалковый далъ, да рубля съ четыре тутъ заработалъ. Потомъ, какъ вышелъ, такъ погулялъ разлюли-малина!

— А къ бабѣ-то чего не пошелъ?

— Ну, ее... Связалась тамъ съ однимъ, да здоровымъ такимъ. Я было разъ сунулся—такъ отдубасилъ лохматый.

— Да, вѣдь, она, твоя-то баба, какъ же это?—негодующимъ тономъ сказалъ старикъ.

— А я съ ней разсчитался. Гдѣ что лежитъ мнѣ, значитъ, извѣстно, я ночью-то забрался, да всѣ ея платья стащилъ. Ужъ и бѣсилась же она! Землякъ мнѣ потомъ одинъ сказывалъ, ха, ха, ха!

— Фу, подлая твоя рожа! — возмутился старикъ.—Ну, а ребята-то?

— Да тамъ двое-то не мои, а того, лохматаго; мой одинъ только паренекъ,—ну, съ ними живетъ тамъ, работаетъ.

— Повѣсить тебя мало, подлеца, тьфу!

— За что?—удивился Букинъ.

— Еще спрашиваешь! Вотъ тебѣ!—старикъ поднялся и ударилъ его по лицу.

— А за это папироску давай, сейчасъ же,—схватилъ онъ его руку.—Нѣтъ, братъ, врешь! Даромъ драться нельзя, давай папироску.

— Давай, Совѣтникъ, я тебя ударю и папироску дамъ,—предложилъ ему арестантъ, по имени Тимка, драчунъ и любитель сильныхъ ощущеній.

— Идетъ!—немедленно согласился Букинъ.—Только ты какъ бить будешь? По лицу, братъ, неловко, завтра надзиратели догадаются, а ты лучше вотъ этимъ, да по спинѣ,—онъ схватилъ длинное полотенце, свернулъ большой узелъ и показалъ.

— Ну, ладно. А сколько разовъ?

— А сколько хочешь?

— Пять.

— Много,—три.

— Идетъ, чортъ съ тобой! Пущай мое пропадаетъ, — блестя глазами и закрѣпляя узелъ, говорилъ Тимка.—Букинъ легъ на нары, выставилъ спину, а голову завернулъ и положилъ на локоть руки, чтобы видѣть. Арестанты окружили его и Тимку, который, сильно размахнувшись, ударилъ три раза.

— Папироска!—крикнулъ Букинъ.

— Ну еще!—Тимка вошелъ во вкусъ и билъ все сильнѣе, а Букинъ, не мѣняя позы, считалъ, и послѣ каждаго третьяго удара выкрикивалъ число выигранныхъ папиросъ. Арестанты поощряли Тимку, оживляясь и сами жестокой и невиданной потѣхой.

— Эй вы, черти! Что тамъ развозились! Это все ты, Совѣтникъ? Погоди, завтра вотъ я съ тобой разсчитаюсь,—раздался за дверью голосъ надзирателя.

Арестанты разбѣжались, Букинъ тоже поднялся, и только когда за дверью затихли ругань и угрозы надзирателя, онъ подошелъ къ Тимкѣ.

— Ну, давай шесть папиросъ,—сказалъ онъ.

— Ладно, ладно,—отсыпая ему въ ладонь махорки, говорилъ тотъ.—Жаль, помѣшали, а то бы я тебѣ шишку набилъ.

— А надо было тихонько, не кричать. Давай еще!

— Ну те къ чорту, убирайся!—оттолкнулъ его Тимка.

— Братцы, не хочетъ ли кто?—оглядывая присмирѣвшихъ арестантовъ, предложилъ Букинъ. Охотниковъ не оказалось, его только обругали.

— Ну, спасибо за шесть; на завтра хватитъ. Теперь и спать можно. Чашкой раздобылся, восьмушку табаку тоже получу; папироски на завтра есть,— слава тебѣ Господи! — пересчитывалъ Букинъ результаты дня, и быстро началъ креститься и шептать молитву, окончивъ которую, въ два прыжка очутился на нарахъ и заявилъ:—Усталъ я сегодня, братцы; спать крѣпко хочется.

Онъ свернулся клубочкомъ и черезъ нѣсколько минутъ уже громко храпѣлъ.

Прошелъ мѣсяцъ. За это время Букинъ отдыхалъ только по воскресеньямъ; остальные же дни безустанно или возилъ парашу, или таскалъ за кого-нибудь воду. Съ объявленной цѣны онъ не спускалъ, получая отъ нежелающихъ «пачкаться» или «плечи оббивать» по пяти копеекъ за день работы. Подсчитавъ въ концѣ мѣсяца свой заработокъ, Букинъ подпрыгнулъ и громко объявилъ, что у него уже «рубъ съ четвертакомъ».

— Ишь, деньжищъ сколько!—завистливо проворчалъ кто-то.

— Это что за деньги? Нѣтъ, братцы, вотъ когда я въ Барнаулѣ сидѣлъ, годъ-то три мѣсяца, вотъ денегъ заграбасталъ! Двадцать цалковенькихъ вынесъ. Эхъ, и погулялъ же я! Такого трезвона задалъ! Цѣлую недѣлю чертилъ; ни разу такъ не гулялъ.

— Значитъ, и теперь на пропой копишь?

— А что-жъ мнѣ! Для того и работаю. Денька, поди, на два хватитъ, погуля-аю!—протянулъ онъ, щелкая языкомъ и мечтательно закрывая свои живые глаза.

— Собака!—обругали его.

Разъ, въ отсутствіе Букина, привели новичка. Когда послѣ подробнаго допроса, учиненнаго арестантами, новичокъ назвалъ свою деревню, кто-то крикнулъ:

— Ребята, да онъ никакъ нашему Совѣтнику землякъ будетъ?

— Землякъ и есть,—подтвердилъ другой.—Вотъ-то обрадуется, когда придетъ. Ты, шпана, смотри поклонъ отъ бабы передай ему, а то осерчаетъ, ха-ха-ха!

Новичокъ только боязливо оглядывалъ эти веселыя, но ему страшныя лица и не рѣшался спросить: какой-такой Совѣтникъ землякъ.

Букинъ о своемъ приходѣ всегда давалъ знать громкимъ разговоромъ и смѣхомъ. Когда вечеромъ до арестантовъ донесся снизу его смѣхъ, нѣсколько человѣкъ бросились ему навстрѣчу и въ одинъ голосъ крикнули:

— Совѣтникъ! Ступай скорѣй; земляка твоего привели.

Букинъ стремглавъ кинулся въ камеру и остановился въ дверяхъ. Въ рукахъ онъ держалъ большой пшеничный, выпрошенный у привратника, калачъ, отъ котораго откусывалъ большими кусками. Онъ сразу увидалъ земляка, одиноко сидѣвшаго на нарахъ

— А! Сватъ Иванъ! Ты?—радостно крикнулъ Букинъ и под-

бѣжалъ къ нему.—Добра здоровья, добра здоровья! Ты что это—по мнѣ соскучился? Хорошо, братъ, сдѣлалъ. На долго ли? На мѣсяцъ? Мало: ты погости побольѣ; у насъ тутъ хорошо, ей-Богу, хорошо.

Сватъ Иванъ только растерянно и глупо улыбался, видимо довольный, что среди чуждыхъ лицъ есть хоть одно знакомое.

— Ну, разсказывай, что тамъ у васъ,— заговорилъ Букинъ, усаживаясь рядомъ съ землякомъ и продолжая жевать свой калачъ. — Какъ моя краля тамъ; все еще со своимъ лохматымъ? — задалъ онъ циничный вопросъ.

— Со Спиридономъ, какже, со Спиридономъ. Недавно дѣвчонку принесла ему,—сообщалъ землякъ.

— Дѣвчонку? Эхъ, вѣдьма! Вотъ я ужо приду, задамъ ей. Ишь какая...— онъ закончилъ циничнымъ выраженіемъ, разсмѣшившимъ арестантовъ.

— А вкусный, братцы, калачъ,— обратился онъ къ послѣднимъ, довольный, что они смѣются его остротѣ.

— А твой паренекъ померъ,—неожиданно сказалъ землякъ.

Глаза Букина широко раскрылись, принявъ сначала удивленное, а потомъ испуганное выраженіе. Онъ вдругъ сталъ быстро и усиленно кусать свой калачъ.

— То-ись, какъ это?—какъ бы давясь, спросилъ онъ и замигалъ глазами.

— А такъ, что конь у нихъ на выстойкѣ стоялъ, паренекъ ночью пошелъ спускать, а тотъ и лягни его, да прямо въ голову. Двое сутокъ промаялся и померъ.

— И померъ...—машинально и тихо повторилъ Букинъ. Выраженіе испуга не сходило у него съ лица. Недоѣденный обгрызокъ калача онъ крѣпко сжалъ въ рукѣ и, не отрываясь, мигающими глазами смотрѣлъ прямо въ ротъ земляку.

— Померъ. Хозяйка твоя убивалась, страсть.

— Ну, Совѣтникъ, теперь ты намъ должонъ поминки устроить; деньги у тебя есть,—сказалъ драчунъ Тимка.

— Чего, дуракъ, смѣешься-то? — осадилъ его старикъ арестантъ.

Тимка сконфузился и отошелъ безъ возраженій; остальные арестанты тоже отошли, тихо переговариваясь. Букинъ остался съ землякомъ.

— А ты, значитъ, Прохоръ, какъ?—спросилъ послѣдній.

Букинъ удивленно, видимо не понимая, только посмотрѣлъ на

него и отошелъ къ окну. Тамъ онъ простоялъ довольно долго, потомъ приблизился къ одной группѣ арестантовъ, постоялъ возлѣ нихъ, подошелъ къ другой, третьей. Арестанты не задирали, не смѣялись надъ нимъ, они только съ любопытствомъ присматривались къ нему, никогда не видавъ его такимъ: всегда живое лицо его застыло съ тѣмъ же выраженіемъ недоумѣнія и испуга, а глаза не переставали мигать, словно онъ старался и никакъ не могъ что-то припомнить.

Весь вечеръ Букинъ не проронилъ ни слова; на завтра онъ также молча отправился на работу. Въ воскресенье, послѣ обѣдни, онъ подошелъ къ священнику и попросилъ его отслужить «панафидку по рабѣ Божьемъ, младенцѣ Андрюшкѣ». Священникъ исполнилъ его просьбу и Букинъ всю панихиду простоялъ на колѣняхъ, неловко и безтолково отбивая поклоны. Въ камеру онъ вернулся съ болѣе осмысленнымъ лицомъ, но какъ бы сосредоточенный на какой-то мысли. Отозвавъ земляка въ сторону, онъ еще разъ спросилъ его о подробностяхъ смерти сына, и пока землякъ разсказывалъ, Букинъ только качалъ головой и ничего не говорилъ, молча слушая. Разспросы эти начали повторяться ежедневно, послѣ повѣрки, когда запиралась камера. Разъ пять землякъ повторилъ, но, наконецъ, это ему надоѣло.

— Да что ты ко мнѣ пристаешь?—не вытерпѣлъ онъ разъ.— Сколькой уже разъ разсказываю я тебѣ, а ты все: разскажи, да разскажи. Что же я тебѣ еще разскажу?

— Нѣтъ, я, значитъ, почему же самъ Спиридонъ не пошелъ, а парненка послалъ? — смущаясь, объяснилъ Букинъ.

— А я почемъ же знаю? Ступай, спроси его. А то бабу свою спроси; она, поди, знаетъ.

Букинъ больше не разспрашивалъ. Самъ онъ измѣнился до неузнаваемости. Прежняго смѣха и шутокъ какъ ни бывало, разговаривалъ онъ только съ тѣми арестантами, за которыхъ нанимался работать, и лишь по поводу работы, — работать же онъ не переставалъ попрежнему. Арестанты нѣкоторое время не трогали его, потомъ эта перемѣна въ Букинѣ начала ихъ забавлять, а подъ конецъ и злить.

— Да ты что корчишь-то изъ себя? — говорили они.—Ну, отслужилъ панафидку, что тебѣ еще? А то какую-то сироту казанскую... Не обманешь, братъ.

Букинъ ничего не отвѣчалъ, но за него заступился старикъ арестантъ.

— Не трожьте, ребята,— сказалъ онъ.— Все-жъ таки, какъ-никакъ, а родитель... Дайте срокъ очухаться.

Наконецъ, арестантамъ надоѣло и ругать, и смѣяться надъ нимъ, они оставили его въ покоѣ, а онъ молчалъ и работалъ.

Накапунѣ освобожденія земляка Букинъ, когда всѣ улеглись спать, подошелъ къ нему.

— Сватъ Иванъ! А что я тебя попросить хочу? — шепотомъ сказалъ онъ.

— А что?

— Какъ придешь, значитъ, попроси отца Сергія отслужить три панафидки по Андрюшкѣ.

— Не захочетъ, поди, даромъ-то?

— Я тебѣ денегъ дамъ; вотъ два рубля; а ежели скажетъ, что мало, то скажи, что, можетъ, Богъ дастъ, скоро обсужусь, выйду, тогда еще принесу ему, только, чтобы три панафидки.

— Что-жъ, я скажу,— согласился землякъ.

— Ужъ ты, пожалуйста. Оно можно бы и здѣсь, да не хочется мнѣ,— все-таки, знаешь, острогъ, какъ-то не тово... Вотъ деньги-то, возьми... Да еще скажи отцу Сергію, что деньги-то эти хорошія, что на такое дѣло я бы ему нехорошихъ денегъ не сталъ бы посылать; ты и самъ видѣлъ, какъ я зароблялъ ихъ. Такъ скажешь?

— Скажу, что мнѣ. А то, можетъ, бабѣ отдать, она...

— Нѣтъ, нѣтъ; бабѣ не давай; не надо бабѣ,— быстро перебилъ Букинъ.—Ужъ ты самъ, сдѣлай милость.

— Ладно, ладно. Такое дѣло, что не сдѣлать? — зѣвая, говорилъ землякъ.— Сдѣлаю.

— Пожалуйста, сватъ Иванъ! А бабѣ моей скажи, что подлая она, что приду я къ ней!...—Въ тонѣ, какимъ Букинъ выговорилъ послѣднія слова, было что-то, заставившее земляка внимательно посмотрѣть на него.

— Да ты что замышляешь-то? — спросилъ онъ.

— Ничего. Ты только скажи ей, что подлая она, что парня не доглядѣла.

— Брось, Прохоръ! Чѣмъ же она виновата?

— А зачѣмъ самъ Спиридонъ не пошелъ, зачѣмъ ребенка послалъ? — стиснувъ зубы, прошипѣлъ Букинъ.

— Кто-жъ его зналъ? Извѣстно, кабы знатое... Нѣтъ, ты лучше брось, — посовѣтовалъ землякъ. Букинъ замолчалъ.

На утро они оба поднялись рано. Букинъ, отказавшійся на

этотъ день отъ работы, помогалъ земляку укладываться и все время что-то нашептывалъ ему. Землякъ отвѣчалъ односложно: Что-жъ? Хорошо, можно...

Они молча спустились внизъ и тамъ землякъ, взваливая котомку на плечи, торопливо выговорилъ:

— Ну, прощай, Прохоръ!

— А Андрюшку, сватъ Иванъ, гдѣ положили?—вмѣсто отвѣта спросилъ Букинъ.

— Вправо, какъ зайдешь, такъ съ краю, возлѣ могилы Петра Аѳанасьича. Помнишь?

— А крестъ-то хоть какой поставили?

— Какъ меня уводили, не было, теперь не знаю,—въ дверяхъ уже сказалъ землякъ.

— Бабѣ-то! — кинулся за нимъ Букинъ. — Бабѣ не забудь сказать, что не доглядѣла парня, что...

— Я тебѣ покажу бабу! Куда лѣзешь въ дверь? Ишь, паршивый! Все у него бабы на умѣ. Маршъ на мѣсто! — отталкивая его отъ дверей, кричалъ надзиратель.

Букинъ оторопѣло посмотрѣлъ на него и, низко опустивъ голову, медленно сталъ взбираться по лѣстницѣ наверхъ въ камеру.

Молчаливое настроеніе не покидало Букина все время, пока онъ пробылъ въ тюрьмѣ. Оживлялся онъ только, когда узнавалъ о приводѣ новичка. Самъ онъ, постоянно занятый работой, не могъ видѣть приводимаго, и всегда просилъ кого-либо изъ арестантовъ узнать: «не изъ нашей ли деревни?» Арестанты скоро подмѣтили это «любопытство» Букина и начали подшучивать. Вдругъ кто-нибудь выбѣжитъ къ нему, или изъ окна крикнетъ: «Эй, Совѣтникъ! Вашего мужика привели».—«Кто такой?»—живо откликается Букинъ. «Иди, смотри самъ»,—отвѣчаетъ шутникъ и скрывается, а Букинъ лихорадочно работаетъ, торопится, и вечеромъ, какъ сумасшедшій, летитъ въ камеру, убѣждается, что его обманули, и разочарованный отходитъ, сопровождаемый смѣхомъ шутниковъ. Онъ скоро пересталъ довѣрять заявленіямъ о землякахъ; тѣмъ не менѣе, зная почти навѣрно, что его обманываютъ, все-таки торопилъ работой и бѣжалъ наверхъ смотрѣть новичка. Это былъ единств[енный] пунктъ, гдѣ Букинъ проявлялъ какой-либо интересъ къ ок[ру]жающему его тюремному міру; остальнаго же онъ какъ будто [н]е замѣчалъ, ко всему относился совершенно пассивно, вѣчно за[н]ятый какой-то мыслью.

Оживился также Букинъ и наканунѣ своего освобожденія. [С]ъ самаго утра онъ сталъ безтолково метаться по камерамъ, коридо[ру],

двору, попадалъ подъ ноги, мѣшалъ и толкалъ окружающихъ и попадающихся навстрѣчу.

— Да что ты мечешься, какъ угорѣлый?... Мѣста себѣ не находишь?... — кричали ему.

Онъ удивленно осматривался, немного затихалъ, а черезъ минуту, глядишь, опять куда-то торопливо бѣжитъ.

Послѣ обѣда онъ началъ приставать къ арестантамъ сказать ему «скolькой часъ» и «много ли до ночи осталось?»

— Смотри, ребята! Совѣтникъ-то! Изъ острога домой торопится. Вотъ чудо! — удивлялись арестанты.

— Это онъ къ бабѣ своей торопится, — соскучился по ей...

— Нѣтъ, ребята! Это онъ дочку свою богоданную скорѣе посмотрѣть хочетъ. Своего-то парня уже нѣтъ, такъ чужую дѣвчонку... Не правда-ль, Совѣтникъ? Ха, ха, ха! — смѣялся драчунъ Тимка.

Тимка не замѣтилъ, какъ странно сверкнули глаза Букина, за то взглядъ этотъ подмѣтилъ старикъ арестантъ.

— А Совѣтникъ, надо быть, на бабу свою шибко осерчалъ. Какъ бы не сдѣлалъ что? — тихо сказалъ онъ Семенову.

— Что онъ сдѣлаетъ-то? Развѣ что опять худобу утащитъ, — разсмѣялся Семеновъ.

— Ну, сдается мнѣ, что тутъ не худобой пахнетъ, а какъ бы похуже что.

— Гдѣ ему! другой на его мѣсто — извѣстно, а онъ... — и Семеновъ презрительно махнулъ рукой на стоявшаго неподалеку Букина. Но старикъ покачалъ головой, видимо, думая иначе. И онъ не ошибся.

Недѣли черезъ двѣ Букина опять привели. Видъ у него былъ измученный, онъ сильно похудѣлъ. Встрѣченный, какъ и въ первый разъ, смѣхомъ и разспросами, Букинъ стоялъ въ кругу обступившихъ его арестантовъ, растерянно оглядывая ихъ. Арестантовъ это начало забавлять и они принялись тормошить его. Но вотъ въ камеру вбѣжалъ надзиратель.

— Совѣтникъ! Гдѣ ты? Ступай скорѣй, заковывать буду, — испуганнымъ тономъ сказалъ онъ, а въ дверяхъ остановился и крикнулъ недоумѣвающимъ арестантамъ: — Бабу убилъ!

— Что — худоба?... — торжествующе обратился къ Семенову старикъ.

— Н-да, оказія!... Кто-жъ это могъ думать?... — смущаясь, почесалъ себѣ затылокъ Семеновъ.

Арестанты высыпали на лѣстницу. Они знали, что Букина, какъ преступника важнаго, помѣстятъ въ отдѣльную камеру, и хотѣли еще разъ посмотрѣть. Они дѣйствительно увидали, какъ онъ, поддерживая звякающія цѣпи, проходилъ, низко опустивъ голову, сопровождаемый двумя надзирателями. Головы онъ не поднялъ, не посмотрѣлъ на толпу, которая съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, проводила его глазами и молча возвратилась въ камеру. Только одинъ старикъ арестантъ все качалъ головой и что-то шепталъ про себя.

П. Хотымскій.

Письма Петра Николаевича Кудрявцева изъ-за границы.

(1845—1847 гг.)

Января 18 сего года исполнится сорокъ лѣтъ со дня смерти профессора всеобщей исторіи и автора многихъ историческихъ сочиненій, Петра Николаевича Кудрявцева. Желая почтить память Петра Николаевича и напомнить читателямъ о немъ по поводу исполнившейся годовщины его смерти, я рѣшился напечатать хранящіяся у меня письма его къ роднымъ, писанныя имъ въ 1845—1847 годахъ изъ-за границы.

Но прежде чѣмъ познакомить читателей съ самыми письмами, считаю не лишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни ихъ автора до поѣздки за границу, и о тѣхъ лицахъ, къ которымъ они были писаны.

Отецъ Петра Николаевича, Николай Семеновичъ Кудрявцевъ, былъ сынъ священника села Васильевскаго, Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Онъ родился 3 мая 1788 г. Образованіе Николай Семеновичъ получилъ въ Московской греко-латинской академіи и за свои отличные успѣхи въ наукахъ пользовался особеннымъ расположеніемъ митрополита Платона, который, по окончаніи имъ курса академіи, назначилъ его преподавателемъ риторики и греческаго языка въ семинаріи при Перервенскомъ монастырѣ, близъ Москвы. Въ 1814 г. онъ женился на дочери Ивана Ивановича Попова, священника при церкви Косьмы и Даміана въ Таганкѣ, Екатеринѣ Ивановнѣ. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ былъ опредѣленъ священникомъ при церкви Покрова на Землянкѣ за рѣкою Яузой. Проживъ въ супружествѣ съ Николаемъ Семеновичемъ десять лѣтъ, Екатерина Ивановна умерла въ 1824 году и оставила послѣ себя троихъ дѣтей, изъ которыхъ сыну П ру было въ годъ смерти матери восемь лѣтъ (онъ родился 4 августа 18 6 г.), дочери Елизаветѣ—четыре и Ольгѣ—два года. Николай Семенов ь отличался большимъ практическимъ умомъ и любилъ обстоятельно о умать всякое дѣло, которое начиналъ, а потому родные и знакомые ч го обращались къ нему за совѣтомъ въ своихъ служебныхъ и семейн ъ дѣлахъ. Онъ былъ всегда серьезенъ и сосредоточенъ. Товарищи его

по академіи, за его неразговорчивость, прозвали его *монахомъ,* и это прозвище оставалось за нимъ во все время его ученія. Образъ жизни его былъ всегда умѣренный и простой. Хотя приходъ, при которомъ онъ состоялъ священникомъ, былъ малолюдный и бѣдный, однако Николай Семеновичъ довольствовался небольшими доходами съ него и еще помогалъ бѣднымъ, какъ роднымъ, такъ и постороннимъ. Онъ дѣлалъ это по влеченію своего добраго сердца и безъ всякой огласки: о его денежной помощи знали только тѣ, которые нуждались въ ней. Въ важныхъ случаяхъ,— напримѣръ, когда умиралъ кто-нибудь изъ его родныхъ, — онъ не только помогалъ сиротамъ деньгами, но и бралъ на себя хлопоты о помѣщеніи ихъ въ учебныя заведенія на казенное содержаніе, о выдачѣ дочерей замужъ и т. д. Такъ же заботливо относился онъ и къ бѣднякамъ, жившимъ въ его приходѣ, доставляя имъ черезъ своихъ знакомыхъ какую-нибудь работу или должность.

Обращеніе Николая Семеновича съ сыномъ и дочерьми было всегда ровное и ласковое. Онъ никогда не выходилъ изъ себя, никогда не возвышалъ голоса на нихъ. Но онъ мало бывалъ въ ихъ обществѣ: все свободное время свое онъ любилъ проводить въ своей комнатѣ за чтеніемъ книгъ или въ молитвѣ. Дѣти видали его только за столомъ или за уроками. Они любили его какъ добраго и ласковаго отца, но не были близки къ нему, не дѣлились съ нимъ своими впечатлѣніями и чувствами.

По смерти жены Николай Семеновичъ взялъ на себя лишь заботы объ умственномъ воспитаніи своихъ дѣтей, особенно сына. Мелочныя хлопоты по хозяйству и ближайшій надзоръ за дочерьми лежали на обязанности няньки Кудрявцевыхъ, Матрены Аѳанасьевны, которая ходила за всѣми дѣтьми Николая Семеновича и заботилась о нихъ какъ родная мать. Петръ Николаевичъ очень цѣнилъ ее, а сестры его такъ привязались къ ней, что считали ее лучшимъ своимъ другомъ и повѣряли ей всѣ свои тайны. Впрочемъ, молодые Кудрявцевы не переставали чувствовать отсутствіе матери и материнскихъ ласкъ. Впослѣдствіи Петръ Николаевичъ такъ писалъ объ этомъ къ бывшей своей ученицѣ Е. Я. Якобсонъ: «Какъ счастливы дѣти, которыхъ первое образованіе совершалось подъ вліяніемъ прекрасной женской души! Завидую имъ. Такое счастіе дается не многимъ. По крайней мѣрѣ, я не зналъ его. Рука матери ласкала меня немного; смерть отняла ее такъ рано, что я не унесъ ни одной черты въ своей памяти. И я бы до сихъ поръ горько жаловался на этотъ недостатокъ въ моемъ воспитаніи, еслибъ ему не помогала моя натура, довольно счастливо организованная».

Школьное ученіе свое Петръ Николаевичъ началъ въ Заиконоспасскомъ духовномъ училищѣ, поступивъ прямо въ 3-й классъ его. Онъ пробылъ здѣсь два года и въ 1830 г. былъ переведенъ въ Московскую духовную семинарію.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о Петрѣ Николаевичѣ за первые два года его семинарскаго ученія можно извлечь изъ его записной книжки, веденной

имъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1830 и 1831 годовъ. Такъ, подъ 4 числомъ августа 1831 г. онъ пишетъ: «Сей день, 4 августа, есть день моего рожденія. Итакъ, прошелъ 15-й годъ и наступилъ 16-й, а мнѣ уже 2 ар. 6 вершковъ. Всѣ удивляются и не довѣряютъ». Объ успѣхахъ, оказанныхъ имъ въ концѣ перваго года семинарскаго ученія, въ памятной книжкѣ находятся слѣдующія его замѣтки: «3 сентября. Экзаменъ на греческомъ языкѣ, на коемъ я записанъ въ первомъ разрядѣ (только и знаю), а на французскомъ я — первымъ. Экзаменная хрія на латинскомъ языкѣ изъ предложенія: orandum est Numen de rege. 10 сентября. Мнѣ достается *періодъ изъяснительный* (я записанъ четвертымъ). 11 сентября. Историческій экзаменъ. Я записанъ четвертымъ же». Другимъ свидѣтельствомъ объ успѣхахъ Петра Николаевича служитъ письмо его дѣда, бывшаго тогда архимандритомъ Ново-Голутвинскаго монастыря въ Коломнѣ *). Онъ писалъ въ 1832 г. Николаю Семеновичу слѣдующее: «Успѣхи Петра Николаевича Кудрявцева, всегда мнѣ любезнаго внука, утѣшили меня даже до восхищенія. Да поспѣшитъ ему Господь Богъ въ дальнѣйшей ревности къ ученію, а наипаче въ сохраненіи безпорочной нравственности, которою онъ, къ общей нашей радости, по свидѣтельству семинарскаго отца инспектора, отличилъ себя примѣрно». Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ своего семинарскаго ученія, Петръ Николаевичъ оказывалъ очень хорошіе успѣхи, которыми былъ обязанъ своимъ отличнымъ способностямъ, прилежанію и опытному руководству своего отца, внимательно слѣдившаго за его ученіемъ. Умственное развитіе Петра Николаевича въ это время было очень быстро. Поступивъ въ семинарію 14 лѣтъ отъ роду, онъ не оставлялъ еще своихъ дѣтскихъ игръ, но рядомъ съ этимъ у него замѣчаются болѣе серьезные интересы: онъ записываетъ въ памятную книжку всѣ вновь выходящія книги, которыя особенно его интересовали, а иногда отмѣчаетъ и впечатлѣнія свои отъ прочитаннаго. «На сихъ дняхъ, — пишетъ онъ, — я читалъ книги *Морской разбойникъ* сиръ Вальтеръ Скотта и *Швейцарскіе замки* Монтолье—порядочныя». «Въ продолженіе сей недѣли читалъ *Повѣсти Генриха Цшокке*—и читалъ съ удовольствіемъ». Кромѣ того, онъ аккуратно слѣдитъ по *Московскимъ Вѣдомостямъ* за тогдашними событіями политической и общественной жизни въ Россіи и на Западѣ и выписываетъ извѣстія о нихъ въ ту же памятную книжку. Къ концу семинарскаго курса у него складываются убѣжденія, независимыя отъ вліянія той среды, въ которой онъ воспитывался, проявляются твердый характеръ и наклонность къ литературному творчеству. Въ 1835 г. онъ написалъ первую свою повѣсть *Катенька Пылаева* и напечаталъ ее въ *Телескопѣ* за 1836 г. Эта повѣсть, написанная Петромъ Николаевичемъ, когда ему было 19 лѣтъ, отличается, при всей своей незрѣлости, искренностью и живостью разсказа.

*) Тесть Николая Семеновича, Иванъ Ивановичъ Поповъ, рано овдовѣвъ, поступилъ въ монастырь и былъ нареченъ Іосифомъ. Въ описываемое время онъ былъ архимандритомъ Ново-Голутвинскаго монастыря въ Коломнѣ.

Твердость характера ему пришлось выказать въ послѣдній годъ пребыванія въ семинаріи, когда рѣшался вопросъ о томъ, въ какое учебное заведеніе онъ поступитъ по окончаніи семинарскаго курса и къ какой общественной дѣятельности будетъ готовить себя. Самъ Петръ Николаевичъ уже давно мечталъ объ университетѣ. Но Николай Семеновичъ, глубоко убѣжденный въ преимуществахъ духовнаго званія, настаивалъ на томъ, чтобы онъ поступилъ въ духовную академію и шелъ въ духовное званіе. Къ тому же онъ боялся прогнѣвить митрополита Филарета, неблагосклонно относившагося къ тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя не препятствовали своимъ даровитымъ сыновьямъ поступать въ университетъ. Но Николай Семеновичъ не могъ, по своей доброй натурѣ, дѣйствовать принужденіемъ. Онъ ограничился тѣмъ, что жаловался на непослушаніе сына своему тестю, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма арх. Іосифа: «Къ Петру Николаевичу,—пишетъ онъ,—за непослушаніе вашихъ спасительныхъ родительскихъ совѣтовъ хладѣетъ мое сердце. Я не понимаю, какія онъ надѣется большія получить выгоды отъ университета передъ тѣми вѣрными преимуществами, какія получаютъ въ духовной академіи. Постарайтесь всѣ мѣры употребить къ убѣжденію его поступить въ академію». Услыхавъ объ этомъ отвѣтѣ арх. Іосифа, Петръ Николаевичъ не отчаивался. Зная его расположеніе къ себѣ и разсудительность, онъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ изложилъ мотивы своего рѣшенія поступить въ университетъ и просилъ его благословенія. Архимандритъ Іосифъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ:

«Любезный внукъ, Петръ Николаевичъ! Я получилъ 3 іюня письмо твое, въ которомъ объясняешься въ наклонности твоей къ перемѣнѣ званія съ тѣмъ, чтобы поступить въ Московскій университетъ и на сіе испрашиваешь отъ меня благословенія (благодарю за учтивость, достойную добронравнаго внука). Уступая порыву твоему къ дальнѣйшему просвѣщенію, я не могу отклонять тебя отъ твоего намѣренія; только за нужное почитаю напомнить то, что рожденіе твое въ духовномъ званіи, воспитаніе и образованіе въ духовной семинаріи изготовило тебя, кажется, ближе всего остаться въ духовномъ званіи, которое хотя по духу міра не высоко, но по духу церкви почтенно, покойно и спасительно. Называешь университетъ *пристанью* себѣ послѣ окончанія семинарскихъ наукъ; а мнѣ представляется, что ты отъ пристани пускаешься въ океанъ, гдѣ многіе претерпѣли крушеніе—не собственно отъ наукъ, а отъ злоупотребленія оныхъ и худого товарищества. Не нравится тебѣ товарищество соучениковъ, имѣющихъ поступить въ Московскую академію, неопытность тамошнихъ профессоровъ: да и въ университетахъ перваго избѣжать не можешь. Узнаютъ, что ты проживаешь въ отеческомъ домѣ во всемъ удовольствіи, и невольно долженъ будешь принимать не только добронравныхъ, но и такихъ, которые подъ личиной товарищеской дружбы могутъ вредить доброй твоей нравственности разными ухищреніями. Впрочемъ, если не изъ виду любочестія и не изъ уничиженія духовнаго званія, а прямо изъ ревности к

любознанію и потому, что чувствуешь недостатокъ силъ, потребныхъ къ обязанностямъ духовнымъ, имѣешь ты непреодолимое влеченіе поступить въ Московскій университетъ, то я съ своей стороны отказать твоему благому намѣренію почитаю за грѣхъ. А потому, съ родительскаго благословенія, съ Богомъ! рѣшайся на многотруднѣйшіе подвиги. Я надѣюсь, что ты, окончивъ семинарскій курсъ наукъ благоуспѣшно съ доброю нравственностью, не измѣнишь сладкой надеждѣ нашей увидѣть тебя благонравнымъ, благоуспѣшнымъ, а потому счастливымъ и въ святилищѣ университетскихъ наукъ. Съ симъ-то вождѣленнымъ упованіемъ посылаю тебѣ, любезный внукъ, въ напутствіе намѣренія твоего, миръ и благословеніе мое. Любящій тебя Ново-Голутвинскій архимандритъ Іосифъ».

Одновременно съ этимъ письмомъ архим. Іосифъ писалъ Николаю Семеновичу слѣдующее:

«Уступимъ равнодушно непреодолимому стремленію Петра Николаевича къ цѣли имъ избираемой. Судьбы Божіи для насъ непостижимы. Можетъ быть, что Господь Богъ ведетъ его къ лучшей участи; можетъ быть, поступленіемъ въ университетъ устраняетъ отъ него ту горчайшую чашу, которую мы съ тобой, лишившись въ младыхъ лѣтахъ любезныхъ своихъ подружій, испили, и отъ которой многіе изъ духовенства безвременно сокрушились и увяли; а многіе, не могши понести тяжкое иго вдовства, къ стыду и соблазну церкви, извлеклись изъ сана святѣйшаго».

Послѣ этого Николай Семеновичъ болѣе не противился желанію Петра Николаевича поступить въ университетъ. Такимъ образомъ, окончивъ въ 1836 году курсъ семинаріи, онъ въ томъ же году былъ зачисленъ своекоштнымъ студентомъ Московскаго университета по первому отдѣленію философскаго факультета *).

Въ своей домашней жизни, какъ и въ школѣ, Петръ Николаевичъ съ самаго ранняго дѣтства отличался рѣдкою скромностью. Онъ никогда не рѣзвился, и не было случая, чтобъ онъ вызвалъ своимъ поведеніемъ замѣчаніе отъ отца или Матрены Аѳанасьевны. Движенія его всегда были спокойны, рѣчь тихая, взглядъ задумчивый. Шутка или острота вызывали у него едва замѣтную улыбку и рѣдко смѣхъ. Но онъ не былъ угрюмъ и не избѣгалъ общества товарищей. Къ своимъ сестрамъ Петръ Николаевичъ питалъ самую нѣжную любовь и сохранилъ это чувство во всю свою жизнь. Еще будучи ребенкомъ и участвуя въ ихъ играхъ, онъ никогда не давалъ имъ чувствовать превосходства своего возраста и пола, и никогда не ссорился съ ними; напротивъ, онъ нерѣдко бывалъ судьею въ ихъ спорахъ. Въ такихъ случаяхъ сестры, убѣжденныя въ его безпристрастіи, охотно подчинялись его приговору. На тѣ деньги, которыя отецъ давалъ ему на завтракъ въ семинаріи, онъ покупалъ для нихъ лакомства и игрушки. Когда сестры стали подрастать, ему пришлось раздѣлить заботы

*) Позднѣе это отдѣленіе было переименовано въ историко-филологическій факультетъ.

отца объ ихъ ученіи. Всякій разъ, какъ Николай Семеновичъ былъ занятъ дѣлами по приходу, онъ давалъ имъ уроки по предметамъ начальнаго образованія. Петръ Николаевичъ старался возбудить въ нихъ охоту къ чтенію, выбиралъ книги, доступныя для ихъ возраста, и заботился о развитіи ихъ эстетическаго вкуса: по его настоянію было куплено фортепьяно, составлявшее въ то время роскошь даже въ зажиточныхъ семьяхъ, и была приглашена учительница музыки. Рано полюбивъ театръ и музыку, онъ нерѣдко бралъ съ собою въ театръ и сестеръ, для которыхъ эти поѣздки были настоящимъ праздникомъ. Чтобы доставить и другія развлеченія своимъ сестрамъ, которыхъ жизнь, вслѣдствіе отсутствія матери и серьезнаго характера отца, проходила очень однообразно, Петръ Николаевичъ приглашалъ къ себѣ на вечеринки тѣхъ изъ товарищей, съ которыми былъ близокъ. Молодежь занималась здѣсь музыкой и устраивала танцы и фанты. Лѣтомъ эти вечеринки замѣнялись загородными прогулками.

Въ годъ вступленія Петра Николаевича въ университетъ, сестра его Елизавета Николаевна, которой тогда только что исполнилось 16 лѣтъ, вышла замужъ за магистра Петербургской духовной академіи и преподавателя Московской духовной семинаріи Петра Ѳедоровича Копосова, бывшаго потомъ священникомъ при церкви Покрова Богородицы въ Кудринѣ Свою любовь къ сестрѣ Петръ Николаевичъ перенесъ и на мужа ея, съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ до смерти его въ 1846 году. Черезъ два года вышла замужъ и младшая дочь Николая Семеновича, Ольга Николаевна. Вторымъ зятемъ его былъ магистръ Московской духовной академіи Александръ Аполлосовичъ Виноградовъ, бывшій въ то время преподавателемъ Виѳанской духовной семинаріи, а потомъ священникомъ при церкви Николая Чудотворца въ Голутвинскомъ переулкѣ. Ольга Николаевна не была счастлива въ своей замужней жизни и умерла въ 1851 г., когда ей не было еще 30 лѣтъ отъ роду.

Отдавая своихъ дочерей замужъ, Николай Семеновичъ вошелъ въ крупные долги. Чтобъ имѣть средства для уплаты ихъ, онъ принужденъ былъ оставить свой небольшой приходъ и перейти на болѣе обезпеченное мѣсто священника при Даниловскомъ кладбищѣ. Кладбище это находится внѣ города, за Серпуховской заставой, и очень отдаленно отъ университета; поэтому Петръ Николаевичъ не могъ болѣе жить вмѣстѣ съ отцомъ и временно поселился въ семьѣ своего старшаго зятя въ Кудринѣ. Впослѣдствіи онъ жилъ на квартирѣ вмѣстѣ съ двумя товарищами по семинаріи, врачомъ Я. С. Филевскимъ и Ѳ. Н. Старковымъ, служившимъ въ коммерческомъ судѣ. Предоставляя своимъ товарищамъ, какъ болѣе практическимъ людямъ, всѣ хлопоты по пріисканію квартиры и хозяйству, Петръ Николаевичъ могъ не отвлекаться мелочными заботами отъ занятій наукой и литературой. Между тѣмъ Николай Семеновичъ, принужденный жить врозь съ своими дѣтьми, взялъ къ себѣ двухъ племянницъ сиротъ, которыя ходили за нимъ во время болѣзни и завѣдывали, вмѣстѣ съ Матреной Аѳанасьевной, его хозяйствомъ до смерти его въ 1853 году

Поступивъ въ университетъ, Петръ Николаевичъ выбралъ своею специальностью всеобщую исторію. Въ это время на первомъ отдѣленіи философскаго факультета читали слѣдующіе болѣе извѣстные проф.: И. И. Давыдовъ читалъ русскую словесность, М. П. Погодинъ до 1839 г., т.-е. до возвращенія изъ-за границы Т. Н. Грановскаго, читалъ всеобщую исторію, а съ этого года—русскую, С. П. Шевыревъ—русскую и всеобщую литературу, Д. Л. Крюковъ объяснялъ римскихъ писателей, преимущественно Тацита, и читалъ древнюю исторію, Т. Н. Грановскій—средневѣковую и новую исторію. Особенно сильное впечатлѣніе производили на студента Кудрявцева чтенія Крюкова и Грановскаго. О характерѣ чтеній перваго изъ нихъ находимъ въ *Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета* слѣдующія извѣстія *):

«Всѣ питомцы Московскаго университета помнятъ, какое впечатлѣніе произвели на нихъ его блистательныя лекціи по древней исторіи. Казалось, новая наука, доселѣ неизвѣстная, открывала передъ нимъ всю полноту и все богатство своей жизни. Блистательный и вмѣстѣ строго-достойный характеръ его чтеній, его рѣдкое умѣнье заинтересовать слушателей величіемъ предмета и изяществомъ изложенія, никогда не спускавшагося съ извѣстной высоты, наконецъ искусство пользоваться богатствомъ языка, избѣгая многорѣчія и изысканныхъ фразъ,—все это соединялось, чтобъ объять слушателей и представить имъ преподавателя въ свѣтѣ, казавшемся недосягаемымъ».

Лекціи Крюкова пробудили у Петра Николаевича живой интересъ къ классической древности. Подъ его руководствомъ онъ пріобрѣлъ основательныя познанія по римской исторической литературѣ, такъ что впослѣдствіи могъ черпать матеріалъ для своихъ историческихъ сочиненій непосредственно изъ источниковъ. Въ аудиторіи Крюкова онъ знакомился съ историкомъ Тацитомъ, который сдѣлался съ этихъ поръ его любимымъ писателемъ и котораго *Лѣтописи* послужили матеріаломъ для его разсказовъ *Римскія женщины*.

Еще болѣе увлекался Петръ Николаевичъ лекціями Грановскаго, читавшаго всеобщую исторію въ послѣдній годъ пребыванія его въ университетѣ. Вотъ какъ самъ онъ говоритъ о впечатлѣніи, которое лекціи Грановскаго производили на слушателей **):

«Всякій, слышавшій его на каѳедрѣ, выносилъ съ собою какое-то новое возбужденіе къ лучшему, всякій располагался къ добру съ большею душевною силой. Въ отвѣтъ на его рѣчь отзывались въ душѣ каждаго самые чистые инстинкты человѣческой природы, и это не было только дѣйствіе его изящнаго слова, но и того глубокаго сочувствія, котораго самъ онъ былъ исполненъ ко всѣмъ великимъ явленіямъ исторической

*) *Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета*, т. I, біографія Крюкова.

**) *Сочиненія П. Н. Кудрявцева*, т. II, стр. 542.

жизни. Рѣдкій историческій урокъ не переходилъ у него въ живое созерцаніе минувшихъ дѣлъ и событій. Ихъ поэзія всегда находила въ немъ готовый органъ въ себѣ. При великомъ историческомъ имени воодушевленіемъ загорались глаза его, и въ самомъ его голосѣ, тихомъ и въ то же время необыкновенно благозвучномъ, всегда находились струны, которыя мгновенно передавали другимъ каждое движеніе его благородной души. Обаяніе было тѣмъ выше и полнѣе, что дѣйствовало не на одну только умственную сторону слушателя, но на все его нравственное существо. Кто не вовсе лишенъ былъ воспріимчивости, тотъ не могъ противиться обаятельному дѣйствію симпатической рѣчи профессора».

Познакомившись лично съ Грановскимъ, Петръ Николаевичъ никогда потомъ не прерывалъ разъ завязанныхъ близкихъ отношеній съ нимъ, и сдѣлавшись неизмѣннымъ посѣтителемъ его въ дни, назначенные для пріема студентовъ, онъ пользовался его совѣтами, указаніями и книгами.

Выбравъ своею спеціальностью всеобщую исторію, Петръ Николаевичъ скоро почувствовалъ важный пробѣлъ въ своемъ образованіи: онъ не зналъ основательно ни одного новаго языка. Хотя въ семинаріи онъ и учился по-французски (нѣмецкій языкъ, кажется, въ то время не преподавался тамъ), и будучи еще ученикомъ старшаго отдѣленія (богословія), былъ назначенъ лекторомъ французскаго языка на младшемъ отдѣленіи, однако, онъ сознавалъ, что познанія его въ этомъ предметѣ, вынесенныя имъ изъ семинарскаго преподаванія, недостаточны для его занятій всеобщею исторіей; поэтому онъ употреблялъ большія усилія, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ еще въ университетѣ. Познакомившись случайно съ однимъ природнымъ французомъ, который нуждался въ урокахъ русскаго языка, онъ предложилъ ему свои услуги и, временно поселившись на одной квартирѣ съ нимъ, устроилъ уроки взаимнаго обученія. Въ то же время онъ учился по-нѣмецки и настолько овладѣлъ этимъ языкомъ, что могъ читать нѣмецкихъ авторовъ и за границей безъ большихъ затрудненій понималъ лекціи профессоровъ. Наконецъ во время двухлѣтняго пребыванія за границей онъ выучился говорить по-нѣмецки и изучалъ итальянскій и англійскій языки.

Въ 1840 г. Петръ Николаевичъ окончилъ курсъ въ университетѣ со степенью кандидата. По рекомендаціи Грановскаго, тогдашній попечитель Московскаго учебнаго округа графъ С. Г. Строгановъ предложилъ ему продолжать занятія всеобщею исторіей и обѣщалъ, если онъ выдержитъ экзаменъ на степень магистра и представитъ диссертацію, ходатайствовать объ отправленіи его на казенный счетъ за границу. Но такъ какъ въ то время еще не было, какъ теперь, стипендій для молодыхъ людей, готовившихся къ университетской каѳедрѣ, то Петру Николаевичу приходилось одновременно готовиться къ экзамену и уроками добывать себѣ средства къ жизни. Въ это время А. Д. Галаховъ, преподававшій русскій языкъ и словесность въ Николаевскомъ институтѣ для оберъ-офицерскихъ дочерей-сиротъ, состоявшемъ при Московскомъ Воспитательномъ домѣ, отказался отъ нѣкоторой части своихъ уроковъ и въ сотрудники себѣ рекомендовалъ А. О.

Армфельду, тогдашнему инспектору института, Петра Николаевича, съ которымъ незадолго передъ тѣмъ познакомился черезъ В. Г. Бѣлинскаго.

Поступивъ въ 1840 г. учителемъ русскаго языка въ институтъ, Петръ Николаевичъ сперва преподавалъ только въ младшихъ классахъ, но потомъ Галаховъ и онъ условились, что каждый изъ нихъ будетъ вести своихъ ученицъ до послѣдняго класса. Благодаря стараніямъ обоихъ преподавателей и содѣйствію инспектора Армфельда, очень образованнаго и гуманнаго человѣка, прежнее схоластическое преподаваніе русской словесности было замѣнено новымъ, при которомъ вмѣсто затверживанья теоріи литературы, т.-е. перечня различныхъ видовъ произведеній, ученицы знакомились съ самыми произведеніями. По инпціативѣ обоихъ преподавателей были введены литературные вечера; здѣсь Галаховъ и Петръ Николаевичъ читали передъ своими ученицами лучшія произведенія Пушкина, Лермонтова и Гоголя, о которыхъ до сихъ поръ онѣ знали только по слухамъ. Ученицы скоро полюбили своего молодого учителя за его талантливое преподаваніе, деликатное обращеніе, снисходительность и готовность помочь имъ словомъ и дѣломъ. Съ другой стороны, отношенія его къ начальницѣ института Л. А. Цеймернъ, къ инспектору А. О. Армфельду и къ товарищамъ по службѣ были самыя дружескія. Это зависѣло столько же отъ характера Петра Николаевича, сколько и отъ счастливаго подбора лицъ, служившихъ въ то время въ институтѣ. Тѣмъ тяжелѣе было для него, послѣ четырехлѣтняго преподаванія въ институтѣ, разставаться съ своими сослуживцами и ученицами въ 1844 г., когда онъ, спѣша окончить свою диссертацію, рѣшился оставить всѣ другія занятія.

Было упомянуто, что первая повѣсть Петра Николаевича *Катенька Пылаева* была написана имъ, когда онъ былъ еще на старшемъ отдѣленіи семинаріи, и напечатана въ 1836 г. въ *Телескопѣ* Надеждина. Въ первые годы студенчества онъ написалъ и помѣстилъ въ томъ же журналѣ повѣсть *Антонина* и въ *Московскомъ Наблюдателѣ*, выходившемъ подъ редакціей Бѣлинскаго, повѣсти *Двѣ страсти* и *Одни сутки изъ жизни холостяка*. Затѣмъ слѣдуетъ продолжительный перерывъ, и только въ послѣдній годъ пребыванія въ университетѣ онъ помѣстилъ въ томъ же журналѣ небольшой разсказъ *Флейта*, въ которомъ авторъ очень удачно изобразилъ чувство отроческой любви. Бѣлинскій пришелъ отъ него въ восторгъ и въ своемъ ежегодномъ обозрѣніи русской литературы указывалъ на него какъ на выдающееся произведеніе. Въ то же время онъ писалъ В. П. Боткину: «Кудрявцевъ написалъ мнѣ новую повѣсть *Флейта*—чудную вещь. Она вырвала у меня нѣсколько слезъ и расшевелила змѣю воспоминанія. Цѣлый день душа моя плавала въ музыкѣ, состоявшей немного изъ диссонансовъ, но больше изъ грустной мелодіи. Съ Кудрявцевымъ я схожусь все болѣе и болѣе. Онъ доказываетъ мнѣ возможность для меня новой дружеской связи во всей обширности этого слова. Чудная глубокая душа!»

По выходѣ изъ университета Петръ Николаевичъ написалъ цѣлый рядъ повѣстей, которыя помѣщалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* Краевскаго. Бѣлинскій, который принималъ тогда дѣятельное участіе въ редакціи этого журнала, завѣдуя его критическимъ отдѣломъ, былъ особенно доволенъ повѣстью *Звѣзда* и писалъ Петру Николаевичу по поводу ея слѣдующее: «Вотъ уже мѣсяца два, прочтя вашу *Звѣзду*, я горю къ вамъ непреодолимою любовью. Два раза видѣлъ во снѣ, что вы пріѣхали въ Питеръ. Съ чего-то вообразилось мнѣ, что вы непремѣнно должны пріѣхать. Я плавалъ въ созерцаніи вашей благоуханной, граціозной и милой личности, жаждалъ видѣть васъ и говорить съ вами. Мнѣ смертельно хочется сказать вамъ, какъ много, много люблю я васъ. Прочтя вашу повѣсть въ рукописи, я сказалъ Краевскому: «Прекрасно, но не для нашей публики». Прихожу къ нему другой разъ—сидитъ и правитъ корректуру. «Съ чего вы взяли, что не для нашей публики? Чудо что такое! Это просто прелесть! У Лермонтова сила, у Кудрявцева грація!» На языкѣ Краевскаго это много значитъ. Лермонтовъ у него мѣрка всего великаго. У меня такъ и забилось сердце. Похвала вашей повѣсти—музыка для моихъ ушей; холодный отзывъ—оскорбленіе, и потому я избѣгаю случая говорить или спорить о нихъ. Какой вамъ чортъ сказалъ, что Краевскому ваша *Звѣзда* не нравится? Съ чего вы вздумали писать новую, какъ будто въ вознагражденіе за старую? Если новая только не будетъ хуже *Звѣзды*, такъ она будетъ роскошный, благоуханный цвѣтокъ; а если лучше, то я съума сойду отъ нея. Ну и *Звѣзда!* Какая оригинальность, какой совершенно новый міръ, какой фантастическій флеръ наброшенъ на дѣйствіе, какіе характеры, что за дивное созданіе эта бѣдная болѣзненная дѣвушка! Ваше фантастическое я ставлю выше гофмановскаго,—оно взято изъ дѣйствительнаго міра. Вы открываете новую сторону русской жизни. Я бы не кончилъ, если бы вздумалъ все высказать о *Звѣздѣ*».

«Вы знаете,—писалъ Петръ Николаевичъ къ г-жѣ Якобсонъ,—что женщина есть альфа и омега всей моей литературной дѣятельности». Дѣйствительно, темою лучшихъ повѣстей его было положеніе женщины въ тогдашней русской семьѣ, ея подчиненность и страданіе отъ близкихъ ей людей. Такъ какъ главное дѣйствующее лицо обыкновенно погибаетъ подъ гнетомъ тяжелыхъ условій семейной жизни, то повѣсти Петра Николаевича производятъ на читателя грустное, тяжелое впечатлѣніе. Предпочтеніе, которое авторъ оказывалъ такимъ сюжетамъ, объясняется тѣмъ, что его нравственное чувство было возмущено нѣсколькими дѣйствительными фактами, имѣвшими мѣсто въ той средѣ, къ которой онъ принадлежалъ по рожденію и воспитанію. Въ этомъ отношеніи замѣчательна его повѣсть *Безъ разсвѣта*, написанная въ Берлинѣ и напечатанная въ *Современникѣ* за 1847 г. Сюжетомъ для нея послужило несчастное замужство его кузины, которая была очень дружна съ авторомъ и воспитывалась подъ его вліяніемъ. Она была выдана отцомъ, противъ ея желанія, за человѣка, который не отличался нравственными достоинствами, между тѣмъ какъ сама любила др-

гого. Сдѣлавшись жертвою отцовскаго деспотизма, она умерла послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжелой жизни съ нелюбимымъ человѣкомъ.

Повѣсть *Безъ разсвѣта* замѣчательна и въ другомъ отношеніи. При первомъ появленіи ея въ печати она вызвала со стороны Бѣлинскаго такіе же восторженные отзывы, какъ и прежнія повѣсти. Онъ горячо отстаивалъ свое мнѣніе передъ друзьями, которые не находили въ ней большихъ достоинствъ. Но, спустя нѣкоторое время, Бѣлинскій, подъ впечатлѣніемъ отъ романа Гончарова *Обыкновенная исторія*, измѣнилъ свое мнѣніе и сталъ находить большіе недостатки не только въ повѣсти *Безъ разсвѣта*, но и вообще въ повѣстяхъ Петра Николаевича. Впрочемъ, Бѣлинскій и теперь не отказывалъ автору ихъ въ талантѣ, но объяснялъ эти недостатки «узкимъ міросозерцаніемъ его, какъ москвича». Эти отзывы скоро были переданы Петру Николаевичу и сдѣлали то, что онъ вдругъ охладѣлъ къ художественному творчеству и даже не окончилъ своей повѣсти *Сбоевъ*, которой первая часть явилась въ *Отечественныхъ Запискахъ* почти одновременно съ повѣстью *Безъ разсвѣта*.

Помѣщая свои повѣсти въ журналахъ, Петръ Николаевичъ никогда не подписывалъ подъ ними своей настоящей фамиліи, но скрывалъ ее подъ псевдонимомъ *А. Нестроевъ* или подъ иниціалами его *А. Н.* Съ одной стороны, онъ не желалъ, чтобъ объ его литературныхъ работахъ зналъ его отецъ, который могъ думать, что онѣ отвлекаютъ его отъ прямыхъ его обязанностей, а съ другой—онъ никогда не придавалъ большого значенія своимъ повѣстямъ и смотрѣлъ на свои литературныя работы какъ на пріятный отдыхъ отъ болѣе серьезныхъ занятій наукою. Онъ не стремился къ литературной славѣ и былъ доволенъ, по его собственнымъ словамъ, «если его повѣсть будетъ прочитана безъ скуки». Сестры его долго не знали, кто авторъ тѣхъ повѣстей, которыя онъ давалъ имъ читать и о которыхъ спрашивалъ ихъ мнѣнія. Только познакомившись съ Галаховымъ, онѣ узнали отъ него, кто былъ А. Нестроевъ. Замѣчательно, что Петръ Николаевичъ не открылъ своего псевдонима даже издателю *Телескопа* Надеждину. Получивъ черезъ третье лицо первую повѣсть Нестроева для помѣщенія ея въ *Телескопъ*, онъ черезъ то же лицо отвѣчалъ автору слѣдующею запискою: «Издатель *Телескопа* благодаритъ почтеннаго незнакомца за пріятную присылочку. Она будетъ напечатана въ 4-й книжкѣ. Ему бы пріятно было лично узнать сочинителя, лично поблагодарить за подарокъ и попросить о неоставленіи впредь. Но если тайна должна остаться непроницаемою, онъ остается съ пріятною надеждою, что знакомство ихъ будетъ всегда продолжаться». Первымъ, кто узналъ, что подъ фамиліей А. Нестроевъ пишетъ Петръ Николаевичъ, былъ Бѣлинскій, лично познакомившійся съ нимъ въ то время, когда былъ редакторомъ *Московскаго Наблюдателя*.

Въ 1839 году Бѣлинскій, уѣзжая въ Петербургъ на жительство, предложилъ Петру Николаевичу, тогда еще студенту, быть сотрудникомъ Галахова по составленію критическихъ статей и рецензій о выходившихъ въ

Москвѣ книгахъ для *Отечественныхъ Записокъ* и *Литературной Газеты*, которыя издавались тогда Краевскимъ. По условію съ редакторомъ, оба рецензента обязывались печатать свои статьи въ изданіяхъ Краевскаго безъ всякой подписи. Съ этихъ поръ начинается постоянное сотрудничество Петра Николаевича въ критическомъ отдѣлѣ этихъ изданій. Между прочимъ, ему принадлежатъ въ нихъ статьи объ *Учебной книгѣ русской словесности Греча,* о сочиненіи Голохвастова—*Осада Троицкой лавры*, о сочиненіяхъ Языкова, Полонскаго, Фета и Мерзлякова. О рецензіяхъ Петра Николаевича Галаховъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* *) говоритъ такъ: «Отличительные признаки ихъ—вѣрность приговора и художественная обработка, не допускавшая ничего грубаго, рѣзкаго, неровнаго, всегда сохранявшая разумную мѣру и просвѣщенное приличіе. Въ этихъ качествахъ обнаруживался тоже рѣдкій талантъ,—талантъ благоразумія и граціи, запрещавшій прибѣгать къ насмѣшкамъ и ѣдкости, обыкновеннымъ орудіямъ многихъ критиковъ. Но тотъ ошибся бы, кто приписалъ бы наружную безобидность отзывовъ Кудрявцева неспособности его обличить невѣжество и пошлость».

Бѣлинскій, упоминая въ письмѣ къ Петру Николаевичу объ одной изъ его рецензій, говоритъ слѣдующее: «Не сердитесь ли вы на меня за то, что я напечаталъ вашу прекрасную статью въ гнусной Коневской газетишкѣ **)? Мнѣ было жаль думать, что она не будетъ напечатана и Морошкинъ не съѣстъ вашей оплеухи. Вотъ какъ надо писать рецензіи. Вашъ слогъ приводитъ меня въ отчаяніе: я завидую вамъ и жалѣю, что вы ничего не издаете, чтбы я могъ васъ разругать».

Печатая свои критическія статьи о стихотворныхъ сборникахъ, выходившихъ тогда чуть не десятками, Петръ Николаевичъ считалъ своимъ долгомъ поощрять сочувственными отзывами тѣхъ изъ авторовъ ихъ, у которыхъ замѣчалъ несомнѣнный талантъ, и снисходительно относиться къ такимъ недостаткамъ ихъ стихотвореній, которые объяснялись ихъ литературною неопытностью. Такъ, его критическія статьи о стихотвореніяхъ Полонскаго и Фета, только что выступавшихъ тогда на литературное поприще, обратили на ихъ талантъ вниманіе публики. Но, оказывая покровительство талантливымъ поэтамъ, Петръ Николаевичъ не ограничивался одними сочувственными отзывами: онъ искалъ случая завязать съ ними личное знакомство, которое давало бы ему возможность будить ихъ творческую мысль, ободрять при случайныхъ неудачахъ и, такъ сказать, присутствовать при самомъ ихъ творчествѣ. Критическая его дѣятельность и тонкое пониманіе поэтическихъ произведеній (не даромъ Бѣлинскій любилъ вмѣстѣ съ нимъ читать поэтовъ) давали ему право обращаться къ нимъ

*) *А. Галаховъ:* „Воспоминанія о П. Н. Кудрявцевѣ“. *Русскій Вѣстникъ* 185[illegible] г., стр. 640.

**) Т.-е. въ *Литературной Газетѣ*, которая была продана Краевскимъ К[illegible]. Мнѣ неизвѣстно, какое сочиненіе Морошкина разбиралъ Петръ Николаевичъ въ [illegible]ой рецензіи.

съ указаніями и совѣтами, и онъ пользовался этимъ правомъ въ ихъ интересахъ. Словомъ, трудно найти другого критика, который относился бы къ начинающимъ поэтамъ съ такимъ же доброжелательствомъ, какое видимъ у Петра Николаевича.

Черезъ два года по окончаніи университетскаго курса П. Н. Кудрявцевъ съ большимъ успѣхомъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра всеобщей исторіи и принялся за диссертацію на предложенную ему факультетомъ тему: *Папство и Священная Римская имперія въ IX, X, XI и началѣ XII вѣка.* Но такъ какъ уроки въ Николаевскомъ институтѣ и сотрудничество въ *Отечественныхъ Запискахъ* отнимали у него слишкомъ много времени, то диссертація его подвигалась впередъ медленно. Между тѣмъ въ 1843 г. состоялось высочайшее соизволеніе на командировку даровитѣйшихъ молодыхъ людей для усовершенствованія въ наукахъ. Графъ С. Г. Строгановъ рекомендовалъ министру народнаго просвѣщенія для этой цѣли между другими молодыми людьми и П. Н. Кудрявцева. Чтобы поскорѣе окончить диссертацію и воспользоваться рекомендаціей, онъ оставилъ службу въ институтѣ, почти безвыходно работалъ надъ своимъ сочиненіемъ и весною 1844 г. представилъ его на разсмотрѣніе факультета. Но въ это время случилось одно обстоятельство, котораго онъ никакъ не могъ ожидать и которое, однако, задержало его почти на цѣлый годъ въ Москвѣ. Вотъ какъ самъ Петръ Николаевичъ разсказываетъ о немъ въ письмѣ къ своей бывшей ученицѣ: «Я представилъ свою работу кому слѣдуетъ... Но, между тѣмъ, я узнаю страшныя вещи: графъ Строгановъ, который вызвалъ меня на это дѣло, послѣ одного довольно искренняго разговора со мною (по крайней мѣрѣ, съ моей стороны), пришелъ къ заключеніямъ, что отправленіемъ моимъ за границу надо пріостановиться. Дѣло въ томъ, что онъ полюбилъ меня (какой обязательный человѣкъ!) за мою искренность, но ему не нравится мой образъ мыслей». А. Д. Галаховъ, разсказывая объ этомъ *), прибавляетъ: «Нельзя ли выраженнаго попечителемъ мнѣнія объяснить неодобрительнымъ отзывомъ какого-либо профессора, разсматривавшаго диссертацію? Это очень могло быть при господствѣ въ наукѣ и литературѣ того времени двухъ противоположныхъ воззрѣній: славянофильства и западничества. Петръ Николаевичъ вполнѣ принадлежалъ къ западникамъ и слѣдовательно не пользовался расположеніемъ славянофиловъ, въ числѣ которыхъ находились и профессоры». Догадка Галахова весьма правдоподобна. Въ это самое время С. П. Шевыревъ, разсматривавшій въ числѣ другихъ профессоровъ диссертацію Петра Николаевича, не одобрилъ ее, находя, что взгляды автора не согласны съ ученіемъ православной церкви, и требовалъ, чтобы, по крайне[й] мѣрѣ, одна часть ея, именно введеніе, была измѣнена авторомъ. Объ эт[омъ] Т. Н. Грановскій извѣщалъ Петра Николаевича въ слѣдующихъ сло-

---

*) *А. Галаховъ:* „П. Н. Кудрявцевъ въ 1842--45 годахъ“. *Русская Старина* 18[..] г., январь, стр. 57.

вахъ: «Диссертація ваша у Шевырева, которому я объ ней говорилъ. Вамъ нужно будетъ побывать у него тотчасъ по выздоровленіи. Онъ совѣтуетъ передѣлать введеніе: говоритъ, что вы трудились много и добросовѣстно, но что вашъ образъ мыслей совершенно ложный, ибо—не сходенъ съ его воззрѣніями». Въ другой разъ Грановскій пишетъ: «Я получилъ недавно новое доказательство прямоты С. П. Шевырева. Онъ сказалъ *безъ меня* въ засѣданіи факультета, что я экзаменовалъ васъ, по обычаю своему, въ тихомолку. Негодяй! Разорвите эту записку, а съ Шевыревымъ я объяснюсь лично. Теперь И. И. Давыдовъ, кажется, поссорился съ Шевыревымъ и говоритъ, что онъ *коварный человѣкъ*. Смѣшно, и грустно, и досадно. При первой возможности уѣду въ деревню и не выѣду оттуда».

Чтобы не оставить Петра Николаевича совсѣмъ безъ занятій, ему было предложено гр. Строгановымъ читать лекціи по русской исторіи; но Петръ Николаевичъ, чувствуя себя неготовымъ къ этому дѣлу, отклонилъ предложеніе попечителя и, въ то же время, не желая измѣнять что-либо въ своей диссертаціи, взялъ ее обратно изъ факультета. Не состоя болѣе на государственной службѣ и живя только журнальной работой, онъ сильно нуждался въ матеріальныхъ средствахъ, но, несмотря на то, не хотѣлъ посвящать своего отца во всѣ обстоятельства дѣла и обращаться къ нему за помощью, боясь огорчить его или даже вызвать съ его стороны порицаніе своимъ дѣйствіямъ. Еще тяжелѣе было его нравственное положеніе вслѣдствіе испытанныхъ неудачъ и неопредѣленности отношеній къ университету. «Знаю я,—писалъ онъ въ это время,—пути, которыми можно было бы пройти скорѣе и безопаснѣе, но въ душѣ много гордости, чтобы наклоняться этотъ разъ до низкаго искательства. Пусть будетъ, что будетъ; я же останусь тѣмъ, чѣмъ былъ». Но между тѣмъ, какъ самъ Петръ Николаевичъ отказывался предпринимать какія-либо мѣры, чтобы выйти изъ затрудненій, Грановскій, принимавшій въ немъ горячее участіе, совѣтовалъ дѣйствовать рѣшительно. «Зачѣмъ же вы,—писалъ онъ,—не хотите сходить къ графу и сказать ему просто, что вамъ нельзя жить безъ жалованья, объяснивъ притомъ ваше прежнее положеніе. Я также побываю у него и поговорю съ нимъ съ своей стороны. Если же послѣдняя попытка будетъ безуспѣшна, то вы возьмете казенное мѣсто, а графъ останется дряннымъ человѣкомъ». Неизвѣстно, самъ ли Петръ Николаевичъ объяснялся съ гр. Строгановымъ, или это сдѣлалъ за него Грановскій, но результатъ объясненія былъ какъ нельзя болѣе благопріятнымъ для Петра Николаевича: попечитель съ этихъ поръ сталъ относиться къ нему съ прежнею благосклонностью и теперь уже самъ торопилъ его отъѣздомъ за границу, предложивъ ему писать тамъ новую диссертацію *),

---

*) Вторая диссертація П. Н. Кудрявцева носитъ названіе: *Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ*. Онъ писалъ ее частью за границей, частью въ Москвѣ, и защищалъ въ Московскомъ университетѣ въ 1850 г. Она помѣщена въ 3-мъ томѣ *Сочиненій П. Н. Кудрявцева*, изданныхъ книгопродавцемъ Карцевымъ.

чтобы защищать ее по возвращеніи въ Москву. Такъ окончились всѣ эти затрудненія, и 26 марта 1845 г. Петръ Николаевичъ выѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ оттуда продолжать свой путь въ Берлинъ.

Письма П. Н. Кудрявцева показываютъ, съ какой нѣжною любовью относился онъ къ своимъ близкимъ. Особенно это участіе его проявлялось въ тѣхъ случаяхъ, когда доходила до него вѣсть о болѣзни или смерти, случившейся въ семьѣ кого-нибудь изъ нихъ. Зная, съ какимъ интересомъ они слѣдили за его путешествіемъ, онъ подробно, изо дня въ день, описываетъ имъ свою заграничную жизнь и свои университетскія занятія. Такъ какъ Петръ Николаевичъ писалъ къ людямъ, стоявшимъ вдали отъ университетской науки, то напрасно было бы искать въ его письмахъ подробной характеристики университетскаго преподаванія или оцѣнки ученыхъ мнѣній тогдашнихъ профессоровъ. Онъ только вскользь касается преподаванія, но за то сообщаетъ любопытныя подробности объ университетскихъ порядкахъ и рисуетъ живые портреты нѣкоторыхъ ученыхъ знаменитостей того времени. Кромѣ того, во время частыхъ поѣздокъ по различнымъ странамъ Западной Европы, онъ не перестаетъ дѣлиться своими впечатлѣніями съ родными, описывая природу, историческіе памятники, произведенія искусствъ и общественную жизнь тѣхъ странъ, которыя посѣщалъ. Конечно, все это не ново и десятки разъ было описано другими путешественниками; но въ этихъ живыхъ и нерѣдко увлекательныхъ очеркахъ такъ много любви къ природѣ, тонкаго художественнаго вкуса и симпатіи къ лучшимъ проявленіямъ европейской культуры, что они характеризуютъ столько же описываемые предметы, сколько и самого автора. Такимъ образомъ письма Петра Николаевича даютъ возможность ближе познакомиться съ его личностью даже тѣмъ, которые до сихъ поръ знали о немъ только по его сочиненіямъ или по разсказамъ другихъ.

П. Копосовъ.

С.-Петербургъ, 1845 г., мар. 30.

Любезный батюшка! Я спѣшу писать къ вамъ не столько для того, чтобъ извѣстить васъ о себѣ, сколько для того, чтобы благодарить и благодарить васъ за всю вашу добрую попечительность обо мнѣ. Въ послѣдніе дни особенно—я не знаю, была ли у васъ минута, въ которую бы ваша заботливость не была обращена на меня. По этому-то особенно тяжело было мнѣ разставаться съ Москвою: передъ отъѣздомъ больше, чѣмъ когда-нибудь, увидалъ я, какою любовью былъ окруженъ со всѣхъ ...оронъ. Такой любви и такой доброты мнѣ не видать ужъ долго. Благо...ю васъ, благодарю сестеръ моихъ, благодарю всѣхъ родныхъ моихъ. ...нѣ бы хотѣлось говорить объ этомъ много и долго, но словами ничего ...прибавишь.

Петербургъ мнѣ уже знакомъ и потому не удивляетъ меня больше. ...дивляетъ меня только то, что я уже больше не въ Москвѣ и даже по-

ѣду отсюда не въ Москву. Чувствуешь, что жизнь какъ-то переломилась на-двое, и теперь началась вторая половина. Не смотрю на будущее, потому что его не знаю, и все еще съ охотою возвращаюсь мыслью къ прошедшему. Между тѣмъ начинаю хлопотать по дѣламъ. Сегодня былъ у графа *), котораго впрочемъ не видалъ, потому что онъ никого не принималъ. Завтра долженъ буду повторить тотъ же визитъ, безъ чего не могу простираться вдаль: можетъ быть графъ дастъ мнѣ совѣтъ. Очень боюсь, что отъѣздъ мой отсюда оттянется. Конечно, сегодня только второй день, какъ я въ Петербургѣ, но такъ много еще остается сдѣлать впереди,—я хочу сказать, что пока еще ровно ничего не успѣлъ сдѣлать. Сынъ вашъ Петръ К.

С.-Петербургъ, 1845 г., апр. 10.

Любезный батюшка! Только нынѣ собрался я писать къ вамъ въ отвѣтъ на ваше письмо,—и кажется уже въ послѣднiй разъ изъ Петербурга. Еще разъ благодарю васъ за все, но я бы желалъ, чтобы вы были спокойны на счетъ меня. Довольно вамъ было безпокойства и передъ моимъ отправленiемъ; теперь вамъ нужно и отдохнуть сколько-нибудь. Въ моемъ теперешнемъ положенiи больше скучнаго, чѣмъ непрiятнаго, но и самая скука разсѣевается безпрерывнымъ развлеченiемъ. У меня нѣтъ дня, который бы я просидѣлъ дома. Брожу съ утра до вечера по Петербургу то по дѣламъ, то по другимъ надобностямъ. Въ Петербургѣ такъ много надобно видѣть, что самому себѣ остается очень мало времени. Одна Публичная библiотека, напримѣръ, взяла у меня за два раза болѣе шести часовъ. И есть чтò посмотрѣть! Я ужъ не говорю объ этомъ богатѣйшемъ собранiи книгъ, которое занимаетъ здѣсь цѣлые три этажа большого зданiя; меня особенно заняли драгоцѣнныя древнiя рукописи на всевозможныхъ языкахъ. Рыться въ этихъ рѣдкостяхъ мнѣ было тѣмъ больше простору, что хранителемъ ихъ мой хорошiй прiятель и товарищъ по университету—Бычковъ, у котораго часто и ночую. Въ другомъ родѣ интересно было для меня путешествiе по Эрмитажу, въ который я могъ, наконецъ, проникнуть благодаря одному художнику, моему прежнему московскому знакомому. Съ величайшимъ удовольствiемъ провелъ я тамъ два часа, и, разумѣется, мало. Но я забылъ сказать вамъ о томъ, что называю своими *дѣлами*. Я успѣлъ привести ихъ къ окончанiю. Еще въ прошлую субботу мнѣ выдали изъ канцелярiи здѣшняго губернатора заграничный паспортъ. Между тѣмъ графъ давно уже торопилъ меня отъѣздомъ, почему я и взялъ еще на прошлой недѣлѣ билетъ въ почтовой каретѣ на 13 число. Непрiятно провести праздникъ въ дорогѣ; этого со мной никогда не бывало. Но мнѣ жаль пропадающаго времени, да и надоѣла суетливая жизнь въ Петербургѣ. Кружишь съ утра до вечера, и только ночью видишь покой. Прощайте и прощайте. Уѣзжая изъ Петербурга, я какъ будто во второй разъ уѣзжаю изъ Москвы: это потому, что здѣсь долженъ проститься со всѣмъ русскимъ. Сынъ вашъ П. К.

*) Т.-е. у графа С. Г. Строганова, который въ это время былъ въ Петербургѣ.

Таурогген, 1845 г., апр. 20.

Любезный батюшка, любезные друзья мои! Чтобы предупредить всякое ваше безпокойство, спѣшу написать къ вамъ съ дороги нѣсколько словъ. Не требуйте подробностей,—некогда: главное, я пріѣхалъ въ Таурогген, и—пока здоровъ. Дорогою пришлось потерпѣть много, какъ я и ожидалъ: отъ Петербурга до Таурoггена тянулись мы цѣлую недѣлю: 13 въ 7 час. я выѣхалъ изъ Петербурга, 20 въ то же время въѣхалъ въ Таурогген, испытавъ почти всѣ роды ѣзды, кромѣ желѣзной дороги. До Риги ѣхали мы въ почтовой каретѣ, т.-е. взяли мѣсто до Риги, но за Дерптомъ пришлось бросить его и съ каретою, которая увязла въ грязи. Это было вечеромъ, въ первый день праздника. Ночь мы просидѣли (на одномъ мѣстѣ) въ каретѣ, а утромъ поѣхали на перекладныхъ, и ужъ начинали было привыкать къ этому роду ѣзды, какъ въ понедѣльникъ вечеромъ пошелъ дождь и мочилъ насъ двѣ станціи, такъ что мы, пассажиры, рѣшили остаться, отпустивъ кондуктора съ почтою. Поэтому я и не могъ, прибывши на другой день въ Ригу вечеромъ, тотчасъ отправляться далѣе въ почтовой каретѣ, гдѣ было мнѣ оставлено мѣсто. Приходилось прожить въ Ригѣ до 23 числа. Тогда мнѣ присовѣтовали ѣхать до Митавы въ дилижансѣ, а отсюда взять подорожную и ѣхать опять на перекладныхъ. Я такъ и сдѣлалъ. Въ Тауроггенѣ я рѣшился отдохнуть, чтобы завтра уже переѣхать границу. Дѣло, кажется, просто, однако нельзя безъ какого-то тревожнаго чувства подумать о немъ... Когда будете писать ко мнѣ (я говорю ко всѣмъ вообще), не забудьте сказать хоть нѣсколько словъ и о томъ, какъ проводили вы праздникъ. У меня его не было; у васъ тоже, я думаю, не былъ онъ очень веселъ; однако, все бы мнѣ хотѣлось узнать, что̀ и какъ. Въ первый день праздника я былъ въ такой сторонѣ, что не съ кѣмъ было и похристосоваться. Утромъ мы ѣхали по берегу Пейпуса; часовъ въ 8 остановились на станціи, называемой Торма (верстъ 40 отъ Дерпта); здѣсь подошелъ ко мнѣ кондукторъ и подалъ мнѣ красное яйцо. Мы похристосовались. Потомъ въ Ригѣ я встрѣтилъ русскаго священника, который указалъ мнѣ русскую церковь. Вотъ и весь мой праздникъ.

О здоровьѣ моемъ прошу не безпокоиться: оно совсѣмъ не такъ худо, какъ вы боитесь, любезный батюшка, и дорогою укрѣпляется еще болѣе. Надоѣла только бездомовная, кочующая жизнь, а впрочемъ, кажется, ужъ начинаю привыкать и къ ней. Впереди, т.-е. въ Пруссіи, обѣщаютъ менѣе неудобствъ. Рѣки прошли; нѣкоторыя изъ нихъ мы переѣзжали на паромахъ (черезъ Лугу, Аа и друг.); черезъ Двину я ѣхалъ съ своею клажею въ ботикѣ подъ парусомъ.

Данцигъ, 1845 г. апр. 23 (мая 5).

Едва имѣю нѣсколько досужихъ минутъ, однако, пишу вамъ, любезн[illegible]е друзья, чтобы дать вамъ о себѣ извѣстіе. Вы можете сколько угодно у[illegible]вляться, узнавъ, что я въ Данцигѣ, а мнѣ право некогда. Едва нашелъ в[illegible]мя маленькому восторгу при видѣ этого замѣчательнаго стараго гор[illegible]а, отъ котораго такъ и вѣетъ средними вѣками, въ которомъ новое

богатство все еще прикрыто грандіозною старою одеждой. Въ своемъ родѣ—чудесный городъ! Я радъ, что попалъ въ него хоть на нѣсколько часовъ,—а какъ попалъ, узнаете изъ слѣдующаго. Третьяго дня (это было въ субботу на Святой) въ четверть десятаго утра мы переѣхали границу. Это была нѣсколько тяжелая минута. Отсюда въ почтовой каретѣ поѣхали мы въ Тильзитъ, что̀ стоитъ 3 талера. Въ Тильзитѣ мы оставались до вечера и отправились въ 6 часовъ опять съ почтой. Это учрежденіе здѣсь превосходно въ высшей степени. Вы можете отправляться въ почтовой каретѣ каждый день; есть даже нѣсколько родовъ почты. У васъ не спрашиваютъ ни подорожныхъ, ни паспортовъ, а спрашиваютъ только ваше имя и берутъ деньги. Ѣдутъ развѣ немного тише нашего, запрягая четыре лошади цугомъ (двѣ переднія безъ форейтора). Такъ пріѣхали мы въ Кенигсбергъ. Это старый городъ, который мало нравится. Замѣчательнаго въ немъ немного. Самая важная замѣчательность на мои глаза—старый за̀мокъ отъ рыцарскихъ временъ съ высокою башней, куда я влѣзалъ и откуда видѣлъ весь городъ. Такъ прошелъ день, плаксивый, грязный. Сегодня утромъ въ шесть часовъ я уже былъ на ногахъ и черезъ два часа отправился въ Данцигъ—на пароходѣ, моремъ (это сто̀итъ 3 талера). Любезныя мои сестры, вы опоздали пугаться, потому что мое морское путешествіе уже кончилось, и я нахожу, что это самый лучшій и самый пріятный способъ путешествія. Мы пробыли на водѣ ровно 10 часовъ; обѣдъ держали подъ открытымъ небомъ, на палубѣ; угрожала буря, но прошла стороною. Какъ только пріѣхали въ городъ, я бросился бѣгать по улицамъ и, несмотря на дождь, который лилъ довольно немилосердно, простоялъ нѣсколько минутъ передъ двумя старинными церквами съ огромными башнями чистаго готическаго стиля, съ видимою печатью нѣсколькихъ вѣковъ, которые пронеслись надъ ними и придали имъ мрачный, черный колоритъ. По главной улицѣ прошелъ нѣсколько разъ. Чудо улица, но разсказывать некогда.

Любезный батюшка! Извините меня, что я пишу къ вамъ безъ подробностей; меня можетъ оправдать, кажется, недостатокъ времени. Денегъ трачу много, потому что, хотя здѣсь все дешево, но за все надо заплатить—immer bezahlen. Дорогою почти износился; много уже и бѣлья накопилось; не послать ли къ вамъ, чтобы нянька и Дарья вымыли? Поѣдемъ мы отсюда на Штетинъ съ почтою (это сто̀итъ 12½ талеровъ), а оттуда уже на Берлинъ, гдѣ вѣроятно, будемъ черезъ два дня. Говорю *мы*, потому что насъ двое: я и одинъ кандидатъ Дерптскаго университета, съ которымъ я встрѣтился на границѣ и который также ѣдетъ въ Берлинъ. Но вотъ что̀ забавно: онъ не говоритъ по-русски, я плохо лепечу по-нѣмецки, такъ мы изъясняемся на-французскомъ языкѣ... Двое русскихъ!! Прощайте. Опять некогда. Вотъ уже скоро 11 часовъ; завтра въ 6 утра надо ѣхать. Ужъ поскорѣе бы на мѣсто.

Берлинъ, 1845 г., апр. 26 (мая 3).

Наконецъ—конецъ. Вотъ ужъ другой день, какъ я въ Берлинѣ, и [illegible]-

чинаю думать, какъ бы приняться за дѣло. *Начинаю*, потому что конецъ, о которомъ я сказалъ, есть только начало, а начинать всегда такъ трудно. Вы скажете оканчивать труднѣе: и то правда. Что касается до моего начала, то для него я еще пока ничего не сдѣлалъ; все только приглядываюсь. Не то чтобы мнѣ было очень дико въ Берлинѣ: здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ, въ которыхъ успѣлъ я перебывать (я разумѣю большіе города), но есть что-то неловкое въ моемъ положеніи. И знаете ли, гдѣ особенно чувствуешь себя неловко? Въ этихъ почти великолѣпныхъ отеляхъ, въ которыхъ по необходимости останавливаешься. Ни къ чему подобному мы не привыкли; простота намъ бы шла лучше. Я стою въ Hôtel de Brandenbourg; въ моей комнатѣ есть большое зеркало, коммодъ, превосходное бюро, кровать, диванъ, шкафъ для платья, машина съ газомъ для добыванія огня—все, что̀ вамъ угодно; но мнѣ ужъ ничего такъ не хочется, какъ найти бы поскорѣе простую комнату, да расположиться въ ней по-своему.

Разскажу вамъ мой нынѣшній день въ Берлинѣ. Утромъ кофе; чай, какъ роскошь, я уже позволяю себѣ только вечеромъ. Потомъ туалетъ; потомъ покупаю себѣ шляпу, которую мнѣ тотчасъ принесли на домъ, какъ только я изъявилъ желаніе имѣть ее. Ну, это немножко дорого. Чудесный день, ѣдемъ на главную улицу, гдѣ и знаменитый бульваръ Unter den Linden. Это нѣчто вродѣ Невскаго проспекта, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь по срединѣ бульваръ, котораго тамъ нѣтъ. Липы не подстрижены, какъ у насъ, а растутъ по волѣ, и что всего важнѣе—уже распустились. Въ той же улицѣ, лишь оканчивается бульваръ, начинаются главныя зданія—украшеніе города: академія, университетъ, музей, театръ, наконецъ Schloss—за̀мокъ, или старинный дворецъ, немного похожій на петербургскій зимній, но старѣе. Черезъ него проходятъ насквозь и приходятъ къ Шпре, которая катитъ (а правду сказать и не катитъ: вода въ ней какъ будто стоячая) свои грязныя волны въ ужасной тѣснотѣ. Черезъ рѣку идетъ мостъ; на немъ превосходный памятникъ курфирсту Фридриху-Вильгельму. За мостомъ начинается большая улица Königsstrasse; здѣсь почтамтъ. Для меня это самое важное мѣсто. Справляюсь, нѣтъ ли писемъ изъ Россіи (у меня была маленькая надежда); говорятъ коротко и ясно: нѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ, рано еще. Буду ждать и черезъ день справляться на почтѣ.

Но мнѣ надо уже досказать вамъ. Лишь воротились мы (часу въ 3-мъ), насъ зовутъ за общій столъ. Столъ роскошный, хотя обѣдающихъ и немного; для дессерта—апельсины, а въ заключеніе—сыръ и масло: таковъ е здѣсь порядокъ. Чтобы не терять времени, тотчасъ послѣ обѣда предринимаемъ новую прогулку—туда же. Зашелъ въ университетъ, перечиъ всѣ профессорскія извѣщенія о лекціяхъ и растерялся—Богъ знаетъ, чемъ остановиться. Затѣмъ позѣвалъ еще на магазины, усталъ доволь- и ужъ спѣшилъ домой къ чаю. Послѣ всего—пишу къ вамъ это письмо.

Можетъ быть, вамъ любопытно знать и то, какъ я доѣхалъ до Бер-

лина. Извольте. Изъ Данцига до Штетина, миль пятьдесятъ, въ почтовой каретѣ. Отъ Данцига верстъ на сорокъ дорога идетъ чудесными мѣстами—между двумя рядами высокихъ холмовъ, которые вовсе не грѣхъ назвать и горами, и которые часто расходятся и открываютъ вамъ море, которое пѣнится и плещетъ въ берегъ. Это такъ хорошо, что можно бы выпрыгнуть изъ кареты, еслибы не дождь. Да то-то и бѣда, что дождь льетъ ливмя. Такъ почти до вечера; ночь—въ дорогѣ; въ Штетинъ пріѣхали въ три часа пополудни. Славный городъ,—это уже не Данцигъ: здѣсь болѣе новизны, да едва ли менѣе и богатства. Дома въ новомъ вкусѣ, хотя также высоки. Штетинъ вытянутъ по горѣ; это берегъ Одера; самый же Одеръ загроможденъ судами, какъ Висла въ Данцигѣ. Впрочемъ, по Штетину мнѣ буквально не удалось сдѣлать шагу: изъ почтовой кареты прямо въ такъ называемыя «дрожки», т.-е. легкую коляску,—и на желѣзную дорогу, которая ведетъ отсюда въ Берлинъ. Надобно уже испытать рѣшительно всѣ роды ѣзды. До Берлина считается отсюда 18 миль, и во сколько времени, вы думаете, мы пролетѣли ихъ? Въ четыре часа, т.-е. поѣхали около пяти, а пріѣхали около девяти. Это какой-то волшебный путь: на морѣ вы видите только волны да волны, а здѣсь бѣгутъ у васъ въ глазахъ горы, долы, болота, лѣса, мѣстечки, цѣлые города, и вы только по распустившимся деревьямъ замѣчаете, что перенеслись уже наконецъ въ другую страну. Стòитъ (2-е мѣсто) три талера, да что-то за багажъ. Вообще дорога до Берлина отъ границы стòитъ мнѣ талеровъ сорокъ, между тѣмъ какъ дорога отъ Митавы до Таурогтена (145 верстъ) на перекладныхъ—рублей 20 серебромъ. Считайте, и вы увидите разность. По-моему, нельзя не желать желѣзныхъ дорогъ, особенно тамъ, гдѣ есть огромныя разстоянія и гдѣ ѣзда такъ трудна; словомъ, нельзя не желать, чтобы желѣзныя дороги распространились у насъ.

27 апрѣля (9 мая).

Вотъ вамъ еще доказательство, какъ благодѣтельно это изобрѣтеніе: сегодня въ исходѣ второго я вышелъ изъ дому и воротился въ шесть часовъ; гдѣ же—думаете вы—былъ я? Въ Потсдамѣ, который отъ Берлина въ $3^3/_4$ миляхъ. Паровозы ходятъ отсюда въ Потсдамъ *четыре раза каждый день* и столько же обратно; всей ѣзды въ одинъ конецъ — три четверти часа. Посмотрите же, чтò это за удобство сообщеній. Да не забудьте еще то, что сегодня цѣлый день шелъ частый дождь, а я почти и не замочился. Вотъ какъ это: изъ отели до мѣста отправленія я доѣхалъ въ фіакрѣ или такъ-называемыхъ «дрожкахъ»; потомъ сѣлъ въ вагонъ, который лучше всякой кареты; изъ вагона, по пріѣздѣ въ Потсдамъ, опять въ «дрожки», чтобы доѣхать до колоніи, въ которой живетъ Дормидонтъ В[асильевичъ] *) (она за городомъ). Такимъ же образомъ и обратно. Дормидонтъ Васильевичъ принялъ меня добродушно. Онъ указалъ мнѣ пути, [...]

*) Дормидонтъ Васильевичъ Докучаевъ — священникъ при русской посольской церкви въ Берлинѣ.

которымъ я долженъ ходить, и какъ могу я отыскать пребывающихъ здѣсь русскихъ. Я было и отправился, тотчасъ по возвращеніи изъ Потсдама, отыскивать, по его указанію, этихъ господъ, мнѣ, впрочемъ, незнакомыхъ, какъ встрѣчаю на улицѣ знакомую фигуру. Прошу покорно! Да это нашъ кандидатъ Леонтьевъ*), котораго я и не думалъ найти здѣсь. Тѣмъ лучше. Онъ далъ мнѣ совѣты еще прямѣе и завтра же обѣщался идти со мною, чтобъ отыскать квартиру для меня. Слава Богу, наконецъ раздѣлаюсь съ этою пышною отелью и буду у себя дома. Тогда ужъ и за дѣло. Въ такомъ-то положеніи находятся теперь дѣла мои или, лучше сказать, мое бездѣлье. По счастью для меня, вся слѣдующая недѣля здѣсь вакантная: она посвящается празднику Пятидесятницы. Въ это время успѣю присмотрѣться кое къ чему.

Берлинъ, 1845, мая 4 (16).

Любезный батюшка! Не дождавшись изъ Москвы ни одного письма, берусь опять за перо, чтобы говорить съ вами. Хоть этимъ хочу замѣнить себѣ недостатокъ писемъ, которыхъ жду не дождусь изъ Москвы. Когда я пишу къ вамъ, я бываю какъ будто ближе къ вамъ, какъ будто я васъ спрашиваю, и вслѣдъ за тѣмъ послышится вашъ отвѣтъ. Разсчитываю, что или не дошли еще къ вамъ мои письма за неустройствомъ дорогъ, или вы не знаете, какъ писать ко мнѣ. Я, кажется, какъ-то написалъ, что можно надписывать письма ко мнѣ — такому-то, poste restante. Теперь говорю то же самое. А впрочемъ, если угодно, вотъ и полный мой адресъ: A monsieur, monsieur Pierre Kudrjawzeff, à Berlin, Friedrichs-strasse, № 94, zwei Treppe hoch. Это моя квартира, на которой я стою вотъ уже скоро недѣлю. Къ жизни берлинской понемногу привыкаю. По улицамъ хожу какъ уже въ знакомомъ городѣ. Впрочемъ, далеко ходить и не приходится. Все лучшее и самое важное собрано здѣсь въ одномъ мѣстѣ, хотя и нельзя сказать, чтобъ это былъ центръ города. Этотъ мнимый или фальшивый центръ есть прекрасная улица-бульваръ, которая однимъ концомъ упирается въ тріумфальныя ворота, которыми оканчивается городъ съ одной стороны, а другимъ выходитъ на длинную площадь, гдѣ расположены всѣ лучшія и важнѣйшія городскія зданія. Улица, въ которой я живу, выходитъ тотчасъ же на этотъ бульваръ. Тутъ же и кафе, въ которомъ я обыкновенно обѣдаю (вздыхая каждый разъ о русскихъ обѣдахъ, о добротѣ которыхъ нѣмцы не имѣютъ и понятія со своими шоколадными да пивными супами); тутъ же и книжная лавка, въ которой такъ часто раскрывается мой бумажникъ. Вы спросите, а чѣмъ наполняю я свой бумажникъ? Я наполнилъ его одинъ разъ, и пока очень достаточно. По письму ъ Ценкера и Колли я явился къ Мейерамъ и К°, и мнѣ тотчасъ выдали листа талеровъ, обѣщаясь выплатить остальныя, когда я захочу. Этихъ ѣхсотъ мнѣ стало бы не на три, а на шесть и болѣе мѣсяцевъ, еслибы

*) Т.-е. Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ, впослѣдствіи профессоръ Московскаго верситета и одинъ изъ издателей *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей*.

не разоряли книги, которыя необходимы. Впрочемъ надѣюсь, что до конца семестра не буду имѣть нужды еще разъ обратиться къ Мейерамъ. Въ большое искушеніе еще вводятъ здѣсь книжные аукціоны, которые бываютъ безпрестанно если не въ самомъ Берлинѣ, то гдѣ-нибудь недалеко, гдѣ также можно покупать черезъ коммиссіонеровъ. Я уже былъ на одномъ, впрочемъ для того только, чтобы присмотрѣться, и удержался, т.-е. на первый разъ ничего не купилъ. Но онъ будетъ продолжаться еще нѣсколько дней... Завтра предстоитъ мнѣ тоже порядочная плата — за позволеніе слушать лекціи. Для этого я напередъ долженъ записаться въ студенты или, какъ здѣсь говорятъ, «имматрикулироваться», что стóитъ талеровъ шесть. Потомъ долженъ буду обойти нѣкоторыхъ профессоровъ, которыхъ намѣренъ слушать, и заплатить каждому по фридрихсдору (съ чѣмъ-то пять талеровъ). Впрочемъ, я и безъ имматрикуляціи слушалъ уже нѣсколько лекцій: это называется здѣсь «госпитировать» и позволяется до трехъ разъ. Не далѣе какъ сегодня слушалъ знаменитаго Шеллинга, который пользуется теперь въ Европѣ авторитетомъ старѣйшаго и перваго философа: сѣдъ какъ лунь, а мысль свѣтла какъ день,—это меня очень удивило. Онъ читаетъ «философію миѳологіи». Университетъ здѣшній считается первымъ въ Европѣ, а между тѣмъ нѣтъ ничего проще его устройства и существующихъ въ немъ порядковъ. Всѣ аудиторіи расположены внизу, подъ номерами; на таблицѣ, вывѣшенной передъ входомъ, показано, гдѣ и какой читаетъ профессоръ. Вы входите и вездѣ встрѣчаете только студентовъ: нигдѣ ни солдата и никакого прислужника, только при входѣ есть комната для «привратника», у котораго можете узнать все нужное. О бытѣ здѣшнемъ, въ который тоже начинаю входить понемногу, буду писать послѣ: въ немъ на каждомъ шагу есть что-нибудь свое. Съ русскими, которые живутъ здѣсь, видаюсь почти каждый день то здѣсь, то тамъ: изъ нихъ двое живутъ черезъ улицу противъ меня. Времени для занятій остается гораздо больше, но я еще не успѣлъ устроить ихъ настоящимъ образомъ: надобно подождать имматрикуляціи. Университетъ отъ меня такъ близко, что не составитъ труда ходить въ него по три раза въ день.

Берлинъ, 1845, мая 10 (22).

Наконецъ-то вы откликнулись мнѣ: третьяго дня получилъ я два письма изъ Москвы. Одно отъ васъ. Два раза благодарю тебя, Лиза (извини, что зову тебя по-прежнему), во-первыхъ, за то, что не полѣнилась сама, а во-вторыхъ, за то, что дала хорошій совѣтъ и Олѣ. Что такое она тамъ говоритъ? Я и слышать не хочу (да хоть бы и хотѣлъ, такъ не услышу). Неужели вы думаете, что мнѣ меньше нужны ваши письма, чѣмъ мои вам? Прошу такъ не думать: у меня только тогда и праздникъ, когда распечатываю пакетъ и читаю письмо. Вчера былъ день ангела батюшки: вы навѣрное были у него и, пожалуй, опять договорились до слезъ. Протестую: плакать болѣе не дозволяется. Можно немного поскучать и — довольно. Плачутъ только о несчастныхъ—это первое; а второе—отъ слезъ бываютъ глаза красны. Спасибо вамъ уже и за то, что такъ часто вспоминаете меня

это по-братски. Только, пожалуйста, не давайте другимъ смѣяться надъ вашею любовью ко мнѣ, — любовью, которую я цѣню много, или пусть лучше я совсѣмъ не знаю объ этомъ: *подобныя наглости* возмущаютъ меня даже вдалекѣ. Умѣйте, пріучитесь сохранять достоинство передъ людьми, не имѣющими его. Это вамъ мой братскій совѣтъ, — совѣтъ студента Берлинскаго университета. Я хочу сказать тебѣ, Лиза, что вчера я записался въ студенты и состою теперь подъ здѣшнимъ университетскимъ начальствомъ. Ты спрашиваешь, что̀ я дѣлаю. Разумѣется, что̀ дѣлаетъ студентъ? Поутру онъ встаетъ рано (охъ ужъ это мнѣ *рано!*), чтобы не опоздать на лекціи, которыя начинаются въ 8 часовъ (бываютъ нѣкоторыя и въ 7); потомъ приходитъ домой прочесть что-нибудь, или идетъ въ музей, чтобы посмотрѣть на картины и статуи, потомъ въ кафе обѣдать за общимъ столомъ, далѣе — въ кондитерскую выпить чашку кофе и прочесть новыя газеты, затѣмъ — опять на лекціи, потомъ — въ книжную лавку, домой — заниматься и пить чай; наконецъ онъ прогуливается полчаса unter den Linden и ложится спать. Иногда еще онъ ходитъ къ своимъ землякамъ, справляется на почтѣ о письмахъ или идетъ въ театръ. Впрочемъ, я только два раза былъ здѣсь въ театрѣ; въ послѣдній разъ давали «Люцію», но такъ дурно въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ мы видѣли въ Москвѣ, что я ушелъ послѣ двухъ актовъ. Такъ живется мнѣ здѣсь, такъ живутъ здѣсь всѣ русскіе. Не скажу, чтобы было скучно, — скучать некогда: людей близкихъ мало, такъ книгъ много. Понемногу надѣюсь и самъ превратиться въ книгу. Привыкаю жить по-здѣшнему; только съ кофеемъ у меня нѣтъ большого ладу. Хочу опять возвратиться къ чаю, который я оставилъ было пить по утрамъ. Что касается до удобствъ жизни, такъ ужъ тутъ нѣмецъ собаку съѣлъ, по русской поговоркѣ. Чего только не выдумаютъ! Долго думалъ я, напримѣръ, что̀ за дощечку съ вырѣзкою подставляютъ мнѣ всегда къ кровати. Наконецъ какъ-то вздумалъ поставить въ нее ногу, и вышло, что дощечка эта для скиданія сапогъ. А эти валики, которые лежатъ на окнахъ, зачѣмъ они? — Затѣмъ, чтобы было на что облокотиться, когда вы вздумаете смотрѣть въ окно, и т. д. Но пока довольно. Будь здорова, больше гуляй, смѣйся и кушай апельсины; то же скажи Олѣ. Нянькѣ рѣшительно запрети плакать.

Мая 23.

Любезный Петръ Ѳедоровичъ! Вотъ уже болѣе недѣли, какъ хожу я на лекціи. Такъ какъ собственно историческаго факультета здѣсь нѣтъ, то я записался на философскій: и такъ есмь studiosus philosophiae, какъ сказано въ данномъ мнѣ большомъ листѣ. Да и нельзя здѣсь не заниматься философіей: здѣсь она въ самой атмосферѣ. Въ Берлинѣ какъ надобно каждый день обѣдать, такъ надобно заниматься философіей. Повѣрите ли, когда я скажу вамъ, что здѣсь читаютъ *девять логикъ*, т.-е. девять человѣкъ читаютъ логику, нѣсколько исторій философіи и проч. Есть также спеціальные курсы для той или другой философіи. Дѣло дѣлается безъ шума, тихо, скромно, но *дѣлается* неутомимо и безостановочно. Всякій философствуетъ

по-своему, но общимъ центромъ служитъ философія Гегеля: одни объясняютъ ее, другіе критезируютъ. Словомъ, Гегель задалъ огромную тему, на которую еще долго будутъ варіировать. Я началъ слушать логику у Вердера, ученика его. Хожу также къ D-г Жоржу, который читаетъ особо о Гегелѣ и Шлейермахерѣ. Понимаю препорядочно, но плохо прививается: голова моя совсѣмъ не «спекулятивная». Слушаю также Шеллинга, который читаетъ философію миѳологіи. Удивительный старикъ: сѣдъ какъ лунь, просто снѣгъ на головѣ, и зубы вывалились, а мысль глубока и свѣтла до прозрачности. Изъ историковъ взялъ пока Ранке, который читаетъ «въ припрыжку». Студентовъ здѣсь до 2,000, и почти всѣ не знаются между собой: приходятъ, садятся, слушаютъ, иные пишутъ и—расходятся. Я еще не совсѣмъ привыкъ и иногда дѣлаю промахи. Недавно, напримѣръ, надобно мнѣ было идти въ первый разъ къ Вердеру. Онъ читаетъ въ 8 часовъ. Я велѣлъ хозяйкѣ разбудить меня, бросился опрометью, чтобы не опоздать, торопливо вошелъ въ аудиторію и сѣлъ: профессоръ былъ уже на каѳедрѣ. Смотрю—да это совсѣмъ не Вердеръ; вслушиваюсь—читаютъ о составленіи декоктовъ. Вѣрно, я попалъ не въ ту аудиторію,—подумалъ я,—однако не выходить же: кое-какъ дослушалъ блистательную рѣчь о декоктахъ. Съ досады пошелъ домой, сѣлъ за книгу; книга не читается; взглянулъ на часы—половина девятаго (часъ, въ который читаетъ Вердеръ)! Значитъ, я продралъ въ университетъ часомъ раньше, а вѣдь, кажется, смотрѣлъ на трое часовъ: свои, академическіе и университетскіе. Братъ вашъ К—въ, студентъ Берлинскаго университета.

Берлинъ, 1845, мая 16 (28).

Благодарю васъ, любезный Александръ Аполлосовичъ, за приписку къ письму сестры, а еще больше за ваше благое желаніе и обѣщаніе впредь вести со мною постоянную переписку. Надѣюсь, что вы не забудете вашего слова. Въ моемъ здѣшнемъ уединеніи письма — лучшее развлеченіе, лучшая отрада. Уединеніемъ я называю жизнь среди людей, конечно, но болѣе среди книгъ, съ которыми только и веду бесѣду. Кромѣ своихъ, съ которыми больше слушаю вмѣстѣ, чѣмъ говорю, встрѣчаясь въ университетѣ, я не завожу знакомствъ ни съ кѣмъ по весьма многимъ причинамъ: во-первыхъ, потому что нѣмецъ знакомится—я хочу сказать, сближается—трудно; во-вторыхъ, потому что я самъ въ этомъ отношеніи ничѣмъ не уступаю нѣмцу; а въ-третьихъ, потому что знакомства требуютъ траты времени, которое мнѣ дороже, чѣмъ мои талеры. Эта отдаленность отъ живого, отъ общества, должна бы сопровождаться припадками скуки, но я пока ея не чувствую. Этимъ я, можетъ быть, обязанъ «книгобѣсію», заразительной болѣзни, которая прививается необходимо ко всякому вновь пріѣзжающему въ Берлинъ. Въ настоящее время и я сильно одержимъ этою злою болѣзнью, такъ что до сихъ поръ не умѣю навѣрное сказать, влечетъ ли меня собственно интересъ къ наукѣ, или только къ книгамъ. Конечно было бы смѣшно и жалко, еслибъ было справедливо послѣднее. Впрочемъ имѣю причины думать, что первый интересъ не уступаетъ много второму.

Доказательствомъ этому то, что, кромѣ ближайшихъ и необходимѣйшихъ улицъ, не знаю Берлина: книга держитъ меня на привязи и позволяетъ гулять только позднимъ вечеромъ для того, чтобъ освѣжить голову. Лекціи слушаю, но онѣ составляютъ для меня, т.-е. въ моихъ занятіяхъ, предметъ второстепенный; я взялъ большею частью лекціи философскія именно съ тою цѣлью, чтобы не тратить на философію болѣе времени, какъ сколько можетъ взять слушаніе лекцій. Изъ этого вы можете видѣть, что блестящихъ видовъ на философію я не имѣю, что относительно ея моя задача состоитъ только въ томъ, чтобы не терять ея изъ виду. И было бы немного странно хотѣть быть философомъ, когда вся прожитая жизнь привела меня къ полному убѣжденію, что голова моя не философская. Мое главное вниманіе обращено на исторію; на философію же столько, сколько она необходимо соединяется съ нею. Другой предметъ, сильно привязывающій теперь мое вниманіе, есть искусство. Хочется пройти, сколько возможно, его исторію по памятникамъ, которыхъ здѣсь очень много и которые — это главное—доступны здѣсь *всякому и во всякое время*. Въ этомъ отношеніи дальше нельзя и простирать снисхожденія. Въ музей, въ которомъ три отдѣленія—античныя статуи и вазы, египетскія древности и картинная галлерея,—входите во всякій день даже *безъ билета* и остаетесь тамъ, сколько вамъ угодно. Этого мало: если вы хотите знать все въ подробности и съ точностью, не прибѣгая къ посторонней помощи, то вамъ стóитъ только истратить нѣсколько серебряныхъ грошей, чтобъ имѣть подробное описаніе всѣхъ памятниковъ, съ которымъ вы можете ходить нѣсколько дней и разсматривать каждую вещь въ отдѣльности. Я уже началъ пользоваться этимъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ; не знаю, какъ успѣю кончить. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ кончу эту часть не здѣсь, а развѣ въ Дрезденѣ,—нѣтъ, и не въ Дрезденѣ, а развѣ въ Италіи, родинѣ искусства, гдѣ, разумѣется, и богатѣйшія собранія его памятниковъ. Но это еще будущее, слѣдовательно о немъ и говорить пока нечего.

Берлинъ, 1845 г., мая 19 (31).

Любезный батюшка! Съ пріѣздомъ въ Берлинъ мои дорожныя неудобства кончились, и я бы желалъ, чтобы вмѣстѣ съ ними кончилось и ваше безпокойство. Говорю вамъ со всею искренностью, что я совершенно здоровъ и спокоенъ, а за будущее кто же и когда ручался? Голова моя терпитъ только въ случаѣ сильной непогоды, когда я долго остаюсь на вѣтру или на холодѣ, чего теперь, конечно, не случается. Вы мнѣ особенно указываете на 24 апрѣля: я очень хорошо помню это число; утромъ въ этотъ день я переѣзжалъ на квартиру, потомъ обѣдалъ и гулялъ по городу, а вечеромъ былъ въ театрѣ. Я такъ еще занятъ былъ новостью своего положенія, что ни скучать, ни безпокоиться мнѣ было некогда. Потому-то, т.-е. по этому поводу, и прошу васъ особенно не довѣрять такимъ минутамъ, когда усилившееся почему-нибудь безпокойство *въ мысли* непремѣнно представляетъ воображенію будто бы и *дѣйствительную* со-

отвѣтствующую ему бѣду. Я говорю такъ, какъ думаю, въ надеждѣ, что ваша любовь ко мнѣ не оскорбится этими словами. Все мое желаніе въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы вы какъ можно менѣе безпокоили и изнуряли себя мыслію обо мнѣ. Ничего не можетъ быть покойнѣе теперешняго моего положенія. Не будь при этомъ разлуки, не оставалось бы ничего болѣе желать. Какъ студентъ, я не подлежу здѣсь даже городской полиціи и знаю только университетское начальство, до котораго, впрочемъ, у меня еще нѣтъ никакихъ дѣлъ. Въ студенты я записался еще на прошлой недѣлѣ. Церемонія самая простая: пришли мы въ залу университетскаго «сената», отдали наши бумаги (я—паспортъ и позволеніе отъ начальства); у насъ спросили наши имена, происхожденіе, мѣсто образованія, записали все это въ книгу, взяли съ насъ по нѣскольку талеровъ, вручили намъ печатныя постановленія о студентахъ, и—мы хотѣли идти, но насъ остановили еще на минуту: ректоръ подошелъ къ намъ и каждому пожалъ руку—въ знакъ того, что съ этого времени онъ нашъ начальникъ, а мы—его подчиненные. Я получилъ сверхъ того родъ диплома студенческаго и карту для прожитія. Лекціи взялъ у пяти профессоровъ: философіи, миѳологіи, исторіи, археологіи—въ недѣлю около 20 часовъ. Промежутки (лекціи въ разное время) наполняю чаемъ, обѣдомъ и чтеніемъ. Все кажется мало времени для послѣдняго: хотѣлось бы, чтобы въ суткахъ было болѣе 24 часовъ. Въ воскресенье надо бы каждый разъ бывать въ Потсдамѣ, но до сихъ поръ мнѣ удалось быть тамъ только одинъ разъ (кромѣ первой поѣздки). Это было именно въ прошлое воскресенье, мая 13 (25). Лишь пришли въ колонію, Дормидонтъ Васильевичъ встрѣтилъ насъ у порога своего дома и предложилъ сейчасъ же идти въ Sans-Souci (Санъ-Суси)—королевскій дворецъ и садъ. Превосходное мѣсто. Дворецъ маленькій въ старомъ вкусѣ (въ немъ жилъ Фридрихъ Великій, какъ философъ), поставленъ на возвышеніи; отъ него площадка на нѣсколько шаговъ, а потомъ спускъ по лѣстницѣ въ глубокую долину, гдѣ на большомъ пространствѣ лежитъ густой и вмѣстѣ правильный садъ. При самомъ спускѣ бьетъ фонтанъ саженъ на десять, за нимъ—другой и третій. Но самый садъ лучше всего. Особенный видъ и особенную прелесть даетъ ему то, что онъ почти весь состоитъ изъ дуба, тополя (по крайней мѣрѣ пяти родовъ) и *бука*, дерева необыкновенно красиваго. Прибавьте къ этому еще тѣнистые каштаны. Сверхъ всего былъ прекрасный вечеръ, и въ саду много весенняго благоуханія и свѣжести. Мы провели прекрасный вечеръ. Завтра сбираюсь опять туда же: это такъ хорошо. Чтò теперь у васъ? Вѣрно обыкновенныя хлопоты по кладбищу, гдѣ ходятъ, гуляютъ, молятся и плачутъ. Пожалуйста скажите нянькѣ и Дарьѣ, что я имъ кланяюсь и кланяюсь. Будьте здоровы и покойны.

Берлинъ, 1845 г., іюня 1 (13)

Любезный батюшка! Не умѣю благодарить вас за вашу любовь и память обо мнѣ, которыхъ знаки у меня на столѣ: я разумѣю ваши пись-

ма. Я только желалъ, но никакъ не надѣялся получать ихъ такъ часто. Бываетъ такъ пріятно, воротившись домой съ лекціи, найти у себя письмо на столѣ! Минуты чтенія и послѣ чтенія суть для меня минуты пріятнѣйшихъ воспоминаній: въ эти минуты я опять какъ будто среди васъ, какъ будто въ Москвѣ, и хочется говорить, и хочется слушать. Впрочемъ, я не позволяю себѣ слишкомъ много, по крайней мѣрѣ слишкомъ долго, увлекаться воображаемымъ, иначе трудно бываетъ возвратиться опять къ книгѣ, или къ книгамъ, которыя послѣ того кажутся ужъ слишкомъ черствыми.

Въ жизни моей перемѣнъ никакихъ нѣтъ. Больше и больше привыкаю къ Берлину и вмѣстѣ привыкаю думать, что едва ли есть мѣсто болѣе удобное для ученыхъ занятій. Васъ удивляетъ простота здѣшняго университетскаго быта? Но я вамъ сказалъ еще не все. Всѣ аудиторіи расположены въ нижнемъ этажѣ; но не подумайте, что это что-нибудь великолѣпное: совсѣмъ напротивъ—очень простыя комнаты, разной величины, съ деревянными некрашенными столами и скамьями. Въ добавокъ эти столы (парты) и скамьи довольно изукрашены чернилами. При этомъ я вспоминаю внѣшнюю роскошь нашего университета и другихъ заведеній, напримѣръ, семинаріи, и право не знаю, чтò надобно хвалить больше. Потомъ надобно замѣтить еще, какъ не послѣднюю особенность, и то, что входя въ университетъ и выходя изъ него, мы обыкновенно не видимъ больше *никого*, кромѣ профессоровъ и своего брата-студента. Справляться можно бы у такъ называемаго «привратника», да не о чемъ: все можно найти и прочесть въ объявленіяхъ, вывѣшенныхъ при входѣ. Простота удивительная и достойная подражанія.

Стòитъ замѣчанія и то, какъ вѣдаются здѣсь съ библіотекою, которая прямо противъ университета. Вы—студентъ и хотите брать книги: для этого вамъ выдаютъ карту, по которой вы и можете получать книги. Но какъ? Опять ничего не можетъ быть проще: противъ входа поставлена кружка, въ которую вы во всякое время можете положить записочку съ титуломъ требуемой книги и съ подписью вашего имени: на другой день вы являетесь съ картой въ библіотеку и получаете книгу. Право, я не знаю, какъ можетъ быть еще проще и удобнѣе.

Въ здоровьѣ моемъ перемѣнъ никакихъ нѣтъ: оно хорошо попрежнему. Но жары, которые наступили, даютъ знать себя; хорошо еще, что нѣтъ далекихъ разстояній, по крайней мѣрѣ для меня—все подъ руками. Квартира моя такова, что не имѣю причинъ быть недовольнымъ. Кто у меня за Ивана?—никто. Здѣсь за рѣдкость, если кто держитъ у себя слугу. Дома все исправляетъ у меня сама хозяйка, хоть ей лѣтъ 60, а на посылкахъ—я самъ. Желаю вамъ всего добраго и прошу себѣ вашего благословенія.

Берлинъ, 1845 г., іюня 10 (22).

По обыкновенному порядку вещей, Берлинъ и то, чтò въ немъ, для меня перестало уже быть новостью: болѣе или менѣе почти все знакомо,

потому что каждый день передъ глазами. Остаются такъ называемыя ежедневныя происшествія; но, какъ и вездѣ, они имѣютъ только мѣстный интересъ и едва ли стóятъ того, чтобы ихъ разносить по почтѣ. Предпочитаю сказать два слова о предметѣ болѣе занимательномъ—о здѣшней кунсткамерѣ. Всѣмъ и каждому извѣстно, что кунсткамерою называется собраніе рѣдкостей во всѣхъ родахъ. Этимъ самымъ сказано, что нѣтъ ничего интереснѣе кунсткамеры. Здѣшняя очень обширна. Въ ней, во-первыхъ, богатѣйшее собраніе превосходныхъ работъ изъ слоновой кости; до сихъ поръ объ этомъ искусствѣ я не имѣлъ почти понятія, тѣмъ болѣе, что новыя произведенія въ этомъ родѣ ничего не стоятъ въ сравненіи со старыми (изъ временъ среднихъ вѣковъ). Почти столько же заняли меня рѣзныя работы на деревѣ: опять и объ этомъ искусствѣ мы не можемъ судить, не видавши лучшихъ экземпляровъ старины. Много занимательнаго и въ арматурной палатѣ: воскóвыя статуи курфирстовъ и королей здѣшнихъ въ ихъ обыкновенныхъ костюмахъ (особенно хорошо сдѣлана статуя Фридриха Великаго), ихъ оружія (шапка одного курфирста въ 30 фунтовъ); тутъ же станокъ нашего Великаго Петра и имъ же сдѣланная модель мельницы. Какъ особенную рѣдкость, можно замѣтить отрубокъ дуба, проткнутый насквозь олеными рогами, которые заросли въ немъ и остаются тутъ и съ ихъ корнемъ: явленіе, до сихъ поръ удовлетворительно не объясненное. Далѣе—разнаго рода вооруженія, въ особенности азіатскихъ, американскихъ народовъ, также оружіе дикарей, ихъ стрѣлы, луки, дреколья и просто колья, наконецъ ихъ барабаны, обтянутые человѣческою кожей.

Куда вести васъ изъ кунсткамеры? Развѣ опять въ музей? А, впрочемъ, въ музеѣ стоитъ быть даже и не пять, а развѣ двадцать пять разъ. Съ своей стороны я считаю долгомъ побывать тамъ хоть разъ каждую недѣлю и времени, тамъ проведеннаго, никогда не считаю потеряннымъ. До сихъ поръ меня все еще занимала Фламандская школа, въ особенности Рубенсъ, Ванъ-Дикъ, Рембрандтъ и ихъ ученики и послѣдователи; теперь перехожу къ итальянскому отдѣленію, которое хотя не очень богато здѣсь сравнительно съ другими музеями, но также заключаетъ въ себѣ не мало сокровищъ. Тутъ есть и Тиціанъ, и Рени, и Корреджіо; не говорю о второстепенныхъ. Рафаеля здѣсь есть только одна картина, достойная его имени—«Поклоненіе волхвовъ»; она написана водяными красками, долго стояла въ сырой церкви; яркія краски сбѣжали, фонъ испорченъ. Но таково искусство этого художника, что побѣдивъ первое непріятное впечатлѣніе, которое производятъ на васъ явные слѣды порчи, вы потомъ не хотѣли бы разстаться съ этою картиной. Чѣмъ больше всматриваетесь вы въ эти лица (одни только лица и сохранились вполнѣ), тѣмъ больше дивитесь вы этому неподражаемому мастерству. Напрасно бы сталъ я говорить, въ чемъ оно состоитъ. Сужу по себѣ: пока не увидѣлъ, я не умѣлъ представить Рафаеля. Въ Эрмитажѣ есть нѣсколько произведеній, которыя носятъ имя Рафаеля: я долго смотрѣлъ на нихъ и думалъ про себя, что же

тутъ необычайно высокаго? Но это значило лишь то, что до сихъ поръ я не видѣлъ Рафаеля.

Любезный батюшка! Вамъ я повторю мою сердечную благодарность за письма. Бога ради, будьте покойны за меня: я до сихъ поръ не имѣю причины пожаловаться ни на что̀, кромѣ тѣхъ лишеній, которыя неизбѣжны въ моемъ положеніи. Подъ лишеніями я разумѣю невозможность говорить съ вами и со всѣми мнѣ любезными иначе, какъ на бумагѣ, но потому-то я и прошу еще разъ не лишать меня этого удовольствія. Часто бываю мыслію у васъ на Даниловскомъ и раскланиваюсь съ вашими домочадцами. Впрочемъ, не долго останавливаюсь я на одной мысли: надобно спѣшить дѣлать. Тамъ лекція, тамъ книга—попеременно требуютъ моего вниманія. Но теперь наступило время самое неблагопріятное для серьезной работы: жаръ преодолѣваетъ всякую охоту, особенно на лекціяхъ, гдѣ сходится человѣкъ по 50 и болѣе. Послѣобѣденныя лекціи просто трудны, такъ что иногда не удерживаешь въ памяти и половины.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ.

Народы, населявшіе Россію съ очень далекихъ временъ,—болѣе, чѣмъ тысяча лѣтъ назадъ, до начала даже ихъ государственной, политической жизни,—были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Византіей, столицей Восточной Римской имперіи. Сношенія эти, то мирныя и торговыя, то враждебныя, не прерывались до принятія христіанства великимъ княземъ Владиміромъ Святымъ и подвластными ему народами. Самое христіанство получено нами изъ Византіи, вмѣстѣ съ зачатками цивилизаціи. Съ тѣхъ поръ отношенія великой имперіи и государства Россійскаго, развивавшагося въ тяжелой борьбѣ съ монголами, не переставали быть дружественными до паденія Византіи подъ ударами турокъ. Но и затѣмъ не прекратилась религіозная и духовная связь нашего отечества съ древнею столицей христіанства, сохранившею въ устахъ русскаго народа до сихъ поръ названіе Цареграда. Оттуда получили мы всѣ зачатки культуры, нашу письменность, богослужебныя книги на славянскомъ и греческомъ языкахъ, нѣкоторыя основы законодательства и жизни государственной. Тамъ, въ этомъ Новомъ Римѣ, въ духовной метрополіи древней Руси, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ получали утвержденіе и посвященіе главенствующіе іерархи Православной Греко-Россійской Церкви. Многое иное заимствовала и унаслѣдовала Россія отъ Византіи. И, при всемъ этомъ, русское образованное общество,—за исключеніемъ нѣсколькихъ ученыхъ,—знаетъ очень немногое изъ исторіи Византіи и почти ничего не знаетъ о бытѣ, о внутренней жизни «богоспасаемаго, царствующаго града».

Въ томъ, что мы теперь предлагаемъ читателямъ, мы не претендуемъ дать связные и послѣдовательные разсказы о какой-либо эпохѣ изъ исторіи Восточной Римской имперіи и интересующимся предметомъ укажемъ лишь на превосходный трудъ, изъ котораго мы заимствуемъ наше повѣствованіе. Это двѣ книги члена французской академіи Густава Шлюмберже (Gustave Schlumberger): *Un Empereur Byzantin au dixième siècle, Nicéphore Phocas,* и *L'Epopée Byzantine à la fin du dixième siècle.* Въ полной тревогъ жизни Византіи это было, до начала Крестовыхъ походовъ, самое опасное и самое блестящее время, ознаменованное славными

подвигами великихъ полководцевъ, то геройски отражавшихъ напоръ страшныхъ внѣшнихъ враговъ, сарацинъ и славянъ, то отчаянно бившихся другъ съ другомъ въ междоусобныхъ войнахъ изъ-за императорской власти и изъ-за любви очаровательной императрицы Θеофано, удивительной героини одного изъ самыхъ захватывающихъ достовѣрныхъ историческихъ романовъ. Съ появленія на исторической сценѣ этой необыкновенной женщины мы и начнемъ наши «картины».

I.

Константинъ VII Багрянородный, сынъ Льва VI Философа, остался по смерти отца въ 911 г. шестилѣтнимъ ребенкомъ. Его именемъ правили государствомъ его мать Зоя и совѣтъ регентства съ патріархомъ во главѣ. Въ числѣ правителей были: Константинъ Дука, Левъ Фока и Романъ Лакапенъ или Лакапеносъ, который выдалъ за Константина свою дочь Елену, остался одинъ полновластнымъ распорядителемъ судьбами имперіи, принявши вначалѣ странный титулъ *Василеопатора* (отца царя), а затѣмъ объявивши себя соправителемъ и василевсомъ (царемъ). Отъ брака Константина съ Еленою родились одинъ сынъ Романъ и пять дочерей. Въ 944 г. пятилѣтній Романъ, по волѣ дѣда и властителя имперіи, Романа Лакапена, былъ обвѣнчанъ съ Бертой, незаконною дочерью Гуго, короля Италіи. Такимъ неравнымъ и оскорбительнымъ для царскаго достоинства бракомъ Романъ Лакапенъ хотѣлъ, повидимому, отстранить отъ престола сына Багрянороднаго въ пользу своихъ сыновей. Но въ концѣ того же года самъ Романъ Лакапенъ былъ низвергнутъ Константиномъ и заточенъ, вмѣстѣ съ сыновьями, въ монастырь Проти, гдѣ онъ и умеръ въ 947 г. Два года ...я умерла и юная итальянская принцесса, бывшая только по имени ...рвою супругой императора Романа II.

Въ 956 г., еще очень молодымъ человѣкомъ, онъ страстно влюбился въ красавицу Θеофано и сумѣлъ настоять передъ слишкомъ слабымъ отцомъ на разрѣшеніи вступить въ бракъ съ этою дѣвушкой, весьма темнаго происхожденія. Лѣтописецъ и современникъ Левъ Діяконъ говоритъ, что она была самою замѣчательною, самою очаровательною красавицей и утонченнѣйшею женщиной своего времени. Есть основаніе думать, что ея отецъ, Кратеръ (Кратеросъ), былъ родомъ изъ Пелопонеза и содержалъ кабакъ въ Константинополѣ. Свое настоящее простонародное имя, Анастасо, она рано перемѣнила на болѣе аристократическое и звучное—Θеофано. Болѣе изъ ея дѣвичьей жизни намъ ничего неизвѣстно, какъ неизвѣстны и тѣ об... гоятельства, которыя привели дочь бѣднаго кабатчика въ императорскій ге... ікей, сдѣлали супругой царя, въ титулѣ котораго значилось наименова... іе «равнаго апостоламъ». По исконному обычаю византійскаго двора, ш... кое происхожденіе молодой царицы было прикрыто оффиціальною ложью, и ... овременный хронографъ, повинуясь высшей власти, спокойно говоритъ: «... нстантинъ далъ своему сыну, василевсу Роману, дѣвицу благороднаго

происхожденія, Анастасо, дочь Кратероса, принявшую имя Θеофано. Царь и царица Елена радовались вступленію въ бракъ наслѣдника престола съ дѣвушкой столь древней фамиліи».

Какъ бы ни было, дочь кабатчика или знатныхъ, но бѣдныхъ, родителей, Θеофано силою необычайной красоты и очаровательности безгранично властвовала надъ своимъ супругомъ Романомъ, да и не надъ нимъ однимъ. Народная молва приписала ея вліянію смерть Константина Багрянороднаго, въ ноябрѣ 959 г., будто бы отравленнаго своимъ сыномъ, царемъ Романомъ II, что, впрочемъ, не подтверждается ничѣмъ положительнымъ и можетъ почитаться мало вѣроятнымъ, такъ какъ Константинъ боленъ былъ около трехъ мѣсяцевъ, лѣчился на теплыхъ водахъ Бруссы, а затѣмъ тщетно искалъ исцѣленія, обращаясь къ молитвамъ подвижниковъ и пустынножителей святой горы Аѳона. Въ концѣ октября дворъ возвратился съ этого богомолья. На раззолоченныхъ носилкахъ царь спѣшно былъ перенесенъ съ великолѣпной императорской галеры во дворецъ и 9 ноября скончался на рукахъ царицы Елены и своихъ любимыхъ евнуховъ, напутствуемый патріархомъ Поліевктомъ.

Изъ любви ли сыновней, или изъ желанія отклонить подозрѣніе въ отравленіи отца, Романъ устроилъ ему похороны, превзошедшія великолѣпіемъ все, до тѣхъ поръ видѣнное Византіей. Тѣло покойника, тщательно набальзамированное палатными врачами, умащенное драгоцѣнными ароматами, было съ обычною помпой перенесено изъ Священныхъ Палатъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней выставлено на ложѣ чистаго золота въ великолѣпномъ Триклиніи «девятнадцати возлежаній»,—громадной залѣ съ высокими сводами. Покойникъ лежалъ въ золотой діадемѣ (стемѣ), съ открытымъ лицомъ, раскрашеннымъ яркими красками, съ тщательно расчесанной и окрашенной бородой, одѣтый въ златотканныя одежды, обутый въ пурпурные полусапожки, надѣвать которые имѣли право только цари. Палатные клирики пѣли установленные псалмы. Затѣмъ, въ сопровожденіи всѣхъ чиновъ двора, арміи и флота, иностранныхъ пословъ, патриціевъ, начальниковъ иноземныхъ дружинъ и множества сановниковъ разныхъ наименованій, тѣло было перенесено въ портикъ этой части императорской резиденціи, называемой Халкида, гдѣ началась главная церемонія.

Патріархъ Поліевктъ съ огромною массой духовенства св. Софіи, Великой Церкви, безчисленное множество священнослужителей и монаховъ столицы и ея окрестностей, всѣ, облаченные въ одежды «ангельскаго чина», всѣ сенаторы, патриціи, магистры, начальники гвардіи и этерій варварскихъ, всякаго рода должностныя лица, пребывающіе въ столицѣ знатные иноземцы въ глубокомъ траурѣ проходили мимо усопшаго ца[ря], окруженнаго евнухами въ бѣлыхъ одеждахъ. По знаку препозита (обер-церемоніймейстера, главнаго евнуха), даваемому бѣлымъ жезломъ, кажд[ый] изъ проходящихъ преклонялъ колѣна, крестился, клалъ земные поклон[ы], цѣловалъ послѣднимъ цѣлованіемъ усопшаго властителя и, по слова[мъ] хронографа, пѣлъ, что обычаемъ пѣть установлено было. По окончан[іи]

этой церемоніи, происходившей при печальной музыкѣ и заунывномъ пѣніи, въ густомъ дыму аравійскаго ладана, по новому знаку главнаго евнуха, наступила полная тишина, «распоряжающійся погребеніемъ приблизился къ тѣлу царя и очень громкимъ голосомъ, торжественнымъ тономъ, проговорилъ три раза: «Выйди отсюда, Василевсъ, царь царей! Господь господствующихъ призываетъ тебя!» И трижды всѣ присутствующіе и весь народъ, наполняющій обширную площадь передъ Великою Церковью и Священными Палатами, отвѣчали воплями и установленными причитаніями. *Василики* (множественное отъ *василикосъ*), царскіе посланцы,—родъ флигель-адъютантовъ,—подняли носилки и въ предшествіи *манглабитовъ* (гвардіи, состоящей изъ молодыхъ людей высшаго сословія) направились къ мѣсту послѣдняго успокоенія монарха, къ храму Святыхъ Апостоловъ, усыпальницѣ царей и патріарховъ византійскихъ *). По улицамъ города, усыпаннымъ золотистымъ пескомъ и зелеными вѣтвями, на пути шествія стояли шпалерами войска гвардіи, варварской, русской, армянской, скандинавской, венеціанской, амальфійской, вооруженныя обоюдоострыми топорами, кривыми саблями, копьями и луками. Всѣ городскія ворота были заперты. Двери, окна и крыши домовъ были усѣяны народомъ, провожавшимъ стонами и рыданіями гробъ царя, изукрашенный драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, несомый далѣе на рукахъ *спаѳаріями*.

Въ храмѣ Св. Апостоловъ, носившемъ у византійцевъ наименованіе Поліандріонъ или Миріандріонъ, совершено было торжественное богослуженіе и отпѣваніе, послѣ чего, по знаку главнаго евнуха, церемоніймейстеръ провозгласилъ трижды: «Войди въ вѣчный покой, Василевсъ, царь царей. Господь господствующихъ зоветъ тебя. Сними вѣнецъ съ головы своей». Паракимоменъ **) Василій, евнухъ, незаконный сынъ Романа Лакапена, снялъ съ головы усопшаго золотую корону и замѣнилъ ее пурпурною діадемой. Затѣмъ тѣло было положено въ громадный мраморный саркофагъ, рядомъ съ покоившимися въ немъ останками царя Льва Философа, родителя только что умершаго императора.

Гигантскія каменныя гробницы, числомъ болѣе пятидесяти, находились не въ храмѣ, а на обширномъ церковномъ дворѣ, окруженномъ открытыми съ одной стороны галлереями. На этомъ царскомъ кладбищѣ погребались только цари, царицы и патріархи византійскіе. Вмѣстѣ съ ихъ тѣлами въ гробницы клались разныя драгоцѣнности. Равнымъ образомъ и снаружи саркофаги были изукрашены богато и блестяще серебромъ и самоцвѣтными каменьями. Въ самомъ храмѣ почивали мощи св. апостоловъ Луки, Андрея и Тимоѳея и св. іерарховъ Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Меѳодія [и]сповѣдника и патріарха Флавіана. Отъ всего этого не осталось слѣда. [Ал]ексѣй Ангелъ, нуждаясь въ деньгахъ, раскрылъ гробницы и взялъ хра-

*) Храмъ Св. Апостоловъ разрушенъ Магометомъ II и на этомъ мѣстѣ построена [ве]ликолѣпная мечеть Султанъ Мехмедъ-джамiэ.

**) Высшая придворная должность, нѣчто вродѣ оберъ-камергера. Въ буквальн[омъ] переводѣ значитъ: „спящій близъ царя“.

нившіяся въ нихъ сокровища, такъ что крестоносцы, принявшись за разграбленіе Константинополя, нашли въ нихъ только обнаженные трупы. Мощи св. апостоловъ расхищены крестоносцами и развезены по разнымъ городамъ Западной Европы. Самыя гробницы исчезли неизвѣстно куда, за исключеніемъ немногихъ, стоящихъ теперь близъ церкви св. Ирины, превращенной въ оружейную палату султана.

II.

У византійскихъ царей издавна вошло въ обычай провозглашать царями и соправителями своихъ малолѣтнихъ сыновей и торжественно короновать ихъ въ самомъ младенческомъ возрастѣ. Романъ II былъ коронованъ, когда ему было шесть лѣтъ. Вступая фактически на престолъ, послѣ смерти отца, онъ тотчасъ же провозгласилъ императоромъ своего старшаго сына Василія, которому было едва ли болѣе года. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на Пасху, 22 апрѣля 960 года, Василій коронованъ въ Великой Церкви св. Софіи патріархомъ Поліевктомъ, игравшимъ огромную роль въ послѣдующихъ смутахъ.

Поліевктъ въ дѣтствѣ былъ оскопленъ своими родителями, принялъ монашество и возведенъ на патріаршій престолъ въ 956 г., послѣ смерти своего предшественника, сына императора Романа Лакопена, патріарха Өеофилакта, занявшаго первенствующую вселенскую каѳедру Востока шестнадцатилѣтнимъ юношей, въ февралѣ 933 г. Этотъ не былъ евнухомъ и въ теченіе двадцати лѣтъ скандализировалъ своимъ поведеніемъ благочестивыхъ византійцевъ. Главною его страстью были лошади. Для своего завода въ 2,000 головъ онъ не стѣснился выстроить великолѣпную конюшню рядомъ съ храмомъ св. Софіи. Любимымъ занятіемъ этого необыкновеннаго вселенскаго владыки были бѣшеныя скачки по берегамъ Босфора въ сопровожденіи толпы молодыхъ людей, облеченныхъ имъ въ священный санъ, иногда за деньги. Өеофилактъ погибъ жертвою своей страсти, убитый на-смерть слишкомъ рьянымъ конемъ, въ февралѣ 956 года. Императоръ Константинъ VII приказалъ превратить его конюшни въ богадѣльни.

Поліевктъ-евнухъ былъ монахъ строгой жизни, ума узкаго, но убѣжденій непоколебимыхъ, нрава крутого и страстнаго, неустрашимости исповѣдника, доходившей порою до заносчивости. Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на патріаршій престолъ онъ всенародно въ Великой Церкви обратился къ царю Константину съ такими укоризнами, которыя, по словамъ лѣтописца, «были непріятны самодержцу». Этотъ патріархъ, съ свое[й] обычною суровостью, преподалъ наставленіе въ христіанской вѣрѣ наш[ей] великой княгинѣ Ольгѣ и при святомъ крещеніи нарекъ ее Еленой.

Романъ II, четвертый царь Востока македонской династіи, оказал[ся], какъ всѣ того опасались, весьма плохимъ государемъ. Отъ природы о[нъ] былъ человѣкъ добрый и очень милый, стараніями отца-ученаго получи[лъ]

превосходное образованіе, былъ одаренъ блестящими способностями, кромѣ одной — способности управлять своею громадною имперіей. И эту заботу молодой царь сложилъ тотчасъ же на другихъ. Лишь изрѣдка показываясь во дворцѣ, онъ почти все время проводилъ въ своихъ загородныхъ виллахъ, окруженный самыми недостойными любимцами, шутами, скоморохами, куртизанками и молодыми людьми самыхъ подозрительныхъ нравовъ.

Въ нѣсколько дней почти весь личный составъ царскаго двора перемѣнился. Старые слуги Константина VII вынуждены были уступить мѣста любимцамъ новаго императора, товарищамъ его забавъ. Не многимъ довелось остаться при старыхъ должностяхъ. Въ ихъ числѣ самую важную занималъ евнухъ Іосифъ Вринга, патрицій, великій препозитъ или глава евнуховъ и въ то же время великій друнгарій, т.-е. генералъ - адмиралъ. По совѣту умирающаго отца, Романъ еще болѣе возвысилъ этого необыкновенно искуснаго администратора, преданнаго, очень дальновиднаго, энергичнаго, но алчнаго, безстыднаго, властолюбиваго и, притомъ, крайне грубаго, жестокаго, высокомѣрнаго и безпощаднаго. Молодой царь сдѣлалъ его предсѣдателемъ сената и паракимоменомъ, отдалъ въ его руки всѣ дѣла правленія, заботясь всего болѣе лишь о томъ, чтобъ его самого оставили въ покоѣ.

Полною властительницей дворца и имперіи осталась Ѳеофано, смертельно ненавидѣвшая свою свекровь, вдовствующую царицу Елену, и ея пять дочерей. Дочь кабатчика не могла имъ простить ихъ царственнаго происхожденія и успокоилась лишь тогда, когда ей удалось выгнать изъ дворца императрицу и молодыхъ царевенъ. Подчиняясь вліянію красавицы жены, царь объявилъ матери и сестрамъ, что онѣ должны покинуть геникей Священныхъ Палатъ и удалиться въ монастыри, принять постриженіе. Таковъ былъ въ Византіи обычный способъ избавляться отъ неудобныхъ почему-либо принцессъ. Въ ужасѣ отъ такого рѣшенія царица и царевны огласили залы геникея воплями и рыданіями. Ползая на колѣняхъ передъ сыномъ, обливая слезами его ноги, царица-мать вымолила, наконецъ, дозволеніе остаться во дворцѣ, но отстоять дочерей ей не удалось.

Царевны: Зоя, Ѳеодора (впослѣдствіи царица, супруга Іоанна Цимисхія), Ѳеофано, Анна и Агаѳія, силой вырванныя изъ объятій матери, были отправлены въ монастырь Каникліонъ, но вскорѣ потомъ разлучены, — три первыя пострижены въ томъ же монастырѣ, Анна и Агаѳія переведены въ монастырь, носившій странное названіе «Обитель Мѵро-елея» *). Постриженіе пяти царевенъ совершилъ игуменъ Студійскаго монастыря **). Справиться съ молодыми царевнами оказалось, однако, совсѣмъ не легко. Едва окончился обрядъ насильственнаго возведенія ихъ въ «чинъ ангельскій», онѣ сбросили съ себя одежды инокинь, нарядились въ цвѣтныя платья и преспокойно стали кушать мясо. Жили онѣ въ полномъ довольствѣ и даже

*) Нынѣ мечеть Будрумъ-джаміэ.

**) Нынѣ мечеть Мирахоръ-Меджиди.

въ роскоши, такъ какъ получали изъ казны то же содержаніе, какимъ пользовались во дворцѣ. Царица Ѳеофано, довольная тѣмъ, что избавилась отъ нихъ, оставила ихъ въ покоѣ. Вдовствующая царица Елена заболѣла съ горя и умерла, не доживя года, въ сентябрѣ 961 г.

Первымъ правительственнымъ актомъ новаго царствованія было обычное съ незапамятныхъ временъ извѣщеніе всѣхъ государей Запада и Востока до самыхъ отдаленныхъ странъ о вступленіи на престолъ василевса Романа, *космократора*, властителя міра. Великолѣпныя грамоты, писанныя золотомъ, серебромъ или киноварью, съ подвѣшанными къ нимъ золотыми, серебряными и свинцовыми печатями, смотря по значительности извѣщаемаго лица, были разосланы съ болѣе или менѣе важными чинами двора и гонцами, по длинному списку, составленному императорскою канцеляріей со всею тщательностью и разборчивостью хитрой византійской дипломатіи, упорно старавшейся поддержать фикцію унаслѣдованнаго греками отъ Римской имперіи всемірнаго владычества. Извѣщенія были посланы королямъ саксовъ, германцевъ, франковъ, разнымъ владѣтельнымъ князькамъ Кавказа и Арменіи, вѣчно непокорнымъ вассаламъ въ Италіи, дожу Венеціи, архонтамъ Сардиніи, Амальфи и Гаэты, дуку Неаполя, лангобардскимъ государямъ Салерна, Капуи, Беневента, добрымъ друзьямъ болгарамъ — «любезнымъ чадамъ духовнымъ василевса», великой княгинѣ кіевской — «благочестивой архонтессѣ россовъ», даже владѣтелю счастливой Аравіи и «верховному владыкѣ» Индіи... Всюду царскіе посланцы приняты были съ подобающею честью, и оффиціальныя посольства явились въ Священныя Палаты съ обычными дарами. Только калифы Востока и Запада (за исключеніемъ Кордовскаго) и «нечестивые» эмиры сарацинъ и арабовъ оповѣщены не были по случаю непрекращавшейся войны съ ними.

Романъ II войну не любилъ и ради нея ни за что не согласился бы разстаться со своими излюбленными потѣхами. Къ счастью для византійцевъ онъ всю тяжесть правленія свалилъ на энергичнаго министра-евнуха, сумѣвшаго организовать сильную экспедицію противъ сарацинъ и поставить во главѣ ея лучшаго полководца того времени Никифора Фоку, стяжавшаго блестящую славу себѣ и царскому войску отнятіемъ у невѣрныхъ острова Крита, чѣмъ положено было начало дальнѣйшимъ успѣхамъ византійскаго оружія въ Азіи.

III.

Чудный и до-днесь многострадальный островъ Критъ подпалъ подъ власть магометанъ около 824 года. Ими основанная крѣпость Канда[illegible] (впослѣдствіи городъ Кандія, давшій потомъ это свое наименованіе вс[illegible]у острову), скоро сдѣлалась главнымъ притономъ морскихъ разбойнико[illegible], грозою Архипелага и побережья Средиземнаго моря. Изъ этого неприст[illegible]наго гнѣзда пираты на своихъ легкихъ и быстроходныхъ корабляхъ [illegible]прерывно дѣлали набѣги на приморскіе города, жгли, грабили, убив[illegible]

жителей или уводили ихъ въ рабство и съ огромною добычей ускользали отъ преслѣдованій тяжеловѣсныхъ эскадръ императорскаго флота. Вслѣдствіе долгой безнаказанности пираты дошли до невѣроятной дерзости. Въ 904 г. они напали внезапно на богатѣйшій, многолюдный и укрѣпленный городъ Ѳессалонику, разграбили его, перебили множество жителей и увели въ неволю, по сказанію очевидца, «двадцать двѣ тысячи молодыхъ людей и дѣвушекъ», которыхъ потомъ распродали въ рабство на рынкахъ Азіи и Африки. Нѣсколько экспедицій, предпринятыхъ византійцами противъ критскихъ разбойниковъ, кончились полною неудачей царскихъ войскъ. Наглость пиратовъ не знала уже никакихъ границъ. Необходимо было покончить съ ними во что бы ни стало, иначе самому существованію имперіи грозила величайшая опасность. Іосифъ Вринга, полновластно правившій имперіей за слабаго и безпечнаго Романа II, имѣлъ смѣлость снарядить противъ нихъ новую экспедицію и начальствованіе надъ нею поручилъ Никифору Фокѣ.

Никифоръ, одинъ изъ величайшихъ полководцевъ византійскихъ, пріобрѣлъ въ предшествующее царствованіе громкую извѣстность своими почти всегда удачными боями съ сарацинами на мало-азіатскихъ границахъ, за что былъ царемъ Константиномъ VII возведенъ въ санъ *магистра* *) и поставленъ великимъ *доместикомъ*, главнымъ начальникомъ, всѣхъ военныхъ округовъ и вооруженныхъ силъ Востока. Назначеніе его вождемъ экспедиціи противъ Крита было встрѣчено полнымъ одобреніемъ Священныхъ Палатъ и восторгомъ византійскаго народа и войскъ, расположенныхъ въ городѣ и въ лагеряхъ **).

Никифоръ Фока происходилъ изъ старой, но не знатной семьи каппадокійскихъ архонтовъ. Дѣдъ его, по имени тоже Никифоръ, удачно командовалъ императорскими войсками въ Италіи, въ Сициліи, въ походахъ противъ болгаръ, при царяхъ Василіи I и Львѣ VI Философѣ, и умеръ, достигши преклоннаго возраста, въ концѣ IX вѣка. Одинъ изъ сыновей этого вождя, Левъ Фока, былъ доместикомъ, командующимъ войсками противъ болгаръ, начальникомъ всей гвардіи. Во время малолѣтства Константина VII и регентства императрицы Зои, онъ сталъ во главѣ возмущенія, подавленнаго Романомъ Лакапеномъ, по приказанію котораго лишенъ зрѣнія. Отецъ Никифора, Варда Фока, несмотря на свою знаменитую скупость, былъ любимымъ героемъ народа, помогъ Константину VII низвергнуть Лакапеновъ, занималъ высшія военныя должности, не разъ наводилъ страхъ на сарацинъ и доживалъ свой вѣкъ прославленнымъ ветераномъ войнъ въ Малой Азіи. О[illegible]ъ изъ братьевъ Никифора, стратигъ Константинъ, начальствовалъ надъ п[illegible]аничнымъ округомъ Селевкіи, былъ взятъ въ плѣнъ сарацинами и, по с[illegible]анію лѣтописца, отравленъ въ тюрьмѣ за отказъ перейти въ мосуль-

*) Одинъ изъ высшихъ чиновъ арміи.

**) Назначеніе Никифора Фоки встрѣтило довольно сильное противодѣйствіе только [illegible]енатѣ, боязливо относившемся къ критской экспедиціи.

мапство. И, наконецъ, второй его братъ, *куропалатъ* *) Левъ Фока, на время экспедиціи Никифора на Критъ, занялъ его мѣсто командующаго азіатскими войсками.

Не легко съ полною достовѣрностью опредѣлить истинный характеръ Никифора Фоки, имѣя съ одной стороны неумѣренно восторженныя хвалы его поклонниковъ, а съ другой—самые враждебные отзывы его ненавистниковъ. Но сомнѣнію подлежать не можетъ, что онъ былъ превосходнѣйшимъ военачальникомъ, одаренныиъ холодною храбростью, невозмутимымъ спокойствіемъ въ самыя опасныя минуты, необычайною настойчивостью, умѣньемъ такъ обращаться съ солдатами, что они неизмѣнно готовы были слѣпо идти за нимъ, куда бы онъ ихъ ни повелъ. Человѣкъ глубоко мистическаго темперамента и самыхъ необузданныхъ страстей, постоянно подавляемыхъ силою непреклонной воли, очень суровый, но необыкновенно простой, безпощадный въ своей строгости, но отнюдь не жестокій безъ надобности, высоко-нравственный до самаго страннаго аскетизма, Никифоръ представляется намъ какимъ-то монахомъ-воиномъ, отдающимъ всѣ свои способности на переустройство византійской арміи и на неослабную борьбу съ исконными врагами имперіи. При этомъ онъ обладалъ совершенно желѣзнымъ здоровьемъ и неимовѣрною физическою силой, приводившею въ изумленіе и восторгъ его современниковъ. Хулители Никифора ставятъ ему въ большой укоръ его скупость, доходившую до скаредности, вѣроятно, унаслѣдованную имъ отъ отца. Но въ данномъ случаѣ, особливо же въ то время, трудно провести надлежащую границу между осужденія достойною жадностью и разумною бережливостью какъ собственныхъ средствъ, такъ впослѣдствіи и казны государственной.

Въ нашу задачу не входятъ повѣствованія о бранныхъ подвигахъ доместика Никифора Фоки и его войскъ, высадившихся на Критъ, побившихъ сарацинъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, взявшихъ ихъ главный городъ, послѣ долгой и тяжелой осады, овладѣвшихъ, наконецъ, всѣмъ островомъ, сдѣлавшимся достояніемъ имперіи вплоть до Крестовыхъ походовъ.

Извѣстіе о столь блестящихъ побѣдахъ надъ врагами христіанства и о завоеваніи Крита вызвало неописуемый восторгъ въ «богоспасаемой» столицѣ и во всей имперіи. Никифоръ сразу сталъ самымъ популярнымъ человѣкомъ. Въ Священныхъ Палатахъ всѣ ликовали. По этому случаю торжественное богослуженіе, по словамъ Шлюмберже, длившееся всю ночь, было совершено, вѣроятно, въ Великой Церкви въ присутствіи царя Романа и Θеофано, всего двора и безчисленной массы народа. Въ Византіи считалось признакомъ хорошаго тона являться на подобныя всенощныя, гдѣ сходилось все высшее общество города въ самыхъ роскошныхъ и пышныхъ нарядахъ. У всѣхъ на устахъ было имя героя дня, и красавицы патриціанки, дамы «опоясанныя» **), возвращаясь домой въ изукрашенныхъ [illegible]-

---

*) Одна изъ самыхъ высшихъ придворныхъ должностей.

**) Высшія придворныя дамы.

лотомъ и серебромъ экипажахъ, запряженныхъ четверкою бѣлыхъ муловъ, мечтали о блестящемъ доместикѣ, котораго иныя изъ нихъ видали уже во снѣ, облеченнымъ въ царскій вѣнецъ и въ пурпурную обувь василевса.

Критъ не былъ еще совсѣмъ замиренъ, когда Никифоръ, по вызову императора, прибылъ въ Константинополь для тріумфа. Есть основаніе думать, что евнухъ Вринга потребовалъ скорѣйшаго возвращенія счастливаго вождя изъ опасенія, какъ бы громкія побѣды и любовь войскъ не внушили ему мысль захватить верховную власть. Вообще, въ Священныхъ Палатахъ не безъ основанія опасались такихъ счастливыхъ военачальниковъ, обожаемыхъ солдатами. Порфирородные не такъ еще крѣпко сидѣли на тронѣ, чтобы не бояться слишкомъ могущественныхъ его защитниковъ. По этимъ же соображеніямъ, Никифоръ Фока, несмотря на всю важность его побѣдъ, не удостоился на этотъ разъ полнаго тріумфа и принужденъ былъ удовольствоваться, такъ называемою, «пѣшею оваціей», т.-е. тріумфомъ въ циркѣ и пѣшкомъ, а не въ блестящей колесницѣ, запряженной четверкою бѣлыхъ коней, какъ то было два года спустя, въ 963 г., послѣ его побѣдъ въ Сиріи.

Трудно себѣ представить все великолѣпіе тріумфальнаго шествія побѣдителя въ Византіи X вѣка. Безконечною вереницей великолѣпныхъ одеждъ, блестящихъ вооруженіями полковъ и странныхъ плѣнниковъ подвигалась процессія по улицамъ, запруженнымъ народомъ, до цирка или до площади Августеона, гдѣ проходила передъ *Каѳизмой*—царской трибуной, занятой императоромъ, императрицей и высшими чинами Священныхъ Палатъ. Въ особенности вызывало восторги народа такое зрѣлище, когда праздновалась побѣда надъ «невѣрными агарянами». Къ царю подводили плѣннаго эмира или знатнѣйшаго изъ плѣнныхъ, доместикъ заставлялъ ихъ опуститься на колѣни и преклонить голову, на которую царь ставилъ свою ногу. Далѣе слѣдовали длиннѣйшіе ряды плѣнныхъ, колесницы, наполненныя захваченными сокровищами, трофеи, отбитые у врага знамена и бунчуки съ конскими хвостами. По данному знаку, всѣ плѣнные падали ницъ передъ царскою трибуной, знамена и бунчуки повергались въ прахъ къ ногамъ василевса, при пѣніи благодарственныхъ гимновъ Пантократору—Христу Вседержителю, славословій и многолѣтій «благочестивѣйшему и равноапостольному» императору.

По окончаніи этой весьма долгой церемоніи, царь поднимался съ мѣста и тихими шагами проходилъ въ малую церковь Пресвятой Богородицы (Ѳеотокосъ) на Форумѣ. Тамъ евнухи-кубикуларіи, «неимѣющіе бородъ», зоблачали царя, снимали съ него торжественныя одежды, надѣвали на о обыкновенную тунику и императорскую хламиду. Потомъ онъ садился коня и возвращался во дворецъ. Всегда присутствовавшій на такихъ жествахъ патріархъ садился на своего осла и отправлялся въ патріар- палаты. Толпы медленно расходились. Стража уводила плѣнниковъ въ торію и въ другія тюрьмы.

Тріумфъ Никифора, «пѣшій» тріумфъ, какъ мы сказали, происходилъ

не на Форумѣ, а въ циркѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Ипподрома *), и торжества были нѣсколько иными, чѣмъ разсказано выше. Передъ царскою трибурой и мѣстами, занятыми пестрыми массами народа, были разложены на землѣ самыя дорогія вооруженія, самыя роскошныя одежды; во второмъ ряду, также на землѣ, лежали знамена и бунчуки. За ними стояли ряды плѣнныхъ, еще далѣе — захваченные у непріятеля кони и верблюды. Никифоръ провелъ ночь внѣ города въ своемъ лагерѣ съ войсками. У Золотыхъ воротъ онъ былъ встрѣченъ нарочно посланнымъ сановникомъ, возложившимъ ему на голову золотой вѣнецъ. Далѣе тріумфаторъ шелъ пѣшкомъ черезъ изукрашенный городъ до Великой Церкви, гдѣ его ожидали царь Романъ и патріархъ Полієвктъ.

По пути тріумфатора, дома, дворцы и храмы были украшены гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ, дорогими коврами и яркими тканями Востока, вездѣ дымились ароматами курильницы, среди дня горѣли тысячи факеловъ. Все это византійцы называли «увѣнчаніемъ города». По улицамъ, наполненнымъ народомъ, стояли шпалерами войска варварской гвардіи, отряды различныхъ этерій и милиціи партій ипподрома подъ начальствомъ димарховъ.

Въ Ипподромѣ церемонія совершилась обычнымъ порядкомъ. Послѣ театральнаго униженія плѣнныхъ вождей, попиранія ихъ бритыхъ головъ ногою царя, послѣ долгихъ пѣснопѣній и передъ началомъ игръ, происходило тріумфальное шествіе передъ царемъ Романомъ, сидящимъ на своей каѳизмѣ, и передъ царицей Ѳеофано, скрытой съ своими женщинами и евнухами рѣшетками церкви Богоматери Халкопратинской. Всѣ взоры съ особеннымъ любопытствомъ обращались на плѣнниковъ: эмира Курупу, его сына Анему, на ихъ женъ и родственниковъ, проходившихъ въ оковахъ и въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ.

Унизительный обрядъ попиранія ногами плѣнныхъ вождей былъ обычнымъ актомъ политики, дабы наглядно показать народу торжество царя надъ врагами имперіи и еще болѣе поднять значеніе побѣды. Мосульмане тѣмъ же и съ лихвою отплачивали византійцамъ, и ноги калифовъ и султановъ такъ же точно попирали склоненныя въ пыли головы побѣжденныхъ василевсовъ и взятыхъ въ плѣнъ доместиковъ. Когда императоръ Романъ Діогенъ, послѣ несчастной битвы 27 августа 1071 г., былъ плѣнникомъ приведенъ къ Алпъ-Арслану, султану турокъ-сельджуковъ, побѣдитель пришелъ въ такой дикій восторгъ, что вскочилъ съ своего мѣста, сшибъ съ ногъ стоявшаго передъ нимъ царя и далъ ему четыре пощечины...

Византійцы умѣли, впрочемъ, до извѣстной степени почтить храброс[т] побѣжденныхъ враговъ, — не изъ чувства гуманности, конечно, а и[зъ] политическаго разсчета. «Послѣ унизительной церемоніи, — говори[тъ] Константинъ Порфирородный, — царь можетъ дозволить плѣнникамъ пр[и]

*) Атъ-Мейданъ нынѣшняго Стамбула.

сутствовать при играхъ на особыхъ отведенныхъ для нихъ мѣстахъ». Такъ, кажется, и было поступлено со старикомъ Курупой, дожившимъ остатокъ своихъ дней, окруженнымъ своими, въ богатомъ помѣстьи, пожалованномъ ему царемъ близъ Константинополя. Старикъ отказался принять христіанство и не подвергся за то никакимъ непріятностямъ, ему не дали только званія сенатора. Его сынъ Анема крестился, служилъ въ гвардіи, отличился въ царскихъ войскахъ и былъ убитъ въ войнѣ съ русскими въ 972 г. Правительство различными и довольно значительными льготами и дарами поощряло переходъ мосульманскихъ плѣнниковъ въ христіанство и старалось привлечь ихъ на службу имперіи.

Въ такой спокойной полуневолѣ и отнюдь не въ нуждѣ, почти въ роскоши, жило при византійскомъ дворѣ множество знатнымъ плѣнниковъ или заложниковъ всѣхъ національностей, всѣхъ религій. Арабскіе эмиры, болгарскіе и славянскіе бояре, варяжскіе князья, армянскіе и грузинскіе архонты (весьма многочисленные), лонгобардскіе бароны, вожди русскихъ, венгровъ и хозаръ, оторванные отъ своихъ пустынь, горъ, лѣсовъ и степей, почти всѣ во время пребыванія въ Византіи принимали участіе въ блестящей жизни Священныхъ Палатъ, во всѣхъ празднествахъ, играхъ, пирахъ и торжествахъ всякаго рода. Нѣкоторые изъ нихъ женились на дѣвушкахъ изъ семей византійской аристократіи и даже на принцессахъ императорской фамиліи. Не рѣдко, отпущенные на свободу, они отказывались вернуться на родину и оставались на жительство въ великолѣпномъ городѣ, полномъ шумныхъ и обольстительныхъ развлеченій.

Въ государственной тюрьмѣ Преторіи содержались исключительно знатные плѣнные магометане, которымъ, по той или иной причинѣ, считали неудобнымъ предоставить полную свободу,— подъ извѣстнымъ надзоромъ, конечно, дѣлавшимъ бѣгство почти невозможнымъ. И повѣрить трудно, но сомнѣнію не подлежитъ, что въ этой тюрьмѣ было отведено особое помѣщеніе для отправленія ихъ религіозныхъ обрядовъ. Кромѣ того, въ Византіи существовала мечеть, носившая названіе «синагоги». Ее реставрировалъ Константинъ Мономахъ, какъ то очень опредѣленно говоритъ арабскій лѣтописецъ. Въ царствованіе этого императора молитвы въ ней произносились отъ имени султана Тугрулъ-бега.

IV.

Въ томъ же 961 г., нѣсколько ранѣе завоеванія Крита, былъ открытъ заговоръ нѣкоего магистра Василія, прозваннаго почему-то Птицей. Главными сообщниками его были патриціи Пасхалій и Варда, сынъ Ливія, и Николай Халкусхій изъ довольно знатнаго рода. Планъ ихъ былъ таковъ: убить царя Романа въ то время, когда онъ будетъ проходить изъ малаго дворца къ императорской трибунѣ Ипподрома, провозгласить царемъ его малолѣтняго сына и съ этой самой трибуны показать его народу, во множествѣ собравшемуся на скачки. Предшествовавшія дворцовыя революціи

дѣлались такъ же просто. Удача на этотъ разъ казалась обезпеченной и весьма возможно, что такъ и случилось бы, еслибъ не донесъ на заговорщиковъ одинъ изъ ихъ сообщниковъ, крещеный сарацинъ Іоанникій. Преступниковъ схватили и пытали. Они сознались во всемъ, что отъ нихъ подъ пыткой требовали.

Въ Византіи такихъ преступниковъ ждали невообразимо жестокія кары. Василій, по прозванію Птица, былъ, впрочемъ, помилованъ, вѣроятно, за важныя услуги, оказанныя имъ отцу императора Романа. Другихъ заговорщиковъ, хотя и патриціевъ, раздѣли до-гола, посадили и привязали верхами на ословъ,—задомъ напередъ, полагать надо, какъ то было въ обычаѣ при подобныхъ обстоятельствахъ, весьма не рѣдкихъ,—и возили въ такомъ видѣ по Ипподрому въ тотъ самый день игръ, въ который они предполагали совершить цареубійство. Константинопольская чернь яростно накидывалась на беззащитныя жертвы, осыпала ихъ ругательствами и ударами, швыряла въ нихъ камнями, закидывала грязью и всякими нечистотами. Съ заговорщиками 961 г. было поступлено сравнительно очень мягко: послѣ издѣвательствъ надъ ними въ циркѣ, они были пострижены въ монахи и разосланы по монастырямъ. Василій сошелъ съ ума и умеръ.

Не въ примѣръ болѣе ужасную участь претерпѣлъ императоръ Андроникъ I, убійца несовершеннолѣтняго царя Алексѣя II Комнина, оставившій по себѣ недобрую память злѣйшаго тиранна. Свергнутый съ престола Исаакомъ Ангеломъ въ 1185 г., Андроникъ успѣлъ бѣжать, былъ пойманъ и приведенъ въ столицу закованный, съ тяжелою деревянною колодой, охватывавшей его шею. Въ такомъ видѣ онъ былъ отданъ на поруганіе и звѣрскія потѣхи черни. Избитаго, изувѣченнаго, съ вырваннымъ глазомъ, съ вышибленными зубами, съ отрубленною рукой, голаго, его привязали къ старому верблюду (пропускаемъ нѣкоторыя слишкомъ мерзкія подробности), въ такомъ положеніи, что голова страдальца приходилась подъ хвостомъ отвратительнаго животнаго. Такъ влачили его по городу, предоставляя несчастнаго всѣмъ терзаніямъ, какія только могъ измыслить озвѣрѣвшій народъ. По возвращеніи на ипподромъ, Андроникъ все еще былъ живъ. Его повѣсили за ноги, и толпа накинулась на него съ новымъ ожесточеніемъ. Какой-то прохожій изъ состраданія, быть можетъ, прикончилъ его ударомъ шпаги въ грудь.

Въ 961 году коронованъ второй сынъ Романа и Ѳеофано, названный въ честь дяди Константиномъ. Кромѣ двухъ сыновей, носившихъ уже титулъ царей и якобы царствовавшихъ совмѣстно съ отцомъ, у Романа II и красавицы царицы были дочери: Ѳеофано, ставшая впослѣдствіи супругой Оттона II и императрицей Запада, и Анна, родившаяся въ мартѣ 963 г., всего за два дня до смерти отца, и выданная (въ 988 г.) братьями замужъ за вел. кн. кіевскаго Владиміра, принявшаго св. крещеніе со всѣмъ своимъ народомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ тріумфа, Никифоръ, осыпанный мило-

ми царя, долженъ былъ покинуть Константинополь, отправиться на азіатскую границу и съ титуломъ доместика округовъ Востока принять начальство надъ войсками. Есть основаніе думать, что фактическій правитель имперіи евнухъ Вринга поторопился выпроводить знаменитаго полководца изъ опасенія слишкомъ большой его популярности въ богоспасаемой столицѣ.

Мы, какъ уже сказано выше, не имѣемъ въ виду разсказывать о войнахъ Никифора Фоки, надолго оградившихъ имперію отъ нападеній сарацинъ, и передадимъ лишь нѣсколько фактовъ, характеризующихъ то время и славнаго вождя византійскаго. На пути императорскихъ войскъ къ Алепо, главной цѣли кампаніи 962 г., лежала очень большая, считавшаяся неприступною, крѣпость Аназарба. Ея арабскій гарнизонъ, хотя и весьма многочисленный, былъ приведенъ въ ужасъ внезапностью вторженія византійцевъ и стремительностью ихъ нападенія. При полномъ недостаткѣ провіанта, не ожидая скорой помощи, защитники крѣпости поспѣшили сдаться на капитуляцію, выговоривши себѣ право безпрепятственно удалиться изъ города и увезти съ собой женъ, дѣтей и всѣ свои наиболѣе цѣнные пожитки. Греки вступили въ городъ въ первыхъ числахъ февраля, и доместикъ Востока понялъ, что поторопился напрасно, что за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ крѣпость была бы въ его рукахъ безъ всякихъ условій черезъ нѣсколько дней блокады. Суровый побѣдитель не замедлилъ тотчасъ же измѣнить условія капитуляціи. Когда гарнизонъ и жители были обезоружены, посланные по городу глашатаи объявили, что правомъ безопаснаго выхода воспользуются лишь тѣ обыватели, которые укроются до ночи во дворѣ главной мечети. Кто могъ, кто успѣлъ, тѣ стремительно бросились къ мечети. Съ заходомъ солнца ворота были заперты, а съ разсвѣтомъ началось избіеніе запоздавшихъ, непопавшихъ во дворъ мечети. Городъ былъ разграбленъ. Спасавшіеся въ мечети выгнаны изъ города въ томъ же платьѣ, въ какомъ бѣжали изъ домовъ. Въ воротахъ происходила такая давка, что погибли затоптанными сотни людей, преимущественно женщинъ и дѣтей. Объ участи выбравшихся изъ города лѣтописецъ ничего не говоритъ, но представить ее себѣ можно, если принять въ соображеніе холодное время года, голодъ и нападеніе бродячихъ шаекъ иррегулярныхъ отрядовъ. Разграбленный городъ былъ разрушенъ, его окрестности—опустошены на большое разстояніе, порублены всѣ фруктовыя деревья и сорокъ тысячъ финиковыхъ пальмъ. Таковы были обычаи войны того времени.

23 декабря 962 г. Никифоръ Фока взялъ приступомъ Алепо. Тутъ уже, конечно, не могло быть и рѣчи о пощадѣ кому бы то ни было, кромѣ молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ, предназначавшихся для византійскихъ геникеевъ, и мальчиковъ, изъ которыхъ составлялись отборные отряды императорской гвардіи. Тѣхъ и другихъ взято было десять тысячъ. Все остальное населеніе города подверглось всяческимъ насиліямъ и чуть не поголовному избіенію, послѣ котораго началось разграбленіе богатѣй-

шаго города. Добыча, доставшаяся побѣдителямъ, была такъ велика, что не достало подводъ и вьючныхъ животныхъ увезти все, и большую часть захваченнаго пришлось сжечь. Уничтожено было все, что нельзя забрать съ собою. Такъ въ городѣ оказались огромные запасы оливковаго масла, хранившагося въ гигантскихъ резервуарахъ. Въ нихъ византійцы направили воду изъ водопроводовъ, всплывшее масло вылилось черезъ края и все погибло. Византійскіе солдаты натѣшились надъ несчастными женщинами, вымещая на нихъ всѣ страданія и поруганія, которымъ подвергались христіанки, попадавшія въ руки сарацынъ и арабовъ. При взятіи Алепо было освобождено нѣсколько тысячъ христіанскихъ невольницъ. Послѣ разграбленія городъ былъ выжженъ, отъ его богатѣйшихъ мечетей не оставлено камня на камнѣ.

Въ рукахъ защитниковъ города оставалась, однако, его сильная цитадель, осада которой требовала новыхъ и, вѣроятно, большихъ усилій. Никифоръ предпочиталъ удовольствоваться достигнутыми успѣхами и удалиться съ несмѣтною добычей. По сказанію арабскаго лѣтописца, этому разумному намѣренію воспротивился племянникъ Никифора, патрицій Ѳеодоръ, сынъ его родной сестры. «Ты взялъ городъ, неужели оставишь зàмокъ?»—сказалъ онъ. Никифоръ разсердился, но, не рѣшаясь рѣзко противорѣчить, отвѣтилъ:—«Съ насъ довольно того, что мы сдѣлали, зàмокъ оставимъ до слѣдующаго раза». Пылкій молодой вождь продолжалъ настаивать. Тогда Никифоръ вышелъ изъ себя и крикнулъ:—«Дѣлай, какъ хочешь. Вонъ онъ замокъ-то, возьми его!» Ѳеодоръ быстро организовалъ штурмовую колонну и бросился на приступъ, но былъ отбитъ и поплатился жизнью за свое увлеченіе. Никифоръ глубоко огорченный этою потерей, приказалъ вывести къ стѣнамъ цитадели 1,200 плѣнниковъ и отрубить имъ головы.

Послѣ этого неудачнаго штурма Никифоръ отступилъ и быстро направился со всею арміей въ предѣлы имперіи. Съ одной стороны онъ боялся, конечно, во главѣ утомленнаго войска вступать въ борьбу съ собиравшимися отовсюду грозными силами мосульманъ, встревоженныхъ разгромомъ столицы одного изъ сильнѣйшихъ эмировъ Азіи. Съ другой стороны, онъ сознавалъ всю опасность оставаться такъ далеко отъ Византіи и слишкомъ долго не имѣть точныхъ свѣдѣній изъ Священныхъ Палатъ о тамошнихъ интригахъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ какіе-либо подвиги и заслуги, и висящихъ вѣчною угрозой надъ головой полководца-побѣдителя. Вѣроятно, онъ уже зналъ, что при дворѣ подкапываются подъ него изъ боязни его слишкомъ большихъ успѣховъ. Вѣроятно также, что извѣстно ему было о плохомъ состояніи здоровья императора. И этого одного было достаточно для того, чтобы побудить честолюбиваго вождя всѣхъ силъ Востока приблизиться скорѣе къ Византіи.

Въ среду, 31 дек. 962 г., армія начала свое отступленіе къ сѣверу. Черезъ два съ половиной мѣсяца главная квартира была въ Каппадокіи, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Кесаріи, когда получилось извѣстіе о смерти царя Романа II. Большая часть арміи Никифора была уже распущена.

V.

Романъ II, называемый «Младшимъ», умеръ почти скоропостижно въ Священныхъ Палатахъ 15 марта 963 г., двадцати четырехъ лѣтъ, процарствовавши три года и четыре мѣсяца съ пятью днями. Какъ всегда, при внезапной и преждевременной смерти царя, пошли слухи объ отравленіи, съ заподозриваніемъ въ немъ Ѳеофано, нетерпѣливо стремившейся властвовать единолично и уже бывшей, вѣроятно, въ преступной связи съ Никифоромъ Фокой. Подозрѣніе въ отравленіи ничѣмъ, однако, не подкрѣпляется, и всего правдоподобнѣе, что молодой царь умеръ жертвою чрезмѣрныхъ излишествъ всякаго рода, непосильныхъ для его некрѣпкаго организма. Въ Священныхъ Палатахъ онъ почти никогда не жилъ и большую часть времени проводилъ въ своихъ загородныхъ виллахъ, окруженный недостойными товарищами забавъ, шутами, танцовщицами и пѣвицами, куртизанками самаго низкаго разряда. Его анонимный панегиристъ оставилъ намъ подробное перечисленіе того, что въ одинъ день совершилъ властитель Византійской имперіи:—«Раннимъ утромъ онъ предсѣдательствовалъ на играхъ въ Ипподромѣ, потомъ обѣдалъ съ сенаторами, которымъ раздалъ обычные въ такихъ случаяхъ подарки, игралъ въ мячъ съ лучшими игроками и выигралъ нѣсколько партій, затѣмъ отправился на азіатскій берегъ Босфора и убилъ четырехъ огромныхъ кабановъ, тѣмъ же вечеромъ вернулся ночевать въ Священныя Палаты». «Вся имперія, — добавляетъ льстивый хроникеръ,—была въ восхищеніи отъ своего государя, въ особенности же—городъ Византія, недостаточныхъ жителей котораго царь Романъ не переставалъ щедро одѣлять хлѣбомъ и иными припасами». И въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго,— константинопольская чернь всегда относилась съ самымъ благодушнымъ снисхожденіемъ къ своимъ порочнѣйшимъ властителямъ, расточавшимъ толпѣ подачки всякаго рода.

При этомъ надо замѣтить, что подъ личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ отца Романъ получилъ самое блестящее образованіе, ставившее молодого императора выше всѣхъ его подданныхъ и современниковъ. Всѣ лѣтописцы признаютъ также единогласно, что отъ природы онъ былъ одаренъ превосходными способностями и выдающимся умомъ. Онъ обладалъ и не менѣе привлекательною внѣшностью,—былъ высокъ ростомъ, широкъ въ плечахъ и «строенъ, какъ кипарисъ», лицо имѣлъ «свѣжее и румяное», орлиный носъ, чарующіе глаза, прекрасный голосъ, отличный даръ слова. Въ обхожденіи онъ былъ простъ, любезенъ и привѣтливъ, характеромъ былъ добръ, живъ, смѣлъ и гуманенъ. Несмотря на всѣ эти превосходнѣйшія качества, царемъ онъ былъ до крайности плохимъ и ничтожнымъ, и, когда онъ умеръ, никто о немъ не пожалѣлъ, кромѣ босяковъ Византіи. Наслѣдниками престола остались два малолѣтнихъ сына великолѣпной и молодой красавицы Ѳеофано: Василій, родившійся въ 958 г., и Константинъ, родившійся въ 961 г., оба вѣнчанные на царство при жизни отца.

Тотчасъ послѣ смерти Романа II наступилъ рѣзкій поворотъ во вну-

тренней жизни Византіи. Любовь къ наукамъ и расцвѣтъ литературы, характеризовавшіе царствованія первыхъ трехъ императоровъ Македонской династіи, Василія I, Льва VI Философа и Константина VII Багрянороднаго, быстро заглохли подъ шумъ послѣдовавшихъ войнъ и внутреннихъ смутъ, почти всегда неизбѣжныхъ при малолѣтствѣ самодержцевъ. Престолъ былъ занятъ дѣтьми, верховная власть сдѣлалась предметомъ самыхъ жадныхъ домогательствъ. Умирающій Романъ оставилъ имперію двумъ сыновьямъ, уже провозглашеннымъ царями, правительницей на все время ихъ малолѣтства назначилъ Θеофано, а первымъ ея помощникомъ—евнуха Врингу. Но, хорошо зная ненависть послѣдняго къ Никифору, Романъ приказывалъ, чтобы доместикъ Востока оставался главнокомандующимъ азіатскими войсками и ни подъ какимъ видомъ смѣняемъ не былъ. Съ того же момента ясно было, что никого не можетъ удовлетворить такое распредѣленіе ролей, ставившее пылкую и властолюбивую царицу въ зависимость его ненавистнаго ей евнуха и отдававшее этого перваго министра и его сторонниковъ, связанными по рукамъ и ногамъ, во власть могущественнаго доместика Востока.

Въ наше время переходъ верховной власти отъ одного лица къ другому влечетъ за собою перемѣны личнаго состава управленія, простое удаленіе стараго министерства и составленіе новаго кабинета. Совершенно иначе обстояло дѣло во дни холодно-жестокой и безпощадно-эгоистичной цивилизаціи византійской. Тамъ паденіе извѣстной правительственной партіи было неминуемо равносильно полному ея разгрому и столь же полному и грубому торжеству противниковъ. За утратою власти побѣжденныхъ постигали почти всегда лишеніе имущества, ссылка на какой-нибудь глухой островъ, и нерѣдко—пытки, изувѣченія, смерть, или, по меньшей мѣрѣ, постриженіе въ монахи и заточеніе. Въ виду этого, партія, стоявшая у власти, старалась защититься всѣми способами, боролась отчаянно, подавляемая всякій разъ неодолимою силой реакціи, терпѣла пораженіе и тѣмъ ужаснѣе становилась за то расплата.

При малолѣтствѣ императоровъ и при регентствѣ женщины, съ особенною силой разгорались всѣ аппетиты и разыгрывались страсти въ погонѣ за легкою добычей. Въ данномъ случаѣ дѣло усложнялось еще однимъ обстоятельствомъ: безумно пламенною любовью Никифора къ двадцати-лѣтней красавицѣ, вдовѣ царя Романа. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить чувства Θеофано къ прославленному вождю главныхъ силъ имперіи. Но сомнѣнію не подлежитъ его громадная популярность, восторженное отношеніе къ нему населенія Константинополя, преданность Никифору его войскъ, доходившая до настоящаго обожанія. Любила его Θеофано или нѣтъ и была ли она уже въ это время его любовницей, мы не знаемъ и можемъ лишь предполагать, что это было такъ. Съ большею достовѣрностью можно сказать, что положеніе Никифора, хотя и во главѣ арміи, было далеко не безопаснымъ. На другой день послѣ смерти царя, патріархъ Поліевктъ, по соглашенію съ сенатомъ, объявилъ всенародно послѣднюю волю умершаго императора и провозгласилъ Θео-

фано правительницей. Фактически верховная власть осталась въ рукахъ паракимомена Вринги, поспѣшившаго на всѣ мѣста, на какія можно было, насажать своихъ приверженцевъ. Молодая царица и до этого относилась съ большою ненавистью къ чрезмѣрному вліянію евнуха. Теперь же, ставши законною правительницей имперіи, она рѣшительно не хотѣла, не могла сносить долѣе своего полуподчиненнаго положенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она хорошо сознавала, что одной ей совсѣмъ не по силамъ вся тяжесть правленія. Въ виду такихъ соображеній, вполнѣ естественно, что она нашла нужнымъ обратиться за помощью къ Никифору, будучи убѣждена въ его беззавѣтной любви къ ней и въ своемъ умѣньи подчинить его своей волѣ.

Тѣмъ временемъ Никифоръ вынужденъ былъ, послѣ тяжелой кампаніи, распустить большую часть своихъ войскъ, какъ для того, чтобы дать имъ отдыхъ, такъ и за недостаткомъ средствъ на ихъ содержаніе. Съ небольшою оставшеюся при немъ арміей онъ не рѣшался идти на Константинополь и рисковать открытою силой произвести государственный переворотъ. Онъ зналъ, насколько страшнаго противника имѣетъ въ лицѣ Вринги, но, съ другой стороны, былъ достаточно увѣренъ въ томъ, что и его самого тронуть пока не посмѣютъ, такъ какъ онъ безусловно былъ необходимъ государству для охраны азіатскихъ владѣній. Вотъ почему, увлекаемый страстью къ Ѳеофано, онъ, по ея тайному зову, поспѣшилъ явиться въ Константинополь.

Произошло это, вѣроятно, въ первой половинѣ апрѣля и было со стороны Никифора поступкомъ не только смѣлымъ, но почти безразсуднымъ, ибо онъ прямо отдавался въ руки своему заклятому врагу, бывшему еще всесильнымъ въ столицѣ. Народъ устроилъ любимому вождю - побѣдителю самую восторженную встрѣчу. Во дворцѣ, гдѣ все еще боялись Вринги, пріемъ былъ, повидимому, болѣе сдержаннымъ. Явнымъ,—оффиціальнымъ, такъ сказать,—поводомъ къ пріѣзду въ Константинополь доместикъ Анатоліи выставлялъ желаніе воспользоваться почестями заслуженнаго тріумфа и получить утвержденіе царей въ занимаемыхъ имъ должностяхъ. Вринга отлично угадывалъ затаенныя цѣли счастливаго полководца и прежде всего попытался воспротивиться его прибытію въ городъ. Когда это не удалось, когда первый министръ увидалъ, насколько Никифоръ силенъ во дворцѣ, тогда онъ, уже не задумываясь, вступилъ въ открытую борьбу съ слишкомъ дерзкимъ противникомъ. Борьба оказалась короткою, отчаянною и полною самыхъ нежданныхъ перипетій.

Вринга пошелъ прямо къ цѣли. Получивши извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ Никифора, онъ въ совѣтѣ регентства рѣзко заявилъ о замыслахъ доместика, указалъ на опасность, которую для спокойствія государства представляютъ популярность, выдающееся положеніе и огромное богатство, пріобрѣтенное вождемъ во время грабежей критскихъ, киликійскихъ и сирійскихъ городовъ, и предложилъ очень просто,—какъ то всегда практиковалось въ Византіи,—выколоть глаза слишкомъ прославившемуся полководцу. Столь радикальное предложеніе было отвергнуто. Въ Священныхъ

Палатахъ побоялись взрыва народнаго бѣшенства въ городѣ, обожавшемъ Никифора и всегда жадномъ на великолѣпныя зрѣлища тріумфовъ. Такою же неудачною оказалась попытка Вринги помѣшать этому тріумфу.

Тріумфъ состоялся съ еще большею торжественностью, чѣмъ описанный нами выше. Въ ряду безчисленныхъ сокровищъ, пронесенныхъ на этотъ разъ передъ восхищенною толпой, величайшею драгоцѣнностью представлялись благочестивымъ византійцамъ клочки ризъ Св. Іоанна Крестителя, святыня, найденная воинами-христіанами при взятіи Алепо. Святыня эта, какъ многія другія, была похищена крестоносцами, послѣ захвата ими Константинополя въ 1204 году.

Тотчасъ послѣ тріумфа и оффиціальной передачи въ царскую казну отнятой у сарацынъ добычи, Никифоръ удалился въ свой домъ и не выходилъ изъ него, избѣгая всякихъ изъявленій народной любви и стараясь не дѣлать никакого шума. Этимъ нельзя было, конечно, успокоить Врингу, чувствовавшаго, что почва болѣе, чѣмъ когда-нибудь, ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ. Онъ рѣшилъ, не теряя времени, во что бы ни стало, отдѣлаться отъ Никифора и привести въ исполненіе свой первый планъ — выколоть доместику глаза и отправить его въ заточеніе.

Получивши приглашеніе явиться во дворецъ, Никифоръ сообразилъ, какая участь ждетъ его тамъ и, не долго думая, укрылся въ храмъ Св. Софіи, пользовавшійся правами неприкосновеннаго убѣжища. При часто повторявшихся дворцовыхъ революціяхъ, Великая Церковь много разъ служила безопаснымъ пріютомъ для царей и царицъ, для военачальниковъ и министровъ. Въ большинствѣ случаевъ никто не дерзалъ нарушить неприкосновенность святочтимаго храма. Бѣгство изъ собственнаго дома такого человѣка, какъ Никифоръ Фока, не могло остаться незамѣченнымъ и вызвало въ городѣ сильнѣйшее волненіе. Толпы разъяреннаго народа быстро окружили церковь, на зовъ доместика явился самъ патріархъ Поліевктъ, очень расположенный къ Никифору за его набожность и не перестававшій во все предшествовавшее царствованіе враждебно относиться къ чрезмѣрной власти евнуха. Въ смѣлой и пламенной рѣчи, обращенной къ сенату, патріархъ обличилъ недостойныя козни Вринги противъ полководца, дважды почти спасшаго имперію, и ясно показалъ, какой громадной опасности подвергнется государство въ случаѣ его удаленія. Поліевктъ говорилъ краснорѣчиво и убѣдительно, ибо говорилъ сущую правду, увлекъ сенаторовъ и добился своего настолько, что даже Вринга подалъ свой голосъ за Никифора. Предварительно доместикъ Анатоліи, чтобы выбраться изъ западни, въ которую онъ попалъ такъ неосмотрительно, принужденъ былъ дать письменное обѣщаніе подъ самыми страшными клятвами никогда ничего не предпринимать противъ законныхъ правъ малолѣтнихъ императоровъ. Съ своей стороны, сенатъ клятвенно обѣщалъ ничего не дѣлать безъ совѣта доместика, не давать высшихъ должностей, никого отъ таковыхъ не отрѣшать, не принимать никакихъ важныхъ рѣшеній, не снесшись съ главнокомандующимъ. Изъ этого ясно, какое необычайное

и совершенно исключительное положеніе занялъ съ этой минуты счастливый вождь, крѣпко державшій теперь въ своей рукѣ мечъ имперіи и открыто признанный первымъ защитникомъ малолѣтнихъ царей.

Какъ просто и коротко раздѣлывались въ Византіи съ людьми, опасными или только подозрительными, видно изъ нижеслѣдующаго. Романъ I Лакапенъ былъ свергнутъ съ престола своими сыновьями, Стефаномъ и Константиномъ, которыхъ, въ свою очередь, черезъ 39 дней (въ зиму съ 944 на 945 годъ) лишилъ власти ихъ зять Константинъ VII Багрянородный и заточилъ въ монастыри. Къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь теперь, оставался въ живыхъ одинъ Стефанъ, человѣкъ, правда, безпокойный и энергичный, несмотря на восемнадцати-лѣтнее заточеніе, пытавшійся составлять заговоры, кончавшіеся неудачно. Евнухъ Вринга заподозрилъ, что Никифоръ Фока намѣревается воспользоваться имъ, какъ подставнымъ лицомъ, имѣющимъ нѣкоторую тѣнь права на престолъ. И вотъ, наканунѣ Пасхи, 18 апрѣля 963 г., въ Великую субботу, по распоряженію царицы-регентши, Стефанъ былъ отравленъ въ церкви просфорою. Смерть послѣдовала такъ быстро, что его не успѣли вынести изъ храма.

Выбравшись благополучно изъ Константинополя, Никифоръ поспѣшилъ въ свою главную квартиру въ Анатолію и, подъ предлогомъ вновь предстоящаго похода противъ сарацынъ, энергично принялся за подготовленіе своихъ войскъ къ иного рода экспедиціи. Вринга, несомнѣнно взбѣшенный и, вѣроятно, испуганный тѣмъ, что выпустилъ изъ рукъ столь опаснаго врага, уже зная доподлинно о его постоянныхъ сношеніяхъ съ молодою царицей, направилъ свои интриги въ другую сторону и тѣмъ ускорилъ развязку. Онъ началъ съ того, что обратился къ патрицію Маріану Аргиру, бывшему командующему войсками въ Италіи, съ предложеніемъ передать ему начальство надъ анатолійскою арміей, причемъ раскрывалъ передъ нимъ дальнѣйшія заманчивыя перспективы, могущія вести къ царскому трону. Пылкій и честолюбивый Маріанъ оказался на этотъ разъ весьма благоразумнымъ, наотрѣзъ отказался мѣряться силами съ знаменитымъ полководцемъ и указалъ министру на Іоанна Цимисхія, какъ на единственнаго человѣка, способнаго на такое дѣло. Вринга послѣдовалъ совѣту.

Послѣ Никифора Фоки наиболѣе славнымъ, любимымъ и храбрымъ вождемъ царскихъ войскъ былъ Іоаннъ Цимисхій, родомъ армянинъ изъ знатной фамиліи Гургеновъ. А за нимъ стоялъ, не менѣе его извѣстный, родичъ его, Романъ Гургенъ, стратигъ (командующій военнымъ округомъ) Каппадокіи. Вринга ухитрился своими происками удалить изъ Константинополя наиболѣе видныхъ родственниковъ и вліятельнѣйшихъ сторонниковъ Фоки и прямо предложилъ Цимисхію занять мѣсто главнокомандующаго въ Азіи, а Гургену—командованіе войсками Запада, съ тѣмъ, чтобы они управились съ Никифоромъ, какъ сами знаютъ и какъ лучшимъ найдутъ,—постригли бы его въ монахи или закованнымъ въ цѣпи прислали бы въ Константинополь. «Во всемъ на тебя полагаюсь,—писалъ министръ-

евнухъ Цимисхію,—прими пока начальство надъ войсками Анатоліи и жди терпѣливо. Не далеко время, когда ты будешь василевсомъ римлянъ».

Дѣло повернулось совсѣмъ не такъ, какъ предполагалъ лукавый паракимоменъ. Изъ прежней ли товарищеской дружбы къ Никифору, или изъ разсчета, прямо указывавшаго на невозможность борьбы съ нимъ, Цимисхій, по полученіи такого посланія, отправился прямо къ главнокомандующему, который въ это время лежалъ больной въ своей палаткѣ. «Ты спишь,—сказалъ Іоаннъ, садясь у изголовья своего боевого товарища,—спишь въ то время, когда мерзкій евнухъ готовитъ тебѣ гибель. Вставай, не время нѣжиться, прочти это письмо и узнаешь, что замышляетъ противъ тебя добродѣтельный Вринга». Никифоръ прочелъ письмо и послѣ тяжелаго молчанія проговорилъ:—«Что же дѣлать?»—«Какъ что дѣлать?—воскликнулъ армянинъ.—Ты ли меня спрашиваешь? Неужели возможно допустить, чтобы такіе вожди, какъ мы, стоя во главѣ превосходнѣйшей арміи въ мірѣ, стали терпѣть долѣе господство негоднаго евнуха, низкаго пафлагонца? Неужели мы отдадимъ себя въ жертву подлымъ интригамъ геникея? Повторяю тебѣ, медлить не время. Становись во главѣ войска, возложи на себя царскую діадему и—въ походъ на Константинополь!» Никифоръ колебался. Тогда, по сказанію лѣтописца, Цимисхій и Гургенъ обнажили мечи и подъ угрозой смертью вынудили его согласиться...

VI.

Около 15 іюня Никифоръ сбросилъ, наконецъ, маску и со всѣмъ войскомъ, въ сопровожденіи Цимисхія и Гургена, двинулся къ Кесаріи Каппадокійской. 3 іюля подъ стѣнами Кесаріи происходила сцена, напоминившая стародавнія времена Римской имперіи. На восходѣ солнца, передъ всею массой собранныхъ въ строю войскъ, Іоаннъ Цимисхій, Романъ Гургенъ, Никифоръ Гексакіонитъ и другіе главные вожди, съ обнаженными мечами въ рукахъ, подошли къ ставкѣ доместика, вывели его къ войску и, потрясая надъ головами оружіемъ, провозгласили автократоромъ римлянъ, всемогущимъ василевсомъ, при громкихъ пожеланіяхъ ему многолѣтія и счастливаго царствованія. Стратиги, комиты и турмархи византійской арміи, по древнему обычаю, подняли его на щитъ. Солдаты, давно подготовленные къ этому событію, восторженно привѣтствовали новаго императора оглушительными криками: «Многая лѣта Никифору Августу! Многая лѣта непобѣдимому императору, да хранитъ его Господь!» Въ особенности же энергичны были крики: «Εἰς τὴν πόλιν, εἰς τὴν πόλιν!» — «въ городъ, въ городъ!», т.-е. въ Византію...

Левъ Діаконъ говоритъ: «Очень уже скоро забылъ Никифоръ данныя имъ всего нѣсколько недѣль назадъ патріарху и сенату страшныя клятвы ничего не предпринимать противъ законныхъ правъ и неограниченной власти сыновей царя Романа». Въ оправданіе Никифора Фоки можно сказать, что для него выбора не было, ничего иного не оставалось, какъ откры-

тымъ возстаніемъ вырвать власть изъ рукъ министра-евнуха или самому погибнуть безславно. Никифоръ старался, впрочемъ, постоянно выставлять на видъ, что принялъ титулъ императора лишь въ качествѣ опекуна и защитника малолѣтнихъ царей. Онъ не надѣлъ даже царскаго вѣнца и царскихъ одеждъ, ограничившись пурпурною обувью съ вышитыми на ней золотыми орлами.

Все это совершилось такъ неожиданно и быстро, что въ Константинополѣ, въ Священныхъ Палатахъ, сенаторы и паракимоменъ узнали о провозглашеніи Никифора императоромъ отъ его же посланныхъ, привезшихъ его письма патріарху, сенату и первому министру. «Я вашъ Василевсъ,— сообщалъ онъ, — поставленный опекуномъ надъ царями самодержцами до ихъ совершеннолѣтія. Я прибуду неотложно въ Константинополь. Примите меня, какъ государя вашего, и я сохраню за вами должности и чины ваши, и новыми васъ награжу. Въ противномъ случаѣ вы погибнете отъ меча и огня».

Старый и уже больной министръ-евнухъ не потерялъ бодрости, энергично приготовился къ оборонѣ столицы войсками гвардіи и македонскими полками, составлявшими гарнизонъ города, распорядился вооружить стѣны, завалить ворота, собрать съ береговъ Босфора и Мраморнаго моря всѣ суда безъ исключенія въ Золотой Рогъ и затянуть цѣпями портъ, дабы лишить мятежниковъ возможности переправиться черезъ проливъ. Въ воскресенье, 9 августа, войска Никифора подступили къ Хрисополю на азіатскомъ берегу Босфора (нынѣ Скутари) и заняли городъ безъ боя. Остановленная отсутствіемъ судовъ, вся армія Никифора принуждена была остановиться по ту сторону пролива, и неизвѣстно, когда и чѣмъ бы это кончилось, еслибъ въ самомъ Константинополѣ не вспыхнуло ужасное народное возстаніе, во главѣ котораго сталъ евнухъ Василій, незаконный сынъ Романа Лакапена, бывшій долгое время паракимоменомъ, первымъ лицомъ послѣ императора во дворцѣ, и смѣщенный ради того, чтобы мѣсто это занялъ Вринга. Василій не былъ, однако, лишенъ благодушнымъ Романомъ II ни сана патриція, ни имущества и спокойно проживалъ въ своихъ богатыхъ византійскихъ палатахъ «не у дѣлъ», за что онъ глубоко ненавидѣлъ своего замѣстителя. Дабы дать нѣкоторое понятіе о житьѣ-бытьѣ знатнаго, хотя и отставного, вельможи тѣхъ временъ, замѣтимъ, что для борьбы съ министромъ онъ вооружилъ 3,000 своихъ рабовъ и тѣмъ не мало способствовалъ успѣху возстанія, превратившагося скоро въ настоящую революцію.

Послѣ трехдневнаго ожесточеннаго уличнаго боя роскошный дворецъ Вринги оказался разрушеннымъ до основанія, дома его приверженцевъ разграблены и разгромлены, множество народа побито, портъ взятъ силой, стоявшія въ немъ суда отдались побѣдителямъ и двинулись навстрѣчу новому властителю царства.

15 августа Никифоръ, по обычаю, препроводилъ патріарху своеобразный, собственноручно написанный документъ, заключающій въ себѣ Сим-

волъ вѣры, признаніе всѣхъ догматовъ и постановленій каѳолической и апостольской церкви, обѣщаніе быть всегда ея вѣрнымъ и покорнымъ сыномъ и рабомъ, быть ея защитникомъ и мстителемъ за нее, обязательство право и милостиво править, отвергая и предавая анаѳемѣ все, что отвергали и предали анаѳемѣ святые отцы; затѣмъ слѣдовало клятвенное подтвержденіе сдержать и исполнить вышеизложенное и такая подпись: «Все предшествующее я, Никифоръ, императоръ, вѣрный Христу, и василевсъ римлянъ, написалъ и подписалъ собственноручно, и передаю въ руки моего святѣйшаго господина, вселенскаго патріарха Поліевкта, и, съ нимъ вмѣстѣ, божественному и святѣйшему синоду».

16-го, въ воскресенье, раннимъ утромъ Никифоръ, въ сопровожденіи паракимомена Василія и высшихъ чиновъ, взошелъ на императорскій корабль, предназначенный исключительно для поѣздокъ царей. Богато раззолоченный, блестящій яркими красками, онъ былъ изукрашенъ шелковыми флагами и парусами, сфинксами, львами и сиренами — на носу и по бортамъ и статуей св. Георгія — на кормѣ. Подъ пурпурнымъ наметомъ, поддерживаемымъ золочеными каріатидами, возвышался серебряный тронъ. Матросы царскаго эпипажа держали въ рукахъ золоченыя весла.

Переправившись на европейскій берегъ Мраморнаго моря въ сопровожденіи всего флота, Никифоръ съ блестящею свитой перешелъ въ загородный дворецъ, откуда долженъ былъ состояться торжественный въѣздъ въ столицу, не многимъ отличавшійся отъ тріумфальныхъ въѣздовъ. Тѣ же безчисленныя толпы народа запружали улицы, тѣ же куренія ѳиміама и днемъ зажженныя тысячи факеловъ, восторженные клики, хвалебные гимны и привѣтственныя пѣснопѣнія встрѣчали и провожали побѣдоноснаго, боголюбиваго и равноапостольнаго василевса. Главное различіе было въ томъ, что шествующій царь долженъ былъ многократно сходить съ своего бѣлаго коня, дабы поклониться лежащимъ на пути святынямъ, приложиться къ нимъ и поставить свѣчи. Кромѣ того, царю предстояло нѣсколько разъ переодѣваться, замѣняя послѣдовательно воинское убранство болѣе пышными царскими одеждами, прежде чѣмъ онъ достигнетъ Великой Церкви св. Софіи для окончательнаго облаченія, мѵропомазанія и коронованія.

Отъ церкви Пречистой Богородицы *(Thèotòkos)* на Форумѣ Никифоръ, еще разъ переодѣтый, прослѣдовалъ пѣшкомъ черезъ Августеонъ къ *Орологіону* (залѣ «часовъ», прилегающей къ храму св. Софіи). Во время шествія сенаторъ, обходя возвышенія, окружавшія площадь, разбрасывалъ народу такъ-называемую *эпикомбіа*, по стародавнему обычаю консульскому,—малые хлѣбы съ заключающимися въ нихъ монетами: тремя золотыми, тр[illegible]я серебряными и тремя мѣдными. Этихъ дачъ разбрасывалось столько [illegible]сячъ, сколько заранѣе указано было императоромъ.

Въ храмъ императоръ вступилъ съ предпесеніемъ святого креста. П[illegible]ріархъ со всѣмъ клиромъ встрѣтилъ царя у дверей храма и провелъ [illegible] царскій притворъ *Метаторіонъ*. Тутъ евнухи кубикуларіи, оградивъ ц[illegible]

завѣсами, снова переодѣли его, и тогда, наконецъ, патріархъ ввелъ его въ самый храмъ черезъ врата, называемыя *Василики*, провелъ его въ алтарь и, вернувшись, поставилъ на амвонѣ передъ патріаршимъ мѣстомъ. Здѣсь на аналоѣ *) приготовлены были царскія облаченія, царскій вѣнецъ и другія эмблемы верховной власти. Патріархъ прочелъ надъ ними установленныя молитвы, благословилъ ихъ и облаченіе передалъ кубикуляріямъ, которые тотчасъ же надѣли его на царя. Василевсъ преклонилъ колѣна, патріархъ прочелъ опять молитвы, частью вслухъ, частью тихимъ голосомъ, снялъ съ Никифора «тіару», начерталъ священнымъ мѵромъ знаменіе креста на его лбу и возложилъ на него царскій вѣнецъ. Хоръ пѣлъ: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Твоея». Затѣмъ возглашено многолѣтіе Никифору, «великому василевсу и самодержцу!» Въ заключеніе патріархъ передалъ царю *акакію*—шелковый мѣшечекъ съ землей, долженствующій напоминать властителю о смиреніи и суетности всего земного. Царь, съ своей стороны, положилъ на аналой *апокомбіонъ* — обязательный даръ, состоящій изъ извѣстнаго числа золотыхъ.

По окончаніи церковнаго обряда, Никифоръ, сопровождаемый сотней варяговъ, вооруженныхъ топорами, и сотней богато вооруженныхъ молодыхъ людей изъ знатнѣйшихъ семействъ столичныхъ архонтовъ, сошелъ съ амвона на противоположную сторону, вновь обошелъ храмъ и вернулся въ Метаторіонъ, гдѣ и сѣлъ на тронъ. Тутъ началось поклоненіе Василевсу. Къ нему подходили, по порядку іерархіи, высшіе чины, простирались ницъ и, колѣнопреклоненные, цѣловали оба колѣна своего новаго государя. За магистрами слѣдовали патриціи, потомъ стратиги, протоспаѳаріи, чины военной свиты и начальники отрядовъ гвардіи, сенаторы и ипаты, спаѳаріи, страторы, комиты, кандидаты, скрибы, протосикриты, вистиаріи и силентіаріи и мн. др. съ наименованіями еще болѣе странными...

Нельзя сказать съ достовѣрностью, присутствовала ли Ѳеофано при коронованіи. Ея сыновья были навѣрное, и есть основаніе думать, что она тоже была. По всей вѣроятности, она сидѣла близъ алтаря на возвышеніи, покрытомъ пурпуромъ, гдѣ стояли три золотыхъ трона для нея и ея сыновей. Въ черномъ *иматіонѣ*, въ фіолетовомъ вдовьемъ покрывалѣ, держа въ правой рукѣ золотую вѣтвь, осыпанную крупными жемчугами, она должна была сидѣть совершенно неподвижно. Два евнуха поддерживали ее локти во время шествія, ее сопровождалъ весь женскій штатъ двора.

VII.

Когда Никифоръ сталъ самодержцемъ и повелителемъ имперіи за двухъ малолѣтнихъ царей, Василія и Константина, ему было около пяти-

---

*) Французскій историкъ говоритъ: „Sur l'ambon était placé l'antiminsion, petit autel portatif à pièrre consacrée“. Мы позволили себѣ „антиминсіонъ“ перевести словомъ аналой, ибо въ нашей церкви „антиминсъ“ имѣетъ совсѣмъ иное значеніе.

десяти лѣтъ,—пятьдесятъ одинъ годъ, по словамъ Льва Діакона. Лѣтописецъ этотъ, современникъ Никифора, часто его видавшій, оставилъ намъ такой портретъ царя: лицо его было оливковаго цвѣта, очень темнаго отъ загара подъ жгучимъ солнцемъ Сиріи. У Никифора были очень густые и длинные черные волосы, черные, очень маленькіе глаза, взглядъ задумчивый и печальный, сверкающій мрачнымъ огнемъ, подъ густыми бровями, носъ средній, на концѣ приплюснутый, борода рѣдкая и не длинная съ очень замѣтною сѣдиной на щекахъ. Онъ былъ малаго роста, толстъ и необыкновенно широкъ въ плечахъ и въ груди.

Характера онъ былъ угрюмаго, необщительнаго, «скорѣе мрачнаго», но очень страстнаго темперамента, вѣчно сдерживаемаго суровымъ аскетизмомъ, результатомъ большой религіозности, доходившей до мистицизма. Какъ уже было сказано ранѣе, Никифоръ обладалъ необычайною физическою силой, любилъ всякія тѣлесныя упражненія и въ нихъ отличался удивительною ловкостью. Онъ любилъ охоту, но всего болѣе онъ любилъ военное дѣло, свою армію, своихъ солдатъ, и былъ самъ первымъ воиномъ и первымъ полководцемъ своего времени, обожаемымъ войсками, несмотря на его строгость, доходившую до жестокости въ случаяхъ нарушенія воинскихъ уставовъ и дисциплины *). Онъ былъ не чувствителенъ къ восхваленіямъ и лести,—скроменъ, сдержанъ, серьезенъ и суровъ, замѣчательно искусенъ въ политикѣ, хитеръ до величайшаго лукавства, умѣло обходителенъ съ побѣжденными, насколько это допустимо было въ тѣ безпощадныя времена,—былъ милосердъ къ несчастнымъ и нищимъ, къ вдовицамъ и сиротамъ. Своимъ благочестіемъ и строгимъ исполненіемъ уставовъ церковныхъ онъ заслужилъ любовь и преданность всего духовенства, превратившуюся впослѣдствіи въ большую вражду, когда изъ соображеній государственныхъ онъ посягнулъ на матеріальныя выгоды клира. Единственный укоръ всѣ безъ изъятія дѣлаютъ Никифору за его скупость, унаслѣдованную имъ отъ своего отца, извѣстнаго скряги Варды Фоки. Таковы отзывы о новомъ императорѣ его панегиристовъ и безпристрастныхъ писателей. Люди, ему враждебные, не только сгущали краски, изображая его недостатки, но не рѣдко въ вину обращали самыя достоинства, настаивали на его скупости, жестокости, двоедушіи, хитрости въ дѣлахъ войны и политики,—хитрости, безъ которой не только въ тѣ далекія времена, но и нынѣ не обходятся дипломаты и военачальники.

Вопреки обыкновенію, искони установившемуся въ Византіи, Никифоръ не проявилъ особенной жестокости въ отношеніи низверженныхъ противниковъ. Онъ ограничился тѣмъ, что даже злѣйшаго своего врага, евнуха

*) Левъ Діаконъ передаетъ такой случай: во время похода, изнемогавшій отъ утомленія солдатъ бросилъ свое оружіе. Никифоръ замѣтилъ это, приказалъ выпороть солдата и отрѣзать ему носъ. Сотникъ (центуріонъ), изъ жалости или за взятку, послѣдняго приказанія не исполнилъ. На другой день Никифоръ увидалъ солдата, узналъ его и приказалъ тотчасъ же отодрать ослушавшагося сотника и ему отрѣзать носъ.

Врингу, удалилъ отъ высокихъ должностей и послалъ на жительство въ Пафлагонію, его родину, гдѣ онъ и умеръ около 971 г. Относительно остальныхъ ничего неизвѣстно. Изъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ возвышенію Никифора, евнухъ Василій получилъ титулъ проэдра, предсѣдательствующаго въ сенатѣ, и съ тѣхъ поръ занималъ это мѣсто въ теченіе 25 лѣтъ; за Іоанномъ Цимисхіемъ утверждено было назначеніе его магистромъ и доместикомъ Анатоліи; братъ Никифора, Левъ Фока, возведенъ въ санъ магистра и куропалата,—санъ очень высокій, но соединенныя съ нимъ обязанности не достаточно опредѣлены, важнѣйшею изъ нихъ было, повидимому, главное начальство надъ дворцовою стражей. Старикъ Варда Фока, отецъ императора, получилъ громкій титулъ цезаря, полузабытый къ этому времени и вновь возстановленный ради такого событія.

Поведеніе Никифора по отношенію къ молодой царицѣ Ѳеофано можетъ казаться на первый разъ страннымъ и трудно объяснимымъ. Едва сдѣлавшись властителемъ Византіи, Никифоръ поспѣшилъ удалить изъ Священныхъ Палатъ вдову Романа II. Постоянно окруженный монахами, царь и въ этомъ важномъ случаѣ поручилъ монаху Антонію *), игумену великой Студійской обители, исполнить его волю и отвезти царицу въ укрѣпленный замокъ Петріонъ, долго служившій мѣстомъ заключенія для особенно высокопоставленныхъ лицъ. Весьма правдоподобно, что сдѣлано это было съ обоюднаго согласія Никифора и Ѳеофано, ради соблюденія приличій и дабы отклонить подозрѣнія въ томъ, что любовная связь существовала между ними ранѣе. Заточеніе молодой царицы, несомнѣнно очень тяжелое для нея, было, впрочемъ, весьма непродолжительно. Въ половинѣ сентября, черезъ мѣсяцъ послѣ вступленія Никифора въ «богоспасаемый» городъ и въ Священныя Палаты, гдѣ онъ велъ строго монашескую жизнь, было назначено на 20 сентября его бракосочетаніе съ Ѳеофано. Вѣроятно онъ считалъ въ это время свое положеніе достаточно укрѣпившимся для того, чтобъ отбросить притворство и открыто заявить о своей любви къ очаровательной царицѣ.

Ѳеофано, красивѣйшая, изящнѣйшая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «порочнѣйшая» изъ женщинъ этого до крайности развращеннаго вѣка, едва ли могла питать столь же нѣжное и пламенное чувство къ пятидесятилѣтнему, некрасивому и угрюмому воину, закаленному въ бояхъ, состарѣвшемуся въ далекихъ, почти непрерывныхъ походахъ, огрубѣвшему въ монашеско-аскетической лагерной жизни. Принимая любовь полководца, потомъ бракъ съ императоромъ, она такъ поступила потому, что ничего иного ей не оставалось дѣлать, дабы удержать за собою первенствующее мѣсто въ царскихъ палатахъ и въ имперіи и имѣть вѣрнаго, надежнаго защитника себѣ и своимъ дѣтямъ въ лицѣ храбраго, разумнаго, спокойнаго и обожаемаго народомъ вождя. И Никифоръ, съ своей стороны, отлично понималъ, конечно, что бракъ съ вдовой Романа и матерью законныхъ царей,—помимо осу-

*) Впослѣдствіи—патріархъ Антоній III.

ществленія его страстныхъ мечтаній,—долженъ закрѣпить за нимъ верховную власть, захваченную имъ посредствомъ военнаго бунта. Такимъ образомъ, обѣимъ сторонамъ и людямъ, близкимъ имъ, союзъ этотъ представлялся выгоднымъ, желательнымъ и необходимымъ.

Бракосочетаніе состоялось въ воскресенье 20 сентября 963 г. *) въ небольшой дворцовой церкви, носившей наименованіе «Неа» **), *Новая*, освященной во имя Христа Спасителя, Богоматери, архангела Гавріила, пророка Иліи и чудотворца Николая, святаго архіепископа Мирликійскаго. Этотъ «царскій» храмъ, сооруженный около ста лѣтъ назадъ Василіемъ I, былъ на диво изукрашенъ цвѣтными мраморными, чудными мозаиками по золотому фону, золотомъ и серебромъ искуснѣйшей чеканки. Иконостасъ былъ покрытъ золотомъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Ступени, къ нему ведущія, и жертвенники были изъ чистаго серебра; одежда престола была «драгоцѣннѣе самого золота», говоритъ лѣтописецъ. Мозаичные полы красотою уподоблялись роскошнѣйшимъ коврамъ Востока. Кровля храма была сдѣлана изъ черепицеобразныхъ золоченыхъ бронзовыхъ пластинъ. Богатство церковной утвари не поддается никакому описанію. Нѣкоторое представленіе о немъ можетъ дать то обстоятельство, — не лишнее для характеристики византійскихъ обычаевъ, — что, по случаю пріема сарацинскихъ пословъ, для украшенія и освѣщенія дворцовыхъ залъ изъ этой церкви взято было шестьдесятъ два громадныхъ серебряныхъ паникадила.

Въ этомъ храмѣ совершено бракосочетаніе Никифора съ Ѳеофано, ознаменовавшееся крайне тягостнымъ для нихъ событіемъ. По окончаніи обряда,слѣдуя установленному обычаю,Никифоръ приблизился къ царскимъ дверямъ и хотѣлъ приложиться къ нимъ передъ вступленіемъ въ алтарь, когда патріархъ Поліевктъ рѣзко остановилъ его. Изумленный царь вопросительно взглянулъ на суроваго старца.—«Василевсъ, Богомъ вѣнчанный,—проговорилъ тотъ громкимъ голосомъ,—подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, воспрещаю тебѣ входъ во святая святыхъ. Тебѣ не безъизвѣстно, что таково каноническое правило, установленное для вступившихъ во второй бракъ» ***). Сцена въ такой моментъ, въ храмѣ, наполненномъ представителями всѣхъ слоевъ византійскаго общества, представляется величественною. Съ одной стороны—слабый, удрученный годами старецъ, съ другой—всесильный властитель имперіи, непобѣдимый царь. И ему-то, самодержцу, повелѣваетъ дряхлый и немощный старецъ!

Но старикъ былъ правъ, такое каноническое правило существовало и до сихъ поръ не утратило своей силы въ Православной Церкви. Только далеко не всякій іерархъ могъ дерзнуть напомнить о немъ царю въ такой формѣ и въ такой обстановкѣ. Никифоръ бытъ пораженъ и, не въ силахъ

*) Дни и числа какъ разъ совпадаютъ съ числами и днями нынѣшняго 1898 г.

**) Ἡ Νέα βασιλική Ἐκκλησία.

***) Первымъ бракомъ Никифоръ Фока былъ женатъ на сестрѣ Іоанна Цимисхія, умершей передъ тѣмъ года за полтора, почти одновременно съ единственнымъ ся [illegible] имъ и Никифоровымъ взрослымъ сыномъ.

будучи сдержать страшнаго гнѣва, грозно отвѣтилъ патріарху, попытался отстранить его. Блаженнѣйшій Поліевктъ возвысилъ голосъ и приказалъ царю удалиться. Изъ опасенія страшнаго скандала пришлось повиноваться, пришлось перенести жестокое униженіе, тѣмъ болѣе ужасное, что Никифоръ былъ искренно религіознымъ византійцемъ, и церковная кара необычайно тяжелымъ гнетомъ легла на его душу. За что же или для чего нанесъ патріархъ Поліевктъ всенародно такое оскорбленіе Никифору, когда могъ заранѣе, келейно, предупредить его напоминаніемъ церковнаго канона? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ и можемъ только догадываться, что патріархъ былъ противъ брака царя съ Ѳеофано, опасаясь, вѣроятно, большой власти этой порочной женщины надъ Никифоромъ и не желая выпустить благочестиваго императора изъ подъ своего личнаго вліянія и изъ рукъ духовенства. Какъ бы ни было, съ этихъ поръ начался разладъ между патріархомъ Поліевктомъ и царственными супругами, перешедшій скоро въ обоюдную вражду.

VIII.

Несмотря на непріятное происшествіе, брачныя церемоніи и торжества продолжались своимъ порядкомъ, царь и царица принимали поздравленія двора, царь—мужской его половины, царица—поздравленія дамъ высшаго общества. Въ большой залѣ геникея Ѳеофано сидѣла на высокомъ золотомъ тронѣ, совершенно неподвижная, съ лицомъ, «раскрашеннымъ яркими красками», окруженная своими евнухами протоспаѳаріями, затянутая въ длинное платье изъ золотой ткани, въ накинутой на плечи многоцвѣтной мантіи, расшитой большими клѣтками изъ жемчуговъ и рубиновъ. На головѣ царицы была діадема съ тройнымъ рядомъ крупныхъ жемчуговъ, въ рукѣ царица держала золотую вѣтвь, настоящее диво византійскаго ювелирнаго искусства. Въ этой полной неподвижности Ѳеофано имѣла видъ античнаго кумира, сплошь покрытаго драгоцѣнностями.

Первыми проходили передъ царицей и склонялись до земли всѣ дворцовые евнухи, «не имѣющіе бородъ». Кромѣ этихъ несчастныхъ, но чрезвычайно важныхъ людей, ни одинъ мужчина не допускался къ лицезрѣнію супруги василевса. Затѣмъ началась длиннѣйшая процессія женщинъ. Препозитъ, начальникъ евнуховъ, при помощи остіаріевъ, вводилъ въ залу группами, въ неизмѣнно установленномъ іерархическомъ порядкѣ, женъ сановниковъ, имѣющихъ пріѣздъ ко двору, и называлъ каждую изъ нихъ по имени, присовокупляя титулъ или чинъ супруга. Во главѣ процессіи шли высшія изъ придворныхъ дамъ, «опоясанныя» патриціанки, имѣвшія право постояннаго входа во дворецъ. Каждую изъ нихъ поддерживали подъ руки два евнуха *силентіарія*, каждая съ трудомъ опускалась на колѣни въ своемъ пышномъ и тяжеломъ убранствѣ, чтобы облобызать колѣна неподвижной повелительницы, не удостоивавшей, согласно съ этикетомъ, опустить свой взоръ на кого бы ни было, не замѣчавшей даже безконечной

вереницы склонявшихся къ ея ногамъ аристократокъ Византіи. За «опоясанными» слѣдовали супруги министровъ и патриціевъ, всѣхъ безчисленныхъ высшихъ чиновъ, начальствовавшихъ въ войскахъ, во флотѣ и въ крайне сложныхъ частяхъ гражданскаго управленія.

Въ тотъ же день состоялся большой банкетъ, «брачный пиръ», данный царемъ въ знаменитой залѣ, носившей названіе «триклинія девятнадцати возлежаній» или «*Трибуналія* девятнадцати *аккубиторовъ*» (возлежавшихъ при императорѣ). Наименованія эти произошли отъ того, что въ этомъ огромномъ залѣ размѣщалось девятнадцать столовъ, за которыми трапезующіе при царѣ возлежали, по древнему обычаю. Число трапезующихъ доходило до 240 человѣкъ. Въ глубинѣ залы находилось обширное возвышенное мѣсто, нѣчто вродѣ эстрады, называвшейся *Аккубитонъ*, гдѣ стояли тронъ и столъ императора. На верхней ступени эстрады поставлены были двѣ массивныя серебряныя колонны съ богатѣйшими драпировками, которыя спускались на то время, когда передъ пріемами царь переодѣвался въ свой парадный нарядъ. Любопытное описаніе этого зала оставилъ намъ Луитпрандъ, епископъ Кремоны, дважды бывшій посломъ въ Константинополѣ, при Константинѣ Багрянородномъ и при Никифорѣ, о чемъ мы будемъ говорить далѣе. Латинскаго прелата всего болѣе поразили множество и роскошь золотой посуды.

Скоморохи, лазальщики по жердямъ, эквилибристы, поводельщики необыкновенныхъ животныхъ забавляли пирующихъ, въ числѣ коихъ были высшіе сановники, иноземные князья и вассалы, пребывавшіе въ Константинополѣ, заложники и послы, всѣ въ своихъ національныхъ одеждахъ. Каждый изъ нихъ занималъ мѣсто по указанію особливаго чиновника, завѣдывавшаго спеціально разсаживаніемъ приглашенныхъ. Этотъ чиновникъ долженъ былъ доподлинно знать іерархическое соотношеніе гостей и строжайше соблюдать византійскій этикетъ, дабы предупредить всякія неудовольствія изъ-за мѣстъ, переходившія иногда въ крайне рѣзкія препирательства.

За этимъ пиромъ 20 сентября 963 г. Никифоръ въ первый разъ нарушилъ свой добровольный постъ и сталъ ѣсть мясо. Лѣтописецъ, отмѣтившій это обстоятельство, имѣвшее не маловажное значеніе для благочестивыхъ византійцевъ, строгихъ формалистовъ, добавляетъ нижеслѣдующія слова, наводящія на нѣкоторыя сомнѣнія: «Только единому Богу, да ему самому извѣстно, далъ ли онъ этотъ обѣтъ постничества изъ чисто-христіанскаго воздержанія, или изъ-за лукавой цѣли всѣхъ обмануть и заставить вѣрить въ свое смиренное отреченіе отъ земныхъ благъ».

Новому царю, «самодержавному» и «равноапостольному» предстоя испытать еще не мало тяжелыхъ непріятностей изъ-за брака съ очаровате нною царицей. Прикрываясь искреннимъ и суровымъ благочестіемъ престар лаго Поліевкта, при дворѣ нарастали новыя интриги. Побѣжденныя партіи тол ко временно притихли, но отнюдь не хотѣли признать свое пораженіе око чательнымъ, никогда не теряя надежды взять снова верхъ путемъ какот

либо дворцоваго переворота. А затѣмъ всякое возвышеніе одной партіи неизмѣнно создавало ей цѣлую клику ожесточенныхъ враговъ. Тѣ и другіе втихомолку работали вокругъ патріарха, стараясь подкопаться подъ царственную чету. Нежданно распространился странный слухъ, сильно встревожившій всѣхъ людей религіозныхъ и богобоязненныхъ. Стиліанъ, протоіерей палатный, совсѣмъ несвоевременно припомнилъ весьма недавній фактъ, который всѣ забыли или вспоминать не хотѣли. Дѣло въ томъ, что въ одно изъ своихъ короткихъ пребываній въ столицѣ Никифоръ Фока былъ воспріемникомъ отъ купели ребенка Θеофано и Романа II, причемъ таинство крещенія совершалъ самъ же Стиліанъ. Всѣмъ извѣстно, насколько опредѣленно и строго воспрещены уставами православной церкви браки между лицами, состоящими въ такомъ «духовномъ родствѣ». Никакая власть не можетъ разрѣшать подобные браки.

Поліевктъ, извѣщенный тѣми, кому желательно было плодить смуты, не замедлилъ явиться во дворецъ, очень довольный представившеюся возможностью выместить свою злобу на Θеофано. Съ своею обычною прямолинейностью онъ поставилъ Никифору на-выборъ—или немедленно развестись съ молодою царицей, или во всю жизнь не быть допущеннымъ къ святому причастію, т.-е. очутиться въ положеніи отлученнаго отъ церкви. Можно себѣ представить тревоги, почти ужасъ, императора, поставленнаго въ необходимость отказаться отъ любимой женщины, которую онъ только что назвалъ супругою, или подвергнуться высшей карѣ церковной. На его мѣстѣ другой царь, менѣе религіозный и менѣе сдержанный, приказалъ бы просто схватить Поліевкта и, если не прикончить его тотчасъ же, то сослать въ заточеніе въ какой-нибудь глухой монастырь. Никифоръ, сохраняя наружное спокойствіе, почтительно выслушалъ патріарха, обѣщалъ подумать и дать отвѣтъ. «Я выбираю Θеофано!»—приказалъ онъ объявить изумленному патріарху.

Ни мало не колеблясь, патріархъ уже готовился торжественно отлучить царя отъ церкви. Тогда Никифоръ вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія и, по совѣту приближенныхъ, принялъ крайне важное рѣшеніе. Рѣзко порывая сношенія съ первенствующимъ іерархомъ, онъ приказалъ созвать на своего рода соборъ всѣхъ находившихся въ столицѣ епископовъ, прибывшихъ, главнымъ образомъ, для испрошенія разныхъ милостей, по случаю воцаренія и брака императора. Къ нимъ онъ присоединилъ нѣсколькихъ знатнѣйшихъ сенаторовъ, на которыхъ могъ вполнѣ положиться. Такому-то совѣту людей, весьма важныхъ, но далеко не свободныхъ въ своихъ мнѣніяхъ, было предложено рѣшить въ качествѣ высшей инстанціи вопросъ о духовномъ родствѣ, возбужденный патріархомъ. Рѣшеніе было постановлено, совсѣмъ необычайное и не дѣлающее чести ни собранію, его постановившему, ни царю, считавшему возможнымъ имъ удовольствоваться. Не отрицая правила, воспрещающаго браки въ извѣстныхъ степеняхъ духовнаго родства, совѣтъ призналъ, что правила эти не могутъ имѣть значенія для царя, по той удивительной причинѣ, что они изданы были

въ царствованіе и отъ имени Константина Копронима, «еретика, злого гонителя церкви, обожателя демоновъ, жестокаго истребителя монаховъ, нечестиваго иконоборца» *). Такимъ образомъ бракъ Никифора и Ѳеофано признанъ правильнымъ и не подлежащимъ расторженію.

Но не такъ-то легко было справиться съ патріархомъ. Онъ на-отрѣзъ отказался принять подобное рѣшеніе и продолжалъ грозить царю полнымъ разрывомъ, что представляло величайшую опасность въ то время. Необходимо было уладить дѣло во что бы то ни стало. Въ Священныхъ Палатахъ сумѣли добиться того, что протопопъ Стиліанъ заявилъ подъ страшными клятвами передъ святѣйшимъ синодомъ и передъ сенатомъ, что ни самъ Никифоръ, ни его отецъ Варда Фока никогда не были воспріемниками ни одного изъ дѣтей Ѳеофано, и что онъ, протопопъ, ничего подобнаго никому не говорилъ. Съ другой стороны, престарѣлый Варда также клятвенно удостовѣрилъ, что ни онъ, ни его сынъ не состоятъ ни въ какомъ духовномъ родствѣ съ царицей Ѳеофано. Патріархъ Поліевктъ, покинутый своимъ клиромъ и измѣнившими епископами, вынужденъ былъ смириться передъ могуществомъ царя и не только признать его бракъ законнымъ, но и сложить съ него епитемью, опредѣленную за вторичный бракъ.

Какъ ни былъ озлобленъ Никифоръ на патріарха, какую ненависть ни питала Ѳеофано къ Поліевкту, всесильный царь во всю свою жизнь не подумалъ отомстить ему за столь тяжелыя оскорбленія, и Поліевктъ пережилъ царя, мирно закончилъ свои дни, занимая вселенскую каѳедру «царствующаго града».

М. Ремезовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Константинъ Копронимъ умеръ въ 775 г. и погребенъ въ „Усыпальницѣ Юстиніана“. Впослѣдствіи тѣло его извлечено изъ могилы и сожжено среди ипподрома.

Одинъ изъ экспериментовъ австралійскихъ колоній.

Австралійскія колоніи Англіи уже успѣли надѣлить Европу не однимъ любопытнымъ соціальнымъ экспериментомъ, и старая гордая Европа все болѣе и болѣе начинаетъ прислушиваться къ тому, что дѣлается у нашихъ юныхъ антиподовъ,—впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ Англію и англійскую прессу, которая нерѣдко приноситъ теперь извѣстія о соціальной работѣ этихъ странъ, полныхъ жизни и энергіи.

На ихъ законодательство ссылаются теперь какъ въ научной литературѣ, такъ и газетахъ, на митингахъ. Нерѣдко читаются публичныя лекціи объ австралійскихъ колоніяхъ, особенно объ ихъ наиболѣе передовой сестрѣ, Новой-Зеландіи, гдѣ большая доля посвящается соціальному законодательству.

Мы не имѣемъ въ виду говорить о торговыхъ успѣхахъ Австраліи и объ ея опытахъ на этомъ поприщѣ, которые не менѣе удивительны и поучительны для Европы, чѣмъ и ея общественная жизнь. Мы остановимся здѣсь на одной сторонѣ, болѣе скромной, именно—области обложенія, но и здѣсь мы ограничимся лишь прямыми налогами — подоходнымъ и поземельнымъ или для краткости будемъ называть прямое обложеніе просто подоходнымъ, такъ какъ оно соединено въ одномъ актѣ.

Подоходное обложеніе оригинально построено въ австралійскихъ колоніяхъ и преслѣдуетъ помимо фискальныхъ цѣлей еще борьбу съ крупной собственностью. Какъ мы увидимъ далѣе изъ статистическихъ данныхъ, Австралія уже страдаетъ теперь отъ крупныхъ земельныхъ владѣній. Большіе участки земли скуплены, въ ожиданіи поднятія цѣнъ на нее, крупными богачами, преимущественно англичанами, и лежатъ необработанными.

Налоговое законодательство и стремится, во-первыхъ, побудить къ обработкѣ этихъ латифундій, во-вторыхъ—содѣйствовать раздробленію ихъ на мелкіе участки. Насколько достигается эта цѣль, пока трудно сказать,—законодательство существуетъ еще недавно, но, во всякомъ случаѣ, эта попытка заслуживаетъ вниманія, и мы намѣрены здѣсь познакомить съ этими оригинальными формами подоходнаго и поземельнаго обложенія.

Обращаясь къ изученію формъ подоходнаго обложенія въ австралійскихъ колоніяхъ, мы, прежде всего, должны остановиться на Новой Зеландіи, успѣвшей пріобрѣсти за послѣднее время большую извѣстность своей смѣлой соціальной политикой [1]). Такъ какъ система подоходнаго обложенія здѣсь является лишь частью всей соціальной политики колоніи, то мы хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ должны коснуться и этого вопроса.

Соціальная политика обязана въ Новой Зеландіи сліянію двухъ партій, либеральной и рабочей, въ руки которыхъ съ половины 1891 г. перешла власть въ Новой-Зеландіи [2]). Съ этого времени и замѣчается въ Новой-Зеландіи сильный толчокъ въ пользу расширенія государственныхъ функцій.

«Австралійскія колоніи,—говоритъ S. Ch. Dilke,—чувствуютъ, что ихъ правительство—правительство всего народа и что народъ долженъ дѣлать полное употребленіе изъ функцій правительства, чтобы достичь всего, что можетъ быть выполнено посредствомъ него» [3]).

Итакъ, сліяніе партій Trade Unions и либераловъ послѣ стачки 1890 г. придало новое содержаніе ново-зеландской политикѣ. Программа новаго министерства во главѣ съ Ballance'омъ была такъ формулирована Reeves'омъ въ 1894 г.: реформированіе обложенія, поземельныхъ законовъ, рабочаго законодательства [4]). «Крупныя владѣнія,—говоритъ Reeves въ палатѣ представителей при обсужденіи билля о поземельномъ и подоходномъ налогѣ,—частью ли или совершенно безъ улучшеній—соціальная язва (social pest), индустріальное препятствіе, барьеръ прогрессу» [5]).

«Наша политика,—говоритъ Reeves,—имѣетъ своей цѣлью увеличеніе и расширеніе функцій государства» [6]). Лозунгомъ ея должно быть откры-

---

1) Колоніи Австраліи представляютъ большой интересъ по своимъ соціальнымъ экспериментамъ,—жизнь здѣсь идетъ быстрѣе, соціальныя реформы не встрѣчаютъ такого препятствія, какъ въ Старомъ Свѣтѣ. „Пріобрѣтенные интересы (Vested interest) и традиціи такъ сильны въ Англіи, что это требуетъ многихъ лѣтъ, чтобы реформа, почти всѣми одобренная, могла быть проведена, между тѣмъ въ колоніяхъ мало препятствій для превращенія теорій въ практику“ (см. *Journal of the Royal Colonial Institute*, № 7, Session 1891—2. London, June 1892, см. Westby B. Perceval—бывшаго генеральнаго агента Новой-Зеландіи въ Лондонѣ, стр. 425). То же самое говоритъ Pierre Ler. Beaulieu, сынъ знаменитаго французскаго экономиста, недавно посѣтившій Новую-Зеландію. „Современныя стремленія (aspirations), продолжительныя или эфемерныя, гораздо менѣе сдерживаются въ колоніяхъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ Европѣ, благодаря традиціямъ прошлаго, и потому колонія для насъ теперь истинная лабораторія соціальнагo значенія (un véritable laboratoire de Science Sociale). См. *Pierre Ler. Beaulieu:* „L'Australie et la Nouvelle Zélande“ въ *Revue des Deux Mondes* 1896, авг., стр. 627.

2) *The National Review*, August 1896, art. „Five Years reform in New-Zealand by the Hon“. W. P. Reeves.

3) *S. Ch. Dilke:* „Problems of Great Britain“. 1890. Vol. II, 265.

4) *The Nation. Review* 1896, авг., стр. 226—7.

5) Цитир. по ст. „Progressive Legislation in New-Zealand“. *Progressive Review.* London. Decemb. 1896, стр. 236.

6) Ibid., стр. 234, и „Annual Register“ 1895, стр. 413.

тое поле дѣятельности для каждаго, но никто не долженъ получать слишкомъ много [1]).

Въ 1894 г. прошелъ The Factories Act—касающійся рабочаго законодательства.

По этому акту всѣ мастерскія (workslops), гдѣ работаютъ два или болѣе лицъ, должны быть зарегистрованы и подлежать надзору фабричной инспекціи во всякое время дня и ночи. Хозяинъ и слуга (servant) считаются за два лица и слѣдовательно уже подлежатъ надзору фабричной инспекціи. Эта послѣдняя имѣетъ право требовать тогда такой вмѣстимости помѣщенія и вентиляціи и другихъ санитарныхъ условій, какія она считаетъ необходимыми для сохраненія жизни и здоровья рабочихъ. Рабочій возрастъ начинается съ 14 лѣтъ, при этомъ требуется свидѣтельство объ образованіи. Женщины и дѣти до 18 лѣтъ не могутъ начинать работать ранѣе $7^3/_4$ час. утра и работать позже 6 час. вечера и во всякомъ случаѣ работать не болѣе 48 часовъ въ недѣлю. Всѣ рабочіе безразлично, работающіе поденно или сдѣльно (time-workers и piece-workers) имѣютъ съ 1 часу дня въ субботу полдня свободныхъ (half-holiday). Притомъ этотъ полупраздникъ дается для поденныхъ рабочихъ безъ вычета платы.

Сверхурочная работа можетъ быть позволена лишь въ теченіе 28 дней въ году, но притомъ должна оплачиваться не менѣе какъ по 6 пенсовъ за часъ extra, т.-е. по 22—3 коп. extra въ часъ. Фабриканты, занимающіе работой лицъ на сторонѣ, т.-е. внѣ фабрики, должны имѣть полный регистръ этихъ лицъ и всѣ продукты и вещи, сдѣланные внѣ фабрики, носятъ штемпель «tenement made», за удаленіе котораго до продажи вещи фабрикантъ является отвѣтственнымъ и подлежитъ штрафу. Фабрики должны быть снабжены отдѣльными столовыми для женщинъ-работницъ. Всѣ конторы должны закрываться въ 5 ч. вечера, а въ субботу въ 1 ч. дня.

Правительство вслѣдствіе сильной оппозиціи не въ состояніи было обезпечить раннее закрытіе лавокъ, и поэтому провело законъ объ одномъ-недѣльномъ отдыхѣ (half-holiday), при этомъ мѣстные муниципальные совѣты сами выбираютъ любой день для этого отдыха [2]).

Организованъ особый департаментъ труда для собиранія свѣдѣній о положеніи труда какъ въ Новой Зеландіи, такъ и внѣ ея, и для публикацій—очень содержательный ежемѣсячный журналъ (стоимость его—2 пенса [3]). Всѣ государственныя работы, какъ-то: сооруженіе дорогъ, дренажъ, постройка зданій и т. д., производятся теперь безъ посредства подрядчиковъ, а правительство закупаетъ само матеріалъ и затѣмъ дѣлитъ работу на части,

---

1) Ibid., „Progr. Legislation", стр. 236.

2) Упомянутая ст. Reeves'a, стр. 846—7 (г. Reeves былъ прежде министромъ торговли, а теперь генеральнымъ агентомъ Новой-Зеландіи въ Лондонѣ).

3) Книжки журнала, довольно толстыя, содержатъ нерѣдко статьи и объ Россіи. Напримѣръ, намъ приходилось видѣть тамъ статьи объ артеляхъ или замѣтки о сокращеніи рабочаго дня на нѣкоторыхъ нашихъ фабрикахъ.

которыя и сдаетъ подрядомъ группамъ рабочихъ, состоящихъ изъ 4—8 человѣкъ. Эта система очень популярна среди рабочихъ [1]).

Паденіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты поставило въ очень критическое положеніе землевладѣльцевъ и съ этой цѣлью въ колоніи былъ организованъ земледѣльческій государственный кредитъ. По этому акту ссуды даются государствомъ въ размѣрѣ 3/5 цѣнности земли (freehold) или 1/2 leasehold'а изъ 5%, причемъ прибавляется еще 1% для погашенія долга [2]).

Актомъ 1895 г. (Licensing Act 1895) введена, такъ называемая, система localoption въ питейную торговлю. Право рѣшать о закрытіи мѣстъ питейной продажи находится теперь въ рукахъ всѣхъ жителей округа, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, и голоса отбираются каждые 3 года.

Каждый подаетъ голосъ или за полное закрытіе всѣхъ заведеній, или за сокращеніе числа ихъ.

Для полнаго закрытія требуется 3/5 всѣхъ голосовъ, но теперь идетъ борьба за то, чтобы большинствомъ даже одного голоса можно было прекращать продажу спиртныхъ напитковъ.

Конституціонныя реформы были также значительны. Такъ женщины получили избирательное право въ парламентъ и только 35 голосами противъ 26 было отклонено допущеніе женщинъ въ законодательное собраніе [3]).

Въ Верхнюю палату члены стали назначаться теперь не пожизненно, какъ было до сихъ поръ, а лишь на семь лѣтъ [4]).

Всѣ эти реформы встрѣчали, конечно, сильную оппозицію въ болѣе богатыхъ классахъ общества.

Реформы, о которыхъ говорятъ теперь, это—referendum, созданіе особыхъ органовъ для опредѣленія ренты за пользованіе землей, т.-е. опредѣленіе ренты судомъ.

И теперь еще болѣе богатые классы—въ оппозиціи правительству. Сторонники правительства въ Ново-Зеландскомъ высшемъ обществѣ рѣже даже, чѣмъ гомрулеры въ лондонскомъ обществѣ [5]).

Существенной частью этой политики является и реформа налоговой системы въ Новой-Зеландіи.

Таможенныя пошлины тяжело ложатся здѣсь на рабочій классъ и подоходный налогъ помимо своей спеціальной задачи, которую мы увидимъ ниже, имѣлъ въ виду быть коррективомъ косвеннаго обложенія.

Въ 1891 г. прошелъ актъ о подоходномъ налогѣ [6]). Мы сначала изложимъ актъ, а потомъ уже намъ ясны будутъ его цѣли.

---

1) Ibid. Reeves, 849—50.

2) Ibid. Reeves. „Несправедливо, чтобы народъ страдалъ отъ недостатка денег , когда въ этомъ вовсе не его вина" (Ann. Register 1894, стр. 409)—принципъ нов зеландской политики.

3) См. Ann. Register. 1895, стр. 413.

4) The State audits functions in New Zealand, стр. 13.

5) *Progressive Review* Dec. 1896, стр. 237.

6) An Act to regulate the assessment of Land and Income for the purpose of tax

Актъ собственно слагается изъ двухъ частей—поземельнаго налога и подоходнаго. Та и другая часть имѣютъ одну и ту же цѣль—обложеніе, но обложеніе земли, какъ мы увидимъ ниже, преслѣдуетъ и особую специальную цѣль, а именно раздробленіе поземельной собственности и въ Новой Зеландіи [1]). Разсмотримъ сначала поземельный налогъ.

Земля облагается по дѣйствительной цѣнности «actual value». Подъ этимъ терминомъ подразумѣвается капитальная цѣнность земли, за которую она могла бы быть продана (purchased for cash [2]).

Новая Зеландія не достаточно колонизована, къ тому же богатые англичане скупили много земли и держатъ ее въ своихъ рукахъ, не пуская въ обработку, ожидая поднятія цѣнъ. Земля лежитъ безъ обработки во вреду общества, и вотъ, чтобы содѣйствовать колонизаціи и обработкѣ ея, въ поземельномъ обложеніи въ видахъ поощренія проведено освобожденіе отъ налога всѣхъ земельныхъ усовершенствованій [3]). По закону 1891 г. были освобождены усовершенствованія лишь на сумму въ 3,000 ф. ст., но новымъ парламентскимъ актомъ 1893 г. это изъятіе было распространено на всю сумму земельныхъ улучшеній безъ ограниченія суммой. Это освобожденіе всѣхъ земельныхъ улучшеній мотивируется министромъ финансовъ выгодностью этого для всей колоніи и спеціально для рабочихъ. Такимъ путемъ думаютъ поощрить собственниковъ затрачивать капиталы на улучшеніе ихъ земли, увеличеніе продуктивности которой будетъ прямой выгодой для колоніи [4]). Участки земли до 500 ф. ст. совсѣмъ свободны отъ налога.

Земля облагается по 1 пенсу съ 1 ф. ст. ея цѣнности. Это, такъ сказать, основной налогъ, но кромѣ него установленъ дополнительный налогъ на землю цѣнностью свыше 5,000 ф. ст. Это дополнительное обложеніе въ 1891 г., начинаясь съ $^1/_8$ п., шло поднимаясь до $1^1/_8$ п. съ 1 ф. ст., но въ 1893 г. оно было поднято до 2 п. [5]).

Слѣдовательно обложеніе земли совершается теперь по *прогрессивной*

---

tion, 8 Sept. 1891. См. The Statutes of New Zealand. Willington. 1891, 54—55. Vict. № 18. См. также оффиціальное отдѣльное изданіе акта The Land and Inc. Ass. Acts of 1891, and 1892. Willington, 1892.

[1]) Еще ранѣе введенія прогрессивнаго поземельнаго налога ту же цѣль раздробленія крупныхъ поземельныхъ владѣній преслѣдовали и прогрессивные налоги на наслѣдство. См. объ этомъ *Charles Dilke*: „Problems of Greater Britain". London, 1890. Vol. II, 275.

[2]) См. Sched. A. 1. Акта.

[3]) Подъ „Improvement", т.-е. улучшеніемъ, подразумѣваются дома, строенія, дренажъ, очистка земли изъ-подъ лѣса и т. д. См. *Seligmann.*: „Essays in Taxation". 18[illegible], стр. 317.

[4]) См. Financ. Statement. 13. 6. Appendix to the House of Repres. Willington, 18[illegible]3, стр. 16.

[5]) Это увеличеніе до 2 п. объясняется просто желаніемъ покрыть ожидаемый де[illegible]цитъ отъ поземельнаго налога въ виду отмѣны максимальныхъ границъ изъятія от[ъ] обложенія земельныхъ улучшеній. Прежде эта граница распространялась, какъ мы [в]идѣли, до 3,000 ф. ст.

скалѣ, и дополнительный налогъ, являясь добавкой къ основному, варьируется такъ: при цѣнности земли

отъ	5,000	до 10,000	ф. ст.	по	$^1/_8$ п.	съ 1 ф. ст. стоимости земли.	
»	10,000	» 15,000	»	»	» $^2/_8$ п.		
»	15,000	» 20,000	»	»	» $^3/_8$ п.		
»	50,000	» 70,000	»	»	» 1 п.		
»	210,000	и выше	»	»	» 2 п.		

Слѣдовательно въ то время, какъ мелкія земельныя владѣнія до 5,000 ф. ст. платятъ всего лишь по 1 п. съ фунта, крупныя свыше 210,000 ф. ст. платятъ по 3 п.

Но это еще далеко не указываетъ всей тяжести обложенія крупнаго землевладѣнія сравнительно съ мелкимъ, а именно по закону при обложеніи земли гипотечные долги, разъ они зарегистрованы, не подлежатъ обложенію. Самъ кредиторъ уплачиваетъ налогъ съ нихъ [1]), но этотъ вычетъ ипотечныхъ долговъ распространяется лишь на имѣнія, цѣнность которыхъ не превышаетъ 50,000 ф. ст., т.-е., когда по взгляду законодателя, имѣніе является черезчуръ крупнымъ и къ нему примѣняется дополнительное обложеніе, тогда оно уже лишается привилегіи вычитать ипотечные долги [2]). Какъ мы уже указывали, имѣнія до 500 ф. ст. свободны отъ налога, но и затѣмъ, если стоимость имѣнія превышаетъ эту цифру 500 ф. ст., но не свыше 1,500 ф. ст. (по вычету ипотекъ и земельныхъ улучшеній), то и тогда первые 500 ф. ст. не подлежатъ обложенію, а затѣмъ этотъ вычетъ производится все въ уменьшающемся размѣрѣ, и совсѣмъ онъ исчезаетъ при имѣніяхъ цѣнностью въ 2,500 ф. ст. [3]).

Кромѣ того налогъ увеличивается на 20%, когда собственникъ отсутствовалъ изъ колоніи въ теченіе 3-хъ лѣтъ до проведенія этого акта [4]).

Этотъ налогъ разсчитанъ, конечно, на крупныхъ владѣльцевъ, преимущественно англичанъ, скупившихъ землю въ Новой Зеландіи, но не живущихъ въ ней, но онъ далъ ничтожную сумму—всего 668 ф. ст., тогда какъ путемъ прогрессированія налога получено было 70,000 ф. ст. Изъ 91,501 поземельныхъ собственниковъ, налогу подлежали лишь 12,557 лицъ [5]).

Оцѣнка земли и улучшеній производится особыми коммиссіонерами [6]). На ихъ рѣшенія собственники земли приносятъ жалобу въ спеціальное учрежденіе Board of Review, которое и рѣшаетъ вопросы окончательно

---

[1]) Но кредиторъ уплачиваетъ съ ипотеки лишь *основной налогъ*, но не платитъ дополнительнаго налога.

[2]) Стоимость земельныхъ улучшеній вычитается при имѣніяхъ всякой величины и всякой цѣнности.

[3]) Official Year Book of New Zealand, 1894. Land and Income tax by S. M. Go[illegible]n, стр. 245.

[4]) См. Year Book of New Zealand, 1893, стр. 420.

[5]) Year Book. 1893, стр. 420.

[6]) Но оцѣнка покоится на предварительной декларація плательщиковъ См. [illegible]rt III, 17 Act'a.

Любопытно постановленіе закона, предоставляющее право собственнику земли, недовольному постановленіемъ Board объ оцѣнкѣ, предложить этой послѣдней или понизить оцѣнку до размѣра, указаннаго собственникомъ, или купить землю за счетъ государства (см. § 330—31 Art'а) [1]).

Введеніе этого параграфа объясняется, какъ это ни странно на первый взглядъ, недостаткомъ земли въ Новой-Зеландіи, благодаря огромнымъ скупамъ. Парламентъ открываетъ теперь даже спеціальный кредитъ правительству для покупки земли. И правительство намѣренно ввело этотъ параграфъ, чтобъ имѣть возможность расширить свои домены. Случаи покупки земли, слишкомъ высоко оцѣненной, уже были, а именно коммиссіонеры купили одно крупное владѣніе (Cheviot estate), стоимостью въ 364,826 ф. ст. Собственникъ же показалъ стоимость всего въ 260,220 ф. ст. Имѣніе содержитъ 84,222 акра. Правительство произвело 4 оцѣнки имѣнія: въ 304,826 ф. ст., 300,767 ф. ст., 285,000 ф. ст. и 295,998 ф. ст., и въ 1893 году имѣніе было куплено. Имѣніе было раздроблено на участки и частью продано, а частью сдано въ аренду небольшими участками. 31 марта 1891 г. на этомъ участкѣ жило 800 человѣкъ. Въ рукахъ правительства теперь всего осталось отъ этого имѣнія 3,098 акровъ [2]). Рента, уплачиваемая правительству, достигаетъ 5% стоимости имѣнія и, кромѣ того, проведена на участкѣ дорога, длиною въ 112 километровъ [3]).

Въ виду огромныхъ затратъ, связанныхъ съ оцѣнкой земли (тамъ постоянно заняты были 200 ассессоровъ, кромѣ клерковъ и др. лицъ; одно содержаніе этихъ лицъ поглощало въ годъ 30,000 ф. ст.), въ 1894 году прошелъ законъ, оставляющій оцѣнку земли 1892 г. въ силѣ на будущее время. Но чтобъ оцѣнка не расходилась съ дѣйствительною цѣнностью земли, законъ предусматриваетъ возможность новыхъ переоцѣнокъ или по требованію коммиссіонера, или собственниковъ, такъ что если коммиссіонеръ на будущее время увидитъ, что оффиціальная оцѣнка отстаетъ отъ дѣйствительной, то онъ можетъ потребовать переоцѣнки; точно также если цѣнность земли понижается ниже оффиціальной, то собственникъ можетъ предъявить подобное же требованіе о производствѣ новой оцѣнки [4]).

Это, конечно, очень опасный путь, и эта часть подоходнаго обложенія можетъ превратиться въ простой поземельный налогъ старой формаціи Ertragsteuer) [5]). Дальнѣйшая исторія этого оригинальнаго налога будетъ

---

[1]) И ранѣе при системѣ поимущественнаго налога существовало право собственника—въ случаѣ высокой оцѣнки имущества требовать покупки его государствомъ по правительственной оцѣнкѣ+10%. См. Charles Dilke: „Problems of Greater Britain". Т. I, стр. 420—1.

[2]) См. Cheviot estate, стр. 4. Appendix to the Journal of the House of Repres. of New-Zealand. Willington, 1895. Vol. I, а также The New - Zealand Official Year Book 1895 by E. Dadelszen. Willington, 1895.

[3]) Упомянутая статья Reeves'а, стр. 840.

[4]) См. Land and Income Ass. Acts Amend. 1894 г., № 65, а также Year Book 1896 г., стр. 324.

[5]) Впрочемъ, въ виду того, что цѣнность земли безъ усовершенствованій горазд

зависѣть отъ бдительности, съ какой коммиссіонеры будутъ слѣдить за измѣненіемъ цѣнъ на земли [1]). Въ теоріи подоходнаго налога мы должны отмѣтить любопытный запросъ въ палатѣ депутата Rhodes'а къ министру финансовъ [2]). Запросъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Не думаетъ ли министръ финансовъ внести поправку къ Land and Income Ass. Act въ томъ смыслѣ, чтобы собственники могли бы являться и обжаловать оцѣнку другихъ поземельныхъ собственниковъ и чтобы въ виду этого оцѣнки были открыты публикѣ?» Rhodes мотивировалъ это тѣмъ, что многіе собственники были недовольны оцѣнками сосѣднихъ участковъ. Министръ финансовъ возразилъ ссылкой на Rating Act 1882 и 1883 г., с. 9, по которому каждый плательщикъ можетъ обжаловать оцѣнку другихъ имѣній, находящихся въ томъ участкѣ, гдѣ онъ живетъ, и что въ силу того же акта за 14 дней до засѣданія Board of Revenue оцѣночные списки должны быть открыты для всякаго желающаго [3]).

Повидимому, прекращеніе годичныхъ оцѣнокъ поземельной собственности не отмѣнило закона 1882 г. и слѣдовательно за правильнымъ соотношеніемъ между оффиціальными оцѣнками и дѣйствительною цѣнностью земли будетъ слѣдить все общество. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, насколько пользуются этимъ правомъ плательщики и пользуются ли. Но признаніе этого принципа важно въ теоретическомъ отношеніи. *Размѣръ обложенія каждаго отдѣльнаго лица не есть его личное дѣло, но имѣетъ публичный интересъ.*

Размѣръ налога ежегодно опредѣляется актомъ парламента, такъ какъ онъ опредѣленъ въ 1895 г. для доходовъ физическихъ лицъ, если доходъ не превышаетъ 1,000 ф. ст. по 6 п. съ 1 ф. ст., а свыше 1,000 ф. ст. по 1 ш.; доходы же компаній облагаются въ размѣрѣ 1 ш. съ 1 ф. ст. [4]).

При введеніи подоходнаго налога въ Новой Зеландіи говорили, что прогрессивный налогъ уронитъ капиталъ и понизитъ спросъ на трудъ. Но капиталъ продолжалъ возрастать и увеличился на 11.000,000 ф. ст. только за послѣднія 5 лѣтъ [5]).

менѣе подвержена колебаніямъ, чѣмъ цѣнность земли + усовершенствованія, то не ожидается, чтобъ эти переоцѣнки были часты (Year Book 1893, стр. 423). Слѣдовательно это прекращеніе ежегодныхъ переоцѣнокъ объясняется здѣсь до нѣкоторой степени и оригинальностью построенія налога вслѣдствіе вычета земельныхъ улучшеній.

[1]) Надо замѣтить: здѣсь обложеніе земли и другихъ видовъ дохода настолько поставлено отдѣльно другъ отъ друга, что потери, понесенныя землевладѣльцемъ отъ земли, не подлежатъ компенсаціи отъ другихъ видовъ дохода. См. Land and Inc. Ass. Acts Amend., № 65 (1894).

[2]) New-Zealand Parl. Debats, 79 Vol. Willington, 1893, стр. 141.

[3]) Rating Act. Amend. 1882, см. Statutes of New-Zealand, № 43. Между тѣмъ для всѣхъ остальныхъ доходовъ гарантирована полная тайна. См. Land and I Ass. Act. 1891, стр. 38.

[4]) См. Statutes of New Zealand. 1895, № 71, стр. 281: An Act to impose land tax and Income tax.

[5]) Изъ рѣчи Seddon'а перваго министра Новой Зеландіи, сказанной имъ на завтракѣ фабіанскаго общества. См. *The Daily Chronicle* 9 July 1897.

Въ видахъ лучшей оцѣнки доходовъ, на компаніи, частныя лица и мѣстныя муниципальныя учрежденія возложена обязанность представлять списокъ о лицахъ занятыхъ у нихъ работой и о получаемомъ ими содержаніи [1]).

Затѣмъ коммиссіямъ предоставлено право требовать на свое разсмотрѣніе документы, книги, отчеты, балансы и т. д. отъ всякаго лица [2]).

Обложеніе основано на деклараціи плательщиковъ.

Ключъ къ пониманію своеобразной организаціи подоходнаго налога въ Новой Зеландіи, а именно главной и болѣе интересной части его поземельнаго обложенія, мы находимъ вообще въ поземельной политикѣ Новой Зеландіи.

Какъ я уже говорилъ, Новая Зеландія страдаетъ теперь отъ крупныхъ латифундій, и поземельный налогъ имѣетъ цѣлью возвращеніе земли въ руки населенія. Основная задача поземельной политики въ Новой Зеландіи—это государственное владѣніе землей съ отдачей ея въ постоянную аренду [3]). Такъ въ то время, какъ съ 1 ноября 1892 г. по 31 мая 1894 г. продано государственной земли было всего 47,667 акровъ, сдано въ аренду съ правомъ арендатора продавать землю по истеченіи 10 лѣтъ (wilt purchasing clause) 108,499, въ вѣчную аренду (арендная плата 4%) сдано 255,348 акровъ [4]). Отсюда видно, какъ государство стремится теперь задержать землю въ своихъ рукахъ. Мало того ежегодно теперь правительствомъ ассигнуется извѣстная сумма (до 50,000 ф. ст.) для покупки земли, и эта послѣдняя раздробляется на мелкіе участки и сдается въ аренду [5]).

Подоходный налогъ введенъ теперь и въ другихъ колоніяхъ, какъ-то въ Викторіи, Новомъ Южномъ Валлисѣ, Южной Австраліи, Тасманіи. Мы дадимъ ихъ краткую характеристику. Въ Викторіи подоходный налогъ прошелъ въ 1895 г. [6]). Подоходный налогъ построенъ здѣсь на деклараціи [7]). Доходъ до 200 ф. ст. освобожденъ отъ налога [8]) (а въ Новой Зеландіи до 300 ф. ст.). Въ деклараціи надо указать доходъ за предшествующій годъ въ его дѣйствительной величинѣ (14,3).

---

1) См. Act. 1891, Shed F. 4.

2) См. Land and Inc. Ass. Am. Act. 1893, въ Statutes, № 33. То же самое предусмотрѣно и въ актѣ Викторіи, см. ниже 18 (i) Act'а.

3) См. „The Land System of New Zealand by Percy Smith Secretary for Crown Band“ въ „New Zealand official Book“, 1894, а также „Reeves,“, 839.

4) Вѣчная аренда (lease in perpetuity) установлена на 999 лѣтъ съ арендной платой въ 4% на цѣнность земли въ тотъ моментъ, когда она была взята въ аренду. При этой системѣ переоцѣнка совсѣмъ не имѣетъ мѣста, но за то и арендаторъ не можетъ продать ее. См. *Fortnightly Review*, 1893, art. Social politics in New Zealand by Julius Vogel, стр. 136.

5) Social politics in New Zealand by Julius Vogel въ *The Fortnightly Review*, 1893, стр. 137, а также Year Book, 1894, стр. 204.

6) Acts of the parliament of Victoria passed in the 58 Year of the reign of Queen Melbourne, 1895. № 1374, 29 Jan. 1895, стр. 1—30.

7) § 14 (i).

8) § 7 (e).

Въ подоходномъ налогѣ здѣсь проведено различіе между доходами отъ личнаго труда (personal exertion) и доходами отъ собственности. Доходы первой категоріи облагаются въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ вторые, а именно въ два раза менѣе. Размѣръ обложенія ежегодно опредѣляется актомъ парламента. Доходы отъ личнаго труда облагались на 1896 г. такъ: доходы до 1,200 ф. ст. по 4 пенса съ 1 ф. ст. Отъ 1,200 ф. ст. до 2,200 по 6 п. А свыше 2,200 ф. ст. по 8 п. Доходы отъ собственности до 1,200 ф. ст. по 8 п. съ 1 ф. ст. Отъ 1,200 ф. ст. до 2,200 ф. ст. по 12 п. А свыше 2,200 по 16 п. [1]).

Повидимому, затрудненій въ различеніи этихъ видовъ дохода не встрѣтилось, по крайней мѣрѣ, о нихъ не упоминается въ названныхъ дебатахъ за послѣдующее время, хотя многіе другіе вопросы сдѣлались предметомъ жгучихъ споровъ.

Еще съ 1877 г. въ Викторіи былъ введенъ поземельный налогъ, но не столько изъ фискальныхъ соображеній, сколько съ цѣлью раздробленія крупныхъ владѣній [2]). Налогъ былъ установленъ въ размѣрѣ $1^1/_4\%$ на всѣ владѣнія, превосходящія 640 акровъ и стоящія 2,500 ф. ст. [3]) за вычетомъ первыхъ 2,500 ф. ст.

Для болѣе правильной оцѣнки земли здѣсь введена публичность регистра поземельнаго налога, и этотъ регистръ открытъ для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ «at all reasonable times» (§ 32 закона); два раза въ годъ этотъ регистръ даже публикуется въ правительственной газетѣ (§ 33).

И теперь еще земля облагается отдѣльно отъ всѣхъ остальныхъ видовъ дохода, а именно въ размѣрѣ 1 п. съ 1 ф. ст. цѣнности за вычетомъ земельныхъ улучшеній. Если цѣнность земли не превосходитъ 1,000 ф. ст., то изъ цѣнности ея вычитается 100 ф. ст., но для каждаго отдѣльнаго лица дозволяется лишь одинъ вычетъ. Долги вычитаются изъ цѣнности земли и на нихъ налогъ уплачиваетъ кредиторъ. Слѣдовательно, поземельный налогъ здѣсь не прогрессивный, хотя въ палатѣ при обсужденіи проекта нѣкоторые (наприм., Gray) и требовали введенія прогрессивнаго налога, ссылаясь на примѣръ Новой-Зеландіи и Южной Австраліи [4]). «Тогда,— говоритъ Gray,—многіе изъ крупныхъ владѣльцевъ доставили бы занятіе для многихъ тысячъ населенія, пустивъ въ обработку свои земли или продавъ ихъ» [5]), и Gray предлагаетъ слѣдующую прогрессивную скалу обложенія поземельныхъ владѣній при цѣнности:

---

[1]) The Acts of the Parliament of Victoria passed in the 59 Year of the reigne of her Majesty Queen Victoria. Melbourne, 1896, № 1410.

[2]) Въ „Statist. account of senen colonies by Coghlan", 1896, стр. 371, цѣль закона опредѣлена: „break up large haldings".

[3]) См. Land tax 1877 въ „The Victorian Statutes, 5 Vol, publisted by authority" Melbourne. Vol II, стр. 1490—1506, а также „Epps", стр. 83.

[4]) Южная Австралія въ 1893 г. ввела также прогрессивный поземельный налогъ

[5]) „Parl. Debates of Victoria" (Assembley), 1895, стр. 689—90.

отъ	600	ф. ст.	до	1,000	ф. ст.	по	$^1/_2$	п.	съ	каждаго	ф.	ст.
»	1,000	» »	»	2,000	» »	»	$^3/_4$	»	»	»	»	»
»	2,000	» »	»	3,000	» »	»	1	»	»	»	»	»
»	3,000	» »	»	5,000	» »	»	$1^1/_4$	»	»	»	»	»
»	5,000	» »	»	10,000	» »	»	$1^1/_2$	»	»	»	»	»
»	10,000	» »	»	20,000	» »	»	$1^3/_4$	»	»	»	»	»
	свыше			20,000	» »	»	2	»	»	»	»	»

Любопытно, что здѣсь въ понятіе дохода были включены коммиссіонерами по налогамъ и наслѣдства, и страховыя пошлины. По этому поводу и возникли запросы въ законодательномъ совѣтѣ [1]). Но судъ призналъ это несогласнымъ съ закономъ и отмѣнилъ постановленіе коммиссіонеровъ [2]).

Весьма интересные дебаты возникли по поводу очень сложной формулы декларацiи, введенной правительствомъ. Такъ фермеръ въ своей декларацiи долженъ указать согласно инструкцiи, изданной министерствомъ, количество каждаго продукта (хлѣба, мяса, шерсти и т. д.), какое онъ получилъ въ своемъ хозяйствѣ, затѣмъ сколько онъ продалъ и сколько потребилъ самъ. Эта сложность декларацiи оказалась черезчуръ обременительной для фермеровъ, и въ палатѣ указывалось на то, что фермерамъ приходится при заполненіи декларацій обращаться за совѣтомъ къ опытнымъ юристамъ [3]). Одно лицо, имѣющее доходу меньше 100 ф. ст., какъ указывалось въ палатѣ, такъ ухитрилось составить декларацію, что она была обложена въ 13 ф. ст. [4]). Другой депутатъ указывалъ, что бѣдные люди вынуждены бываютъ платить особымъ свѣдущимъ лицамъ за составленіе ихъ отчетовъ и что несправедливо вытаскивать деньги изъ кармановъ плательщиковъ такимъ путемъ [5]). Слышались даже предложенія, чтобы просто фермерамъ ставился вопросъ объ общей суммѣ доходовъ, получаемыхъ ими отъ всѣхъ источниковъ, взятыхъ вмѣстѣ [6]).

Но, какъ и слѣдовало ожидать, такое предложеніе вызвало и протесты, указывающіе на эластичность человѣческой совѣсти и на легкость укрывательствъ при такомъ способѣ декларацiи [7]). Министръ финансовъ обѣщалъ сдѣлать нѣкоторое упрощеніе, но указалъ на благодѣтельное вліяніе подоходнаго налога, заставившаго многихъ вести книги. «Формула первыхъ декларацій, — говоритъ онъ, — была сдѣлана умышленно такъ подробно, чтобы публика научилась ихъ заполнять [8]).

---

1) „Parl. Debates“ Vol. 77, стр. 1199, 1609, 1612.
2) Ibid., стр. 4091—2.
3) См. „Parl. Debates“, 1895, стр. 927—8.
4) Ibid., стр. 3941.
5) Ibid., стр. 3941.
6) Ibid., стр. 4351, засѣданіе 18 дек. 1895.
7) См. ibid., 4352 (Duggan).
8) Ibid., стр. 3942.

Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ [1]) также поземельный налогъ отдѣленъ отъ подоходнаго.

Самый же старый подоходный налогъ существуетъ съ 1884 г. въ Южной Австраліи. Здѣсь также проведено различіе между личными доходами и доходами отъ капиталовъ. Съ первыхъ взимаютъ по 3 п., а со вторыхъ по 6 п. съ фунта [2]), земля за вычетомъ улучшеній облагается въ размѣрѣ $^1/_2$ п. съ 1 ф. ст. [3]). На этомъ мы и остановимся.

Отличительною чертой австралійскихъ подоходныхъ налоговъ—*выдѣленіе обложенія земли въ особый отдѣлъ*. Это, конечно, въ значительной степени объясняется и *стремленіемъ покровительствовать колонизаціи колоніи*, почему мы видимъ освобожденіе отъ налога земельныхъ улучшеній и особой соціальной политикой, которую имѣютъ въ виду здѣсь, а именно стремленіемъ раздробить крупныя владѣнія на болѣе мелкія.

Другое основаніе къ этому,—это, конечно, техническія удобства, связанныя съ такой организаціей подоходнаго налога. Въ виду этихъ соціальныхъ задачъ поземельнаго налога, организація его болѣе строга, чѣмъ другихъ частей подоходнаго налога.

Во-первыхъ, мы видимъ здѣсь прогрессивныя формы обложенія какъ въ Зеландіи, и чтобы произвести оцѣнку земли болѣе справедливо вводится публичность въ обложеніи земли. Результаты оцѣнки земли публичны, какъ мы уже видѣли, въ Зеландіи, Викторіи. Въ послѣдней они даже публикуются. Точно также публичны оцѣнки и въ Южной Австраліи [4]) и Новомъ Южномъ Валлисѣ [5]).

Аграрныя отношенія далеко не удовлетворительны теперь въ австралійскихъ колоніяхъ. Такъ изъ 77.709,911 акровъ, занятыхъ 115,682 поселеніями (holdings) 42,427 этихъ послѣднихъ владѣютъ лишь 714,779 акрами, а 63,079 лица владѣютъ—35.000,000 акровъ, т.-е. 1% собственниковъ владѣній почти 50% всей площади.

Въ Новой Зеландіи 117 лицъ владѣютъ 3.340,000 акрами (каждое лицо отъ 20,000 до 50,000 акровъ), а 31 другихъ лицъ 2.600,000, т.-е. каждое лицо слишкомъ 50,000 акр.

Epps даетъ такую картину распредѣленія поземельной собственности въ Новой Зеландіи: изъ 12.410,000 акровъ (freebold)—7.026,000 принадлежатъ 584 лицамъ (въ среднемъ по 12,000 на каждое лицо), 2.144,627 принадлежатъ 1,675 (отъ 1,000 до 5,000 акровъ, въ среднемъ на каж-

---

[1]) Income tax Assesement Act. 1895, въ „Statutes of New South Wales passed during the Session of 1895, 59 Victoria. Sydney, 1895, № XV. См.

[2]) См. „The province of Soulth Australia by James Dominick Woods Adelaide". 1894, стр. 317—318.

[3]) „Act. of the parliament of Soulth Australia". 1894, а также „The Senen Colonies of Austr. by Coghlan Sydney". 1894.

[4]) См. § 41 закона.

[5]) См. § 40—1 закона.

даго собственника по 1,280 акровъ), и остальные 41,518 лицъ владѣютъ въ среднемъ лишь по 78 акровъ [1]).

Въ виду этого,—говоритъ Epps,—поземельная политика направлена здѣсь теперь на предупрежденіе латифундій [2]).

Ростъ латифундій продолжается, и упомянутый уже Epps въ другой своей работѣ [3]) приводитъ слѣдующую таблицу, дающую представленіе о ростѣ латифундій въ Новомъ Южномъ Валлисѣ.

Общая площадь владѣній (въ акрахъ).

	до 200	200—1,000	1,000—10,000	свыше 10,000
1879 г. . . .	1.890,293	4.940,938	5.692,576	19.187,796
1890 г. . . .	2.024,565	6.499,625	11.785,471	20.847,091

Слѣдовательно въ то время, какъ общая площадь имѣній до 2,000 акр. возросла немного болѣе чѣмъ на 10°/₀, имѣнія до 1,000 акр. возросли на 20°/₀, а площадь имѣній размѣромъ свыше 1,000 акр. болѣе чѣмъ удвоилась. Средній размѣръ владѣній, благодаря этому, поднялся съ 315 акр. до 823, т.-е. возросъ на 150°/₀. Между тѣмъ крупные собственники почти не обрабатываютъ землю или скупили послѣднюю единственно лишь въ спекулятивныхъ цѣляхъ. Это ярко подтверждается слѣдующей таблицей объ отношеніи всей площади земли къ обработанной по разнымъ группамъ землевладѣнія.

Данныя относятся къ Новому Южному Валлису [4]).

Объемъ владѣній (holdings).	Число ихъ.	Вся площадь владѣній.	Изъ нея обработанной земли.	Пропорція обработ. земли ко всей площади.
1 — 30 акр.	11,840	121,180	38,353	31,7
31 — 400 »	27,568	4.164,945	416,464	10,0
401 — 1,000 »	7,158	4.540,941	188,494	4,2
1,001 —10,000 »	4,307	11.370,329	167,797	1,5
свыше —10,000 »	677	21.884,299	29,788	0,1
	51,550	42.081,694	840,896	2,0

Итакъ, современная форма подоходно-поземельнаго обложенія въ австралійскихъ колоніяхъ была навѣяна ихъ аграрными условіями.

Въ австралійскихъ колоніяхъ Англіи также существуютъ налоги на наслѣдство, а именно въ Викторіи [5]), Новомъ Южномъ Валлисѣ [6]), Квине-

1) *Epps*: „Land Systems of Australia", 160.

2) Ibidem, стр. 162.

3) *Epps*: „The People and the land", стр. 4. Таблица взята изъ труда Coghlan'a W alth and progress of N. S. Waler.

4) Ibidem, стр. 45. Между тѣмъ по оффиціал. даннымъ въ этой колоніи лишь 5 м л. акровъ абсолютно негодно для обработки.

5) 34 Vict., № 388; 56 Vict., № 1261; 39 Vict., № 523; 53 Vict., № 1053; 54 V t., № 1060.

6) „Vict Y-ear Book". 1890—91, стр. 84. 50 vol. № 10 act.

лэндѣ [1]), Новой Зеландіи [2]), Южной Астраліи [3]), Тасманіи [4]). Въ Викторіи налогъ достигаетъ 10%. Прямые наслѣдники платятъ одну половину налога.

Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ введена прогрессія отъ 1 до 5% и для прямыхъ наслѣдниковъ послабленій не существуетъ. Въ Южной Австраліи налогъ отъ 1 до 10%, то же самое и въ Квинелэндѣ, но здѣсь для не родственниковъ налогъ удваивается, слѣдовательно онъ достигаетъ 20%. Въ Новой Зеландіи отъ 1% до 13% и т. д.

Итакъ, налоги на наслѣдство въ австралійскихъ колоніяхъ прогрессивные. Введеніе ихъ объясняется съ одной стороны фискальными нуждами государства, а съ другой—также желаніемъ содѣйствовать раздробленію крупныхъ имѣній [5]). «Самая поразительная черта въ австралійскихъ колоніяхъ,—говоритъ Dilke,—сравнительно съ остальнымъ свѣтомъ, кромѣ развѣ Соединенныхъ Штатовъ, является безпримѣрный ростъ богатства» [6]).

Австралійскія колоніи выбрали для эксперимента съ прогрессіей налоги на наслѣдство, а швейцарскіе кантоны—подоходный налогъ [7]).

Конечно, невозможно еще положительно сказать, какое вліяніе эти налоги, а также и прогрессивный поземельный налогъ оказали на крупныя имѣнія, въ особенности трудно судить о вліяніи послѣдняго, такъ какъ онъ функціонируетъ въ Новой Зеландіи очень недавно (съ 1892 г.), но, какъ говоритъ тотъ же изслѣдователь соціальнаго строя Австраліи Sir. Ch. Dilke: «Нельзя сказать, чтобы богатые классы вынуждены были покинуть колонію» [8]).

Ив. Озеровъ.

---

1) 30 Vict., № 14; 50 Vict., № 12; 56 Vict., № 13.
2) 45 Vict., № 41.
3) 56 and 57 Vict., № 567.
4) 32 Vict., № 1.
5) S. Ch. Dilke problems. Vol. II, стр. 275.
6) Ibid., vol. II, стр. 278.
7) Ibid., vol. II, стр. 276.
8) Ibid., vol. II, стр. 276.

Борьба съ пьянствомъ въ Швеціи.

Бывшая нынѣшнимъ лѣтомъ въ Стокгольмѣ промышленно-художественная выставка привлекла въ Швецію множество иностранцевъ, между которыми было не мало и русскихъ. Вообще же послѣдніе не охотно посѣщаютъ сѣверныя страны, не взирая на ихъ близость къ намъ, и географическую, и историческую, и нуженъ какой-нибудь особый случай, чтобы заставить ихъ свернуть съ обычнаго пути за границу—въ Германію, Францію, Италію и Швейцарію. Выставка представляла такой «случай» и, какъ сказано, привлекла не мало русскихъ, изъ которыхъ многіе печатно подѣлились потомъ съ русскою публикой своими впечатлѣніями. Большинство отзывовъ отличалось симпатіей къ шведамъ и ихъ странѣ и признаніемъ ихъ высокой культурности во многихъ, если не во всѣхъ, отношеніяхъ. Но были отзывы и другого рода, а между ними даже такіе, въ которыхъ на шведовъ возводилось обвиненіе чуть не въ повальномъ пьянствѣ и общій смыслъ которыхъ сводился къ тому, что шведы де какой-то «спившійся» народъ, не способный къ высокой духовной дѣятельности и безсильный проявить какія-либо возвышающіяся надъ уровнемъ обыденной жизни и посредственности творческія силы. Подобные отзывы выдаютъ полное незнакомство ихъ авторовъ съ исторіей культуры и современною внутреннею жизнью страны. Нельзя судить о «пьянствѣ» народа, познакомившись съ его жизнью лишь мимоходомъ по столичнымъ ресторанамъ и кабачкамъ, да къ тому же въ праздничное «выставочное» время.

Высокая современная культурность (плохо вяжущаяся съ пьянствомъ) скандинавскихъ народовъ давно признана за границею другими народами, не исключая даже искони враждебныхъ имъ. Близкіе же сосѣди скандинавовъ, русскіе, начали знакомиться съ жизнью и культурой первыхъ сравнительно весьма недавно; понятно поэтому, что многія стороны и явленія шведской жизни и культуры остаются еще не оцѣненными по достоинству. Между тѣмъ русскіе могли бы многому научиться у сѣверныхъ народовъ, условія жизни которыхъ, начать хоть съ климата, въ сущности довольно близки нашимъ. Одну изъ такихъ поучительныхъ сторонъ культуры шведовъ какъ разъ представляетъ, между прочимъ, организація борьбы съ пьянствомъ, ставящая шведовъ по успѣшности результатовъ на второмъ мѣстѣ послѣ американцевъ.

Движеніе въ пользу отрезвленія народа возникло въ Швеціи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда пьянство среди народа дѣйствительно достигало крайнихъ предѣловъ и тѣмъ самымъ естественно вызвало реакцію *).

Разрѣшеніе свободнаго винокуренія для домашнихъ потребностей въ 1809 г., смѣнившее откупную систему, къ которой перешли въ 1787 г. отъ казенной монополіи, въ буквальномъ смыслѣ слова *ввело* въ Швеціи пьянство. Сторонники свободнаго винокуренія видѣли въ немъ спасеніе народа отъ развращающаго вліянія кабаковъ и средство доставленія рабочимъ людямъ «нѣсколькихъ веселыхъ часовъ въ лонѣ семьи». Всячески поощряемое свободное винокуреніе развилось до такой степени, что скоро не осталось крестьянскаго двора, даже изъ самыхъ бѣднѣйшихъ, гдѣ бы не практиковалось домашняго винокуренія; немудрено, что при такихъ условіяхъ потребленіе водки достигло въ 1829 г. ужасающихъ размѣровъ—46 литровъ въ годъ на человѣка.

Пагубныя послѣдствія такого повальнаго пьянства заставили въ 1817—18 г. нѣкоторыхъ истинныхъ патріотовъ попытаться внести въ народное собраніе проектъ измѣненія питейнаго устава. Весьма скромныя требованія сторонниковъ отрезвленія народа встрѣтили, однако, энергическій отпоръ покровителей существовавшаго порядка. Особенно выдался изъ нихъ пробстъ Рабэ изъ Богуслэна, который въ пространной рѣчи въ защиту винокуренія и потребленія водки, между прочимъ, заявилъ, что потребленіе это необходимо въ силу самыхъ климатическихъ условій страны, что водка полезна для возстановленія кровообращенія рабочаго человѣка, члены котораго нѣмѣютъ отъ усталости, что, наконецъ, она составляетъ необходимую и существенную прибавку къ скудной, мало питательной пищѣ рабочаго, которая одна не въ состояніи была бы поддержать въ немъ запасъ силы и энергіи, необходимый для того, чтобъ онъ могъ добыть для себя и для семьи и это скудное пропитаніе. Въ опроверженіе довода, что водка противна человѣческой природѣ, ораторъ прибавилъ, что самъ видѣлъ, «какъ къ ней тянулись малые ребята», и закончилъ свою рѣчь категорическимъ заявленіемъ, что водка придаетъ силу націи, и выраженіемъ опасенія, что въ случаѣ отнятія у народа этой подкрѣпляющей влаги онъ окажется безсильнымъ отразить натискъ врага, который питается мясомъ и портеромъ и пойдетъ на шведовъ, питающихся однимъ картофелемъ, съ крикомъ: «Бей этихъ травоядныхъ водохлебателей!» Общее сочувствіе, которымъ была встрѣчена эта рѣчь, лучше всего доказывало, какимъ вѣрнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія являлась она. Тѣмъ не менѣе, мало-помалу, жизнь взяла свое, и когда каждый крестьянскій дворъ превратился въ кабакъ, реакція стала неизбѣжной.

Первые піонеры отрезвленія народа, за спаиванье котораго стояло да-

---

*) Матеріалы для данной статьи доставилъ изданный шведскимъ студенческимъ союзомъ „Верданди" обстоятельный историческій очеркъ *И. Бергмана:* „Den svenska Nykterhetsrörelsen".

же духовенство, появились въ средѣ учащейся молодежи. 24 апрѣля 1819 г. въ г. Вексіё образовалось первое въ Швеціи общество трезвости изъ учениковъ мѣстной гимназіи; юные члены его подписали слѣдующее постановленіе: «Отказываюсь за себя лично, обѣщая при этомъ не насиловать чужой совѣсти, отъ всякаго употребленія спиртныхъ напитковъ, которые вредны для здоровья и могутъ въ силу привычки погубить человѣка». Достойно вниманія то обстоятельство, что общество образовалось безъ всякаго вліянія или участія преподавателей, исключительно по иниціативѣ самихъ учащихся, предводительствуемыхъ П. Вйсельгреномъ, впослѣдствіи виднымъ дѣятелемъ движенія въ пользу трезвости. Обстоятельство это объясняется отчасти условіями общественной жизни на сѣверѣ, гдѣ учащаяся молодежь (главнымъ образомъ, студенты), вообще играетъ видную роль и часто становится во главѣ различныхъ общественныхъ движеній, отчасти тѣмъ, что данная среда, изобилуя товарищескими пирушками-попойками, какъ разъ и должна была давать особенно яркіе примѣры распущенности и другихъ пагубныхъ послѣдствій чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ.

Съ тѣхъ поръ движеніе въ пользу отрезвленія народа все крѣпло и разросталось, принявъ три главныя формы, олицетворяемыя: 1) обществами или союзами умѣренности, 2) обществами противодѣйствія употребленію *водки* и 3) обществами полной трезвости, исключающей всякое употребленіе какъ спиртныхъ напитковъ, такъ и всякихъ другихъ одурманивающихъ средствъ.

Отдавая должную честь дѣятельности названныхъ обществъ, слѣдуетъ, однако, замѣтить, что немалою долей успѣха они обязаны расширенію потребленія кофе и чая и улучшенію освѣтительныхъ средствъ, которое обусловило для народа болѣе полезное препровожденіе вечерняго досуга, прежде годнаго только для бесѣды за чаркою; главнымъ же образомъ— распространенію просвѣщенія, породившаго въ народѣ жажду знанія, интересъ къ чтенію и къ общественнымъ вопросамъ.

По мѣрѣ того, какъ общество проникалось сознаніемъ, что однѣми законодательными мѣрами искоренить пьянство невозможно, число сторонниковъ воздѣйствія на пьяницъ путемъ давленія общественнаго мнѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ сторонниковъ дружныхъ усилій самихъ членовъ общества уменьшить потребленіе спиртныхъ напитковъ—все увеличивалось, а одновременно росла и крѣпла идея объ образованіи «обществъ умѣренности и трезвости».

Въ 1830 г. одинъ изъ энергичнѣйшихъ поборниковъ новой идеи, Фор-с ь, издалъ распространявшуюся имъ въ тысячахъ экземпляровъ брошюру, содержавшую горячій призывъ къ шведамъ, призывъ послѣдовать примѣру американцевъ, уже начавшихъ тогда вводить у себя общества умѣренности. Кромѣ того онъ выступилъ съ предложеніемъ ознаменовать основаніемъ такихъ обществъ торжество празднованія 28 ноября 1830 г. тысячелѣтія введенія въ Швеціи христіанства; и самъ съ этого

дня совершенно изгналъ водку изъ своего домашняго обихода, что въ то время являлось куда болѣе крутой и смѣлой мѣрой, чѣмъ въ наше—исключеніе изъ домашняго меню пива или вина.

Призывъ Форселя, соотвѣтствуя духу времени, вызвалъ къ жизни въ разныхъ мѣстахъ Швеціи множество «обществъ умѣренности», т.-е. такихъ обществъ, члены которыхъ, не чувствуя себя въ силахъ совершенно отказаться отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, давали только зарокъ не злоупотреблять ими. Въ уставахъ такихъ обществъ было даже точно регламентировано число рюмокъ или стакановъ, которые членамъ позволялось потреблять при такихъ-то и такихъ-то случаяхъ.

Недостаточность этихъ первыхъ слабыхъ попытокъ борьбы съ пьянствомъ скоро, однако, обнаружилась весьма ярко какъ въ Швеціи, такъ и въ подавшей ей примѣръ Америкѣ. Необходимость болѣе энергичныхъ мѣръ стала сознаваться все яснѣе и выдвинула такихъ дѣятелей, какъ упомянутый уже основатель перваго въ Швеціи общества трезвости (изъ гимназистовъ) Перъ Війсельгрэнъ. Главный, наиболѣе активный и плодотворный періодъ его дѣятельности начался съ принятія имъ сана и должности священника *). Пуская въ ходъ горячее, вдохновенное устное и печатное слово, дѣло и собственный примѣръ, онъ, начавъ съ своего прихода въ Смоландѣ, мало-по-малу распространилъ свое вліяніе по всей Швеціи, повсюду собирая своими проповѣдями противъ пьянства массы народа и пріобрѣтая толпы прозелитовъ. Тѣ же проповѣди, производившія такое сильное впечатлѣніе, создали ему и много ожесточенныхъ враговъ, не брезговавшихъ даже покушеніями на его жизнь изъ-за угла, но, разумѣется, безсильныхъ заставить его прекратить свою благую дѣятельность.

Въ 1836 г. Війсельгрэнъ основалъ въ своемъ приходѣ общество трезвости, число членовъ котораго въ 1839—40 гг. достигло уже 1,600 чел. За тѣ же три года число «домашнихъ винокурень» въ Швеціи уменьшилось на цѣлыхъ 200; почти настолько же сократилось и число тайныхъ кабачковъ. Факты эти краснорѣчиво говорили о воздѣйствіи, оказываемомъ на умы проповѣдями, брошюрами и примѣромъ Війсельгрэна. Одною изъ главныхъ заслугъ послѣдняго надо считать также то, что онъ сумѣлъ привлечь къ дѣлу много лицъ изъ своего сословія, которыя своею дѣятельностью и искупили до нѣкоторой степени общую вину духовенства, пожалуй, болѣе всѣхъ другихъ сословій отвѣтственнаго за тѣ ужасающіе размѣры пьянства въ шведскомъ народѣ, какіе порокъ этотъ принялъ въ началѣ нашего столѣтія.

Ради объединенія основавшихся, благодаря пропагандѣ Війсельгрэна и его сподвижниковъ, многочисленныхъ обществъ трезвости, въ 1837 г. былъ основанъ «Шведскій союзъ трезвости», имѣвшій цѣлью, по 1 § устава, раскрывать передъ обществомъ путемъ печати и публичныхъ лекцій вре-

*) До этого онъ былъ нѣсколько лѣтъ приватъ-доцентомъ при Лундскомъ университетѣ по каѳедрѣ эстетики.

ныя послѣдствія пьянства и убѣждать общество въ важности мѣръ противодѣйствія употребленію крѣпкихъ напитковъ. Предсѣдателемъ общества въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ извѣстный государственный дѣятель Гартмансдорфъ, а вице-предсѣдателемъ извѣстный химикъ Берцеліусъ. Примѣръ кронпринца, а затѣмъ и самого короля Оскара I, записавшихся почетными членами общества, привлекъ въ общество и массу наиболѣе видныхъ представителей высшихъ правительственныхъ и аристократическихъ сферъ. Для духовенства же такимъ побудительнымъ толчкомъ послужилъ примѣръ архіепископа Виндгорста и нѣкоторыхъ епископовъ.

Такимъ образомъ, сѣмена, брошенныя Віисельгрэномъ, дали богатые всходы, и дѣло сторонниковъ отрезвленія народа стало на твердую почву.

Число филіальныхъ мѣстныхъ обществъ трезвости, равнявшееся въ 1838 г. (годъ спустя послѣ возникновенія «Шведскаго союза трезвости») *56* съ *10,000* членовъ, возросло въ теченіе 10 лѣтъ до *358* съ *95,000* человѣкъ (1847 г.), т.-е. приростъ членовъ достигалъ почти *10,000* въ годъ. Сильно увеличилось также за это время число органовъ печати, служившихъ дѣлу трезвости; главнымъ образомъ пропаганда велась на съѣздахъ, и во время другихъ многолюдныхъ публичныхъ собраній.

За наивысшимъ подъемомъ естественно долженъ былъ, однако, послѣдовать нѣкоторый упадокъ воодушевленія и энергіи поборниковъ трезвости, и съ 1847 г. число членовъ «Шведскаго союза трезвости» начинаетъ постепенно уменьшаться, равно какъ нѣсколько ослабѣваетъ и напряженіе его дѣятельности. Ослабленіе это, впрочемъ, мало повліяло на общій ходъ движенія въ пользу трезвости, которое успѣло уже проложить себѣ прочный путь въ средѣ членовъ народнаго собранія, и послѣдніе, видя признаки ослабленія общей энергіи, съ тѣмъ большею настойчивостью стали добиваться проведенія законопроекта объ отмѣнѣ свободнаго винокуренія въ домашнихъ хозяйствахъ, что̀ имъ и удалось, наконецъ, въ 1855 г.

Медленность достиженія этой цѣли поборниковъ отрезвленія народа объясняется главнымъ образомъ противодѣйствіемъ той части населенія, благо которой собственно и имѣлось въ данномъ случаѣ въ виду. Вообще все дѣло народнаго отрезвленія не мало тормозилось тѣмъ, что самое движеніе шло сверху, въ чемъ компетентные люди и видѣли главный его недостатокъ, основываясь на опытѣ, показывающемъ, что всѣ движенія, возникающія не по иниціативѣ самого народа, встрѣчаютъ главное препятствіе именно со стороны послѣдняго, какъ бы полезны они для него ни были.

Въ данномъ случаѣ въ запрещеніи домашняго винокуренія народъ видѣлъ посягательство на его «личную свободу», и строгость примѣненія новаго закона даже вызвала тамъ и сямъ серьезные безпорядки. Такой оборотъ дѣла невольно заставилъ правительство задаться вопросомъ: не была ли дѣйствительно новая мѣра нѣсколько преждевременной, и народъ, несмотря на дѣятельность обществъ трезвости, все-таки недостаточно подготовленнымъ къ ней, чтобъ усвоить себѣ ея полезное значеніе? Разъ, однако законъ былъ изданъ, оставалось только хлопотать объ улаженіи

вызванныхъ имъ неурядицъ, и правительство поручило Війсельгрэну, какъ иниціатору дѣла, объѣздить провинціи и путемъ публичныхъ лекцій разъяснить темнымъ массамъ ихъ же собственную пользу, оберегаемую новою мѣрою. Миссія эта требовала отъ выполнителя ея обладанія большимъ личнымъ авторитетомъ и мужествомъ, такъ какъ мѣстами, наиболѣе требовавшими его посѣщенія, были какъ разъ тѣ, гдѣ происходило наибольшее броженіе умовъ. И дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ, гдѣ прежде Війсельгрэнъ пользовался любовью и уваженіемъ, теперь его встрѣчало не только недружелюбное, но явно враждебное отношеніе. Его горячая любовь къ народу, страстное желаніе просвѣтить людъ, въ связи съ простотой и вдохновенною убѣдительностью его рѣчей скоро, однако, превращали его враговъ въ друзей, и населеніе, встрѣчавшее Війсельгрэна угрозами, провожало его обыкновенно изъявленіями сердечной благодарности. Пріѣзжая на мѣсто, Війсельгрэнъ прежде всего созывалъ народъ въ церковь, гдѣ онъ съ каѳедры и держалъ нужное слово. Затѣмъ онъ оставлялъ каѳедру, предлагая занять ее всякому, имѣющему какое-либо возраженіе, сомнѣніе или вопросъ. Въ виду искони установившейся въ Швеціи свободы слова, желающихъ высказаться являлось не мало, и Війсельгрэнъ каждому давалъ ясный и убѣдительный отвѣтъ или разъясненіе, которые своею неоспоримостью скоро заставляли умолкнуть и перемѣнить мнѣніе самыхъ горячихъ противниковъ новаго закона.

Какъ ни сильно было воздѣйствіе, оказанное Війсельгрэномъ на умы во время этихъ объѣздовъ провинцій, до полнаго торжества новаго закона было еще далеко, и въ различныхъ уголкахъ страны долго еще продолжались тайное винокуреніе и продажа водки. Мало-по-малу, однако, благія послѣдствія закона стали ясно обнаруживаться въ видѣ улучшенія нравовъ, уменьшенія числа преступленій и увеличенія благосостоянія, хотя бы въ смыслѣ уменьшенія вопіющей нужды. Все это не могло не оказать вліянія на общественное мнѣніе, и по мѣрѣ того, какъ народъ убѣждался въ пользѣ принятыхъ мѣръ, случаи нарушенія или обхода закона становились все рѣже, пока не прекратились совсѣмъ.

Главные дѣятели движенія въ пользу трезвости скоро, впрочемъ, увидѣли, что считать побѣду выигранною разъ навсегда и потому опочить на лаврахъ опасно, хотя дѣйствительно результаты борьбы съ потребленіемъ водки оказывались изумительными: потребленіе водки, равнявшееся въ 1829 г. *46* литрамъ въ годъ на человѣка, упало въ 1856 г. до *10* литровъ, послѣ чего то опускаясь, то поднимаясь, такъ и установилось приблизительно на 9 литрахъ. Опасность заключалась въ возраставшемъ потребленіи пива, на которое въ самый разгаръ «водочной борьбы» са[ми] же общества трезвости указывали какъ на безвреднаго и потому желательна[г]о конкуррента водки. Статистика скоро показала, что пиво поставляетъ [н]е меньше пьяницъ, чѣмъ водка, единственная же разница заключается [в]ъ количествѣ того и другого напитка, потребномъ для опьяненія. Нача[л]ся новый періодъ энергичной борьбы, въ которой главную роль сыграли р[е]-

личныя секты (баптисты, методисты и др.). Однимъ изъ энергичнѣйшихъ дѣятелей этого періода явился баптистскій священникъ Эли Джонсонъ, который, возвратясь изъ Америки, гдѣ движеніе въ пользу абсолютной трезвости достигло высшаго развитія, былъ непріятно пораженъ неблагопріятнымъ исходомъ дѣла на родинѣ. Большую пользу дѣлу принесъ и методистскій проповѣдникъ Георгій Скоттъ. Лозунгомъ этихъ дѣятелей стало: «Полное воздержаніе отъ всякихъ спиртныхъ напитковъ». Общество баптистовъ дѣйствовало въ этомъ направленіи такъ усердно и успѣшно, что ему, благодаря огромному числу членовъ, удалось основать въ Сундсвалѣ роскошную гостиницу «Армія Надежды», отвѣчающую всѣмъ требованіямъ современнаго комфорта, и представляющую на сѣверѣ первый примѣръ гостиницы безъ продажи спиртныхъ напитковъ. Кромѣ обществъ полнаго воздержанія основанныхъ религіозными сектами, основалось не мало подобныхъ же и чисто-свѣтскихъ.

Продолжалъ свою дѣятельность и первый «Шведскій союзъ трезвости», пользуясь для пропаганды содѣйствіемъ лицъ, разъѣзжавшихъ по странѣ съ устною проповѣдью. Мѣстами собраній служили попрежнему церкви и школы, но духовенство уже не оказывало дѣлу прежняго содѣйствія, отчасти вслѣдствіе того, что девизъ «умѣренности» смѣнился девизомъ полнаго воздержанія отъ всѣхъ спиртныхъ напитковъ, между тѣмъ, какъ Библія допускаетъ потребленіе винограднаго вина, отчасти же вслѣдствіе того, что во главѣ движенія стояли секты, чуждыя государственной церкви.

Изъ частныхъ лицъ (несектантовъ) огромную роль сыгралъ въ движеніи пользующійся европейскою извѣстностью шведскій ученый Магнусъ Гуссъ († 1890 г.); кромѣ усердной личной дѣятельности на поприщѣ практической борьбы съ пьянствомъ, онъ оказалъ дѣлу неоцѣнимую услугу своимъ знаменитымъ медицинскимъ научнымъ изслѣдованіемъ сущности алкоголизма или вызываемыхъ потребленіемъ алгоголя болѣзненныхъ измѣненій въ человѣческомъ организмѣ.

1879 г. отмѣтилъ періодъ въ исторіи борьбы съ пьянствомъ въ Швеціи. Періодъ съ 1855 г. до 1879 г. былъ періодомъ разбросанныхъ дѣйствій, раздробленнаго движенія, а съ 1879 г. оно вступило на путь единенія и точно выработанной системы. Обязана этимъ страна была братству Гудтампліеровъ («добрыхъ храмовниковъ»), основанному возвратившимся изъ Англіи священникомъ-баптистомъ Бергстрёмомъ. Послѣдній, опираясь на примѣръ братства «Независимыхъ добрыхъ храмовниковъ», основавшагося въ Соединенныхъ Штатахъ, создалъ подобное же въ Швеціи, въ г. Гётеборгѣ. Новое братство, названное «Скалою», благодаря выработанной тридцатилѣтнимъ опытомъ его прототиповъ превосходной организаціи, имѣло всѣ данныя для завоеванія въ Швеціи прочнаго положенія не въ примѣръ прочимъ обществамъ. Въ теченіе 10 лѣтъ братство пріобрѣло 50,000 членовъ, да однородное съ нимъ «Національное братство» 15,000 членовъ.

Въ 1885 г. движеніе въ пользу трезвости обрѣло новый приливъ

силъ, вслѣдствіе возникновенія въ Швеціи, пересаженнаго туда изъ Англіи и Америки, «Братства синей ленты», во главѣ котораго стали многіе выдающіеся общественные дѣятели. Братство это включаетъ массу союзовъ, члены въ знакъ полнаго отреченія отъ спиртныхъ напитковъ носятъ синюю ленту. Общее число членовъ его доходитъ до 40,000; мѣстныхъ отдѣленій 300.

Кромѣ такихъ крупныхъ братствъ и союзовъ, во имя той же благой цѣли трудится въ Швеціи не мало мелкихъ обществъ и союзовъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ стокгольмскій «Реформаціонный союзъ». Члены его интересуются всѣми общественными и общечеловѣческими вопросами и обязуются совершенно воздерживаться не только отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, но и отъ табаку и другихъ дурманящихъ веществъ. Затѣмъ, въ послѣднее время, стали возникать сословные союзы и общества такого же характера. Изъ такихъ обществъ выдается педагогическій союзъ «Общество полнаго воздержанія сѣверныхъ педагоговъ».

Въ 1889 г. былъ организованъ въ Стокгольмѣ съѣздъ «друзей трезвости», на которомъ представители (по одному отъ каждой тысячи членовъ) всѣхъ шведскихъ обществъ трезвости основали «Всешведскій союзъ трезвости» ради объединенія обществъ и союзовъ всѣхъ оттѣнковъ. Главною задачей «Союза» является подготовленіе и проведеніе политическихъ и общественныхъ реформъ въ пользу трезвости, а также содѣйствіе избранію политическими представителями народа сторонниковъ трезвости. Однимъ изъ отдѣловъ союза, благодаря энергіи предсѣдателя этого отдѣла, извѣстнаго шведскаго ученаго, проф. В. Рудина, и при содѣйствіи другихъ профессоровъ того же университета, состоящихъ членами отдѣла, основана въ Упсалѣ лѣчебница-пріютъ для алкоголиковъ «Sans Soucis».

Шведы, однако, не успокоились и на этомъ, и теперь выдвигается новое общество — «Шведское общество пресѣченія», которое идетъ въ своихъ цѣляхъ еще дальше упомянутаго союза, добиваясь ни болѣе, ни менѣе какъ изданія закона о полномъ воспрещеніи въ Швеціи потребленія опьяняющихъ напитковъ, какъ уже сдѣлано въ нѣкоторыхъ изъ Штатовъ Сѣверной Америки.

Изъ вышеприведеннаго можно судить о числѣ и общемъ характерѣ дѣятельности «друзей трезвости» въ Швеціи. Важнѣйшими мѣропріятіями послѣднихъ слѣдуетъ считать мѣры, направленныя къ воздѣйствію на молодежь. Особеннаго вниманія заслуживаетъ поэтому основаніе «Упсальскаго студенческаго общежитія друзей трезвости». Утвержденіе принциповъ трезвости въ такомъ старинномъ университетскомъ городѣ, какъ Упсала, представлялось тѣмъ болѣе важнымъ, что изъ питомцевъ Упсальскаго университета выходитъ много будущихъ видныхъ политическихъ общественныхъ и административныхъ дѣятелей, и вотъ въ 1888 г. кружокъ друзей трезвости обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ своимъ единомышленникамъ, приглашая ихъ способствовать учрежденію фонда для поддержки студентовъ, доло-

временныхъ членовъ различныхъ союзовъ воздержанія. Вскорѣ мелкія пожертвованія составили сумму въ 6,000 кронъ, да одинъ покровитель дѣла трезвости, промышленникъ Ломель (изъ простыхъ рабочихъ разбогатѣвшій благодаря своему трудолюбію и трезвости) пожертвовалъ 50,000 кронъ. Такимъ образомъ явилась возможность основать упомянутое выше общежитіе, гдѣ проведенъ принципъ полнаго воздержанія. Кромѣ того, при Упсальскомъ университетѣ учреждено «Студенческое общество абсолютной трезвости». Тамъ же имѣется еще ранѣе основанное «Студенческое общество трезвости», придерживающееся болѣе мягкихъ принциповъ (умѣренности) «Шведскаго союза трезвости».

По мѣрѣ разрастанія и усиленія движенія въ пользу трезвости увеличивалось и число газетъ, пропагандирующихъ трезвость. Характернымъ обстоятельствомъ является здѣсь то, что принципъ полнаго воздержанія поддерживается преимущественно либеральными и радикальными органами печати, что явно показываетъ демократическій характеръ движенія.

Главная роль въ борьбѣ съ пьянствомъ принадлежитъ въ Швеціи, такимъ образомъ, согласно всему вышеизложенному, частной инициативѣ и дѣятельности, роль же правительства и администраціи сводится къ содѣйствію частной предпріимчивости, что вполнѣ и соотвѣтствуетъ характеру страны съ конституціоннымъ правленіемъ. Наиболѣе значительными проявленія участія правительства являются: 1) Гётеборгская система продажи крѣпкихъ напитковъ и 2) правительственныя субсидіи обществамъ трезвости.

«Гётеборгская система» заключается въ предоставленіи исключительнаго права торговли спиртными напитками по всей странѣ (включая и Норвегію) «частному акціонерному обществу», обязанному всю прибыль, за вычетомъ въ свою пользу 5%, передавать мѣстнымъ правительственнымъ и общественнымъ властямъ для обращенія этихъ суммъ на государственныя и общественныя нужды.

Субсидіи на дѣло борьбы съ пьянствомъ были назначаемы правительствомъ дважды въ 80-хъ годахъ: одна въ *8,000* кронъ, другая въ 20,000 кронъ, причемъ употреблены онѣ были особыми распоряжавшимися этими суммами коммиссіями на изданіе и распространеніе брошюръ, пропагандирующихъ трезвость и указывающихъ на вредъ пьянства. Особенно цѣннымъ изданіемъ явился въ этомъ направленіи трудъ Сундберга, заключавшій весьма внушительныя данныя относительно губительныхъ послѣдствій алкоголизма. По оффиціальнымъ статистическимъ отчетамъ оказывалось, что въ Швеціи ежегодно совершается среднимъ числомъ *два* самоубійства, вызванныхъ пьянствомъ, что, по крайней мѣрѣ, половина умалишенныхъ обязана своей печальною судьбой пьянству родителей, что нѣсколько сотъ ежегодныхъ возмутительнѣйшихъ преступленій—насилій и убійствъ—вызываются также пьянствомъ,—словомъ, что пьяницы поставляютъ главный контингентъ населенія домовъ для призрѣнія бѣдныхъ, домовъ для умалишенныхъ, пріютовъ для идіотовъ, больницъ, тюремъ и кладбищъ.

Другимъ цѣннымъ вкладомъ въ литературу о пьянствѣ явилось руко-

водство для учителей и воспитателей «О потребителяхъ спиртныхъ напитковъ», составленное графомъ Тигерштетомъ. Въ 1892 г. закономъ 4 ноября было введено во всѣхъ правительственныхъ народныхъ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе ученикамъ и ученицамъ по упомянутому руководству свѣдѣній «о существѣ и дѣйствіи на организмъ опьяняющихъ напитковъ».

Послѣдняя мѣра правительства должна быть признана, пожалуй, самой раціональной. Разъ подрастающее поколѣніе съ юныхъ лѣтъ проникнется сознаніемъ вреда потребленія спиртныхъ напитковъ, оно будетъ успѣшнѣе бороться съ соблазномъ впослѣдствіи, особенно же въ столь опасномъ переходномъ возрастѣ, когда главнымъ образомъ и пріобрѣтается привычка пить и курить.

Впрочемъ, по мнѣнію много разъ упоминавшагося выше пропагатора трезвости Вийсельгрэна, всѣ мѣры борьбы съ пьянствомъ хороши, лишь бы онѣ вели къ цѣли. Вотъ подлинныя слова этого крупнаго дѣятеля, которыя могутъ послужить лучшимъ заключеніемъ даннаго очерка: «Какъ Вольтеръ одобрялъ всѣ роды поэзіи, кромѣ скучнаго, такъ я одобряю всѣ мѣры противодѣйствія потребленію спиртныхъ напитковъ, кромѣ одной — непротиводѣйствія».

П. Ганзенъ.

Субботнія школы.

«Какъ можно больше школъ!»—вотъ по-истинѣ слова, которыя должны быть девизомъ нашего времени. Жажда народа учиться громадна,—это настолько ясно, что не требуетъ никакихъ доказательствъ. Стоитъ взглянуть на любую школу; всѣ онѣ переполнены учащимися; почти всегда наличное число учениковъ значительно превышаетъ нормальный комплектъ ихъ. А сколькіе и сколькіе остаются за дверями школы. Мнѣ невольно вспоминается здѣсь картина Богданова-Бѣльскаго «У дверей школы», видѣнная мною на послѣдней передвижной выставкѣ. Въ открытую дверь вамъ видны ученики сельской школы, усердно склонившіе головы надъ тетрадями, а у дверей, спиной къ зрителю стоитъ, какъ живой, мальчикъ-нищій съ сумой на плечахъ, жадно смотрящій на заманчивую картину ученья. Вы чувствуете, какъ сжимается сердце у этого мальчика-сироты, какъ грустно ему, что приходится только взглянуть на школу, а не войти въ нее, казалось бы, по праву, на-ряду съ другими. И вамъ вмѣстѣ съ нимъ дѣлается грустно, что не попасть ему въ школу, дѣлается тѣмъ грустнѣе и тяжелѣе, что вы понимаете, что вопросъ тутъ не въ мальчикѣ-нищемъ, которому приходится ходить «по кусочкамъ», а не учиться; нѣтъ! Мальчикъ этотъ въ вашемъ воображеніи невольно олицетворяетъ тысячи дѣтей русскаго народа, которымъ никогда не перешагнуть порога школы, какъ бы велика ни была ихъ охота учиться, не перешагнуть, потому что не хватаетъ школъ. И грустная картина, которой художникъ, вѣроятно, хотѣлъ захватить лишь частичное явленіе народной жизни, выростаетъ до размѣровъ, охватывающихъ всю жизнь. Школа, вѣдь, это фундаментъ, на которомъ зиждется все; отъ нея зависитъ дальнѣйшее развитіе, совершенствованіе всей жизни. И такія мысли побуждаютъ васъ горячо благодарить художника: его небольшая картина заставитъ задуматься не одного человѣка надъ дѣломъ, которое требуетъ многихъ, многихъ рукъ, которое такъ обширно, выливается часто въ такія своеобразныя формы, что ему можетъ служить всякій, было бы желаніе. Объ одной изъ такихъ болѣе или менѣе своеобразныхъ формъ школы я и хочу говорить въ настоящей статьѣ.

Еврейское населеніе Россіи стоитъ относительно школьнаго вопроса въ столь же печальномъ, если еще не въ худшемъ положеніи, какъ и русское. Если въ мѣстностяхъ, находящихся въ чертѣ еврейской осѣдлости, существуютъ, по крайней мѣрѣ, начальныя училища для евреевъ, хотя и далеко не въ достаточномъ количествѣ, то во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ такія училища обыкновенно отсутствуютъ; и въ любомъ городѣ, мѣстечкѣ, внѣ черты осѣдлости, какъ бы велико ни было въ немъ еврейское населеніе, вы не найдете никакой школы для еврейскихъ дѣтей; въ большинствѣ случаевъ для нихъ нѣтъ даже частныхъ школъ, такъ какъ евреи, хотя бы и имѣющіе соотвѣтствующій образовательный цензъ, все же, обыкновенно, не получаютъ разрѣшенія на открытіе частной школы для своихъ единоплеменниковъ *). Правда, доступъ еврейскихъ дѣтей въ общія школы закономъ не ограниченъ, но на дѣлѣ евреи въ нашихъ школахъ представляютъ лишь единичныя явленія, а часто процентъ ихъ сводится до нуля: или наплывъ учащихся такъ великъ, что предпочтеніе отдается русскимъ, или лица, завѣдующія школьнымъ дѣломъ, являются противниками евреевъ и считаютъ излишнимъ обученіе еврейскихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, подобныя мнѣнія не единичны; мы знаемъ университетскій городъ, гдѣ носителемъ такого мнѣнія является городской голова, отчего въ городскія школы, вопреки школьнымъ законоположеніямъ, евреи не допускаются. А, между тѣмъ, едва ли вы найдете другое племя, въ которомъ до такой степени были бы развиты любознательность, стремленіе къ знанію; даже лишенные всякой школы, они часто умудряются все-таки научиться грамотѣ; замѣчательно быстро схватываютъ и усвоиваютъ обрывки знаній, случайно долетающіе до нихъ.

Въ школьномъ дѣлѣ, быть можетъ, больше, чѣмъ въ какой-либо другой области, можетъ участвовать общество, двигая и развивая его своими силами; нѣкоторыя формы школъ особенно доступны участію общества, и въ то же время участіе это для нихъ чрезвычайно важно; мы говоримъ о школахъ для трудового населенія страны. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ цѣлый рядъ воскресныхъ школъ, созданныхъ усиліями частныхъ лицъ; число этихъ школъ все растетъ, и если ростъ ихъ идетъ слишкомъ медленно, то винить въ этомъ мы должны не общество, а строй нашей жизни, не дающій простора частной инипіативѣ. Еврейское интеллигентное общество нельзя упрекнуть въ недостаткѣ отзывчивости къ нуждамъ своихъ единоплеменниковъ; мы не сомнѣваемся, что она проявится и въ области школъ для еврейскаго рабочаго населенія, или такъ называемыхъ субботнихъ школъ, разъ вопросъ этотъ больше выяснится. Теперь, собственно говоря, дѣло это находится въ зачаточномъ состояніи. Первыя субботнія школы появились вмѣстѣ съ воскресными въ самомъ концѣ 50-хъ

---

*) Мы не касаемся здѣсь талмудъ-торъ и хедеровъ, предназначенныхъ для изученія закона еврейской религіи и еврейскаго языка и лишь въ видѣ исключенія допускающихъ иногда преподаваніе и русскихъ предметовъ.

годовъ, въ эту эпоху сильнаго подъема духа и расцвѣта лучшихъ стремленій общества. Въ это время мы видимъ субботнія школы въ Одессѣ, Минскѣ, Бердичевѣ, Житомірѣ и другихъ городахъ юго-западнаго края. Но уже въ 1862 году всѣ воскресныя школы были закрыты, а вмѣстѣ съ ними и соотвѣтствующія имъ по типу субботнія школы. Осталась одна только мужская субботняя школа въ Одессѣ, которой по ходатайству мѣстнаго генералъ-губернатора было разрѣшено императоромъ Александромъ II дальнѣйшее существованіе. Школа эта была открыта въ 1858 году докторомъ А. И. Гольденблюмомъ, положившимъ на нее много любви и энергіи, и просуществовала 12 лѣтъ.

Собственно говоря, исторія субботнихъ школъ поразительно напоминаетъ исторію воскресныхъ школъ. Такъ, наприм., въ 1884 году въ Одессѣ возникаетъ женская субботняя школа, которая въ теченіе цѣлыхъ 12 лѣтъ стоитъ совершенно одиноко; она, въ сущности, вполнѣ напоминаетъ положеніе харьковской частной воскресной школы, существовавшей цѣлый рядъ лѣтъ, не вызывая себѣ подражанія. Такой порядокъ вещей мы не назовемъ, конечно, нормальнымъ: одесская субботняя школа несомнѣнно сослужила бы службу дѣлу просвѣщенія еврейскаго населенія, еслибъ въ свое время взяла на себя пропаганду дѣла субботнихъ школъ; весьма вѣроятно, что въ такомъ случаѣ мы имѣли бы въ настоящее время уже цѣлый рядъ субботнихъ школъ. Всякое учрежденіе несомнѣнно должно всѣми силами стремиться къ тому, чтобы какъ можно больше популяризировать свое дѣло, какъ можно больше вызывать подражанія себѣ, тогда польза, приносимая имъ, будетъ неизмѣримо больше, чѣмъ еслибъ оно втихомолку дѣлало свое хорошее дѣло, ограничивая кругъ своей дѣятельности той непосредственной пользой, которую оно приноситъ.

Вопросъ о субботнихъ школахъ лично для меня впервые возникъ на Нижегородской выставкѣ. На ней, какъ извѣстно, усиліями Х. Д. Алчевской, былъ устроенъ павильонъ, въ которомъ были собраны весьма полныя данныя о воскресныхъ школахъ; данныя эти оказались такъ краснорѣчивы, что привлекли къ себѣ усиленное вниманіе посѣтителей выставки. Павильонъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ и сыгралъ не маловажную роль въ дальнѣйшемъ развитіи воскресныхъ школъ; многихъ и многихъ онъ впервые познакомилъ съ этимъ дѣломъ, многихъ заинтересовалъ, увлекъ имъ; и мы имѣемъ теперь уже цѣлый рядъ воскресныхъ школъ, непосредственно вырванныхъ къ жизни знакомствомъ разныхъ лицъ съ этимъ дѣломъ на Нижегородской выставкѣ. Евреи, посѣщавшіе павильонъ воскресныхъ школъ, не разъ задавались вопросомъ, есть ли подобныя школы для ихъ соотечественниковъ, какъ ихъ устроить и, главное, можно ли и какимъ образомъ получить разрѣшеніе на ихъ открытіе. Почти неотлучно находясь въ павильонѣ, я не разъ сталкивалась съ такими вопросами и не могла отвѣтить на нихъ, такъ какъ совершенно не была знакома съ субботними школами. И вотъ я давала себѣ слово заняться этимъ вопросомъ, какъ близко связаннымъ съ дѣломъ воскресныхъ школъ, въ которомъ я прини-

маю непосредственное участіе. Кончилась выставка; съ осени пришлось погрузиться въ обычныя дѣла, и данное обѣщаніе отошло куда-то вдаль.

Въ харьковской женской воскресной школѣ, въ которой я состою учительницей, въ началѣ каждаго учебнаго года бываетъ сильный приливъ преподавательницъ; на этотъ разъ между ними была дѣвушка-еврейка, страстно желавшая принять участіе въ школѣ; какъ тяжело, какъ мучительно стыдно было отталкивать ее отъ дѣла, къ которому она стремилась всѣми силами своей души,—отталкивать въ силу правила, не допускающаго въ русскія школы иновѣрныхъ преподавателей. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я рѣшила какъ можно скорѣе устроить въ Харьковѣ субботнюю школу, въ которой мѣстное еврейское населеніе удовлетворяло бы свою жажду учиться, а интеллигентное общество—свое стремленіе учить обездоленныхъ ближнихъ. 19 ноября 1896 г. было подано прошеніе инспектору народныхъ училищъ объ открытіи въ Харьковѣ женской субботней школы. Къ счастью и инспекторъ, и директоръ народныхъ училищъ сочувственно отнеслись къ задуманной школѣ, и, на основаніи мнѣнія попечителя харьковскаго учебнаго округа, 1 марта 1897 г. директоромъ народныхъ училищъ была разрѣшена въ Харьковѣ безплатная женская субботняя школа.

Кружокъ преподающихъ былъ составленъ уже давно; и когда 8 марта былъ назначенъ пріемъ ученицъ и начало занятій, въ школѣ собралось 30 учительницъ, съ волненіемъ ожидавшихъ появленія ученицъ. Дѣло было новое, и молодыя преподавательницы были слишкомъ мало знакомы съ мѣстнымъ еврейскимъ населеніемъ, чтобы предсказать, какъ отнесется оно къ школѣ, и не настолько ли оно фанатично, что осудитъ ученіе въ столь чтимый евреями субботній день, хотя, въ видѣ уступки, уроки письма и были объявлены послѣ захода солнца. Но вотъ задолго до назначеннаго часа стали появляться ученицы, какъ всегда, сначала малолѣтнія; скоро къ нимъ стали присоединяться и взрослыя. Всѣмъ вздохнулось легко; наплывъ ученицъ блестяще разрѣшилъ сомнѣнія и удивилъ всѣхъ: въ первую же субботу было записано 112 ученицъ; изъ нихъ больше половины были взрослыя, главнымъ образомъ 16—18 лѣтъ, но было нѣсколько ученицъ и выше 20 лѣтъ, между ними 2 замужнихъ и одна вдова, самая старшая по возрасту (29 лѣтъ). На-ряду съ записываніемъ ученицъ, дѣятельно шло распредѣленіе ихъ по группамъ; сдѣлать это было нелегко: наплывъ былъ слишкомъ великъ; каждую ученицу приходилось проэкзаменовать; почти всѣ учительницы были совершенно неопытны; много было лишняго шума, суеты, пожалуй, безтолковости, но вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ этомъ было столько жизни, хорошей жизни, столько чистаго желанія сдѣлать что-нибудь для ближняго, помочь ему, столько молодой горячности и увлеченія, картина выходила такъ хороша, что невольно смотрѣлъ на нее съ радостью, съ глубокимъ удовлетвореніемъ въ душѣ. А когда водворился нѣкоторый порядокъ, началось ученіе, каждая маленькая группа ученицъ имѣла свою учительницу, когда вы со всѣхъ сторонъ видѣли эти пытливые глаза, жадно устремленные на преподавательницу, когда вы въ массѣ

ученицъ различали учительницъ, то низко склонившихся надъ той или другой ученицей, то съ увлеченіемъ что-то объяснявшихъ всей группѣ, вы могли окончательно успокоиться,—школа была создана.

Въ слѣдующую субботу было принято еще 50 ученицъ; помѣщеніе школы, состоящее изъ трехъ небольшихъ классовъ, было наполнено, но несмотря на это, до конца года было принято еще 23 ученицы; слѣдовательно за все учебное время было принято 185 ученицъ *). Многимъ малолѣтнимъ пришлось или совсѣмъ отказать, или нѣкоторыя учительницы брались заниматься съ ними у себя на дому. Но и безъ того въ иныя субботы школа бывала переполнена свыше всякой мѣры: не то, что не было свободнаго мѣста, а чуть-ли не на каждомъ мѣстѣ сидѣло по 2 ученицы. Вслѣдствіе этого шумъ былъ сильнѣе, чѣмъ при обычныхъ условіяхъ воскресной школы; духота и жара были неимовѣрны; нѣкоторыя взрослыя ученицы жаловались даже, что при такихъ условіяхъ не могутъ заниматься. И немудрено: въ классѣ, разсчитанномъ на 36 дѣтей, сидѣло до 45 взрослыхъ съ 9 учительницами; въ классѣ малолѣтнихъ, имѣющемъ 40 мѣстъ, сидѣло 60 ученицъ; учительскій кружокъ разросся до 42 человѣкъ, и всякому хотѣлось заниматься; желаніе это было такъ законно, что приходилось устраивать самыя маленькія группы, а поэтому, напримѣръ, въ классѣ малолѣтнихъ одновременно занималось 14 учительницъ, что, конечно, создавало страшный шумъ во время занятій; жара отъ переполненія классовъ усиливалась еще отъ лампъ, сильно накалявшихъ воздухъ. И, несмотря на всѣ эти неудобства, дѣло шло живо и дружно, и невольно глазъ посѣтителя радостно останавливался на этой привлекательной картинѣ школы, и ухо издалека прислушивалось къ веселому гулу, шедшему изъ классовъ. Присмотримся же теперь къ самому содержанію описанной картины, займемся вопросомъ о томъ, чему и какъ учила школа.

Вся школа раздѣлялась на 33 группы, такъ, что въ среднемъ приходилось всего 5—6 ученицъ на группу; несмотря на указанныя выше неудобства, такое дробленіе было, пожалуй, выгодно съ той стороны, что, во-первыхъ, учебнаго времени было ужъ очень мало (до конца года вышло всего 11 учебныхъ дней), во-вторыхъ, при неопытности учительницъ, занятія ихъ съ нѣсколькими ученицами могли идти успѣшнѣе, чѣмъ съ большой группой. Школа просуществовала слишкомъ мало, чтобъ ожидать отъ нея большихъ успѣховъ; въ самомъ дѣлѣ, 11 учебныхъ дней или 33 учебныхъ часа—это такое минимальное количество учебнаго времени, въ которое едва ли можно сильно двинуть впередъ учащихся. Конечно, наиболѣе осязательные результаты сказались на неграмотныхъ ученицахъ. Всѣ малолѣтнія неграмотныя аккуратно посѣщали школу; изъ нихъ научились читать 16, отстали 5, отличавшихся большой неспособностью;

*) Большая часть ученицъ ремесленницы и фабричныя работницы, но не мало было ученицъ и безъ опредѣленныхъ занятій, которыя могли бы посѣщать ежедневныя школы.

взрослыя ученицы посѣщали школу менѣе аккуратно; слишкомъ занятыя всю недѣлю, онѣ часто не располагали временемъ и въ субботу поневолѣ пропускали школу.

«Я вполнѣ вѣрю,—пишетъ одна изъ учительницъ въ своемъ отчетѣ,—что причина пропусковъ моихъ взрослыхъ ученицъ и есть недостатокъ времени, какъ онѣ говорятъ мнѣ; недаромъ сами онѣ, учась старательно и охотно, всегда такъ искренно сожалѣютъ, когда приходится пропустить урокъ». Изъ взрослыхъ научились читать 14; 13 не научились или потому, что перестали посѣщать школу, или посѣщали ее неаккуратно. Вообще условія занятія со взрослыми были очень трудны: въ то время, какъ съ малолѣтними нѣкоторыя учительницы занимались въ теченіе недѣли еще на дому, подгоняя отстающихъ, со взрослыми это было невозможно. «Силясь сравнять своихъ ученицъ,—пишетъ учительница взрослой звуковой группы,—я хотѣла заниматься съ ними у себя дома, но всѣ мои ученицы-работницы фабрикъ и мастерскихъ и послѣ 12-ти часового трудового дня не въ состояніи думать объ ученьѣ; пробовала я приглашать ихъ въ школу за часъ до начала занятій, но и это рѣдко удавалось, такъ какъ на единственный ихъ свободный день, у нихъ поневолѣ выпадаетъ столько дѣла, что онѣ едва - едва поспѣваютъ въ школу къ 5-ти часамъ». Большимъ неудобствомъ при обученіи неграмотныхъ было то, что приходилось учить отдѣльно чтенію и письму, между тѣмъ, какъ совмѣстное обученіе тому и другому всегда идетъ, гораздо успѣшнѣе; но кружокъ преподающихъ, по долгомъ обсужденіи этого вопроса, нашелъ невозможнымъ вести въ школѣ уроки письма при дневномъ свѣтѣ, опасаясь возстановить противъ школы еврейское населеніе, которое въ Харьковѣ довольно фанатично; фанатичнѣе, напримѣръ, чѣмъ въ Одессѣ, гдѣ занятія субботней школы происходятъ по утрамъ и, несмотря на это, привлекаютъ массу учащихся, въ Харьковѣ же условія настолько различны, что учительницы условились даже сами не писать въ школѣ при дневномъ свѣтѣ; правда, многія изъ ученицъ не разъ сами просили начинать уроки письма до наступленія темноты, но старшія поколѣнія—родители ученицъ уже гораздо ортодоксальнѣе; да даже и между ученицами были такія, которыя рѣшительно отказывались брать на домъ учебныя пособія и книги изъ библіотеки, не желая носить ихъ въ субботній день. Вотъ эти-то условія и были причиной того, что неграмотныя ученицы не успѣли научиться къ каникуламъ писать: хотя занятія къ веснѣ и были перенесены на время отъ 6 до 9 часовъ вечера, все же къ концу года на письмо удавалось употреблять едва полчаса. Конечно, при занятіяхъ зимой этого неудобства не существуетъ.

Менѣе замѣтны успѣхи въ малограмотныхъ и грамотныхъ группахъ, но все же отчеты учительницъ констатируютъ, что ученицы къ концу года замѣтно усовершенствовались въ чтеніи, начали писать гораздо правильнѣе, усвоили нѣкоторыя ариѳметическія знанія. Большой успѣхъ во всѣхъ группахъ имѣло объяснительное чтеніе, иллюстрируемое наглядными пособіями. «Читая статьи о животныхъ,—пишетъ въ своемъ отчетѣ одна уч-

тельница,—я показывала ученицамъ зоологическій атласъ Шуберта; онѣ разсматривали его всегда съ такимъ интересомъ, что положительно было трудно оторвать ихъ отъ картинъ».

Немалымъ затрудненіемъ при обученіи, особенно малограмотныхъ, было незнакомство многихъ ученицъ съ нѣкоторыми даже совсѣмъ простыми русскими словами, а у иныхъ,—правда, немногихъ,—полное неумѣніе владѣть русскою рѣчью. Затрудняло также, правда, больше всего у неграмотныхъ, нечистое произношеніе; шипящія и свистящія положительно не давались многимъ и требовали большихъ усилій и вниманія какъ со стороны ученицъ, такъ и учительницъ.

Чтобы нагляднѣе показать, что можно сдѣлать въ субботней школѣ за самое короткое время, приведу здѣсь небольшую выдержку изъ одного отчета: «Мои 6 ученицъ,—пишетъ учительница,—грамотные подростки; посѣщаютъ школу почти безъ пропусковъ; съ большимъ интересомъ относятся къ дѣлу и жадно схватываютъ новыя знанія; занятыя ежедневно до 9—10 часовъ вечера, онѣ все же каждую субботу берутъ книжку изъ нашей библіотеки. Какъ внѣклассное чтеніе, такъ и объяснительное чтеніе по субботамъ за короткое время улучшили механизмъ ихъ чтенія, хотя я и не обращала на эту сторону преобладающаго вниманія; въ уроки чтенія я всегда силилась внести развивающій элементъ, дѣлая добавленія въ видѣ бесѣды къ статьямъ, которыя я выбирала для чтенія изъ «Родного Слова» Ушинскаго, ч. II; вѣроятно, благодаря этому, уроки чтенія проходили очень оживленно и вызывали интересъ ученицъ, которыя принимали въ нихъ дѣятельное участіе. Что касается письма, то ученицы при поступленіи въ школу писали довольно красиво, но не были знакомы даже съ элементарнѣйшими правилами правописанія; къ концу учебнаго времени, благодаря аккуратному посѣщенію школы, способностямъ, а главное—сознательности, съ которой ученицы относились къ занятіямъ, онѣ прошли всѣ правила 1 года и почти половины второго года «Уроковъ русскаго правописанія» Пуцыковича и стали писать диктовку на эти правила довольно безошибочно.

Съ трудомъ находя свободный часъ на недѣлѣ, мои ученицы все же охотно исполняли задаваемую имъ работу по-русскому языку и ариѳметикѣ; курсъ послѣдней заключался въ рѣшеніи задачъ и примѣровъ въ предѣлѣ первой сотни, въ знакомствѣ съ мѣрами и торговыми счетами. Самыми исправными ученицами, не пропустившими ни одной субботы, были двѣ 14-тилѣтнія дѣвочки, окончившія ежедневную школу и занятыя всю недѣлю работой; открытіе субботней школы дало имъ возможность продолжать ученіе, къ которому онѣ относились съ огромной охотой. Если на сторонѣ малолѣтнихъ и подростковъ было аккуратное посѣщеніе школы, то взрослыя, не отличавшіяся имъ вслѣдствіе тяжелыхъ жизненныхъ условій, брали сознательнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ были и требовательнѣе къ школѣ, и насъ не должно удивлять, что были взрослыя ученицы, переставшія посѣщать школу, недовольныя—кто внѣшними

условіями ученія, кто самимъ преподаваніемъ. Мало того, учительницы должны сознаться, что ученицы частью имѣли право быть недовольными. Въ этомъ сознаніи всегда лежитъ залогъ совершенствованія въ будущемъ; по этому пути, будемъ надѣяться, и пойдетъ наша школа,—по крайней мѣрѣ въ новомъ году уже есть усовершенствованія сравнительно съ прошлымъ: расширеніе программы преподаванія введеніемъ бесѣдъ по географіи для всѣхъ взрослыхъ и грамотныхъ подростковъ, веденіе по праздникамъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ, медицинская помощь въ школѣ, устройство занятій, кромѣ субботъ, 2 раза въ недѣлю для ученицъ, свободныхъ по буднямъ. А впереди дѣла много, была бы у участниковъ охота, энергія, любовь, вѣра въ себя.

Свѣдѣнія о харьковской субботней школѣ проникли въ печать; было заявлено также, что школа наша всегда готова помочь указаніями лицамъ, которыя пожелали бы устроить субботнюю школу, и что въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ обращаться ко мнѣ, какъ завѣдующей школой. Скоро ко мнѣ стали поступать запросы изъ разныхъ мѣстностей; по настоящее время ихъ сдѣлано уже до 25; большая часть запросовъ идетъ, конечно, изъ Юго-западнаго края, но есть и изъ другихъ мѣстностей, напримѣръ—изъ Севастополя, Керчи, 5 запросовъ изъ Полтавской губ. Нечего и говорить о томъ, что каждое новое письмо по этому вопросу несказанно радуетъ меня, такъ какъ говоритъ о томъ, что дѣло, которому я служу, находитъ себѣ подражателей, обѣщаетъ развиваться.

Остановлюсь на нѣкоторыхъ подробностяхъ этихъ зараждающихся школъ; больше всего свѣдѣній у меня изъ города Черкассъ, Кіевской губ. Здѣсь за дѣло взялся кружокъ молодыхъ людей, называющихъ себя крайне неопытными въ вопросахъ народнаго образованія, но взамѣнъ опытности проявившихъ большую энергію, а энергія понадобилась имъ на первыхъ же порахъ. Для успѣха дѣла они рѣшили заручиться содѣйствіемъ еврейскаго общества или такъ-называемой интеллигенціи, которая, какъ это часто бываетъ, отнеслась недовѣрчиво къ затѣѣ молодыхъ людей; вмѣсто поддержки и сочувствія на сцену выступилъ скептицизмъ: то говорилось, что школа не будетъ имѣть учениковъ, то что не явится преподающихъ, то не будетъ денежныхъ средствъ. Вотъ тутъ-то иниціаторамъ и пришлось много поработать, чтобы разбить это недовѣріе; для этого они заставили говорить самые факты. Чтобы доказать, что ученики будутъ, сдѣланъ былъ опросъ фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, давшій блестящіе результаты: изъ 263 опрошенныхъ мужчинъ и женщинъ—235 изъявили желаніе посѣщать школу, отказалось только 28: 6—по старости, 6—находя свои познанія достаточными, 3—считая грамоту безполезной, 13—по недостатку времени. Насколько вообще будущіе учащіеся заняты, видно изъ того, что значительное большинство высказалось за занятія только по субботамъ, воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и въ канунъ ихъ, хотя устроители и предполагали ежедневныя вечернія занятія. Вообще, опрашиваемые жаловались на продолжительность рабочаго дня (сплошь и рядомъ 13—14 ча-

совъ) и на низкую заработную плату: выручка у подручниковъ всего 3—4 руб. въ мѣсяцъ, у мастеровыхъ отъ 7 до 20 руб. и очень рѣдко больше 20 рублей; кромѣ того заработокъ неровный, такъ какъ большинство работаетъ сдѣльно, находясь такимъ образомъ въ зависимости отъ количества заказовъ.

263 опроса не могутъ, конечно, служить матеріаломъ для какихъ-либо выводовъ или обобщеній, но сами по себѣ они представляютъ, на нашъ взглядъ, кое-что интересное. Вотъ что пишетъ, наприм., одинъ изъ иниціаторовъ: «У многихъ рабочихъ оказалось усиленное желаніе учиться, и на ряду съ болѣе или менѣе безличными отвѣтами, вродѣ: «какъ всѣ, такъ и мы» или «если всѣ будутъ ходить, то и мы будемъ»,—были случаи, когда насъ останавливали на улицѣ, прося записать, зазывали въ домъ, на одной фабрикѣ плакали даже (вѣроятно подростки), если мы случайно когонибудь обходили, не записывая. Большинство высказывало чисто-практическій взглядъ на пользу грамоты; хотя были и исключенія; иные на нашъ вопросъ, почему хотятъ учиться, отвѣчали также вопросомъ: «Зачѣмъ вы сами учились?», или: «Мы тоже люди!», или: «Хотимъ тоже знать, что на свѣтѣ дѣлается!», или еще: «Хотимъ узнать, какъ нашъ братъ рабочій въ другихъ мѣстахъ живетъ!» Но это исключенія; въ большинствѣ случаевъ мы не видѣли такого сознательнаго отношенія къ ученью, такъ какъ общій уровень развитія опрошенныхъ былъ очень низокъ, почти всѣ опрошенные совсѣмъ незнакомы съ фабричнымъ законодательствомъ (почти никто не знаетъ о существованіи фабричной инспекціи, ея цѣляхъ и назначеніи).

Вопросы о томъ, чему собственно хотятъ учиться, показали, что большинство мужчинъ желаетъ учиться и по-русски, и по-еврейски, или даже исключительно по-русски, большинство же женщинъ — по-еврейски; объясняется это тѣмъ, что по-еврейски, по крайней мѣрѣ, читать умѣютъ всѣ мужчины, женщины же обыкновенно не умѣютъ; свое предпочтеніе еврейской грамотѣ женщины мотивировали причинами религіозными (хотятъ научиться молиться), національными («мы вѣдь евреи!» — говорили нѣкоторыя) или практическими (въ обыденной жизни гораздо чаще приходится писать по-еврейски, нежели по-русски). Нѣкоторые изъ опрошенныхъ высказывались за тотъ или другой предметъ: кто хотѣлъ изучать ариѳметику, кто грамматику, кто міровѣдѣніе и т. д. Восемь человѣкъ изъявили желаніе научиться политикѣ; одинъ изъ нихъ мотивировалъ это тѣмъ, что онъ очень интересуется греко-турецкою войной, но никакъ не можетъ уяснить себѣ ея причинъ и слѣдствій. Но въ общемъ большинство оказалось настолько невѣжественнымъ, что не могло опредѣлить своихъ симпатій къ тому или иному роду знанія, что, конечно, при безграмотности и малограмотности и вполнѣ естественно.

Иниціаторы школы не являются націоналистами и, по словамъ одного изъ нихъ, «самая мысль объ открытіи школы была результатомъ убѣжденія, что національная рознь играетъ далеко не послѣднюю роль въ современной общественной неурядицѣ, что среди задачъ, которыя ставятъ себѣ

лица, занимающіяся просвѣщеніемъ народа, должно быть и наиболѣе тѣсное сближеніе національностей между собой, такъ какъ общими усиліями легче разрѣшить тѣ вопросы, отъ которыхъ страдаетъ общество вообще и русское въ частности». Поэтому иниціаторовъ дѣла не могло не радовать то, что между фабричными рабочими они не нашли рѣзкой національной розни, которая однако замѣчалась между опрошенными мелкими лавочниками, приказчиками, факторами и т. п.

Опросы обнаружили и слѣдующую типичную черту: еврейская масса въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не понимала безкорыстныхъ услугъ; вотъ что пишутъ мнѣ по этому поводу: «Очень часто послѣ того, какъ мы знакомили съ дѣломъ, намъ предлагали вопросъ о томъ, какая же польза будетъ намъ отъ этого; многіе просто не вѣрили, что преподающіе будутъ учить безплатно, и дѣлали разныя предположенія на этотъ счетъ, вродѣ того, что или намъ будетъ платить правительство, или фабриканты, или, наконецъ, мы надѣемся на благодарность отъ начальства. Но, не признавая безкорыстія въ нашей будущей работѣ, большинство (что также очень типично) не хотѣло и пользоваться школой безплатно и высказалось за то, чтобы платить за обученіе и самимъ покупать учебныя пособія; многіе высказывали при этомъ, что неприлично зарабатывающему что-нибудь пользоваться безплатнымъ учрежденіемъ, и на этомъ основаніи совѣтовали и намъ не брать подъ школу безплатное помѣщеніе Талмудъ-Торы, а лучше взимать плату съ учащихся и нанимать помѣщеніе. Но, наравнѣ съ такими чисто-этическими доводами, у иныхъ мы слышали въ защиту платности обученія и совершенно практическое соображеніе: «за плату, молъ, учителя будутъ лучше учить, чѣмъ безплатно».

Когда вопросъ о томъ, будутъ ли въ предположенной школѣ ученики, былъ удачно разрѣшенъ, иниціаторы заручились еще согласіемъ цѣлаго ряда лицъ жертвовать на содержаніе школы и составили списокъ преподающихъ, которыхъ оказалось 17 человѣкъ. Но и послѣ того, какъ были собраны эти фактическія доказательства того, что осуществленіе школы не только возможно, но что въ школѣ чувствуется и настоятельная потребность, понадобился еще длинный, длинный рядъ хлопотъ и переговоровъ, пока наконецъ было подано инспектору народныхъ училищъ прошеніе о вечерней школѣ, съ двумя отдѣленіями—мужскимъ и женскимъ, при мѣстной Талмудъ-Торѣ отъ имени завѣдующаго ею общественнаго раввина.

Страшно при мысли, что школа въ Черкассахъ, по причинамъ, не зависящимъ отъ устроителей, можетъ никогда не увидѣть свѣта Божія и такъ въ зачаткѣ и умереть. А опасаться этого приходится: несмотря на новость дѣла, были уже случаи, когда субботнія школы при наличнос[ти] всѣхъ условій, требуемыхъ закономъ, не были разрѣшены даже безъ вс[я]кихъ объясненій со стороны начальства. Послѣднее, не имѣя въ свои[хъ] законоположеніяхъ и инструкціяхъ никакихъ прямыхъ указаній на суббот[нія] школы (остается подводить ихъ, и вполнѣ резонно, подъ типъ воскрес[ныхъ] школы), вообще недовѣрчиво относится къ этому нарождающемуся учре[ж]-

денію, и намъ извѣстны два случая, когда учебное начальство, въ подтвержденіе существованія такого типа школы, требовало нотаріальной копіи съ разрѣшенія какой-либо изъ субботнихъ школъ. Все это не можетъ не привести насъ къ убѣжденію, что и этому новому дѣлу предстоитъ идти по тернистому пути; и не мало огорченій и разочарованій ждетъ впереди тѣхъ, кто примкнетъ къ нему! И тѣмъ съ большею радостью должны мы привѣтствовать уже разрѣшенныя субботнія школы. Ихъ мы видимъ въ Севастополѣ, Симферополѣ, Керчи и, кажется, въ Ригѣ и Минскѣ. Относительно субботней школы въ Керчи мнѣ хочется привести здѣсь выдержки изъ присланнаго мнѣ дневника учредительницы школы, вотъ эти выдержки.

24 февраля 1897 г. «Побывала я въ Харьковѣ, познакомилась съ женской воскресной школой, узнала, что тамъ устраивается субботняя школа для еврейскихъ ремесленницъ. Правда, въ воскресныя школы принимаются ученицы всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій, но многія еврейскія дѣвушки, жаждущія ученія, заняты работой по воскресеньямъ; для нихъ-то и является спасеніемъ субботняя школа. Вернулась я домой въ Керчь и призадумалась надъ тѣмъ, почему у насъ не открываютъ такой школы; вѣдь здѣсь, при многолюдномъ еврейскомъ населеніи, нѣтъ ни одного еврейскаго училища для дѣвочекъ. «Не взяться ли мнѣ за это дѣло?»—мелькнула у меня мысль. Скоро мысль эта стала являться все чаще, все неотступнѣе стала преслѣдовать меня, не давала мнѣ покоя. Мнѣ почему-то казалось ужасно труднымъ, почти невозможнымъ, открыть здѣсь школу. И не вѣрилось, что хватитъ у меня силъ и терпѣнія до конца довести дѣло, и боялась я, что не встрѣчу сочувствія въ окружающихъ, не найду нужныхъ средствъ. Но почему же другимъ удается? И такъ хотѣлось, наконецъ, попробовать взяться за дѣло! Не все же ныть да жаловаться на пустоту окружающей жизни, на непригодность своихъ силъ. Неужто я принадлежу къ числу людей, способныхъ только плакаться на свою судьбу и произносить красивыя слова, развивая лишь теоріи о необходимости просвѣщенія для народной массы? Надо отбросить глупыя сомнѣнія, рѣшила я, и попытаться. Затрудненія встрѣтились при самомъ началѣ: оказалось, что я, имѣя свидѣтельство объ окончаніи лишь 7 классовъ гимназіи, должна прежде позаботиться о полученіи нужныхъ мнѣ правъ учительницы народнаго училища. Какой же предстоитъ мнѣ дополнительный экзаменъ? Вотъ вопросъ, требовавшій немедленнаго разрѣшенія! Иду съ нимъ къ начальницѣ женской гимназіи, она ничего объ этомъ не знаетъ. Такъ же безуспѣшно было мое обращеніе къ распорядительницѣ воскресной школы, а затѣмъ къ директору мужской гимназіи. Въ полномъ отчаяніи отъ этого невѣдѣнія дѣла лицами, такъ близко къ нему стоящими, я не знала, что предпринять. Наконецъ, случайно мнѣ посовѣтовали обратиться къ одной учительницѣ воскресной школы, которая, дѣйствительно, положила конецъ моимъ мытарствамъ. Чрезвычайно милая и любезная, она оказалась человѣкомъ развитымъ, умнымъ и свѣдущимъ: посвящая много времени дѣлу народнаго образованія и живо интересуясь имъ, она съ готовностью дала мнѣ самыя опредѣленныя свѣдѣнія.

Подъ рукой у нея оказался «Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія» со статьей Вахтерова, изъ которой я узнала, что для того, чтобы получить права народной учительницы, я должна дать при мужской гимназіи 2 пробныхъ урока, по русскому языку и ариѳметикѣ. Ободренная иду я снова къ директору гимназіи, и, указывая ему на принесенную статью, прошу назначить день для испытанія. Черезъ 2 дня я давала уроки (объясненіе умноженія простыхъ чиселъ и объяснительное чтеніе маленькой статейки по христоматіи), а еще черезъ день нужное свидѣтельство было у меня въ карманѣ. Присоединила я къ нему свидѣтельство о благонадежности, взятое изъ полиціи, написала прошеніе, отправила все это въ Симферополь къ инспектору и съ нетерпѣніемъ стала ждать отвѣта.

23 сентября. Семь долгихъ мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я послала прошеніе! И вотъ, наконецъ, получился отвѣтъ, долго жданный и желанный! Школу открыть разрѣшили! Начинаются усиленныя хлопоты: поиски учительницъ, отправка дополнительныхъ бумагъ инспектору, печатаніе объявленій. Средствъ пока нѣтъ никакихъ; надѣемся, что общество откликнется, а пока деньги на всѣ нужныя расходы даютъ двѣ попечительницы нашей школы. Назначаемъ первое засѣданіе, необходимо рѣшить нѣкоторые вопросы, безъ которыхъ нельзя приступить къ занятіямъ. Съ бьющимся сердцемъ иду я въ зданіе Талмудъ-Торы, гдѣ будетъ помѣщаться наша школа. Собралось насъ человѣкъ 10, въ томъ числѣ три учителя Толмудъ-Торы, люди уже опытные и умѣлые. Остальные—дѣвушки, большею частью, только что окончившія гимназію, робкія и неувѣренныя въ своихъ силахъ.

27 сентября. Наступилъ знаменательный день: сегодня былъ пріемъ ученицъ! Я такъ волновалась съ ранняго утра, что рѣшительно ничего не могла дѣлать, все валилось изъ рукъ, а въ головѣ вертѣлась одна мысль: «ну, какъ никто не явится записаться!» Не въ силахъ дождаться назначеннаго времени, отправляюсь я съ трепетомъ въ училище. Прихожу и вижу: во дворѣ, у дверей школы, цѣлая толпа маленькихъ дѣвочекъ, подростковъ и совсѣмъ взрослыхъ дѣвушекъ. Многія изъ учительницъ уже опередили меня, мы радостно переглядываемся, горячо пожимаемъ другъ другу руки и приглашаемъ нашихъ ученицъ войти. Взрослыхъ усаживаемъ на одну сторону, дѣтей по другую. Вызываемъ записываться сначала большихъ; лица у всѣхъ сконфуженныя, робкія. Мы ласково ихъ ободряемъ, говоримъ, что учиться никогда не бываетъ ни поздно, ни стыдно, и что заниматься съ ними мы будемъ отдѣльно отъ маленькихъ. Мало-по-малу физіономіи просвѣтляются, отвѣты на предлагаемые вопросы звучатъ уже болѣе довѣрчивымъ и твердымъ голосомъ. Вотъ пожилая женщина подводитъ маленькую дочку. Крошкѣ пошелъ девятый годъ, учиться хочетъ, с слезами проситъ, чтобы приняли. Слезы, просьбы дѣйствуютъ на сердце и мы уже начинаемъ сдаваться, но раздается протестующій голосъ: «Господа господа, не увлекайтесь, потомъ неловко будетъ отказать другимъ!» Дѣлат нечего, покоряемся разсудку. За то каждую входящую взрослую дѣвушк

мы встрѣчаемъ съ распростертыми объятіями. Большинство изъ нихъ совершенно безграмотныя. Среди подростковъ часто попадаются умѣющія читать. Успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія, записано 90 человѣкъ. Теперь наша обязанность поставить дѣло такъ, чтобы заинтересовать ученицъ, привязать ихъ къ школѣ. Комната опустѣла, мы—учительницы никакъ не можемъ разойтись. Лица у всѣхъ разгорѣлись, глаза блестятъ, голоса звучатъ радостно и весело.

4 октября. Передъ ученіемъ было отслужено торжественное молебствіе, послѣ котораго сказана небольшая прочувствованная рѣчь о значеніи субботнихъ школъ, мужской хоръ пропѣлъ молитвы. Затѣмъ мы размѣстили ученицъ по комнатамъ, соотвѣтственно ихъ возрасту и грамотности, и приступили къ занятіямъ. Мы робко и боязливо беремся за непривычное дѣло, нѣтъ у насъ умѣнья и опытности, но мы вѣримъ, что, движимыя искреннимъ желаніемъ принести пользу обездоленному люду, мы сумѣемъ выбраться на путь истинный».

Этими словами, полными вѣры въ себя и въ дѣло, я и закончу настоящую статью *).

М. Салтыкова.

---

*) Со всѣми вопросами, касающимися дѣла субботнихъ школъ, а также съ со-об еніями о новыхъ школахъ и о ходѣ дѣла, какъ въ нихъ, такъ и въ раньше от-кр тыхъ субботнихъ школахъ, убѣдительно прошу обращаться ко мнѣ по слѣдующ у адресу: Харьковъ, Мироносицкая площадь, собствен. домъ, Марьѣ Николаевнѣ С рыковой.

Новый видъ изслѣдователя.

По поводу статьи М. Н. Соболева «Русскій Алтай».

Одинъ изъ обширныхъ угловъ Западной Сибири—Алтай, по своимъ географическимъ особенностямъ представляетъ громадный интересъ какъ въ научномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, и заслуживаетъ гораздо большаго вниманія спеціалистовъ, чѣмъ ему отводилось до сихъ поръ. Натуралистъ найдетъ здѣсь много нетронутаго по части геологіи страны и своеобразныхъ условій существованія растительнаго и животнаго ея населенія, а экономистъ можетъ наблюдать интересные моменты въ столкновеніи стараго, отжившаго строя кочующихъ алтайцевъ съ быстро надвигающейся русскою колонизаціей,—въ столкновеніи, которое, кстати сказать, почти ничѣмъ не регулируется и поэтому является въ своей естественной обстановкѣ. За исключеніемъ небольшого числа солидныхъ экспедицій, далеко не исчерпавшихъ всего матеріала, изслѣдованія Алтая носили случайный характеръ; свѣдѣнія собирались, такъ сказать, по пути; для нашего времени многія данныя устарѣли, и съ Алтаемъ, особенно въ его глубокихъ частяхъ, мы все-таки мало знакомы. Отсюда понятно, что слѣдуетъ привѣтствовать всякую искреннюю попытку внести въ его литературу новыя свѣдѣнія, основанныя на личныхъ наблюденіяхъ; съ такимъ именно чувствомъ я открылъ новую статью г. Соболева (см. *Землевѣдѣніе*, 1896 г., кн, III—IV), которая, судя по заглавію «Русскій Алтай», обѣщаетъ болѣе или менѣе законченный очеркъ этой страны. Въ ней вы имѣете все, что требуется для внѣшности статьи, приличной предмету: введеніе, три главы (степи, предгорія и горы), рядъ цифръ, карта, собственныя имена и т. д.; все это успѣло произвести свои впечатлѣнія, сужу по тому, что за поѣздку на Алтай г. Соболевъ награжденъ серебряною медалью отъ Московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (№ 286 *Русск. Вѣд.*).

Къ большому сожалѣнію, я не могу присоединиться къ мнѣнію почтеннаго общества въ оцѣнкѣ труда г. Соболева. Познакомившись поближе съ содержаніемъ статьи, я пришелъ къ убѣжденію, что законченнаго очерка страны она не даетъ, такъ какъ авторъ совсѣмъ не коснулся обширныхъ областей, входящихъ въ составъ Русскаго Алтая, а именно его восточной

половины. Но это бы еще не бѣда; несоотвѣтствіе между заглавіемъ (т.-е. обѣщаніемъ) и содержаніемъ (т.-е. выполненіемъ)—вещь обыкновенная, и за это автора нельзя судить слишкомъ строго; можетъ быть, отдѣльныя описанія удачно выбранныхъ типичныхъ мѣстностей выкупаютъ этотъ промахъ и позволяютъ читателю составить ясное представленіе о характерѣ страны; или авторомъ сдѣланы новыя открытія, которыя обогатятъ научную литературу. Не трудно убѣдиться, что ни того, ни другого въ статьѣ не имѣется. Но за то есть много такого, что нежелательно было бы видѣть въ литературѣ, а тѣмъ болѣе научной.

Посмотримъ сначала, насколько авторъ подготовленъ къ изслѣдованію Алтая и составленію его общаго очерка. Первое, о чемъ заботится изслѣдователь какой-нибудь страны, это—карты, но оказывается, что съ картами Алтая г. Соболевъ почти не знакомъ. На 53 стр. читаемъ: «Карта его (т.-е. Южнаго Алтая) не издана», и авторъ, какъ бы желая пополнить этотъ вопіющій недостатокъ, прилагаетъ къ статьѣ снимокъ съ карты неизвѣстнаго автора, привезенной съ Алтая покойнымъ Н. М. Ядринцевымъ. Но *заявленіе г. Соболева совершенно невѣрно*: карты есть двѣ, не считая еще трехъ, изданныхъ въ маломъ масштабѣ. Одна карта Алтая полковника Мейена, и вторая—карта Сибири, изд. военно-топографическаго депо Омскаго штаба, куда цѣликомъ вошелъ и Русскій Алтай. Обѣ карты въ 10-верстномъ масштабѣ и довольно подробны; на послѣдней даже нанесено распредѣленіе лѣсовъ. Въ нихъ встрѣчаются погрѣшности, но карты эти во всякомъ случаѣ точнѣе карты, прилагаемой г. Соболевымъ, и выправленныя въ деталяхъ могутъ сослужить хорошую службу изслѣдователю. Какъ и нужно было ожидать, незнакомство автора съ картами повлекло за собой не только грубые промахи, но и прямое искаженіе дѣйствительности. Такъ, наприм., описывая положеніе горныхъ озеръ на Алтаѣ,—авторъ говоритъ,—что озера Телецкое, Тальменье, Язевое и Мультинское сосредоточены около сѣверныхъ отроговъ Бѣлухи (стр. 92). На самомъ же дѣлѣ Телецкое озеро лежитъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ Бѣлухи въ особой горной группѣ, Тальменье—прямо на западъ отъ Бѣлухи и притомъ на юго-западномъ склонѣ Катунскаго хребта, Язевое—на юго-западъ, за Катунью, и, наконецъ, Мультинское хотя и на сѣверо-западъ отъ Бѣлухи, но все-таки верстъ за 60 отъ нея по прямой линіи. Однимъ словомъ, ни одно озеро не находится тамъ, куда ихъ пожелалъ помѣстить г. Соболевъ! А о двухъ озерахъ, которыя дѣйствительно лежатъ у сѣверныхъ отроговъ Бѣлухи,—Аккэмскомъ и Кочурлинскомъ,—авторъ не обмолвился ни однимъ словомъ.

Этого пробнаго камня, который можно сравнить съ плохимъ отвѣтомъ [у]рока географіи, могло бы быть и достаточнымъ для характеристики раз[би]раемаго нами труда, но я хорошо понимаю, что заявивъ свое несогла[сі]е съ обществомъ любителей естествознанія, я взялъ на себя не малую [н]равственную отвѣтственность, а потому обязанъ подкрѣпить свое мнѣніе другими доводами.

Если авторъ мало знакомъ съ картами Алтая, то не вполнѣ достаточны его познанія и по части основной литературы: такъ г. Соболевъ ничего не упоминаетъ о IV томѣ Риттеровской Азіи, гдѣ г. Семеновымъ и г. Потанинымъ въ видѣ дополненій собрано все существенное, что появилось объ Алтаѣ до 1877 г. и не вошло въ III томъ. Вѣдь г. Соболевъ пишетъ не дневникъ, не просто описаніе своего путешествія, а «Русскій Алтай», и не знать при этомъ упомянутаго основного сочиненія прямо грѣшно.

Не могу также не удивиться самому способу пользованія литературой, который практикуетъ авторъ. Упомянувъ въ началѣ статьи, что описаніе составлено «на основаніи личныхъ замѣтокъ и указанной литературы», авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи нерѣдко совсѣмъ не упоминаетъ, что взято изъ личныхъ замѣтокъ, что̀ изъ указанной литературы. Такое смѣшеніе чужого со своимъ во многихъ отношеніяхъ неудобно,—неудобно даже для самого автора,—и въ литературѣ не принято.

Подробный разборъ всѣхъ трехъ главъ занялъ бы слишкомъ много времени, а потому, опуская двѣ первыхъ главы (степи и предгорія), въ значительной мѣрѣ посвященныя этнографіи, я прямо перехожу къ третьей, которая, по заявленію самого автора «является наиболѣе полной» и заключаетъ въ себѣ описаніе горъ, или строго говоря—одного Катунскаго хребта, который далеко не составляетъ всѣхъ горъ Русскаго Алтая. Но, къ сожалѣнію, и въ этой «наиболѣе полной» главѣ во всей мѣрѣ выразилось и неосторожное пользованіе литературой и поверхностно-развязное отношеніе къ предмету наблюденія.

Въ общемъ описаніи Катунскаго хребта г. Соболевъ говоритъ, что «западное крыло катунскихъ горъ не представляетъ собой непрерывной цѣпи, а разорвано на нѣсколько частей« (стр. 89). Если это дѣйствительно такъ, то авторъ сдѣлалъ несомнѣнно важныя открытія, и только странно, что совсѣмъ не указано, гдѣ же собственно находятся эти разрывы. А между тѣмъ спросите у охотниковъ изъ Уймона или Катанды относительно переваловъ черезъ Катунскіе бѣлки, и они вамъ отвѣтятъ, что перевалить этотъ хребетъ можно только въ трехъ мѣстахъ: въ вершинѣ Курагана, Мульты и по западнымъ отрогамъ хребта, и вездѣ придется «хватить снѣгу»; къ этому можно еще добавить, что два первыхъ перевала лежатъ на абсолютной высотѣ до 8,000 ф., и только западный немного ниже. И это на всемъ протяженіи западнаго крыла! Развѣ есть тутъ что-нибудь похожее на разрывы «на нѣсколько частей», когда средняя высота хребта, по указанію самого автора, равняется 9—10,000 ф.? Еще хуже представленіе г. Соболева о Чуйскомъ хребтѣ, который прот[illegible]нулся на Востокъ отъ Аргута, какъ прямое продолженіе Катунскаго. [illegible]а 89 стр. читаемъ: «Далѣе на оси того же хребта, *далеко отступя дру[illegible] отъ друга,* возвышаются *отдѣльныя* сланцевыя горы съ остатками к[illegible]да-то могущественныхъ ледниковъ, это—Аласъ или Іикъ-ту, и Ирбисъ-т[illegible]; и немного ниже выражается догадка, что «вершины, стоящія теперь *ос*[illegible]

някомъ, были прежде частью Катунскаго кряжа, но время (!) и силы природы *совершенно порвали* тѣ звенья, которыя соединяли ихъ съ общимъ хребтомъ». Слова, слова, какъ много словъ! Откуда г. Соболевъ получилъ такія нелѣпыя свѣдѣнія? Если авторъ сообщаетъ это на основаніи литературныхъ данныхъ или разспросныхъ свѣдѣній, то я скажу, что онъ введенъ въ сильное заблужденіе; если же на основаніи личныхъ замѣтокъ... да нѣтъ, г. Соболевъ, вы тамъ не были и сами Чуйскихъ бѣлковъ не видали! Отправляйтесь отъ Аргутскаго прорыва на востокъ по долинѣ Тополевки, правому притоку Аргута, и съ правой (южной) стороны, вы надолго будете имѣть высокій непрерывный хребетъ со снѣжными вершинами; пройдете Тополевку до истоковъ, перевалите черезъ отрогъ Чуйскаго хребта въ верховье Чеганъ-Узуна (Талдура), спуститесь въ Чуйскую степь, и все время, т.-е. на пространствѣ около 100 верстъ, тянется все тотъ же непрерывный Чуйскій хребетъ со снѣжными вершинами; и ни одного перерыва, ни одного доступнаго для лошадей прохода на югъ въ долину Ясатера! Гора Іикъ-ту здѣсь имѣется, но лишь какъ выдающійся пикъ того же непрерывнаго хребта, а не какъ отдѣльная вершина. Наконецъ, для человѣка, опытнаго въ горныхъ экскурсіяхъ, можно съ большого ледника въ вершинѣ Талдуры подняться пѣшкомъ на самый хребетъ, покрытый снѣгами, а отсюда оцѣнить его непрерывность на большомъ протяженіи. Такимъ образомъ всѣ краснорѣчивыя разсужденія автора о разрушительномъ дѣйствіи времени (!) и силъ природы нужно было приберечь до другого случая, а здѣсь пока они остаются ненужными словами.

Не скажу также, чтобъ авторъ вѣрно описывалъ то, что онъ самъ, несомнѣнно, видѣлъ; такъ, описывая Катунскій ледникъ, онъ говоритъ, что средняя морена мало замѣтна; это — гряда камней въ 5 саженъ высоты, которая прекрасно видна даже за двѣ версты отъ ледника *)! Равнымъ образомъ, опредѣляя положеніе скалистаго гребня, раздѣляющаго главные потоки Катунскаго ледника, г. Соболевъ повторяетъ ошибку Габлера, говоря, что онъ примыкаетъ къ восточному рогу Катунскихъ столбовъ (стр. 105), тогда какъ онъ отходитъ отъ середины сѣдла Бѣлухи. Очевидно, авторъ дальше начала ледника не проникалъ. Берельскій ледникъ г. Соболевъ помѣщаетъ на сѣверо-восточный склонъ Бѣлухи, тогда какъ онъ залегаетъ на юго-восточномъ. Ясно, что здѣсь авторъ совсѣмъ не былъ.

Преинтересно трактуетъ г. Соболевъ о таяніи снѣговыхъ полей и ледниковъ днемъ и ночью; на 92 стр. мы читаемъ: «лишь только взошло солнце, тотчасъ *заиграли* ледники, и ручьи со всѣхъ снѣговыхъ полей устремляются...» и т. д. Да еслибъ авторъ провелъ хоть одну ночь подъ ледникомъ, онъ увидѣлъ бы, что потокъ, выходящій изъ-подъ льда, *играетъ* всю ночь, и только къ восходу солнца уровень воды немного падаетъ. И какъ не подумать о томъ, что, допуская отсутствіе *игры* ледниковъ ночью, придется принять явную нелѣпость, а именно, что горныя рѣки должны

*) См. табл. 24 моего сочиненія „По Алтаю". Томскъ, 1897 г.

ночью пересыхать! Или г. Соболевъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета, какая разница между ледникомъ и снѣговымъ полемъ.

Говоря о молочномъ цвѣтѣ воды ледниковыхъ рѣкъ, авторъ прибавляетъ, что прозрачные снѣговые ручьи, впадающіе въ мутный потокъ, *нерѣдко* измѣняютъ «первоначальный цвѣтъ ледниковаго молока» и дѣлаютъ воду прозрачной за 10 верстъ ниже потока. Мнѣ очень нравится это *нерѣдко*, когда авторъ, судя по описанію, и побывалъ только на одномъ Катунскомъ ледникѣ, да два другихъ видѣлъ издалека! Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что г. Соболевъ опять говоритъ неправду. Посмотрите Катунь близъ впаденія Тюргеня, т.-е. за 50 верстъ отъ истока, а она все-таки совершенно мутна; Бѣлая Борель приноситъ свои мутныя воды въ Бухтарму, т.-е. верстъ на 75 ниже истока; Чуя засоряется молокомъ Чеганъ-узунскихъ ледниковъ на всемъ среднемъ и нижнемъ теченіи вплоть до устья и засоряетъ самую Катунь. То же и Аргутъ и Акъ-Алаха̀, питаемыя ледниковыми рѣками. Взгляните, наконецъ, на Рону, гдѣ она впадаетъ въ Женевское озеро, и вы увидите, какую массу грязи она выбрасываетъ въ прозрачную воду озера, и не за десять верстъ отъ истока! Гдѣ удалось видѣть г. Соболеву такое чудо, чтобъ ледниковая рѣка высвѣтлялась за 10 верстъ отъ истока, я отказываюсь понять!

Съ цифровыми данными авторъ обращается съ необыкновенной развязностью, и величины получаются, дѣйствительно, ни съ чѣмъ не сообразныя. Г. Соболевъ даетъ для Катунскихъ бѣлковъ высоту снѣжной линіи въ 1,800—2,600 футовъ надъ уровнемъ моря (стр. 91), а для разселенія кедра 1,600—2,900 футовъ. Но подумайте, какъ это возможно, когда *такихъ высотъ въ Катунскомъ хребтѣ совсѣмъ нѣтъ*, когда сама Катунь въ области этихъ горъ течетъ на высотѣ 7,000—3,000 футовъ надъ моремъ. Вѣдь это выходитъ, что г. Соболевъ трактуетъ о какихъ-то подземныхъ высотахъ. И такое неряшливое обращеніе съ цифрами повторяется на цѣломъ рядѣ страницъ.

Такъ же безцеремонно поступаетъ авторъ и съ данными температуры. Характеризуя континентальность климата Алтая,—гдѣ, кстати сказать, послѣднимъ лѣтомъ были почти непрерывные дожди,—г. Соболевъ приводитъ, какъ общее правило, дневную температуру выше 40° (Цельсія или Реомюра?). Но вотъ передо мной лежатъ мои бюллетени за два лѣта,— всего болѣе 500 отмѣтокъ температуры,—и наивысшая температура наблюдалась 4 іюля 1895 года въ 1 часъ дня, въ 34,5° С., въ долинѣ Чулышмана, и то въ видѣ исключенія, средняя же дневная—гораздо ниже. Не на солнце же г. Соболевъ выставлялъ термометръ!

Ботаническихъ данныхъ я боюсь и касаться,—это завело бы насъ далеко за размѣры критической статьи; укажу только, что кедръ г. Соболевъ считаетъ «послѣдней растительностью въ пустынныхъ снѣжныхъ высотахъ» (стр. 72), и такимъ образомъ вычеркиваетъ изъ растительнаго царства цѣлую формацію альпійскихъ растеній, которыя и встрѣчаются только выше границы лѣса. Альпійскіе луга, которымъ у разныхъ авторовъ посвящен

столько прекрасныхъ описаній, и ихъ не замѣтить! Для этого нѣтъ надобности и подниматься очень высоко; взгляните вверхъ изъ долины и вы увидите, какъ зелень разстилается далеко выше лѣса, лѣпится по крутымъ скаламъ и доползаетъ до самыхъ снѣговъ.

Зоологическія познанія г. Соболева нерѣдко совершенно невѣрны или относятся къ давно прошедшимъ временамъ; такъ, авторъ повѣствуетъ объ обиліи лосей въ долинѣ Аргута (стр. 98) и оленей въ малонаселенныхъ мѣстахъ Алтая; а между тѣмъ, большинство профессіональныхъ охотниковъ, уйманцевъ и катандинцевъ, даже не знаютъ хорошенько, что это за звѣрь—лось, хотя каждую осень уходятъ на промыселъ за сотни верстъ; дикіе олени (маралы) еще попадаются кое-гдѣ по вершинамъ рѣкъ (Качурла, Аккэмъ, Кадринъ), но весьма рѣдко и въ маломъ количествѣ. Тетеревей и косачей г. Соболевъ считаетъ за различныхъ птицъ и упоминаетъ о нахожденіи въ горномъ Алтаѣ стрепета и дрофы, которыхъ, насколько мнѣ извѣстно, здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Да вообще высоко-горный Алтай бѣденъ птицами, и какъ г. Соболевъ составилъ себѣ иное мнѣніе,—объяснять не берусь.

Не могу, наконецъ, не указать еще одинъ крупный и для меня совершенно непонятный промахъ. Говоря о свойствахъ воды теплыхъ Рахмановскихъ ключей, г. Соболевъ сообщаетъ, что «изъ прозрачной воды обильно выдѣляются пузырьки углекислаго и *сѣрнистаго газа*» (стр. 108). Это ужъ ни на что не похоже! Вода—прекраснаго вкуса, даже въ тепломъ состояніи, и вотъ въ ней находятъ сѣрнистый газъ! Если не ошибаюсь, г. Соболевъ занимается и химіей, такъ неужели ему неизвѣстно, что сѣрнистый газъ, иначе—сѣрнистый ангидридъ, обладающій громадной растворимостью въ водѣ, сильно дѣйствуетъ на дыхательные пути, вызывая удушливый кашель и т. п.; и я пилъ эту воду три дня, не подозрѣвая, какой ядъ я проглатывалъ! Если даже подъ этимъ названіемъ г. Соболевъ разумѣлъ сѣро-водородъ, такъ и его трудно не узнать по отвратительному запаху тухлыхъ яицъ; на это, я думаю, хватило бы и моихъ химическихъ познаній; да, кромѣ того, анализъ рахмановской воды, произведенный въ лабораторіи Зыряновскаго рудника *) ни словомъ не упоминаетъ о содержаніи въ ней сѣроводорода.

Но я начинаю замѣчать, что моя критика превращается въ элементарный урокъ, чему здѣсь, конечно, не мѣсто.

Можно было бы еще долго говорить о погрѣшностяхъ въ описаніи г. Соболева, какъ, наприм., упоминаніе въ долинѣ Кокъ-су (притокъ Катуни), зкой тропы, тогда какъ тамъ пролегаетъ прекрасная дорога (Уйманскій ›актъ), по которой васъ бойко везутъ на тройкѣ, помѣщеніе деревни окъ-су на правомъ берегу, тогда какъ она лежитъ на лѣвомъ, невѣрный ›реводъ слова кокъ-су—желтая вода, тогда какъ это значитъ—синяя вода,

*) См. „Протоколы Томскаго общ. естествоисп. и врачей за 1896 г.“, стр. 6.

что вполнѣ соотвѣтствуетъ прекрасному цвѣту рѣки, и т. п.; но на этихъ мелочахъ я уже не буду останавливаться.

Г. Соболевъ особенно напираетъ на то, что ему удалось наблюдать слѣды ледниковаго періода на Алтаѣ, и это авторъ, повидимому, ставитъ себѣ въ особую заслугу. Можетъ быть оно и такъ. Но я спрашиваю себя, какую долю довѣрія можно оказать словамъ автора въ этомъ тонкомъ и деликатномъ вопросѣ, требующемъ и изощреннаго вниманія, и нѣкоторой опытности, когда въ болѣе простыхъ вопросахъ г. Соболевъ обращается съ научнымъ матеріаломъ весьма неделикатно и дѣлаетъ постоянно грубые промахи: развязно говоритъ о географіи Алтая, будучи знакомъ съ ней весьма мало, цифры даетъ не только не вѣрныя, но прямо невѣроятныя, не видитъ морены, которая сама просится въ глаза, открываетъ сѣрнистый газъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, просматриваетъ растительность выше лѣсного предѣла и т. п. Еще разъ повторяю, что, можетъ быть, и вѣрно, что ледники были распространены въ Алтаѣ гораздо шире, — а, все-таки, лучше подождемъ другого изслѣдователя.

Авторъ, повидимому, претендуетъ и на то, что его сочиненіе будетъ имѣть и значеніе экономическое; по крайней мѣрѣ, во введеніи онъ очень красно говоритъ о приливѣ переселенцевъ на Алтай, которые идутъ «наобумъ», «не подозрѣвая, что надъ ихъ головами виситъ Дамокловъ мечъ, что они зашли выше черты вызрѣванія хлѣбовъ» и т. д. Не тревожьтесь, г. Соболевъ, переселенцы на Алтай идутъ не «наобумъ» и, повѣрьте, лучше насъ съ вами знаютъ, гдѣ имъ можно селиться и гдѣ нельзя; и еще добавлю, что еслибы въ выборѣ мѣста для поселенія они руководствовались сочиненіемъ г. Соболева, тогда надъ ихъ головами повисъ бы не одинъ, а цѣлый арсеналъ Дамокловыхъ мечей! Не позавидую я и туристу, который, повѣривъ г. Соболеву, пойдетъ искать Телецкое озеро у сѣверныхъ отроговъ Бѣлухи или удобныхъ проходовъ въ Чуйскомъ хребтѣ!

Пора бы и кончить, но я не могу отвязаться еще отъ одной мысли: какъ авторъ, сочиняя свою статью, не подумалъ о томъ, что Алтай, хоть и за горами, а все-таки можетъ быть посѣщенъ кѣмъ-нибудь другимъ, и сообщаемыя г. Соболевымъ небылицы могутъ быть провѣрены и указаны? Впрочемъ, авторъ такъ убѣдительно говоритъ о неудобствахъ пути, крайне вредныхъ для здоровья колебаніяхъ температуры *), о бродахъ среди хаоса пѣны и брызгъ, что кому тутъ захочется ѣхать да еще провѣрять написанное! Значитъ, остается писать посмѣлѣе, пожинать лавры отважнаго путешественника и не помышлять о будущемъ. Будетъ ли только это искренняя попытка изслѣдователя?

В. Сапожниковъ.

---

*) Климатъ Алтая большинствомъ врачей считается здоровымъ.

Майковъ, какъ поэтъ *).

Въ *Одесскомъ Альманахѣ* на 1840 годъ появилось, подписанное буквою *М.*, стихотвореніе *Сонъ* («Когда ложится тѣнь прозрачными клубами...»). Орлиный глазъ Бѣлинскаго сразу увидалъ большое поэтическое дарованіе. Критикъ называетъ это стихотвореніе роскошно-художественнымъ, дивно-поэтическимъ. Въ немъ, по выраженію Бѣлинскаго, «пластическая форма прозрачно дышитъ живой идеей». Когда вышелъ сборникъ стихотвореній Майкова, Бѣлинскій написалъ о немъ превосходную статью. Основнымъ элементомъ поэзіи Майкова критикъ признавалъ «эллинское созерцаніе»: Майковъ смотритъ на жизнь глазами грека, «иначе еще не умѣетъ смотрѣть на нее». Онъ коренной житель Аттики, гражданинъ города Паллады. Но Бѣлинскій прибавляетъ: «Гармоническое единство съ природой, проникнутое разумностью и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительнаго элемента древняго міросозерцанія. Жизнь не только наивно-прелестна и мила, но благородна, доблестна, возвышенна, отмѣчена глубокимъ трагизмомъ». Майковъ въ то время, когда писалъ о немъ великій критикъ, коснулся этого элемента только въ драматической поэмѣ изъ римской жизни пятаго вѣка нашей эры *Олинфъ и Эсѳирь*. Но опытъ былъ неудаченъ: поэма вышла блѣдною, холодною, въ ней явно работаетъ рефлексія.

Второй отдѣлъ сборника—стихотворенія на современныя темы—Бѣлинскій прямо и вполнѣ основательно призналъ плохимъ. Въ немъ неудовлетворительны и содержаніе, и форма, тогда какъ «антологическія стихотворенія Майкова не только не уступаютъ въ достоинствѣ антологическимъ стихотвореніямъ Пушкина, но еще едва ли не превосходятъ ихъ». Бѣлинскій выражаетъ опасеніе, чтобы Майковъ не остановился на этомъ: антологическія стихотворенія—это ножка Психеи, голова Фавна, рука Венеры, превосходно высѣченныя изъ мрамора. Безъ живого, кровнаго сочувствія къ современному міру не можетъ быть великаго или особенно замѣчательнаго поэта.

*) Читано на вечерѣ Общества Любителей Россійской Словесности посвященномъ памяти А. Н. Майкова.

Такъ писалъ Бѣлинскій пятьдесятъ три года тому назадъ. Время шло. Талантъ Майкова мужалъ, но въ общемъ характеристика Бѣлинскаго осталась вѣрна. Майковъ впослѣдствіи не только *коснулся* трагическаго элемента въ античномъ мірѣ, но изобразилъ его съ поразительною глубиной и силой въ лучшемъ своемъ произведеніи, въ *Трехъ Смертяхъ* *), эллиномъ же онъ остался до конца своихъ дней.

О. Ѳ. Миллеръ въ 1888 году, когда праздновался полувѣковой юбилей литературной дѣятельности Майкова, напечаталъ о немъ большую статью **). Ученый славянофилъ сильно нападалъ на культъ античнаго міра, проникающій стихотворенія поэта, и называлъ этотъ культъ «вопіющимъ фактомъ переживанія». Миллеру, какъ искреннему и глубоко-убѣжденному христіанину, совсѣмъ не понятна красота античнаго міра, и онъ очень сердится на Майкова за то, что поэтъ воспѣвалъ *гадкаго старикашку Анакреона* или чувственную Аспазію. Миллеръ вполнѣ правъ, когда упрекаетъ Майкова за неожиданное, въ одномъ изъ его позднѣйшихъ стихотвореній (*Судъ предковъ*), превознесеніе Византіи:

„Все точку зрѣнія берутъ
На міръ изъ Рима! Надо взять
Изъ Византіи—и поймутъ!“

Майковъ смѣшиваетъ міродержавное византійство со вселенскою церковью, а они не только не связаны органически, но даже находятся между собою въ противорѣчіи, потому что христіанство непримиримо съ національною исключительностью и съ обоготвореніемъ государства. Крайне односторонній взглядъ Майкова выразился, наприм., въ приводимомъ у Миллера стихотвореніи, въ которомъ поэтъ говоритъ о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, и о томъ, что русскій народъ

„... весь отъ смерда до царя идетъ
И государству въ крѣпость отдается
И терпитъ все, лишь вѣра да спасется...“

Точно будто-бы, съ негодованіемъ восклицаетъ Миллеръ, живая, плодотворная вѣра можетъ спастись при такомъ закрѣпощеніи человѣка государствомъ.

Самъ Майковъ говоритъ намъ о своихъ исканіяхъ правды, о томъ, что ему трудно удавались христіанскіе образы въ *Смерти Люція*, позднѣе передѣланной въ *Два міра*. Новѣйшій критикъ указываетъ на постепенное развитіе міровоззрѣнія Майкова ***). «Муза Майкова,—говоритъ онъ,—не знаетъ страстныхъ и бурныхъ порывовъ, поэзія его совершенно чужда всего болѣзненнаго, тревожнаго, сумрачнаго, всего того, что живетъ въ »-

---

*) На поэта не могло остаться безъ вліянія то, что говорилъ Бѣлинскій о Р[illegible] при разборѣ *Олинфа и Эсѳири*.

**) *Русская Мысль*, кн. V и VI, 1888 года.

***) *В. С.*: „А. Н. Майковъ“. Критическій очеркъ (*Русское Обозрѣніе*, окт[illegible] 1[illegible] годъ).

кровенной глубинѣ человѣческой души, и подъ чѣмъ, по выраженію Тютчева, *хаосъ шевелится.* Все хаотическое, безобразное, въ такой же степени, какъ и безобразное, инстинктивно отталкиваетъ пластика-художника.» Вы видите, что это повтореніе мысли Бѣлинскаго. При такой особенности художественной природы Майкова, ему не могло не быть труднымъ воплощеніе христіанъ въ эпоху ихъ мученической борьбы съ языческимъ міромъ.

Критикъ *Русскаго Обозрѣнія* отмѣчаетъ, послѣ періода сороковыхъ годовъ, переходную эпоху въ развитіи Майковскаго творчества, когда поэтъ отзывался на современныя темы и занималъ довольно неопредѣленное положеніе на рубежѣ славянофильскаго и западническаго лагерей. Затѣмъ отразилась на поэтѣ война и послѣдовавшее за нею славное время преобразованій императора Александра II. Идейный процессъ завершился побѣдою христіанскаго духа. Отъ *Трехъ смертей* поэтъ дошелъ до *Двухъ міровъ.* По мѣткому выраженію критика, Майковъ изъ поэта образовъ становится поэтомъ мысли. Мы прибавимъ къ этому, что, къ сожалѣнію, то, что выигралъ мыслитель, то проигралъ поэтъ.

Сравнимъ съ этою цѣлью *Смерть Люція* и *Два міра.* Здѣсь Люцій называется Деціемъ. Майковъ говоритъ въ предисловіи къ своей трагедіи, что его герой «долженъ вмѣщать въ себѣ все, что древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго: это долженъ былъ быть великій римскій патріотъ, могучій духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ римлянинъ, уже воплотившій въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности. И этотъ образъ необыкновенно удался Майкову, хотя и можно пожалѣть, что не мало пропущено стиховъ изъ *Смерти Люція,* стиховъ характерныхъ и прекрасныхъ, какъ, напримѣръ, слѣдующіе:

„Средь пировъ
Я часто съ поднятою чашей
Стоялъ и словъ не находилъ,
Чтобъ придумать тостъ разумный.
А тостъ разумный на пирахъ—
То знамя, поднятое шумно,
То мысль, прочтенная въ сердцахъ!"

Сдѣлавшись изъ второй части лирической драмы трагедіей, *Два міра* очень увеличились въ объемѣ, но, по моему мнѣнію, ни одинъ изъ введенныхъ въ нее христіанскихъ образовъ не можетъ быть и сравниваемъ съ Деціемъ и другими образами римлянъ-язычниковъ. Слова раздаются христіанскія, священныя, но въ нихъ чувствуется та рефлексія, которую подмѣтилъ у Майкова Бѣлинскій. Холодны эти слова, какъ-то дѣланно звучатъ они. Поэтъ заставляетъ христіанку Лиду присутствовать на пиру у Деція при боѣ гладіаторовъ, и эта восторженная дѣвушка только глухо восклицаетъ:

„И Децій смотритъ!"

го Децій смотритъ, это не удивительно. Удивительно, что смотрятъ Лида и М рцеллъ. Этой сцены не было въ *Смерти Люція.* Чеканенный, изящный стихъ измѣняетъ Майкову, когда онъ заставляетъ говорить Марцелла или Лиду. Напримѣръ:

„Весь раскрытъ
Я передъ нимъ стоялъ, разбитъ,
Какъ червь раздавленъ...“

Но въ общемъ и *Два міра* производятъ сильное впечатлѣніе. Д. С. Мережковскій съ полнымъ правомъ могъ помѣстить творца *Трехъ смертей* въ *Вѣчные спутники* *) для каждаго, кому дороги интересы искусства и мысли. Когда Майковъ откликался на дѣйствительность, онъ часто бралъ невѣрную ноту и грѣшилъ грубымъ стихомъ (наприм., въ *Двухъ бѣсахъ*).

Можно пожалѣть, что онъ не послушался совѣта Бѣлинскаго. Г. Златковскій, со словъ Майкова, передаетъ слѣдующій эпизодъ. Однажды Бѣлинскій съ обычною страстностью доказывалъ, что чистое искусство есть ложь и праздная забава. «Заканчивая свою горячую тираду, Бѣлинскій вскочилъ, подбѣжалъ къ камину и столь же энергично сталъ выбивать свою трубку. Увидя по направленію падающей золы чью-то пару сапогъ, онъ медленно сталъ подымать глаза, чтобъ узнать, кому сапоги принадлежатъ, и увидалъ смущеннаго Апполона Николаевича, на лицѣ котораго еще не изгладилось впечатлѣніе отъ словъ, произнесенныхъ ораторомъ. Быстрымъ движеніемъ швырнулъ Бѣлинскій свою трубку на полъ, схватилъ обѣими руками за плечи молодого поэта, сильно потрясъ его, какъ бы желая стряхнуть съ него имъ навѣянное впечатлѣніе, и съ жаромъ вскричалъ: А вы, Майковъ, вы не слушайте, что я говорилъ! Вамъ это... избави Богъ!»

Какъ ярко свѣтится въ этомъ разсказѣ обаятельная личность Бѣлинскаго!

Должно прибавить, что великое историческое событіе, паденіе крѣпостного права, вызвало у Майкова трогательное и прелестное стихотвореніе. Кто его не знаетъ!

День взойдетъ могучъ, говорилъ Майковъ,—

„Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.
Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы малютки
Съ книжкою въ рукахъ!
Воля, братцы, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день“.

Но, конечно, Майковъ прежде и больше всего эллинъ или эллинизированный римлянинъ, какъ выражается, его новѣйшій критикъ. Лишь изрѣдка среди мраморныхъ изваяній Майковскаго творчества промчится страстный призывъ:

„Страсти сердца! Сны надежды!
Вдохновенья бредъ!
Былъ бы чуждъ безъ васъ и страшенъ

*) *Вѣчные спутники*. Портреты изъ всемірной литературы.

Сердцу Божій свѣтъ!
Васъ развѣять съ неба жизни—
И вся жизнь тогда
Силъ слѣпыхъ, законовъ вѣчныхъ
Вѣчная вражда".

Въ исключительныхъ случаяхъ Майковъ безподобно передаетъ намъ чудное настроеніе самоотверженной женской души:

„Я все ему, все отдала ему!
Онъ, бѣдный, чахъ душою безнадежной.
Не вѣрилъ онъ, покорный лишь уму,
Въ возможность счастья, въ возможность страсти нѣжной...
Онъ все—мои мечты, мой чистый идеалъ
И сердце, склонное къ блаженству и надеждѣ—
Какъ бы свое потерянное прежде
Сокровище нашелъ во мнѣ—и взялъ!...
Взамѣнъ онъ далъ мнѣ, что его томило:
Сомнѣніе, и слезы, и печаль...
Но я не плачу,—нѣтъ, мнѣ ничего не жаль,
Лишь только-бъ то, что было мнѣ такъ мило,
Что взялъ онъ у меня, ему во благо было..."

Но первое мѣсто останется за Майковымъ благодаря его антологическимъ стихотвореніямъ и лирической драмѣ *Три смерти*. Это—гордость нашей художественной словесности. Нельзя не чувствовать глубокой благодарности къ поэту, который такъ горячо любилъ родину:

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,—
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
О, дай намъ солнышка! Пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками,
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать
И, позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: Господи! Какая благодать!"

Такъ писалъ Майковъ въ 1856 году. Съ тѣхъ поръ много сѣмянъ созрѣло, широко распаханы новыя поля, и среди сѣятелей никогда не забудется имя Апполона Николаевича Майкова.

В. Гольцевъ.

Графъ Камиллъ Кавуръ по его письмамъ и современнымъ запискамъ.

Il Cavour sa che nella società umana la civilta e tutto, e senza di essa il resto è nulla. Egli sa che gli statuti, i Parlamenti, i giornali, e tutti i corredi dei governiliberi, ancorchi giovino ad alcuni, rispetto al pubblico son misere frasche se non aintano i progressi civili.
Gioberti.

Графъ Кавуръ во время своей недолгой, но столь блестящей жизни, не пользовался у пасъ популярностью въ томъ ограниченномъ кругу лицъ, который слѣдитъ въ Россіи за ходомъ европейскихъ дѣлъ и развитіемъ европейской мысли. *Современникъ* въ своихъ политическихъ обозрѣніяхъ относится враждебно или пренебрежительно къ стремленіямъ и успѣхамъ графа Кавура и не видитъ большой разницы между ними и удачей личной карьеры. Добролюбовъ прямо глумится надъ графомъ Кавуромъ. Для молодого прямолинейнаго критика теорія Мадзини представляется тѣмъ идеаломъ, передъ которымъ цѣли піэмонтскаго министра и практическія его комбинаціи для достиженія этихъ цѣлей кажутся лишь отрицательными величинами.

Мы не будемъ этому удивляться. Вспомнимъ, какъ недалеко отстояло то время отъ іюльской монархіи, паденіе которой казалось законнымъ возмездіемъ за ея низменные идеалы; вспомнимъ, что эта буржуазная монархія долго казалась расцвѣтомъ парламентаризма на континентѣ и что мы только теперь ясно сознаемъ, насколько для нея представительныя начала были не принципомъ, а лишь средствомъ, способствующимъ правительственной машинѣ двигаться съ меньшими препятствіями въ средѣ, какъ бы разряженной представительными учрежденіями. Для самого Людовика-Филиппа цѣли правительства и нужды страны не покрывали другъ друг", и онъ беззастѣнчиво выдѣлялъ выгоду правителей изъ интересовъ наро, ı

Графъ Кавуръ смотрѣлъ совершенно иначе на представительныя уч; жденія. Цѣль парламентаризма, по взглядамъ Кавура, была — пріобщ ніе

общественному развитію наибольшаго числа людей. Прекрасно выражаетъ это понятіе эпиграфъ, взятый нами у современника Кавура, Джіоберти († въ 1851 г.), и который приводимъ здѣсь въ переводѣ: «Кавуръ,— говоритъ Джіоберти, — зналъ, что въ человѣческомъ обществѣ гражданственность (civilta *) — все, и безъ нея остальное не имѣетъ значенія; онъ зналъ, что статуты, парламенты, свобода прессы и всѣ придатки либеральныхъ правительствъ хотя приносятъ пользу нѣкоторымъ, но относительно массъ остаются пустыми затѣями, если не способствуютъ развитію гражданственности».

Этотъ высшій строй, всегда присущій мысли Кавура, причина тому, что смерть Кавура вызвала искреннія, горячія сожалѣнія въ людяхъ, связанныхъ съ нимъ лишь высокимъ пониманіемъ общечеловѣческихъ интересовъ. Вотъ почему и собственно въ какомъ смыслѣ были англичанами приложены къ смерти Кавура слова изъ Библіи: «знаете ли, что вождь и великій мужъ палъ въ этотъ день въ Израили»; вотъ отчего въ засѣданіи парламента лордъ Пальмерстонъ могъ сказать, что жизнь Кавура представляетъ собою назидательное нравоученіе и составляетъ красу исторіи его вѣка.

Audace — Prudente, смѣлый — осмотрительный: эти слова высѣчены на монументѣ Кавура въ Туринѣ; они опредѣленно выражаютъ тѣ качества, которыя онъ выказалъ, работая для дѣла, бывшаго цѣлью всей его жизни; дѣло это было государственное, но оно служило цѣли явно общечеловѣческой; успѣхъ его составляетъ славу Кавура: онъ объединилъ много милліоновъ людей чувствомъ національности, а такое явленіе ставится исторіей въ первыхъ рядахъ прогресса.

Передъ нами многотомное изданіе Кіала о графѣ Кавурѣ: его письма **), политическія и экономическія записки, нѣкоторыя рѣчи и біографическій очеркъ, связывающій по возможности матеріалъ этого богатаго собранія документовъ. Красною нитью, черезъ всѣ эти страницы, выдѣляется политическій элементъ, составлявшій нервъ жизни Кавура. Мы постараемся представить русскому читателю въ послѣдовательной цѣпи извлеченій изъ собственныхъ словъ и писемъ графа Кавура характеръ его духа, столь же замѣчательнаго, какъ и успѣхъ его дѣятельности; но, прежде чѣмъ приступить къ намѣченному труду, укажемъ, что его дѣятельность довольно отчетливо распадается на три періода.

Первый періодъ можетъ считаться періодомъ скрытой,— не въ смыслѣ тайной, а въ смыслѣ потенціальной,—политической дѣятельности; онъ на[illegible]ается съ той минуты, когда Кавуръ взялся за управленіе семейными

---

*) Civilta, этимъ словомъ опредѣляется состояніе общества, при которомъ люди [illegible]ой привѣтливы, умомъ образованы, привычками благородны и живутъ подъ силой [illegible]оновъ справедливыхъ и мудрыхъ. Изъ *Vocabolario della lingua Italiana da Bigu*[illegible], стр. 257.

*) Напечатано у Кіала 1,732 письма Кавура.

мнѣніями въ 1835 году, и длится до 1847 года, когда онъ основалъ журналъ *Risorgimento* *).

Второй періодъ—открытой политической дѣятельности, парламентской и журнальной—обнимаетъ три года, съ основанія журнала до принятія Кавуромъ портфеля министерства земледѣлія въ 1850 году.

Третій періодъ, отвѣтственной политической дѣятельности, длится съ перваго министерства Кавура до его смерти въ 1861 году.

I.

Частная дѣятельность.

Графъ Камиллъ Кавуръ родился въ 1810 году въ Туринѣ, въ аристократической и клерикальной семьѣ, и воспитывался въ традиціяхъ исторической связи дворянства съ монархическимъ строемъ Сардинскаго королевства; хотя впослѣдствіи онъ и порвалъ съ предубѣжденіями своего сословія, но всегда оставался аристократомъ въ своемъ житейскомъ обиходѣ. Онъ признавался, что только послѣ путешествія по Европѣ пересталъ видѣть разницу между дворянской и мѣщанскою кровью и понялъ вредъ предубѣжденій, раздѣлявшихъ у него на родинѣ людей, достойныхъ любить и уважать другъ друга. Впрочемъ, у него не было ни способности, ни склонности дѣйствовать непосредственно на массы; какъ высокая образованность, такъ и умѣренность его мнѣній—ставили его слишкомъ высоко внѣ толпы, чтобъ онъ могъ ее хорошо понять и быть ею любимъ. Огромное вліяніе, которое выпало ему на долю, было слѣдствіемъ успѣха, его престижъ былъ престижемъ силы и онъ сталъ популяренъ лишь потому, что его стали считать сильнымъ.

У его отца, маркиза Кавура, было большое состояніе и блестящее служебное положеніе: онъ былъ викаріемъ, т.-е. губернаторомъ, Турина; власть, связанная съ этою должностью, не имѣла сколько-нибудь опредѣленныхъ границъ, какъ и деспотическое правительство, на которое она опиралась. Молва упрекала туринскаго викарія не только въ произволѣ, но и въ корыстолюбивыхъ злоупотребленіяхъ, впрочемъ, никогда не доказанныхъ. Непопулярность маркиза Кавура перешла къ его сыну, который, поставивъ свою кандидатуру въ депутаты, потерпѣлъ неудачу на первыхъ выборахъ народныхъ представителей. Впрочемъ, и дворянское происхожденіе служило поводомъ недовѣрія къ Кавуру со стороны пылкой передовой молодежи въ первую пору либеральныхъ учрежденій; его «бѣлая кость» очень осложняла и затрудняла первые шаги его политической дѣятельности; за то впослѣдствіи, когда пышный дворъ второй имперіи сталъ имѣть так преобладающее значеніе въ судьбахъ Италіи, случилось обратное; са Кавуръ, разсказывая своему другу М. Кастелли подробности своей необы новенной удачи на парижскомъ конгрессѣ, призналъ справедливость

*) *Возрожденіе.*

замѣчанія, что было бы труднѣе достигнуть того же успѣха, будь Кавуръ не графомъ, а, положимъ, адвокатомъ. «Mio caro, cos i va il mondo» *).

Въ гостиной Кавуровъ сходились ежедневно сановники, посланники, представители высшаго римско-католическаго духовенства. Жена маркиза Кавура была протестантка изъ богатой женевской семьи; скоро послѣ замужества она перешла въ католичество, что не мѣшало ей остаться всю жизнь въ дружескихъ отношеніяхъ съ своими швейцарскими родственниками. Среди нихъ выдѣлялись люди высокой образованности, ученые, писатели, напримѣръ: де-Кандоль, Сисмонди, де-ля-Ривы; съ послѣдними сынъ ея Камиллъ былъ особенно близокъ.

Благодаря такимъ семейнымъ условіямъ, молодой Камиллъ воспиталъ въ себѣ замѣчательную терпимость къ чужимъ мнѣніямъ; со старшимъ братомъ своимъ онъ остался друженъ до смерти, хотя Густавъ Кавуръ былъ не только горячій католикъ, но и убѣжденный клерикалъ.

Въ средѣ родныхъ со стороны матери, въ Швейцаріи и Франціи **), Кавуръ рано замѣтилъ и оцѣнилъ запросы новаго времени, которые тогда не проникали еще въ старомодный Туринъ. Въ затхлой аристократической атмосферѣ родного города мысли молодого человѣка не могли бы развиться, но частыя посѣщенія Швейцаріи, Парижа и Лондона дали матеріалъ и окраску его пытливому уму и укрѣпили въ немъ уваженіе къ Англіи, этой первородной среди государствъ новаго времени.

Уже съ тѣхъ поръ конституціонная монархія стала политическимъ идеаломъ Кавура; но онъ былъ совершенно непричастенъ доктринерству, прирожденному грѣху политическихъ ученій того времени: представительное правленіе было для него не цѣль, не фетишъ, а средство, или лучше среда, благопріятная для развитія человѣческой личности. Поэтому Кавуръ рано понялъ, чего собственно требовать отъ правительства своей родины, но по отношенію Италіи онъ еще тогда не имѣлъ опредѣленной программы; слова Метерниха: Италія теперь только географическій терминъ—не были, къ сожалѣнію, пустымъ звукомъ, но и изъ такой Италіи Кавуръ чувствовалъ, что нужно выжить австрійцевъ, и это могъ сдѣлать одинъ Піэмонтъ.

По традиціямъ семьи, по намѣреніямъ отца, Кавуръ могъ составить себѣ придворно-военную карьеру; окончивъ 16-ти лѣтъ отъ роду королевское военное училище, онъ былъ сдѣланъ пажемъ принца Кариньянскаго (будущаго короля сардинскаго Карла-Альберта ***), но съ радостью промѣнялъ эту, по его выраженію, ливрею на мундиръ артиллериста. Весело поживъ молодымъ прапорщикомъ въ богатой аристократической Генуѣ, онъ былъ неожиданно переведенъ въ глубь страны на гарнизонную службу за

---

*) „Дорогой, таковъ свѣтъ“, съ практической философіей отвѣтилъ счастливый дипломатъ.

**) Обѣ сестры г-жи Кавуръ были замужемъ за французами — герцогомъ Клермонъ-Тонеръ и графомъ д'Озеръ.

***) Отецъ Виктора-Эммануила, перваго короля итальянскаго.

слишкомъ вольныя сужденія политическаго свойства. Глушь мѣстечка, въ которое его забросила судьба, заставила его скоро выйти въ отставку. Кавуру въ это время было 25 лѣтъ, и вотъ что мы читаемъ въ его письмѣ къ г. Навилю де-Шатовье по возвращеніи изъ перваго путешествія въ Англію въ іюлѣ 1835 года:

«Прежде всего я долженъ вамъ сказать, что я сталъ настоящимъ агрономомъ, это мое насущное занятіе. Вернувшись изъ Англіи, я засталъ отца совершенно погруженнымъ въ службу, а потому забросившимъ свои личныя дѣла; онъ предложилъ мнѣ заняться имѣніями, и я тотчасъ согласился; необходимо позаботиться объ ихъ управленіи, иначе мы рискуемъ лишиться всего состоянія. Любовь къ сельскому хозяйству развилась во мнѣ быстро, такъ что, занявшись имъ по необходимости, мнѣ было бы теперь жаль отъ него отстать. Да, кажется, ничто никогда меня къ этому и не понудитъ. Еслибъ я столь же сильно стремился къ политической карьерѣ, какъ встарь, то и тогда я долженъ бы былъ отвернуться отъ нея, такъ какъ мои убѣжденія удаляютъ меня отъ нашего правительства. Какъ ни умѣренъ я въ образѣ мыслей, какъ ни стараюсь держаться въ нихъ золотой середины, я, все-таки, далекъ отъ того, чтобы признать существующій порядокъ вещей сноснымъ. Такимъ образомъ, я привязанъ къ деревнѣ столь же по необходимости, сколько по охотѣ. Я нахожу въ сельскомъ хозяйствѣ и въ связанныхъ съ нимъ занятіяхъ широкое поле дѣйствій, которое можетъ удовлетворить всякаго честнаго человѣка, желающаго, по мѣрѣ силъ, служить обществу».

Немного позже, въ статьѣ по поводу посмертнаго изданія *Voyage économique en France* *) Люленя де-Шатовье, Кавуръ пишетъ: «Сельское хозяйство всегда было убѣжищемъ побѣжденныхъ партій и всякій переворотъ увеличитъ число лицъ, которыя при умственномъ развитіи и нѣкоторомъ достаткѣ примутся за обработку земли. Это тяготѣніе къ деревенской жизни принесетъ современемъ обществу богатые плоды... Трудно вычислить даже приблизительно то добро, которому можетъ положить начало присутствіе среди невѣжественнаго и бѣднаго населенія богатой **) или даже безбѣдной семьи. Это добро не ярко, не шумно; журналы о немъ не говорятъ, академіи его не вѣнчаютъ, но оно, тѣмъ не менѣе, очень значительно. Но чтобы въ нашъ просвѣщенный вѣкъ возвращеніе къ деревенской жизни могло состояться, необходимо, чтобы люди развитые находили въ деревенскомъ уединеніи возможность употребить въ дѣло, удовлетворительно для себя и съ пользой для другихъ, свои способности...»

Распространяясь дальше о покойномъ Л. де-Шатовье, Кавуръ какъ бы рисуетъ свой собственный портретъ, говоря: «Его дѣятельность никогда не исчерпывалась заботами объ имѣніи, онъ всегда слѣдилъ за умствен-

---

*) *Обзоръ французскихъ сельскихъ хозяйствъ.*

**) Вспомнимъ, что въ первой половинѣ нашего вѣка богатая семья была всегда почти синонимомъ образованной семьи.

нымъ движеніемъ своего времени и принималъ въ немъ участіе... его тонкій образованный умъ, занятый задачами литературнаго или нравственнаго порядка, постоянно питался чтеніемъ».

Приведемъ еще письмо Кавура, написанное вскорѣ послѣ его выхода въ отставку; оно адресовано въ Парижъ графинѣ Сиркуръ, рожденной Хлюстиной. «... Нѣтъ, я не могу покинуть ни семьи, ни отечества. Я связанъ долгомъ съ отцомъ, съ матерью, на которыхъ я никогда не имѣлъ повода роптать. Нѣтъ, я не огорчу ихъ преждевременною разлукой. Я разстанусь съ ними лишь тогда, когда могила насъ разлучитъ. И для чего пойду я во Францію?... Буду ли добиваться тамъ удовлетворенія тщеславія, искать извѣстности, нѣкоторой славы? Что хорошаго могу я сдѣлать людямъ внѣ отечества? Какъ могу я повліять на облегченіе участи изгнанниковъ—моихъ братьевъ?... Чѣмъ заняты въ Парижѣ всѣ эти эмигранты, которые волей-неволей должны были покинуть родину? Кто изъ нихъ могъ дѣйствительно быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ? Кому удалось пріобрѣсти значеніе или зажить широкой умственной жизнью?—никому. Тѣ самые, что были цвѣтомъ своего родного края, безслѣдно прозябаютъ въ вихрѣ Парижа. Волненія Италіи заставили лучшихъ сыновъ ея укрыться на чужбинѣ; большая часть изъ нихъ осѣла въ Парижѣ: ни одинъ не оправдалъ блестящихъ надеждъ, которыя онъ вызывалъ. Мнѣ горько видѣть, что такіе таланты, столько людей, выдающихся способностей, поражены безсиліемъ. Одинъ только итальянецъ составилъ себѣ имя и положеніе въ Парижѣ: это — Росси. Но какое положеніе? Человѣкъ самаго тонкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго практическаго, яснаго, гибкаго ума, способностей почти геніальныхъ, онъ долженъ довольствоваться каѳедрой въ Сорбоннѣ и кресломъ въ академіи, — дальше ему идти некуда; нѣтъ ничего болѣе серьезнаго, къ чему онъ могъ бы приложить свои силы. Этотъ итальянецъ, отказавшись отъ родины, потерянъ для нея навсегда. Онъ могъ бы въ недалекомъ будущемъ *) играть выдающуюся роль въ судьбахъ своего отечества. Вмѣсто того, чтобы дѣлать замѣчанія неисправнымъ ученикамъ, онъ могъ бы стать вождемъ своихъ соотечественниковъ на тѣхъ новыхъ путяхъ, которые уже теперь намѣчаются. Горе тому, кто отворачивается съ презрѣніемъ отъ страны, гдѣ родился, кто пренебрегаетъ братьями... что до меня касается, дѣло рѣшеное: я никогда не отдѣлю своей судьбы отъ родины; счастливая или несчастная, ей принадлежитъ вся моя жизнь,— я не измѣню ей, хотя бы я и былъ увѣренъ въ блестящей будущности вдали отъ нея».

Письмо это, написанное по-французски, какъ всѣ письма первыхъ годовъ, по приподнятости тона носитъ печать ранней молодости, но и дальнѣйшее развитіе Кавура не измѣняетъ намѣченнаго въ немъ направленія.

---

*) Черезъ 13 лѣтъ графъ Росси былъ представителемъ Франціи при Піи IX и былъ убитъ кинжаломъ при входѣ на первое засѣданіе кратковременнаго римскаго парламента 1848 года.

Выражался Кавуръ охотнѣе по-французски и никогда не достигъ въ итальянской рѣчи такого совершенства, которое могло бы удовлетворить тосканца; только огонь глазъ выдавалъ въ немъ итальянца; невысокій ростомъ, бѣлолицый, полный, живой, общительный, съ молоду любившій пожить, Кавуръ въ то же время былъ истый дѣлецъ,— одна бездѣятельность была ему въ тягость. Какъ искусный техникъ умѣетъ утилизировать имѣющуюся въ его распоряженіи силу, такъ Кавуръ, по мѣрѣ возникновенія самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, былъ способенъ сосредоточивать на каждомъ все свое вниманіе. Но при всей напряженной частной дѣятельности онъ никогда не терялъ изъ виду политическихъ судебъ Италіи; мало-по-малу она стала въ его воображеніи складываться въ одно политическое тѣло, и тогда осуществленію этого политическаго единства Италіи Кавуръ отдалъ всю жизнь всецѣло, беззавѣтно, не торгуясь ни временемъ, ни силами, не говоря уже о личныхъ разсчетахъ, привязанностяхъ и вкусахъ.

Вотъ что пишетъ очевидецъ, В. де-ла-Ривъ, двоюродный братъ Кавура со стороны его матери, объ его дѣятельности въ первые годы его деревенской жизни: «Помню, что въ Пресенжѣ (имѣніе гг. де-ла-Ривъ), въ 1840 году, Камиллъ заставлялъ себя будить очень рано, и какъ бы поздно онъ ни легъ, онъ вскакивалъ въ пять часовъ утра, проглатывалъ чашку чернаго кофе и садился за работу. Работа эта состояла тогда въ чтеніи исторіи Англіи лорда Магона, автора точнаго и добросовѣстнаго, но безцвѣтнаго и сухого. Помню, какое отвращеніе наводилъ на меня одинъ видъ этихъ толстыхъ томовъ. Но Камиллъ рѣшился выучиться англійскому языку, а чтобы этотъ трудъ послужилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ изученію исторіи Англіи, онъ проводилъ ежедневно утренніе часы за скучными книгами на незнакомомъ языкѣ... Позже я гостилъ у него въ Лери и на зарѣ отправлялся на охоту. При этомъ мнѣ ни разу не пришлось избѣгнуть его напутствованій, столь досадливыхъ для охотника. Хотя онъ самъ никогда не собирался стрѣлять бекасовъ, но былъ всегда на ногахъ съ зарей, разбирался въ счетахъ, обходилъ дворы и пригоны для скотины, присутствовалъ при налаживаніи какихъ-нибудь новыхъ орудій, умѣя, притомъ, употреблять свободныя отъ хозяйственныхъ заботъ минуты на чтеніе какой-нибудь основательной книги по агрономіи, политической экономіи или исторіи».

Далѣе В. де-ла-Ривъ говоритъ: «Разумная энергія графа Кавура была обращена на тысячу предметовъ, а казалось, будто она сосредоточена на каждомъ, такъ много выказывалъ онъ огня во всякомъ дѣлѣ, такъ разумно разрабатывался имъ каждый вопросъ, такъ послѣдовательно исполнялос[ь] имъ задуманное. Изъ-за плановъ текущаго дня онъ никогда не забывал[ъ] намѣченнаго наканунѣ, никогда не бросалъ начатаго. Проекты не смѣня[лись] другъ друга, они нагромождались безъ ущерба другъ для друга. Онъ бы[лъ] отмѣннымъ дѣльцомъ, хотя собственно дѣловыя предпріятія были для не[го] только второстепеннымъ занятіемъ, на которое обращался излишекъ е[го]

необыкновенной энергіи; они были только дополненіемъ къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ, которое всегда оставалось его главною заботой, его жизненнымъ интересомъ и которое уступило мѣсто только политикѣ...»

Дѣла, которыя велъ Кавуръ, не исчерпывали его силъ; мысль у него всегда была свободна и независима отъ личнаго интереса. Слѣдующее письмо подтверждаетъ приведенное сужденіе де-ла Рива; Кавуръ пишетъ къ Навилю де Шатовье: «Если дѣйствительно сахаръ изъ свекловицы можетъ добываться только при существованіи своего рода монополіи и привилегіи, въ ущербъ интересамъ большинства, тогда не желательно вводить эту промышленность у насъ. Было бы плохой услугой странѣ затѣять предпріятіе, которое было бы выгодно лишь покуда у власти стоятъ лица, непонимающія или корыстолюбивыя».

Въ другомъ письмѣ къ тому же Навилю читаемъ: «Наше правительство не поощряетъ промышленности, я въ этомъ ежедневно убѣждаюсь; оно видитъ въ промышленности союзницу либерализма и не можетъ совладать со внушаемымъ ею недовѣріемъ. Въ нашемъ отечествѣ можно думать только о земледѣліи, если желаешь жить въ мирѣ».

Какъ всѣ натуры, дѣйствительно, сильныя, Кавуръ скоро справлялся съ даннымъ положеніемъ; онъ находилъ удовлетвореніе въ возможной дѣятельности и не мучился желаніемъ дѣлать то, что было внѣ его власти. Но развитіе промышленности манило его; онъ видѣлъ въ ней не только орудіе благосостоянія экономическаго, но и способъ умственнаго оживленія страны. Вслѣдствіе этого мы застаемъ Кавура въ это время занятымъ и разработкой лѣса, и прорытіемъ канала, и введеніемъ въ Піэмонтѣ свекловичной культуры; онъ основываетъ свеклосахарный заводъ, фабрику химическихъ продуктовъ и туковъ; онъ озабоченъ организаціей туринскаго учетнаго банка и старается найти подспорье тонкорунному овцеводству въ производствѣ сыра изъ овечьяго молока для народнаго потребленія; онъ строитъ паровую мельницу и заинтересованъ условіями культуры спаржи въ большихъ размѣрахъ для подгородней торговли. Въ запискѣ объ улучшеніи шелководства Кавуръ настаиваетъ на поддержаніи его, какъ кустарнаго промысла, имѣя въ виду преимущественно поселянина-производителя и не стараясь объ абсолютномъ совершенствѣ продукта, невзирая на примѣръ сосѣдней Франціи, преслѣдовавшей какъ разъ обратное.

Среди всѣхъ этихъ занятій Кавуръ находитъ время не разъ посѣтить чужіе края, и поѣздки эти всегда обусловлены извѣстною цѣлью, что видно изъ его писемъ. Въ Англіи Кавуръ бывалъ то съ намѣреніемъ изучить ѣстное самоуправленіе и механизмъ парламента, то чтобы присмотрѣться ь ходу промышленности, къ успѣхамъ и научнымъ пріемамъ агрономіи; ь Парижѣ онъ посѣщалъ гостиныя, поддерживалъ свѣтскія связи и расширялъ кругъ своихъ знакомыхъ, причемъ всегда искалъ случая вызвать ь собесѣдникахъ симпатіи къ Италіи. Во Франціи же онъ хлопочетъ о аправленіи желѣзно-дорожныхъ линій, которыя тогда еще только возни-

кали; эта забота имѣетъ уже характеръ политическій, котораго не чужды и дальнѣйшія его предпріятія: открытіе клуба виста въ Туринѣ, основаніе общества сельскаго хозяйства, участіе въ статистическихъ работахъ и отчасти даже учрежденіе общества попеченія о дѣтяхъ.

Увлекаясь своими предпріятіями, Кавуръ приходилъ въ соприкосновеніе съ разнообразными потребностями всѣхъ слоевъ населенія и такимъ образомъ пріобрѣталъ множество свѣдѣній объ экономическомъ и нравственномъ развитіи страны; при этомъ онъ никогда не терялъ изъ виду политической жизни страны, она всегда составляла для него главный интересъ, что видно изъ его писемъ, даже тѣхъ, которыя написаны во время самой усиленной частной дѣятельности.

Мы увидимъ, какъ высокъ былъ идеалъ стремленій Кавура, изъ слѣдующаго отрывка статьи, помѣщенной имъ въ *Nouvelle Revue* 1842 года:

«Исторія всѣхъ вѣковъ доказываетъ, что ни одинъ народъ не можетъ достигнуть высокаго уровня умственнаго и нравственнаго, не сознавъ своей національности. Это замѣчательное явленіе неизбѣжно вытекаетъ изъ законовъ человѣческой природы. Дѣйствительно, духовная жизнь массъ движется въ довольно тѣсномъ кругѣ понятій, и среди нихъ самыя благородныя и возвышенныя послѣ идей религіозныхъ, конечно, понятія объ отечествѣ и національности. Если политическія условія страны не допустятъ проявленія этихъ понятій, массы будутъ коснѣть на жалкой степени развитія.

«Болѣе того: у народа, который не можетъ гордиться своей національностью, чувство личнаго достоинства будетъ достояніемъ лишь немногихъ привилегированныхъ натуръ......» Сознаніе собственнаго достоинства и для народа, и для частнаго лица составляетъ необходимое условіе нравственнаго развитія. Вотъ почему мы такъ горячо желаемъ освобожденія Италіи, вотъ отчего мы убѣждены, что передъ этимъ великимъ вопросомъ должны замолкнуть всѣ второстепенные вопросы и всѣ частные интересы отступить на второй планъ».

Для правильной оцѣнки дѣятельности Кавура въ этотъ періодъ не надо забывать, что онъ всегда и во всякомъ дѣлѣ встрѣчалъ затрудненія—не логическія, вытекающія изъ задачъ дѣла, а приходящія извнѣ по независимымъ отъ него обстоятельствамъ; примѣръ тому—основаніе школъ и дѣтскихъ убѣжищъ, о которыхъ усиленно старались Кавуръ и Бонкомпаньи въ 1838 и 1839 году.

Министръ Соляра препятствовалъ по мѣрѣ силъ этой, по его мнѣні[illegible], опасной затѣѣ, будучи убѣжденъ, что образованіе влечетъ за собою осла[illegible]леніе вѣрноподданническихъ чувствъ и равнодушіе къ религіи. Послѣ н[illegible]котораго колебанія, король Карлъ-Альбертъ выразилъ сомнѣніе въ зл[illegible] вредности образованія и разрѣшилъ общество, лишь бы преподаваніе был[illegible] поручено духовенству. Такимъ образомъ, предполагаемое общество пол[illegible]чило, наконецъ, право на существованіе, и Кавуръ, добившись разрѣш[illegible]

нія, продолжалъ заботиться о немъ въ качествѣ члена совѣта и казначея правленія *).

Впрочемъ, нельзя объяснить заботы Кавура объ основаніи этихъ пріютовъ исключительно политическимъ либерализмомъ, ни также милосердіемъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Натура его была дѣятельная, добродушно-экспансивная и отмѣнно логическая; склонность дѣлать добро удовлетворяла въ немъ требованіямъ порядка. Вотъ что пишетъ онъ о дѣтскихъ пріютахъ:

«Большая часть благотворительныхъ обществъ, несмотря на ихъ высокую цѣль облегчить различныя человѣческія нужды, влечетъ за собой, прямо или косвенно, не мало вреднаго, представить себѣ которое не трудно... по принципу, это вѣрно для всѣхъ благотворительныхъ учрежденій, за исключеніемъ тѣхъ, которыя имѣютъ въ виду дѣтей. Эти послѣднія учрежденія..., развивая дѣтей, болѣе вліяютъ на укрѣпленіе семейныхъ узъ, чѣмъ принято думать... Наблюденіе показываетъ, что обходительность и привѣтливость, которыя дѣти пріобрѣтаютъ въ школѣ и убѣжищѣ, нравятся родителямъ, и что такимъ образомъ отношенія между членами семьи дѣлаются мягче и любовнѣе. Поэтому помощь дѣтямъ не только не вредитъ семейному чувству и духу бережливости, но приноситъ пользу гораздо большую сравнительно съ другими формами общественной благотворительности; по отношенію же къ стоимости можно сказать, что общество меньше затрачивается на хорошее направленіе и образованіе ста юношей, чѣмъ порою стоитъ ему одинъ человѣкъ, который часто только вслѣдствіе своей недоразвитости попадаетъ на стезю преступленія».

Годъ спустя послѣ основанія дѣтскихъ пріютовъ Кавуръ хлопочетъ объ открытіи клуба по образцу лондонскихъ. На этотъ разъ ему собственно хотѣлось образовать звено между людьми разныхъ круговъ и направленій, найти мѣсто, гдѣ можно бы было имъ сбираться, чтобы слѣдить за жизнью страны, судить объ ея нуждахъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и какъ бы наблюдать за пульсомъ страны. Клубъ долженъ былъ называться клубомъ виста.

«Трудно себѣ представить,—говоритъ опять В. де-ла Ривъ,—всѣ пре-

---

*) По этому дѣлу сохранилось письмо, любопытное собственно для насъ, сѣверянъ, какъ образецъ естественныхъ формъ, допускаемыхъ непринужденностью обычаевъ юга даже при оффиціальныхъ отношеніяхъ. Кавуръ пишетъ къ графу Склописъ: „Signor Conte! графъ Франки только сегодня прислалъ мнѣ прошеніе, которое мы должны подать министру Пралормо. Я поспѣшилъ отослать его г. аббату Фанти, не находя возможнымъ по причинамъ, вамъ, конечно, понятнымъ (аббату Фанти принадлежала первая мысль объ основаніи убѣжищъ для дѣтей), чтобъ онъ не прочелъ ой бумаги до ея подачи; вотъ почему я замедлилъ отвѣтомъ. Г. аббатъ остался воленъ редакціей и мы условились явиться къ графу Пралормо въ понедѣльникъ одиннадцатомъ часу утра. Если вамъ будетъ удобно, мы сойдемся въ три четверти иннадцатаго подъ аркадами По, передъ лавками Маджи и Маріети. Отсутствіе отта съ вашей стороны будетъ знакомъ согласія. Примите, графъ, вновь выраженіе его совершеннаго уваженія, К.“

пятствія, которыя надобно было одолѣть, чтобы получить дозволеніе открыть клубъ; нельзя достаточно оцѣнить выдержанность и умѣлость, проявленныя Кавуромъ, чтобы добиться этого учрежденія. Деспотическому правленію свойственно не допускать, чтобы даже сочувственныя ему мнѣнія слагались внѣ его прямого приказанія и вліянія; деспотизмъ боится даже услугъ, если онѣ свободны, а не въ зависимости отъ его контроля. Такимъ образомъ, какими бы цѣлями клубъ виста ни задавался, будь взгляды его членовъ на политику самые умѣренные, даже ретроградные, все-таки ихъ собраніе являлось живымъ, а потому и опаснымъ учрежденіемъ».

Къ этому времени относится участіе Кавура въ коммиссіи по собиранію статистическихъ свѣдѣній, открытой при министерствѣ Пралормо: это первое прикосновеніе Кавура къ правительству съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ военную службу.

Въ 1842 году Кавуръ, наконецъ, могъ порадоваться основанію сельско-хозяйственнаго общества, не подозрѣвая, что оно станетъ потомъ для него поводомъ къ столькимъ испытаніямъ. Долгое время одна мысль о такомъ обществѣ пугала министра Соляра, но его замѣнилъ просвѣщенный Галлина, и король далъ свое согласіе въ пышномъ декретѣ, который помѣщаемъ, какъ памятникъ минувшаго времени.

«Карлъ-Альбертъ и проч., и проч., и проч.

«Намъ стало извѣстно, что достойныя лица, побуждаемыя достохвальнымъ желаніемъ достичь лучшихъ результатовъ при благопріятныхъ условіяхъ нашего государства, предположили составить въ Туринѣ общество, долженствующее правильными методами способствовать увеличенію производительности земледѣлія и тѣхъ промысловъ, которые съ земледѣліемъ непосредственно связаны. Эти лица обратились къ намъ со всеподданнѣйшею просьбой дозволить имъ составить, по представленной ими программѣ, общество, съ наименованіемъ его аграрнымъ. Мы увѣрены, что общество будетъ стремиться усугубить выгоды, извлекаемыя изъ естественныхъ источниковъ богатства нашего государства и что избранныя для того средства, а также распространеніе агрономическихъ и другихъ научныхъ свѣдѣній, при болѣе разумномъ, широкомъ и плодотворномъ приложеніи капитала и труда къ земледѣлію, увеличатъ благосостояніе многочисленнѣйшаго класса нашихъ подданныхъ. Поэтому мы съ особеннымъ удовольствіемъ оцѣнили мысли обратившихся къ намъ вышеупомянутыхъ лицъ и, одобряя задуманное общество, желаемъ высказать теперь же наше намѣреніе надѣлить его со временемъ, по мѣрѣ потребности, большими милостями и существенными поощреніями, приписавъ къ обществу школу лѣсоводства, школу ветеринарную, школу для правильнаго выращиванія племенного скота и другія учрежденія, которыя, по мѣрѣ разрастанія общества, признаемъ желательными. Въ виду изложеннаго, мы признаемъ и т. д.»

Всѣ подробности дѣйствій и управленія общества были строго контролированы разными правительственными инстанціями, но число членовъ было неограниченно, допускались даже женщины, не допускались лишь не христіан-

Эта послѣдняя оговорка аналогична требованію короля при основаніи дѣтскихъ пріютовъ, чтобы преподаваніе и воспитаніе дѣтей было поручено непремѣнно монахамъ.

Этотъ декретъ показываетъ, въ какой тягучей средѣ приходилось проявляться всякой частной инициативѣ.

Сельско-хозяйственное общество стало развиваться и въ скоромъ времени насчитывало до 3,000 членовъ и до 41 пункта, гдѣ засѣдали его комитеты.

На эти собранія съѣзжались люди съ разныхъ концовъ полуострова, что было неоцѣненнымъ преимуществомъ въ то время, когда обмѣнъ мыслей былъ до того затрудненъ, что газета, допущенная въ одномъ маленькомъ государствѣ полуострова, не проникала въ другое, что итальянцамъ зачастую не дозволялся переходъ черезъ границы тѣхъ же государствъ; такъ Кавуръ, будучи еще частнымъ человѣкомъ, два раза порывался путешествовать по Италіи, но всякій разъ встрѣчалъ отказъ въ пропускѣ, а впослѣдствіи онъ былъ лишенъ возможности путешествовать по Италіи, не возбуждая подозрѣнія дипломатіи; такъ онъ и умеръ, не видавъ ни Рима, ни Неаполя и побывавъ во Флоренціи уже по присоединеніи Тосканы къ Піэмонту.

Патріотическая мысль основателей общества оказалась плодотворной. Вотъ отрывокъ изъ письма Кавура, касающійся одной изъ задачъ общества; письмо обращено къ Дж. Джіованети въ декабрѣ 1845 года:

«Многоуважаемый другъ, надежда увидать васъ вчера на собраніи аграріевъ меня обманула. Я надѣялся, что вы будете говорить въ пользу распространенія образованія среди земледѣльцевъ, которые столь въ немъ нуждаются. Вы, вѣроятно, были убѣждены, что дѣло говоритъ само за себя и вы дѣйствительно не ошиблись: никто не оспаривалъ этого вопроса. Менѣе легко будетъ добиться того же единодушія, когда наступитъ очередь составить программу для предположеннаго агрономическаго института; я ожидаю самыхъ противорѣчивыхъ мнѣній, даже самыхъ нераціональныхъ: нѣкоторые ставятъ себѣ цѣлью науку, другіе—образованіе профессоровъ или абсолютно-совершенныхъ агрономовъ, вовсе не принимая во вниманіе существующихъ условій».

Помимо спеціальныхъ школъ у общества была своя газета—*Gazetta dell'Associazione*, посредствомъ которой общество могло руководить, внушать, давать совѣты своимъ 3,000 членамъ. Самыя засѣданія, какъ общія, такъ и комитетскія, служили дѣлу образованія, хотя менѣе методическому, но не менѣе дѣйствительному. Однако же подымающіяся порой б ныя несогласія убѣждали Кавура въ необходимости дать всѣмъ дѣйс іямъ сельско-хозяйственнаго общества самую широкую гласность.

Кавуру хотѣлось, чтобы общество не только возбуждало пренія по в кому спеціальному техническому вопросу, но и открыто обсуждало слы п ныя на сторонѣ замѣчанія или нареканія о дѣйствіяхъ самого обще с а. Возможное распаденіе общества его страшило какъ новое и горькое

доказательство слабой солидарности между итальянцами и подтвержденіе распространеннаго тогда мнѣнія о неспособности ихъ дѣйствовать съ единодушіемъ.

Въ Піэмонтѣ, при несвободной «къ счастію» прессѣ, какъ выражался министръ Соляра, политическія партіи не могли слагаться и слова—аристократъ и демократъ обозначали лишь общественное положеніе; однако же, такъ какъ аристократы, безъ сомнѣнія, имѣли вліяніе на правительство, то всякое ретроградное вѣяніе приписывалось имъ; Кавуръ по рожденію принадлежалъ къ аристократамъ, и демократы въ сельско-хозяйственномъ обществѣ были слишкомъ близоруки, чтобы за умѣренностью его рѣчей разглядѣть искренній его либерализмъ. Вслѣдствіе этого Кавуръ все рѣже сталъ посѣщать собранія общества и, наконецъ, вышелъ изъ него, хотя не переставалъ слѣдить за возникающими въ немъ вопросами.

Но если въ виду титула Кавура и его семейнаго положенія не довѣряли ему демократы съ журналистомъ Валеріо во главѣ, то, съ другой стороны, приверженцы правительства боялись его либерализма и видѣли въ немъ «самаго опаснаго человѣка во всемъ королевствѣ» *). Результатомъ этого было, что Кавуръ удалился изъ общества дѣтскихъ пріютовъ, чтобы своею яко бы неблагонамѣренностью не затруднять его дѣятельности. Такимъ образомъ онъ вернулся въ 1846 году опять къ деревенской жизни и покидалъ Лери лишь для краткихъ заграничныхъ поѣздокъ, иногда не дальше Женевы, гдѣ любилъ, по своему выраженію, окунаться въ свободу.

Досугъ деревенской жизни способствовалъ появленію двухъ письменныхъ работъ Кавура: первую пространную и богатую содержаніемъ статью о желѣзныхъ дорогахъ онъ помѣстилъ въ парижскомъ журналѣ *Nouvelle Revue*. Онъ затрогиваетъ въ ней не только техническіе и экономическіе вопросы, не только политику внутреннюю и внѣшнюю, но и нравственное развитіе общества, на которое, по его мнѣнію, желѣзныя дороги должны оказать большое вліяніе.

Въ то время, когда во Франціи Тіеръ говорилъ: je n'ai jamais partagé l'engouement pour les chemins de fer et je suis bien sûr que les paysans ne s'en serviront pas beaucoup **), а Гизо въ разговорѣ съ австрійскимъ генераломъ Вальдмоденомъ выразился о желѣзныхъ дорогахъ: que voulez-vous: c'est une manie ***). Кавуръ считалъ значеніе ихъ равнымъ изобрѣтенію типографскаго станка или открытію Америки. Онъ находилъ, что нравственное вліяніе желѣзныхъ дорогъ будетъ еще значительнѣе экономическаго, особенно для тѣхъ народовъ, которые отстали на пути прогресса. Локомотивъ въ этомъ отношеніи кажется ему имѣющимъ почти провиденціальное значеніе для Италіи...

Дальше онъ говоритъ: «Первенствующее значеніе для насъ парово-

*) Слова Карла-Альберта.

**) Я никогда не раздѣлялъ увлеченія желѣзными дорогами, и я увѣренъ, что крестьяне ими немного воспользуются.

***) Чего хотите? Это манія.

ныхъ линій состоитъ въ томъ, что онѣ приведутъ не только по имени, но и фактически къ объединенію Италіи...» и далѣе... «Скоро Альповъ не будетъ и фактъ восторжествуетъ надъ предубѣжденіемъ римской куріи...»

Кавуръ также доказывалъ, что желѣзныя дороги вѣрнѣе, чѣмъ административныя реформы, приведутъ къ политическимъ измѣненіямъ какъ внутренняго, такъ и международнаго характера, и потому онъ привѣтствуетъ ихъ какъ одну изъ главныхъ надеждъ своего отечества. Указывая на предполагаемую линію, долженствующую, несмотря на Альпы, связать Піэмонтъ съ Савойей, онъ говоритъ: «Эта линія будетъ однимъ изъ чудесъ міра; она увѣковѣчитъ имя Карла-Альберта, который имѣлъ смѣлость и энергію ее создать. Неисчислимыя благодѣянія, которыя будутъ слѣдствіемъ этого сооруженія, сдѣлаютъ память царствованія, уже ознаменованнаго столькими славными дѣлами, дорогою не только для подданныхъ короля, но и для всѣхъ итальянцевъ».

Король былъ польщенъ и испуганъ этой статьей и велѣлъ посовѣтовать Кавуру воздержаться на нѣкоторое время отъ въѣзда въ Туринъ.

Другую статью, о свободной торговлѣ въ Англіи и о вліяніи, которое свободная торговля окажетъ на экономическое развитіе Италіи, Кавуръ написалъ по-итальянски и напечаталъ въ итальянскомъ журналѣ *Nuova Antologia*; выборъ журналовъ съ столь различнымъ кругомъ читателей указываетъ лишь, повидимому, на то, что авторъ хотѣлъ французскою статьей обратить вниманіе Европы на Италію и вызвать еще разъ обсужденіе исключительныхъ условій ея положенія; въ итальянской же статьѣ о свободной торговлѣ онъ будилъ въ итальянцахъ сознаніе, что у нихъ нѣтъ еще общаго отечества.

Но экономическія аксіомы были слишкомъ новы, онѣ не привлекали симпатій большинства; казалось, что онѣ представляли выгоды лишь для богатыхъ, и это еще больше раздражало противъ графа Кавура, промышленнаго землевладѣльца и англомана.

Къ этому времени относится слѣдующее письмо Кавура къ своему родственнику Льву Коста де-Борегаръ: «Дорогой Левъ, я выждалъ нѣсколько времени по полученіи вашего добраго письма отъ 30 сентября (1847 г.), чтобы отвѣчать вамъ въ Шампиньи, гдѣ вы теперь, вѣроятно, находитесь. Несмотря на это промедленіе, вы не сомнѣваетесь, что я тронутъ вашею заботливостью обо мнѣ и признателенъ вамъ. Ваше попеченіе заставляетъ меня высказать вамъ причины моего положенія, которому вы какъ будто удивляетесь. Буду говорить откровенно. Вамъ кажется страннымъ, что я ӂву въ деревнѣ и не стараюсь примкнуть къ правительству. По вашему я олженъ бы былъ встряхнуться и постараться найти мѣсто и дѣло у п вительственной машины. Говоря съ другомъ откровенно, я не прикин ь скромникомъ и скажу, что не считаю себя неспособнымъ быть пол нымъ правительству и королю.

«Можетъ быть, я ошибаюсь, но я не считаю себя обдѣленнымъ тѣми с юбностями и познаніями, которыя необходимы лицамъ, стоящимъ у

кормила. При такомъ о себѣ мнѣніи, изложу причины, заставляющія меня оставаться въ сторонѣ.

«Во-первыхъ, я убѣжденъ, что между мною и высшими сферами существуютъ такія препятствія, которыхъ нельзя преодолѣть, не пожертвовавъ личнымъ достоинствомъ, да и то врядъ ли бы жертва достигла цѣли. Положеніе это непріятно, но дѣлать нечего, вы съ этимъ согласитесь, когда я въ двухъ словахъ разскажу вамъ мое прошлое.

«Очень молодымъ мальчикомъ я былъ назначенъ пажомъ принца Кариньянскаго, который особенно ко мнѣ благоволилъ. Я не раздѣлялъ этого чувства и вслѣдствіе нѣскольких рѣзкихъ словъ, отъ сути которыхъ я не отрекаюсь и теперь, я порвалъ съ дворомъ тотчасъ же по выходѣ изъ академіи. Принцъ болѣе чѣмъ охладѣлъ ко мнѣ и старался возбудить противъ меня короля (Карла-Феликса); однако, къ моему удивленію, король лично всегда былъ ко мнѣ милостивъ.

«Поступивъ 16-ти лѣтъ на военную службу, я пробылъ на ней 5 лѣтъ, вдали отъ столицы, вѣрный своей присягѣ въ дѣлахъ службы; но, сознаюсь, по молодости лѣтъ я рѣзко и открыто высказывалъ свои мысли и не стѣснялся въ выраженіяхъ. Когда принцъ вступилъ на престолъ *) онъ тотчасъ постарался меня подтянуть, отославъ въ гарнизонъ крѣпосцы Баръ. Я выдержалъ тамъ 8 мѣсяцевъ и, добившись согласія отца, подалъ въ отставку.

«Съ тѣхъ раннихъ поръ я не предавался праздности. Знаніе и опытъ повліяли не мало на мои взгляды, не измѣнивъ ихъ сущности. Я въ душѣ такой же либералъ какъ и въ 18 лѣтъ. Въ этомъ смыслѣ я и теперь хочу того, что приноситъ наибольшее благо человѣчеству, что способствуетъ развитію цивилизаціи. Теперь, какъ и тогда, я увѣренъ, что міръ на поворотѣ къ новымъ цѣлямъ. Я убѣжденъ, что нельзя противиться теченію, не вызывая бури, но я также убѣжденъ, что новые пути должны быть сперва изслѣдованы. Только разумно разсчитанный и медленный прогрессъ — вѣренъ. Я убѣжденъ, что порядокъ необходимъ для развитія человѣческаго общества, и что законная власть, продуктъ исторіи страны, составляетъ одну изъ лучшихъ гарантій порядка.

«Поэтому я не считаю себя либеральнѣе многихъ лицъ, занимающихъ правительственные посты. Другіе были обо мнѣ того же мнѣнія и не разъ стремились меня завербовать на службу. Но на это не воспослѣдовало соизволенія высшей власти. Графъ Пралормо, который, какъ вы знаете, настойчивъ, и тотъ не могъ добиться согласія короля. Все это—дѣла давно прошедшія, но было бы тоже и теперь. Я тогда былъ молодъ и могъ свободно согласиться на подчиненную должность; теперь я не могу принять такого положенія, или не хочу—какъ хотите.

«Тому назадъ 8 лѣтъ я былъ довольно популяренъ, теперь я всякую

*) Карлъ-Альбертъ, вступившій на престолъ послѣ своего дяди короля Карла-Феликса.

популярность потерялъ. Я боролся въ сельско-хозяйственномъ обществѣ противъ ультра-либераловъ, а правительство поддерживало ихъ партію, я потерялъ свое положеніе въ этомъ обществѣ и симпатіи либераловъ. Съ тѣхъ поръ я ничѣмъ не старался вернуть утраченныя симпатіи, такъ что король, еслибъ согласился и далъ бы мнѣ назначеніе, никому этимъ бы не понравился, а многихъ бы даже враждебно удивилъ. Впрочемъ, невѣроятно, чтобы онъ самъ обо мнѣ подумалъ, а также чтобъ онъ превозмогъ свою антипатію ко мнѣ, если кто-либо на меня укажетъ.

«Вотъ, дорогой Левъ, чистосердечное объясненіе моего положенія,—моя частная жизнь васъ болѣе удивлять не будетъ. Я себя обрекъ на сельское хозяйство, веду его въ большихъ размѣрахъ, что придаетъ ему удовлетворяющее меня значеніе. Мнѣ удалось выйти изъ рутины; улучшенія, введенныя мною, успѣшны. Я пользуюсь нѣкоторымъ вліяніемъ на дѣла страны и стараюсь ей служить, насколько частному лицу это возможно... Говорю вамъ все это не изъ хвастовства,—я хочу лишь доказать, что я не лѣнтяй и не провожу годы въ бездѣйствіи подъ личиной сельскаго хозяйства: заслуги въ этомъ нѣтъ, бездѣятельность меня томитъ...»

II.

Изданіе газеты и участіе въ парламентѣ.

Наступали уже годы, когда во всей Италіи начали выражаться требованія болѣе справедливаго и осмысленнаго управленія страной. Въ Римѣ новый папа Пій IX объявилъ амнистію политическимъ преступникамъ всѣхъ категорій и, вопреки всѣмъ традиціямъ, сталъ держаться національной политики. Это неожиданное событіе должно было отразиться и на правительствахъ Неаполя и Флоренціи, которымъ приходилось предупреждать либеральными уступками угрожающія имъ повсюду оппозиціонныя движенія; вскорѣ и Піэмонтъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Но австрійское правительство, напротивъ, въ своихъ итальянскихъ владѣніяхъ только усиливало полицейскій духъ своей администраціи и тѣмъ доводило своихъ подданныхъ до остраго возбужденія. Кавуръ пишетъ къ В. де-ла-Ривъ въ октябрѣ 1847 г.: «Папскія реформы оживили умы, и грубость австрійцевъ усиливаетъ прежнее чувство злобы къ нимъ. Это возбужденіе меня радуетъ, оно вызываетъ Италію къ жизни и скрѣпляетъ узы, связывающія національныя правительства съ населеніемъ. Все двинулось. При должной осторожности со стороны принцевъ, нѣкоторой сговорчивости и стойкости, возрожденіе политическое удастся безъ внутренней ломки».

О томъ же Кавуръ пишетъ въ заключеніе вышеприведеннаго письма св его къ Льву де-Борегаръ: «Еще два слова о вопросахъ дня. Вы, конечно, знаете о министерскихъ перемѣнахъ. Новые министры, однако, ничѣмъ еще не проявили своего направленія. Требованія же общественныя ежедневно возрастаютъ. Послѣ манифестацій въ Казалѣ и другихъ городахъ невозможно оставаться позади Рима и Тосканы. Невозможно либе-

ральничать по ту сторону Тичина и препятствовать всему по сю сторону рѣки. Политика внутренняя не можетъ идти въ разрѣзъ съ политикой внѣшней. Всѣ люди, какого бы оттѣнка они ни были, поймутъ это. Король самъ въ этомъ убѣжденъ. Поэтому я не сомнѣваюсь, что онъ собирается пойти на уступки. Но уступки въ чемъ и какъ? Говорятъ о прессѣ, объ уничтоженіи судебныхъ привилегій. Джіоването, вашъ коллега въ государственномъ совѣтѣ, разрабатываетъ съ К. цѣлые проекты. Публика пока забавляется, крича: Viva Pio nono! — и тотчасъ расходится при появленіи жандармовъ. Я не ожидаю серьезныхъ безпорядковъ, хотя волненіе большое. Состояніе страны не шуточное и, конечно, можетъ перейти въ острое при неумѣломъ обращеніи...»

Король Карлъ-Альбертъ, наконецъ, вступилъ, хотя медленно и какъ будто съ сожалѣніемъ, на путь реформъ. Въ концѣ 1847 г. введено было нѣкоторое улучшеніе въ администраціи, приступлено было къ пересмотру судопроизводства, открыты областные и общинные совѣты, правительство допустило благопріятное измѣненіе цензурнаго устава и король согласился принять въ государственный совѣтъ, какъ элементъ совѣщательный, нѣсколькихъ вызванныхъ изъ провинціи лицъ.

Передовые и крайніе не могли удовольствоваться этими слабыми уступками, въ которыхъ видѣли не зародышъ новаго положенія вещей, а лесть или обманъ; мнѣніе Кавура, напротивъ, было теперь на сторонѣ правительства, онъ пишетъ: «необходимо поддерживать безъ нетерпѣнія дѣйствія прогрессивнаго національнаго правительства» и далѣе: «Время заговоровъ прошло, эмансипація народовъ не можетъ быть слѣдствіемъ ни заговора, ни внезапной удачи... мы можемъ достигнуть безцѣннаго блага національности только черезъ взаимодѣйствіе всѣхъ живыхъ силъ страны, т.-е. усиліями національныхъ правителей при поддержкѣ ихъ всѣми партіями».

Но массы въ дѣйствительности оставались еще инертны по отношенію къ государственной жизни и лишь имущій классъ, и особенно примыкающее къ нему образованное меньшинство—имѣли политическія убѣжденія.

Оставляя въ сторонѣ ретроградную партію кодиновъ (намекъ на косичку coda,—парика, еще недавно необходимаго при дворѣ) и консерваторовъ, державшихся существующаго порядка единственно въ силу инерціи, намѣчались двѣ партіи, тяготившіяся несовершенствомъ общественныхъ условій и стремившіяся преодолѣть косность правительства.

Болѣе крайняя изъ нихъ, отличавшаяся подвижностью, смѣлостью и нѣкоторою суетливостью, предпочитала жертвовать зрѣлостью замысла, лишь бы сохранить за собою положеніе передовой; представителемъ этой партіи былъ Валеріо, редакторъ газеты *Concordia*. Другая партія была преданна порядку и законности при условіяхъ развитія формъ правленія. Партія эта при всемъ значительномъ числѣ своихъ приверженцевъ была неуловима, такъ какъ представляла скорѣе направленіе мысли, пріемъ въ дѣйствіяхъ, чѣмъ сводъ опредѣленныхъ правилъ. Положительная сторона газеты *Concordia* заключалась въ разработкѣ вопросовъ личной свободы и равенства;

но въ общемъ ея главная забота была въ возбужденіи умовъ, въ распространеніи среди своихъ читателей недовольства настоящимъ, какъ того же достигали и листки партіи Мадзини, печатавшіеся за предѣлами королевства. Кавуръ рѣшился основать органъ умѣренной невидимой партіи, о которой мы упомянули. Направленіемъ новой газеты должна была быть забота о государствѣ, цѣль ея—укрѣпленіе и возвышеніе отечества и какъ средство къ тому—представительное правленіе, о которомъ Кавуръ первый заговорилъ, немедленно воспользовавшись облегченіемъ цензурнаго устава.

Программа новой газеты, названной *Risorgimento*, была слѣдующая: I—Независимость. II—Правители и народъ солидарны. III—Прогрессъ въ реформахъ. IV— Лига итальянскихъ государей. V — Умѣренность организованная и дѣятельная.

Газета была на акціяхъ; Кавуръ удачно выбралъ въ своей газетѣ тонъ серьезно - поучительный, плодотворный при неопытныхъ читателяхъ и при неокрѣпшей еще печати. Онъ пишетъ г. Гаутьери: «Истинное настроеніе страны умѣренное, умѣреннѣйшее, но необходимо поддержать ее въ этихъ отличныхъ, по моему мнѣнію, чувствахъ». Кавуръ не искалъ новизны мысли, утонченности или изысканности въ своихъ концепціяхъ; онъ любилъ, напротивъ, опираться на широкій базисъ общественнаго мнѣнія, никогда не чуждый здраваго смысла, и только на немъ выводилъ конечныя построенія своей политической мысли, его девизомъ могло быть: Scribere est agere. Вспомнимъ тутъ, что говоритъ онъ объ умѣньи писать въ письмѣ къ А. де-ла-Ривъ: «Сознаюсь откровенно, я не чувствую въ себѣ умѣнья хорошо передать то, что думаю; за отсутствіемъ ли упражненія или способности я ощущаю большое затрудненіе въ изложеніи письменно своихъ мыслей. Я понялъ слишкомъ поздно, какъ необходимо положить въ основаніе всякаго умственнаго развитія занятіе словесностью. Искусство говорить и писать требуетъ утонченности, гибкости, нѣкоторыхъ способностей, которыя добываются только упражненіемъ въ молодости. Заставляйте писать, сочинять вашего сына. Когда въ его головѣ зародятся мысли, онъ сумѣетъ употребить перо — единственный способъ, посредствомъ котораго можно дать имъ широкое распространеніе».

Газета выдвинула личность Кавура и его мнѣніе стало имѣть значеніе при обсужденіи всякаго изъ ряда выходящаго вопроса общественной жизни. Такимъ оказалось прибытіе въ Туринъ депутаціи изъ Генуи, уполномоченной просить короля объ удаленіи іезуитовъ и о правѣ имѣть національную гвардію. На собраніи редакторовъ и сотрудниковъ многихъ журналовъ, желавшихъ поддержать генуэзцевъ, Кавуръ съ горячностью доказывалъ, что оба выставленные вопросы второстепенны и не стоятъ прилагаемыхъ усилій. «На что національную гвардію, которая приведетъ только къ затруднительствамъ въ странѣ безъ парламента? Зачѣмъ раздражать короля просьбой, которая только оскорбитъ его религіозное чувство? Коли просить, такъ ужъ большаго, просить конституцію или, по крайней мѣрѣ, консульту».

Это былъ совѣтъ государственнаго человѣка. Если король раньше остальныхъ правителей итальянскаго полуострова узаконилъ бы конституціонную форму правленія, онъ этимъ самымъ сталъ бы главой Италіи; недовѣріе къ нему,—результатъ его печальнаго прошлаго *),—смѣнилось бы общей къ нему преданностью; это было необходимое условіе для борьбы за независимость, а эта борьба не переставала составлять тайное желаніе Карла-Альберта.

Однако же, общественное мнѣніе не было достаточно зрѣло, чтобы понять важность минуты, и не было единодушія даже среди представителей прессы. Валеріо протестовалъ: могъ ли аристократъ быть либеральнѣе демократа? Кто знаетъ, что за намѣренія скрываются подъ этимъ смѣлымъ предложеніемъ графа? Тѣнь недовѣрія пала на Кавура не только со стороны демократовъ, ему пришлось оправдываться передъ королемъ отъ нареканій въ неблагонамѣренности, оправданіе его состояло въ точномъ письменномъ изложеніи своихъ словъ и мнѣній; слова и мнѣнія согласовались между тѣмъ настолько съ требованіями времени, что не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ конституція, такъ называемый «статутъ», была дарована.

Но крайняя партія опасалась монархическаго строя Піэмонта, какъ задерживающаго соціальное движеніе, и республиканская форма правленія ей казалась необходимой, чтобъ объединить итальянское возстаніе; притомъ старое недовѣріе къ королю было у членовъ этой партіи такъ сильно, что они не гнушались упрекать короля въ измѣнѣ народнымъ интересамъ и презрительно называли его политику альбертинизмомъ. Даже у графа Кавура мы находимъ намекъ на это недовѣріе; онъ пишетъ къ В. де-ла-Ривъ: «Я раздѣляю ваше мнѣніе, что надобно остерегаться радикаловъ... я не думаю, чтобы наступило время для войны, но надобно, чтобы правительство вступило на путь конституціонный, чего оно не дѣлаетъ. Какъ отразить крайнихъ? Опираясь на правительство?—но у него такая колеблющаяся поступь, что по истинѣ нельзя ручаться за его настроеніе».

Между тѣмъ Австрія, не довольствуясь множествомъ мелкихъ, а порой и жестокихъ обидъ, наносимыхъ ея администраціей подданнымъ чужой національности, ввела тяжелое военное положеніе въ своихъ итальянскихъ владѣніяхъ: неминуемымъ слѣдствіемъ было, что управленіе и населеніе образовали прямо два враждебныхъ лагеря, и Сѣверная Италія стала опредѣленнѣе искать опоры въ единственномъ независимомъ государствѣ родного полуострова, въ Піэмонтѣ. Вѣсть о февральской французской революціи обострила положеніе, а переворотъ въ Вѣнѣ и бѣгство Метерниха рѣшили дѣло возстанія. Жители Милана выгнали австрійцевъ изъ города послѣ 5 славныхъ дней борьбы, и Карлъ-Альбертъ выступилъ на помощь един

*) Въ 1821 году Карлъ-Альбертъ, тогда еще принцъ Кариньянскій, во вре[мя] своего кратковременнаго регентства выдвинулъ многихъ лицъ либеральной партіи, [во] главѣ которой самъ находился, но потомъ въ извѣстной мѣрѣ предалъ ихъ, ког[да] при вступленіи своего дяди Карла-Феликса на престолъ внезапно ночью покину[лъ] королевство.

кровнаго ему народа. Кавуръ горячо привѣтствовалъ рѣшимость короля въ статьѣ, начинающейся возгласомъ: «Славный, рѣшительный часъ Савойскаго дома насталъ, часъ строгаго совѣта,—часъ, рѣшающій судьбы престоловъ и народовъ... Въ виду событій Ломбардіи и Венеціи колебаться невозможно; мы, люди хладнокровные, привыкшіе слѣдовать болѣе указаніямъ разсудка, чѣмъ побужденіямъ чувства, мы сознательно говоримъ: война, война немедленно. Она—единственный путь, открытый для націи, открытый правительству, открытый королю. Политика смѣлыхъ рѣшеній—самая вѣрная политика при настоящихъ обстоятельствахъ».

Въ одномъ изъ первыхъ сраженій при Гойто былъ убитъ молодой племянникъ графа Кавура, который былъ страшно пораженъ этою смертью. Другъ Кавура, М. Кастелли, такъ объ этомъ пишетъ: «Когда пришло горестное извѣстіе, я поспѣшилъ къ Кавуру, и я никогда не забуду удручающаго зрѣлища, которое мнѣ представилось: онъ метался на полу своей комнаты, слезы текли по его щекамъ, и невозможно было заставить его произнести хоть одно слово». Тѣло молодого человѣка было перевезено въ Сантена; графъ Кавуръ ѣздилъ на похороны и пожелалъ послѣ своей смерти быть положеннымъ около племянника; пробитую пулями одежду покойнаго онъ хранилъ до своей смерти въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

Война длилась 4 мѣсяца съ перемѣннымъ счастіемъ и привела лишь къ перемирію. Затихшее на время недовѣріе къ королю было вновь возбуждено послѣдними неудачами этой первой кампаніи. Мадзини въ Генуѣ сильнѣе прежняго старался привить общественной мысли убѣжденіе въ необходимости республиканской формы правленія для Италіи и не замѣчалъ, что его проповѣдь, ослабляя Піэмонтъ, была совершенно въ руку австрійцамъ. Въ самомъ Туринѣ талантливый адвокатъ Ратаци, радикальные публицисты—Валеріо, Броферіо и друг.—осложняли трудное положеніе, смущая умы своими отвлеченными теоріями, не принимающими въ разсчетъ ни одного элемента дѣйствительности. Но, вопреки радикальнымъ теченіямъ, газета *Risorgimento* усиленно старалась отстоять статутъ и Кавуръ писалъ противъ революціонныхъ тенденцій: «что погубило самыя справедливыя, лучшія по принципамъ, революціи? Манія прибѣгать исключительно къ насильственнымъ пріемамъ, нежеланіе людей пользоваться легальными средствами... Іюньскіе революціонеры въ Парижѣ думаютъ ввести соціальную республику огнемъ и мечомъ, но этотъ радикальный способъ ведетъ къ военному положенію... и мы увидимъ, что, какъ самое радикальное изъ всѣхъ средствъ, Людовикъ-Наполеонъ сядетъ на престолъ».

Король былъ вынужденъ въ угоду ультра-демократамъ призвать въ главы кабинета депутата Джіоберти, идола демократовъ. Какъ бывшій священникъ, а потому преступникъ въ глазахъ римской куріи, Джіоберти нѣсколько лѣтъ провелъ въ изгнаніи и пріобрѣлъ громкую извѣстность своими публицистическими работами. Когда пришлось отъ слова перейти къ дѣлу, Джіоберти оказалось достаточно политическаго смысла, чтобы понять, что нельзя дѣйствовать одною смѣлостью. Независимость Италіи могла быть

пріобрѣтена не войной только,—той же цѣли способствовало возвышеніе Піэмонта и пріобрѣтеніе имъ преобладающаго вліянія на дѣла полуострова. Въ виду этого Джіоберти готовъ былъ способствовать возвращенію эрцгерцога и папы во Флоренцію и Римъ *), съ условіемъ, чтобъ они сохранили тѣ представительныя начала, которыя были ими дарованы подданнымъ въ началѣ реформъ. Но эта созидательная политика была понята лишь среди умѣренныхъ; графъ Кавуръ, какъ и всегда, поборникъ мѣръ, а не сторонникъ лица, сталъ всецѣло на сторону Джіоберти-министра, хотя такъ горячо ратовалъ противъ Джіоберти-публициста. Мы читаемъ въ письмѣ Кавура къ Викентію Мадджи: «Министру теперь придется бороться не съ умѣренными, а съ крайними, которые будутъ его увлекать на путь революціонный. Я полагаю, что порядочные люди должны предать забвенію лицепріятія кабинета и помогать ему выдержать борьбу изъ-за общественнаго порядка, которому грозитъ гибель.

«Не попавши въ парламентъ, я продолжаю сражаться въ печати за умѣренность и справедливость. Не покину арены, покуда буду имѣть возможность говорить и писать... Дня черезъ три буду въ Туринѣ, гдѣ надѣюсь встрѣтиться съ вашимъ депутатомъ; помянемъ съ нимъ славу Піаченцы и ея жителей, которые одни изъ первыхъ провозгласили единство Италіи и необходимость сочетать законность и свободу; въ этой связи—спасеніе нашей родины отъ стыда и гибели».

Кавуръ не измѣнялъ своего направленія; онъ держался границъ статута и убѣжденно стоялъ за умѣренныя средства; рѣчи, газета, частныя письма одинаково служатъ тому доказательствомъ. Вотъ письмо отъ 19 мая 1848 года къ доктору Серизъ въ Парижъ: «Сознаюсь, что вопросъ, поставленный у васъ временнымъ правительствомъ, и объясненія на него Луи Блана меня до нѣкоторой степени пугаютъ. Я не могъ усмотрѣть въ его обѣщаніяхъ ни одной мысли плодотворной и практической. Я началъ было разбирать въ своей газетѣ коммунистическія ученія. Объявленіе войны заставляетъ меня прекратить эти статьи; при борьбѣ на смерть, завязавшейся у насъ съ Австріей, никто не обратитъ вниманія на теоретическіе вопросы... Общество стоитъ между двухъ опасностей: ошибиться въ выборѣ направленія, содержащаго залогъ развитія, или, не ошибаясь въ направленіи, стремиться предупредить время—этотъ неизбѣжный факторъ во всѣхъ крупныхъ общественныхъ измѣненіяхъ.

«Дай Богъ, чтобы Франція избѣгла и той и другой опасности. Общественное недомоганіе во Франціи отзовется задержкой въ развитіи человѣчества, и учесть эту потерю невозможно.

«Что касается насъ, дорогой докторъ, мы бросились стремглавъ н[illegible] пути реформъ и быстро подвигаемся къ національной независимости.

---

*) И папа и эрцгерцогъ послѣ дарованныхъ ими конституцій, испугавшись н[illegible] родныхъ волненій, неожиданно покинули свои владѣнія и оба нашли убѣжище [illegible] Гаэтѣ подъ прикрытіемъ пушекъ неаполитанскаго короля.

«Король съ нѣкоторыхъ поръ ведетъ себя прекрасно; его окружаютъ министры, достойные довѣрія страны.

«Я надѣюсь, что намъ удастся прогнать австрійцевъ и основать большое государство, монархически-республиканское *)... Я надѣюсь, что вы вернетесь на родину и сами посудите объ огромной совершившейся перемѣнѣ».

Кавуръ, который могъ поставить свою кандидатуру въ нѣсколькихъ округахъ, былъ сперва отвергнутъ при выборѣ депутатовъ въ Піэмонтскій парламентъ, первая сессія котораго открылась въ апрѣлѣ 1848 года. Вотъ письмо объ этомъ къ М. Кастелли: «Состояніе растерянности, въ которомъ находится страна, весьма естественно при совершившемся огромномъ переворотѣ... Пока провинція представляетъ въ высшей степени комичное зрѣлище: нѣтъ того сельскаго аптекаря **), который помощью газетнаго листка не считалъ бы себя въ правѣ честить и васъ, и меня, и всѣхъ пишущихъ въ *Risorgimento*, и даже читающихъ его,—глупыми ретроградами, узколобыми тупицами. Въ Чильяно на послѣднихъ выборахъ мои друзья не смѣли произнести моего имени,—до того я непопуляренъ; этотъ печальный результатъ меня ничуть не отвлечетъ отъ политической жизни: я его считаю неизбѣжнымъ эпизодомъ, который надобно пережить безъ гнѣва и стыда».

Слѣдующее письмо, адресованное адвокату Флоріо, доказываетъ, что въ другой разъ избраніе Кавура въ томъ же округѣ состоялось, но что онъ не могъ имъ воспользоваться, будучи уже депутатомъ отъ Турина... «Послѣ несчастнаго для меня результата прошлой баллотировки, я совершенно оставилъ намѣреніе вновь явиться кандидатомъ передъ избирателями округа Чильяно, большинство которыхъ, повидимому, было мнѣ враждебно... Тѣмъ отраднѣе мнѣ видѣть, что эта враждебность настолько ослабла, и что мой титулъ, который нынѣ не даетъ никакихъ привилегій, не составляетъ уже причины въ глазахъ вѣрныхъ гражданъ, чтобы быть отвергнутымъ.

«Я высоко цѣню эту перемѣну въ общественномъ мнѣніи. Конечно, не потому только, что она мнѣ доставляетъ честь избранія, но потому, что она доказываетъ подъемъ политическаго развитія страны. Я надѣюсь, что подобный союзъ (всѣхъ образованныхъ классовъ общества), который составлялъ стремленіе всей моей жизни, который я проповѣдывалъ съ молодыхъ лѣтъ, въ то время, когда отличіе рожденія имѣло еще нѣкоторую цѣну, что подобный союзъ, повторяю, осуществится вполнѣ: я надѣюсь, что не будетъ другихъ отличій, кромѣ естественныхъ, несомнѣнныхъ, обусловленныхъ образованіемъ, знаніемъ, услугами, оказанными странѣ и обществу».

Далѣе, въ томъ же письмѣ, извиняясь, что онъ отклоняетъ избраніе

*) Идеаломъ графа Кавура была Англія.

**) Деревенская интеллигенція.

въ Чильано, потому что остается депутатомъ Турина, Кавуръ пишетъ: «Какъ бы то ни было, хотя по имени, не могу быть вашимъ депутатомъ, но фактически всегда надѣюсь служить чильанцамъ, какъ ихъ избранникъ».

Министру Джіоберти не удалось провести задуманную политику; мнѣніе его друзей-радикаловъ взяло верхъ и, увлеченный ими Карлъ-Альбертъ, по истеченіи перемирія, снова объявилъ войну австрійцамъ; но полная неудача этой второй кампаніи заставила короля отречься отъ престола. Ему казалось, что отреченіемъ онъ можетъ оказать послѣднюю услугу странѣ, такъ какъ отношенія вѣнскаго двора обострялись противъ него личною непріязнью. Во всякомъ случаѣ принцу савойскому, его сыну и преемнику, доселѣ неотвѣтственному въ направленіи піэмонтской политики, было менѣе тягостно принять условія побѣдителя.

Въ ночь за пораженіемъ подъ Новарой, Карлъ-Альбертъ, подъ именемъ графа де-Баржъ, уѣхалъ прямо съ поля битвы, никому не сказавъ, куда онъ направляется; около Ниццы, на границѣ своего государства, у часовни на большой дорогѣ, онъ вызвалъ изъ города губернатора и военнаго начальника и, простившись въ ихъ лицѣ съ отечествомъ, продолжалъ путь. Наконецъ, въ Опорто, какъ бы остановленный океаномъ, онъ поселился на его берегу и, разбитый нравственно и физически, умеръ черезъ нѣсколько недѣль.

Вѣрное отраженіе истекшаго тяжелаго времени мы видимъ въ возбужденномъ письмѣ графа Кавура къ графинѣ Серкуръ, написанномъ въ апрѣлѣ 1849 года... «Піэмонтъ послѣ великодушныхъ усилій былъ разбитъ Австріей, не столько вслѣдствіе численности непріятеля, какъ вслѣдствіе безмѣрной неопытности ультра-демократической партіи, въ рукахъ которой была власть. Эта глупая и боязливая партія довела насъ до гибели. Она все разстроила и не сумѣла воспользоваться для дѣла ни однимъ изъ элементовъ и условій силы, которыми страна обладала. Умѣренная партія, которой король Карлъ-Альбертъ измѣнилъ, которую страна не сумѣла поддержать, хотя въ общемъ раздѣляла ея стремленія, должна была уступить ультра-демократамъ; послѣдніе, не обладая ни энергіей, ни умѣньемъ, безсмысленно добивались народной свободы и независимости фразами и воззваніями... Армію раздражили, лучшихъ офицеровъ держали поодаль. Вмѣсто того, чтобы поручить командованіе генераламъ, хотя молодымъ, но пользующимся довѣріемъ арміи, назначили поляка, извѣстнаго только по кабинетнымъ работамъ и имя котораго (Хржановскій) наши солдаты никогда не выучились произносить... Мы погибли, хотя за нами были всѣ условія побѣды. Жертвы людьми и деньгами привели насъ къ худшему положенію, чѣмъ было до революціи Милана... Можетъ быть, меня ослѣпляетъ чрезмѣрная самоувѣренность, но я право убѣжденъ, что, будь я у власти, то безъ особаго напряженія ума, я бы спасъ положеніе, и въ настоящее время наше знамя развивалось бы на Штирійскихъ Альпахъ... Теперь невозможно предвидѣть, что произойдетъ. Одно вѣрно, что всячески будетъ плохо. Кажется, немногимъ лучше и у васъ во Франціи... Какъ бы ни

была виновата предъ нами Францiя, я не могу не принимать къ сердцу ея судьбы. Впрочемъ, что бы люди ни дѣлали, дѣла Италiи въ зависимости отъ судебъ Францiи. Если вамъ удастся имѣть правительство свободное и крѣпкое, вамъ придется намъ подать руку... У насъ письма не вскрываются, поэтому пишите мнѣ откровенно, разсказывайте мнѣ подробности драмы, которая теперь разыгрывается въ Парижѣ; ваши письма для меня—бѣлый хлѣбъ».

Между тѣмъ, молодой король, принявшiй тяжелое наслѣдiе отца, сумѣлъ живымъ чувствомъ своего долга укрѣпить свое положенiе; Радецкiй, при грустномъ посѣщенiи королемъ австрiйскаго лагеря для переговоровъ объ условiяхъ мира, тронутый его молодою отвагой на полѣ сраженiя, обласкалъ его можетъ быть и чистосердечно, но личное расположенiе престарѣлаго маршала, почтительная его любезность къ королевѣ, выросшей на его глазахъ, самый фактъ, что она эрцгерцогиня австрiйская—только усиливало чувство недовѣрiя, съ которымъ подданные Виктора-Эммануила относились къ нему при его вступленiи на престолъ. Только что введенныя представительныя начала, всегда тревожившiя австрiйскихъ дипломатовъ, казалось, такъ легко могутъ быть пожертвованы королемъ ради династическихъ выгодъ, ради миролюбивыхъ отношенiй съ ожесточеннымъ вѣнскимъ дворомъ. При въѣздѣ въ Туринъ молодой король былъ пораженъ холодомъ прiема. Что съ ними, отчего все такъ мертво?— Нашелся человѣкъ, членъ муниципальной депутацiи, который посмѣлъ объяснить королю: боятся за статутъ. Глаза короля блеснули гнѣвомъ.

— Никогда не измѣню данному слову, всегда почту память моего отца. Король былъ правдивъ; онъ отклонилъ искушенiя Австрiи, дѣйствительно предлагавшей уменьшенiе военной контрибуцiи за отмѣну статута; онъ не побоялся допустить до государственной службы и до парламентской дѣятельности изгнанниковъ-итальянцевъ, нашедшихъ убѣжище въ Пiэмонтѣ.

Но вернемся къ дѣятельности Кавура. Съ этого времени онъ все болѣе отдается служенiю странѣ, и его личные интересы отступаютъ на второй планъ. Съ согласiя брата, маркиза Густава, онъ отстранился отъ непосредственнаго завѣдыванiя ихъ общими имѣнiями и сдалъ управленiе ими А. Корiо. Аббатъ Ламбрускини, близко знакомый съ дѣлами Кавура, пишетъ: «Заинтересованный матерiально, въ силу искусно составленнаго контракта, въ успѣхѣ дѣла, и знакомый въ точности съ желанiями Кавура, Корiо былъ болѣе его довѣреннымъ лицомъ, чѣмъ управляющимъ; они дополняли другъ друга, составляя одно лицо: отъ Кавура исходила руководящая мысль, онъ не жалѣлъ расходовъ ни на обработку, ни на рабочихъ; Корiо вносилъ постоянное попеченiе, доходившее до мелочей, до подробностей, какъ обработки, такъ и администрацiи, и при этомъ онъ соблюдалъ искреннюю лойяльность въ осуществленiи безкорыстныхъ стремленiй и широкихъ предначертанiй своего принципала».

Что изданiе газеты не было связано съ матерiальными выгодами, показываетъ слѣдующее: чтобы привести въ полную извѣстность денежную

сторону изданія, всѣ счета и условія были сданы на просмотръ конторѣ извѣстнаго банкирскаго дома Casa Barmida. Оказалось, что расходы по газетѣ превышали ея доходность. Въ виду этого Кавуръ предложилъ многимъ участникамъ въ изданіи отказаться на время отъ всякаго гонорара и даже отъ процентовъ съ вложеннаго капитала. Такое положеніе вещей длилось годъ, пока газета уплатила свои долги, послѣ чего Кавуръ, удовлетворяя своихъ участниковъ, самъ продолжалъ не брать причитавшейся на его долю прибыли.

Ревниво оберегая свободу печати, Кавуръ однако ясно понималъ, насколько парламентскія пренія имѣютъ бо̀льшее значеніе для разъясненія возникающихъ вопросовъ въ общественной жизни. «Одной свободы печати,— пишетъ онъ,— недостаточно для Піэмонта: для правильнаго прогресса государственной жизни необходимо, чтобы прессу освѣщали и направляли установленные правительствомъ, какъ государственныя функціи, правильные дебаты. Для этого,—повторяемъ, что уже нами было сказано 8 января,—желаемъ въ скоромъ времени услыхать обсужденіе вопросовъ въ совѣтѣ королевства,—совѣтѣ, достаточно расширенномъ, чтобы оказывать благотворное и могущественное вліяніе на общественное мнѣніе и на чувства страны».

Въ другой статьѣ Кавуръ пишетъ: «Произволъ вызываетъ ожесточеніе: разъ зародится злосчастная борьба между правительствомъ и обществомъ, зрѣлыя, нелицепріятныя пренія сдѣлаются невозможными; между тѣмъ, только путемъ обсужденій возможно выяснить условія благосостоянія государства. Разъ признано, что произволъ—средство недозволенное, необходимо дать мѣсто обсужденію, чтобъ оцѣнивать желанія правительства... Въ настоящее время нѣсколько лицъ изъ провинціи вызваны для участія въ совѣтѣ государства, чтобы чрезъ нихъ познакомиться съ нуждами и желаніями страны; но, для такой цѣли призваніе нѣсколькихъ лицъ недостаточно, а все-таки, безъ этихъ немногихъ благонамѣренныхъ піэмонтцевъ, сардовъ, лигуровъ мнѣніе страны не имѣло бы никакого доступа въ совѣтъ королевства».

Въ другомъ нумерѣ газеты читаемъ: «Пресса, сама по себѣ, средство несовершенное, часто обманчивое... Необходимъ элементъ высшій, болѣе авторитетный, менѣе заинтересованный, лучше освѣдомленный.

«Крупные вопросы политическіе и общественные, чтобы быть всесторонне обдуманны и правильно поняты публикой, должны обсуждаться въ большихъ государственныхъ учрежденіяхъ; результатъ этихъ преній становится общественнымъ мнѣніемъ. Во всѣхъ государствахъ, управляемыхъ конституціонно, замѣчается, что активная сила министра ослабѣваетъ внѣ парламентскихъ сессій, въ то время, когда общественные вопросы разрабатываются исключительно прессой. Чтобы политически образовать нашихъ соотечественниковъ, необходимо предавать гласности обсужденія, которымъ подвергаются въ министерствѣ крупные политическіе вопросы».

Эти выписки выбраны нами изъ №№ газеты *Risorgimento*, вышед-

шихъ до введенія представительныхъ учрежденій; послѣ дарованія статута, разработка его положеній сдѣлалась главною темой газеты; такъ мы читаемъ: «Законъ объ избирательныхъ правахъ либераленъ въ томъ отношеніи, что не требуетъ никакого имущественнаго ценза отъ избираемаго... Можетъ казаться страннымъ, что имущественный цензъ требуется отъ избирателей, а не отъ избираемаго; но гарантія способностей и независимости избирателей, которую стараются найти въ цензѣ или въ другихъ внѣшнихъ, легко поддающихся провѣркѣ условіяхъ, эта гарантія находится для избираемаго въ самомъ фактѣ избранія. Довѣріе къ нему его избирателей—лучшая гарантія, чѣмъ узкія имущественныя ограниченія, отъ которыхъ по нашимъ законамъ зависитъ право подачи голоса».

Графъ Кавуръ былъ противъ всеобщей подачи голосовъ, видя въ ней средство, способное служить всѣмъ крайнимъ партіямъ; онъ настаивалъ на необходимости имѣть двѣ палаты, замѣняя наслѣдственную палату перовъ—сенатомъ, такъ какъ значеніе второй палаты онъ видѣлъ не въ соблюденіи равновѣсія между партіями, а въ увеличеніи энергіи и движенія въ управленіи. Графъ Кавуръ былъ душою *Risorgimento*, хотя самъ писалъ немного; не было вопроса, которому онъ бы оставался чуждъ, но мысли его были особенно обильны и богаты въ сферѣ экономическихъ задачъ: здѣсь чувствовалъ онъ себя вполнѣ дома, изучивъ всю литературу предмета и успѣвъ пріобрѣсти, благодаря своей прежней дѣятельности, много практическихъ знаній. Не зная основательно итальянскаго языка, графъ Кавуръ охотно допускалъ поправки въ изложеніи, упорно отстаивая лишь смыслъ своихъ статей; но въ живой рѣчи онъ съ годами совершенно освоился съ итальянскимъ языкомъ: его рѣчи порой оживляются острымъ словомъ, и мысль въ нихъ часто выражена очень ярко.

Какъ членъ парламента, Кавуръ принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе; онъ никогда не писалъ своихъ рѣчей заранѣе, но приготовлялъ ихъ, обдумывая въ умѣ ихъ построеніе. Въ преніяхъ онъ сначала давалъ высказаться всѣмъ противоположнымъ мнѣніямъ и какъ бы подводилъ итоги, своимъ словомъ исчерпывая вопросъ. Приведемъ нѣсколько выписокъ изъ парламентскихъ рѣчей графа Кавура, могущихъ служить къ его характеристикѣ или представляющихъ общій интересъ:

«Правительственная централизація, по моему сужденію, составляетъ одно изъ самыхъ вредныхъ учрежденій новыхъ временъ, и я убѣжденъ, что когда вниманіе парламента обратится на этотъ вопросъ, легко будетъ доказать, что почти все зло современнаго гражданскаго общества коренится въ административной централизаціи.

«Да, синьоры, скажу откровенно, пока не будетъ у насъ учрежденій живыхъ, одушевленныхъ настоящимъ политическимъ значеніемъ, на всѣхъ ступеняхъ государственнаго строя, начиная съ деревни и кончая столицей, мы не будемъ пользоваться дѣйствительно либеральнымъ управленіемъ и всегда будемъ колебаться между анархіей и деспотизмомъ...» И

далѣе: «Я до сихъ поръ не слыхалъ ни одного предложенія, имѣющаго цѣлью практически децентрализировать администрацію, но все-таки надѣюсь, что мало-по-малу, быть можетъ въ будущей сессіи, многоуважаемые члены, теперь лишь краснорѣчиво провозглашающіе необходимость децентрализаціи, перейдутъ отъ теоріи къ практикѣ: тогда соединенными усиліями мы убѣдимъ министерство въ необходимости этой реформы...

«Но я не могу относиться къ г. министру столь требовательно, какъ того желаетъ многоуважаемый депутатъ X. Необходимо помнить, что на министерствѣ лежитъ несравненно больше дѣлъ, чѣмъ на насъ, что г. министру приходится бороться съ цѣлою административною арміей, въ которой всѣ, начиная съ высшихъ чиновъ и кончая канцеляристомъ, всѣ, повторяю, чрезвычайно чувствительны по отношенію къ централизаціи и всѣ защищаютъ ея неприкосновенность, какъ будто эта система—ихъ собственность.

«Статутъ, дарованный намъ Карломъ-Альбертомъ, возымѣлъ сперва одно чудесное дѣйствіе: онъ заставилъ смолкнуть враждующія партіи и оживилъ въ обществѣ преданность къ монархіи. Приверженцы прогресса приняли статутъ, несмотря на его недочеты, какъ залогъ развитія; большая же половина противоположной партіи приняла статутъ какъ законное проявленіе воли государя, которой они обязаны были вполнѣ подчиниться.

«Новизна великихъ начинаній Карла-Альберта и тяжелыя внѣшнія условія сначала приковывали вниманіе, не допуская проявленій несогласія; но потомъ стало замѣтно у нѣкоторыхъ желаніе дальнѣйшаго развитія принциповъ, заложенныхъ въ статутѣ, а другіе, напротивъ, старались превратить статутъ въ мертвую формулу, довольствовались для видимости statu quo, но желали возвращенія стараго порядка. Еслибы министерство продолжало довольствоваться мелкими реформами и улучшеніями въ гомеопатическихъ дозахъ, мы скоро увидѣли бы раздѣленіе общества на два лагеря, которые оба стояли бы внѣ предѣловъ закономѣрности (extra légale); сторонники же узаконенной конституціи насчитывались бы только среди образованнаго меньшинства, они были бы парализованы въ своихъ дѣйствіяхъ и отмѣчены прозвищемъ доктринеровъ».

Въ другой рѣчи, разбирая жгучій вопросъ о подчиненіи клира однимъ съ мірянами судамъ, Кавуръ говоритъ: «Я думаю, что министерству чрезвычайно кстати въ настоящую минуту высказаться принципіально и тѣмъ показать искренность правительства; и я, право, не могу представить себѣ вопроса болѣе подходящаго для этой цѣли, чѣмъ предложенный теперь къ обсужденію передъ палатой—вопросъ объ уничтоженіи foro (т.-е. обособленной подсудности клира)».

Далѣе Кавуръ говоритъ: «Я убѣжденъ, что предложенная реформа подчиненія клира общимъ судамъ не идетъ въ разрѣзъ съ канономъ и духомъ церкви и что большая половина клира искренне согласится лишиться привилегіи, несогласной болѣе съ духомъ времени. Я не допускаю, чтобы

нашъ клиръ могъ быть столь враждебенъ строю государственной жизни, когда ему станетъ извѣстно, что министерство и парламентъ одинаково убѣждены въ необходимости этой реформы.

«Я не считаю нашъ клиръ столь эгоистичнымъ, я не допускаю въ немъ преобладанія чувствъ низменныхъ или даже мелкихъ. Предстоящая реформа можетъ возбудить лишь у нѣкоторыхъ временное раздраженіе, но большинство не замедлитъ, по примѣру почтеннаго каноника Перниготи, протянуть намъ руку примиренія, а мы горячо пожмемъ эту руку—залогъ мира съ клиромъ, мира безцѣннаго, такъ какъ я убѣжденъ, что для развитія современнаго общества требуется содѣйствіе двухъ наиболѣе дѣйствительныхъ нравственныхъ силъ—религіи и свободы».

Если Кавуръ былъ такъ настойчивъ въ основныхъ вопросахъ, то тѣмъ охотнѣе уступалъ онъ правой сторонѣ въ вопросахъ второстепенныхъ.

Такъ, при обсужденіи вопроса объ ограниченіи числа прогульныхъ дней, Кавуръ стоялъ за сохраненіе многочисленныхъ церковныхъ праздниковъ, убѣждая, что при низкомъ уровнѣ развитія уничтоженіе праздниковъ лишитъ рабочаго нѣкоторой доли отдыха или досуга, привлекая лишнюю прибыль только въ карманъ нанимателя; онъ не находилъ полезнымъ раздражать изъ-за такого второстепеннаго вопроса и клиръ, и значительную часть населенія, преданнаго церковной традиціи. При этомъ Кавуръ напоминаетъ, что онъ отстаиваетъ праздники, несмотря на то, что они задерживаютъ столь цѣнное въ его глазахъ развитіе промышленности; напримѣръ, итальянскія шелковыя ткани не могутъ соперничать дешевизной съ швейцарскими тканями, хотя Швейцарія добываетъ сырой шелкъ изъ Италіи и это часто потому, что станки въ Италіи по меньшей мѣрѣ на 15 дней, т.-е. по 5 на 100 дней, отстаютъ отъ станковъ Швейцаріи.

Болѣзнь и смерть отца отвлекли Кавура на нѣсколько недѣль отъ засѣданій палаты, но уже въ іюнѣ онъ снова принимаетъ въ нихъ участіе и произноситъ о финансовомъ вопросѣ рѣчь, которая можетъ назваться его первой министерской рѣчью; чувствуя свою возрастающую силу, онъ въ ней безъ обиняковъ требовалъ отъ имени своего и своихъ политическихъ друзей, чтобы министерство не медлило болѣе представленіемъ новаго плана финансовъ, если оно не хочетъ подвергнуться осужденію палаты. Но еще болѣе, чѣмъ положеніе финансовъ, его волновало отсутствіе энергіи въ правительствѣ и всеобщая апатія: въ его рѣчи есть восклицаніе: «палата тиха, правая еще тише, министерство всего тише... Бѣда правительству, которое успокоивается послѣ успѣха. Имѣть за собой большинство въ палатѣ—конечно опора, но эта опора не можетъ замѣнить собственныхъ дѣйствій, новыхъ фактовъ. Людовикъ-Филиппъ опирался на большинство въ продолженіе семи сессій и очутился на днѣ пропасти, называемой французской республикой».

О. Орлова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Берамжи Малабари *).

Въ послѣднее время общественное мнѣніе Индіи и Англіи много занималось интереснымъ индійскимъ реформаторомъ Б. Малабари. Соціальное положеніе Индіи давно привлекало вниманіе Европы, поэтому не удивительно, что человѣкъ, который посвятилъ себя всецѣло дѣлу улучшенія общественнаго строя, вызвалъ живѣйшее сочувствіе къ себѣ со стороны наиболѣе образованной части европейскаго общества.

Тридцати съ небольшимъ лѣтъ онъ рѣшился выступить противъ «браковъ съ малолѣтними» (infant marriage)—противъ этого варварскаго, хотя и освященнаго вѣковыми традиціями, обычая выдавать замужъ дѣвочекъ 8—9 лѣтняго возраста.

Чтобы въ достаточной степени оцѣнить благородную рѣшимость Малабари, нужно принять во вниманіе, что онъ, принадлежа къ низшей кастѣ парсовъ, осмѣлился протянуть руку либеральному меньшинству и объявить войну правовѣрнымъ индусамъ. Судьба надѣлила его блестящими и разнообразными способностями, и онъ не преминулъ ими воспользоваться для достиженія своей цѣли. Поэтъ въ душѣ, въ совершенствѣ владѣя англійскимъ языкомъ, не хуже родного гюзерати, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ большое вліяніе, какъ публицистъ,—словомъ, сравнительно въ короткое время онъ создалъ себѣ почетное положеніе въ своей общинѣ и безъ сомнѣнія займетъ значительное мѣсто въ исторіи современной Индіи.

Будучи отъ природы слабаго здоровья, онъ надорвалъ свои силы тяжелымъ трудомъ и утомительными путешествіями по Индіи и Европѣ. Не имѣя личнаго состоянія, онъ не остановился передъ нуждою и не сдѣлалъ изъ добыванія денегъ цѣли своей жизни Напротивъ, его бѣдность была для него, если можно такъ выразиться, точкой опоры: она обезпечила ему независимость. Онъ тщательно избѣгалъ тѣхъ случаевъ, которыхъ другіе ищутъ для пріобрѣтенія состоянія. Извѣстенъ тотъ фактъ, что, во время юбилея королевы, Малабари отказался отъ предложеннаго ему, столь завиднаго званія шерифа Бомбея, къ которому въ этомъ году присоединился необходимый титулъ дворянина (knight).

*) Статья D. Menant изъ „La nouvelle revue".

Свою политическую дѣятельность Малабари опредѣляетъ самъ: съ одной стороны мы видимъ,—говоритъ онъ,—великое могущество порядка и правосудія,—гордое, пренебрежительное и надменное можетъ быть, но всегда ведущее къ долгу и прогрессу; съ другой стороны—молчаливыя массы, терпѣливыя, легко удовлетворяемыя, извлеченныя изъ ихъ оцѣпенѣнія перемежающимися припадками религіозной вражды. Между этими обѣими сторонами появляется незначительная группа политическихъ дѣятелей—послѣдователей европейскихъ методовъ; партія, созданная иностраннымъ правительствомъ и, вслѣдствіе этого, требующая его покровительства; наконецъ, выдѣляется небольшая группа реформаторовъ, которая ставитъ на широкомъ полѣ соисканій на первый планъ «self improvement передъ self advencement», и Малабари примыкаетъ къ этимъ послѣднимъ.

Существуетъ еще одинъ классъ, культурный, неспокойный, жадно требующій привилегій, на которыя онъ имѣетъ право. Этотъ классъ Малабари обрисовываетъ слѣдующимъ образомъ: «Между раджей и фермеромъ—хлѣбопашцемъ (rio) является индіецъ—продуктъ западной культуры, поклонникъ своихъ правительственныхъ установленій». Затѣмъ, обращаясь къ англичанамъ, Малабари говоритъ: «Вы его приготовили къ новой жизни, а между тѣмъ вы обрекаете его на ту же жизнь, въ тѣхъ же самыхъ формахъ, какъ она сложилась въ глубокой древности. Справедливо ли, честно ли, возможно ли это? Вы расширили его горизонтъ и въ то же время не позволяете ему заглянуть далѣе того, что назначено вами. Вы научили его познать, что такое независимость и уваженіе къ своей личности, и вы же не можете допустить, чтобъ онъ на себѣ испыталъ ихъ вліяніе. Подобнымъ образомъ дѣйствуя, вы сами вызываете въ немъ возмущеніе противъ всякаго, идущаго извнѣ, направленія и контроля, и не естественно ли его желаніе сдѣлаться могущественнымъ и сильнымъ? Попробуйте лишь выразить ему вашу симпатію, сдѣлать изъ него полезнаго посредника и направить его честолюбіе на благородные пути. Помогите ему идти на-встрѣчу своимъ, подъ предлогомъ мира, доброй воли и прогресса. Его склонность къ добру безконечна, а его способность наносить вредъ не такъ опасна, какъ вы того боитесь. У него нѣтъ наслѣдственнаго права раджи и численной силы толпы, но образованный житель Индіи нигдѣ не найдетъ себѣ лучшей дѣятельности, какъ въ дѣлѣ внутренней, соціальной и промышленной реформы».

Это энергичное воззваніе къ единомыслію и единенію на почвѣ справедливости и человѣколюбія прекрасно характеризуетъ общественные, политическіе взгляды и намѣчаетъ задачи, къ выполненію которыхъ онъ стремится. Весьма понятно, что Индія, преобразованная могущественной Англіей, остается загадкой данной эпохи. Туземцы, окруженные французами на границѣ Бирманіи, русскими на границѣ Герата, добиваются широкаго участія въ публичныхъ работахъ и съ ожесточеніемъ требуютъ одинаковыхъ правъ въ вопросахъ финансовыхъ и коммерческихъ, ежедневно возрастающихъ, и управленіе этой громадною имперіей становится все

затруднительнѣе, если къ этому еще прибавить кастовое и религіозное различіе, грозящее съ минуты на минуту разразиться кровавыми мятежами. И такъ, мы скажемъ вмѣстѣ съ Малабари, что чѣмъ болѣе мы стараемся узнать Индію, тѣмъ болѣе она ускользаетъ отъ нашего наблюденія, какъ по вопрасамъ соціальнымъ, такъ и по вопросамъ чисто-индусскимъ. Серьезныя сочиненія, разсматривающія эти вопросы, въ общемъ оставляютъ въ насъ впечатлѣніе усталости и неудовлетворенности, въ виду громадной массы документовъ, подлежащихъ сопоставленію и классификаціи. Личность исчезаетъ и, несмотря на это, все-таки единственно къ личности приходится обращаться, когда хочешь дать себѣ отчетъ о современномъ положеніи Индіи. Вотъ почему, знакомясь съ біографіей Малабари, мы вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаемся, насколько изученіе современной Индіи въ ея лучшихъ представителяхъ выходитъ изъ рамокъ простого удовлетворенія любопытства. Близко то время, когда намъ придется считаться съ Индіей. Наши экономисты уже имѣютъ основаніе бояться ея конкурренціи, какъ промышленной, такъ и коммерческой. Въ скоромъ будущемъ предстанутъ передъ нами новые люди изъ религіозныхъ общинъ, и мы будемъ поражены,— насколько насъ ослѣпляло наше невѣжество,—найдя въ нихъ равныхъ себѣ и, кто знаетъ, можетъ быть опасныхъ соперниковъ.

Въ 1888 году Даярамъ Жидюмаль написалъ біографическій очеркъ Малабари *). Вновь напечатанное сочиненіе одного парса знакомитъ насъ съ сорока годами политическаго прогресса, совершившагося въ Бомбеѣ, и съ великими соціальными движеніями, вызванными Малабари. На ряду съ удивительнымъ талантомъ изложенія и писательскою опытностью, присущими Малабари, М. Каркаріа **) подчеркиваетъ качества безкорыстія и самоотверженности индусскаго публициста, о которыхъ мы уже упоминали и которые завоевали основателю «индійскаго наблюдателя» (Indian Spectator) защитнику индусскихъ женщинъ—женъ или вдовъ—совершенно исключительное мѣсто въ современной исторіи и въ то же время являютъ собой великій и полезный примѣръ партизанамъ «молодой Индіи» (Young India).

Берамжи Малабари родился въ Барода; онъ былъ сыномъ простого приказчика Дганжибая Мегта, получавшаго скромное жалованье на службѣ у Гюисковара. Его мать звали Бикибаи. Шести лѣтъ онъ лишился отца. По обычаямъ парсовъ, онъ былъ усыновленъ вдовцомъ Мерванжи Нанабаемъ, который и женился на его матери. Въ 1856 году Мерванжи было уже 50 лѣтъ, онъ велъ торговлю съ Малабарской страной, откуда и получилъ прозвище Малабари. Кромѣ того у него была аптекарская лавка.

*) Второе изданіе появилось и было напечатано въ 1892 году. „Behramji M. Malabari, a biographical sketch, with Introduction, by Florence Nightingale“. London, 1892 г.

**) India, forty years of progress and reform, being a sketch of the life and times of Behramji M. Malabari, by R. P. Karkaria, editor of Carlyle's unpublished Lectures on European literature and culture“. London, Henry Frowde, 1896 г.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе гибели парохода съ грузомъ, имъ отправленнымъ, онъ разорился, что отразилось на матеріальномъ положеніи пріемыша. Раннюю молодость свою Берамжи Малабари провелъ въ Нанкура, гдѣ видѣлъ собственными глазами крайнюю нужду бѣдняковъ и познакомился съ борьбой изъ-за утраченныхъ правъ и съ проклятіями угнетенныхъ кастъ, что имѣло большое значеніе въ его занятіяхъ соціальными вопросами.

Образованіе Б. Малабари получилъ сначала посѣщая школу Минохеръ Дарю, столѣтняго старца парса, который училъ азбукѣ, счету, стихамъ Рамаяна и Магабгарата по гюзерати и тканью. Въ перерывахъ пѣли духовныя пѣсни, священное сочиненіе Ashem Vohu. Въ школѣ за малѣйшій проступокъ жестоко сѣкли; съ дѣвочками поступали такъ же сурово (школы были смѣшанныя). Нерѣдко, напримѣръ, браманъ схватывалъ подругу дѣтства Б. Малабари де-Гюльбей за длинные волосы, подбрасывалъ ее на воздухъ, заставляя ее вертѣться какъ маріонетку, и весь классъ, чтобы заглушить крики жертвы, долженъ былъ пѣть хвалебный гимнъ во славу Ормузда.

Послѣ 6-ти мѣсячнаго ученія у брамана, Малабари прошелъ школу, основанную сиромъ Jamsetjee Jejeebhoy (Ж. Жежебой), гдѣ преподаваніе велось прекрасными профессорами изъ парсовъ, браманами и баніанами. Малабари также помогалъ своему вотчиму врачу въ его аптекарскихъ трудахъ и учился плотническому ремеслу, такъ какъ его мать принадлежала къ кастѣ (bhansalis) строителей домовъ.

Вакаціонное время, проведенное на свободѣ, принесло Малабари также несомнѣнную пользу. На улицахъ Сюрата часто встрѣчались бродячіе пѣвцы, которые теперь исчезаютъ. Иногда они устраивали спеціальныя празднества, производившія всегда на Б. Малабари сильное впечатлѣніе. Нерѣдко онъ самъ принималъ въ нихъ участіе, играя на грубой флейтѣ или скрипкѣ.

Съ древней персидской эпопеей онъ познакомился изъ чтенія Шахъ-Намэ по гюзератскимъ манускриптамъ, тщательно сохраняемымъ въ семейныхъ архивахъ. Когда ему минуло 12 лѣтъ, онъ лишился матери, которую онъ боготворилъ, и тутъ насталъ тяжкій періодъ усилій и работы, во время которыхъ осиротѣвшій Малабари нашелъ друзей какъ въ общинѣ парсовъ, такъ и въ миссіонерахъ и мусульманахъ. Прибывъ въ Бомбей около 15 лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ университетъ въ 1871 году. Съ этимъ временемъ какъ разъ совпадаетъ его сношеніе съ почтенными докторами Тайлоромъ и Вильсономъ. Молодой студентъ показалъ имъ свои из[illegible]щныя произведенія, полныя чувства и поэзіи, привезенныя имъ изъ Сю[illegible]ата. Первый томъ его произведеній появился въ 1875 году, это былъ: Ni[illegible] Vinod *) и печать привѣтствовала его съ восторгомъ, какъ первое произ[illegible]еденіе перваго поэта изъ касты парсовъ. Но это требуетъ объясненія.

*) Обаяніе нравственной чистоты.

Парсы, выселенные на берегъ Индіи, понемногу разучились ихъ собственному нарѣчію (персидскому) и заимствовали новый языкъ отъ народовъ, съ которыми они жили, и персидскій языкъ сталъ достояніемъ исключительно литературы. Хотя парсы и пріобрѣли первенствующее положеніе въ печати, но до того времени ихъ попытки въ поэзіи были слабы *). Малабари порвалъ съ традиціями и употребилъ въ своемъ Niti Vinod гюзерати индусскій, съ которымъ онъ былъ вполнѣ знакомъ, благодаря тѣсной связи съ сюратскими (khialis) поэтами-философами и чтенію старыхъ брамановъ, которыхъ онъ слышалъ еще ребенкомъ, когда мать водила его на ночныя бдѣнія къ своимъ индусскимъ подругамъ. Позднѣе онъ усовершенствовался въ стихосложеніи, изучивъ классическихъ поэтовъ—Нарси Мегта (XIV в.), Премананда (XVI в.), Дайарама (XIX в.) и религіозныхъ философовъ сѣверной Индіи—Кабира, Нанака, Дадю. Не имѣя возможности дать хотя легкое понятіе объ этомъ сборникѣ и его достоинствахъ, мы обращаемся къ лестнымъ отзывамъ о немъ печати его соотечественниковъ. «Мы счастливы, что авторъ, хотя парсъ, такъ успѣшно писалъ такіе гармоничные стихи на языкѣ гюзерати. Размѣръ въ стихахъ безупреченъ, и въ нѣкоторыхъ стихахъ его слогъ достигъ совершенства»,—такъ отзывался Видіа-Митра. Гюжерати-Митра отнесся къ нему также симпатично и удивлялся, что парсъ могъ такъ искусно владѣть языкомъ гюзерати. Слѣпой старый бардъ Кави Далпатрамъ Даябгай высказывалъ желаніе, чтобы наконецъ исчезло всякое различіе между этими двумя нарѣчіями. Онъ благословлялъ своего молодого соперника и одобрялъ его смѣлую попытку.

Малабари привелъ также изъ Сюрата стихи на англійскомъ языкѣ, сборникъ которыхъ онъ скоро издалъ (1876 г.), The Indian Muse in Englich Garb **) Какъ поэты, философы и народные пѣвцы посвятили его въ свои тайны, такъ и страстное изученіе Шекспира, Мильтона, Шелли, Байрона и т. п. открыли ему геніальность англійской поэзіи. Индійская муза внушила своему поэту плѣнительное вдохновеніе. Великіе умы не скупились ему на похвалы. Максъ Мюллеръ искренно поздравлялъ его и увѣрялъ въ расположеніи заграничной публики. «Принципъ превосходства англійской литературы,—говорилъ онъ ему,—заключается въ независимости, оригинальности и искренности писателей. Вы представляетесь мнѣ истиннымъ поэтомъ, особенно въ тѣхъ стихахъ, въ которыхъ вы чувствуете и говорите какъ настоящій индусъ». Послѣ Макса Мюллера его лучшимъ судьей былъ докторъ Вильсонъ. Старый шотландскій миссіонеръ, пріѣхавъ въ Бомбей въ 1830 году, основалъ христіанскую школу (въ 1835 году). Его нападки на Авесту, впервые исходившіе отъ европейца и ре-

---

*) Разница между гюзерати парсовъ и гюзерати индусскимъ состоитъ въ оттѣнкахъ письма и въ произношеніи нѣкоторыхъ буквъ, во внесеніи персидскихъ словъ въ гюзерати парсовъ, тогда какъ санскритскія слова наводняютъ гюзерати индусскій. М. К.-Н. Кабражи первый воспользовался индусской гюзерати, хотя онъ былъ парсъ.

**) Онъ былъ посвященъ Miss Mary Carpenter, которая въ то время была въ Бомбеѣ.

зультатомъ которыхъ было обращеніе двухъ молодыхъ парсовъ въ христіанство, подали поводъ къ серьезнымъ распрямъ. Когда же наконецъ усердіе миссіонера нѣсколько улеглось и его новообращенные успокоились за свою участь, обѣ враждующія стороны утихли, тогда докторъ сталъ популяренъ даже между парсами.

Малабари былъ принятъ въ тѣсный кругъ миссіонера. Удивительно то, что чтеніе Ветхаго и Новаго Завѣта, сообща съ его товарищемъ Шапуржи Дадабаи Бабга *), произвело на нихъ неодинаковое дѣйствіе. Малабари вѣрилъ въ спасеніе посредствомъ дѣла и вѣры, безъ помощи Искупителя, полагая, что зороастризмъ даетъ довольно солидную опору человѣку для одержанія имъ побѣды въ вѣчной борьбѣ со зломъ физическимъ и моральнымъ. Болѣе того, онъ отрицалъ страшное ученіе о вѣчныхъ наказаніяхъ, какъ недостойныхъ Бога-Создателя по отношенію къ Его созданію, и продолжалъ поклоняться въ Ормуздѣ Богу своихъ отцовъ и Богу своихъ вѣрованій. Это не помѣшало ему быть справедливымъ по отношенію къ миссіонерамъ и громко провозглашать заслуги ихъ вліянія, которымъ онъ приписывалъ лучшія политическія и соціальныя пріобрѣтенія въ современной Индіи. Это вліяніе онъ чувствовалъ на самомъ себѣ и видѣлъ дѣйствіе своего соприкосновенія съ христіанствомъ. «Безъ этого вліянія,—говоритъ онъ,—я не сталъ бы такимъ ревностнымъ послѣдователемъ ученія Зороастра, каковъ теперь», такъ что, посѣщая различныя религіозныя общины, онъ не измѣнилъ этому ученію и выработалъ въ себѣ величайшую изъ добродѣтелей—вѣротерпимость. Его сношенія съ индусами закончили то, что христіане начали. Онъ научился отъ кроткаго и терпѣливаго Арія, что должно существовать различіе мнѣній въ каждомъ сложномъ и неисповѣдимомъ фазисѣ жизни. «Что дѣлаетъ меня такимъ снисходительнымъ къ ошибкамъ моихъ братій? Даже партизану малолѣтнихъ браковъ я говорю: Божье созданіе! проходи своей дорогой, продолжай жить въ твоемъ заблужденіи, если ты не можешь его распознать во мракѣ, въ которомъ ты идешь! Истина, которую ты когда-либо постигнешь, не станетъ для тебя менѣе блестяща». И этотъ свѣтлый и высокій взглядъ онъ относилъ къ поэзіи и философіи индусовъ.

Чрезвычайная простота догматическаго ученія парсовъ,—говоритъ Максъ Мюллеръ,—есть, на самомъ дѣлѣ, одна изъ причинъ, почему изгнанники изъ Индіи такъ сильно привязаны къ своей религіи, совершенно свободной отъ всякихъ теологическихъ задачъ и осложненій, и въ этомъ-то и есть главная тайна ихъ сопротивленія прелестямъ браманизма и ревностнымъ воззваніямъ христіанскихъ миссіонеровъ».

Малабари остался вѣрнымъ религіи своихъ отцовъ, но устранилъ нѣкоторыя мелочи изъ церковныхъ книгъ, погрузился въ спокойный теизмъ и отдался утѣшительной надеждѣ вѣчнаго царства добра. Настоящій послѣдователь Зороастра, онъ чтитъ непорочность, какъ первое благо чело-

*) Въ настоящее время архіепископъ въ Лондонѣ.

вѣка, послѣ рожденія. Онъ ненавидитъ мракъ и поклоняется свѣту, въ его чудномъ символѣ—священномъ огнѣ.

Послѣ изданія «Niti Vinod» и «Indian Muse», поэтическія творенія молодого учителя быстро слѣдовали одно за другимъ. Три года спустя появился «Wilson Virah», въ память доктора Вильсона; поэтъ описалъ въ немъ его миссіонерскую дѣятельность въ Бомбеѣ, его заслуги, какъ воспитателя. Въ 1881 году «Sarod-i-Ittifak» произвело сильное впечатлѣніе на читателей. Туземные журналы отзывались о немъ съ необыкновеннымъ восторгомъ. На этотъ разъ гюзерати былъ смѣшанъ съ персидскимъ, и тонкій персидскій вкусъ былъ виденъ въ этихъ одахъ (ghazals). Никогда авторъ не былъ болѣе нѣжнымъ, убѣдительнымъ и вдохновеннымъ. Forma dat esse rei *).

Одновременно съ этою поэзіей, Малабари предпринялъ большой и тяжелый трудъ: переводъ «Hibbert-lectures» Макса Мюллера, объ основаніи и развитіи религіи по вѣрованіямъ Индіи. Эта работа стоила ему долгихъ путешествій и большихъ трудовъ, но онъ не останавливался ни передъ какими жертвами для обезпеченія успѣха дѣлу. Полный энтузіазма къ Muni и Rishi, которые дали въ Оксфордѣ толчокъ настолько сильный для изученія санскритскаго языка, что онъ чувствовался въ Индіи и помогъ возрожденію религіозныхъ наукъ, столь необходимыхъ для основанія и контроля соціальныхъ реформъ, Малабари въ рѣчи, произнесенной имъ въ Jeypore (5 мая 1882 г.), указывалъ на пользу этихъ произведеній **).

Вопросы соціальной реформы стали сильно озабочивать поэта, ставшаго журналистомъ. Въ 1876 году въ Бомбеѣ былъ основанъ еженедѣльный общедоступный журналъ подъ названіемъ *Indian Spectator*. Съ основанія его Малабари принялъ въ немъ самое дѣятельное участіе. Вскорѣ онъ сталъ соиздателемъ его съ другимъ парсомъ М. Ф. П. Талейарканомъ ***), но денежныя затрудненія дали себя почувствовать молодому публицисту. Онъ былъ женатъ и отецъ семейства. Личныхъ средствъ у него не было, а потребности ежедневной жизни возрастали ****). А между тѣмъ ему

*) Послѣднее поэтическое произведеніе Малабари Anubhavikha (1894 г.) содержитъ въ себѣ 22 сонета на языкѣ гюзерати. По компетентнымъ отзывамъ, языкъ красивъ и гармониченъ, чувство самое возвышенное и чистое. Anubhavikha (Experimentia) заслуживаетъ быть названнымъ классическимъ произведеніемъ гюзерати.

**) Переводъ Hibbert-lectures былъ сдѣланъ на языкахъ: гюзерати, санскритскомъ, магаратскомъ, бенгальскомъ, индусскомъ и тамульскомъ. Переводъ на гюзерети былъ сдѣланъ Малабари и Н. М. Мобеджина, издателемъ *Indian Spectator*. Максъ Мюллеръ писалъ къ Малабари изъ Оксфорда 2 февраля 1882 г.: „также, какъ я уже говорилъ вамъ, мои мысли при чтеніи этихъ „lectures“ были чаще съ народностями Индіи, чѣмъ съ моими слушателями въ Вестминстерѣ“.

***) Въ настоящее время Deputy collector въ Броохѣ.

****) „Въ продолженіе первыхъ мѣсяцевъ,—пишетъ Малабари,—я боролся за *Spectator* только для того, чтобы доказать, что деньги не значутъ „все“. Были тяжелыя минуты, когда я соглашался съ теоріей Walpole; но, несмотря на это, я продолжалъ бороться, писать, исправлять корректуры“. Часто журналъ себя поддерживалъ только благодаря продажѣ какой-нибудь цѣнности, которой лишалъ себя великодушный издатель.

предстояло достичь великой цѣли—сдѣлать *Indian Spectator* народнымъ органомъ Индіи. Выйдя изъ рабочей среды, онъ понималъ бѣдствія низшихъ классовъ, которые составляютъ большинство націи, и былъ полезенъ для соединенія двухъ партій—«правящихъ и управляемыхъ» (rulers and ruled), плохо до того времени понимавшихъ другъ друга. Онъ даже извлекалъ пользу изъ того, что составляетъ характерныя черты различія великихъ общинъ Индіи, и увѣренно и свободно направлялъ общественное вниманіе на самые животрепещущіе вопросы.

Indian Spectator достигъ желаемой цѣли. Благодаря партійности и независимости, онъ сдѣлался однимъ изъ вліятельныхъ журналовъ. Къ его голосу прислушиваются совѣты вице-королей, и, быть можетъ, недалеко то время, когда его издатель самъ станетъ членомъ совѣта.

Въ 1883 г. сиромъ В. Ведербурномъ былъ основанъ *Voice of India*; Малабари сталъ его издателемъ и взялъ на себя отвѣтственную задачу посылать періодическія телеграммы въ англійскіе листки для противодѣйствія извѣстіямъ, идущимъ отъ англо-индійцевъ.

Мы уже видѣли, что главная сила Малабари заключалась въ неподкупности; его успѣхъ былъ созданъ его стремленіемъ къ правдѣ и его терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ.

Этотъ человѣкъ, котораго его другъ и біографъ Дайарамъ Жидюмаль изображаетъ человѣкомъ слабаго здоровья, съ привычками къ уединенію, застѣнчивымъ съ малознакомыми, какъ школьникъ,—умѣлъ во время провести свою политическую програму, создать ей побѣду и въ смутное время подавить или направить общественное мнѣніе. Малабари былъ правою рукой Дадабая Наорозжи *), ветерана либеральной политики и Дадабай въ свою очередь оказалъ ему поддержку во всѣхъ соціальныхъ реформахъ, надъ которыми онъ работалъ.

Малабари былъ призванъ высказать свое мнѣніе на столбцахъ *Indian Spectator* по вопросамъ самымъ разнообразнымъ: о финансовыхъ источникахъ Индіи, о сношеніяхъ обширной колоніи съ Англіей; онъ полемизировалъ въ *Income tax bill* сира Окланда Кальвана и принялъ дѣятельное участіе въ обсужденіяхъ Ilbert-bill. Онъ не колеблясь публиковалъ свои мнѣнія объ индійскомъ конгрессѣ, рискуя навлечь неудовольствіе своихъ друзей и покровителей. Что касается образованія, способа примѣненія его въ Индіи и результатовъ, достигнутыхъ имъ до сихъ поръ, то Малабари глубоко сожалѣетъ, что на нѣсколько счастливыхъ исключеній, какъ Телангъ и Ренада, получившихъ ученыя степени, приходится такая масса

*) Родился въ 1825 г., профессоръ въ Elphinstone College, основатель Rast G tar, министръ Gaeckwar въ Барода, членъ законодательнаго совѣта (1885 г.). Онъ пр нималъ участіе въ первомъ индійскомъ конгрессѣ въ Бомбеѣ (1885 г.) и былъ пр дсѣдателемъ во второмъ конгрессѣ въ Калькутѣ. Въ томъ же году онъ выставилъ св ю кандидатуру на депутата въ Финсбури, но потерпѣлъ неудачу въ значительно ъ меньшинствѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ выбранъ, благодаря поддержкѣ, ко орую ему доставилъ Малабари съ либеральной партіей leaders.

неудачниковъ и разочарованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на обязанности тѣхъ, кто будитъ эти призванія, не должна ли лежать забота объ ихъ будущности и удовлетвореніи ихъ нуждъ!

Въ 1884 г. Малабари посвятилъ себя дѣлу улучшенія положенія женщинъ, и дѣятельность его увѣнчалась большимъ успѣхомъ. Уже давно въ интеллигентномъ обществѣ интересовались этимъ вопросомъ. Молодые люди возставали противъ раннихъ браковъ и находили, что обязательное вдовство есть преступленіе. Видіазагара уже возвысилъ свой властный голосъ въ пользу обнародованія акта 1857 г., допускавшаго вторичные браки, но старое индусское общество застыло въ своей вѣковой традиціи. Необходимо было найти вождя, способнаго одновременно говорить съ правительствомъ и толпой, способнаго объяснить туземцамъ ихъ нужды, а англичанамъ ихъ обязанности. Малабари сталъ этимъ вождемъ.

Въ 1885 г. онъ писалъ: «Мое призваніе рѣшила вдова маленькая, бритая вдова, кающаяся, наводящая ужасъ на своихъ молодыхъ товарокъ, исключенная изъ среды семьи, несущая на себѣ бремя самыхъ унизительныхъ работъ». Отсюда до малолѣтнихъ браковъ—живой раны Индіи—былъ только одинъ шагъ, такъ какъ оба обычая въ тѣсной связи между собой.

Законъ, запрещающій сжиганіе вдовъ, хотя обнародованный въ 1829 году, вошелъ въ силу въ 1844 г.,—вдова была освобождена отъ смерти, но сколько мученій еще оставалось на ея долю. Въ Индіи есть много вдовъ изъ высшей касты, есть благочестивыя, набожныя, уважаемыя въ своихъ семьяхъ матери многочисленныхъ дѣтей; онѣ не жалуются, ихъ идеалъ очень возвышенъ и напоминаетъ намъ взгляды первыхъ христіанъ, хотя и совершенно различные. Вторичный бракъ имъ такъ же ненавистенъ, какъ и прелюбодѣяніе; для нихъ это гнусное оскверненіе тѣла и души, какъ въ настоящей, такъ и въ будущей жизни. Но есть много другихъ вдовъ, прежде всего молодыхъ дѣвушекъ, которыя не видали своихъ мужей со времени пышной свадебной церемоніи, и о которыхъ онѣ даже утратили воспоминаніе. Наконецъ, есть много слабыхъ женщинъ, молодыхъ и старыхъ, у которыхъ совершенно нѣтъ той добродѣтели самоотреченія и стойкости, присущихъ ихъ мистическимъ сестрамъ-аскеткамъ и понятно, что искушенія имѣютъ надъ ними большую власть. Если религіозные и соціальные законы устраняютъ для нихъ опасность со стороны мужчинъ изъ той же касты, то имъ, одинокимъ и безпомощнымъ, нужно бояться человѣка изъ низшей касты, тѣмъ болѣе дерзкаго, что ему нечего терять.

Кромѣ того вдову и теперь сторожитъ обычай сожженія—или мать поитъ отравленнымъ напиткомъ дочь-вдову, которая не сдержитъ своей клятвы. Къ этому еще часто примѣшивается дѣтоубійство, тогда и англійскія власти не могутъ распутаться въ безконечныхъ слѣдствіяхъ, которыя остаются безъ результатовъ. Малабари изобличалъ эти убійства, случаи семейной мести на столбцахъ «Индійскаго обозрѣнія», и предпринялъ си-

ную борьбу, во время которой онъ собралъ всѣ факты, могущіе освѣтить сущность вопроса и вызвать судъ общественнаго мнѣнія *). «Но—могутъ замѣтить—если браки вдовъ съ 1856 г. **) разрѣшены закономъ, то почему Малабари нужно было выступать ихъ защитникомъ?» И въ самомъ дѣлѣ, Видіазагара ***) нашелъ въ текстахъ, которые онъ постоянно изучалъ, статью разрѣшающую браки вдовъ ****); но законъ 1856 г. былъ принятъ только брамаистами, а правовѣрные пундиты, сначала принявшіе его благосклонно, вскорѣ отъ него отказались. Едва можно насчитать нѣсколько браковъ, заключенныхъ благодаря усиліямъ просвѣщенныхъ людей,—до того общественное мнѣніе было противъ этого нововведенія. На самомъ дѣлѣ костеръ былъ очень удобнымъ средствомъ для того, чтобъ избавиться отъ вдовы—личности, какъ гражданки, очень стѣснительной въ индусскомъ кодексѣ. Этотъ кодексъ былъ пересмотрѣнъ недавно англійскими законовѣдами, которые хотя и ограничили жестокости обычаевъ, но Рагюнатъ-Рао-Багадуръ находилъ, что иностранное правительство, возставая противъ обычая «satis» и пресѣкая его теченіе, содѣйствовало тому, что положеніе вдовы сдѣлалось еще невыносимѣе, если только это возможно *****). Что же касается малолѣтнихъ браковъ, то религіозныя предписанія требовали совершенія брака дѣвушки до 9-лѣтняго возраста, и неисполненіе этого ложилось позоромъ на семью. Отъ этого происходили тѣ странныя и раннія помолвки, которыя влекли за собою массу грустныхъ послѣдствій какъ съ нравственной, такъ и съ физической стороны. Легко понять, что, прекращая малолѣтніе браки и назначая для ихъ заключенія средній возрастъ, этимъ уменьшается количество вдовъ, этихъ дѣвочекъ, выданныхъ за стариковъ, которые (какъ браманы, koulins) ведутъ ими постыдную торговлю и доводятъ многоженство до самой отвратительной степени. Отцы охотно на это соглашаются, потому что они предпочитаютъ видѣть свою дочь вдовой, несчастной на всю жизнь, чѣмъ быть опозоренными, не исполнивши своего долга, такъ какъ они видятъ въ бракѣ женщины: 1) бракъ позволяетъ отцу наслаждаться вѣчнымъ счастьемъ; 2) онъ даетъ супругу законныхъ сыновей, которые послѣ его смерти будутъ чтить

*) См. The Hindu child widow. A paper originally contributed to the pages of the Asiatic Quarterly Review for october 1886, bythe Hon. W W. Hunter, republishedby B. M. Malabari, in the „Indian Spectator", 1887.

**) A collection containing the proceedings which led tot the passing of Act. XV of 1856. Бомбей, 1885.

***) Исваршандра родился въ 1820 г. въ обѣднѣвшей семьѣ браминовъ „koulins", близъ Мидпапуръ, въ дер. Биразина. Онъ прославился одновременно и какъ писатель - реформаторъ и какъ мизантропъ. Умеръ въ Калькуттѣ 29 іюля 1890 г. Это былъ одинъ изъ рѣдкихъ людей, котораго можно назвать создателемъ эпохи. Его біографія была публикована нѣсколькими бенгалійскими писателями. См. ту, которая появилась на англійскомъ языкѣ. „Life of Pandit Isvarchandra Vidyasagara", by Sricharan Chakravarti. Calcutta, 1896 г.

****) „Marriage of Hindu Widows", by Pandit Isvarchandra Vidyasagara. Calcutta.

*****) Относительно положенія индусской женщины въ законѣ см. „The Digest of Hindu law", by M. Justice West and prof. Johann Buhler.

его останки, приносить имъ жертвы и, такимъ образомъ, обезпечатъ его душѣ вѣчное спокойствіе; 3) онъ очищаетъ женщину отъ первороднаго грѣха и дѣлаетъ изъ нея богиню (devi), потому что она способствовала утвержденію вѣчнаго блаженства сразу и отцу и супругу. Какое значеніе могутъ имѣть здѣсь европейскія утонченности, какъ свободный выборъ, стремленіе къ соединенію съ избраннымъ передъ такимъ свѣтлымъ и высокимъ идеаломъ. Безспорно, теорія прекрасна и заманчива, но какое разочарованіе въ ея примѣненіи. Малабари зналъ затрудненія, которыя онъ могъ встрѣтить, онъ понималъ, что поддержка правительства необходима также для закона о бракахъ вдовъ и о дѣтоубійствѣ, какъ она была необходима для уничтоженія обычая сжиганія на кострѣ. Въ 1884 г. онъ поѣхалъ въ Симлу и вручилъ лорду Римону докладъ, и вскорѣ верховный совѣтъ отдалъ приказъ разослать его черезъ губернаторовъ и мѣстную администрацію по всей Индіи. Съ каждымъ годомъ число симпатій въ пользу дѣла, такъ горячо предпринятаго Малабари, все увеличивалось. Послѣдствіями увлеченія, хотя немногочисленныхъ, но искреннихъ либераловъ были полезныя намѣренія. Въ 1889 г. соціальная конференція Бомбея смѣло потребовала улучшенія кодекса для покровительства замужнихъ и не замужнихъ дѣвушекъ до 13-лѣтняго возраста. Одно гнусное покушеніе возбудило всеобщее вниманіе. Случай съ Пюльмени въ Калькуттѣ, умершей вслѣдствіе ранняго брака, вызвалъ адресъ королевѣ, подписанный двумя тысячами женщинъ, и 50 женщинъ-врачей дали свидѣтельство, основанное на самыхъ тщательныхъ изслѣдованіяхъ. Другой случай съ Рюкмабаи, которая отказалась слѣдовать за мужемъ, основываясь на томъ, что она была ребенкомъ, когда заключали брачный договоръ, и индусскій законъ, усиленный англійскимъ законодательствомъ, присудилъ истицу слѣдовать за мужемъ или подвергнуться шестимѣсячному тюремному заключенію. Молодая женщина предпочла послѣднее, но ей удалось замѣнить это наказаніе денежнымъ штрафомъ. Въ этой борьбѣ ее поддерживалъ ея свекоръ, а потомъ комитетъ, секретарь котораго Бовнажре въ настоящее время состоитъ членомъ парламента. Одной, безъ посторонней помощи, ей пришлось бы перенести гнѣвъ партіи правовѣрныхъ со всѣми его жестокостями. Какая судьба можетъ ожидать непокорную жену, отказавшуюся слѣдовать за мужемъ, жену, которую самъ законъ передаетъ ему въ руки *).

Малабари былъ душой этого великаго соціальнаго движенія, а «Indian Spectator»—трибуной, на которой происходили пренія. Въ 1890 г. вопросъ уже созрѣлъ и требовалъ немедленнаго рѣшенія.

Въ это самое время нашъ реформаторъ рѣшилъ совершить путешествіе по Европѣ. Въ маѣ 1890 г. онъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Вся печать единогласно привѣтствовала его и потому онъ, несмотря на свое болѣзненное состояніе, долженъ былъ употребить всю свою силу и энергію, чтобы довести до благополучнаго конца свой походъ противъ малолѣтнихъ браковъ

*) Rukhmabai: см. „Indian law Report“, Bombay series, 1886, t. X, стр. 30—31

Въ іюнѣ 1890 г. за воззваніемъ слѣдовалъ митингъ у леди Жёнь. Четыре резолюціи были приняты и представлены на утвержденіе государственнаго секретаря и правительства Индіи. Въ нихъ требовали: 1) чтобы возрастъ для согласія на бракъ былъ не ранѣе 12 лѣтъ; 2) чтобы были приняты мѣры для уничтоженія малолѣтнихъ браковъ или, по крайней мѣрѣ, было бы согласіе обѣихъ сторонъ для совмѣстной жизни супруговъ; 3) чтобы, согласуясь съ привычками и обычаями разныхъ народностей Индіи, были пересмотрѣны законы, которыми руководились до сихъ поръ для возстановленія супружескихъ правъ; наконецъ, 4) чтобы всякое препятствіе къ браку было бы, насколько возможно, удалено. Это рѣшеніе было передано властямъ, и образовался комитетъ для улучшенія быта женщинъ въ Индіи. Такой результатъ съ избыткомъ вознаградилъ Малабари за прежнія испытанія и неудачи. Онъ ни на минуту не терялъ изъ виду своего излюбленнаго дѣла и во время путешествія и, пользуясь своимъ пребываніемъ въ Англіи, онъ изучалъ могущество Британскаго государства, такъ сказать, на мѣстѣ, а не въ завоеванной великой колоніи Индійскаго океана. Онъ, конечно, имѣлъ возможность дѣлать самыя цѣнныя наблюденія при знакомствѣ съ политиками, публицистами, журналистами, поэтами, литераторами, дамами высшаго общества—филантропками или учеными, которыхъ онъ встрѣчалъ въ самой интимной обстановкѣ за чайнымъ столомъ (tea-table), и потому безъ особенныхъ усилій и труда былъ посвященъ въ англійскую жизнь. На улицахъ West-End или въ предмѣстьяхъ онъ одинаково наблюдалъ какъ джентльменовъ, такъ и бѣдняковъ. Возвратившись въ Индію, онъ въ короткіе часы своего досуга пересмотрѣлъ наскоро набросанныя замѣтки и, хотя эти замѣтки были о народѣ, чуждомъ ему по происхожденію, языку и религіи, не колеблясь напечаталъ ихъ. Онъ не претендовалъ,—какъ онъ это говоритъ самъ,—ни на большую опытность, ни на безошибочность своего сужденія. Онъ только желалъ бесѣдовать съ англичанами и индійцами и выражать свое мнѣніе *).

Этотъ печатный трудъ Малабари вызвалъ множество дружескихъ откликовъ въ англійской печати. Но помимо общественнаго значенія это сочиненіе отличается и выдающимися поэтическими достоинствами. Но, чтобы вполнѣ оцѣнить его разсказы, въ которыхъ главную роль играетъ природный юморъ, необходимо понимать самую соль этого юмора, а чтобы оцѣнить въ Малабари бытописателя англійскихъ нравовъ, надо познакомиться съ его сочиненіемъ, изданнымъ въ 1878 г. «Gujarat and the Gujaratis», гдѣ онъ изображаетъ индусскіе нравы.

Малабари объѣздилъ почти всю Индію. Во время изданія «Hibbert-ctures», онъ посѣтилъ сѣверо-восточныя провинціи: Раджупутанъ, Бенгаль Деканъ. Особенно дорогъ былъ ему округъ Бюзератъ, куда онъ въ 1878 г. ѣздилъ небольшое путешествіе, описаніе котораго онъ напечаталъ въ

*) „The Indian Eye on english life, or Rambles of a pilgrim reformer", 3-е изданіе. Бомбей, 1895 г. Первое изданіе появилось въ 1891 г., второе—въ 1892 г.

«Bombay-Review». «Gujarat and the Gujaratis» даетъ краткое обозрѣніе страны и ея обитателей. Однимъ взмахомъ пера онъ очерчиваетъ города, виды, людей: индусы, мусульмане, марвары, парсы даже, всѣ они очень живо схвачены. Интересно описанъ блестящій дворъ Барода и не менѣе интересно очерчены личности молодого Магараджи, вдовы Магараджи-Канкерао, Мадао-Роо великаго министра совѣта и англійскаго агента Мальвиля. Что касается городовъ Мафусиля, начиная съ древней мусульманской столицы Агмадабадъ до Индійскаго Манчестера, современнаго Брооха, то они являются изъ-подъ пера разсказчика такими, какъ ихъ создало могущество Бомбея, т.-е. угрюмыми и покинутыми.

Онъ съ увлеченіемъ описываетъ повседневную жизнь, а если разсказываетъ о какомъ-либо бытовомъ явленіи navjot или напр., о свадьбѣ, онъ не скупится на подробности и игривость. Его перо разбиваетъ слишкомъ правильныя формы англійскихъ банальныхъ выраженій, и слогъ отъ этого только выигрываетъ.

Слогъ Малабари, которымъ онъ владѣетъ въ совершенствѣ, названъ «тропическимъ» (эпитетъ очень красивый), и если онъ въ Indian Muse немного рабски подражалъ англійскимъ поэтамъ, то въ прозѣ онъ вполнѣ самостоятеленъ, онъ пишетъ, какъ думаетъ, и только желаетъ быть понятымъ.

Онъ покинулъ Англію въ сентябрѣ 1890 г. и по возвращеніи онъ нашелъ въ Индіи то же волненіе, тотъ же интересъ, которые онъ вызвалъ въ Лондонѣ. Съ іюля 1890 г. было предположено приступить къ пересмотру уложенія о наказаніяхъ и законовъ судопроизводства, такъ какъ нѣсколько разъ поднимался вопросъ, законно ли исполненіе приговора, лишающаго женщину свободы въ томъ случаѣ, когда она отказывается слѣдовать за мужемъ. Также возникали недоразумѣнія по поводу вторичныхъ браковъ (вслѣдствіе сильно укоренившагося обычая), хотя къ совершенію ихъ препятствій съ 1856 г. въ законахъ не встрѣчалось.

Малабари выступилъ со статьей въ *Бомбейской Газетѣ* (октябрь 1890 г.), которую онъ заканчиваетъ воззваніемъ къ своимъ индусскимъ друзьямъ, увѣряя ихъ, что хотя онъ стремится къ уничтоженію малолѣтнихъ браковъ, но стоитъ за браки, заключенные рано, такъ какъ онъ видитъ въ нихъ залогъ общественной нравственности и семейной жизни. Кромѣ того, онъ ссылался на святость брака какъ на таинство, причемъ требовалъ полнаго и свободнаго согласія договаривающихся сторонъ, взамѣнъ той смѣшной комедіи, которая, посредствомъ самой страшной и торжественной клятвы, соединяла дѣтей на всю жизнь.

За появленіемъ этой статьи слѣдовалъ періодъ, полный смутъ. Самые вліятельные люди, какъ Телангъ, Бандаркаръ, оказали Малабари содѣйствіе. Наконецъ, въ январѣ 1891 г. сиръ А. Скобль внесъ билль, которымъ возрастъ для заключенія брака опредѣлялся не ранѣе 12 лѣтъ. На всей Индіи отозвались послѣдствія этой мѣры. Президентства Бомбея и Мадраса энергично ее поддерживали. Въ Бенгалѣ же билль встрѣтилъ оппозицію, но

Пенджабъ и сѣверо-восточныя провинціи оказались болѣе снисходительными, главнымъ образомъ, потому, что совершеніе браковъ у нихъ никогда не происходило ранѣе 12 лѣтъ.

Цѣль жизни Малабари была достигнута. Consent act былъ его личной побѣдой, несмотря на противорѣчіе большинства, на слабость многихъ, даже и самыхъ благонамѣренныхъ. Сколько разъ онъ былъ покинутъ либеральною партіей, которая не смѣла заходить такъ далеко,—но его великодушныя идеи одержали верхъ. Онъ мало обращалъ вниманія на горькія слова, на колкія остроты, которыми его преслѣдовали, ихъ оскорбленія его не трогали.

Но правовѣрные не бросили оружіе. Это оппозиціонная партія, въ сущности самая многочисленная, ее находятъ какъ при дворѣ туземнаго князя, такъ и въ хижинѣ ткача или подъ кровлей хлѣбопашца. Ея составъ самый разнообразный, богатыхъ и бѣдныхъ соединяетъ тоже сожалѣніе о прошломъ и боязнь будущаго. На первомъ планѣ выступаетъ какъ поборникъ реакціи (исключенія весьма рѣдки), браманъ, охраняющій величіе и святость преданія; затѣмъ, глава семьи—отсталый фанатикъ и, наконецъ, женщины, боязливыя и порабощенныя—очень могущественный элементъ, но въ большинствѣ случаевъ мало цѣнящій то, что ихъ болѣе отважныя сестры и европейскія женщины предпринимаютъ въ ихъ защиту. Но очагъ (home) индусовъ такъ тщательно оберегается отъ глазъ постороннихъ, что трудно знать, что тамъ происходитъ. Во всякомъ случаѣ можно удостовѣрить, не переступая порога «bungalow», что въ тѣхъ странахъ, куда соціальная реформа старается проникнуть посредствомъ школъ и университетовъ, въ семьѣ происходитъ борьба.

Школа и университетъ на самомъ дѣлѣ олицетворяютъ собою вторженіе врага—Запада, къ которому напрасно такіе люди, какъ Телангъ, обращаются съ довѣріемъ и тайной надеждой преобразовать посредствомъ ихъ старое индусское общество. Другіе, возбужденные фанатическими «lecturers», хотя и отличаются отъ правовѣрныхъ своими стремленіями и образованіемъ, но даютъ убѣдить себя въ томъ, что Западъ есть источникъ всѣхъ ихъ бѣдъ, и замыкаются въ безпокойномъ ожиданіи. Между этими двумя партіями, по прекрасной идеѣ Малабари, является индійскій народъ, со своими молчаливыми, терпѣливыми и легко удовлетворяющимися массами, которыя ждутъ и надѣются.

И тѣмъ болѣе чести дѣятелямъ, подобно Малабари, которые не побоялись, въ это смутное для индійскаго народа время, вступить, во имя человѣчества и просвѣщенія, въ борьбу съ вѣковыми предразсудками и рабствомъ

П.

Очерки провинціальной жизни.

Сибирскія газеты полны сообщеніями о первыхъ шагахъ мирового суда въ Сибири. Въ этихъ сообщеніяхъ прежде всего указывается на огромный интересъ, вызываемый этимъ судомъ у обывателей, впервые получившихъ возможность вмѣсто прежнихъ волокиты и формализма услышать сравнительно скоро рѣшеніе своего дѣла, произносимое по убѣжденію совѣсти, а не на основаніи только внѣшнихъ доказательствъ. Въ общемъ мѣстная печать отзывается весьма благопріятно о дѣятеляхъ новаго суда, она говоритъ о преданности ихъ дѣлу, о пріобрѣтенныхъ ими симпатіяхъ и довѣріи жителей. Но, въ то же время, печать высказываетъ опасеніе, какъ бы почетная позиція, занятая мировыми судьями, не была поколеблена по истинѣ чрезмѣрною массой дѣла, взваленнаго на нихъ. Мировые судьи въ Сибири не только судьи, но также слѣдователи и нотаріусы. Эти тройственныя обязанности судей, въ связи съ сибирскими разстояніями, легко могутъ повести къ затяжкѣ судебныхъ рѣшеній и тѣмъ подорвать одну изъ лучшихъ сторонъ мирового суда. «Мировой судья г. Красноярска г. Шольцъ,—пишутъ въ одну изъ сибирскихъ газетъ,—рѣшительно выбивается изъ силъ. Съ 10 до 11 часовъ онъ принимаетъ прошенія, съ 11 до 6 или 7 часовъ вечера разбирается въ обывательскихъ прегрѣшеніяхъ, затѣмъ, въ качествѣ нотаріуса, свидѣтельствуетъ акты, копіи документовъ, протестуетъ векселя и т. д., и т. д. Когда г. Шольцъ отдыхаетъ—этого мы не знаемъ». Въ виду тройственнаго характера обязанностей мировыхъ судей въ Сибири, не удивительно, что кое-гдѣ уже раздаются жалобы на медленность правосудія, въ особенности же на задержки при засвидѣтельствованіи нотаріальныхъ договоровъ. «На нотаріальныя обязанности,—пишутъ изъ Каинска въ *Степной Край*,—наши судьи смотрят какъ на обузу. Приходитъ проситель свидѣтельствовать довѣренность: «Приходи завтра»,—говоритъ судья. На второй, третій день повторяется тотъ же отвѣтъ. Проситель замѣчаетъ, что онъ ходитъ уже три дня, на что получаетъ отвѣтъ, что можетъ проходить и двѣ недѣли, такъ какъ на него, судью, возложены главнымъ образомъ судебныя функціи, нотаріальныя же обязанности—какъ добавочныя, а потому онъ можетъ исполнят

ихъ, когда будетъ свободенъ отъ судебныхъ функцій. То же повторяется съ протестомъ векселей, засвидѣтельствованіемъ копій и контрактовъ». Хотя случаи неудовольствій на мировыхъ судей пока еще очень рѣдки, но друзья этого суда опасаются, какъ бы чрезмѣрная масса дѣла, возложеннаго на сибирскимъ судей, не повела къ учащенію такихъ случаевъ. А потому они указываютъ, что, для доставленія новымъ судебнымъ дѣятелямъ въ Сибири полной возможности находиться на высотѣ своего призванія, необходимо освобожденіе ихъ отъ слѣдственныхъ и нотаріальныхъ функцій.

Съ введеніемъ Судебныхъ Учрежденій въ Сибири область произвола и беззаконій сократится на все то количество, которое давали суды, отошедшіе теперь въ вѣчность. Но остается здѣсь еще нетронутая область административнаго произвола, область беззаконій, главнымъ образомъ, низшихъ полицейскихъ органовъ, всего ближе стоящихъ къ населенію. Въ Европейской Россіи контроль надъ дѣйствіями полицейскихъ органовъ болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ въ Сибири, однако и здѣсь образъ дѣйствій ихъ далекъ еще отъ полной законности. То и дѣло появляются въ печати сообщенія о нарушеніи полицейскими органами правъ обывателей,—нарушеніи, доходящемъ нерѣдко до возмутительнаго издѣвательства надъ личностью человѣка. Характерную въ этомъ отношеніи картинку представила осенняя сессія судебной палаты въ городѣ Черниговѣ. Мы ознакомились здѣсь,—пишутъ въ газету *Жизнь и Искусство*,—съ полицейской практикой въ одномъ изъ уголковъ нашей обширной губерніи. Передъ нашими глазами прошелъ инквизиторъ-десятскій Кибусъ, полосовавшій спины арестуемыхъ нагайкой, чтобы добиться у нихъ сознанія въ совершенномъ проступкѣ, и даже практиковавшій оригинальный способъ пытки заподозрѣнныхъ лицъ. Когда нагайка не помогала, онъ надѣвалъ на голову истязуемаго кольцо изъ проволоки и, всунувъ палку, крутилъ таковую до тѣхъ поръ, пока проволока не разрѣзала кожи. Въ калейдоскопѣ этихъ бытовыхъ картинъ за Кибусомъ прошелъ передъ нами волостной писарь Даневичъ, дѣйствовавшій объ руку съ своимъ братомъ, сельскимъ облакатомъ, и почеркомъ пера измѣнявшимъ судебные сроки. Далѣе, на скамьѣ подсудимыхъ сидѣли представители полицейской кордегардіи посада Злынки, обвиняемые въ истязаніи арестуемыхъ лицъ. По мановенію станового пристава, ихъ отводили послѣ допроса въ сборную, гдѣ вступала въ свои права ременная нагайка, полосовавшая спины несчастныхъ рубцами въ палецъ толщиною и въ поларшина длиною. Изъ мрачнаго застѣнка арестантской сборной по ада Злынки настоящее дѣло вышло на свѣтъ Божій и закончилось обви ительнымъ судебнымъ приговоромъ, благодаря уѣздному члену окружна о суда С. А. Средбольскому, къ которому были приведены изъ Злынки ар стованные и подвергавшіеся жестокимъ истязаніямъ. Они разсказали су ьѣ объ испытанныхъ истязаніяхъ и показали свои исполосованныя спины съ незажившими темнобагровыми рубцами.

Съ цѣлью водворить порядокъ и право въ сельскую жизнь былъ уч-

режденъ институтъ земскихъ начальниковъ. Но, какъ извѣстно, институтъ не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій. И такъ какъ неудовлетворительная дѣятельность земскихъ начальниковъ обусловливается недостатками самого учрежденія, то необходимъ коренной пересмотръ закона 12 іюля 1889 года. Существенные недостатки этого закона заключаются въ совмѣщеніи въ одномъ лицѣ административныхъ и судебныхъ функцій, въ не опредѣленныхъ предѣлахъ власти земскихъ начальниковъ и въ фактической безконтрольности ихъ дѣйствій. При такой постановкѣ учрежденія въ дѣйствіяхъ земскихъ начальниковъ должно было проявиться много произвола, что и случилось на самомъ дѣлѣ. Никакой законъ не можетъ разсчитывать только на высокія личныя качества исполнителей; учрежденія должны быть организованы въ разсчетѣ на среднихъ людей. Почтенной и полезной дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ изъ земскихъ начальниковъ не окупается неумѣлая, а нерѣдко и беззаконная дѣятельность этого института, взятаго въ цѣломъ.

Учрежденіе земскихъ начальниковъ отражается также неблагопріятно на ходѣ дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ. Устанавливая земское самоуправленіе, законодатель, разумѣется, имѣлъ въ виду поставить это дѣло въ такія условія, чтобы голосъ гласныхъ былъ возможно свободенъ отъ постороннихъ вліяній, чтобы мнѣнія свои они высказывали самостоятельно. Между тѣмъ допущеніе земскихъ начальниковъ къ участію въ земскихъ собраніяхъ сильно парализируетъ эту мысль законодателя. Отовсюду поступаютъ извѣстія, что волостныя старшины и крестьяне, выбранные гласными, находятся подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ, присутствующихъ въ собраніи, и подаютъ голоса сообразно указаніямъ своихъ начальниковъ. При баллотировкѣ даже незначительныхъ вопросовъ открытою подачей голосовъ, т.-е., вставаніемъ и сидѣніемъ, какъ это обыкновенно принято въ земствахъ, гласные волостные старшины и крестьяне сидятъ или встаютъ, смотря по тому, встали или нѣтъ ихъ начальники. «Люди—не ангелы,—говоритъ по этому поводу извѣстный земскій дѣятель г. Оленинъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*,—теоретически какая это идиллія была бы: сидятъ вмѣстѣ начальники и подчиненные и обсуждаютъ народныя нужды, каждый отстаиваетъ свое мнѣніе, обмѣнивается возраженіями, опровергаетъ другъ друга, и все мирно и хорошо... а на практикѣ вотъ что бываетъ: старшина гласный Хромовъ, Дмитріевской волости, Костромского уѣзда, выставилъ въ собраніи неправильность дѣйствій члена управы, заключавшуюся въ томъ, что членъ управы не провѣрилъ во время приговора о выдачѣ ссудъ на обсѣмененіе полей этой волости, что отозвалось на крестьянахъ—и что же? На другой день, въ комнатѣ смежной съ залою собранія, во время самого засѣданія, состоялось другое засѣданіе, экстренное административнаго съѣзда, на которомъ означенный старшина Хромовъ единогласно (за исключеніемъ моего голоса) былъ устраненъ отъ должности. Вотъ какія тернія бываютъ иногда на пути гласныхъ-старшинъ, когда они невпопадъ иногда рѣшаются выйти изъ присущей имъ молчаливости.

Бросающееся въ глаза давленіе земскихъ начальниковъ на своихъ подчиненныхъ въ земскихъ собраніяхъ побудило министерство внутреннихъ дѣлъ предложить губернскимъ совѣщаніямъ вопросъ: не нужно ли лишить волостныхъ старшинъ права быть избираемыми въ земскіе гласные. Соотвѣтствующій дѣлу отвѣтъ на такой вопросъ дали тѣ губернскія совѣщанія, которыя полагали наиболѣе правильнымъ устранить земскихъ начальниковъ отъ участія въ земскихъ собраніяхъ въ силу того же, почему устранены отъ такого участія другіе полицейскіе органы. Если исключить изъ земскихъ собраній волостныхъ старшинъ, то искаженіе принципа самоуправленія этимъ не устранится, такъ какъ въ собраніи останутся еще подчиненные земскимъ начальникамъ крестьяне. Если же исключить и крестьянъ, то во что тогда обратятся земскія учрежденія и принципъ самоуправленія?

Кто знаетъ характеръ закона 12 іюля 1889 года, того нисколько не удивляетъ, когда онъ слышитъ или читаетъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ земскихъ начальниковъ. Но передъ чѣмъ мы останавливаемся въ недоумѣніи—это передъ продолжающимися протестами со стороны то той, то другой губернской власти по отношенію къ земскимъ и городскимъ ходатайствамъ. Обязанность губернатора, какъ неоднократно разъяснялъ сенатъ, исчерпывается передачею ходатайства по назначенію, причемъ онъ можетъ присоединить свое замѣчаніе о немъ. Поводомъ къ еще разъ повторенному сенатомъ поученію губернской власти послужило отвергнутое губернаторомъ ходатайство ставропольской городской думы. Въ прошломъ году,—какъ сообщаетъ *Юридическая Газета*, — ставропольское по городскимъ дѣламъ присутствіе, признавъ ставропольскаго городского голову Ртищева виновнымъ въ неприведеніи въ исполненіе рѣшенія присутствія по предмету отчужденія источниковъ водоснабженія для ставропольской станціи вѣтви Владикавказской ж. дор., постановило ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ удаленіи городского головы Ртищева отъ занимаемой имъ должности. Съ своей стороны ставропольская городская дума, находя Ртищева весьма радѣющимъ объ интересахъ города и полагая, поэтому, что удаленіе его крайне неблагопріятно отразится на мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, опредѣлила возбудить чрезъ ставропольскаго губернатора предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о неутвержденіи представленія ставропольскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія объ удаленіи Ртищева отъ должности городского головы и просить главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ о поддержаніи п[ер]едъ министромъ означеннаго ходатайства. Признавъ такое постановленіе г[ор]одской думы состоявшимся съ нарушеніемъ круга вѣдомства и предѣл[ов]ъ власти городского общественнаго управленія, ставропольскій губерн[а]торъ передалъ это постановленіе на обсужденіе губернскаго присутствія, к[от]орое постановило отмѣнить постановленіе думы на томъ основаніи, что г[ор]одскимъ думамъ предоставлено возбуждать ходатайства только о мѣстн[ы]хъ пользахъ и нуждахъ.

Помимо нарушенія закона, воспрещающаго губернской власти отвергать по своему усмотрѣнію земскія и городскія ходатайства, въ данномъ постановленіи губернскаго присутствія необычайно курьезенъ также мотивъ отмѣны городского ходатайства. Городская дума просила сохранить ей голововою Ртищева, «находя его весьма радѣющимъ объ *интересахъ города* и полагая, поэтому, что удаленіе его крайне неблагопріятно отразится на *мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ*, а губернское присутствіе отмѣняетъ это ходатайство «на томъ основаніи, что городскимъ думамъ предоставлено возбуждать ходатайства только о *мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ*». Читаешь и глазамъ своимъ не вѣришь. Вѣдь такихъ курьезовъ и не придумаешь! «Принимая во вниманіе, — говоритъ по этому поводу сенатъ,—что ходатайство ставропольской городской думы объ оставленіи Ртищева въ должности городского головы возбуждено думою въ интересахъ городского населенія, каковые интересы, съ уходомъ головы, по заключенію думы, должны значительно пострадать, правительствующій сенатъ призналъ, согласно съ заключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, что городская дума, постановивъ возбудить ходатайство по изложенному предмету, не вышла изъ предоставленныхъ ей по закону предѣловъ власти, и потому опредѣлилъ постановленіе ставропольскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, какъ неправильное, отмѣнить».

Сродный съ постановленіемъ ставропольскаго губернскаго присутствія случай представляетъ поведеніе въ самарскомъ уѣздномъ собраніи уѣзднаго предводителя дворянства графа Толстого. Въ земскомъ собраніи на очереди стояло обсужденіе смѣты на ветеринарную часть. Предсѣдатель собранія, упомянутый гр. Толстой, обратился къ собранію къ рѣчью, гдѣ, — какъ сообщаетъ *Самарская Газета*,— утверждалъ, что расходъ уѣзднаго земства на ветеринарную часть совершенно непроизводителенъ, такъ какъ уѣздные ветеринарные врачи не приносятъ населенію никакой пользы и обыкновенно несвѣдущи, почему онъ и предложилъ собранію возбудить ходатайство объ отнесеніи ветеринарной части на счетъ губернскаго земства. Слышатся возраженія, что если и существуютъ нареканія, то это потому, что врачей мало. Членъ управы г. Кноррингъ напоминаетъ, что въ прошлогоднее собраніе предсѣдатель самъ стоялъ за ветеринарную часть. Тутъ-то г. предсѣдатель и раскрылъ свои карты. Онъ отвѣчалъ, что его хлопоты о ветеринарныхъ врачахъ были вызваны просьбами г. Кнорринга помѣстить на службу его сына—ветеринарнаго врача. Далѣе г. предсѣдатель заявилъ, что, въ виду обостренія вопроса, онъ считаетъ необходимымъ разъяснить, почему онъ убѣдился въ безполезности ветеринарныхъ врач[illegible]. У него въ имѣніи двое молодыхъ людей признали сапъ на лошадяхъ, [illegible] между тѣмъ какъ онъ прекрасно знаетъ, такъ какъ знакомъ съ ветери[illegible]ріей, что у него въ имѣніи никакого сапа не было; это подтвердилос[illegible] анализомъ, произведеннымъ въ Казани, куда имъ была послана слизь [illegible] подозрѣнныхъ лошадей. Членъ управы г. Кноррингъ заявилъ, что р[illegible] вопросъ ставится на личную почву, то онъ долженъ заявить, что од[illegible]

изъ врачей, констатировавшихъ сапъ въ имѣніи г. предсѣдателя, былъ его сынъ. Заключеніе врачей не опровергнуто, такъ какъ слизь въ Казань не посылалась.

Послѣ этого былъ сдѣланъ продолжительный перерывъ засѣданія, послѣ чего предсѣдатель заявилъ собранію, что изъ частныхъ разговоровъ съ гласными онъ убѣдился въ ихъ желаніи сохранить ветеринарную часть въ вѣдѣніи уѣзднаго земства и даже пригласить еще лишняго врача и фельдшера. Ничего не имѣя противъ этого, предсѣдатель предложилъ собранію: «пригласить болѣе опытныхъ и менѣе дерзскихъ врачей и уволить находящагося на службѣ врача». Гласный Чернышевъ обратилъ вниманіе предсѣдателя, что такое рѣшеніе собранія было бы неправильно, такъ какъ врачомъ населеніе очень довольно. Это же подтвердили и нѣкоторые гласные изъ крестьянъ. Предсѣдатель тогда обратился къ гласнымъ съ просьбой въ *личное для него одолженіе* уволить врача. Какъ мотивъ этой просьбы, предсѣдатель подробно разсказалъ собранію исторію признанія сапа у него въ имѣніи. По его сообщенію, ветеринарный врачъ пріѣхалъ къ нему въ экономію и заявилъ, что до свѣдѣнія его дошло, будто въ имѣніи есть сапатыя лошади. Управляющій сказалъ, что онъ этого не знаетъ, и предложилъ врачу подождать пріѣзда его, предсѣдателя. Врачъ, справившись, что онъ, предсѣдатель, можетъ пріѣхать не ранѣе завтрашняго дня, заявилъ, что ему некогда ждать пріѣзда графа, и началъ осматривать лошадей. Затѣмъ имъ было сообщено въ уѣздную и губернскую земскія управы о присутствіи сапа въ имѣніи. «Я, ничего не зная этого, вдругъ получаю изъ управы,— разсказывалъ предсѣдатель,— приглашеніе немедленно отослать въ другое мѣсто земскаго заводскаго жеребца, находившагося на моемъ конномъ заводѣ». Г. предсѣдатель выяснялъ далѣе, какъ оскорбительно для него, предводителя дворянства и крупнѣйшаго землевладѣльца уѣзда, что незначительный ветеринарный врачъ не захотѣлъ ждать его пріѣзда въ имѣніе и въ его отсутствіе констатировалъ сапъ. Это онъ считаетъ дерзостью и невниманіемъ къ вліятельнымъ людямъ въ уѣздѣ. Въ заключеніе г. предсѣдатель еще разъ заявилъ, что слизь заподозрѣнныхъ лошадей отправлена была имъ въ Казань, откуда получился отвѣтъ, что никакого сапа нѣтъ. Членъ управы г. Кноррингъ, возражая г. предсѣдателю, утверждалъ, что слизь въ Казань не посылалась и что г. предсѣдатель въ этомъ отношеніи ошибается.

Предсѣдатель спросилъ г. Кнорринга: «Значитъ я, по вашему мнѣнію, говорю неправду?»

Г. Кноррингъ отвѣтилъ, что да, по его мнѣнію, въ словахъ г. предсѣдателя онъ замѣчаетъ неправду.

Тогда предсѣдатель собранія заявилъ, что онъ, считая для себя оскорбительнымъ подозрѣніе во лжи, закрываетъ собраніе и выходитъ въ отставку.

Сколько перловъ въ поведеніи и рѣчи самарскаго предводителя и, ex officio, предсѣдателя земскаго собранія! Онъ находитъ учрежденіе ветери-

нарной части въ уѣздѣ безполезнымъ, расходъ на него уѣзднаго земства непроизводительнымъ и, въ то же время, предлагаетъ возбудить ходатайство объ отнесеніи ветеринарной части на счетъ губернскаго земства. Онъ заявляетъ, что хлопоталъ объ учрежденіи въ уѣздѣ ветеринарной помощи не потому, чтобы считалъ ее нужной, а лишь ради помѣщенія на службу сына г. Кнорринга. Далѣе, онъ видитъ для себя оскорбленіе въ томъ, что «незначительный ветеринарный врачъ не захотѣлъ ждать его пріѣзда въ имѣніе, пріѣзда крупнѣйшаго землевладѣльца уѣзда, и въ его отсутствіе констатировалъ сапъ». Это и послужило поводомъ для гр. Толстого просить земское собраніе уничтожить ветеринарную помощь въ уѣздѣ или, по крайней мѣрѣ, уволить «дерзкаго» врача, нашедшаго въ его имѣніи сапъ. Когда члены собранія и въ числѣ ихъ гласные изъ крестьянъ заявляли о несправедливости подобнаго рѣшенія, такъ какъ населеніе очень довольно врачомъ, то графъ продолжалъ просить сдѣлать это «въ личное для него одолженіе». Чтобъ уличить «дерзкаго» врача въ незнаніи, графъ заявилъ, что имъ послана была въ Казань слизь заподозрѣнныхъ лошадей и произведенный тамъ анализъ показалъ, что сапа не было. Въ виду утвержденія члена управы г. Кнорринга, что графъ говоритъ неправду, что слизь въ Казань не посылалась, естественно было ожидать отъ графа торжественнаго заявленія собранію, что онъ сниметъ съ себя обвиненіе во лжи, представивъ въ возможно скоромъ времени подтвержденіе изъ Казани о посланной имъ туда слизи. Подтвержденіемъ изъ Казани графъ получилъ бы сильный аргументъ, разомъ достигающій трехъ цѣлей. Имъ доказана была бы правдивость словъ графа, незнаніе «дерзкаго» врача и клевета на графа члена управы г. Кнорринга. Вмѣсто этого графъ ограничился патетическимъ восклицаніемъ: «Значитъ я, по вашему мнѣнію, говорю неправду?»—и на утвердительный отвѣтъ г. Кнорринга заявилъ, что выходитъ въ отставку.

Инцидентъ съ предсѣдателемъ самарскаго земскаго собранія служитъ, между прочимъ, хорошею иллюстраціей превосходства земскаго самоуправленія надъ веденіемъ земскихъ дѣлъ администраціей. Члены земскаго собранія, какъ лица не находящіяся въ служебномъ подчиненіи предсѣдателя собранія, высказывались свободно и не дали предсѣдателю возможности осуществить свое желаніе уничтожить ветеринарную часть въ уѣздѣ. Иначе стоитъ дѣло въ провинціальныхъ административныхъ учрежденіяхъ. Тамъ воля предсѣдателя, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ волею и членовъ учрежденія. Результаты же такого порядка вещей имѣются на-лицо. Во всѣхъ сферахъ дѣятельности, подлежащихъ земскому самоуправленію, неземскія губерніи далеко отстали отъ земскихъ. Сознаніе этого факта побуждаетъ правительство ввести земскія учрежденія и въ тѣ губерніи и области, которыя донынѣ ихъ не имѣли. Ждетъ земскихъ учрежденій и населеніе Сибири. Статсъ-секретарь А. Н. Куломзинъ, по сообщенію газеты *Сибирь*, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о поѣздкѣ своей въ Сибирь, въ отдѣлѣ о духовныхъ потребностяхъ переселенцевъ, говоритъ: «Школъ въ

бири поразительно мало: въ волостяхъ съ десятками селеній всего по одной школѣ, а есть цѣлыя большія волости, гдѣ совсѣмъ нѣтъ школъ. Сообразно съ невысокимъ уровнемъ мѣстной грамотности, примѣненіе ея ограничивается воспроизведеніемъ своей подписи въ потребныхъ случаяхъ; орудіемъ умственнаго развитія она не служитъ. Постановка дѣла въ существующихъ школахъ нуждается въ серьезныхъ улучшеніяхъ какъ со стороны учебной, такъ и со стороны хозяйственнаго благоустройства. Въ школахъ замѣчается отсутствіе необходимыхъ пособій; библіотеки бѣдны, безсодержательны; методы преподаванія случайны». Да и можетъ ли быть иначе,—говоритъ по этому поводу названная газета,—когда школьное дѣло находится въ рукахъ сибирской бюрократіи, когда и вообще роль бюрократіи въ земскомъ хозяйствѣ осуждена даже такими публицистами, какъ покойный Катковъ. Земство доказало, какъ двинулось школьное дѣло, организація сельской медицины, страховое дѣло и многое другое, когда эти сферы дѣятельности были переданы въ его руки. Только съ открытіемъ земскихъ учрежденій въ Сибири правительство найдетъ нужныхъ ему и народу дѣятелей. Останавливаться передъ реформой потому только, что въ Сибири нѣтъ дворянъ, значитъ обречь Сибирь на то же прозябаніе, которое опять не замедлитъ смѣнить временное оживленіе, какъ только закроется комитетъ Сибирской ж. д., какъ только взоры высшаго правительства обратятся къ другимъ интересамъ и дѣламъ обширной Россіи. Тогда всѣ открытыя у переселенцевъ съ такими пожертвованіями школы начнутъ быстро приходить въ то состояніе учебнаго и хозяйственнаго неблагоустройства, о которомъ упоминаетъ въ своемъ отчетѣ А. Н. Куломзинъ, говоря о положеніи сибирскихъ школъ, т.-е. онѣ перестанутъ служить орудіемъ умственнаго развитія. Только земскія учрежденія съ особой школьной инспекціей могутъ сохранить эти насажденія. И кѣмъ же, какъ не земской школой, привита переселенцамъ такая любовь къ грамотѣ, что обходиться безъ нея они уже не могутъ, какъ замѣчаетъ это А. Н. Куломзинъ. Опытъ распространенія на Сибирь крестьянскаго самоуправленія на основаніяхъ закона 19 февраля 1861 года далъ очень хорошіе результаты и потому нѣтъ поводовъ думать, что тѣ же самые крестьяне не сумѣютъ справиться съ самоуправленіемъ уѣзднымъ безъ опеки исправника или чиновника по крестьянскимъ дѣламъ. Не много нужно имѣть смѣлости, чтобы довѣрить сибирякамъ вѣдѣніе мѣстными интересами, когда уже и теперь это во многихъ случаяхъ бываетъ, только безъ правильной организаціи, съ рискомъ навлечь нежелательное вмѣшательство въ дѣло окружного исправника или земскаго засѣдателя. Теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, съ заселеніемъ Сибири вольными переселенцами болѣе чѣмъ когда-либо своевременно введеніе тамъ земскихъ учрежденій. Въ Сибири уже не мало округовъ, гдѣ обороты земскаго хозяйства достигаютъ до 100 тыс. рублей въ годъ и болѣе. Понятно, что такое сложное хозяйство не можетъ быть успѣшнымъ въ рукахъ сибирской бюрократіи, заваленной безчисленнымъ множествомъ дѣлъ, изъ коихъ земскія — стоятъ на самыхъ заброшенныхъ пол-

вахъ, въ самыхъ дальнихъ углахъ, ибо они менѣе всего привлекаютъ къ себѣ вниманіе разныхъ ревизующихъ лицъ.

Плохо положеніе начальнаго образованія въ Сибири, плохо тамъ и состояніе медицинской помощи. На громадномъ пространствѣ Якутской области,—читаемъ въ газетѣ *Сибирь*,— области въ $3^1/_2$ милл. квадр. верстъ, съ 250 тысячами жителей, разбросанныхъ среди безконечныхъ лѣсовъ, горныхъ хребтовъ, по берегамъ болотистыхъ озеръ и рѣчекъ, полагается по штату всего 5 окружныхъ врачей съ ихъ примитивными аптечками и не менѣе примитивнымъ составомъ низшаго медицинскаго персонала. При такой организаціи врачебнаго дѣла мѣстное населеніе, конечно, никакой медицинской помощи не получаетъ, тѣмъ болѣе, что врачи завалены чисто-полицейскими обязанностями и обратились къ какихъ-то вѣчно разъѣзжающихъ вскрывателей труповъ. Не удивительно поэтому, что эпидеміи оспы, сибирской язвы, скарлатины и другихъ болѣзней достигаютъ въ Якутской области по-истинѣ ужасныхъ размѣровъ. Во время этихъ эпидемій, особенно оспы, смертность отъ которой подходитъ къ смертности отъ холеры и чумы, обыватели обыкновенно успѣваютъ умереть прежде, нежели пріѣдетъ врачъ, которому остается только констатировать фактъ существованія и развитія такой-то эпидеміи въ такомъ-то улусѣ, наслегѣ и, въ заключеніе всего, написать донесеніе подлежащей инстанціи.

Нерадостныя извѣстія о состояніи врачебной помощи получаются часто и изъ тѣхъ пунктовъ Сибири, гдѣ помощь эта организована. Такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Восточнаго Обозрѣнія* мы находимъ слѣдующее описаніе больницы въ Верхнеудинскѣ. Больные скучены вмѣстѣ: рядомъ съ сифилитикомъ лежитъ больной, страдающій лихорадкой. При зданіи больницы нѣтъ ретирадъ, а больные и лѣтомъ и зимою ходятъ на задній дворъ, гдѣ устроено отхожее мѣсто, но оно такъ загрязнено, что больные и не заходятъ туда. Въ больницахъ нѣтъ ни одного вентилятора и не употребляется никакихъ очищающихъ воздухъ средствъ, почему въ ней страшное зловоніе. Продовольствіе больныхъ и скудно, и плохо. Ложки деревянныя, но и ихъ недостаточно, такъ что больному приходится пережидать, когда пообѣдаетъ его сосѣдъ и освободитъ ложку. Этими же ложками, которыя послѣ обѣда не моются, а лишь облизываются больными, принимается лѣкарство. Фактическими надзирателями въ больницѣ являются два служителя-поселенца, изъ которыхъ одинъ черкесъ.

Другая обширная область имперіи, которая ждетъ улучшенія своей гражданственности чрезъ введеніе земскихъ учрежденій и суда присяжныхъ, это—Кавказъ. Въ виду поступившаго на разсмотрѣніе министерства юстиціи вопроса о введеніи суда присяжныхъ на Кавказѣ, мѣстная газета *Новое Обозрѣніе* указываетъ, что кромѣ общихъ основаній цѣлесообразности этого суда имѣются еще спеціальные поводы для введенія его на Кавказѣ. Когда заходитъ рѣчь о судѣ присяжныхъ на Кавказѣ, то, — говоритъ газета,—принято указывать многоязычіе и непониманіе мѣстнымъ населеніемъ государственнаго языка, какъ на серьезную помѣху осуществленію так

реформы. Но при этомъ забывается, что при нынѣшнемъ судѣ существуетъ взаимное непониманіе между участниками судебнаго процесса. Теперь судьи не понимаютъ потерпѣвшаго, подсудимаго и свидѣтелей; при существованіи же суда присяжныхъ, послѣдніе, допустимъ, не будутъ понимать предсѣдателя, обвинителя и защитниковъ. Такимъ образомъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ безъ переводчиковъ нельзя обойтись. И въ томъ и въ другомъ случаѣ представляется невозможной на Кавказѣ та совершенная форма суда, при которой судьи и стороны сносятся между собой на общемъ, всѣмъ имъ понятномъ, языкѣ. Слѣдовательно, многоязычіе Кавказа является помѣхой правильному судопроизводству не только при существованіи института присяжныхъ засѣдателей, но и теперь, при нынѣшнихъ порядкахъ. А при равныхъ условіяхъ въ отношеніи языка судопроизводства не нужно и доказывать преимущества суда присяжныхъ передъ нынѣшнимъ судомъ. Извѣстно, какъ плохи кавказскіе судебные переводчики, какъ они извращаютъ весь ходъ дѣла. А между тѣмъ отъ нихъ и зависитъ очень часто судьба подсудимаго. Поэтому естественно желать, чтобы судьи могли контролировать переводчиковъ. Тысяча разъ былъ правъ А. П. Францевъ, когда онъ заявлялъ въ кавказскомъ юридическомъ обществѣ, что «самой раціональной мѣрой противъ зла могло бы явиться требованіе отъ судей знанія туземныхъ языковъ». Однако для осуществленія этого требованія пришлось бы уволить $^9/_{10}$ нынѣшняго состава суда. Между тѣмъ то же требованіе легко могло бы быть осуществлено при существованіи суда присяжныхъ. Присяжные засѣдатели взяты были бы изъ того же населенія, изъ котораго вышли подсудимые, потерпѣвшіе и свидѣтели. Присяжные понимали бы, что говорятъ стороны. Среди присяжныхъ нашлось бы не мало и такихъ лицъ, которыя, зная русскій языкъ не хуже коронныхъ судей, прекрасно понимали бы и предсѣдателя, обвинителя и защитниковъ. Такимъ образомъ надъ переводчиками былъ бы установленъ бдительный контроль, отсутствіе котораго теперь отзывается весьма печальными послѣдствіями на правильномъ отправленіи правосудія. А поэтому многоязычіе и непониманіе населеніемъ русскаго языка не только не должно служить препятствіемъ къ введенію суда присяжныхъ, а, напротивъ, заставляетъ желать возможно скораго введенія этого института, какъ контролирующаго переводчиковъ и способствующаго тѣмъ улучшенію правосудія на Кавказѣ.

Введеніе судебныхъ учрежденій въ Сибири, стоящее на очереди введеніе земскихъ учрежденій въ губерніяхъ и областяхъ нынѣ ихъ не имѣющихъ—эти широкія реформы, способствуя поднятію гражданственности в обширныхъ районахъ нашего отечества, идутъ рука объ руку съ со-в шающимся естественнымъ процессомъ культурнаго роста провинціи. Объ э мъ важномъ явленіи русской жизни мы говорили уже не разъ. Среди м гоговразличныхъ проявленій этого роста, г. Я. Абрамовъ отмѣчаетъ въ о омъ изъ послѣднихъ номеровъ газеты *Бессарабецъ* необычайно возросшій в провинціи спросъ на книги. «Мои знакомые,— разсказываетъ г. Абрам въ,—весною нынѣшняго года открыли книжный магазинъ въ Петербур-

гѣ. Признаться, я отнесся къ предпріятію знакомыхъ скептически. Въ послѣдніе годы въ Петербургѣ число книжныхъ магазиновъ и мелкихъ книжныхъ лавокъ значительно возросло, и теперь куда бы вы ни пошли по Петербургу, вы непремѣнно натолкнетесь на книжную торговлю. Невольно возникаетъ вопросъ: на кого работаютъ всѣ эти магазины и лавки? Неужели спросъ на книгу возрастаетъ въ эти послѣдніе годы съ такою же быстротою, съ какою увеличивается число мѣстъ продажи книгъ? И я былъ увѣренъ, что начинаніе моихъ знакомыхъ окончится неудачей, что они прогорятъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь имъ, помимо всего прочаго, приходится создавать себѣ покупателей, приходится конкуррировать съ другими фирмами, уже установившимися и получившими извѣстность. А тутъ еще такая масса новыхъ конкуррентовъ! Представьте же себѣ мое удивленіе, когда, зайдя недавно въ магазинъ своихъ знакомыхъ и поинтересовавшись ходомъ дѣла магазина, я получилъ самый радостный отвѣтъ, причемъ назывались такія цифры ежедневнаго и еженедѣльнаго сбыта книгъ магазиномъ, которыя мнѣ показались совершенно невѣроятными. Чтобы разсѣять мой скептицизмъ, мнѣ показали торговыя книги и требованія изъ провинціи на книги, причемъ мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что я въ пророки не гожусь». Заинтересованный этимъ частнымъ фактомъ, г. Абрамовъ сталъ наводить справки относительно положенія книжной торговли въ настоящее время вообще, и онъ узналъ, что положительно всѣ книжныя торговли, несмотря на чрезвычайное возрастаніе ихъ числа, работаютъ такъ, какъ никогда еще не работали, причемъ главная работа падаетъ на требованія изъ провинціи. Провинція требуетъ массу книгъ и притомъ книгъ весьма опредѣленнаго характера—книгъ по преимуществу популярно-научныхъ. Для книгъ этого рода въ настоящее время вполнѣ обезпеченъ сбытъ, и какова бы ни была книга, она непремѣнно разойдется и очень быстро, если только читатель будетъ имѣть основаніе предполагать, что эта книга дастъ ему въ болѣе или менѣе доступной формѣ тѣ или другія знанія. Идутъ книги естественно-научнаго характера, идутъ историческія, но всего больше—популярно-философскія и популярно-соціологическія. Многіе коммерсанты-издатели, снабжавшіе до сихъ поръ рынокъ преимущественно лубочными изданіями, обратили свое вниманіе на изданіе серьезныхъ и популярныхъ научныхъ книгъ, какъ на статью весьма выгодную.

Спросъ на книгу, и притомъ на книгу такого характера, какая теперь является самымъ ходовымъ товаромъ, служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ пробужденія и усиленнаго развитія въ обществѣ высшихъ умственныхъ интересовъ. Общество ищетъ знаній, что, конечно, свидѣтельствуетъ о то[illegible], что въ немъ многое наболѣло, что оно надъ многимъ задумывается, [illegible]о оно работаетъ надъ разрѣшеніемъ многихъ вопросовъ. «Все это я[illegible] - говоритъ г. Абрамовъ въ заключеніе,—конечно, зналъ и ранѣе, такъ ка[illegible]ъ о такомъ оживленіи въ нашемъ обществѣ интересовъ къ высшимъ воп[illegible]-самъ за послѣдніе годы говорили многія явленія (укажу хотя бы только [illegible]а *десятки тысячъ* экземпляровъ «программъ чтенія для самообразовані[illegible],

изданныхъ московскою и петербургскою коммиссіями по домашнему чтенію и разошедшихся менѣе чѣмъ въ годъ). Но никогда еще это умственное оживленіе общества не представлялось мнѣ такъ ясно, никогда я не предполагалъ, что оно приняло такіе обширные размѣры, какъ это стало мнѣ яснымъ послѣ бесѣдъ съ книгопродавцами и издателями».

Стремленіе къ научному знанію начинаетъ захватывать и рабочій классъ городского населенія. Мы сейчасъ приведемъ замѣчательную корреспонденцію изъ Одессы, въ которой являются новинками какъ самый характеръ просвѣтительнаго учрежденія, такъ и составъ аудиторіи. Въ началѣ октября,—пишутъ въ *Русскія Вѣдомости*,—началось въ Одессѣ чтеніе общедоступныхъ лекцій, имѣющихъ цѣлью популяризацію въ обширныхъ слояхъ мѣстнаго населенія элементарныхъ систематическихъ знаній по различнымъ отраслямъ естественныхъ и нѣкоторыхъ изъ общественныхъ наукъ. Это симпатичное дѣло, возникшее по иниціативѣ завѣдующаго народной аудиторіей, И. Л. Руденко, приняло очень широкіе размѣры и сопровождается громаднымъ успѣхомъ. Чтобы привлечь къ слушанію лекцій ту часть населенія, для которой научное знаніе, при обычныхъ условіяхъ, является недоступною роскошью, организаторы популярныхъ курсовъ рѣшили взимать со слушателей самую незначительную плату: за разовые билеты на лекцію по одному предмету—10 коп. въ стульяхъ перваго ряда и 5 коп. въ остальныхъ рядахъ; подписная цѣна на всѣ восемь предметовъ за весь годъ—3 р. 50 к. Кромѣ того почти всѣмъ заявляющимъ о своей матеріальной несостоятельности выдаются безплатные билеты. Такимъ образомъ, предпринимая организацію популярныхъ чтеній, лекціонный комитетъ менѣе всего разсчитывалъ на то, чтобы расходы, необходимые при веденіи дѣла, могли покрываться денежными взносами самихъ слушателей. Городская дума, отнесшаяся сочувственно къ почину И. Л. Руденко, нашла возможнымъ ассигновать 1,000 р. единовременно. Многіе изъ членовъ комитета, состоящіе въ то же время преподавателями университета (проф. Бучинскій, прив.-доц. Сидоренко, Точидловскій) и нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній, не только безвозмездно читаютъ лекціи, но снабжаютъ аудиторію необходимыми при чтеніи пособіями изъ естественно-научныхъ кабинетовъ своихъ учебныхъ заведеній; многіе, также безвозмездно, принимаютъ участіе въ качествѣ лаборантовъ въ разныхъ подготовительныхъ для лекцій работахъ и т. п. Читаются слѣдующіе восемь предметовъ: русская литература (съ эпохи Петра Великаго), русская исторія, географія Россійской имперіи, анатомія съ физіологіей и гигіеной, физика, химія, геологія, политическая экономія. Аудиторія разсчитана на 1,070 мѣстъ, но ...сло слушателей часто значительно превышаетъ вмѣстимость аудиторіи и ...ушатели вынуждены занимать даже свободные проходы. Подписалось на ...ологію—304, политическую экономію—403, исторію—412, географію— ...5, химію—446, анатомію—524, физику—562, литературу—615 чело...къ. Всего билетовъ по подпискѣ выдано около 950. По общественному ...ложенію большая часть подписавшихся составляютъ *ремесленники* (592),

1*

за ними слѣдуютъ лица занимающіяся домашними дѣлами (357), лица готовящіяся къ экзаменамъ на учителя и т. п. По образовательному цензу самое значительное число слушателей—съ первоначальнымъ образованіемъ, полученнымъ въ городскихъ училищахъ (549), сельскихъ и приходскихъ училищахъ (416).

Въ Россіи въ настоящее время воскресныя школы имѣютъ до 50,000 учащихся и приблизительно—5,000 учащихъ. Въ нашихъ хроникахъ мы отмѣчаемъ открытіе новыхъ воскресныхъ школъ лишь тогда, когда оно сопровождалось какими-либо особенностями. Такія особенности имѣли мѣсто при открытіи въ Калугѣ въ концѣ прошлаго года женской воскресной школы и заключались онѣ въ необычно участливомъ отношеніи къ этому дѣлу мѣстнаго преосвѣщеннаго и начальницы женской гимназіи. Мужская воскресная школа въ Калугѣ работаетъ весьма успѣшно уже третій годъ. По почину мѣстной интеллигенціи, — какъ сообщаетъ *Калужскій Вѣстникъ*,—и главнымъ образомъ учительницъ мужской школы открыта теперь здѣсь и женская воскресная школа. При этомъ добрый примѣръ желательнаго отношенія духовенства къ народному просвѣщенію подалъ преосвѣщенный Макарій, сказавшій въ соборѣ, по поводу открытія школы, проповѣдь, въ которой призывалъ благословеніе Божіе на новое дѣло и самыхъ устроителей школы. Не менѣе необычно и прекрасное распоряженіе начальницы мѣстной гимназіи, Е. А. Сытиной, разрѣшившей ученицамъ VIII класса заниматься въ женской воскресной школѣ. Сколько хорошаго могутъ заронить такія занятія въ молодую, впечатлительную женскую душу! Въ первые же дни открытія женской воскресной школы, въ ней стали обучаться болѣе 80 дѣтей и дѣвушекъ и помѣщеніе уже оказалось тѣснымъ. Откройте еще двѣ, три и болѣе школъ въ разныхъ концахъ города,— говоритъ мѣстная газета,—и онѣ въ мѣсяцъ будутъ заполнены. Тоже полнехонька и мужская воскресная школа, гдѣ уже отказываютъ въ пріемѣ. Такой же усиленный спросъ на образованіе сказался и въ дѣлѣ недавно открытой въ Калугѣ народной читальни. Только что успѣла она открыться, какъ въ ней уже 600 подписчиковъ и не хватаетъ книгъ для чтенія, а городскому управленію Калуги, какъ и большинству, впрочемъ, городскихъ управленій, при современномъ ихъ составѣ, мало дѣла до этого несоотвѣтствія между спросомъ народа на образованіе и средствами его удовлетворенія. Городскія думы или совсѣмъ не идутъ, или идутъ весьма вяло на встрѣчу стремленію городской массы къ просвѣщенію. Въ Калугѣ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ на бумагѣ городская народная читальня и за нее получена чуть ли не Высочайшая благодарность; но въ дѣйствительности городской читальни все нѣтъ и нѣтъ, а открыта народная читальня—только не городомъ, а энергіей общества, благодаря почину дѣятельной мѣстной интеллигенціи.

Скудость средствъ рѣзко останавливаетъ наши интеллигентные кружки въ ихъ заботахъ объ устройствѣ просвѣтительныхъ учрежденій для народа. Опытъ показываетъ, что «надо только начать» энергично работать

и средства найдутся. Съ этой вѣрой въ успѣхъ дѣла общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ, принявъ пожертвованное ему зданіе бывшей барнаульской тюрьмы, отстраиваетъ это зданіе подъ помѣщеніе безплатной народно-школьной и публичной библіотекъ съ кабинетомъ для чтенія, книжнымъ складомъ, музеемъ и, кромѣ того, оно будетъ заключать въ себѣ обширный залъ для публичныхъ лекцій, народныхъ чтеній, концертовъ, спектаклей и т. п. На устройство этого зданія въ распоряженіи общества имѣется до 7,500 рублей, между тѣмъ, чтобъ отстроить его вчернѣ, потребуется капиталъ до 12,000 рублей. Общество надѣется, что сочувствующіе дѣлу люди помогутъ ему своими посильными пожертвованіями соорудить этотъ будущій «домъ народнаго просвѣщенія» въ Барнаулѣ.

Недавно вышелъ новый отчетъ о дѣятельности харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности, свидѣтельствующій объ усиленно развивающейся работѣ общества. Въ настоящее время общество это состоитъ изъ 584 членовъ и владѣетъ имуществомъ на сумму до *полутораста тысячъ* рублей. Его непосредственной инициативѣ обязана своимъ возникновеніемъ цѣлая сѣть учрежденій, съ большимъ успѣхомъ работающихъ на пользу просвѣщенія мѣстнаго края. Таковы: 4 общеобразовательныхъ ежедневныхъ школы, 3 ремесленныхъ, 7 воскресныхъ школъ, 7 безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ, 50 сельскихъ библіотекъ, 13 народныхъ аудиторій, 4 книжныхъ склада и т. п. Общество проникло своею просвѣтительною дѣятельностью и въ «міръ отверженныхъ», устроивъ во всѣхъ тюрьмахъ Харьковской губерніи библіотеки и почти во всѣхъ чтенія съ волшебнымъ фонаремъ. Кромѣ того, почетную извѣстность пріобрѣло общество также своей издательской дѣятельностью, начало которой положено имъ семь лѣтъ назадъ. За это время оно сдѣлало 43 изданія лучшихъ народныхъ книгъ. Въ настоящее время общество занято мыслью объ устройствѣ въ Харьковѣ зданія для народнаго театра. Такая широкая дѣятельность общества, какъ и слѣдовало ожидать, снискала ему живое сочувствіе со стороны органовъ мѣстнаго самоуправленія. Такъ, харьковское губернское и уѣздное земскія собранія ассигновали ему субсидію въ размѣрѣ 7,613 р. Отъ городского управленія, по примѣру прежнихъ лѣтъ, общество получило субсидію въ 4,000 р. Жертвуютъ обществу и частныя лица. Въ прошломъ году пожертвованія выражались въ такихъ цифрахъ, какъ 300, 200 и 150 руб.; было также много мелкихъ пожертвованій. Все это показываетъ, какимъ довѣріемъ и какими симпатіями пользуется харьковское общество распространенія въ народѣ просвѣщенія.

Рядомъ съ школами, библіотеками, народными чтеніями, книжными складами расширяется также дѣло устройства интеллигентными кружками здоровыхъ развлеченій для народа. Извѣстно, какъ хорошо устроены они подъ Петербургомъ, за Невской заставой. Возникшее на дняхъ въ Иваново-Вознесенскѣ «Общество для устройства народныхъ развлеченій» имѣ-

етъ въ виду дать имъ такую же организацію, какая осуществлена Невскимъ обществомъ. Оно будетъ устраивать для взрослыхъ рабочихъ народныя гулянья, спектакли, чтенія, библіотеки, а для дѣтей — игры, елки и т. п. Потребность устройства въ Ивановѣ-Вознесенскѣ облагораживающихъ развлеченій для народа весьма велика, такъ какъ по послѣдней переписи въ этомъ городѣ оказалось 54 тысячи жителей, изъ которыхъ около 30 тыс. составляютъ взрослые рабочіе. Еще до утвержденія устава, лица, сочувствующія цѣлямъ возникшаго общества, вошли въ соглашеніе съ антрепренеромъ мѣстнаго театра, который въ теченіе истекшаго лѣта далъ 15 удешевленныхъ утреннихъ спектаклей съ платою отъ 5 до 50 коп. за мѣсто. На этихъ спектакляхъ перебывало 7,000 человѣкъ, изъ которыхъ большинство были рабочіе. Ставились главнымъ образомъ пьесы Гоголя и Островскаго: «Женитьба», «Свои люди—сочтемся», «Гроза» и т. п. На 3-хъ спектакляхъ игралъ оркестръ, организованный изъ однихъ рабочихъ.

Прошелъ только годъ, какъ дѣйствуетъ въ Черниговѣ общество исправительныхъ колоній для несовершеннолѣтнихъ, а результаты постановки дѣла,—какъ это видно изъ сообщеній газеты *Жизнь и Искусство,*—уже значительны. Для земледѣльческо-ремесленной исправительной колоніи былъ пріобрѣтенъ обществомъ участокъ земли въ 164 десятины съ прекраснымъ лѣсомъ на р. Бѣлоусѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Чернигова. Въ колонію принимаются дѣти отъ 10 до 16 лѣтъ, по судебнымъ приговорамъ, впредь до исправленія, или состоящіе подъ слѣдствіемъ, а также по желанію родителей (за плату). Зданіе колоніи деревянное, заново выстроенное, стоитъ на возвышенномъ берегу рѣки. Комнаты высокія, просторныя, съ большими окнами, дающими много свѣта и лишенными аттрибутовъ тюрьмы— рѣшетокъ. Вблизи зданія лѣсъ и засѣянныя поля и огороды (работа колонистовъ). Мѣстность слегка гористая, очень здоровая. Мальчиковъ въ колоніи теперь числится 19 человѣкъ, изъ которыхъ 2 подъ слѣдствіемъ, а остальные приговорены по суду. По возрасту, они отъ 12 до 16 лѣтъ. Всѣ одѣты весьма прилично и чисто, имѣютъ здоровый, бодрый видъ. Раздѣлены они на четыре партіи, изъ которыхъ каждая живетъ въ особой комнатѣ, представляющей отдѣльную мастерскую. Мастерства же, нынѣ преподаваемыя въ колоніи: столярное, токарное, слесарное и сапожное. Со временемъ надѣются ввести и другія. Работы маленькихъ колонистовъ отличаются прочностью, изяществомъ и необыкновенной дешевизною (такъ, наприм., отличный умывальникъ изъ цѣльнаго дубоваго дерева — 6 руб.). Окрестные крестьяне охотно обращаются въ сапожное отдѣленіе, а изъ города большой спросъ на издѣлія столярныя. Изъ заработанной платы одна треть идетъ на улучшеніе пищи воспитанниковъ, другая—на содержаніе колоніи, а остальная въ сумму собственныхъ денегъ каждаго воспитанника, выдаваемыхъ ему при выпускѣ изъ колоніи. При выпус воспитанникъ получаетъ неформенное платье, денежное пособіе и свид тельство о позианіяхъ своихъ и поведеніи за время пребыванія въ зар деніи. Чрезвычайно важно слѣдующее обстоятельство. Выпущенные и.

колоніи пользуются содѣйствіемъ директора и членовъ правленія общества въ пріисканіи занятій и могутъ, въ случаѣ какого-либо несчастья или нужды, обращаться въ колонію за помощью, причемъ могутъ быть помѣщаемы въ колоніи временно или до пріисканія занятій. Наиболѣе же способныхъ пансіонеровъ, по отбытіи ими срока пребыванія въ колоніи, общество намѣрено на свой счетъ отправлять для дальнѣйшаго образованія въ земледѣльческія и техническія училища.

Въ текущемъ году возобновило свою дѣятельность отдѣленіе земледѣлія Кіевскаго общества сельскаго хозяйства и главное свое вниманіе направило на мѣры къ поднятію крестьянскаго земледѣлія въ юго-западномъ краѣ. Въ ряду мѣръ, посильныхъ обществу, наиболѣе цѣлесообразнымъ дѣломъ оно считаетъ организацію опытныхъ станцій, опытныхъ полей и агрономическихъ лабораторій. Общество не безъ основанія полагаетъ, что параллельная организація небольшихъ опытныхъ показательныхъ полей во владѣльческихъ хозяйствахъ, дѣйствующихъ по однимъ методамъ, послужитъ для крестьянъ наглядным доказательствомъ выгодности примѣненія тѣхъ или другихъ улучшенныхъ пріемовъ обработки. Исходя изъ этого убѣжденія, отдѣленіе общества уже приступило къ разработкѣ вопроса и учрежденію сѣти показательныхъ полей въ юго-западномъ краѣ для крестьянскаго населенія. Кіевское общество надѣется, что сельскіе хозяева и ихъ управляющіе не останутся совершенно безучастны къ цѣлямъ общества и не откажутся оказать ему небольшое содѣйствіе. Общество надѣется найти и такихъ землевладѣльцевъ, которые согласятся сами завести съ предстоящей весны показательныя поля, хотя бы на площади одной десятины, привлекая крестьянъ къ наблюденіямъ за опытами и сообщая результаты, полученные въ другихъ мѣстахъ отъ тѣхъ же опытовъ. Далѣе общество имѣетъ въ виду помогать крестьянамъ въ полученіи кредита на покупку усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ улучшенныхъ сортовъ хлѣбныхъ злаковъ и травъ. Оно полагаетъ, что ему не откажутъ въ ходатайствахъ объ открытіи крестьянамъ такого меліоративнаго кредита. Общество, какъ сообщаетъ газета *Волынь*, обратилось уже къ землевладѣльцамъ юго-западнаго края съ своей программой, въ надеждѣ вызвать отклики тѣхъ лицъ, для которыхъ дѣло учрежденія показательныхъ полей—возможное и желательное.

Дѣломъ организаціи опытныхъ полей въ интересахъ крестьянскаго хозяйства занялось и полтавское общество сельскаго хозяйства. Въ рефератѣ по этому предмету, представленномъ членомъ общества г. Василенко, указывалось, что существующія опытныя поля служатъ по преимуществу крупному и среднему землевладѣнію, крестьянскимъ же хозяйствамъ они приносятъ мало пользы. Только демонстративное поясненіе полученныхъ опытными полями результатовъ можетъ популяризовать эти результаты среди крестьянъ. А такая популяризація, по справедливому утвержденію референта, является прямой обязанностью нашей агрономіи, которая, къ сожалѣнію, имѣетъ больше въ виду интересы крупнаго, чѣмъ мелкаго хо-

зяйства. Референтъ настаиваетъ на томъ, что такой недостатокъ агрономіи долженъ исправляться, и что въ частности для Полтавской губерніи настало и время, и возможность такого агрономическаго покаянія. Необходимо при полтавскомъ опытномъ полѣ и при сельско-хозяйственныхъ сельскихъ школахъ, имѣющихся въ губерніи, устроить показательныя крестьянскія хозяйства, которыя находились бы подъ руководствомъ и наблюденіемъ агрономовъ. Полтавское сельско-хозяйственное общество отнеслось сочувственно къ положеніямъ доклада и избрало особую коммиссію, которой поручило всестороннее обсужденіе дѣла организаціи опытныхъ полей, имѣющихъ своей задачей распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній среди крестьянъ-земледѣльцевъ

За послѣднее время болѣе и болѣе входитъ въ практику не ограничиваться при обсужденіи нуждъ страны силами и знаніями одной бюрократіи, а привлекать къ такому дѣлу и компетентныхъ людей изъ общественной среды. *Нижегородскій Листокъ* справедливо полагаетъ, что одна изъ важныхъ нуждъ страны—улучшеніе судоходства на Волгѣ—настоятельно требуетъ такого обсужденія, въ которомъ было бы отведено широкое участіе независимому общественному элементу. «Идея волжскаго съѣзда,—говоритъ газета,—конечно, далеко не нова. На практикѣ она получила уже осуществленіе,—правда, только частное,—въ съѣздахъ дѣятелей по воднымъ путямъ, устраивающихся въ послѣднее время, по инціативѣ министерства путей сообщенія. Однако, эти съѣзды далеко не могутъ удовлетворить назрѣвшимъ потребностямъ волжскаго судоходства. Они носятъ слишкомъ формальный бюрократическій характеръ, программа ихъ очень узка и болѣе касается техническихъ вопросовъ, привлекаютъ они сравнительно небольшое количество заинтересованныхъ лицъ и популярностью въ мірѣ пароходовладѣльцевъ не пользуются. Очевидно, такая форма съѣздовъ не можетъ быть признана цѣлесообразной. Говоря о волжскомъ съѣздѣ, мы имѣли въ виду не эту форму. Въ съѣздѣ волжскихъ дѣятелей должны принять участіе лица, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ волжскому судоходству, теоретически или практически знающіе его, люди опыта и знанія, тѣсно связанные съ жизнью нашихъ водныхъ путей. Главнымъ элементомъ съѣзда должны быть пароходовладѣльцы, ихъ агенты, капитаны,—словомъ, весь тотъ практическій міръ, который держитъ на своихъ плечахъ всю судопромышленность. Но съѣздъ долженъ быть всестороннимъ, поэтому существеннымъ его элементомъ должны явиться также представители министерства путей сообщенія, техники и инженеры. Въ общественномъ сознаніи польза о необходимости съѣздовъ, какъ формы для работы коллективной мысли, давно уже признана. Намъ нечего говорить о томъ значеніи, какое можетъ имѣть волжскій съѣздъ, разъ только его дѣятельность не будетъ поставлена въ узкія рамки. На первомъ планѣ въ работахъ съѣзда должно стоять выясненіе всѣхъ причинъ, условій и обстоятельствъ, создающихъ на Волгѣ тревожное положеніе вещей. Вопросы о причинахъ мелководья, обѣднѣнія Волги водою, объ административномъ

устройствѣ управленія, о правилахъ судоходнаго надзора, о пароходныхъ командахъ и чинахъ надзора — все это требуетъ самаго всесторонняго, тщательнаго обсужденія, которое можетъ быть достигнуто только при условіи полной свободы преній и независимости членовъ съѣзда отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній и внушеній. Эта независимость съѣзда можетъ быть достигнута только при томъ условіи, когда къ участію въ трудахъ съѣзда будутъ допущены всѣ желающіе, безъ всякаго подраздѣленія на категоріи, какъ это имѣло мѣсто на торгово-промышленномъ съѣздѣ, и безъ всякаго ограниченія. Министерство путей сообщенія до сихъ поръ никогда не отказывалось прислушиваться къ голосу пароходовладѣльцевъ. Но факты подобнаго рода имѣли, во всякомъ случаѣ, характеръ случайный. Снабдивъ Казанскій округъ путей сообщенія извѣстными полномочіями, министерство тѣмъ самымъ показало, что этотъ голосъ въ его глазахъ имѣетъ извѣстную цѣну и достоинъ вниманія. Въ силу этого организація съѣзда волжскихъ дѣятелей, повидимому, не должна встрѣтить препятствій, такъ какъ для министерства такъ же необходимо установить истину во всѣхъ волжскихъ недоразумѣніяхъ, какъ необходимо это пароходному и судоходному міру. Убытки же, которые несетъ страна отъ обмелѣнія Волги, такъ громадны, что съ этимъ дѣломъ медлить не приходится и улучшить судоходство на Волгѣ надо безусловно, чего бы это ни стоило.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Движеніе нашего законодательства. Вопросы народнаго образованія. Дѣятельност Новоузенскаго земства. Всеподданнѣйшій докладъ г. министра финансовъ. Полезное начинаніе Сапожковскаго земства.

Минувшій годъ принесъ неурожай въ значительной части Россіи и нѣсколько плодотворныхъ законодательныхъ мѣръ. На первое мѣсто въ ряду этихъ мѣръ слѣдуетъ поставить распространеніе на Сибирь Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, хотя и безъ суда присяжныхъ и съ нѣкоторыми другими отступленіями отъ основныхъ началъ этихъ знаменитыхъ и благодѣтельныхъ уставовъ. Есть надежда, что въ недалекомъ будущемъ Сибирь получитъ одинаковый судъ съ остальною Имперіей. Добрымъ признакомъ въ этомъ отношеніи можно считать статью г. Громова, напечатанную въ декабрьской книжкѣ *Журнала Министерства Юстиціи*. Авторъ находитъ возможнымъ нынѣ же ввести судъ присяжныхъ въ Томскую губернію. «Губернія эта,—говоритъ г. Громовъ,—несомнѣнно находится въ особо благопріятныхъ условіяхъ относительно возможности введенія этой настоятельной и благотворной реформы: югъ ея (Алтайскій округъ) совершенно свободенъ отъ ссылки, а въ сѣверныхъ округахъ, благодаря рельсовому пути, наплыву переселенцевъ и фактическому прекращенію ссылки на поселеніе, вполнѣ всегда возможно теперь безъ затрудненія образовать необходимый для засѣданія составъ присяжныхъ, тѣмъ болѣе, что открывать засѣданія внѣ окружныхъ городовъ и большихъ поселеній для новаго окружнаго суда врядъ ли будетъ возможно».

Въ Томской губерніи сосредоточивается почти третья часть населенія Сибири, и г. Громовъ выражаетъ надежду, что она получитъ «лучшую форму праваго и скораго суда, внесеннаго въ русскую жизнь реформами Императора Александра». Привѣтствуемъ эти слова потому въ особенности, ч напечатаны они въ органѣ министерства юстиціи.

Есть и другая утѣшительная надежда: въ правительственныхъ сфера разработывается вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій на окраина Имперіи. Необходимость уравненія въ этомъ отношеніи давно чувствуе и нѣкоторыя правительственныя мѣры свидѣтельствуютъ объ измѣне

нашей внутренней политики въ такомъ именно духѣ. Къ подобнымъ мѣрамъ относится отмѣна особаго процентнаго сбора съ польскихъ землевладѣльцевъ, разрѣшеніе на постановку въ Варшавѣ памятника Мицкевичу и т. д.

Нѣсколько улучшена въ прошломъ году паспортная система и подвинулось впередъ фабричное законодательство, регулирующее рабочій день. О преобразованіяхъ въ нашемъ денежномъ обращеніи *Русская Мысль* говорила своевременно.

Въ самомъ концѣ прошлаго года умеръ министръ народнаго просвѣщенія, графъ Деляновъ, смѣнившій барона Николаи и занимавшій этотъ высокій постъ все царствованіе императора Александра III. Самою крупною мѣрой за время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія графомъ Деляновымъ было введеніе въ 1884 году новаго университетскаго устава. Опытъ вполнѣ убѣдительно показалъ уже необходимость возвращенія къ основнымъ началамъ устава 1863 года. И государственные экзамены, и система профессорскаго гонорара, и приватъ-доцентура передѣлывались жизнью или оказывались явно несостоятельными. Замѣна избранія профессоровъ ихъ назначеніемъ также фактически переходила въ прежній порядокъ вещей и во всякомъ случаѣ не содѣйствовала возвышенію уровня университетскихъ преподавателей.

Особое вниманіе Императора Николая II къ начальной народной школѣ неоднократно отмѣчалось нашей печатью. И конецъ года принесъ въ этомъ отношеніи новое утѣшительное извѣстіе: смоленскому губернскому земскому собранію, въ декабрьскую сессію, было доложено, что на всеподданнѣйшемъ докладѣ смоленскаго губернатора, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о развитіи народнаго образованія и мѣропріятіяхъ въ этой области восьми земствъ Смоленской губерніи (устройство 30 новыхъ школъ, открытіе библіотекъ и читаленъ, организація фонда на постройку школъ, открытіе временныхъ педагогическихъ курсовъ и т. д.), Государь Императоръ соизволилъ собственноручно сдѣлать слѣдующую замѣтку:

«*Весьма похвальная дѣятельность земства*».

Такія Высочайшія отмѣтки не могутъ не дѣйствовать ободряющимъ образомъ на земство и вмѣстѣ съ тѣмъ поощряютъ дѣятельность администраціи согласованную съ земскою. И случаи такой дружной заботы о народномъ просвѣщеніи, къ счастію, множатся. Вятскій, напримѣръ, губернаторъ въ рѣчи передъ открытіемъ губернскаго земскаго собранія призналъ народное образованіе главнѣйшею и неотложною потребностью населенія. «Заботами по народному образованію,—сказалъ начальникъ губерніи,—губернское со-
ѣаніе минувшаго трехлѣтія оставило по себѣ слѣды неизгладимые, воздвигло себѣ памятникъ, къ которому тропа уже не заростетъ; по этому пути остается только идти дальше и дальше, воздвигать новые памятники, помня, что въ народномъ просвѣщеніи—благосостояніе и будущность нашей родины. Останавливаться на встрѣчаемыхъ препятствіяхъ нельзя, нужно ихъ преодолѣвать, потому что малѣйшая остановка равносильна шагу на-

задъ; при этомъ каждая копейка, внесенная на великое дѣло образованія и воспитанія юношества, возвратится сторицею, такъ что даже простой экономическій разсчетъ побуждаетъ затратить эту копейку. Вашему разсмотрѣнію будетъ предложенъ, между прочимъ, докладъ объ устройствѣ общежития при земскомъ реальномъ училищѣ. Позвольте надѣяться, что вы сочувственно отнесетесь къ давно назрѣвшей потребности улучшить незавидную жизнь внѣ учебнаго заведенія его воспитанниковъ, дѣтей земскихъ плательщиковъ и будущихъ работниковъ въ дѣлѣ умственнаго просвѣщенія своихъ собратій» *).

Въ харьковское губернское земское собраніе гласнымъ И. И. Ковалевскимъ былъ представленъ обстоятельный докладъ, убѣждавшій собраніе принять энергическія мѣры для быстраго развитія народнаго образованія. Послѣ продолжительныхъ преній, собраніе постановило назначить 200,000 р. изъ губернскаго земскаго сбора на потребности народнаго образованія. Сумма эта, главнымъ образомъ, пойдетъ на устройство школьныхъ зданій, по возможности недорогого типа. Ближайшій надзоръ за школами и ихъ постройкой остается за уѣздными управами. Въ дальнѣйшемъ на постройку новыхъ школъ будетъ употреблена сумма изъ остатка, могущаго образоваться изъ ассигнованныхъ на этотъ предметъ 200,000 руб. Предположено общимъ собраніемъ соорудить всего въ Харьковской губерніи 800 школъ, изъ числа которыхъ 400 на средства земства, въ теченіе 5 — 7 лѣтъ ассигнуя для этой цѣли по 200,000 руб., а остальныя 400—на средства другихъ источниковъ, о чемъ необходимо теперь же возбудить соотвѣтствующее ходатайство.

Постановленіе губернскаго земства вызвало горячее сочувствіе мѣстнаго общества и ужаснуло *Московскія Вѣдомости*. Въ самомъ дѣлѣ, куда мы идемъ? Вѣдь если всѣ земства станутъ дѣйствовать столь же энергично, то въ началѣ будущаго вѣка русскій народъ и впрямь станетъ просвѣщеннымъ. До сихъ поръ даже въ Европейской Россіи распоряжаются языческіе боги. Въ вятскомъ губернскомъ земскомъ собраніи депутатъ духовнаго вѣдомства приводилъ поразительные факты. Въ одномъ Уржумскомъ уѣздѣ въ жертву богамъ въ 1896 году было принесено 167 головъ скота. Былъ случай, что черемисы во исполненіе воли божества, собрали триста рублей, купили лошадь и принесли ее въ жертву. А вотъ что пишутъ въ *Саратовскій Дневникъ* изъ Харьковскаго уѣзда: «Въ д. Гурьевскомъ-Козачкѣ раскольники-безпоповцы не допускаютъ врача дѣлать антидифтеритныя прививки, называя ихъ антихристовою печатью, и пр. Въ настоящее время эпидемія дифтерита свирѣпствуетъ въ Гурьевскомъ-Козачкѣ и процентъ смертности между раскольниками великъ, тѣмъ не менѣе они упорствуютъ и не желаютъ пользоваться общепризнаннымъ благодѣтельнымъ средствомъ; даже противуоспенныхъ прививокъ раскольники не позволяютъ дѣлать своимъ дѣтямъ, почему между ними очень много рябыхъ. Въ послѣднее толы

---

*) *Вятская Газета*, № 37.

время рѣдкіе изъ нихъ стали зазывать фельдшера и просить привить оспу дѣтямъ, но такъ, чтобы сосѣдъ не узналъ объ этомъ» *).

Когда передъ воображеніемъ и соображеніемъ проходитъ печальная вереница подобныхъ фактовъ, то невольно подымается негодованіе къ тѣмъ публицистамъ, которые назойливо доказываютъ безплодность и немощь народной земской школы. Лицемѣріе твердитъ о добрыхъ нравахъ, какъ будто они могутъ процвѣтать въ темномъ царствѣ. Иногда, впрочемъ, сторонники *всемірнаго невѣжества* и проговариваются. Такъ *Московскія Вѣдомости* недавно привели превосходныя слова изъ статьи *Церковныхъ Вѣдомостей*, опровергающія теорію народнаго необразованія свящ. Фуделя и нѣкоторыхъ другихъ педагоговъ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести выдержку изъ *Церковныхъ Вѣдомостей*: «Отцы и учители церкви, — говоритъ газета,—сами, большею частью, получили лучшее по своему времени образованіе въ языческихъ школахъ. Жажда познаній, стремленіе къ возможно болѣе полному образованію заставили многихъ изъ нихъ пройти даже не одну школу, а нѣсколько, въ различныхъ мѣстахъ имперіи».

«По словамъ Климента Александрійскаго, читаемъ мы далѣе, только путемъ научнаго образованія пріобрѣтается та сила ума, та способность его «вырваться изъ-подъ власти внѣшнихъ чувствъ», при которой только и возможно правильное постиженіе христіанскаго ученія. Вѣрующимъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть и человѣкъ неученый, но «разумѣть излагаемое вѣрой» такой человѣкъ не можетъ, потому что «здравое ученіе принимать, а дурное отвергать—можетъ не простая вѣра, а та лишь, которая опирается на науку».

Намъ доставлены интересныя свѣдѣнія о ходатайствахъ по народному образованію, возбужденныхъ въ послѣднюю сессію новоузенскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ (Самарской губерніи). Земство проситъ открыть въ городѣ Новоузенскѣ реальное училище. Теперь приходится посылать дѣтей учиться за нѣсколько сотъ верстъ. Нечего и говорить, что это дорого и неудобно и что отрывать дѣтей отъ семьи вредно. Земство предлагаетъ значительную денежную поддержку проектируемому реальному училищу. Проситъ новоузенское земство и объ открытіи въ селѣ Ровномъ учительской семинаріи. Въ ней также неотложная потребность: нынѣшній составъ преподаваній въ 39 русско-нѣмецкихъ и 98 нѣмецкихъ церковно-приходскихъ школахъ въ высшей степени неудовлетворителенъ. Вслѣдствіе этого нѣмецкое населеніе уклоняется отъ русскихъ школъ и знаніе русскаго языка мало распространяется.

Новоузенскій уѣздъ—чисто земледѣльческій, но прежняго приволья уже нѣ ъ. Съ увеличеніемъ населенія необходимо улучшать культуру, а сельскохс йственныхъ знаній нѣтъ. Земство ходатайствуетъ поэтому объ учрежде и сельско-хозяйственнаго съ ремеслами училища перваго разряда. На-

*) *Саратовскій Дневникъ*, 20 декабря.

селеніе тѣмъ болѣе нуждается въ поддержкѣ, что съ проведеніемъ желѣзной дороги оно лишилось важнаго подсобнаго промысла—извоза.

Управа отмѣтила весьма поучительный и отрадный фактъ: сельскія общества усиленно просятъ объ открытіи школъ съ болѣе широкою программою. Земство рѣшилось пойти на встрѣчу этой сознательной потребности и ходатайствуетъ объ открытіи въ уѣздѣ пяти двухклассныхъ министерскихъ училищъ *).

Просвѣтительная дѣятельность новоузенскаго земства вызываетъ горячее сочувствіе. При каждой земской школѣ уѣзда, кромѣ учебныхъ пособій, имѣется маленькая библіотека (въ 50 р.). Земство кромѣ того открыло въ болѣе населенныхъ мѣстахъ 18 библіотекъ, по 250 р., шесть изъ нихъ обезпечено вѣчнымъ вкладомъ, проценты съ котораго идутъ на содержаніе и пополненіе читаленъ, а двѣнадцати остальнымъ выдается ежегодно пособіе по 25 руб. При управѣ существуетъ публичная библіотека-читальня. Первый учитель въ школахъ новоузенскаго земства получаетъ 300 рублей, второй—250. Черезъ каждыя пять лѣтъ и тотъ, и другой получаютъ по 50 руб. прибавки, покуда жалованье не достигнетъ 500 руб. (кромѣ того 50 р. квартирныхъ тамъ, гдѣ нѣтъ безплатнаго помѣщенія). Для дѣтей учителей, фельдшеровъ и другихъ земскихъ служащихъ учреждаются стипендіи (ихъ теперь 53). Педагогическіе курсы и командировки учителей въ сельско-хозяйственныя училища дополняютъ заботы земства о народномъ образованіи.

Новоузенское земство серьезно думаетъ о всеобщемъ обученіи. Всѣхъ селъ и деревень въ уѣздѣ 236 (русскихъ 139, нѣмецкихъ—92, татарскихъ—5). Безъ школъ остаются 66 русскихъ (маленькихъ) селъ и 53 съ нѣмецкимъ населеніемъ. Дешевыхъ школъ земство, какъ извѣстно, не имѣетъ право открывать. «Въ виду этого собраніе, соглашаясь съ заключеніемъ управы, постановило отпускать на первое время 1,000 рублей въ распоряженіе епархіальнаго отдѣленія съ тѣмъ, чтобы на эти средства были открыты въ маленькихъ поселкахъ новыя школы грамоты, затѣмъ поручило управѣ войти въ соглашеніе съ епархіальнымъ отдѣленіемъ и совмѣстно съ нимъ составить сѣть, гдѣ таковыя школы еще должны быть открыты, и затѣмъ доложить будущему земскому собранію. Въ виду же того, что на приведеніе всеобщаго образованія потребуются большія суммы и что всѣ предметы земскаго обложенія уже сильно отягчены, то собраніе постановило ходатайствовать предъ правительствомъ объ освобожденіи земства отъ обязательныхъ расходовъ, какъ выдача квартирныхъ денегъ полиціи, судебнымъ слѣдователямъ, содержаніе арестныхъ домовъ и проч., и затѣмъ ходатайствовать о возвратѣ получаемыхъ обществами Новоузенскаго уѣзда суммъ за разрѣшеніе торговли виномъ до перехода этой монополіи въ казну, каковыхъ суммъ получалось до 180,000 р. въ годъ

*) Въ уѣздѣ считается 131 земское училище, церковно-приходскихъ русскихъ 89, церковно-приходскихъ нѣмецкихъ—98, татарскихъ—17, всего 334.

уѣзду, съ тѣмъ, что если эти ходатайства будутъ уважены, то всѣ эти суммы употребить на дѣло народнаго образованія».

Будемъ надѣяться, что наступившій годъ принесетъ удовлетвореніе всѣмъ ходатайствамъ новоузенскаго земства.

Появился въ печати всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ на 1898 годъ. Обыкновенные доходы ожидаются въ слѣдующихъ суммахъ:

	Рубли.
Прямые налоги	100.577,816
Косвенные налоги	543.469,200
Пошлины	70.210,674
Правительственныя регаліи	133.990,100
Казенные имущества и капиталы	370.127,108
Отчужденіе государств. имуществъ	593,339
Выкупные платежи	80.558,300
Возмѣщеніе расходовъ государств. казначейства	59.768,227
Доходы разнаго рода	5.163,453
Итого обыкновенныхъ доходовъ	1.364.458,217

II. *Чрезвычайные рессурсы.*

Вклады въ государственный банкъ на вѣчное время	3.300,000
	1.367.758,217
Изъ свободной наличности государственнаго казначейства	106.291,709
Всего	1.474.049,923

Государственные расходы опредѣляются г. министромъ финансовъ въ такихъ цифрахъ:

I. *Обыкновенные расходы.*

	Расходы назначенные на 1898 годъ. Рубли.
Платежи по государственному долгу	272.092,732
Высшія государственныя учрежденія	2.613,842
Вѣдомство святѣйшаго синода	20.374,941
Министерство Императорскаго Двора	12.597,492
Министерство иностранныхъ дѣлъ	4.802,176
Военное министерство	288.808,664
Морское министерство	67.050,000
Министерство финансовъ	211.188,038
» земледѣлія и государ. имуществъ	35.737,983
» внутреннихъ дѣлъ	80.175,211
» народнаго просвѣщенія	26.440,843
» путей сообщенія	264.677,232

Министерство юстиціи	42.733,274
Государственный контроль	7.178,935
Главное управленіе государ. коннозаводства.	1.614,850
	1.338.085,213
Расходы, предусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности	12.000,000
Итого обыкновенныхъ расходовъ	1.350.085,213
Превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами—14.373,004 р.	

II. *Чрезвычайные расходы.*

На сооруженіе Сибирской желѣзной дороги, безъ подвижного состава	34.447,020
На вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкою Сибирской желѣзной дороги	3.718,363
На сооруженіе другихъ желѣзныхъ дорогъ общаго значенія	13.565,182
На сооруженіе мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ и подъѣздныхъ путей	10.000,000
На пріобрѣтеніе подвижного состава для Сибирской желѣзной дороги и увеличеніе подвижного состава другихъ дорогъ	49.234,145
На вознагражденіе частныхъ лицъ и учрежденій за отмѣну принадлежавшаго имъ права пропинаціи	10.000,000
Итого чрезвычайн. расходовъ	123.964,710
Всего	1.474.049,923

Г. министръ финансовъ признаетъ урожай прошлаго года неудовлетворительнымъ. Указывая на связь финансовой политики со всѣми мѣропріятіями, развивающими благосостояніе въ странѣ, всеподданнѣйшій отчетъ видитъ главную опору экономическаго и финансоваго преуспѣянія Россіи въ миролюбивой и справедливой политикѣ ея государей. «Истинное миролюбіе Вашего Императорскаго Величества,—говоритъ статсъ-секретарь С. Ю. Витте,—порукою тому, что внѣшняя политика Россіи будетъ и впредь чужда агрессивныхъ стремленій по отношенію къ иностраннымъ государствамъ, на благо нашей родины, и что въ этой области экономическому и финансовому положенію не угрожаютъ никакія опасности».

Мѣры, принятыя съ 1895 года для водворенія въ обращеніи золотой монеты, продолжались и въ истекшемъ году. «Имперіальной и полуимперіальной монеты начеканено на 305 милл. руб., новой пятирублевой монеты—на 23 милл. руб. Общее количество золотой монеты въ обращеніи достигаетъ 155 милл. руб., т.-е. въ сравненіи съ количествомъ, остававшимся въ оборотѣ въ декабрѣ 1896 г. (37,5 мил. руб.), болѣе на 117,5 милл.

Заслуживаетъ вниманія, что большая часть монеты прежняго чекана (съ надписью на имперіалѣ 10 руб., а на полуимперіалѣ 5 руб.) извлечена изъ оборота. Серебряной высокопробной монеты отчеканено въ 1897 году на 67,8 милл. руб. и выпущено на 49 милл. руб., а всего съ предыдущими выпусками на 99 милл. руб.». Кредитныхъ билетовъ остается, однако, въ обращеніи почти милліардъ рублей.

Въ росписи на 1898 годъ предполагается довольно значительное уменьшеніе питейнаго дохода (260.453,000 р., въ прошломъ году—284,900,000 р.). Доходъ отъ казенной продажи питей исчисляется 85.461,000 (въ 1897 г. онъ далъ 63.182,800). Дѣйствительное уменьшеніе питейнаго дохода опредѣлится такимъ образомъ въ два съ небольшимъ милліона и доходъ этотъ попрежнему остается главною опорой нашихъ финансовъ.

Увеличена смѣта доходовъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дор. (291.489,311 руб. вмѣсто 259.998,944 р.), но расходы по эксплуатаціи этихъ дорогъ поднялись до 188.323,951 р. и на расходы по усиленію и улучшенію желѣзныхъ дорогъ назначено почти пятьдесятъ милліоновъ. Чрезвычайные расходы на Сибирскую желѣзную дорогу достигаютъ ста милліоновъ рублей, на другіе рельсовые пути—13.565,182 р.

Среди расходовъ первое мѣсто занимаютъ военные: 288.808,664 руб. по военному министерству и 67.050,000 р. по морскому. Платежи по займамъ составляютъ 272.092,732 р. Въ сравненіи съ этими цифрами бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія по меньшей мѣрѣ скроменъ: 26.440,843 р. Въ прошломъ году израсходовано было нѣсколько менѣе (25.495,487 р.), но, принимая во вниманіе, что потребности въ образованіи непрерывно и сильно возрастаютъ, слѣдуетъ признать, что министерство народнаго просвѣщенія далеко не удовлетворяетъ этихъ потребностей. Расходы этого министерства распредѣляются такимъ образомъ:

	1898 г.	1897 г.
Центральная администрація	330,632	299,035
Управленіе учебными округами	573,416	568,648
Университеты	3.949,190	3.904,207
Гимназіи, прогимназіи, реальныя и промышленныя училища и другія среднія учебныя заведенія	9.133,664	8.884,534
Уѣздныя, городскія, приходскія, начальныя и народныя училища	4.813,077	4.460,510
Учительскіе институты, семинаріи и школы	1.229,970	1.228,407
Особыя учебныя заведенія	1.450,443	1.447,402
Пособія по ученой и учебной частямъ, приготовленіе профессоровъ и учителей	2.314,864	2.185,958
асходы строительные	1.814,799	1.721,929
асходы разнаго рода	830,788	794,857
того по министерству народнаго просвѣщенія	26.440,843	25.495,487

Намъ сообщены интересныя данныя объ одномъ начинаніи сапожковскаго земства (Рязанской губерніи) и о тѣхъ препятствіяхъ, которыя оно

неожиданно встрѣтило. Земское собраніе, въ засѣданіи 16 ноября 1895 г., выслушавъ докладъ управы объ открытіи при ней склада земледѣльческихъ орудій, назначило, въ видѣ опыта, 500 рублей на выписку, для продажи, косъ, плуговъ, топоровъ, серповъ, дешевыхъ вѣялокъ и т. п. Съ февраля 1896 года управа начала свою новую дѣятельность. Отъ Рязанскаго товарищества были выписаны плуги и многія мелкія вещи. Болѣе цѣнные предметы (жнейки, вѣялки и др.) приходилось пріобрѣтать по особымъ заказамъ въ виду незначительности ассигнованной земствомъ суммы. «Всего, — говорилось въ докладѣ управы октябрьскому земскому собранію 1896 года, — съ накладными расходами пріобрѣтено на сумму 4,009 руб. 63 коп. При этомъ почти всѣ товары куплены изъ первыхъ рукъ со скидкою отъ 5 до 20% съ цѣнъ прейскурантовъ, каковая скидка, за исключеніемъ накладныхъ расходовъ по выпискѣ орудій и устройству складовъ, и поступила всецѣло на пользу покупателей земства. Но кромѣ этой выгоды складъ земства оказалъ и другую услугу: благодаря ему, понизились цѣны на нѣкоторые желѣзные товары въ Сапожкѣ. Такъ косы, продававшіяся въ Сапожкѣ въ лавкахъ и на базарѣ по 1 р. 30 к. и по 1 р. 50 к., стали продавать по 90 к.». Спросъ такъ быстро усилился, что многихъ мелкихъ вещей не хватало.

«Продажа производилась,—говоритъ докладъ,—сначала непосредственно членами управы въ Сапожкѣ, а затѣмъ однимъ изъ служащихъ въ канцеляріи управы подъ наблюденіемъ первыхъ. Кромѣ того, высылались товары изъ управы по сельской почтѣ и были открыты частные склады у землевладѣльцевъ А. Ф. Ханыкова, Б. С. Лорадзіева и предсѣдателя управы М. П. Ремезова, изъявившихъ желаніе безвозмездно продавать крестьянамъ орудія. Привлечь къ этому дѣлу волостныя правленія не удалось. Такъ, на циркулярный запросъ ихъ въ маѣ мѣсяцѣ, не имѣется ли нужды въ пріобрѣтеніи косъ среди крестьянъ,—только одно песочинское волостное правленіе отвѣтило утвердительно и выписало 21 косу».

Управа, «признавая за собою обязанность всегда являться къ услугамъ всѣмъ плательщикамъ земскихъ налоговъ», выписывала, кромѣ машинъ и орудій, и другія хозяйственныя вещи. Въ виду удачнаго хода, доказывавшаго несомнѣнную потребность населенія, управа предлагала земскому собранію расширить операціи склада и назначить для его оборотовъ 3,000 рублей.

Земское собраніе оказалось очень осторожнымъ. Въ журналѣ засѣданія 8 октября 1896 года сказано: «Поручено управѣ выработать къ будущему собранію правила для веденія дѣла по складу земледѣльческихъ орудій, а до того времени продолжать вести это дѣло на томъ же основаніи, какъ оно велось въ текущемъ году». Ассигнованная на складъ сумма была увеличена до 1,500 р.

Изъ доклада управы слѣдующему очередному земскому собранію видно, что дѣло продолжало развиваться. Въ приходѣ деньгами, къ 7 октября 1897 г., было 9,361 руб. 92 коп., въ товарѣ—на 762 руб. 15 коп., всего 10,124 руб. 7 коп. Оставалось въ наличности 751 руб. 85 коп. и въ товарѣ 762 руб. 15 коп.

Черезъ складъ земства обыватели начали пріобрѣтать разнообразные предметы: сукно, полотно, чай и т. д. Всѣ эти товары обходились гораздо дешевле, чѣмъ при посредствѣ мѣстныхъ торговцевъ.

Земское собраніе постановило утвердить отчетъ по складу и вновь ассигновать 1,500 р. Но для дѣла возникло неожиданное препятствіе. Въ бумагѣ рязанскаго губернатора въ сапожковскую уѣздную земскую управу, отъ 3 ноября прошлаго года, сказано слѣдующее: «изъ доклада управы № 45 мною усмотрѣно, что управа дѣлала пробу покупки и продажи чрезъ земскій складъ земледѣльческихъ орудій такихъ товаровъ, какъ бобрики, сукна, полотна, чай, мыло и т. п. Между тѣмъ земскимъ учрежденіямъ, какъ видно изъ положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, предоставляется открытіе складовъ для продажи земледѣльческихъ орудій и машинъ, а также посѣвныхъ сѣмянъ, искусственныхъ удобреній и другихъ сельско-хозяйственныхъ принадлежностей, но никакъ не такихъ предметовъ, которые необходимы вообще для жизни и домашняго потребленія и никакого отношенія къ сельскому хозяйству не имѣютъ, а потому, на основаніи ст. 103 Положенія о зем. учр., предлагаю земской управѣ на будущее время дѣятельность земскаго склада земледѣльческихъ орудій ограничить покупкою и продажею лишь сельско-хозяйственныхъ принадлежностей».

Управѣ, естественно, жаль было такъ хорошо поставленнаго дѣла, и она обратилась къ г. губернатору съ разъясненіемъ. Въ немъ сказано, что начальникъ губерніи утвердилъ постановленіе предшествовавшаго собранія, которое состоялось по докладу управы о складѣ. Докладъ этотъ говорилъ, что управа считаетъ своею нравственною обязанностью приходить на помощь населенію во всѣхъ нуждахъ. Управа при этомъ беретъ на себя только посредническую роль, не взимая никакого коммиссіоннаго процента. По мнѣнію мѣстнаго податного инспектора, такая дѣятельность не подлежитъ промысловому обложенію.

Будемъ надѣяться, что вопросъ разрѣшится въ пользу сапожковскаго земства и всего мѣстнаго населенія, за исключеніемъ, конечно, перекупщиковъ-торговцевъ. Аналогичное дѣло восходило уже на разрѣшеніе правительствующаго сената. Курское губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе отмѣнило постановленіе щигровскаго уѣзднаго земскаго собранія, которымъ была разрѣшена продажа въ земскомъ аптекарскомъ магазинѣ предметовъ, не относящихся къ числу аптекарскихъ товаровъ. Разсмотрѣвъ жалобу на постановленіе присутствія, сенатъ разъяснилъ, что щигровское земство, постановивъ производить изъ состоящаго по выбираемому земскою управою свидѣтельству 2-й гильдіи земскаго аптекарскаго магазина торговлю нѣкоторыми предметами житейскаго обихода, не вышло тѣмъ изъ круга вѣдомства, предоставленнаго земскимъ учрежденіямъ и не нарушило вмѣстѣ съ тѣмъ и торговыхъ постановленій. Правительствующій сенатъ отмѣнилъ поэтому постановленіе курскаго губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія. Быть можетъ и сапожковской уѣздной управѣ придется запастись гильдейскимъ свидѣтельствомъ.

1897 годъ въ политическомъ отношеніи.

Несмотря на миролюбіе европейскихъ державъ, прошлый годъ печально ознаменовался войною. Возстаніе на островѣ Критѣ вызвало горячее сочувствіе въ Греціи и вынудило эллинское правительство напасть на Турцію. Греція оказалась плохо подготовленною къ войнѣ, да и силы были далеко неравныя. Турки быстро овладѣли Ѳессаліей и лишь телеграмма Государя Императора къ султану остановила ихъ побѣдоносное и разрушительное движеніе.

Великія державы, въ особенности наше отечество совмѣстно съ Австро Венгріей, локализировали войну. Балканскія государства, Болгарія, Сербія, Черногорія и Румынія, остались нейтральными и казавшійся близкимъ пожаръ былъ потушенъ. Но положеніе вещей на Критѣ попрежнему неудовлетворительно и обѣщанная ему державами автономія еще не введена.

Счастливая для турокъ война отразилась неблагопріятными для цивилизаціи послѣдствіями въ Индіи и въ Средней Азіи; успѣхи турокъ и пораженіе гяуровъ вызвали усиленіе мусульманскаго фанатизма.

На дальнемъ Востокѣ выдающимися событіями были занятіе германскими войсками китайскаго порта Кіао-Чау и вступленіе русскихъ военныхъ судовъ, съ согласія китайскаго правительства, на зимовку въ Портъ-Артуръ. Занявши Кіао-Чау и отправивъ къ берегамъ Китая сильныя подкрѣпленія, Германія вступила въ переговоры съ богдыханомъ и дѣло улажено мирнымъ путемъ: гавань и опредѣленная вокругъ нея полоса земли уступлены Германіи въ долгосрочную (и кажется безплатную) аренду, причемъ къ арендатору переходитъ полнота политической, административной и судебной власти.

Японія и Великобританія встревожились было, предполагали, что Китаю еще что-либо придется отдать въ аренду; но никакихъ наступательныхъ дѣйствій, никакихъ захватовъ ни со стороны англичанъ, ни со сторон японцевъ не послѣдовало.

Портъ-Артуръ—отличная гавань въ открытомъ морѣ. Къ ней примкнет желѣзная дорога, которая идетъ отъ нашей великой сибирской черезъ Манд журію. Когда она будетъ окончена, наше военное и торговое положеніе г дальнемъ Востокѣ можно будетъ считать упроченнымъ, и разногласія

Японіей по вопросу о Кореѣ или какимъ-либо инымъ не явятся уже опасными для сохраненія мира.

Тревожный годъ пережила Австро-Венгрія, ея цислейтанская половина. Національная вражда нѣмцевъ къ чехамъ приняла такіе размѣры и формы, что Европа увидѣла прискорбныя переживанія, присутствовала при событіяхъ, которыя считались невозможными послѣ XVII столѣтія. Австро-нѣмецкіе націоналисты и централисты, противъ которыхъ въ парламентѣ образовалось славяно-клерикальное большинство, рѣшили всяческими мѣрами затормазить дѣятельность рейхсрата и не дать провести ни одного закона, имѣющаго цѣлью уравненіе славянскихъ національностей съ нѣмецкою. Дѣло доходило до рукопашныхъ свалокъ въ самомъ парламентѣ, которыми нѣмцы доказывали изумленной Европѣ свое культурное превосходство. На улицахъ Вѣны начиналось возстаніе. Оно отразилось взрывомъ народныхъ страстей въ Прагѣ. Кабинетъ Бадени, къ ликованію нѣмцевъ, подалъ въ отставку. Парламентъ закрытъ, сформированіе новаго кабинета было поручено бывшему министру просвѣщенія, Гаучу.

Нѣмцы торжествуютъ побѣду, но мы ея не видимъ. Чехи вмѣстѣ съ поляками твердо стоятъ на своемъ, федералистическое движеніе въ Австро-Венгріи отнюдь не уменьшается и примирительныя стремленія Гауча имѣютъ мало шансовъ на успѣхъ. Усилія нѣмецкихъ централистовъ направлены къ тому, чтобы раздробить Богемію, выдѣлить изъ нея округа такъ, чтобы въ нихъ оказалось нѣмецкое большинство, и онѣмечить ихъ окончательно. Естественно, что чехи не идутъ на такія уступки.

Въ прошломъ году истекалъ десятилѣтній срокъ для возобновленія соглашенія между Цислейтаніей и Транслейтаніей, на которомъ покоится нынѣшній дуалистическій строй монархіи. Австрійскіе централисты надѣялись, что правительство, въ виду необходимости возобновить соглашеніе, пойдетъ на значительныя имъ уступки. Съ другой стороны, въ цислейтанской половинѣ имперіи давно растетъ неудовольствіе вслѣдствіе того, что на общегосударственные расходы Венгрія даетъ только 30%, населеніе же Цислейтаніи выплачиваетъ 70%. Надежды австро-нѣмецкихъ централистовъ не оправдались, и въ выигрышѣ оказались мадьяры: транслейтанское правительство согласилось съ цислейтанскимъ правительствомъ на продленіе соглашенія на годъ, безъ постановленія цислейтанскаго парламента. Стало быть въ наступившемъ году Венгрія будетъ попрежнему выплачивать въ имперскій бюджетъ 30%.

Въ нынѣшнемъ году исполняется полвѣка со дня вступленія на престолъ императора Франца-Іосифа. Много горькаго пришлось пережить маститому монарху. Въ началѣ царствованія — возстаніе Венгріи, революціонныя движенія въ Вѣнѣ, Прагѣ; потомъ несчастная война съ Франціей и Пьемонтомъ, причемъ потеряна Ломбардія. Затѣмъ, въ 1866 г., война съ Пруссіей и Италіей, изгнаніе изъ Германскаго Союза и уступка, черезъ Наполеона III, Венеціи побѣжденной Италіи. Этотъ годъ былъ годомъ обновленія для Габсбургской монархіи, созданія государственнаго дуализма и начала

парламентскаго правленія. Монархія вернула себѣ вліятельное и почетное міровое положеніе, въ царствованіе Императора Николая II вступила въ дружественное соглашеніе съ нашимъ отечествомъ, что обезпечиваетъ Европу отъ войны изъ-за восточнаго (балканскаго) вопроса. Но эти успѣхи совершенно омрачаются тою страстною ненавистью, которая разъединяетъ теперь славянское и нѣмецкое населеніе Цислейтаніи.

Въ политической жизни Германіи за прошлый годъ слѣдуетъ отмѣтить попытку правительства ограничить въ Пруссіи свободу собраній и союзовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-деръ-Реке, представилъ въ этомъ духѣ законопроектъ въ прусскую палату. Большинство въ ней, благодаря устарѣлой избирательной системѣ, состоитъ изъ консерваторовъ, почему правительство и могло разсчитывать на успѣхъ предложенной имъ мѣры. Общественное мнѣніе всей Германіи было сильно встревожено. Въ печати, въ разныхъ собраніяхъ начались энергическіе протесты, и въ концѣ-концовъ палата отвергнула правительственный законопроектъ.

Какъ уступку парламенту и общественному мнѣнію, должно признать согласіе правительства на введеніе устности и гласности въ военныхъ судахъ. Но паденіе министровъ Беттихера и Маршаля свидѣтельствуетъ о силѣ реакціонныхъ вліяній и придворныхъ интригъ.

Столкновеніе Германіи съ Гаити и избіеніе нѣмецкихъ миссіонеровъ китайскими язычниками, повлекшее за собою занятіе Кіао-Чау, были на руку сторонникамъ правительственнаго проекта сильнаго увеличенія флота. Въ мартѣ парламентъ отклонилъ это предложеніе. Морской министръ долженъ былъ вслѣдствіе этого выйти въ отставку, но императоръ Вильгельмъ принимаетъ вопросъ горячо къ сердцу и рѣшилъ настаивать на своемъ. Управляющимъ морскимъ министерствомъ назначенъ адмиралъ Тирпицъ, немедлено прозванный *Роономъ флота*, предложившій разсчитанные на семь лѣтъ расходы по усиленію флота. Морской септеннатъ вызвалъ горячія и обстоятельныя возраженія. Центръ занялъ однако весьма двусмысленное положеніе, а его присоединеніе къ реакціоннымъ и консервативнымъ группамъ рейхстага поведетъ къ образованію большинства въ пользу правительственнаго законопроекта. Сессія парламента, прерванная праздниками, должна принести рѣшеніе вопроса.

Императоръ Вильгельмъ, разставаясь въ Килѣ съ своимъ братомъ, принцемъ Генрихомъ, которому ввѣрено командованіе нѣмецкимъ флотомъ въ китайскихъ водахъ, произнесъ очень воинственный тостъ, прославляя *броненосный кулакъ* Германской имперіи. Принцъ Генрихъ отвѣтилъ, что будетъ усердно проповѣдовать *евангеліе его величества*. Эти баталическія заявленія были смягчены въ Грауденцѣ отвѣтомъ императора на рѣчь городского головы: Вильгельмъ II съ удареніемъ говорилъ о дружественныхъ отношеніяхъ съ правительствомъ нашего отечества.

Противъ прусскаго милитаризма и централизаторскихъ стремленій въ Германіи происходило довольно значительное движеніе, въ особенности въ Баваріи. Въ Вюртембергѣ проведена правительствомъ избирательная реформа,

вводящая въ нижнюю палату исключительно выборное начало и, впервые въ Германіи, пропорціональное представительство. Здѣсь принятъ также въ законодательномъ порядкѣ прогрессивный подоходный налогъ (до 6% съ наиболѣе значительныхъ доходовъ).

Для Великобританіи прошлый годъ, несмотря на блестящее чествованіе метрополіею и колоніями шестидесятилѣтняго юбилея царствованія королевы Викторіи, былъ тяжелымъ. Принять участіе въ юбилеѣ отказались ирландскіе націоналисты, которымъ столь продолжительное царствованіе не принесло почти ничего добраго. Индію постигнули голодъ и чума, на сѣверѣ возстали пограничныя племена. Въ Египтѣ, несмотря на успѣхи англо-египетскихъ войскъ въ бассейнѣ верхняго Нила и на уступку итальянцами Кассалы, положеніе остается для англичанъ непрочнымъ. Въ Южной Африкѣ трансваальскій вопросъ попрежнему далекъ отъ разрѣшенія въ пользу великодержавныхъ плановъ Чемберлена и Родса. Широкихъ и плодотворныхъ внутреннихъ реформъ торійскій кабинетъ не провелъ, и общественное мнѣніе какъ будто вновь начинаетъ склоняться въ пользу либеральной партіи, у которой, къ ея большой невыгодѣ, до сихъ поръ нѣтъ признаннаго лидера послѣ отказа отъ этой роли лорда Розбери.

Италія, уступивши Кассалу и заключивъ миръ съ Абиссиніей, отказалась отъ расточительныхъ военныхъ приключеній, но стоитъ еще на распутьи въ вопросахъ внутренней политики. Образовалось министерство, въ которое на-ряду съ Рудини и Висконти-Веностой вошелъ одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ вождей лѣвой, Цанарделли, какъ министръ юстиціи. *Secolo* отрицательно относится къ этой комбинаціи. Новый кабинетъ долженъ идти по старой дорогѣ, его программа, говоритъ газета, опредѣляется такимъ образомъ: тройственный союзъ, милитаризмъ и протекціонизмъ *). *Frankfurter Zeitung* говоритъ, что нравственно новый кабинетъ потерпѣлъ пораженіе при первомъ же выступленіи передъ парламентомъ, онъ получилъ шестнадцать голосовъ большинства, но десять депутатовъ воздержались отъ голосованія, а въ числѣ большинства были сами министры и ихъ товарищи,—двадцать два голоса **).

Политическое состояніе Италіи къ началу новаго года оказывается такимъ образомъ запутаннымъ, экономическое же весьма тяжело. Когда писались эти строки, въ *Новостяхъ* появилась такая телеграмма: «Римъ, 2 (14) января. Наслѣдникъ престола, во время своего пребыванія въ Палермо, получилъ 10,000 письменныхъ просьбъ о пособіи. Нищета въ Сициліи выше всякаго описанія» ***).

Для Франціи истекшій годъ ознаменовался оффиціальнымъ провозглашеніемъ франко-русскаго союза во время посѣщенія Государя Императора президентомъ Французской республики.

---

*) *Il Secolo*, 18—19 Decembre.

**) *Frankfurter Zeitung*, 24 December.

***) *Новости*, 3 января.

Министерство Мелина-Ганото продолжаетъ держаться, но печальныя вещи происходятъ во Франціи. Дѣло Дрейфуса-Эстергази указало, что далеко не все здорово во французскихъ оффиціальныхъ сферахъ и въ особенности въ военномъ правосудіи. Двери, закрытыя для публики, по мнѣнію многихъ весьма почтенныхъ людей, не допускаютъ въ залу засѣданій и справедливость. Подробности дѣла (или двухъ дѣлъ) извѣстны читателямъ изъ газетъ, поэтому останавливаться на нихъ мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что многое при этомъ представляется намъ неяснымъ или совсѣмъ непонятнымъ. Французская печать рѣзко раздѣлилась на два лагеря, изъ которыхъ въ одномъ признаютъ вполнѣ удовлетворительнымъ образъ дѣйствій и правительства, и военнаго суда, а въ другомъ—рѣшительно осуждаютъ его. Дѣлу этому суждено, повидимому, долго еще занимать французское общественное мнѣніе и служить предметомъ насмѣшливыхъ замѣчаній со стороны иностранной печати. Правительство рѣшило привлечь къ суду Эмиля Золя за его письмо въ *L'Aurore*; одинъ изъ военныхъ слѣдователей, дѣйствовавшихъ противъ Эстергази, полковникъ Пиккаръ, заключенъ въ фортъ Монъ Валерьянъ и будетъ подвергнутъ дисциплинарному суду; двѣсти ученыхъ, литераторовъ и художниковъ обнародовали воззваніе, въ которомъ протестуютъ противъ разбора дѣла Эстергази при закрытыхъ дверяхъ и требуютъ пересмотра дѣла Дрейфуса. Въ числѣ подписавшихъ находятся Анатоль Франсъ, Золя, Бизэ, сенаторъ и бывшій министръ юстиціи Трарье, Моно и друг. Съ такимъ наступленіемъ новаго года Францію поздравить нельзя.

Результаты побѣды норвежской либеральной партіи на парламентскихъ выборахъ не успѣли еще сказаться на политической жизни страны и на ея отношеніяхъ къ Швеціи. Ничего существенно новаго не принесъ прошлый годъ и для Испаніи. Либеральный кабинетъ Сагасты смѣнилъ только свирѣпаго генерала Вейлера на островѣ Кубѣ болѣе гуманнымъ главнокомандующимъ, но автономія на островѣ еще не введена и возстаніе не подавлено. Про Португалію и Данію въ общемъ обзорѣ событій прошлаго года, какъ и про Голландію, Бельгію и Швейцарію, сказать нечего.

Князь Фердинандъ Болгарскій продолжаетъ обнаруживать дипломатическое искусство и въ національныхъ, и въ религіозныхъ вопросахъ, но культурное развитіе княжества подвигается впередъ медленно. Въ Сербіи вновь появился бывшій король Миланъ, который опять пріобрѣлъ вліяніе на своего сына, короля Александра. Умѣренный кабинетъ Симича долженъ былъ подать въ отставку, на его мѣсто назначенъ Владанъ Джорджевичъ и другія лица, близкія бывшему королю. Самъ Миланъ назначилъ себя главнокомандующимъ сербскою арміей. Его полководческія дарованія были блистательно доказаны во время нападенія на Болгарію, вызвавшаго страшное пораженіе сербовъ. Миланъ прославился своею враждою къ Россіи и его хозяйничанье въ Сербіи можетъ вредно отозваться на ея международномъ положеніи и въ особенности на сербскихъ государственныхъ финансахъ.

Въ другихъ частяхъ свѣта не произошло событій, которыя непосредственно повліяли бы на международныя событія и міровую исторію, за исключеніемъ президентскихъ выборовъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Выборы эти, при той обширной власти, которою пользуется по конституціи президентъ великой заатлантической республики, имѣютъ важное значеніе для ея внутренней и иностранной политики. Съ ходомъ и результатами выборной агитаціи *Русская Мысль* своевременно знакомила читателей. Восторжествовавшій кандидатъ республиканской партіи, Макъ-Кинли,—протекціонистъ и сторонникъ золотой валюты. Правительство Соединенныхъ Штатовъ обратилось къ Испаніи съ довольно рѣшительными заявленіями, возставая противъ дальнѣйшаго кровопролитія на несчастной Кубѣ. Въ противоположность бывшему президенту, Кливеленду, Макъ-Кинли высказывается за присоединеніе къ республикѣ Гавайскихъ (Сандвичевыхъ) островов. Необходимо упомянуть, говоря о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, о печальномъ рѣшеніи ихъ сената: 1 января прошлаго года Кливелендъ подписалъ проектъ договора съ Великобританіей объ обязательномъ третейскомъ судѣ въ случаяхъ столкновенія съ нею Штатовъ; сенатъ отвергнулъ этотъ проектъ. Друзей мира постигла большая неудача, но справедливость и миръ шествуютъ въ исторіи. Та борьба національностей въ Австро-Венгріи, о которой мы говорили выше, представляетъ несравненно болѣе печальное явленіе, чѣмъ постановленіе вашингтонскаго сената; но и она не можетъ приводить въ отчаяніе и колебать вѣру, что отношеніями между народами и государствами все болѣе и болѣе станутъ руководить право и справедливость. Конечно, печально читать въ такой, напримѣръ, хорошей газетѣ, какъ *Frankfurter Zeitung*, такія выходки противъ чеховъ: у нихъ на языкѣ равноправность, но стремятся они уничтожить нѣмцевъ или превратить ихъ насильственно въ чеховъ. Имъ все равно, погибнетъ ли при этомъ не только Австрія, но и миръ, справедливость, культура. И *Frankfurter Zeitung* энергично предостерегаетъ австрійское правительство отъ какихъ-либо уступокъ чехамъ *). И это говорится предъ христіанскимъ праздникомъ мира и любви! А все-таки про справедливость можно сказать то же, что сказалъ Галилей о землѣ.

Международная жизнь безспорно усложняется и просвѣтительное вліяніе Европы переплетается съ защитою корыстныхъ интересовъ, съ эксплуатаціей народовъ, попадающихъ въ сферу этого вліянія. Но насилія, захваты, хищничество становятся все болѣе и болѣе рѣдкими международными явленіями. Индія, напримѣръ, во многомъ страдаетъ подъ англійскимъ владычествомъ, но это же владычество даетъ ей теперь и еще б лѣе дастъ въ будущемъ такія блага, какія не мыслимы были при бе з словномъ торжествѣ языческаго и магометанскаго фанатизма и при азіа скомъ деспотизмѣ.

Многіе видятъ въ новой фазѣ міровой исторіи опасность для Европы,

*) *Frankfurter Zeitung*, 24 December, Abendblatt.

для ея культуры и интересовъ. Ей, говорятъ, угрожаетъ, напримѣръ, *Желтая погибель* *). Авторъ этой статьи резюмируетъ опасность или гибель съ трехъ сторонъ. Европѣ можетъ угрожать: 1) военное нашествіе желтой расы, вооруженной и обученной по-европейски, 2) нашествіе работниковъ-китайцевъ и 3) промышленное нашествіе съ той же стороны. Г. Виньонъ не вѣритъ въ возможность военнаго разгрома и завоеванія Европы пробуждающимися народами Востока. Китайцы, самый главный по численности изъ этихъ народовъ (до 400 милліоновъ), отличаются миролюбіемъ, даже трусостью, и промышленное развитіе ихъ страны не можетъ усилить ихъ военныхъ доблестей. Умиротворяющая роль нашего отечества въ Средней Азіи и на сибирской границѣ Китая еще болѣе уменьшаетъ шансы предполагаемаго нашествія. Вопреки мнѣнію г. Фаге (статья въ *Journal des Débats*,—*Будущіе средніе вѣка*), г. Виньонъ полагаетъ при такихъ условіяхъ невозможнымъ, чтобы грядущая объединенная Европа не отразила всѣхъ нашествій изъ Азіи.

Рабочее нашествіе далеко не такъ неправдоподобно, какъ военное. Въ Америкѣ, въ Австраліи, на островахъ Великаго океана это уже вопросъ большой практической важности. Но китайскихъ эмигрантовъ-рабочихъ относительно немного: два съ половиною милліона изъ нихъ поселилось на индо-китайскомъ полуостровѣ и на Малаккѣ, отъ 600 до 700 тысячъ на островахъ, принадлежащихъ Нидерландамъ и Испаніи, до 200 тысячъ въ Южной Америкѣ, 100 тыс. въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и пятьдесятъ тысячъ въ Австраліи. Законодательныя мѣры, принятыя противъ китайской иммиграціи, могутъ ослабить или, по крайней мѣрѣ, задержать ее, но рѣшить вопроса такія мѣры не могутъ.

Въ промышленномъ нашествіи главную роль должна играть Японія; но и въ этомъ отношеніи, доказываетъ Виньонъ съ цифрами въ рукахъ, старой Европѣ не грозитъ опасности. Торговля главнѣйшихъ европейскихъ государствъ (у Виньона нѣтъ данныхъ о Россіи) выражалась въ такихъ суммахъ, въ милліонахъ франковъ:

	1875 г.	1895 г.
Англія	13.480.000,000	14.540.000,000
Германія	7.514.000,000	9.298.000,000
Франція	5.501.000,000	7.100.000,000
Голландія	2.616.000,000	5.438.000,000
Бельгія	2.408.000,000	2.878.000,000
Швейцарія	1.353.000,000**)	1.600.000,000

Изъ этихъ цифръ, свидѣтельствующихъ о непрерывномъ и быстромъ ростѣ европейской торговли, особенно бросаются въ глаза данныя о развитіи торгово-промышленныхъ сношеній Германіи и Голландіи.

*) *Le Péril jaune*, статья Луи Виньона въ *Revue Politique et Parlementair* 10 Décembre 1897.

**) Эта цифра относится не къ 1875 г., какъ всѣ предыдущія, а къ 1885 г.

Нѣтъ, съ этой стороны старой Европѣ грозитъ конкурренція, но не опасность, не гибель. Для того, чтобы побѣдоносно выдержать эту конкурренцію, европейскимъ народамъ недостаточно развитія техническихъ знаній: имъ необходимо поставить свои внѣшнія и внутреннія отношенія на началахъ мира и справедливости. Этого безусловно требуетъ для своихъ успѣховъ умственный трудъ и въ теоретической сферѣ, и въ области практическихъ изобрѣтеній и открытій. Милитаризмъ является для Европы не воображаемою или грядущею, а уже наступившею и тяжелою опасностью. Прекратить эпоху ужасающихъ вооруженій можетъ только развитіе сознанія общеевропейскихъ интересовъ на почвѣ справедливости и труда.

Вотъ что говоритъ писатель, съ которымъ мы расходимся по многимъ и существеннымъ вопросамъ, но который принадлежитъ къ числу глубокомысленнѣйшихъ юристовъ-философовъ нашихъ дней, Б. Н. Чичеринъ *): «Государство, призванное осуществлять идею общаго блага, по самой своей природѣ заключаетъ въ себѣ нравственное начало; наука же есть исканіе истины, а высшая человѣческая истина заключается въ идеальныхъ требованіяхъ. Поэтому, какова бы ни была практика, что бы ни говорила намъ исторія, чѣмъ бы ни обусловливался политическій успѣхъ, государственная наука въ ея полнотѣ не можетъ не ставить идеальною цѣлью политической жизни осуществленіе нравственной цѣли нравственными средствами. Чисто-практическая политика, хотя бы она проповѣдывалась такимъ геніальнымъ писателемъ, какъ Макіавелли, есть всегда признакъ низкаго нравственнаго чувства и ограниченнаго пониманія. Она имѣетъ въ виду только настоящее и прошлое; будущее для нея закрыто, а въ будущемъ лежитъ вся надежда человѣка, какъ практическаго дѣятеля на землѣ».

Мы вполнѣ присоединяемся къ этой благородной идеѣ и вполнѣ признаемъ, вмѣстѣ съ Б. Н. Чичеринымъ, что «изученіе исторіи въ постепенномъ ея ходѣ убѣждаетъ насъ, что нравственное начало болѣе и болѣе становится политическою силой у новыхъ народовъ и черезъ это самое пріобрѣтаетъ значеніе въ практической политикѣ».

В. Гольцевъ.

---

*) *Курсъ государственной науки.* Часть III. *Политика.* М., 1898 г.

Альфонсъ Додэ.

Некрологъ.

Въ лицѣ Альфонса Додэ, скончавшагося 6 (18) декабря прошедшаго года, французская литература потеряла лучшаго изъ современныхъ своихъ романистовъ. Едва ли кто возражать станетъ, если мы скажемъ, что это тяжелая утрата для литературы европейской, такъ какъ многіе романы А. Додэ появлялись почти одновременно на всѣхъ европейскихъ языкахъ, а на русскомъ сразу въ нѣсколькихъ переводахъ въ разныхъ журналахъ. Ихъ, такъ сказать, на лету ловили и переводили даже съ *англійскаго*,— *Портъ-Тарасконъ*, печатавшійся въ одномъ американскомъ журналѣ немного ранѣе, чѣмъ въ подлинникѣ по-французски.

Альфонсъ Додэ родился въ Нимѣ, 13 мая 1840 года, въ буржуазной семьѣ торговца фулярами, весьма многочисленной, такъ какъ у него было семнадцать братьевъ и сестеръ. Мечтательный и впечатлительный, страстный любитель бродить по лугамъ и горамъ, онъ учился слабо, нигдѣ курса не кончилъ и почти юношей,— лѣтъ двадцати, кажется, — явился искать счастья въ Парижъ къ своему старшему брату Эрнесту Додэ, кое-какъ перебивавшемуся ничтожнымъ заработкомъ и жившему чуть ли не въ мансардѣ на шестомъ этажѣ. Ютились оба брата въ маленькой комнаткѣ, холодали и голодали, но отъ природы лѣнивый и беззаботный Альфонсъ Додэ не особенно спѣшилъ приняться за какое-либо серьезное дѣло. Онъ просто «пѣлъ, какъ стрекоза» («comme une cigale»),—говоритъ его старый другъ Адольфъ Бриссонъ въ *Revue Illustrée*. «Напѣлъ» онъ, однако, цѣлый томикъ стихотвореній, потомъ еще томикъ мелкихъ разсказовъ, обратившихъ на автора вниманіе критики и публики. Но талантъ его сталъ крѣпнуть и принялъ устойчивое, опредѣленное направленіе лишь со времени женитьбы и подъ несомнѣннымъ вліяніемъ его жены, женщины очень умной, положительной и доброй хозяйки. Къ этому періоду относятся два сборника его разсказовъ: *Contes du lundi* и *Les Femmes d'artiste*, въ которыхъ уже нѣтъ признака легкомысленной беззаботности автора *Писемъ съ моей мельницы*, какъ озаглавлена его первая книжка прозы.

Тяжелый годъ нѣмецкаго нашествія, разгрома второй имперіи и личнаго участія въ войнѣ еще болѣе укрѣпилъ дарованіе А. Додэ. Бывшій лѣнивецъ и «богема», онъ принимается за серьезный и усидчивый трудъ, работаетъ по семнадцати часовъ въ сутки и даетъ одинъ за другимъ три большихъ романа: *Nabab, Les Rois en éxil, L'Évangéliste*. Результатомъ такой энергіи и чрезмѣрной траты силъ является, съ одной стороны, вполнѣ установившаяся извѣстность, почти знаменитость, автора, съ другой— страшное переутомленіе писателя, едва не поплатившагося жизнью за излишне пылкое творчество. Кромѣ этихъ романовъ имъ написаны: *Fromont jeune, Jack, Sapho, Nouma Roumestant* и позднѣе *L'Immortel*, блестящая, но крайне злая сатира, въ которой иронія, по замѣчанію одного критика, «доходитъ мѣстами до совершенной безпощадности». Про нѣкоторыя изъ перечисленныхъ произведеній говорятъ, что это «романы *съ ключомъ*», и называютъ имена извѣстныхъ лицъ, которыхъ авторъ вывелъ въ качествѣ героевъ и дѣйствующихъ лицъ. Какъ бы ни было и откуда бы авторъ ни бралъ отдѣльныя черты, онъ создалъ настоящіе типы, полные жизненной правды, и въ этомъ отношеніи дошелъ почти до геніальности, давши намъ своего дивнаго Тартарена съ его «необычайными приключеніями» въ Тарасконѣ, въ Алжирѣ и «на Альпахъ», а потомъ въ *Портъ-Тарасконѣ*. Этимъ восхитительнымъ героемъ и окружающими его лицами Альфонсъ Додэ первый во французской литературѣ «открылъ» сѣверянамъ-соотечественникамъ и всему міру чудный Провансъ, гдѣ свѣтъ, воздухъ и солнце производятъ поразительнѣйшіе умственные миражи, по милости которыхъ всякія фантазіи и иллюзіи принимаются южанами самымъ искреннимъ образомъ за неоспоримую дѣйствительность. Большою, хотя нѣсколько сантиментальною, грустью вѣетъ отъ повѣсти *Роза и Нинета* и отъ романа *Маленькій приходъ*, съ юнымъ героемъ, представителемъ той части молодежи, которая въ жадной погонѣ за наслажденіями и впечатлѣніями утратила всякое представленіе о добрѣ и злѣ въ области морали и не считаетъ нужнымъ передъ чѣмъ-либо задумываться и останавливаться, когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи личной прихоти. Къ тому же типу «самообожающаго» эгоиста возвращается А. Додэ въ своемъ новомъ романѣ *Опора семьи*, еще не оконченномъ печатаніемъ въ *Illustration*. Къ сожалѣнію, изъ тѣхъ главъ, которыя нами прочтены, мы пришли къ тому заключенію, что это слабѣйшій изъ романовъ знаменитаго писателя какъ считаемъ мы самою слабою его повѣстью *Le Trésor d'Arlatan*. Фигура молодого эгоиста, называющаго себя «опорою семьи» и вытягивающаго отъ семьи все, что съ нея можно стащить, жива и интересна, но недостаточно сильно изображена для того, чтобы превратиться въ настоящій типъ. Все повѣствованіе растянуто, не имѣетъ той цѣльности, опредѣленности и сжатости, которою отличаются другія произведенія, доставившія стлль громкую славу А. Додэ. Журналъ *Illustration* говоритъ, что романъ этотъ «restera comme le testament littéraire du maître». Въ этомъ мы позволяемъ себѣ усомниться и нетерпѣливо ожидаемъ другого окончен-

наго авторомъ романа *Quinze ans de Mariage*, о предстоящемъ появленіи въ свѣтъ котораго уже объявлено. Въ *Опорѣ семьи* чувствуется значительное пониженіе творческой энергіи и видны только мастерскіе взмахи пера очень большого художника. Въ общемъ же сказывается утомленіе, весьма естественное при той массѣ и интенсивности работы, о которой мы говорили выше. Какими бы ни оказались два послѣдніе романа Додэ и другія произведенія, имъ оставленныя ненапечатанными, какое бы сужденіе ни высказала о нихъ критика, этимъ нисколько не умалится громкая и всемірная слава одного изъ самыхъ блестящихъ романистовъ Франціи.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ: *Путемъ слова*, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, Е. М. Воскресенской.— *Полоцкое разореніе*, драматическія сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ, А. Амфитеатрова).

Въ первыхъ числахъ декабря на сценѣ Малаго театра шла и «успѣха не имѣла» еще одна комедія дамскаго рукодѣлья,—четвертая по счету,—сочиненная г-жею Воскресенской и носящая заглавіе *Путемъ слова*. Взглянувши на афишу, можно сразу догадаться, что дѣло идетъ о «печатномъ словѣ», такъ какъ въ пьесѣ фигурируютъ издатель газеты, редакторъ, репортеръ, сотрудница вдова,—цѣлая редакція большой провинціальной газеты, издаваемой Марулевымъ (г. Южинъ), подъ редакціей Тулушева (г. Степановъ). На самомъ же дѣлѣ г-жа Воскресенская замыслила показать, какъ «слова», устно произносимыя издателемъ Марулевымъ, не сходятся съ тѣми «словами», которыя онъ печатаетъ въ своей газетѣ, и какое противорѣчіе обнаруживается между громкими рѣчами фразера и дрянными его выходками въ принадлежащей ему газетѣ. «Путемъ слова», устнаго,—попросту же, звонкою болтовней,—Марулевъ очаровалъ десять лѣтъ назадъ Анну Алексѣевну Вальянову (г-жа Уманецъ-Райская), вдову-писательницу, удивительно талантливую сотрудницу газеты. Тѣмъ же способомъ онъ за этотъ періодъ времени очаровывалъ многихъ другихъ женщинъ разнаго званія и общественнаго положенія, до «каскадной пѣвицы» Мурки (г-жа Щепкина) включительно, а на послѣднихъ дняхъ увлекаетъ Зою Кременцову (г-жа Садовская 2), молодую дѣвушку, очень богатую, страстно мечтающую приняться тоже за литературу и за издательство «деревенской газеты». «Талантливая» сотрудница, женщина съ хорошими средствами, Вальянова занимается писательствомъ, главнымъ образомъ, изъ любви къ искусству и отчасти—къ Марулеву, съ которымъ находится въ связи «десять лѣтъ», что не мѣшаетъ этому общественному дѣятелю пускаться, ей завѣдомо, въ веселенькія экскурсіи «съ разными Шурками, Мурками, пѣвичками и наѣздницами»... Любовь талантливой сотрудницы отъ этого не умаляется, и всепрощающей снисходительности этой благородной дамы нѣтъ границъ.—Пусть, молъ, развлекается!—Но вотъ Марулевъ начинаетъ ухаживать за молоденькою и богатою Зоей «pour le bon motif»,—какъ гово-

рять французы,—и Анна Вальянова впадаетъ въ большую тревогу, старается разочаровать Зою въ обольщающемъ ее героѣ, такъ какъ сама она въ немъ разочаровалась и вотъ по какому поводу. Несмотря на блестящіе успѣхи газеты *Звѣзда*, денежныя дѣла издателя запутались, находятся въ весьма плачевномъ положеніи. Отовсюду являются счета, а на уплату денегъ нѣтъ. Самая большая опасность грозитъ Марулеву со стороны богатаго землевладѣльца изъ купцовъ Синявина (г. Садовскій), который скупилъ за 6,000 руб. векселя Марулева на «много большую сумму». Синявинъ, «мѣстный паукъ», былъ когда-то изобличенъ въ крупныхъ мошенничествахъ, былъ вынужденъ укрыться изъ города въ деревню, наплутовалъ и награбилъ тридцать тысячъ десятинъ земли и уйму денегъ и теперь желаетъ «отбѣлиться» и забраться въ предсѣдатели управы. Ради этого онъ обращается къ издателю *Звѣзды* въ минуту его крайнихъ финансовыхъ затрудненій, предлагаетъ уничтожить его векселя, если тотъ согласится восхвалять его, Синявина, въ газетѣ, въ противномъ случаѣ грозитъ судебнымъ взысканіемъ и аукціонною продажей имущества Марулева, котораго и безъ того давятъ долги со всѣхъ сторонъ. Женитьбой на богатой Зоѣ можно все поправить. Но Синявинъ такъ притиснулъ Марулева, что запутавшемуся издателю грозитъ полный и неотложный «крахъ». Марулевъ соглашается величать и прославлять «паука» и дѣлаетъ это въ своей газетѣ, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ отвѣтственнаго редактора Тулушева. Изъ вводной сцены между Марулевымъ, подрядчикомъ Стругаевымъ (г. Падаринъ) и репортеромъ газеты Завиляевымъ (г. Музиль) мы узнаемъ, что этотъ давнишній и необходимый сотрудникъ *Звѣзды* занимается самымъ наглымъ шантажемъ. За это Марулевъ изгоняетъ его изъ редакціи. Другой, такой же прохвостъ, рецензентъ Кураевъ (г. Макшеевъ) почему-то перекочевываетъ изъ *Звѣзды* во враждебную ей газету *Бубенцы*. Оба эти перебѣжчика, какъ истинные ренегаты, начинаютъ мстить своему бывшему патрону печатными «обличеніями» и анонимными письмами Вальяновой, въ которыхъ раскрываютъ его безчестную сдѣлку съ Синявинымъ. Вернувшійся отвѣтственный редакторъ Тулушевъ и Вальянова, по очереди, допрашиваютъ Марулева, выслушиваютъ его признанія и разрываютъ съ нимъ всякія отношенія. Рецензентъ Кураевъ и репортеръ Завиляевъ являются къ Вальяновой делегатами отъ газеты *Бубенцы* и, по порученію, редакціи предлагаютъ «талантливой» писательницѣ сотрудничать въ *Бубенцахъ* «за какой ей угодно гонораръ», хотя бы она дала только одну статейку. Вальянова отказывается, делегаты говорятъ ей дерзости и гадости, ведутъ себя сущими хамами. Въ послѣднемъ дѣйствіи, несмотря на всѣ препятствія, окончательно слаживается сватовство Марулева за богатую Зою. На бѣду, къ веселому издателю приходитъ пѣвичка Мурка, приноситъ с собой бутылку шампанскаго, выпиваетъ съ нимъ и нѣжничаетъ, обнимается и цѣлуется. Ихъ застаетъ вернувшаяся за чѣмъ-то Зоя и... должно быть отказываетъ Марулеву. Говоримъ «должно быть» потому, что на первомъ представленіи, за хохотомъ публики, нельзя было слышать ни одн

фразы изъ того, что говорили г-жа Садовская 2 и г. Южинъ. Драматическій эффектъ погибъ въ этомъ хохотѣ, вызванномъ тѣмъ, что г-жа Щепкина — Мурка—сказала г. Южину — Марулеву: «ты настоящій *джентельменъ»*... «ты истинный *азіатъ»*... На такой дружный и долго несмолкавшій смѣхъ сочинительница едва ли разсчитывала,—вышло это совершенно неожиданно и, главнымъ образомъ, потому, кажется, что публика, истомленная скукой, обрадовалась случаю отвести душу хохотомъ надъ словомъ «джентельменъ» и за одно уже надъ всею пьесой, которую такъ долго удручали зрителей.

Путемъ слова—названіе громкое, *слово* сказанное и печатное — сила великая. Какія же такія значительныя слова говоритъ и печатаетъ Марулевъ? Какими «глаголами» онъ жжетъ сердца? Этого изъ пьесы не видно и, насколько намъ извѣстно, въ провинціальной газетѣ нельзя разговориться особенно жгучими словами. Авторъ не потрудился даже показать намъ, какими «словами» Марулевъ обольщаетъ и увлекаетъ женщинъ. Изъ всѣхъ «глаголовъ» спрягается тутъ лишь одинъ—«любить», да и то въ очень вяломъ тонѣ и не совсѣмъ пристойномъ. А къ печатному «слову», хотя бы и въ провинціальной прессѣ, вся эта исторія не имѣетъ никакого отношенія. Кто такой Марулевъ, что онъ такое, какія у него убѣжденія и есть ли какія-нибудь, зачѣмъ онъ издаетъ газету, все это покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ этомъ провинціальномъ «джентельменѣ» не только нѣтъ ни одной типичной черточки, но нѣтъ и намека на какой-нибудь характеръ, нѣтъ ни образа, ни подобія общественнаго дѣятеля. Не мудрено, что г. Южинъ ничего не сдѣлалъ изъ этой роли,—ни одинъ артистъ, будь онъ семидесяти семи пядей, ничего не можетъ сдѣлать изъ этого ходячаго пустого мѣста. Нисколько не лучше редакторъ Тулушевъ, у котораго, вмѣсто головы, пропись для дѣтей младшаго возраста. И того много хуже «талантливая» писательница Вальянова, у которой вмѣсто сердца—«темпераментъ», заставляющій ее благодушно раздѣлять любовь здоровеннаго «джентельмена» съ «Шурками и Мурками». Опять - таки «печатное слово» тутъ не причемъ Еслибъ Марулевъ былъ не издателемъ газеты, а, положимъ, адвокатомъ, нотаріусомъ, правителемъ какой-нибудь канцеляріи, членомъ какого-нибудь правленія, еслибы Тулушевъ былъ его помощникомъ, Завиляевъ—мелкимъ чиновникомъ или служащимъ, и взялъ бы прокутившійся Марулевъ взятку, своровалъ бы Завиляевъ,—вышло бы какъ разъ то же самое. Что же касается «сотрудницы» Вальяновой, то она отъ сотрудничества съ Марулевымъ отказывается не потому только, что онъ взялъ взятку, а главнымъ образомъ потому, что онъ женится на молоденькой дѣвушкѣ —потому, что это уже не «Мурка съ Шуркой», а категорическій абшидъ бывшей «сотрудницѣ». Мы не особенно крѣпко знаемъ жизнь въ провинціи людей, занимающихся журнальною работой, но въ общихъ чертахъ все-таки провинціальную жизнь достаточно знаемъ и, посмотрѣвши пьесу г-жи Воскресенской, пришли къ убѣжденію, что эта сочинительница совсѣмъ не знаетъ того, что она взялась описывать и на сценѣ изображать. Убѣждены мы

въ этомъ вотъ почему: въ губернскомъ городѣ человѣкъ, настолько видный, какъ издатель мѣстной газеты, векселя котораго попали «въ дешевку», сразу лишается всякаго кредита и неминуемо летитъ кверху тормашками. Ну, дама-драматургъ можетъ этого не подозрѣвать,—Богъ ей прости. Но ужъ никакъ нельзя не знать того, что репортеръ «честной» газеты абсолютно не можетъ заниматься шантажемъ,—«честный» и дѣльный редакторъ словитъ его въ провинціи на первой продѣлкѣ, и редакторъ другой газеты, какова бы она ни была, не пуститъ его на порогъ редакціи, если только самъ не занимается такимъ же «художествомъ». Далѣе есть такая сцена, грязноватая, въ которой репортеръ Завиляевъ является къ Вальяновой въ видѣ какого-то «интервьювера» и шутовски записываетъ въ книжку обстановку квартиры главной «сотрудницы», съ которою онъ много лѣтъ работалъ въ одной газетѣ, доподлинно зная отношенія этой дамы къ своему патрону. Кому же, какимъ *Бубенцамъ* и какимъ читателямъ нужно это въ губернскомъ городѣ, гдѣ всѣ знаютъ, въ какой день у кого «гуся жарили»? Неправдоподобно, что Завиляевъ никогда раньше не бывалъ у Вальяновой. Всѣ эти фигуры, со включеніемъ Зои Кременцовой и пѣвицы Мурки—просто куклы, по шаблону сдѣланныя и грубо размалеванныя, а послѣдняя—даже непристойна. Вся пьеса преисполнена наивности, переходитъ мѣстами въ шаржъ и заканчивается фарсомъ. Никакой идеи, ни мысли изъ нея не выжмешь. И не мудрено, что даже наши артисты не въ состояніи оказались скрасить ее своею игрой, сколько-нибудь уменьшить скуку, наводимую на зрителей этою комедіей, попавшей какимъ-то необъяснимымъ чудомъ на сцену Малаго театра.

Совсѣмъ иное дѣло пьеса г. Амфитеатрова *Полоцкое разореніе,* драматическія сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, съ музыкой «къ пьесѣ», сочиненной Н. Р. Кочетовымъ. Эта пьеса имѣла успѣхъ несомнѣнный и даже большой. Нѣкоторыя газеты заявили, будто это былъ успѣхъ «внѣшній». Ну, и пускай себѣ: разъ пьеса нравится публикѣ, публика апплодируетъ, вызываетъ артистовъ и автора, противъ этого никакихъ протестовъ не раздается,—нечего и толковать о томъ, «внѣшній» это успѣхъ или еще какой-нибудь «внутренній». Успѣхъ — не болѣзнь, а торжество для автора и для исполнителей, удовольствіе для публики и для распорядителей. Для насъ же, критиковъ и рецензентовъ, вопросъ въ томъ заключается, чѣмъ обусловленъ успѣхъ данной пьесы, почему эта пьеса понравилась и вызвала шумныя одобренія, а многія другія пьесы не понравились и никакого успѣха не имѣли. На это оказываютъ, несомнѣнно, очень большое вліяніе причины «внутреннія», содержаніе и смыслъ пьесы, и причины «внѣшнія», эффектность сценъ, красивость постановки и, въ о[...] бенности, мастерство исполнителей. При такой постановкѣ вопроса на[...] признать, что пьеса г. Амфитеатрова успѣхомъ обязана исключительно сво[...] внѣшности. Это былъ успѣхъ не столько автора, сколько артистовъ и [...] жиссера, большого мастера декоратора и завѣдующаго костюмерною част[...] Одна московская газета сказала, что это не пьеса, а *зрѣлище,* и газ[...]

права, это—очень хорошее «зрѣлище», самое праздничное, изъ ряда вонъ шумное, красивое, восхитительное для подростковъ по годамъ и по раз витію. Авторъ, конечно, только этого и хотѣлъ и вполнѣ достигъ желаемаго, иначе не сталъ бы онъ повторять на драматической сценѣ оперу *Рогнѣду* безъ пѣнія, а только съ увертюрой и антрактною музыкой г. Кочетова, служащею, впрочемъ, далеко не къ украшенію пьесы г. Амфитеатрова. Для варяговъ, половцевъ, кривичей и кіевскихъ дружинниковъ X вѣка это слишкомъ хорошая музыка, но, вѣдь, мы-то не кривичи... Но Богъ съ нимъ, съ г. Кочетовымъ, онъ старался, написалъ длинно,—а наше дѣло разбирать не антракты. Въ короткомъ предисловіи къ своему драматическому произведенію авторъ говоритъ, что «въ настоящемъ трудѣ своемъ руководился, по преимуществу, слѣдующими источниками...»—перечисляетъ ихъ двѣнадцать и добавляетъ: «а также и многими другими». «Многихъ другихъ» мы въ рукахъ не имѣемъ, относительно же полоцкаго разоренія, какъ историческаго факта, знаемъ очень немногое, по Карамзину, Соловьеву, Костомарову и по лѣтописямъ, и это немногое не совсѣмъ сходится съ тѣмъ, что изобразилъ въ своей пьесѣ г. Амфитеатровъ. Знаемъ же мы вотъ что: въ Полоцкѣ сидѣлъ какой-то Рогволодъ, пришедшій изъ-за моря. Дочь этого Рогволода, Рогнѣда, была невѣстой кіевскаго князя Ярополка, брата Владимірова. «Владиміръ, чтобы склонить полоцкаго державца на свою сторону, чтобы показать, что послѣдній ничего не потеряетъ, если кіевскій князь будетъ низложенъ, послалъ и отъ себя свататься также за дочь Рогволодову». Лѣтописецъ передаетъ дѣло такъ: «Яко Роговолоду держащю и владѣющю и княжащу Полоцкую землю, а Володимеру сущу Новѣгородѣ, *дѣтьску* сущу еще и погану, и бѣ у него Добрыня воевода, и храборъ, и нарядѣнъ мужъ, и съ посла къ Роговолоду и проси у него дщеря за Володимера... Слышавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, оже рече: «не хочу я за робичича» (сына рабыни), пожалися Добрыня и исполнися ярости... и Добрыня поноси ему (Рогволоду) и дщери его, нарекъ ей робичича, и повелѣ Володимеру быти съ нею передъ отцомъ ея и матерью». Историкъ Соловьевъ заключаетъ, что Владиміръ на самомъ дѣлѣ былъ слишкомъ юнъ для того, чтобы дѣйствовать самостоятельно, и что всѣмъ распоряжался его дядя и воспитатель Добрыня, родной братъ Владиміровой матери. Въ пьесѣ г. Амфитеатрова приведенные нами историческіе факты совершенно переиначены. Владиміръ представленъ не новгородскимъ княземъ, добирающимся до Кіева черезъ Полоцкъ, не «дѣтьску сущу», о которомъ Рогнѣда могла отзываться презрительно и предпочесть которому имѣла полное основаніе старшаго Ярополка, великаго князя кіевскаго. Въ пьесѣ Владиміръ является мужемъ, брадатымъ и сильнымъ, завладѣвшимъ уже Кіевомъ, сдѣлавшимся, послѣ смерти Ярополка, великимъ княземъ и властителемъ всей тогдашней Руси, настолько могущественнымъ, что полоцкому князьку въ голову не могло прійти отказываться отъ родственнаго союза съ нимъ и безуміемъ было бы со стороны Рогнѣды оскорбить его и отдавать предпочтеніе Ярополку, котораго въ живыхъ уже не

было. Изъ исторіи мы знаемъ, что, оскорбленный отвѣтомъ Рогнѣды, Владиміръ «собралъ большое войско изъ варяговъ, новогородцевъ, чуди и кривичей, и пошелъ на Полоцкъ», и разорилъ его. По пьесѣ оказывается, что въ Полоцкѣ сидѣли варяги, а Владиміръ велъ на нихъ исключительно славянскія рати, и все событіе получаетъ такую окраску, будто борьба велась между пришельцами изъ-за моря варягами полоцкаго князя и славянами кіевскаго князя, тогда какъ въ дѣйствительности варяги были на сторонѣ этого послѣдняго и надѣлали ему потомъ не мало хлопотъ, такъ что отъ этихъ добрыхъ друзей онъ едва могъ избавиться.

Вопросъ о томъ, насколько можетъ быть ограничено право драматурга переиначивать историческія событія, остается до сихъ поръ не рѣшеннымъ окончательно. Мы думаемъ, что такимъ правомъ драматурги должны пользоваться очень осмотрительно и умѣренно, лишь въ случаѣ крайней необходимости, при развитіи какой-либо основной идеи и для достиженія художественныхъ цѣлей, или для выясненія истинныхъ,—по мнѣнію автора,—характеровъ данныхъ личностей. *Полоцкое разореніе,* какъ драма, не потеряло бы ничего, а наоборотъ—выиграло бы, даже въ смыслѣ внѣшней красоты, отъ большей вѣрности сохранившемуся о немъ лѣтописному сказанію, безъ измѣненія въ чемъ-либо характера Рогнѣды и смысла драмы, героиней которой она стала впослѣдствіи. Юный новгородскій князь Владиміръ могъ и, вѣроятно, долженъ былъ страстно влюбиться въ красавицу княжну и легче подчиниться надолго ея вліянію, чѣмъ великій князь кіевскій, у котораго было еще три жены и «сверхъ того 300 наложницъ въ Вышегородѣ, 300 въ нынѣшней Бѣлогородкѣ (близъ Кіева) и 200 въ селѣ Берестовѣ» (Карамзинъ). Понятнѣе и естественнѣе была бы и любовь Рогнѣды къ молодому супругу, заслонившая собою желаніе мести за смерть отца и братьевъ, въ которой и повиненъ-то былъ Добрыня много болѣе, чѣмъ его молодой племянникъ. Такъ же точно было бы съ правдою сообразнѣе, еслибы Рогнѣда взялась за ножъ и покусилась на жизнь мужа не изъ-за устарѣвшей мести, а изъ ревности, когда онъ взялъ другую жену «чехиню или богемку». Эффектность пьесы и красота картинъ отъ того не пострадали бы, и впечатлѣніе получилось бы болѣе сильное.

Въ первой картинѣ авторъ изображаетъ посольство Владиміра къ Рогволоду (г. Левицкій). Во главѣ посольства — Добрыня (г. Падаринъ), съ нимъ Путята (г. Рыжовъ) и Вышата (г. Парамоновъ). Послы пріѣхали сватать Рогнѣду (г-жа Ермолова), въ которую влюбленъ варяжскій викингъ Ингульфъ (г. Южинъ), другъ Гаральда (г. Ѳедотовъ), одного изъ приближенныхъ Рогволода. Предложеніе *великаго князя кіевскаго* встрѣчаетъ рѣзкій и грубый отказъ, надъ его послами издѣваются. Рогнѣда говоритъ имъ:

„Ступайте вы, непрошеные гости,
Въ свой теплый Кіевъ, родину людей
Съ оленьей кровью въ слабомъ тѣлѣ
И заячьей ничтожною душой!
Придете,—своему скажите князю...

(передаемъ своими словами) — что Рогнѣда пошла бы за него замужъ, да боится, какъ бы призракъ ея жениха Ярополка, убитаго Владиміромъ, не явился на свадебный пиръ, да еще — не хочетъ она, по обычаю славянъ, «разуть рожденнаго рабой». Послы объявляютъ войну полоцкому князю и удаляются. Во второй картинѣ представленъ лѣсъ въ землѣ кривичей и сборы Владимірова войска въ походъ на Полоцкъ. Картина очень хороша, въ смыслѣ режиссерскомъ превосходно поставлена, полна шума и движенія, но для хода пьесы совершенно не нужна. Второе дѣйствіе — *Пожарище*, Полоцкъ разгромленъ, его защитники перебиты или взяты въ плѣнъ и лежатъ на сценѣ, закованные въ цѣпяхъ. Одинъ изъ московскихъ театральныхъ критиковъ, не безъ маленькаго ехидства, замѣтилъ, что съ правдою сообразнѣе было бы оставить цѣпи въ бутафорской кладовой, а плѣнниковъ перевязать веревками, такъ какъ, во-первыхъ, въ войсковомъ багажѣ не возили такого большого количества театральныхъ цѣпей, а во-вторыхъ, богатырь Путята говоритъ, что Ингульфу онъ «кушакомъ крутилъ къ лопаткамъ руки въ дѣтинцѣ полоцкомъ». Такъ-то оно такъ, только съ руками, прикрученными къ лопаткамъ, было бы неудобно г. Южину-Ингульфу провести восхитительный дуэтъ съ г-жею Ермоловой-Рогнѣдой. А дуэтъ, на самомъ дѣлѣ, исполненъ такъ художественно, что его неестественность совершенно ускользаетъ отъ публики. Появляется князь Владиміръ (мы забыли отмѣтить, что эту роль играетъ г. Рыбаковъ), объявляетъ, что беретъ Рогнѣду въ жены и освобождаетъ плѣнныхъ варяговъ. Въ третьемъ дѣйствіи, въ рощѣ при теремѣ, сидитъ дядя великаго князя Добрыня и плететъ лапти, — такъ и въ текстѣ пьесы напечатано: «сидитъ на колодѣ подъ яблонью и плететъ лапоть». Можетъ быть, въ двѣнадцати источникахъ и во «многихъ другихъ», которыми руководствовался г. Амфитеатровъ, есть указанія на то, что ближайшіе бояре и воеводы коротали въ мирное время свои досуги за столь полезнымъ занятіемъ, — мы этого не знаемъ, но въ публикѣ Добрыня съ лаптемъ и Путята съ общипанными гусями вызвали улыбки. Добрыня, Путята и Вышата недовольны тѣмъ, что Владиміръ за истекшія «семь лѣтъ» впалъ въ полное подчиненіе Рогнѣдѣ и «на бѣлый свѣтъ глядитъ сквозь бабьи пальцы и бросилъ ихъ, своихъ богатырей, на жертву женской прихоти». Богатыри собираются «на смѣну ей найти красавицу другую». Но это, повидимому, совсѣмъ не нужно, такъ какъ Владиміръ и безъ нихъ находитъ себѣ достаточно утѣхъ и развлеченій внѣ терема Рогнѣды. Викингъ Ингульфъ, пріѣхавшій въ гости къ Владиміру, убѣждаетъ княгиню вспомнить, наконецъ, о мщеніи за отца и братьевъ, за разореніе Полоцка, за насиліе, совершенное надъ нею самою, и прямо говоритъ ей, «что снова князь своихъ стариныхъ хотей сталъ навѣщать». Ингульфъ уговариваетъ Рогнѣду убить князя соннаго въ опочивальнѣ. Съ нимъ, викингомъ, тайно подошли къ Гориничамъ двѣ дружины отборныхъ варяжскихъ воиновъ. Убивши князя, Рогнѣда выброситъ въ окно ножъ, который ей даетъ Ингульфъ, и это будетъ сигналомъ къ нежданному нападенію варяговъ. Они перебьютъ богатырей Владиміровыхъ

и поставятъ княземъ Изяслава, шестилѣтняго сына Рогнѣды. Она беретъ ножъ, но ничего положительнаго не обѣщаетъ,— за семь лѣтъ она полюбила супруга и отца своихъ дѣтей, къ тому же у нея силъ не хватитъ на такое дѣло: «Смотри, какъ слабы, нѣжны эти руки... Чего отъ нихъ ты требуешь!»—говоритъ она викингу. Она забыла, что во второмъ дѣйствіи говорила Владиміру: «Мечомъ мы, женщины варяжскія, владѣемъ мужчинъ не хуже»... что, по словамъ Ингульфа, во время боя въ Полоцкѣ, «три раза мечъ въ рукѣ ея поднялся, и рухнуло славянскихъ три вождя»... Въ послѣднемъ дѣйствіи представлена опочивальня великаго князя. Онъ спитъ на кровати за опущенною занавѣсью. Въ окна свѣтитъ яркая лунная ночь. За сценой Ингульфъ поетъ подъ аккомпаниментъ, кажется, гитары. На сценѣ Рогнѣда съ ножомъ въ рукѣ. Выходитъ нѣчто вродѣ серенады, и можно подумать, что дѣйствіе происходитъ на берегу Гвадалквивира, а не Днѣпра. Ингульфъ поетъ:

„Мой щитъ разбитъ и мечъ пополамъ,
Корабль морскимъ игрушка валамъ,
А я,—забытъ въ подземной тюрьмѣ,—
Живу, какъ гадъ, въ грязи и во тьмѣ"...

Три раза онъ принимается пѣть такіе куплеты, желая напомнить Рогнѣдѣ, что насталъ часъ давно желанной мести. Послѣ довольно долгой внутренней борьбы, Рогнѣда рѣшается убить князя съ тѣмъ, чтобы тутъ же покончить съ собой, и заноситъ ножъ надъ спящимъ Владиміромъ. Въ этотъ моментъ онъ просыпается, выбиваетъ ножъ изъ руки жены и, согласно съ преданіемъ, приказываетъ Рогнѣдѣ одѣться въ вѣнчальный нарядъ, объявляя, что «палачъ не коснется ея красы, что онъ самъ казнитъ ее». Рогнѣда уходитъ. Желая скорѣе удалить валяющійся на полу ножъ, князь выкидываетъ его за окно. За сценой воинственные клики, шумъ битвы, зарево пожара, варяги напали на дружинниковъ князя. Послѣ короткой сѣчи варяги отражены и прогнаны, являются кіевскіе богатыри, бояре и дружинники, вводятъ на-смерть раненаго Ингульфа. Входитъ Рогнѣда въ блестящемъ, пышномъ нарядѣ съ своимъ сыномъ, княжичемъ Изяславомъ. Согласно съ лѣтописнымъ сказаніемъ, Владиміръ, увидавши сына, бросаетъ мечъ и отдаетъ все дѣло на судъ боярамъ. Они убѣждаютъ князя простить жену и отдать ея родной Полоцкъ въ удѣлъ ей и Изяславу. Ингульфъ умираетъ у ногъ Рогнѣды, примиренный съ нею тѣмъ, что она не отступилась отъ мести, неудавшейся не по ея винѣ.

У насъ съ давнихъ поръ принято, почти вошло въ обычай, писать такого рода историческія, а тѣмъ паче «героическія», пьесы стихами. Обычай этотъ имѣетъ, конечно, достаточно оправдывающія его основанія, онъ и удерживается до сихъ поръ, и мы противъ него ничего не имѣемъ, при одномъ условіи, чтобы стихи были гладки, звучны и красивы, чтобы, не удаляясь отъ живой рѣчи, они придавали ей музыкальность и силу. Но мы все-таки думаемъ, что нѣтъ никакой необходимости писать такого рода

пьесы непремѣнно стихами, и полагаемъ, что, написавши драму хорошею прозой, авторъ никакого проступка не совершитъ и поступитъ лучше, чѣмъ тотъ писатель, который захочетъ во что бы ни стало искрошить рѣчи дѣйствующихъ лицъ по стихослагательной мѣркѣ. Викторъ Гюго былъ очень большой поэтъ и знаменитый драматургъ и все-таки свою драму *Эми Рабзаръ (Кернарвонскій замокъ)* написалъ прозой. Нѣкоторыя сцены *Бориса Годунова*, Пушкина, написаны тоже прозой. Г. Амфитеатровъ захотѣлъ держаться стараго обычая, написалъ свою пьесу стихами, но не смогъ удержаться на высотѣ старыхъ образцовъ,—его стихи во многихъ мѣстахъ представляютъ собою рубленную прозу, иногда испорченную насильственнымъ затискиваніемъ ея въ размѣренныя строчки. Мы полагаемъ, что въ драмѣ, написанной стихами, должно тщательно избѣгать разрыва рѣчи среди стопы, въ такой формѣ, напримѣръ *):

«Медвѣдемъ смотритъ.
Добрыня: Говорилъ я князю»...

Черезъ двѣ страницы:

Путята: «Покажутъ двери.
Вышата: Такъ и будетъ.
Добрыня: Что-жъ?»

На той же страницѣ (523):

Ингульфъ: «Холопъ ему я, что ли?
Гаральдъ: Онъ не чаетъ»...

На слѣдующей (524) страницѣ:

Гаральдъ: «Былъ женихомъ Рогнѣды.
Ингульфъ: И княжна»...

И такъ далѣе сплошь черезъ всю пьесу. Для выписокъ у насъ мѣста не достанетъ. Мы полагаемъ, что ради стиха не слѣдуетъ насиловать удареній, въ особенности въ именахъ собственныхъ, въ такомъ родѣ (стр. 539):

Владиміръ: «Бочку меда
Вели разбить, другъ Вышата́! Ковши
Скорѣй подать сюда».

Не удобно смѣхъ вводить въ стихотворный метръ (стр. 575 и 579):

Рогнѣда: «Ты думаешь? Ха-ха—ха-ха! Опомнись!»
Ингульфъ: «Ха-ха—ха-ха! А выросла любовь!»

Полагаемъ, что приведенныхъ примѣровъ достаточно...

Въ пьесѣ мы видимъ только одинъ сильно очерченный характеръ Рогнѣды, представляющійся особенно живымъ и интереснымъ благодаря превосходной игрѣ г-жи Ермоловой. При всей энергіи этой героини, она остается съ начала до конца женственною и поддающеюся вліянію обстоя-

*) Цитируемъ по тексту, напечатанному въ *Русскомъ Обозрѣніи*.

тельствъ, причемъ не измѣняетъ основному складу своей натуры. Въ ней тяжелая борьба влеченій и страстей и подъ конецъ одерживаютъ верхъ надъ всѣмъ чувства матери. Такъ же энергиченъ характеръ Ингульфа, но онъ уже слишкомъ однотоненъ и показался бы, вѣроятно, очень скучнымъ, еслибъ г. Южинъ не оживилъ личность варяжскаго викинга всею силой своего таланта и мастерствомъ декламаціи. Менѣе удачнымъ вышелъ кіевскій князь «Красное солнышко», какъ значится на афишѣ. Въ пьесѣ г. Амфитеатрова Владиміръ изображенъ человѣкомъ мягкимъ, благодушнымъ, легко поддающимся чужимъ вліяніямъ, то любимой жены, то богатырей-дружинниковъ. Это скорѣе «былинный» князь «Красное солнышко», чѣмъ тотъ сынъ рабыни Малуши, который, — правда, подъ руководствомъ своего дяди, Добрыни, — бѣжалъ въ Швецію, вернулся съ варягами, вновь завладѣлъ Новгородомъ, разгромилъ Полоцкъ, отнялъ у старшаго брата Ярополка Кіевъ, приказавъ убить Ярополка, самое христіанство принялъ высокомѣрно, сломивши гордость царей византійскихъ. Мы говоримъ это не въ укоръ автору, ибо историческаго Владиміра не знаемъ доподлинно, а «былинный» князь достаточно ясенъ, и авторъ вправѣ былъ выбирать то, что ему было удобнѣе. Но мы думаемъ, что авторъ поступилъ бы лучше, еслибъ оттѣнилъ рельефнѣе нѣкоторыя черты этого характера, во всякомъ случаѣ болѣе сложнаго, чѣмъ тотъ, какимъ онъ представленъ на сценѣ. Г. Рыбаковъ въ этой роли совершенно вѣрно передалъ то, что дано авторомъ. Тутъ со стороны исполнителя всякое отступленіе, всякое усиленіе тоновъ было бы искаженіемъ задуманнаго авторомъ произведенія. Говоря объ игрѣ артистовъ, мы мѣста не имѣли отмѣтить прекраснѣйшаго исполненія г. Макшеевымъ роли старика Кривича во вводной и для пьесы ненужной второй картинѣ перваго дѣйствія. Успѣху пьесы, отличному ансамблю, много содѣйствовали наши болѣе молодые артисты, гг. Левицкій, Падаринъ, Рыжовъ, Парамоновъ и Ѳедотовъ. Весьма сложная работа режиссера, мало замѣтная публикѣ, увлеченной спектаклемъ, исполнена безукоризненно, на славу.

Авторъ воспользовался всѣми эффектами, какіе только можно было ввести въ сценическую обработку взятаго имъ сюжета. Передъ зрителями проходитъ рядъ картинъ, очень яркихъ и пестрыхъ, очень шумныхъ и полныхъ громкихъ словъ и фразъ, освѣщенныхъ электрическимъ свѣтомъ луны, смѣною вечернихъ тоновъ ночнымъ мракомъ и заревомъ пожаровъ. И зрители довольны, что̀, въ сущности, только и требуется для успѣха пьесы. Передъ этимъ блескомъ никому изъ публики въ голову не приходитъ припоминать исторію по Карамзину и Соловьеву, а тѣмъ паче справляться съ лѣтописями, разбираться въ подлинномъ или логическомъ ходѣ событій. Г. Амфитеатровъ отлично понялъ вкусы нашей публики,—сказать по правдѣ, весьма утомленной безсмыслицей множества пьесъ нынѣшняго и предшествовавшихъ сезоновъ. Не задумываясь надъ тѣмъ, насколько высоки запросы скучающей публики, авторъ написалъ и поставилъ на сцену то, что̀ ею требовалось для ея «развлеченія», и за это награжденъ громкими

одобреніями и полнымъ успѣхомъ своей пьесы, представляющей собою отличнѣйшее праздничное зрѣлище для подростковъ и молодежи, которую очень многіе воспитатели,—совершенно резонно,—не рѣшаются возить въ театры на современныя произведенія нашей драматургіи. Сильно приподнятый тонъ *Полоцкаго разоренія* весьма соотвѣтствуетъ возвышеннымъ чувствамъ и геройскимъ дѣяніямъ неустрашимыхъ богатырей и доблестныхъ викинговъ. А отъ того, что картины не сходны съ исторіей, юноши никакого ущерба не понесутъ. Изъ уроковъ исторіи они узнаютъ, какъ было дѣло въ дѣйствительности, изъ сочиненія же г. Амфитеатрова не вынесутъ ничего вреднаго, загрязняющаго умъ и чувства полудѣтей. Въ этомъ отношеніи пьеса безукоризненна, и мы весьма рекомендуемъ ее родителямъ и воспитателямъ, не рѣдко обращающимся къ намъ съ вопросомъ: «Да укажите же, наконецъ, пьесу, на которую мы могли бы повести нашу семью?»

Ан.

Письма въ редакцію.

I.

Въ 1894 году издатель и отвѣтственный редакторъ журнала *Читальня Народной Школы*, книгопродавецъ Н. Н. Моревъ, предложилъ мнѣ принять на себя полное завѣдываніе этимъ журналомъ. Собравъ тѣсно-сплоченный кружокъ постоянныхъ сотрудниковъ, я велъ журналъ почти исключительно при ихъ участіи и безъ всякаго вмѣшательства г. Морева съ іюня 1894 года по декабрь 1897 г. Особенно помогала мнѣ какъ сотрудничествомъ, такъ и въ работахъ по редакціи М. Н. Слѣпцова (ей принадлежатъ всѣ книжки журнала, подписанныя буквами М. С.).

Худо ли, хорошо ли выполняли мы принятую на себя задачу—судить не намъ. Несомнѣнно одно: *Читальня Народной Школы* въ нашихъ рукахъ пріобрѣла своеобразный, ясно опредѣленный характеръ, не имѣющій ничего общаго съ *Читальней Народной Школы* предыдущихъ годовъ (1888—1893). Перемѣну эту пресса единодушно отмѣтила въ рядѣ сочувственныхъ отзывовъ. Сочувственно была она встрѣчена и читателями: подписка возрастала съ каждымъ годомъ. Слышно, и подписка на 1898 годъ идетъ бойко. Подписчики, надо полагать, при этомъ разсчитываютъ, что журналъ сохранитъ тотъ же характеръ, который онъ имѣлъ въ 1894—97 годахъ. Между тѣмъ съ 1 января 1898 г. редакція его переходитъ въ другія руки; *никто изъ прежней редакціи, изъ прежнихъ его постоянныхъ сотрудниковъ въ немъ работать не будетъ*. Мы просили г. Морева заявить объ этомъ хотя бы въ декабрьскомъ выпускѣ журнала. Но г. Моревъ рѣшительно отказался напечатать наше заявленіе. Мало того, онъ продолжалъ разсылать объявленія о дальнѣйшемъ выходѣ *Читальни Народной Школы*, характеризуя ее выдержками изъ *Русской Мысли, Р[illegible]ской Школы*, *Педагогическаго Листка*, *Народнаго Образованія*, кото[illegible]ія относятся исключительно къ *Читальнѣ Народн. Школы* нашей редак[illegible]и.

Не знаемъ, каковъ журналъ будетъ впредь—къ лучшему или къ [illegible]дшему онъ измѣнится, но полная смѣна редакціи и сотрудниковъ не [illegible]ожетъ не отразиться на немъ.

Считаемъ долгомъ указать на это и прибавить: 1) что немедленно приступаемъ къ переизданію отъ себя книжекъ, вошедшихъ въ составъ *Читальни Народной Школы* съ іюня 1894 г. по декабрь 1897 г. (большинство которыхъ распродано или близко къ распродажѣ), и 2) что нами уже представлено въ главное управленіе по дѣламъ печати ходатайство о разрѣшеніи намъ собственнаго журнала. Этотъ журналъ—если, какъ надѣемся, разрѣшеніе получено будетъ — и *явится въ текущемъ же 1898 году прямымъ, непосредственнымъ продолженіемъ Читальни Народной Школы* 1894—1897 гг.; что же представитъ собою *Читальня Народной Школы*, на которую принимаетъ подписку г. Моревъ, вѣроятно, выяснитъ ея новая редакція.

Объ упомянутомъ переизданіи книжекъ 1894—97 гг. и о журналѣ нашемъ разослано будетъ вскорѣ обстоятельное объявленіе.

А. Слѣпцовъ.

Спб., Симбирская, 12.

Прошу всѣ газеты и журналы перепечатать это заявленіе.

II.

Насъ просятъ напечатать слѣдующія письма.

М. Г. Въ ноябрьской книжкѣ журнала *Русская Мысль* помѣщена замѣтка „Въ московскомъ Обществѣ грамотности“, составитель которой, давая отчетъ о происходившемъ въ засѣданіи Общества 16 октября, первомъ послѣ выхода изъ Общества нѣсколькихъ членовъ, въ томъ числѣ и меня, вслѣдствіе несогласія большинства членовъ Общества возбудить ходатайство объ измѣненіи устава, сообщаетъ совершенно невѣрныя свѣдѣнія о моемъ участіи въ устройствѣ отдѣла бывшаго комитета грамотности на Всероссійской выставкѣ 1896 г.

Совѣтомъ комитета грамотности дѣйствительно было предположено перенести экспонаты отдѣла комитета на всероссійской сельско-хозяйственной выставкѣ 1895 г. на Нижегородскую выставку, и мною было принято на себя это порученіе совѣта, но г. Т. умалчиваетъ въ своей замѣткѣ о томъ, что затѣмъ, въ виду того, что окончаніе сельско-хозяйственной выставки совпало съ пріостановленіемъ дѣйствія прежняго устава комитета впредь до выработки новаго устава, переформировавшаго его въ Общество грамотности, *совѣтъ былъ вынужденъ отказаться отъ мысли перенести экспонаты комитета на Нижегородскую выставку*, каковое постановленіе совѣта было оглашено въ № 112 *Русскихъ Вѣдомостей* за 1896 г. за подписью исп. обяз. предсѣдателя совѣта В. П. Вахтерова и моей, какъ секретаря комитета *). Поэтому ассигнованные на переносъ экспонатовъ 200 руб. въ мое распоряженіе совсѣмъ не поступали. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣтъ, отказавшись отъ устройства на выставкѣ отдѣла комитета грамотности, счелъ возможнымъ передать нѣсколько картограммъ коммиссіи по всеобщему обученію въ распоряженіе завѣдовавшаго XIX отдѣломъ выставки (министерства народнаго просвѣщенія) Е. П. Ковалевскаго. По частнымъ свѣдѣніямъ мнѣ извѣстно, что когда правленіе, исполняя порученіе общаго собранія, обратилось къ г. Ковалевскому съ запросомъ о судьбѣ этихъ картограммъ, отъ него получился отвѣтъ, что онѣ находятся у него и будутъ возвращены въ Общество по составленіи обзора выставки.

И. Сахаровъ.

---

*) Привожу это сообщеніе цѣликомъ: „Совѣтъ московскаго Общества грамотно-ст[illegible] не нашелъ возможнымъ въ виду измѣнившихся условій перенести на Нижегородс[illegible]ю выставку экспонаты, бывшіе въ отдѣлѣ комитета грамотности на московской се[illegible]ьско-хозяйственной выставкѣ, какъ это было предположено комитетомъ. Участіе О[illegible]щества въ выставкѣ выразится лишь представленіемъ нѣкоторыхъ экспонатовъ ком[illegible]ета по вопросу о всеобщемъ обученіи. Испр. должн. предсѣдателя В. Вахтеровъ. С[illegible]ретарь И. Сахаровъ“.

Въ № 358 *Русскихъ Вѣдомостей* отъ 29 декабря 1897 г. напечатано письмо И. Н. Сахарова, заключающее въ себѣ возраженіе на мою замѣтку „Въ московскомъ Обществѣ грамотности“, помѣщенную въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли*. Въ упомянутой замѣткѣ я не принялъ во вниманіе заявленія совѣта моск. Общ. грамотности, опубликованнаго въ № 112 *Русскихъ Вѣдомостей* за 1896 г., такъ какъ оно касается вопроса объ устройствѣ цѣлаго отдѣла комитета, а не отдѣльныхъ экспонатовъ. Докладъ правленія общему собранію 16 октября 1897 г. и мои замѣтки были составлены на основаніи слѣдующаго постановленія совѣта отъ 26 іюня 1896 г.: „Просить секретаря Общества, И. Н. Сахарова, выяснить, гдѣ находятся экспонаты бывшаго комитета грамотности, и если для приведенія этого въ порядокъ потребуется расходъ, то употребить на это изъ выставочныхъ средствъ сколько нужно, не свыше 200 руб.“. Журналъ подписали предсѣдатель Н. Горбуновъ, тов. предс. В. Вахтеровъ, члены совѣта: В. А. Гольцевъ, С. Г. Смирновъ, кн. Д. И. Шаховской, секретарь И. Сахаровъ. Считаю долгомъ присовокупить при этомъ, что ассигнованная совѣтомъ сумма получила впослѣдствіи другое назначеніе, такъ какъ не была истрачена на устройство экспонатовъ на Нижегородской выставкѣ. Думаю, что настоящимъ моимъ письмомъ вопросъ этотъ исчерпывается вполнѣ.

Н. Тулуповъ.

М. Г. По поводу письма Н. В. Тулупова считаю нужнымъ заявить, что цитируемое имъ порученіе совѣта было вызвано тѣмъ, что переданные совѣтомъ Е. П. Ковалевскому экспонаты коммиссіи по всеобщему обученію были выставлены имъ въ Отдѣлѣ Мин. Нар. Просв. безъ обозначенія, что они принадлежатъ комитету грамотности. Порученіе это было мною исполнено. Данными имъ разъясненіями своей замѣтки считаю себя удовлетвореннымъ и вопросъ исчерпаннымъ.

И. Сахаровъ.

Изъ этихъ писемъ видно, что полемика гг. Сахарова и Тулупова вызвана недоразумѣніемъ. Редакціи *Русской Мысли* хорошо извѣстна долгая и почтенная дѣятельность И. Н. Сахарова, какъ бывшаго секретаря Комитета (нынѣ Общества) Грамотности. *Ред.*

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Январь 1898 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія, исторія литературы, мемуары.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники, пособія, книги для дѣтей.—Календари. II. **Періодическія изданія:** «Русское Богатство», *ноябрь.*—«Вѣстникъ Европы», *декабрь.*—«Сѣверный Вѣстникъ», *декабрь.*—«Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ», *январь.* — «Образованіе», *ноябрь и декабрь.* III. **Спискъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1897 г. по 1 января 1898 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сильвекъ". Ром. въ 2-хъ ч. *Элизы Ожешковой.*—„Собраніе сочиненій Ивановича".—„Зеркала". Вторая книга разсказовъ *З. Н. Гиппіусъ.* — „Студенческіе разсказы". *В. М. Грибовскаго.*—„Кребули". Сборникъ.

Сильвекъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ Элизы Ожешковой, переводъ съ польскаго В. М. Лаврова. Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль". Москва, 1898 г. Цѣна 1 руб. Элиза Ожешкова (по-польски Orzeszkowa) родилась въ Гродненской губерніи въ 1842 г. Ея отецъ, Бенедиктъ Павловскій, былъ богатымъ помѣщикомъ, въ молодости — масономъ, до старости — горячимъ сторонникомъ просвѣтительныхъ идей. Очень молодою панна Элиза вышла замужъ за Петра Ожешко, зажиточнаго помѣщика. Движеніе общественной мысли 60-хъ годовъ коснулось молодой женщины, захватило ее и разбудило въ ней творческія силы, оказавшіяся потомъ первоклассным талантомъ, сдѣлавшимъ имя нашей писательницы знаменитымъ во всей Европѣ, такъ какъ многія ея произведенія переведены на языки русскій, французскій, чешскій, венгерскій и даже еврейскій. За тридцатилѣтній періодъ литературной дѣятельности г-жи Ожешковой ею написано до шестидесяти романовъ и повѣстей и много мелкихъ разсказовъ, въ которыхъ неизмѣнно звучитъ самое задушевное сочувствіе, болѣе того — сердечная любовь къ обездоленнымъ и униженнымъ. И это—не простое сочувствіе, а [illegible]ылкій призывъ къ гуманности, къ добру, къ правдѣ, къ человѣче[illegible]ъ отношеніямъ ко всѣмъ, забитымъ судьбою и презираемымъ людьми п[illegible]му только, что они слабы и несчастны. Въ польской литературѣ г[illegible] Ожешкова первая, кажется, заговорила о „жидѣ" и о „хамѣ", к[illegible] о людяхъ, имѣющихъ одинаковыя съ панами права на общечел[illegible]ческія радости и счастье, и не перестаетъ въ той или иной формѣ о[illegible]аивать такую равноправность, указывать на тяжелое злое, происх[illegible]ее отъ нарушенія справедливости со стороны „князей міра сего"

по отношенію къ „меньшимъ братьямъ“, къ бѣднякамъ и беззащитнымъ. Дѣлаетъ это высокоталантливая писательница съ необыкновенною мягкостью, ничьей вины не отягощаетъ, ни въ чемъ и нигдѣ не сгущаетъ тенденціозно красокъ, можно сказать даже, что никого она не винитъ въ частности, а лишь указываетъ на общепринятыя неправды и раскрываетъ происходящія отъ того несчастья, постигающія самихъ совершившихъ дурное дѣло и тѣхъ, кто отъ него пострадалъ. Въ романѣ *Сильвекъ* передъ нами брошенный ребенокъ, дитя любовной прихоти большого барина, очень богатаго и знатнаго, блестяще образованнаго, одареннаго утонченными чувствами, безукоризненнаго въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, всѣми чтимаго за его доброту, за искреннюю сердечность, за всегдашнюю готовность помочь ближнему, за неизмѣнную честность въ дѣлахъ, за его образцовую семейную жизнь. Всѣ эти превосходныя качества ума и сердца не помѣшали, однако, пану Таржицу соблазнить красавицу-горничную его матери, выгнать изъ дому страстно влюбленнаго въ нее молодого учителя Шимона Кемпу, мечтателя, чуть не молившагося на своего патрона и фантазировавшаго, при содѣйствіи столь сильнаго друга, посвятить себя на служеніе человѣчеству и весь міръ пересоздать на началахъ всеобщей любви и справедливости. Панъ Таржицъ женился на достойной его, прекрасной дѣвушкѣ изъ хорошей фамиліи и забылъ про бѣдную горничную, оставшуюся съ ребенкомъ на рукахъ, съ восьмимѣсячнымъ Сильвкомъ, героемъ романа, въ которомъ далѣе нѣтъ и намека на какую-нибудь любовь, кромѣ пламенной любви къ человѣчеству полунищаго Кемпы, не перестающаго мечтать о великихъ реформахъ, которыя явятся слѣдствіемъ его пламенной проповѣди и водворятъ на землѣ миръ и благоволеніе, справедливость и всеобщее благополучіе истиннаго „царства Божія“... Но, пока что будетъ, пока осуществится хотя малая доля того, о чемъ фантазируетъ голодный и оборванный проповѣдникъ, сдѣлавшійся учителемъ и другомъ подростка Сильвка, въ городѣ, ихъ пріютившемъ, и вездѣ кругомъ все идетъ по-старому. Брошенныя дѣти,—чудесно изображенныя авторомъ,—остаются безпріютными и безпризорными, растутъ совершенными дикарями въ городскихъ трущобахъ, какъ „крысы“ въ норахъ, голодныя, холодныя, не имѣющія ни малѣйшаго представленія о самыхъ элементарныхъ понятіяхъ нравственности и какого-либо стыда. Съ этими,—сказать страшно,—„дѣтьми-отбросами“ сходятся дѣти обнищавшихъ родителей, такія же обездоленныя и голодныя, по винѣ или по несчастью родителей, наивно заражаются не пороками, а повадками „крысъ“. Ни о какихъ порокахъ тутъ и рѣчи быть не можетъ, когда малые ребятишки всецѣло предоставлены только животнымъ инстинктамъ, требующимъ прежде всего удовлетворенія голода чѣмъ попало и какъ попало, не разбирая, что свое и что чужое, и не умѣя даже установить различіе между своимъ и чужимъ, дозволеннымъ и запрещеннымъ. Однихъ ли родителей, обнищавшихъ или покинувшихъ своихъ дѣтей, грѣхъ въ томъ, что малолѣтки растутъ въ трущобахъ, воспитываются въ смрадныхъ норахъ и превращаются въ „крысъ“? Виноваты ли дѣти въ томъ, что, возросши въ „крысино[illegible] образѣ, они становятся преступниками, кандидатами на исправит[illegible]ныя заведенія, тюрьмы, арестантскія роты и каторги? Виноваты взрослые неудачники въ томъ, что ихъ престарѣлые отцы и мате[illegible] одряхлѣвшіе дѣды нищенствуютъ по улицамъ и на церковныхъ па[illegible]тяхъ?—Нѣтъ,—отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы авторъ устами ме[illegible]теля Кемпы, и отвѣтъ его блестяще иллюстрируетъ своимъ прево[illegible]

нымъ романомъ *Сильвекъ*. Со своими реформаторскими фантазіями,—не во всѣхъ частяхъ фантастическими, — преждевременно состарѣвшійся Кемпа ходитъ изъ дома въ домъ, проситъ, умоляетъ и пытается убѣдить, и встрѣчаетъ вездѣ недоумѣнія, насмѣшки или опасенія. Отовсюду его выпроваживаютъ, принимаютъ за помѣшаннаго и въ лучшемъ случаѣ предлагаютъ подачку, милостыню. Но онъ не подачки проситъ, а любви къ человѣчеству, — любви, дѣятельной и могучей, чего никто не понимаетъ и дать ему не хочетъ. И въ душѣ старика, рядомъ съ безмѣрною любовью къ человѣчеству, возникаетъ и разрастается чувство озлобленія противъ выпроваживающихъ его людей, переходящее, наконецъ, въ глубокую ненависть къ пану Таржицу за лично нанесенную обиду, за погубленную любимую дѣвушку, за Сильвка, безпощадно выброшеннаго на улицу. И черезъ этого незаконнаго и покинутаго сына обрушивается на пана Таржица тяжелая кара за старый, давно имъ забытый, грѣхъ молодости, который знатный панъ на высотѣ своего положенія едва ли даже считалъ серьезнымъ грѣхомъ.

Романъ написанъ,—какъ почти всѣ произведенія г-жи Ожешковой,—замѣчательно стройно и увлекательно, обворожительно-нѣжными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильными тонами. Онъ представляетъ собою широкую картину городской нищеты, и въ этой картинѣ нѣтъ ни одного лишняго или неяснаго лица, ни одной ненужной детали, ни одного вводнаго эпизода, который не былъ бы безусловно необходимъ для полноты этого превосходнѣйшаго произведенія глубокой и гуманной мысли.

Собраніе сочиненій Ивановича. Т. I. Изданіе А. И. Попова. М., 1898 г. Ц. 2 р. Самое большое изъ произведеній, вошедшихъ въ этотъ томъ, есть повѣсть *Пришелъ, да не туда*. Въ ней развивается мысль, не одинъ разъ повторяющаяся въ другихъ разсказахъ автора,—та мысль, что люди, не глупые и даже умные и образованные, отлично сознаютъ, что хорошо, что дурно, что честно, что не честно, и стремятся всѣми силами быть хорошими, честными и добрыми, но вотъ этихъ самыхъ *силъ-то* у нихъ не хватаетъ на энергическое противодѣйствіе дурному, безчестному и злому, по существу своему очень ничтожному и тѣмъ не менѣе вліятельному тѣмъ страхомъ, который испытываютъ хорошіе люди передъ различными выраженіями, такъ называемой, „народной мудрости"—въ такомъ родѣ: „нельзя противъ рожна переть", „стѣну лбомъ не прошибешь", „съ волками жить—по-волчьи выть" и т. п. Въ большинствѣ повѣствованій автора мы видимъ извѣстную группу людей, про которыхъ всѣ говорятъ: „прекрасный человѣкъ", „отличная женщина". Въ ихъ обществѣ, въ ихъ кругу, въ ихъ городѣ всѣ ихъ любятъ, всѣ находятся съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ потому, что эти *всѣ* почти поголовно—точь-въ-точь такіе же „прекрасные" и „отличные": зла они не хотятъ дѣлать, доброе и честное они цѣнятъ и чтутъ, но лѣзть „на рожны" не желаютъ и бить „головой въ стѣну" считаютъ глупостью. Въ эту группу постоянно замѣшивается маленькая кучка беззастѣнчивыхъ дѣльцовъ, не особенно ...ыхъ, иногда просто глупыхъ, но умѣющихъ „задавать тоны" и ...рашать. Ихъ общество не любитъ, часто терпѣть не можетъ, но ...гда боится, принимаетъ ихъ за носителей того „рожна", противъ ...ораго яко бы нельзя ничего подѣлать. Въ это общество или въ ...ой кружокъ является человѣкъ добрый и не робкій,—ни чуть не ...ой", а самый обыкновенный смертный, убѣжденный лишь въ томъ, ... „выть" по-звѣриному нѣтъ никакой надобности, что сторониться ...ожна" не нужно, а слѣдуетъ отстранить „рожонъ", что стѣну

не головой надо разбивать, а просто опрокинуть, ибо она давнымъ давно сгнила и стоитъ лишь до тѣхъ поръ, пока никто не догадался ее толкнуть смѣлою рукой. Все это бодрый человѣкъ продѣлываетъ безъ особенныхъ усилій, „рожны“ прячутся, „стѣны“ обваливаются, большинство ликуетъ, но тотчасъ же впадаетъ въ недоумѣніе, пугается совершенныхъ дѣяній, признаетъ такого человѣка „опаснымъ для общественнаго спокойствія“, нарушителемъ установленнаго „порядка“, и отступается отъ дерзкаго потрясателя и разрушителя сгнившихъ „устоевъ“. Смѣльчака выпроваживаютъ, все входитъ въ прежнюю колею „умѣренности и аккуратности“ въ хорошемъ, добромъ и честномъ, съ стояніемъ передъ грязною стѣной, съ „вытьемъ по-волчьи“, съ благополучнымъ „непротивленіемъ“ всяческимъ „рожнамъ“. Мысли эти далеко не новы, правда, но онѣ настолько симпатичны и „съ подлиннымъ вѣрны“, что повторять ихъ никогда не будетъ лишнимъ, особливо въ такой занимательной формѣ, какъ это дѣлаетъ г. Ивановичъ, и съ такими привлекательными образами „не-героевъ“ и „не-героинь“, какіе авторъ выводитъ передъ читателями. Въ этихъ образахъ нѣтъ типовъ, и типичнаго въ нихъ очень мало. Все это люди самые заурядные и простые. Они ничѣмъ—ни умомъ, ни образованіемъ, ни добродѣтелями— не отличаются отъ большинства людей своего круга, кромѣ одного только: они свѣжіе и неробкіе, никакими „жупелами“ ихъ не испугаешь, и „рожнамъ“ они знаютъ настоящую цѣну. Но что всего важнѣе, они умѣютъ любить ближняго, кто бы ни былъ этотъ „ближній“,— пьяный ли инвалидъ (*Исправницкая дочка*), неизвѣстный ли преступникъ, изнывающій въ одиночной камерѣ тюрьмы (*Сердце велѣло*), погибшая ли дѣвушка, жертва *Общественнаго грѣха* и т. д. Такіе же люди умѣютъ истинно любить, „не на словахъ и не про себя“, а дѣятельно любить молодежь, всѣхъ нуждающихся въ помощи,—народъ... Вмѣстѣ съ этимъ, авторъ, при посредствѣ своихъ дѣйствующихъ лицъ и споровъ между ними, не разъ возвращается къ разсужденіямъ о нравственномъ абсолютно и о томъ, какими маленькими „уступочками“ и легонькими „компромиссиками“ добрые, но не достаточно стойкіе, люди постепенно примиряются, принижаются и доходятъ до подлостей или до отчаянія и невозможности жить долѣе. Положимъ, и это не очень ново, только у г. Ивановича это иллюстрировано оригинальными, удачно выбранными примѣрами, напоминающими довольно внушительно о негодности уступокъ и сдѣлокъ въ смыслѣ не только моральномъ, но и практически-житейскомъ. Авторъ можетъ съ полнымъ правомъ повторить слова знаменитаго французскаго писателя: „мой стаканъ не великъ, но я пью изъ своего стакана“, и авторъ вправѣ сдѣлать такое маленькое добавленіе: „изъ чистаго стакана“.

Второй и третій томы *Сочиненій* Ивановича обѣщаны въ непродолжительномъ времени.

Зеркала. Вторая книга разсказовъ З. Н. Гиппіусъ (Мережковской). Изданіе Н. М. Герценштейна. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. *Зеркала* есть заглавіе перваго разсказа, напечатаннаго въ этой книжк[illegible] и ко всему остальному, что въ нее вошло, не имѣетъ никакого отн[illegible] шенія. Помѣщено же въ книжкѣ—шесть разсказовъ, десять стихотв[illegible] реній и одна повѣсть. Стихотворенія намъ не нравятся: это стих[illegible] написанные гладко и правильно, не безъ нѣкоторой вычурности, это—не поэтическія произведенія. Они холодны и дѣланны, мало с[illegible] держательны и скучны. Много лучше разсказы, особливо тѣ, котор[illegible] попроще, какъ, напримѣръ, *Родина*, въ которомъ главное мѣсто за[illegible]

маетъ старикъ, швейцаръ большого петербургскаго дома, много лѣтъ мечтающій о томъ, какъ хорошо будетъ ему, накопивши достаточно деньжонокъ, вернуться на „родину“, гдѣ есть поля и лѣса, горы и рѣки, гдѣ можно свой домикъ устроить, обзавестись своею коровкой и всѣмъ хозяйствомъ, и спокойно дожить свой вѣкъ вдали отъ столичной сутолоки. Гдѣ собственно эта „родина“ находится, старикъ не помнитъ съ точностью, только очень сладостнымъ представляется ему смѣнить конуру швейцарской на идиллическій покой деревни. И вдругъ добрый и богатый хозяинъ предлагаетъ старику за долголѣтнюю и честную службу доставить недостающую ему сумму для немедленнаго осуществленія его завѣтной мечты. А утомленный и больной старикъ не только этому не радуется, а, наоборотъ, огорченъ и обиженъ, представить себѣ не можетъ, за что его хотятъ выставить изъ швейцаровъ и какъ это онъ, ни съ того, ни съ сего, перестанетъ отворять и затворять двери, давать звонки въ квартиры и получать двугривенные. Швейцаръ очень милъ, очень жизненъ и правдивъ своею типичною фигурой, совершенно аналогичною съ фигурами превосходительными и высокопревосходительными, мечтающими объ отдыхѣ въ „Монрепо“ и не могущими оторваться отъ непосильныхъ занятій, несмотря на болѣзни и дряхлость. Подъ заглавіемъ *Утро дней* разсказанъ маленькій романъ полудѣтской любви четырнадцатилѣтняго кадета Лёвы и тринадцатилѣтней Лизы, дочери экономки. Герой и героиня довольно милы, только представлены они, кажется намъ, уже слишкомъ наивными. Болѣе оригинальна барышня въ разсказѣ *Вѣдьма*, совсѣмъ не наивная, до крайности смѣлая и черезчуръ свѣдущая шестнадцатилѣтняя дѣвица, женящая на себѣ богатаго и хилаго князя, одряхлѣвшаго къ сорока годамъ. „Вѣдьмой“ прозвали несчастную старуху француженку-гувернантку, которая терпитъ очень горькую участь отъ этой барышни, порученной ея надзору. Въ разсказахъ *Луна, Зеркала, Живые и мертвые*—нормальныхъ, здоровыхъ людей почти нѣтъ: герои и героини—какіе-то развинченные, полупомѣшанные, а то и совсѣмъ сумасшедшіе; одни изъ нихъ—непріятные чудаки, другіе, повидимому, нравящіеся автору—смахиваютъ на декадентовъ. Въ фабулахъ этихъ разсказовъ, въ способѣ ихъ изложенія и въ языкѣ сказывается то же декадентство, не разъ вызывающее улыбки. Вотъ примѣры: „Тихо-тихо двигался воздухъ надъ водою. Рѣяли тѣни колокольныхъ звуковъ, слишкомъ далекихъ, чтобы быть несомнѣнно слышными. Такія же легкія, неуловимыя, неслись по водѣ отраженія человѣческихъ голосовъ“... „Желтый воздухъ былъ полонъ тѣми звуками, которые несомнѣнны“,.. Въ другомъ мѣстѣ: „Мутная жалость давила ему сердце“... „Образъ надменной дѣвушки, отраженный въ ясномъ, звонко-холодномъ стеклѣ“... Или еще: „Это много краткихъ и часто разсыпавшихся звуковъ, круглыхъ и твердыхъ“... Въ книгѣ не мало такихъ вычурностей. Послѣдняя повѣсть *Златоцвѣтъ*, самая длинная (на 200 страницахъ), много выиграла бы, еслибъ была покороче и еслибъ въ ней было поменьше повтореній [illegible] слишкомъ детальныхъ расписываній внѣшности дѣйствующихъ лицъ [illegible] различные моменты ихъ появленія передъ читателемъ. Идею этой [illegible]вѣсти мы уловить не могли. Красавица героиня то любитъ и въ [illegible]бя влюбляетъ двухъ молодыхъ ученыхъ, то не любитъ ихъ и недо[illegible]льна тѣмъ, что они въ нее влюблены. Да и ученые эти не столько [illegible]обятъ, сколько резонерствуютъ на тему о любви и разсуждаютъ очень [illegible]инно вкривь и вкось объ иныхъ „матеріяхъ важныхъ“, но совсѣмъ [illegible]нужныхъ.

Студенческіе разсказы. В. М. Грибовскаго (Гридень). Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. Авторъ соединилъ въ этой книжкѣ небольшія повѣсти изъ жизни студентовъ Петербургскаго университета и „наброски" изъ жизни Латинскаго квартала въ Парижѣ, желая такимъ образомъ „дать основаніе къ нѣкоторымъ выводамъ и сопоставленіямъ". Но уже въ предисловіи авторъ самъ дѣлаетъ „сопоставленія" и указываетъ наиболѣе существенныя черты, отличающія русскихъ студентовъ отъ французскихъ. Русскій студентъ,—говоритъ г. Грибовскій,—„по главному правилу—представитель интеллигентнаго пролетаріата, французъ—болѣе чѣмъ обезпеченный буржуа"; русскій — „мечтатель, теоретикъ, любитель отвлеченныхъ вопросовъ, нерѣдко отрицатель и возвышенный скептикъ, французъ — положительный человѣкъ, практикъ, знающій напередъ, чего онъ хочетъ отъ науки и что она ему можетъ дать". И беретъ онъ отъ нея все, что осилитъ взять, причемъ, „умышленно искажая живую идею, превращаетъ ее въ форму удобную только для него самого". Насколько мы знаемъ нашихъ „друзей" французовъ, они всѣ таковы отъ юныхъ дней и до старости; въ этомъ отношеніи студенты ничѣмъ не отличаются отъ офицеровъ и коммерсантовъ, и даже отъ французскихъ женщинъ. Очень милъ, забавенъ и характеренъ разсказъ *Почти супруги,* лейтенантъ Иври и его сожительница Мари. Они прожили два года „почти супругами", лейтенантъ измѣнилъ, уличенъ, Мари прогоняетъ его. Разрывъ полный и окончательный, и въ эту драматическую минуту Иври не забываетъ истребовать свои старыя туфли, а мадамъ Мари, выгнавши „почти супруга", заботливо выноситъ на холодъ бутылку вина, которую предполагала распить съ нимъ за ужиномъ... Такъ же забавны, хотя не всѣ достаточно приличны, остальные семь разсказовъ изъ жизни Латинскаго квартала. Въ томъ же духѣ, слегка юмористическомъ, написанъ разсказъ *Успѣхъ,* кончившійся нежданнымъ „проваломъ" для молодого студента, пытавшагося пробраться въ высшее общество. Это такая же бездѣлушка, какъ и разсказы про французовъ. Много серьезнѣе и содержательнѣе повѣсти: *Единеніе, Испытаніе* и *Тетушка.* Въ нихъ описываются не только успѣхи и злоключенія молодыхъ студентовъ, но изображается въ болѣе широкихъ картинахъ университетская жизнь, со студенческими кружками, съ ихъ попытками къ объединенію студенчества, съ кружковыми засѣданіями, совѣщаніями, рефератами и т. д. Тутъ живыя лица и „живая жизнь" цѣлаго общественнаго класса и разныхъ слоевъ петербургскаго общества, среди которыхъ приходится вращаться столичнымъ студентамъ различныхъ сословій и достатковъ. По словамъ автора „при написаніи очерковъ, онъ не задавался никакими преднамѣченными цѣлями, а просто пользовался пережитымъ и наблюденнымъ". И, надо отдать автору полную справедливость, наблюденія его интересны и переданы правдиво, безъ прикрасъ и тенденціозности. Его повѣсти не захватываютъ всей совокупности жизни студенчества, но то, что авторъ „пережилъ" и „наблюдалъ", облечено имъ въ достаточно яркіе образы, скомпановано въ оригинальныя картины, написанныя очень хорошимъ литературнымъ языкомъ.

„Кребули". Сборникъ. Изданный на грузинскомъ языкѣ к[illegible] Акакіемъ Церетели. Книжка I. Первая книжка *Сборника* имѣет[illegible] около 180 страницъ средняго формата и состоитъ изъ 14 разнообра[illegible] ныхъ статей: одной сказки-поэмы, двухъ небольшихъ стихотвореній[illegible] одного историческаго разсказа, двухъ этнографическихъ очерковъ, на[illegible] родныхъ сказаній, анекдотовъ и т. д. Редактируетъ извѣстный поэт[illegible]

кн. Акакій Церетели, поставившій цѣлью издать полное собраніе своихъ сочиненій и различныхъ видовъ народной словесности. Грузинскія народныя сказанія и устная поэзія, по мнѣнію кн. Акакія Церетели, имѣютъ не узко-національное, но и міровое значеніе. „Грузія во времена великаго переселенія народовъ была мѣстомъ и дорогою, по которымъ проходили народы изъ Азіи въ Европу. Эта страна была свидѣтельницей многихъ великихъ историческихъ переворотовъ. Грузины, по природѣ своей, воспріимчивы и общительны. Все, что только они могли видѣть и слышать когда-либо, живо воспринималось ими, отливалось въ форму народнаго сказанія и передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе. Никакой другой народъ такъ не увлекался сказками и рапсодіями, какъ грузины. Сказанія про давно минувшія времена цѣлые вѣка и тысячелѣтія переходили изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ, и въ теченіе такого большого періода облекались въ совершеннѣйшія формы народной поэзіи. Вся почти Библія, Ветхій и Новый Завѣтъ, была переложена въ стихи и въ такой формѣ распространялась въ народѣ. Даже въ наши дни часто приходится слышать прекраснѣйшія повѣствованія въ стихахъ объ Авраамѣ, Іовѣ, Соломонѣ и др. Ни одно выдающееся явленіе не проходило неотмѣченнымъ народною поэзіей. Кромѣ того, многія миѳологическія сказанія древнихъ народовъ, особенно же грековъ, воплотились въ сказкахъ Грузіи. Тутъ встрѣчаются отрывки сказаній Геродота и другихъ древнихъ писателей, и всѣ эти сказанія переработаны въ духѣ грузинскаго народа. И кто знаетъ: позаимствовали ли грузины у другихъ, или другіе у грузинъ? Грузія единственная страна, гдѣ во время крѣпостного права нѣкоторыя крестьянскія семейства изъ рода въ родъ отбывали барщину лишь сказками да стихами. Теперь, вслѣдствіе измѣнившихся жизненныхъ условій, весь старый строй рушился, и устная поэзія постепенно исчезаетъ. Новое поколѣніе не видитъ никакой прелести и потребности въ этой поэзіи и сказаніяхъ, которыя, вслѣдствіе этого, уносятся стариками съ собой въ могилу“. „Тѣмъ болѣе цѣнны тѣ изданія, которыя передаютъ и сохраняютъ намъ гибнущую народную поэзію“. Судя по первой книжкѣ, дѣло собиранія и печатанія народныхъ произведеній поставлено основательно и прочно. Можно привѣтствовать иниціатора этого крупнаго дѣла и пожелать успѣха въ завершеніи начатаго предпріятія.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, МЕМУАРЫ.

„Сборникъ историческ. матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Вып. IX“. Изд. подъ ред. *Н. Ѳ. Дубровина.*—„Труды рязанской ученой архивной коммиссіи“. Т. XII. Подъ ред. *С. Д. Яхонтова.*—„Монтескье“. *А. Сореля.*—„Записки М. С. Щепкина“. *А. Ярцева.*—„Е. И. Станилевичъ“. *И. Лащенкова.*—„Пѣсни о Травинѣ“. *Проф. И. Ѳ. Сумцова.*—„Исторія искусствъ“. *П. П. Гнѣдича.*—„Исторія итальянской литературы“. *Адольфа Гаспари.* Т. I и II. — „Новая наука г. Безсонова“. *Проф. Сумцова.*

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ арва собственной его императорскаго величества канцеляріи. ıп. IX. Изд. подъ редак. Н. Ѳ. Дубровина. Спб., 1897 г. Настоящее изчіе, девятый выпускъ котораго только-что вышелъ въ свѣтъ, имѣетъ ;ольно спеціальный интересъ и значеніе. Это—сборникъ сырыхъ мателовъ, безъ всякой обработки. У насъ такъ мало издано и издается ‹‹ментовъ по XIX вѣку, что нельзя не удивляться сравнительно ма-

лой извѣстности издаваемаго подъ редакціей г. Дубровина сборника. Несмотря на то, что документы въ немъ печатаемые имѣютъ строго-офиціальный характеръ, тѣмъ не менѣе очень жаль, что съ историческими данными, которыя изъ нихъ возможно извлечь, не знакомятъ ни ученую, ни большую публику. Новый выпускъ—еще не изъ самыхъ интересныхъ, тѣмъ не менѣе изъ него можно было бы извлечь матеріала на цѣлую статью, интересную для большой публики. *Отдѣлъ первый* (стр. 1—54) девятаго выпуска заключаетъ въ себѣ „Высочайшіе указы и рескрипты императора Николая I", за 1839—45 годы. Среди указовъ любопытенъ отъ 8 января 1839 г. относительно пріостановленія пріема студентовъ и чтенія лекцій въ университетѣ св. Владиміра на одинъ годъ, причемъ министерству народнаго просвѣщенія вмѣняется въ обязанность „распорядиться, чтобы всѣ лица, принадлежащія къ ученому сословію, занимались пріуготовленіемъ учебныхъ книгъ и руководствъ". Среди рескриптовъ обращаютъ на себя вниманіе два: отъ 22 іюля 1840 г. на имя министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова съ предписаніемъ отмѣнить *выборнаго* изъ профессоровъ или постороннихъ медиковъ инспектора въ московской медико-хирургической академіи и опредѣлить на эту должность по своему усмотрѣнію „отставного военнаго или гражданскаго чиновника", равно не стѣсняться въ увольненіи отъ службы профессоровъ этой академіи. Рескриптъ отъ 13 сентября 1840 г. на имя кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова смѣло можетъ быть отнесенъ къ числу историческихъ. Вотъ что читаемъ въ немъ относительно Кіевской, Волынской и Подольской губерній: „Не довольствуясь порядкомъ и спокойствіемъ, поддерживаемыми внѣшнею силою, я твердо въ мысли моей положилъ обезпечить оныя нравственнымъ направленіемъ тамошняго населенія, возстановивъ утраченную дѣйствіемъ времени и ухищреніями западнаго преобладанія привязанность онаго къ коренной Россіи, и уничтоживъ всякую мысль объ отдѣльной подъ тѣмъ или другимъ наименованіемъ политической самобытности того края". На этомъ основаніи Бибикову предписывалось „распространеніе въ краѣ русской народности и уничтоженіе всякаго иноземнаго направленія", которое, по словамъ рескрипта (стр. 29), можетъ „проявляться не только въ покушеніяхъ къ нарушенію установленнаго порядка неблагонамѣренными дѣйствіями и внушеніями, но и въ обыкновенныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, какъ скоро въ нихъ выражается стремленіе къ ослабленію русскихъ началъ и русской народности, или неуваженіе и противоборство предпринимаемымъ для возвышенія ихъ мѣрамъ". Съ этою цѣлью, продолжаетъ рескриптъ, было издано очень много узаконеній, но „поелику въ непрестанномъ движеніи общества къ развитію нравственныхъ силъ своихъ и при разнообразіи явленій общежитія, невозможно предвидѣть всѣхъ случаевъ, требующихъ благовременнаго направленія и обузданія", то Бибикову повелѣвалось предлагать сообразно съ ходомъ дѣлъ новыя мѣры. Судя по нумераціи указовъ и рескриптовъ, которыхъ въ разбираемомъ выпускѣ помѣщено 93, они печатаются въ сборникѣ съ извѣстнымъ выборомъ. Въ *отдѣлъ второй* (стр. 55—424) вош продолженіе начатыхъ печатаніемъ въ восьмомъ выпускѣ „матеріалов для исторіи Войска Донского"; всего напечатано 123 документа 1819—1824 годы. Это—матеріалъ обширный и цѣнный, въ которо сверхъ ожиданія, очень много данныхъ для исторіи русскаго быта, надо только пожелать, чтобы возможно скорѣе онъ былъ разработа спеціалистами (имѣемъ въ виду *не* военныхъ историковъ). Конецъ

вятаго выпуска подъ рубрикой *смѣсь* заключаетъ въ себѣ документы „О посылкѣ художника Воробьева въ Константинополь и Іерусалимъ въ 1820 году“ (стр. 425—437) и „О состояніи греческой церкви въ 1833 и 1834 годахъ“ (стр. 438—467): обѣ эти серіи документовъ представляютъ исключительно анекдотическій интересъ. Для облегченія справокъ къ девятому выпуску приложенъ алфавитный указатель собственныхъ именъ.

Разбираемому сборнику документовъ, имѣющихъ въ цѣломъ большое значеніе для *научной* разработки отечественной исторіи, можно пожелать лишь возможной полноты подбора и скорѣйшаго выхода въ свѣтъ новыхъ выпусковъ.

Труды рязанской ученой архивной коммиссіи. Томъ XII. Подъ редакціей С. Д. Яхонтова. Рязань, 1897 г. Въ только-что вышедшемъ въ свѣтъ XII томѣ *Трудовъ* рязанской архивной коммиссіи, за послѣднее время особенно оживившейся въ научномъ отношеніи, начаты печатаніемъ *Воспоминанія генералъ-майора Василія Абрамовича Докудовскаго*, уроженца Рязанской губерніи, послѣ котораго († въ Варшавѣ въ 1874 г.) осталось не мало рукописей, представляющихъ не только мѣстный, но и общій интересъ. Пока напечатанъ лишь небольшой отрывокъ изъ этихъ *Воспоминаній*, по которому, конечно, нѣтъ еще возможности окончательно судить о цѣломъ; тѣмъ не менѣе, судя по живости, простотѣ, а порой большому остроумію изложенія можно предположить о значительномъ интересѣ *Воспоминаній*. Описывая свое пребываніе въ Дворянскомъ полку въ С.-Петербургѣ, Докудовскій пишетъ: „Намъ не преподавали никакихъ наукъ, единственнымъ нашимъ занятіемъ были шагистика и ружейная экзерциція; это называлось у насъ службою; въ свободное же отъ этой не мудреной, но располагающей къ тупоумію, службы, воспитанники или чистили ружья, или чинили свои мундиры и штаны (шинелей не было), а чаще всего слонялись изъ одной камеры въ другую“. Въ напечатанномъ отрывкѣ мемуаристъ еще разъ жалуется на отсутствіе науки въ Дворянскомъ полку (рѣчь идетъ о 1814—15 гг.) и живо разсказываетъ, какъ однажды за шагистику онъ получилъ 8 ударовъ „безъ права именоваться рыцаремъ“ (стр. 13). Мемуаристъ не безъ содроганія разсказываетъ о дѣятельности въ одномъ изъ полковъ генерала Рота, знаменитаго своей жестокостью въ обращеніи съ солдатами. Подъ 1843 г. приведенъ характерный для варшавской администраціи разсказъ о спектакляхъ и вывозѣ заграницу балерины Лола Монтесъ. Въ томъ же томѣ помѣщены замѣтки гг. Милюкова, Мансурова, Яхонтова и друг. Всѣ онѣ представляютъ слишкомъ спеціальный интересъ, чтобы стоило останавливаться на нихъ въ общемъ журналѣ. Необходимо оговорить лишь двѣ работы: одну археологическую извѣстнаго рязанскаго археолога А. И. Черепнина подъ заголовкомъ *Мѣстная старина* и другую археографическую извѣстнаго московскаго архивиста С. А. Шумакова—*Матеріалы для исторіи рязанскаго края*. А. И. Черепнинъ съ обычной обстоятельностью описываетъ произведенную имъ раскопку Кузьминскаго [illegible]ильника на лѣвомъ берегу р. Оки, противъ села Кузьминскаго. [illegible]исаніе это имѣетъ большую цѣну, разъ имѣть въ виду предпринятую г. Черепнинымъ систематическую разработку подземной исторіи [illegible]анскаго края. Что касается блестящей работы г. Шумакова, то она [illegible]ошь основана на грамотахъ коллегіи экономіи, хранящихся въ мо[illegible]вскихъ архивахъ, и составляетъ лишь часть задуманной имъ обширной работы надъ упомянутыми грамотами.

Монтескьё. А. Сореля. Пер. М. Г. Васильевскаго, подъ ред. и съ предисл. Н. И. Карѣева. Спб., 1898 г. Ц. 75 к. Изъ знаменитыхъ французскихъ писателей просвѣтительной эпохи Монтескье какъ-то особенно не посчастливилось у насъ. Мы имѣемъ переводы нѣсколькихъ монографій (Морлея, Грей Грехема, Шюке), посвященныхъ Руссо, Вольтеру, Дидро. О Монтескьё на русскомъ языкѣ не существуетъ ни одной работы, если не считать общихъ сочиненій по *Исторіи франц. лит. XVIII в.* и очерка, входящаго въ составъ Павленковой *Библіографической библіотеки.* Поэтому нельзя не привѣтствовать появленіе книги Сореля, знакомящей съ личностью одного изъ крупнѣйшихъ представителей просвѣтительной эпохи. Сорель принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся спеціалистовъ по исторіи французской революціи и къ числу тонкихъ психологовъ, умѣющихъ проникнуть глубоко во внутренній міръ историческаго дѣятеля и писателя. Природныя свойства характера Монтескьё схвачены и очерчены мастерски, и такъ же мастерски изображена исторія постепеннаго развитія этой замѣчательной натуры. Предъ читателемъ шагъ за шагомъ раскрываются всѣ условія, повліявшія на это развитіе. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ событій частной жизни, изъ политическихъ условій, изъ случайныхъ встрѣчъ, изъ путешествій и знакомства съ чужими народами и т. д., падаютъ на богато одаренную почву, воспринимаются ею, перерабатываются и даютъ обильные плоды. Монтескьё растетъ и развивается на глазахъ читателя, который съ интересомъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ авторъ *Персидскихъ писемъ* постепенно выростаетъ въ творца *Духа законовъ.* Послѣднія двѣ главы посвѣщены характеристикѣ значенія, которое Монтескьё имѣлъ въ исторіи французской революціи, а также развитію, которое получили его идеи въ эпоху реставраціи и въ дальнѣйшей исторіи Франціи. Къ переводу приложены интерссные отрывки изъ *Духа законовъ*, заключающіе въ себѣ наиболѣе существенные взгляды политической теоріи Монтескьё, и перечень его сочиненій. Что касается самаго перевода, то нельзя не замѣтить, что выразительный, энергичный языкъ автора мѣстами теряетъ свои достоинства въ передачѣ на русскій языкъ.

Записки М. С. Щепкина (новая глава). А. Ярцева. Москва, 1897 г. Каждому открывателю свойственно преувеличивать значеніе своего открытія и дѣло критики „отвести каждому свою полочку". Г. Ярцеву удалось найти еще не бывшую въ печати маленькую главу *Записокъ* Щепкина. Онъ снабдилъ ее очень (даже черезчуръ) подробнымъ комментаріемъ и немножко широковѣщательно оповѣстилъ вселенную о своей счастливой находкѣ.

Новая крохотная глава вкратцѣ разсказываетъ о спектаклѣ, данномъ въ честь московскаго главнокомандующаго кн. Голицына въ день его рожденія. Отсылая читателя къ брошюрѣ Арапова, Щепкинъ говоритъ главнымъ образомъ о впечатлѣніи, произведенномъ спектаклемъ на князя, упоминаетъ о томъ, что тутъ актеры „въ первый разъ были приняты не какъ актеры, а тоже какъ люди" (стр. 35). Разсказъ пні-урочень къ очень бѣглому упоминанію объ извѣстномъ водевили. Писаревѣ.

Эти строчки исчерпали содержаніе вновь найденнаго отрывка, і сколько преувеличенно названнаго „новой главой". Безусловный ин-ресъ можетъ представлять только указаніе на то, какъ были прин-артисты.

Записки Щепкина—одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятников-

шей мемуарной литературы, столь важной для исторіи просвѣщенія, быта, воспитанія, но „новая глава“ очень мало пополнила ихъ богатое содержаніе.

Е. И. Станевичъ. И. Лащенкова. Харьковъ, 1896 г. Евстафій Ивановичъ Станевичъ, котораго его литературные враги упорно называли Сатаневичемъ или Штаневичемъ, — мелкій и бездарный литераторъ начала нынѣшняго вѣка. Только случайность сдѣлала его на минуту героемъ дня, заставила о немъ много говорить и дала г. Лащенкову право посвятить его исторіи цѣлую брошюру: его имя связано съ любопытнымъ эпизодомъ изъ исторіи мистицизма въ царствованіе Александра I. Бездарная книга Станевича: *Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души*—послужила поводомъ къ стычкѣ между православной и мистической партіей и временной побѣдѣ послѣдней. Станевичъ рѣшился сдѣлать нѣсколько довольно сдержанныхъ вылазокъ противъ всесильнаго тогда мистицизма, „гонимая“ православная партія ухватилась за эту книгу, какъ за удобный случай помѣряться силами съ ненавистнымъ врагомъ, и потерпѣла рѣшительное пораженіе. Станевичъ и цензоръ его книги пострадали. Послѣ увольненія кн. Голицына, благодаря Шишкову и митр. Серафиму, дѣло о книгѣ Станевича было пересмотрѣно. Раньше она была признана „несоотвѣтствующей настоящимъ видамъ правительства“ и запрещена, теперь же ее не только напечатали на казенный счетъ по Высочайшему повелѣнію и допустили къ продажѣ, но по поводу ея заставили Александра I, такъ сказать, публично отречься отъ покровительства мистицизму и реабилитировать автора гонимой книги. Станевичъ опять былъ опредѣленъ на службу.

Брошюра г. Лащенкова даетъ много интересныхъ подробностей для исторіи этого характернаго дѣла.

Пѣсни о Травинѣ. Проф. И. Θ. Сумцова. Харьковъ, 1897 г. Травинъ—герой одной малоизвѣстной малорусской разбойничьей пѣсни. Г. Сумцовъ, на основаніи случайнаго звукового совпаденія, сравниваетъ его съ Травникомъ (птица) аллегорической великорусской пѣсни, которую онъ совершенно произвольно считаетъ разбойничьей и въ которой самъ указываетъ скоморошьи черты. Кромѣ именъ, сходства нѣтъ никакого, такъ что сближеніе не можетъ имѣть никакого научнаго значенія. Скоморошье происхожденіе пѣсни о Травникѣ кажется и намъ правдоподобнымъ. По нашему мнѣнію, она даетъ интересные факты для поставленнаго недавно на очередь вопроса объ участіи скомороховъ въ созданіи нашей „народной поэзіи“.

Исторія искусствъ. П. П. Гнѣдича. Три тома. Спб., 1897 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Ц. 14 р. О первомъ выпускѣ этого изданія мы дали отзывъ тотчасъ по его выходѣ въ свѣтъ. Всѣхъ выпусковъ должно быть 12, теперь передъ нами лежатъ одиннадцать, просмотрѣвши которые мы вправѣ сказать, что это великолѣпное изданіе представляетъ собою совершенно исключительное явленіе на нашемъ книжномъ р[illegible]кѣ, по громадному обилію превосходно исполненныхъ иллюстрацій, вс[illegible] производящихъ замѣчательнѣйшія произведенія живописи, скульпту-р[illegible] и зодчества, а также костюмы, обстановку, утварь и вооруженія р[illegible]ныхъ народовъ съ отдаленнѣйшихъ, доисторическихъ, временъ до н[illegible] ихъ дней. Всѣхъ гравюръ около 2,000 и нѣсколько десятковъ хромол[illegible]графіи. Въ одиннадцати вышедшихъ выпускахъ 218 печатныхъ л[illegible]овъ большого формата in 4°. Въ текстѣ большой интересъ предст[illegible]ютъ разсказы автора о семейномъ бытѣ и общественной жизни,

о политическихъ учрежденіяхъ и религіяхъ разныхъ народовъ, съ разъясненіемъ, какое вліяніе все это оказывало на развитіе искусствъ въ различныя эпохи. Съ особенною ясностью показано вліяніе магометанства на развитіе зодчества и орнамента у арабовъ, завоевавшихъ Испанію. Тамъ, гдѣ послѣдователи ислама захватили часть Византійской имперіи, они сами подчинились въ дѣлѣ строительства почти полному вліянію византійцевъ и нерѣдко ограничивались тѣмъ, что переименовывали христіанскіе храмы въ мечети, уничтожая въ нихъ лишь иконы и замазывая мозаики и фрески, да и то не всегда или настолько слабо, что ихъ можно возстановить и теперь. Вновь воздвигаемыя мечети (джаміэ) они строили по двумъ образцамъ: по византійскому и по меккскому, единственному въ своемъ родѣ, такъ какъ въ святомъ городѣ ислама всего одна мечеть—при Каабѣ. Въ Каирѣ большая часть мечетей выстроена въ византійскомъ стилѣ, меньшая часть воспроизводитъ типъ великой мечети въ Меккѣ. Въ Іерусалимѣ мечеть Омара построена по византійскому плану, приспособленному только къ святынѣ, которую въ ней чтутъ. Святыня эта есть скала, находящаяся по серединѣ мечети. Авторъ говоритъ, что евреи чтутъ этотъ камень потому, что, по ихъ преданію, на немъ „стоялъ ангелъ, избивавшій народъ за гордость Давидову“, а магометане—за то, что Магометъ „называлъ его первымъ изъ камней Іерусалима“. Это не совсѣмъ вѣрно: по преданію евреевъ и мосульманъ, на этомъ камнѣ Авраамъ приносилъ въ жертву Исаака; по мосульманской легендѣ, на этомъ камнѣ молился самъ Магометъ такъ усердно, что камень отдѣлился отъ земли и поднялся бы на небо, еслибъ его не остановилъ архангелъ, отпечатокъ руки котораго на этомъ камнѣ и теперь показываютъ. На этомъ камнѣ въ Соломоновомъ храмѣ стоялъ ковчегъ завѣта, почему мечеть до сихъ поръ носитъ названіе „Святая святыхъ“. Мы думаемъ, что авторъ такъ же ошибается, говоря, что мечеть (въ Іерусалимѣ же) Эль-Аксъ построена мосульманами по плану христіанской базилики. Эта семинефная или семинаосная базилика построена христіанами и обращена въ мечеть до постройки Омаровой мечети. Обѣ мечети полны историческими и легендарными воспоминаніями о Пресвятой Богородицѣ и о Христѣ-Спасителѣ, свято хранимыми муллами. Въ 6 выпускѣ, подъ гравюрой за № 209, на стр. 246, мы видимъ такую подпись: „Себастьянъ дель-Піомбо. Св. Хризостомъ (Бесѣда святыхъ). Венеція, С. Джіованни Кризостомъ“. Въ текстѣ святой названъ „С.-Джіованни Хризостомо“. Мы не на опечатки указываемъ,—ихъ въ книгѣ не мало,—а полагаемъ только, что слѣдовало пояснить, что рѣчь тутъ идетъ о св. Іоаннѣ Златоустѣ. Въ 8 выпускѣ, на стр. 620, подъ рисункомъ № 612, поставлена такая подпись: „Гансъ Буркмайеръ. Иллюстрація къ „Бѣлому королю“. Ботшафтъ передъ голубымъ королемъ“. Незнающій нѣмецкаго языка никакъ не догадается, что слово *ботшафтъ* означаетъ просто „посольство“, прибывшее къ „голубому королю“. Въ томъ же выпускѣ, на стр. 623 и 624, въ подписи подъ рисункомъ и въ текстѣ напечатано: „Главный алтарь въ церкви Богоматери въ *Кракау*“. Русскіе такого города не знаютъ, какъ не знаютъ они *Варшау*, *Брес..у*, *Митау*,—для насъ это Краковъ, такъ бы и слѣдовало написать. Т..ъ же, на страницѣ 624, дважды напечатано: „Благовѣщеніе въ вѣ..ѣ изъ розъ“. Изъ рисунка нельзя уразумѣть, есть ли тутъ розы, но *Rosenkranz* — „четки“ несомнѣнно есть. Самаго оригинала мы не ..идали, но полагаемъ, что *im Rosenkranz* въ данномъ случаѣ слѣдов..ло перевести словами: „окруженное четками“. На стр. 482 и 486 авт..ръ

говоритъ о „Филиппсѣ Воуерманѣ“ и „Яковѣ ванъ-Рейсдалѣ“. Не входя въ сужденія о правильности произношенія и транскрипціи иноземныхъ именъ, мы думаемъ, что слѣдовало бы, хоть въ скобкахъ, отмѣтить тѣ имена, подъ которыми русская публика привыкла знать голландскихъ художниковъ „Филиппа Вувермана“ и „Якова Рюисдаля“ (Wouwermann, Ruysdal) и др. Мы не ставимъ въ вину г. Гнѣдичу нѣкоторыхъ пропусковъ, такъ какъ признаемъ за авторомъ право указывать въ каждой школѣ тѣхъ представителей искусства, чьи произведенія онъ считаетъ наиболѣе выдающимися и характерными для извѣстной эпохи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи г. Гнѣдичъ даетъ матеріалъ весьма обильный, обстоятельно комментированный и очень богато иллюстрированный превосходными снимками съ произведеній искусствъ. Въ его *Исторіи искусствъ* лишь вскользь упоминается о вазахъ и объ изразцахъ и,—если не ошибаемся,—нѣтъ ничего о терракотовыхъ статуэткахъ и мало говорится о старинныхъ и древнихъ бронзахъ. Весьма возможно, что авторъ относитъ ихъ къ издѣліямъ ремесленнымъ. Но, еслибъ и такъ это было, на нихъ все-таки слѣдовало бы указать, дабы дать понятіе о воздѣйствіи искусства на ремесло, въ особенности когда это послѣднее оставило намъ такіе образцы, какъ найденные въ Танагрѣ и до сихъ поръ находимые въ Греціи и въ Крыму. Цѣну за книгу мы признаемъ рѣшительно недорогою.

Исторія итальянской литературы. Адольфа Гаспари. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 руб. Т. II. Итальянская литература эпохи Возрожденія. М., 1897 г. Ц. 3 р. Переводъ К. Бальмонта. Адольфъ Гаспари принадлежитъ къ числу самыхъ добросовѣстныхъ и осторожныхъ изъ европейскихъ ученыхъ, можно даже сказать—слишкомъ осторожныхъ и добросовѣстныхъ. Оба упомянутыя качества являются въ высшей степени полезными и желательными въ каждомъ изслѣдованіи, если они не мѣшаютъ автору дѣлать научно-обоснованныя обобщенія, строить выводы на основаніи всего извѣстнаго матеріала, представлять умственныя теченія каждой эпохи въ опредѣленной группировкѣ и живо изображать характеры литературныхъ дѣятелей, стоявшихъ во главѣ этихъ теченій. Къ сожалѣнію, трудъ Гаспари далеко не отличается этими свойствами: читателю нужно употреблять значительныя усилія для того, чтобъ услѣдить за главной нитью изложенія и ясно представить себѣ различныя развѣтвленія того или другого литературнаго направленія. Его вниманіе ежеминутно отвлекается безчисленными ссылками, разборомъ всевозможныхъ мнѣній и теорій, посвященныхъ извѣстному вопросу. Авторъ, очевидно, хотѣлъ не только познакомить читателя съ ходомъ общихъ идей, какъ онѣ отразились въ итальянской литературѣ, не только съ конечными выводами науки,—онъ посвящаетъ его во всѣ подробности той ученой работы, благодаря которой самъ пришелъ къ тѣмъ или другимъ заключеніямъ. Какъ можетъ, напримѣръ, читатель вынести цѣльное представленіе о философской лирикѣ Данте или о д[illegible]гомъ родѣ его поэзіи, если анализъ ея на каждой страницѣ пре-р[illegible]вается учеными отступленіями вродѣ слѣдующаго: „Комментарій какъ в[illegible] „Vita Nuova“, такъ и въ „Convivio“ былъ написанъ лишь спустя и[illegible]ѣстный и даже продолжительный срокъ послѣ созданія стихотво-р[illegible]ій. Въ началѣ книги авторъ говоритъ о своихъ долгихъ скитані-я[illegible] въ нуждѣ и нищетѣ; это означаетъ, что уже прошло много лѣтъ и[illegible]наннничества. Благородный Герардо да Каммино, правитель Тревизо, у[illegible]ется какъ умершій, а онъ умеръ 26 марта 1306 года. Съ

другой стороны король Неаполя Карлъ II, умершій 5 мая 1309 года, упоминается еще какъ живой. Такимъ образомъ Convivio относится къ періоду между 1306 годомъ и 1309". Витте относитъ его къ зимѣ 1308—9 года, съ чѣмъ согласуется болѣе примирительный, болѣе кроткій тонъ книги по отношенію къ родному городу, резигнація, вполнѣ понятная, ибо это время было эпохой безнадежности для изгнанниковъ" и т. д. (т. I, стр. 218). Но еще болѣе утомительными становятся подобныя отступленія, которымъ мѣсто въ примѣчаніяхъ или приложеніяхъ, когда авторъ сообщаетъ намъ біографическія свѣдѣнія о писателѣ. Къ чему нужно, напримѣръ, такое отступленіе: „Раньше никто не сомнѣвался, что его (Данте) фамилія была дворянская, но Тодескини представилъ противъ этого весьма стараго взгляда нѣкоторыя возраженія; многія изъ нихъ ослабилъ Фенароли; однако, ёще остаются *извѣстныя неясности, оставляющія мѣсто для сомнѣнія*" и т. д. (т. I, стр. 233). Что и кому могутъ объяснить подобныя фразы, а между тѣмъ въ немъ совершенно исчезаетъ величественная фигура Данте, политическая мечтательность и идеализмъ Петрарки, и тотъ языческій духъ, которымъ былъ проникнутъ Боккаччіо. Замѣчательно, что при своей огромной эрудиціи авторъ самъ рѣдко рѣшается присоединиться къ тому или другому мнѣнію. Онъ излагаетъ по большей части всѣ мнѣнія по данному вопросу и затѣмъ предоставляетъ читателю самому разобраться въ нихъ. Изрѣдка только съ большой осторожностью и оговорками присоединяется онъ къ тому или другому взгляду, какъ, наприм., послѣ утомительно-скучнаго изложенія всѣхъ теорій, касающихся Дино Компаньи и его хроники (т. I, стр. 305 и слѣд.). Вообще всю XII главу (XIV вѣкъ), занимающую болѣе пятидесяти страницъ, можно было бы безъ ущерба сократить или перенести частью въ приложенія.

Благодаря указаннымъ недостаткамъ въ манерѣ изложенія и въ распредѣленіи матеріала, книга Гаспари представляетъ изъ себя добросовѣстное собраніе всѣхъ фактовъ итальянской литературы, но ходъ общихъ идей, отражавшихся въ ней, остается неяснымъ для читателя или требуетъ съ его стороны большого напряженія. Возьмемъ, напримѣръ, гуманистическое движеніе. Въ 1879 году въ Штуттгартѣ вышла небольшая книга Губерта Яничека подъ заглавіемъ: *Die Gesellschaft der Renaissance in Italien und die Kunst*. Прочтя первую главу этой книги, мы быстро оріентируемся въ главныхъ развѣтвленіяхъ, по которымъ разошлось гуманистическое движеніе; для насъ становится ясной роль, которую игралъ каждый изъ гуманистовъ въ томъ или другомъ изъ этихъ теченій; каждый трактатъ является необходимымъ звеномъ въ общей цѣпи. У Гаспари содержаніе каждаго трактата изложено добросовѣстно, но нѣтъ группировки; читателю можетъ показаться, что ничего общаго не было между Бекаделли, Филельфо, Бруни, Поджіо и прочими гуманистами, кромѣ бо́льшей или меньшей склонности къ античному міру. Гаспари менѣе всего удовлетворяетъ главному требованію, которое мы предъявляемъ къ историку литературы; его трудъ не даетъ намъ исторіи умственной коллективной работы ита... янскаго народа; онъ представляетъ намъ только плоды этой раб... въ хронологическомъ порядкѣ. Что извлекъ, напримѣръ, Гаспари и... знаменитаго изданія акад. Веселовскаго *Il Paradiso degli Alberti* и превосходнаго предисловія? Историкъ итальянской литературы огр... чился краткимъ упоминаніемъ о предметѣ разговоровъ между гост... хлѣбосольнаго Альберта, а борьба двухъ направленій, которая ск...

вается за этими тонкими, изящными бесѣдами, совершенно ускользаетъ отъ читателя (т. II, стр. 71—72).

Несмотря на указанные недостатки, нельзя не поблагодарить издателя, который далъ русской публикѣ возможность познакомиться съ однимъ изъ капитальныхъ трудовъ по исторiи западно-европейскихъ литературъ. Трудъ Гаспари важенъ благодаря огромному количеству свѣдѣнiй, которыя онъ даетъ по трактуемому предмету. Въ этомъ отношенiи онъ является самой полной и добросовѣстной, а на русскомъ языкѣ единственной работой по *Исторiи итальянской литературы*. Кромѣ того этотъ трудъ замѣчателенъ по нѣкоторымъ прекраснымъ отдѣльнымъ характеристикамъ тѣхъ или другихъ произведенiй итальянской поэзiи. Таковъ превосходный анализъ трогательнаго эпизода съ Франческой да Римини и ея возлюбленнымъ Паоло изъ поэмы Данте, такова характеристика лирической поэзiи Петрарки и проч. Все это свидѣтельствуетъ объ эстетическомъ чутьѣ и развитыхъ критическихъ способностяхъ автора. Переводъ сдѣланъ извѣстнымъ переводчикомъ г. Бальмонтомъ и является весьма цѣннымъ потому, что переводчикъ производилъ свою работу подъ наблюденiемъ самого автора, который внесъ мѣстами дополненiя. Особенно расширенъ сравнительно съ нѣмецкимъ текстомъ отдѣлъ приложенiй, очень цѣнный по богатству библiографическихъ и другихъ свѣдѣнiй.

Новая наука г. Безсонова. Проф. Сумцова. Кiевъ, 1897 г. Вѣроятно, многимъ читателямъ извѣстно имя г. Безсонова, какъ человѣка, испортившаго своими чудовищно-странными примѣчанiями цѣнныя изданiя былинъ и духовныхъ стиховъ и прославившагося, въ качествѣ университетскаго дѣятеля, своеобразными полемическими прiемами (не литературными).

Псевдонаучные прiемы г. Безсонова,—курьезы, которыми переполнены его труды,—конечно, заслуживаютъ насмѣшки. Мы помнимъ въ *Кiевской Старинѣ* старой редакцiи очень милую, коротенькую замѣтку, въ которой, съ чисто-малороссiйскимъ юморомъ, были осмѣяны „ученые“ домыслы г. Безсонова. Г. Сумцовъ, что называется, „погнался за мухой съ обухомъ“ и напечаталъ цѣлую брошюру объ этомъ авторѣ, фигура котораго врядъ ли нуждается въ новомъ и болѣе полномъ освѣщенiи.

За слишкомъ страстнымъ тономъ невольно чувствуются какiе-то личные счеты. Критикъ ломится въ открытую дверь, и оселокъ для легкаго юмора принимаетъ за серьезнаго противника, съ которымъ нужно считаться. Для освѣщенiя научной состоятельности г. Безсонова достаточно было бы привести 2—3 примѣра, вродѣ: „якуты—прямое соединенiе Яковъ и Уты“, а Уты или Ады — „общее“ туранское племя, изъ эпохи котораго воспроизведена, *какъ нынѣ доказано наукой* исторiя Адама; „амазонка отъ мужъ—женъ, т.-е. соединенiе во едино мужчины и женщины“. Кто начинаетъ исторiю славянъ съ вавилонскаго столпотворенiя и отъ потопа, кто отождествляетъ русскаго сказ[illegible]наго Таракашку съ Геркулесомъ, съ тѣмъ обыкновенно не спорятъ и [illegible] томъ стараются говорить возможно меньше.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Практическія замѣтки о свойствахъ состязательнаго начала въ гражданскомъ судопроизводствѣ“. *А. Краевскаго.* — „Справочная книга для опекуновъ и попечителей“. Состав. *Н. Мартыновъ.*

Практическія замѣтки о свойствахъ состязательнаго начала въ гражданскомъ судопроизводствѣ. А. Краевскаго. Спб., 1897 г. Разсматривая значеніе лежащаго въ основаніи нашего гражданскаго процесса начала состязательности, авторъ разбираемой брошюры приходитъ къ тому печальному выводу, что „состязательный порядокъ совсѣмъ не въ нашихъ нравахъ“ (стр. 28), что это „методъ ложный; въ немъ скорѣе помѣха правосудію, нежели его орудіе“ (стр. 29), что „состязательный процессъ окончательно убилъ въ насъ вѣру въ правду суда; поставилъ въ фальшивое положеніе наше адвокатское сословіе и оказалъ растлѣвающее вліяніе на наши нравы“ (стр. 64). Послѣдствіями состязательнаго начала и связанныхъ съ нимъ судебныхъ преній являются, по мнѣнію автора, „вражда магистратуры къ представителямъ сторонъ“ (стр. 22), побѣда на судѣ не праваго, а ловкаго (стр. 32), формализмъ (стр. 37), страсть къ сутяжничеству (стр. 60), развитіе фиктивныхъ сдѣлокъ (стр. 62) и фиктивныхъ исковъ (стр. 64). Такимъ образомъ состязательное начало не только не полезно, но оказываетъ одинъ лишь вредъ и должно быть, по мнѣнію г. Краевскаго, выведено изъ нашего процесса.

Но мнѣнія автора вполнѣ несостоятельны. Прежде всего состязательное начало, на которое такъ рѣзко нападаетъ г. Краевскій, непосредственно вытекаетъ изъ самой сущности гражданскихъ правъ. Гражданскія права относятся всецѣло къ сферѣ индивидуальной свободы лица; всякій обладатель гражданскаго права можетъ пользоваться имъ такъ, какъ ему заблагоразсудится и, безъ полномочія обладателя, никто другой, въ томъ числѣ и судъ, не можетъ этимъ правомъ распоряжаться. Отсюда необходимо вытекаетъ то начало личной автономіи сторонъ, которое и составляетъ сущность состязательнаго начала. Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію г. Краевскаго, состязательное начало является единственно правильнымъ въ гражданскомъ процессѣ. Что же касается до тѣхъ печальныхъ послѣдствій состязательности, о которыхъ говоритъ авторъ, то мы и здѣсь не можемъ съ нимъ согласиться. Выводить развитіе фиктивныхъ сдѣлокъ и исковъ и страсть къ сутяжничеству изъ состязательнаго начала болѣе, чѣмъ смѣло, а формализмъ является послѣдствіемъ не состязательнаго, а прямо противоположнаго ему слѣдственнаго начала въ процессѣ; относительно же вражды магистратуры и представителей сторонъ, мы не думаемъ, чтобъ она существовала на самомъ дѣлѣ.

Авторъ вообще придерживается оригинальныхъ воззрѣній на судъ и стороны; судъ, по его словамъ, „представляетъ собой коллегію вельможъ, свысока взирающую на толпу просителей и ниспосылающ[illegible] имъ дары правосудія въ видѣ милости“ (стр. 25); относительно ст[illegible] ронъ авторъ говоритъ, что между ними происходитъ словесная борь[illegible] гдѣ „ни объ искренности мнѣній, ни о правдивости положеній не м[illegible] жетъ быть рѣчи; тутъ все дѣло только въ ловкости“ (стр. 30), а [illegible] помощь ловкости „идутъ не только необузданная лѣность, но и та[illegible] бездушіе въ отношеніи правды, справедливости и совѣсти, съ кото[illegible] ми никакъ нельзя примириться“ (стр. 31). Конечно, среди магист[illegible]

туры и адвокатуры встрѣчаются лица, стоящія не на той высотѣ, на какой должны стоять служители правосудія, но такое огульное обвиненіе, какое дѣлаетъ г. Краевскій, является не только ни на чемъ не основаннымъ, но и прямо невѣрнымъ.

Справочная книга для опекуновъ и попечителей. Сост. Н. Мартыновъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1897 г. Званіе опекуна, какъ говоритъ въ предисловіи авторъ, составляетъ тяжелую, сложную и отвѣтственную обязанность, для добросовѣстнаго исполненія которой недостаточно для опекуна однихъ нравственныхъ качествъ, но необходимо знать и законы, опредѣляющіе права и обязанности опекуна; между тѣмъ, по большей части, лица, призываемыя къ опекунству, не обладаютъ не только юридическою подготовкой, но даже необходимыми элементарными познаніями о законахъ, нормирующихъ кругъ и предѣлы ихъ дѣятельности. Поэтому изданіе, подобное настоящему, заключающее въ себѣ всѣ законы объ опекѣ, разбросанные въ разныхъ частяхъ свода законовъ, является весьма полезнымъ.

Въ разсматриваемой справочной книгѣ кромѣ текста узаконеній, касающихся опекунскихъ учрежденій вообще, опеки надъ малолѣтними и несовершеннолѣтними, безумными, глухонѣмыми и расточителями, находятся подъ соотвѣтствующими статьями выдержки изъ сенатскихъ рѣшеній; въ концѣ книги приложены образцы сношеній и отчетности по опекунскимъ дѣламъ.

Составлена книга весьма полно и аккуратно.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Среди льда и ночи". *Фритіофа Нансена.*—„Физіологія человѣка". *И. А. Чуевскаго.* Изд. 2-е.—„О физико-географическихъ условіяхъ Черноморскаго бассейна въ связи съ вліяніемъ Босфора". *Скаловскаго.* — „Краткій опредѣлитель дичи степной полосы Россіи". Состав. *А. Браунеръ.*—„Бесѣды о растеніяхъ и ихъ жизни". *Гранта Аллена.*—„Натуралистъ на Ла-Платѣ". *У. Хэдзона.*

Среди льда и ночи. Фритьофъ Нансенъ. Пер. съ норвежскаго В. Семенова. Съ приложеніемъ біографическаго очерка жизни Нансена, составленнаго по соч. Бреггера и Ральфеена. Съ 27-ю рис., картою и портретами. Спб., Изданіе П. Сойкина. Ц. 50 к. „Среди льда и ночи" представляетъ собою извлеченіе, составленное по книгѣ Ф. Нансена „Fram over polhâver" и предназначенное, какъ говоритъ и самъ переводчикъ, только для „большой" публики. Книга написана въ общемъ настолько подробно, подобраны такіе характерные эпизоды, что по ней можно составить достаточно цѣльное представленіе и о личности Нансена, и объ его замѣчательномъ путешествіи. Большая часть рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ, исполнена удовлетворительно.

Физіологія человѣка (конспектъ). И. А. Чуевскаго. Изданіе —ророе, исправленное и дополненное, съ 32 рисунками въ текстѣ. .рьковъ, 1897 г. Ц. 2 р. Въ предисловіи авторъ пишетъ, что его лью было „облегчить далеко не легкій трудъ учащихся въ дѣлѣ иготовленія къ полукурсовымъ и другимъ испытаніямъ" и настоящее ;аніе надо разсматривать какъ одно изъ тѣхъ, которыя спеціально лноровлены къ экзаменаціоннымъ цѣлямъ, въ которыхъ, слѣдовально нечего искать ни оригинальности, ни чего-либо новаго. Въ по-бныхъ изданіяхъ выступаетъ на первый планъ умѣнье составителя

въ сжатой и понятной формѣ изложить сущность предмета, имѣя въ основѣ изложеніе подробныхъ учебниковъ. Эта нетрудная задача удалась составителю и книга его является хорошимъ повторительнымъ курсомъ. Надо только помнить, какъ говоритъ самъ г. Чуевскій въ предисловіи, что подобная книга можетъ оказать услугу только тому, кто, прослушавъ съ успѣхомъ полный систематическій курсъ физіологіи и проштудировавъ его по одному изъ болѣе обширныхъ руководствъ, пожелаетъ возобновить и систематизировать въ своей памяти уже пріобрѣтенныя знанія, не отвлекая своего вниманія второстепенными подробностями. Пройти же курсъ физіологіи исключительно по этой книгѣ, конечно, невозможно. Цѣна книги весьма высока.

О физико-географическихъ условіяхъ Черноморскаго бассейна въ связи съ вліяніемъ Босфора. Скаловскаго. Съ 5-ю таблицами. Спб., 1897 г. Книга эта представляетъ собою изданныя военно-морскимъ ученымъ отдѣломъ главнаго морского штаба лекціи капитана 2-го ранга А. Н. Скаловскаго, читанныя въ Севастопольскомъ морскомъ собраніи. Авторъ задался цѣлью прослѣдить, на основаніи имѣющихся литературныхъ данныхъ, а отчасти собственныхъ наблюденій и разспросныхъ свѣдѣній, собранныхъ отъ черноморскихъ моряковъ, вліяніе нижняго босфорскаго теченія на Черное море. При этомъ авторъ подробно излагаетъ общія физико-географическія условія этого моря и его береговъ, а также имѣющія отношеніе къ этому вопросу флористическія и фаунистическія данныя. Литература, касающаяся Чернаго моря и его побережья, извѣстна автору весьма хорошо и обстоятельно имъ переработана; изложеніе весьма ясное и книга читается съ интересомъ. Указывая на то вліяніе, которое босфорское теченіе имѣетъ на свойства Чернаго моря, его фауну, а также климатъ его береговъ, г. Скаловскій отмѣчаетъ и большое значеніе этого теченія для судоходства, доказывая, что мѣста наиболѣе частыхъ крушеній судовъ находятся въ сферѣ вліянія этого теченія, детальное изученіе котораго необходимо не только ради интересовъ теоретической науки, но и въ цѣляхъ безопасности навигаціи.

Краткій опредѣлитель дичи степной полосы Россіи. Часть I. Птицы. Составилъ А. Браунеръ. Херсонъ, 1897 г. 8°. Стр. V+186. Составленный А. Браунеромъ и изданный Днѣпровскимъ отдѣломъ Императорскаго общества размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты краткій опредѣлитель охотничьихъ птицъ представляетъ собою извлеченіе изъ работы проф. Мензбира „Птицы Россіи“ съ весьма незначительными измѣненіями, сдѣланными на основаніи другихъ источниковъ. Цѣль изданія—привлеченіе охотниковъ къ занятіямъ орнитологіей, ради чего авторомъ совмѣстно съ А. М. Быковымъ составлена „Программа для наблюденія надъ жизнью птицъ“, помѣщенная въ этой книжкѣ, а кромѣ того повсюду въ текстѣ ея разбросаны вопросы, касающіеся гнѣздованія, прилета или просто нахожденія того или иного вида въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, которые предлагается гг. охотникамъ рѣшить собственными наблюденіями. Авторъ высказываетъ надежду, что, ознакомившись съ его краткимъ опред... лителемъ и заинтересовавшись орнитологіей, охотникъ не останови... на этомъ и пріобрѣтетъ себѣ книгу Мензбира „Птицы Россіи“, чѣ... какъ будто пробуетъ оправдать черезчуръ широкое позаимствова... изъ этой книги, легшее въ основу „Краткаго опредѣлителя“.

Бесѣды о растеніяхъ и ихъ жизни. Гранта Аллена. Перев... П. Р. Фрейберга. Изданіе журнала „Естествознаніе и Географі...

Москва, 1897 г. 8°. Стр. 188. Цѣна 80 коп. Авторъ этой книжки задался цѣлью дать краткое описаніе главнѣйшихъ явленій въ жизни растеній, приноровленное къ пониманію неподготовленныхъ читателей. Программа изложенія весьма широка: тутъ не только изложены въ общедоступной формѣ всѣ главнѣйшіе вопросы растительной физіологіи, но и набросана картина постепенной эволюціи растительныхъ организмовъ, ихъ филогеніи, а кромѣ того даны весьма остроумныя „біографіи" нѣсколькихъ растеній, т.-е. изложена ихъ исторія „отъ колыбели до могилы". Авторъ извѣстенъ какъ талантливый популяризаторъ и настоящая книжка является блестящимъ выраженіемъ этого таланта. Обладая большой наблюдательностью, проницательнымъ умомъ и богатымъ воображеніемъ, авторъ обращаетъ вниманіе читателя на цѣлый рядъ обычныхъ фактовъ и явленій, мимо которыхъ мы ежедневно привыкли проходить съ полнымъ равнодушіемъ, и освѣщаетъ эти факты и явленія свѣтомъ научной мысли, придавая мѣстами своему изложенію большое изящество и остроуміе. Единственнымъ недостаткомъ автора можно считать его излишнюю наклоность къ антропоморфизму въ изложеніи, которая вызвана, очевидно, стремленіемъ быть болѣе понятнымъ „простой публикѣ". Такъ авторъ даже названія нѣкоторыхъ главъ выразилъ нѣсколько странно звучащими словами: „Какъ растенія женятся", „Различные брачные обычаи". Далѣе мы встрѣчаемъ выраженія: „растенія ѣдятъ угольную кислоту", „корень пьетъ воду", „растенія женятся и выходятъ замужъ", „каждая преобладающая и благоденствующая порода придумала какіе-нибудь способы перекрестнаго опыленія", „кавалерскія шпоры избѣгаютъ этого несчастія", „у первоцвѣта существуетъ странный брачный обычай", „орхидеи покончили со всѣми своими тычинками" и множество другихъ, показывающихъ, что авторъ, ради наглядности изложенія, представляетъ растенія существами одушевленными, жертвуя при этомъ точностью выраженій. Несомнѣнно, можно достигнуть полной общедоступности изложенія и безъ этого пріема. Книга украшена многочисленными рисунками и издана весьма изящно. Цѣна назначена вполнѣ доступная, и можно пожелать талантливо написанной книжкѣ самаго широкаго распространенія.

Натуралистъ на Ла-Платѣ. У. Хэдзона. Переводъ съ третьяго англійскаго изданія. 2 части. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. Талантливая книга Хэдзона появилась еще въ прошломъ году въ русскомъ переводѣ въ изданіи Девріена, болѣе изящномъ, но и болѣе дорогомъ, чѣмъ настоящее изданіе П. Сойкина, вошедшее въ его серію „Полезная библіотека". Книга Хэдзона полна такого живого интереса и такой своеобразной поэзіи, что ее желательно бы видѣть въ каждой домашней библіотекѣ. Для чтенія юношества эту книгу можно въ особенности рекомендовать, такъ какъ многочисленные естественно-историческіе факты и идеи изложены настолько увлекательно, что, давая пищу уму, доставятъ въ то же время и эстетическое наслажденіе и пробудятъ ...бовь къ природѣ, горячимъ поклонникомъ которой является авторъ. ...реводъ новаго изданія написанъ нѣсколько болѣе тяжелымъ язы...ъ, чѣмъ переводъ перваго изданія, но и въ этомъ переводѣ чув...уются красоты подлинника. Нѣкоторыя главы „Натуралиста на Ла-...атѣ" вполнѣ пригодны для класснаго чтенія и могли бы даже слу...ть для оживленія уроковъ естественной исторіи и географіи.

МЕДИЦИНА.

„Къ вопросу о недоразумѣніяхъ въ медицинѣ и о выходѣ изъ нихъ". *Вл. Никольскаго.* — „Земская медицина, заболѣваемость и смертность населенія въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ 1895 г.". *Н. И. Тезякова.*—„Клиническая діагностика внутреннихъ болѣзней". *Д-ра фонъ-Якша.*

Къ вопросу о недоразумѣніяхъ въ медицинѣ и о выходѣ изъ нихъ. Опытъ начальной критики медицинскихъ наукъ. Вл. Никольскаго. Варшава, 1897 г. Весь „Опытъ критики" занимаетъ всего на всего 54 листочка. Всѣ недоразумѣнія въ медицинѣ, по мнѣнію автора, происходятъ „отъ пробѣловъ въ нашихъ знаніяхъ по физіологіи индивидуумовъ". Названная брошюрка,—какъ говоритъ авторъ,—въ концѣ ея, „есть результатъ его убѣжденій", причемъ высказывается надежда, „что для изысканія тѣхъ же путей или для другихъ какихъ-либо соображеній эти строки, хотя отчасти—пригодятся и читателю". Но для того чтобъ „эти строки пригодились", необходимо, чтобъ „читатель" ихъ понялъ, а для этого необходимо, чтобъ онѣ были грамотно написаны и логически изложены. Ни того, ни другого въ „Опытѣ начальной критики" не имѣется; вотъ образецъ изложенія: „Подъ болѣзненными процессами вообще слѣдуетъ понимать такія чрезвычайно разнообразныя нарушенія равновѣсій непремѣнно на той или на другой почвѣ индивидуальнаго строя организма, которые (болѣзненные процессы) или едва замѣтны, или очень рѣзко выражаются и которые есть результаты вліянія болѣзнетворныхъ условій всегда при наличности предрасполагающихъ моментовъ къ заболѣванію у индивидуума и вмѣстѣ съ тѣмъ есть также результатъ благодѣтельныхъ реакцій организма при наличности компенсаторныхъ явленій у индивидуума въ большей или меньшей степени, причемъ огромное разнообразіе въ характерѣ, силѣ, теченіи и исходѣ заболѣваній, какъ и мыслимое вмѣшательство врача, находятся въ самой тѣсной зависимости отъ того же индивидуальнаго строя заболѣвшаго". Въ общемъ, этотъ начальный опытъ представляется чѣмъ-то крайне туманнымъ, болтливымъ, плодомъ мудрствованія, которому, по словамъ автора (не по отношенію, конечно, къ „Опыту"), лучше бы и не появляться на свѣтъ Божій. Для большей убѣдительности авторъ весьма часто ссылается на два другихъ своихъ произведенія: „Объ индивидуальности по матеріалу изъ теоретической и практической медицины съ введеніемъ къ изученію индивидуальности" и „О благотворныхъ явленіяхъ природы въ организмѣ человѣка". При этомъ онъ такъ отзывается о себѣ: „едва ли не мнѣ первому и очень недавно пришлось затронуть вопросъ объ индивидуальности цѣликомъ". Читатель всѣхъ произведеній, выражаясь слогомъ автора долженъ „блуждать безъ опредѣленной цѣли въ области работъ автора, высказывающаго много интересныхъ выводовъ, да еще вѣроятныхъ (?)", „массу собственныхъ и позаимствованныхъ блестящихъ мыслей, идей и проч., какъ будто все это на самомъ дѣлѣ перлы и жемчужины, а не пустой хламъ или красивая блестящая мишура!" Каковы эти мысли и идеи, перлы и жемчужины, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: „недостатокъ пищи и питья вызываетъ повышеніе аппетита и жажду" („О благотворныхъ явленіяхъ природы"), „прежнія понятія о діагнозѣ болѣзней, status praesens, этіологіи ихъ и проч., какъ почти безпочвенныя, должны быть отчасти оставлены" („Къ вопросу о недоразумѣніяхъ"), „все и

ликомъ современное направленіе патологической анатоміи макро- и въ особенности микроскопическаго характера, какъ и случайное блужданіе ея подъ покровомъ различныхъ клѣточныхъ теорій... напоминаетъ намъ безплодную и очень скучную работу „не съ того конца", а вотъ еще перлъ: „если такъ заманчиво вновь выступающія—серумтерапія и органотерапія и могутъ дать надежные и обильные плоды, то лишь при томъ условіи, когда изученіе всѣхъ вопросовъ въ этомъ направленіи будетъ поставлено въ самую тѣсную связь со свойствами индивидуумовъ человѣка".

Можетъ быть, всѣ эти мысли и идеи автора и очень серьезны, но, опять-таки говоря словами автора, „нѣтъ такого крупнаго шрифта въ типографіи, чтобъ достаточно наглядно показать читателю существенную важность и капитальность одной изъ основныхъ мыслей этого очерка". Едва ли, однако, крупный шрифтъ можетъ помочь дѣлу; было бы много желательнѣе, еслибъ авторъ поближе познакомился съ грамматикой и логикой, во-первыхъ, а во-вторыхъ — относился бы „съ крайней строгостью къ своимъ изслѣдованіямъ и съ возможчой снисходительностью къ другимъ авторамъ".

Земская медицина, заболѣваемость и смертность населенія въ Елизаветградскомъ уѣздѣ (Херсон. губ.) въ 1895 году. Н. И. Тезякова. (Годъ седьмой). Изд. елизаветград. уѣзднаго земства. Елизаветградъ, 1896 г. Седьмой отчетъ о положеніи земской медицины въ Елизаветградскомъ уѣздѣ въ 1895 году, какъ и раньше, распадается на два отдѣла: 1) земско-медицинская помощь (организація ея, общій обзоръ и проч.); 2) болѣзненность и смертность (коэффиціенты заболѣваемости и смертности, заразныя болѣзни, санитарный надзоръ за пришлыми рабочими, рожденія, браки и т. д.). Въ приложеніи помѣщены таблицы объ отдѣльныхъ формахъ заразныхъ болѣзней въ 1895 году. Интересующіеся разнообразными вопросами земской медицины съ обычнымъ удовольствіемъ познакомятся съ названнымъ отчетомъ, но мы сообщать подробно его содержаніе лишены возможности. Пользуясь случаемъ, можно лишь пожелать, чтобы въ общихъ журналахъ помѣщались систематическіе обзоры подобныхъ изданій, что способствовало бы ознакомленію массы публики съ общими ихъ выводами, а равно устраняло бы вздорныя разсужденія въ области общественной медицины, появляющіяся въ нѣкоторыхъ органахъ печати, подъ флагомъ псевдо-консервативныхъ идей преподносящихъ беззастѣнчиво свое невѣжество и нигилистическое отрицаніе фактовъ дѣйствительности.

Клиническая діагностика внутреннихъ болѣзней. Д-ра фонъ-Якша. Перев. д-ра Пурица и Явейна. Изд. 2-е. Риккера. Спб., 1897 г. 60 стр. Ц. 4 р. 50 к. Въ настоящемъ руководствѣ по діагностикѣ излагаются исключительно микроскопическіе, химическіе и бактеріологическіе способы изслѣдованія, именно: изслѣдованіе крови, отдѣленій полости рта и носа, мокроты, желудочнаго сока, рвотныхъ и каловыхъ массъ, мочи, выпотовъ, выдѣленій половыхъ органовъ. Въ заключеніе около 30 стр. посвящено изложенію бактеріологическихъ методовъ изслѣдованія. Русскіе переводчики снабдили руководство своими примѣчаніями и дополненіями. Рисунки, иллюстрирующіе текстъ, исполнены прекрасно. Внѣшность изданія безупречна.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Уходъ за сельскохозяйственными полевыми растеніями". *Н. Васильева.* — „Элементарный курсъ общаго земледѣлія". Вып. I—V. Состав. *В. Н. Варгинъ.*— „Краткія справочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ". — „Искусственное орошеніе земельныхъ угодій". Состав. *С. Ю. Раунеръ.*— „Важнѣйшія болѣзни нашихъ культурныхъ растеній, причиняемыя паразитными грибами". Сост. *В. К. Вармихъ.*

Уходъ за сельскохозяйственными полевыми растеніями. Н. К. Васильева. Спб., 1897 г. Изданіе Девріена. Цѣна 30 коп. Сравнительно съ изложеніемъ обработки почвъ, удобренія и посѣва, уходъ за полевыми культурами представляетъ собою какъ бы заброшенный отдѣлъ общаго растеніеводства вмѣстѣ съ ученіемъ объ уборкѣ, на которую тоже часто не хватаетъ времени въ преподаваніи. Въ своей небольшой брошюрѣ Н. К. Васильевъ, преподаватель Уманскаго училища, затрогиваетъ нѣкоторые важные вопросы, относящіеся къ общимъ основамъ ухода за полевыми растеніями (терминъ „сельско-хозяйственныя" можно было бы и не прибавлять). Бóльшая часть брошюры посвящена регулированію того вліянія, которое погода оказываетъ на развитіе растеній; регулированію свойствъ почвы и борьбѣ съ сорными травами отведено меньше мѣста, а о борьбѣ съ вредными животными сказано только нѣсколько словъ.

Элементарный курсъ общаго земледѣлія. Выпуски I—V. Составилъ В. Н. Варгинъ. Спб., 1897 г. Изданіе Девріена. Цѣна 1 р. 35 к. Составитель этого учебника, окончившій курсъ Петровской академіи въ 1888 году, имѣетъ за собою уже довольно продолжительную педагогическую практику въ Красноуфимскомъ промышленномъ (прежде реальномъ) училищѣ. Выпуски новаго общедоступнаго руководства могутъ пріобрѣтаться отдѣльно. Химическія свѣдѣнія въ краткомъ объемѣ авторъ предполагаетъ извѣстными хотя бы изъ учебниковъ физики и начинаетъ изложеніе агрономіи съ анатоміи и физіологіи растеній: питанію и разложенію растеній посвященъ первый выпускъ (53 страницы съ 30 рисунками, ц. 20 коп). Второй выпускъ (63 страницы съ 14 рис., ц. 20 коп). заключаетъ въ себѣ сжатое изложеніе почвовѣдѣнія. Третій выпускъ (98 страницъ съ 3 рисунками, ц. 35 коп.) излагаетъ ученіе объ удобреніи. Четвертый выпускъ, наиболѣе обильно иллюстрированный (160 рисунковъ) описываетъ (117 стран. ц., 40 коп.) орудія для обработки почвы. Наконецъ, въ пятомъ выпускѣ (91 стран. съ 30 рис., ц. 30 коп.) изложены отдѣльные пріемы обрабоки почвы. Всѣ пять выпусковъ вмѣстѣ составляютъ первую часть, за которою должна послѣдовать вторая, гдѣ будутъ описаны пріемы посѣва, уходъ за культурами, борьба съ врагами культуръ и пріемы уборки.

Мы нарочно отмѣтили объемъ каждаго выпуска, чтобы дать понятіе о соразмѣрности частей и о сравнительной (особенно для изданій Девріена) дешевизнѣ изданія. Первый выпускъ слишкомъ кратокъ. Во второмъ выпускѣ для русскаго изданія можно назвать пробѣломъ отсутствіе указаній на послѣднія работы проф. И. М. Сибирцева г[illegible] классификаціи почвъ. Особенно полезнымъ долженъ оказаться четве[illegible] тый выпускъ вслѣдствіе нашей повальной бѣдности въ начальных[illegible] руководствахъ, знакомящихъ съ орудіями обработки. Авторъ пользовалс[illegible] между прочимъ, интереснымъ, до сихъ поръ не напечатаннымъ, курсо[illegible] А. А. Фадѣева.

Въ разныхъ мѣстахъ руководства имѣются ссылки на пріем[illegible] практикующіеся среди крестьянъ Пермской губерніи, и критика эти[illegible]

пріемовъ. Изложеніе книги ясное и въ то же время очень сжатое. Надѣемся, что „Курсъ“ В. Н. Варгина обратитъ на себя вниманіе и за предѣлами сельско-хозяйственныхъ школъ: знакомство съ элементами агрономіи можетъ уже требовать для себя хотя бы небольшого мѣста въ кругу предметовъ такъ называемаго „общаго“ образованія.

Краткія справочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ. I. Изданіе департамента земледѣлія. Спб., 1897 г. Въ 1895 году департаментъ земледѣлія разослалъ по нѣкоторымъ частнымъ имѣніямъ програму краткихъ свѣдѣній, относящихся къ хозяйству въ этихъ имѣніяхъ. Результатомъ явилась отпечатанная справочная книжка, составленная подъ руководствомъ кн. В. И. Масальскаго и Н. Е. Лѣсникова.

Свѣдѣнія относятся только къ 560 имѣніямъ; конечно, это небольшое число, вдвое уступающее тому числу, для котораго опубликованы въ подробныхъ таблицахъ, сведены и тщательно разработаны земско-статистическія данныя по одной С.-Петербургской губерніи; но во всякомъ случаѣ и этотъ починъ въ основной статистикѣ нашего министерства земледѣлія заслуживаетъ большого вниманія. Особую важность въ новомъ изданіи представляютъ довольно детальныя отмѣтки о сѣвооборотахъ. Въ извѣстной книгѣ А. С. Ермолова многочисленные примѣры сѣвооборотовъ большею частью не сопоставлены съ количественными данными по отдѣльнымъ хозяйствамъ, и здѣсь можно прослѣдить вліяніе количествъ земли и процента пашни на выборъ сѣвооборота. Средній размѣръ описаннаго имѣнія 506 десятинъ; это приблизительно соотвѣтствуетъ современному намъ дворянскому имѣнію *) и, конечно, гораздо больше средняго размѣра частнаго владѣнія вообще. Надо надѣяться, что за первымъ выпускомъ послѣдуютъ другіе, и изъ нихъ мы ознакомимся съ данными не только по мелкимъ частнымъ имѣніямъ, но и по отдѣльнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ: монографіями крестьянскихъ хозяйствъ наша литература черезвычайно бѣдна. Справочное пользованіе новою книжкой облегчено приложеніемъ пяти указателей, относящихся къ хозяйствамъ, владѣльцамъ, къ сортамъ воздѣлываемыхъ растеній, къ породамъ животныхъ и къ питомникамъ. Такими указателями мы не избалованы. Послѣдующимъ выпускамъ пожелаемъ еще прибавленія общаго предметнаго указателя. Предметные указатели являются выгоднѣйшимъ отличіемъ англійскихъ справочныхъ изданій.

Искусственное орошеніе земельныхъ угодій. Составилъ С. Ю. Раунеръ. Спб., 1897 г. Изданіе Девріена. Цѣна 2 р. 75 к. Книга С. Ю. Раунера оставляетъ выгодное впечатлѣніе тѣмъ значительнымъ вниманіемъ, которое въ ней отведено географіи русскихъ дождей и вопросу о физическихъ свойствахъ почвъ; инженеры нерѣдко предполагаютъ эти данныя общеизвѣстными и останавливаются исключительно на техническихъ пріемахъ орошенія. Замѣтимъ только, что по количественнымъ результатамъ экспериментальнаго почвовѣдѣнія Шюблера пора было бы оставить въ покоѣ, но авторъ видимо знакомъ и съ новою литературою. Для атмосферныхъ осадковъ утилизированъ новый сводъ . И. Вильда (1895), и по нему составлена приложенная къ книгѣ карта изогіетъ, на которой выдѣлены мѣстности безусловно нуждающіяся въ искусственномъ орошеніи и тѣ мѣстности, гдѣ орошеніе является полезнымъ подспорьемъ въ земледѣльной техникѣ; сѣверная граница

*) За 1877—87 гг. средній размѣръ дворянскаго имѣнія значительно сократился.

послѣдняго района проходитъ по губерніямъ Бессарабской, Подольской, Харьковской, Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Казанской, Уфимской и Оренбургской. Техническая часть иллюстрирована 85 рисунками, изъ которыхъ особаго вниманія заслуживаютъ относящіеся къ Тимашевскому удѣльному имѣнію (въ Самарской губерніи). Командировка въ Египетъ, Италію, Францію и Соединенные Штаты дала автору возможность ознакомиться со многими интересными подробностями орошенія въ этихъ странахъ. Наши русскіе опыты, исполненные во время производства общественныхъ работъ въ средней и юговосточной Россіи, заслуживали, кажется, большаго вниманія, чѣмъ то, какое отвелъ имъ авторъ. Жаль, что книга не касается солнечныхъ насосовъ, о которыхъ напомнилъ въ 1892 г. проф. К. А. Тимирязевъ и которыми въ послѣднее время стали у насъ интересоваться въ Туркестанѣ. Приложенія затрогиваютъ и юридическую сторону искусственнаго орошенія, помѣщая закавказское „Положеніе“ о пользованіи водами и небольшую выдержку изъ интересной работы А. И. Шахназарова о пользованіи водою въ Туркестанѣ.

Важнѣйшія болѣзни нашихъ культурныхъ растеній, причиняемыя паразитными грибами. I. Болѣзни хлѣбныхъ злаковъ. Составилъ В. К. Варлихъ. Спб., 1897 г. Изданіе Девріена. Ц. 50 к. Знакомство съ исторіей развитія паразитныхъ грибовъ, вредящихъ нашимъ хлѣбамъ, и съ условіями жизни этихъ грибовъ несомнѣнно слабо распространено въ русской образованной публикѣ, и потому, конечно, не лишнею является брошюра, въ которой головня, спорынья, ржавчина описаны В. К. Варлихомъ, преподающимъ ботанику въ Медицинской академіи. Сколь ни изящна хромолитографія, изображающая головню на ячменѣ, спорынью на ржи и ржавчину на пшеницѣ и барбарисѣ, цѣна брошюры (въ 37 страничекъ съ 19 рисунами), къ сожалѣнію, можетъ явиться запретительною пошлиной на желательное распространеніе полезныхъ свѣдѣній.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Основы фабрично-заводской промышленности“. *Д. Менделѣева.*

Основы фабрично-заводской промышленности. Выпускъ 1-й. Предисловіе къ 1-му выпуску. Введеніе. Глава I. Топливо. Д. Менделѣева. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 80 коп. Извѣстный профессоръ Д. И. Менделѣевъ предпринялъ изданіе *Основъ фабрично-заводской промышленности*. Все изданіе предположено распредѣлить на 20-ть главъ и 10 выпусковъ. Въ настоящее время вышелъ первый выпускъ, заключающій введеніе и 1-ую главу—„Топливо“.

Не останавливаясь на „Введеніи“, въ которомъ авторъ касается вопросовъ политико-экономическихъ (виды промышленности, значеніе фабрично-заводской промышленности, условія и состояніе фабрично-заводской промышленности Россіи, въ отношеніи къ міровымъ и въ разныхъ краяхъ страны, значеніе покровительственнаго тарифа, пр чины распространенія фабрикъ и заводовъ, отношеніе между работ и трудомъ и т. под.), мы укажемъ болѣе подробно содержаніе перв главы. Авторъ задался цѣлью по возможности кратко изложить ест ственно-историческія основы заводской промышленности. „Самая тру ная для исполненія часть задачи,—говоритъ онъ,—при составлен предлагаемой книги есть неизбѣжно необходимая краткость, то-ес

небольшой объемъ всего изданія при возможной ясности изложенія. Большое сочиненіе писать и составлять много легче, но оно неизбѣжно вышло бы дорогимъ и, что всего важнѣе, мало пригоднымъ для заглавной моей цѣли—содѣйствовать распространенію основныхъ свѣдѣній о фабрикахъ и заводахъ, по возможности, въ наибольшемъ кругѣ русскихъ читателей. Для того, чтобы достичь желательной краткости, я прежде всего выбираю ограниченное число производствъ, а затѣмъ стараюсь быть сколь возможно сжатымъ, хотя и не уклоняюсь мѣстами отъ разбора тѣхъ частностей и мнѣній, разсмотрѣніе которыхъ мнѣ кажется поучительнымъ, равно какъ отъ изложенія и защиты своихъ личныхъ взглядовъ, если они мнѣ кажутся подходящими къ предмету издаваемаго сочиненія. То, что болѣе всего отличаетъ сущности изложенія, напечатано крупнымъ шрифтомъ, а добавочныя подробности разнаго рода я помѣстилъ въ выноскахъ". Въ первой главѣ, авторъ въ первыхъ параграфахъ довольно подробно разсматриваетъ физическія и химическія свойства, отъ которыхъ зависятъ достоинства различнаго рода топлива. Описавъ топливо, онъ знакомитъ со способами опредѣленія влажности, золы и т. под , вѣсоваго и объемнаго количества воздуха, необходимаго для горѣнія, теплопроизводительности и жаропроизводительности и т. д. Затѣмъ авторъ въ слѣдующихъ параграфахъ переходитъ къ частному описанію различныхъ видовъ топлива: древеснаго, торфа, каменнаго угля, кокса, брикетовъ, нефтяныхъ остатковъ, свѣтильнаго, водяного и воздушнаго газа. Въ послѣднемъ параграфѣ приведенъ сводъ данныхъ о важнѣйшихъ видахъ топлива. Въ книгѣ находится много рисунковъ приборовъ и печей.

УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Латинская христоматія". Сост. *Н. Финиковъ.*— „Русскій языкъ. Синтаксисъ въ образцахъ". *К. Ѳ. Петрова.* Изд. 7-е.— „Басни И. А. Крылова" съ прилож. портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчан. составл. по Кеневичу и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова *П. Смирновскаю.* — „Первоначальная географія съ картинами". Состав. *М. Т. Ярошевская.*—„Статистическая таблица всѣхъ государствъ земного шара". *А. Гартлебена.*—„Новая географія". *А. Терешкевича.* Ч. I.—„Краткій очеркъ миѳологіи грековъ и римлянъ". Сост. *Ветнекъ.* - „Житейскій задачникъ для дѣтей". *М. Майдрыки.*

Латинская христоматія съ упражненіями. Сост. Н. Финиковъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к. Г. Финиковъ составилъ свою латинскую хри(е?)стоматію „примѣнительно къ программѣ латинскаго языка для духовныхъ училищъ и учебнику „краткая грамматика латинскаго языка" П. Сидорова и Ѳ. Кесслера, расположилъ въ ней учебный матеріалъ не въ систематическомъ порядкѣ, а методически, и надѣлилъ ее такими же достоинствами, какія находятъ себѣ мѣсто во всевозможныхъ латинскихъ хрестоматіяхъ. Болѣе или менѣе выразительно изложены у г. Финикова правила, касающіяся тѣхъ или иныхъ переводовъ, болѣе или менѣе удачно выбраны мѣста изъ Корнелія Непота и Ови-, болѣе или менѣе толково составлены словари латинско-русскій и ско-латинскій. Примѣры для переводовъ блещутъ всей яркостью мѣровъ латинскихъ хрестоматій. Тутъ мы встрѣчаемъ и непоколебия истины, вродѣ той, напримѣръ, что „не всѣ благополучно возвращася домой, которые благополучно уѣзжаютъ изъ дому" (стр. 82), и воучительныя изреченія, каково слѣдующее: „жизнь лѣнивыхъ учеовъ несчастна" (стр. 7), и трогательныя сообщенія, каковы, на-

примѣръ: „женщина хвалитъ скромность дѣвушки", „дѣвушки украшаютъ подругу розами" (стр. 4), „земледѣльцы украшаютъ храмы Божіи золотомъ и серебромъ" (стр. 5), и философскія соображенія хотя бы о томъ, что „золото часто бываетъ причиною обидъ" (стр. 5) или о томъ, что „никто вслѣдствіе лѣни не сдѣлался безсмертнымъ" (стр. 81). Русскій языкъ, разумѣется, страдаетъ въ латинской хрестоматіи г. Финикова въ достаточной мѣрѣ, но латинскія хрестоматіи давно пользуются правомъ искажать его. Г. Финиковъ, однимъ словомъ, даетъ намъ въ своей хрестоматіи типичную латинскую хрестоматію.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Синтаксисъ въ образцахъ (съ прилож. статьи о періодахъ). Сост. К. Ѳ. Петровъ. Седьмое исправл. и дополнен. изд. Спб., 1898 г. Цѣна 50 к. *Синтаксисъ въ образцахъ* г. Петрова, о которомъ уже не одинъ разъ намъ приходилось давать отзывы по поводу различныхъ его изданій, въ 7-мъ изданіи является снова переработаннымъ. Не думаемъ однако, чтобы всѣ добавленія и исправленія, какія встрѣчаются въ разбираемомъ учебникѣ въ его новомъ изданіи, были важны, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они касаются той или иной теоретической части учебника, а въ учебникѣ г. Петрова особенно цѣнна его практическая сторона. Правда, г. Петровъ въ новомъ изданіи вовсе исключаетъ опредѣленіе существительнаго, глагола и нарѣчія, и поступаетъ, слѣдовательно, правильно, потому что чѣмъ менѣе въ учебникѣ школьной грамматики опредѣленій, тѣмъ лучше; но все-таки, повторяемъ, *Синтаксисъ въ образцахъ* хорошъ главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ много хорошихъ примѣровъ, а это качество наблюдалось въ книжкѣ г. Петрова и раньше.

Что касается до приложенія къ *Синтаксису въ образцахъ* статьи о періодахъ, то и она не дѣлаетъ учебникъ лучше. Когда г. Петровъ замѣчаетъ въ предисловіи, что „изученіе періода относится не къ синтаксису, а къ риторикѣ", онъ, по нашему мнѣнію, совершенно правъ, поэтому учебникъ синтаксиса можетъ обойтись и безъ статьи о періодахъ. Пожалуй, ученіе о періодѣ, какъ думаетъ г. Петровъ, способно дать возможность повторить синтаксисъ, особенно при ознакомленіи съ періодомъ на примѣрахъ, но крайней необходимости включать періодъ въ учебникъ синтаксиса нѣтъ никакой.

Басни И. А. Крылова съ прилож. портр. автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣч., сост. по В. Ѳ. Кеневичу и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова. П. Смирновскаго. Спб., 1897 г. Изданіе басенъ Крылова подъ редакціей г. Смирновскаго, главнымъ образомъ для учащейся молодежи, нельзя не назвать въ полномъ смыслѣ слова прекраснымъ. Мало того, что басни снабжены авторитетными примѣчаніями Кеневича и къ нимъ прибавлены два хорошихъ объяснительныхъ словарика, онѣ обстоятельно характеризуются какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія приложенными пятью статьями г. Смирновскаго, гдѣ авторъ говоритъ о степени оригинальности басенъ Крылова, объ ихъ историческомъ общечеловѣческомъ значеніи, объ ихъ народности и художественнос Мудрено сказать, что въ этихъ статьяхъ выяснено г. Смирновски лучше, но несомнѣнно, что всѣ онѣ не только будутъ читаться большимъ интересомъ, но и сослужатъ хорошую службу при изуче басенъ Крылова. Разсматриваемое изданіе является однимъ изъ л шихъ изданій басенъ нашего знаменитаго баснописца, и г. Смирновс

уже не въ первый разъ обнаружилъ свою способность и умѣнье давать учащимся нѣчто дѣйствительно цѣнное.

Первоначальная географія съ картинами. Содержаніе: краткое описаніе Россіи и свѣдѣнія изъ математической, физической и всеобщей географіи. Состав. М.Т. Ярошевская. М., 1897 г. Ц. 80 к. Книжка г-жи Ярошевской во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія и одобренія, и мы желаемъ ей успѣха. Къ сожалѣнію, составительница не предпослала къ своему труду никакого предисловія, и потому неизвѣстно, для какого рода школъ предназначается ея *Первоначальная географія*. Намъ, однако, представляется, что эту послѣднюю можно рекомендовать столько для младшихъ классовъ гимназіи, сколько для народныхъ училищъ. Главное достоинство разбираемой книжки заключается въ обиліи рисунковъ. Достаточно сказать, что на 176 страницахъ всего текста, помѣщено 136 рисунковъ; притомъ, это не просто рисунки, а весьма недурныя картинки, по большей части исполненныя при помощи фотографіи. Тутъ и всевозможные образчики различныхъ формъ суши, тутъ и морскіе виды, тутъ и рѣчные пейзажи, тутъ и образчики флоры, фауны и народонаселенія различныхъ странъ. Такимъ образомъ, не говоря уже о томъ, что картинки вообще интересны дѣтямъ, въ дѣлѣ усвоенія различныхъ географическихъ свѣдѣній по книжкѣ г-жи Ярошевской будутъ принимать большое участіе зрительныя ощущенія, что̀, какъ извѣстно, въ настоящее время пріобрѣтаетъ все большее значеніе въ школьной педагогикѣ. Далѣе, къ заслугамъ г-жи Ярошевской слѣдутъ также отнести и то обстоятельство, что книжка ея не представляетъ изъ себя какого-то каскада собственныхъ именъ, качества, отличающаго большинство учебниковъ географіи,—напротивъ, мы встрѣчаемъ лишь главныя названія, которыя дѣйствительно нужны ученикамъ младшихъ классовъ, за то большое вниманіе обращено на физическую географію, на производительность странъ, на промышленность населенія. Къ сожалѣнію, однако, свѣдѣнія эти изложены въ слишкомъ краткой формѣ, благодаря чему книжка имѣетъ типичный и суховатый характеръ учебника. Болѣе подробное и образное изложеніе отнюдь не повредило бы ей, и, наоборотъ, при обиліи рисунковъ, придало бы ей большой интересъ.

Статистическая таблица всѣхъ государствъ земного шара. А. Гартлебена. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей П. Р. Фрейберга. Ц. 30 к. Настоящее изданіе представляетъ собою важное учебное пособіе при прохожденіи курса географіи, такъ какъ въ ней на основаніи самыхъ новыхъ данныхъ имѣются указанія относительно формъ правленія, главъ государствъ (полное имя, годъ рожденія и начало царствованія), ихъ наслѣдниковъ, площади государствъ, абсолютнаго и относительнаго числа народонаселенія, государственныхъ финансовъ, торговаго флота, торговли, желѣзныхъ дорогъ, почтъ и телеграфовъ, стоимости монетныхъ единицъ, мѣръ: вѣса, длины, квадратныхъ и объемныхъ, арміи и флота, цвѣтовъ національнаго флага, главнѣйшихъ городовъ и важнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ съ указаніемъ числа жителей. Но помимо пособія къ курсу географіи настоящее изданіе имѣетъ значеніе и для всякаго образованнаго человѣка, такъ какъ помѣщенныя въ ней данныя часто требуются для различныхъ справокъ. За границей подобныя изданія пользуются самымъ широкимъ распространеніемъ.

Начало географіи. Книга для чтенія въ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ. Часть I. Курсъ средняго отдѣ-

ленія начальныхъ училищъ. А. Терешкевича. 1898 г. Ц. въ бум. 65 к., въ перепл. 80 к. Г. Терешкевичъ недоволенъ современною постановкой географіи, какъ предмета преподаванія начальной школы. Его не удовлетворяетъ ни одинъ изъ существующихъ методовъ: ни аналитическій, ни синтетическій (предисл.) и потому онъ пытается самъ придумать новый методъ, при помощи котораго можно было бы „прежде изученія подробностей дать дѣтямъ ясное и наглядное пониманіе общей картины земли“ (предисл., стр. IV). Другими словами, г. Терешкевичъ предлагаетъ проходить географію, исходя отъ общаго къ частному, т.-е.. все по тому же аналитическому методу, который онъ отвергаетъ. Дѣло однако не въ словахъ и не въ выраженіяхъ, и тутъ большой бѣды нѣтъ, что г. Терешкевичъ думалъ открыть Америку и совершенно упустилъ изъ виду то обстоятельство, что она давнымъ давно открыта. Это общее слабое мѣсто большинства составителей учебниковъ и учебныхъ пособій; важно то, что книжка г. Терешкевича все-таки очень порядочная книжка, и ее можно порекомендовать для чтенія въ начальныхъ школахъ. Она дастъ ученику въ доступной формѣ не только необходимыя, но и интересныя свѣдѣнія, она познакомитъ его довольно подробно и съ устройствомъ земной поверхности, и съ флорой и фауной, и съ человѣкомъ и его образомъ жизни. Что касается до географіи собственно Россійской Имперіи, которую г. Терешкевичъ предлагаетъ проходить прежде всеобщей, то она составлена также довольно интересно, причемъ количество собственныхъ именъ незначительно, а это весьма желательно. Въ концѣ книги приложенъ конспектъ пройденнаго, что, конечно, умѣстно, и карта Россійской имперіи.

Маленькое замѣчаніе. Въ своемъ намѣреніи быть вполнѣ понятнымъ ученику, г. Терешкевичъ черезчуръ увлекается и немножко пересаливаетъ: по крайней мѣрѣ, описанія города, деревни, лѣса и проч. изобилуютъ ненужными подробностями, хорошо извѣстными всякому самому маленькому ученику.

Краткій очеркъ миѳологіи грековъ и римлянъ. Для старшихъ классовъ гимназіи. Сост. Евг. Ветнекъ. Ревель. 1896 г. Ц. 60 к. Г. Ветнеку удалась та задача его, о которой онъ говоритъ въ своемъ предисловіи: *Краткій очеркъ миѳологіи грековъ и римлянъ,* составленный имъ, дѣйствительно приспособленъ къ потребностямъ и пониманію старшихъ классовъ и представляетъ собой не только справочникъ при чтеніи древнихъ авторовъ, но и книгу, пригодную для систематическаго повторенія миѳологіи. Историческій элементъ въ миѳологіи г. Ветнека, равно и тѣ или иныя указанія на первоначальное значеніе различныхъ божествъ, которыя всюду дѣлаетъ авторъ, кажутся намъ вполнѣ умѣстными, а солидность источниковъ, положенныхъ въ основу *Краткаго очерка миѳологіи,* является въ разбираемомъ учебникѣ чрезвычайно цѣнной. Что касается до включенія въ книгу г. Ветнека разсказовъ о герояхъ, по которымъ „ученикъ узнаетъ содержаніе главнѣйшихъ изъ читаемыхъ имъ въ гимназіяхъ поэтическихъ произведеній („Иліады“, „Одиссеи“, трагедій Софокла, „Энеиды“), то и включеніе : слѣдуетъ считать вполнѣ цѣлесообразнымъ. Правда, не вездѣ г. В‹ некъ можетъ похвалиться своимъ изложеніемъ, которое мѣстами слишкомъ сухо и слишкомъ сжато, но это, вѣроятно, надо объясн‹ желаніемъ автора дать небольшую по объему книжку, т.-е. учебни за который всякій учащійся могъ бы заплатить недорого. Цѣна кн

ки, дѣйствительно, не высока (60 к.), но все-таки желательно было бы видѣть въ ней меньше опечатокъ и лучшую печать.

Житейскій задачникъ для дѣтей. М. Мандрыки. Сумы, 1896 г. Цѣна 20 к. „Въ одной квартирѣ водилось много клоповъ во всѣхъ щеляхъ. Квартирантъ очистилъ одну кровать отъ клоповъ и ножки кровати поставилъ въ чашки съ водой, чтобы клопы не добрались къ нему, и легъ спать. Голодные клопы почуяли человѣка и хотѣли взобраться по ножкамъ кровати, но черезъ воду не могли перейти; тогда они нашли другой способъ добраться до человѣка и искусали его. Какъ они добрались?“ (стр. 34). Такова послѣдняя и, слѣдовательно, головоломнѣйшая изъ задачъ г. Мандрыки, который свои „задачи расположилъ по степени ихъ трудности“ и даже „раздѣлилъ ихъ на три отдѣла, соотвѣтственно различнымъ возрастамъ учащихся“ (предисл.). Какъ видитъ читатель, задача дѣйствительно вполнѣ житейская и трудная, потому что кто испыталъ войну съ клопами, тотъ знаетъ, какъ мудрено побѣдить ихъ. Къ сожалѣнію, г. Мандрыка не исчерпываетъ всего вопроса: въ отвѣтъ на выписанную задачу (стр. 46), онъ указываетъ клопамъ весьма остроумное средство взобраться по стѣнѣ на потолокъ и оттуда упасть на человѣка, но совсѣмъ не входитъ въ положеніе человѣка и не даетъ ему ровно никакихъ совѣтовъ относительно того, какъ спастись отъ клоповъ.

Г. Мандрыка желаетъ развивать въ дѣтяхъ „изобрѣтательность и находчивость“, а также „подготовить ихъ къ рѣшенію вопросовъ, поставляемыхъ житейскими обстоятельствами, столь разными и не вполнѣ опредѣленными“ (предисл.). Дѣйствительно, житейскія обстоятельства бываютъ достаточно неопредѣленны, какъ это видно, напримѣръ, и изъ приведенной задачи. Такимъ образомъ, счастливы тѣ дѣти, родители и руководители которыхъ не поскупятся пожертвовать 20 к. на покупку *Житейскаго задачника* г. Мандрыки: ихъ находчивость и изобрѣтательность разовьются до крайнихъ размѣровъ, когда, рѣшивъ всѣ *житейскія задачи* „по степени ихъ трудности“, они научатся разбираться въ психологіи... клоповъ. Да мало ли и еще полезныхъ житейскихъ вопросовъ, которые они выучатся рѣшать благодаря г. Мандрыкѣ. Къ какой бы профессіи ни принадлежалъ впослѣдствіи изучившій *Житейскій задачникъ*, онъ никогда не пропадетъ. Если онъ будетъ купцомъ, онъ сумѣетъ обойти другихъ купцовъ и соблюсти свои выгоды; если онъ будетъ просто мужикомъ, и у него заболѣетъ жена (всякія бываютъ житейскія обстоятельства), то онъ безъ труда подоитъ корову, и та не будетъ брыкаться (стр. 12, зад. 42); если онъ будетъ дровосѣкомъ и попадетъ подъ подрубленное дерево, которое придавитъ ему ногу, онъ не потеряется: онъ просто начнетъ „подкапывать топоромъ землю подъ ногой“ (стр. 22, зад. 164);—словомъ, будь онъ полководцемъ, богомольцемъ, путешественникомъ, охотникомъ, пастухомъ и т. д., пусть будетъ спокоенъ: онъ никогда не пропадетъ, если не забудетъ въ трудную минуту *Житейскаго задачника*. Г Мандрыка предусмотрителенъ: онъ предвидитъ даже тотъ случай, к да его ученику придется попасть въ тюрьму: на стр. 34 онъ задае такую задачу, въ которой требуется рѣшить, какимъ образомъ в станту, не снимая цѣпей, перемѣнить рубашку (!).

Задачникъ г. Мандрыки, разумѣется, не стоитъ того, чтобы о немъ ь долго распространяться, но онъ, какъ кажется, является знаме ъ времени: всякому хочется выдумать что-нибудь новое, оттого-то

являются всякія органо-цвѣтовые методы мысли (см. „Библіогр. отд." *Русской Мысли*, кн. VIII., 1896 г.) и житейскія задачники.

КАЛЕНДАРИ.

„Современный Календарь на 1898 годъ". *А. Д. Ступина.* 9-й годъ изданія.—„Крестный Календарь на 1898 годъ", *А. Гатцука*, годъ 33-й.

Современный Календарь на 1898 годъ, А. Д. Ступина. 9-й годъ изданія. Цѣна 15 коп. *Календарь* А. Д. Ступина составленъ, какъ всегда, очень тщательно и дѣльно, снабженъ всѣми необходимыми и обычными календарными свѣдѣніями и дополненъ такими указаніями, какихъ нѣтъ во многихъ другихъ календаряхъ. Такъ напримѣръ, въ отдѣлѣ желѣзныхъ дорогъ помѣщенъ отдѣльно списокъ нашихъ главныхъ линій съ перечисленіемъ расходящихся отъ нихъ вѣтвей. Въ концѣ отдѣла указаны „маршруты прямыхъ сообщеній отъ С.-Петербурга и Москвы", съ обозначеніемъ числа верстъ и стоимости проѣзда во всѣхъ трехъ классахъ. Справка облегчена тѣмъ, что конечныя станціи расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Перечислены „зернохранилища на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и элеваторы, пользующіеся завознымъ правомъ". Приведены итоги населенія Россійской Имперіи по переписи 28 января 1897 г. (по предварительнымъ подсчетамъ мѣстныхъ коммиссій). По таковымъ подсчетамъ, въ общемъ, оказалось—120.211,113 душъ обоего пола, причемъ на 100 мужчинъ приходится ровно 100 женщинъ. Наибольшею густотой населенія отличаются губерніи Царства Польскаго, гдѣ на квадр. версту приходится 82 жителя; въ областяхъ кавказскихъ—23 жит., въ Европейской Россіи—22 жит., въ Сибири—0,5. Въ началѣ *Календаря* напечатана очень хорошая, въ высшей степени полезная для народа, статья: *Символическое значеніе православнаго храма и его принадлежностей*. Очень жаль, что, ради экономіи мѣста, она напечатана слишкомъ мелкимъ шрифтомъ, что можетъ сдѣлать ее не совсѣмъ доступною для всей той массы народа, которой такъ необходимы подобныя поученія. То же самое надлежитъ сказать о слѣдующихъ за этою статьей *Историко-Литургическихъ замѣткахъ*. Въ *Календарѣ* помѣщенъ хорошій семейный портретъ Государя Императора и его Августѣйшей Супруги, держащей на рукахъ великую княжну Ольгу Николаевну. Далѣе слѣдуютъ достаточно схожіе портреты нашихъ двѣнадцати министровъ. Весьма интересенъ и полезенъ *Краткій указатель именъ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, времени ихъ рожденія и кончины*. Какъ и въ предшествовавшіе годы, идетъ длинный рядъ портретовъ русскихъ „публицистовъ, историковъ и археологовъ", а за ними—„дѣятелей духовнаго просвѣщенія и литературы", съ краткими, но обстоятельными, біографіями. Къ *Календарю* приложены достаточно четкія карты Европейской Россіи и Сибири. Съ каждымъ годомъ *Современный Календарь* А. Д. Ступина пополняется и даетъ что-либо новое и полезное.

Крестный Календарь на 1898 годъ, А. Гатцука, годъ 33-й. Цѣна 15 коп. Это старѣйшій изъ русскихъ календарей, издаваемыхъ частными лицами, послѣ отмѣны (въ 1865 г.) привилегіи Академі наукъ на изданіе *Мѣсяцеслова*. Покойный А. А. Гатцукъ первый в пустилъ въ свѣтъ свой *Крестный Календарь*, по цѣнѣ, необычай дешевой, для всѣхъ доступной, и до смерти своей (въ 1892 г.), ли но велъ это изданіе съ отличнѣйшимъ пониманіемъ дѣла и неослаб

вавшею энергіей. Выработанный имъ типъ образцоваго календаря остается до сихъ поръ неизмѣннымъ. Въ календарѣ, помимо общихъ свѣдѣній, помѣщается краткая лѣтопись выдающихся событій за истекшій годъ съ 1 іюля по то же число прошедшаго года. Наиболѣе крупныя событія отмѣчаются отдѣльными статьями. При статьяхъ о юбилеяхъ извѣстныхъ лицъ и при некрологахъ приложены многочисленные портреты. Въ дополненіе къ желѣзно-дорожному отдѣлу имѣются превосходно сдѣланныя карты Россіи и желѣзнодорожной сѣти сосѣднихъ съ нею государствъ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство", *ноябрь*. — „Вѣстникъ Европы", *декабрь*. — „Сѣверный Вѣстникъ", *декабрь*.—„Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ", *январь*.—„Образованіе", *ноябрь и декабрь*.

Г. Михайловскій (*Литература и жизнь*), разбираясь въ причинахъ чрезвычайно распространеннаго въ настоящее время стремленія свести различныя направленія нашей литературы къ двумъ только рубрикамъ: діалектическихъ матеріалистовъ и народниковъ, дѣлаетъ такое общее замѣчаніе: „если есть люди, находящіе особое наслажденіе въ напряженной работѣ мысли, то гораздо больше такихъ, которые этого напряженія, сознательно или безсознательно, избѣгаютъ. Отсюда стремленіе къ упрощенію дѣйствительности, къ сведенію ея красокъ, звуковъ, образовъ и картинъ къ малому числу рѣзко различныхъ элементовъ... Упрощеніе не есть обобщеніе дѣйствительности,—второе расширяетъ горизонты мысли, а первое ихъ суживаетъ. Въ этомъ узкомъ пространствѣ люди чувствуютъ себя лучше, увѣреннѣе. Поэтому ихъ инстинктивно тянетъ къ упрощенію дѣйствительности. Тотъ же результатъ получается и при простомъ незнакомствѣ съ изучаемыми явленіями, наконецъ къ тому же часто приводитъ и пристрастіе управляющихъ ходомъ мысли упростителей". Объясненію г. Михайловскаго нельзя отказать въ мѣткости и остроуміи, но оно кажется намъ уже черезчуръ общимъ и по тому самому далеко не покрывающимъ всего факта, о которомъ идетъ рѣчь, т.-е. кажущагося или дѣйствительнаго успѣха среди извѣстной, довольно важной по численности своей и по своему внутреннему значенію части читающей публики того направленія, которое называется обыкновенно экономическимъ или діалектическимъ матеріализмомъ. Дѣло въ томъ, что почти всѣ наши литературныя направленія при первомъ своемъ появленіи до значительной степени бывали результатомъ не столько обобщенія дѣйствительности, сколько стремленія къ упрощенію, что нисколько не мѣшало однимъ изъ этихъ направленій имѣть успѣхъ среди тѣхъ группъ читателей, о которыхъ мы говоримъ, а другимъ не имѣть такого успѣха. Несомнѣнно, стало-быть, что помимо стремленія къ упрощенію въ данномъ случаѣ имѣются какіе-то элементы въ самой подлинной дѣйствительно-
и, которые обезпечиваютъ среди этихъ группъ успѣхъ тому или ому изъ литературныхъ направленій. Литературное направленіе моть иной разъ представляться очень плохо, очень неумѣло, и неютря на это, хотя, конечно, не благодаря этому, какъ было бы и одномъ стремленіи къ упрощенію, основныя положенія, защищаеія ими, возбуждаютъ споры, горячее обсужденіе, отлагаются въ псиі обсуждающихъ, не скользятъ по поверхности, какъ это часто бы-

ваетъ съ положеніями даже болѣе продуманными, но имѣющими болѣе отдаленное отношеніе къ текущей дѣйствительности, а входятъ, такъ сказать, внутрь мыслительнаго, духовнаго организма читателей и выражаются въ извѣстныхъ жизненныхъ актахъ. Когда имѣешь предъ собою переходъ *слова* въ *актъ*, то какія бы случайности ни сопутствовали этому слову, какимъ бы антуражемъ нелѣпостей, задора, пристрастія и даже фактическаго невѣжества ни было окружено это слово, мы можемъ вывести заключеніе, что за такимъ словомъ стоитъ фактъ нѣсколько болѣе важный, чѣмъ простое стремленіе къ упрощенію, т.-е., собственно говоря, неумѣнье мыслить или просто неспособность къ логическому мышленію. Намъ думается, что успѣхъ разныхъ „новыхъ словъ", успѣхъ несомнѣнный, обусловливается именно тѣмъ, что за ними извѣстный и довольно крупный общественный фактъ. Намъ тѣмъ удобнѣе признать это, что, какъ извѣстно читателю, наше отношеніе къ представителямъ вышеупомянутаго направленія, не будучи особенно страстнымъ, было тѣмъ не менѣе отрицательнымъ, и мы увѣрены, что это направленіе не умерло.

Обозрѣвая нашу журналистику за весь прошлый годъ, приходилось отмѣчать оживляющее вліяніе споровъ и обсужденій все по поводу того же направленія. Почти все остальное въ такъ называемыхъ серьезныхъ отдѣлахъ журналовъ, кромѣ этихъ споровъ и обсужденій, въ лучшемъ случаѣ имѣло характеръ дѣловой, а въ нелучшемъ... Но какой характеръ имѣло это нелучшее, скажемъ словами хроникера *Вѣстн. Евр.* Разсуждая по поводу извѣстнаго письма Л. Н. Толстого о сектантахъ,—хроникеръ замѣчаетъ: „Л. Н. Толстого и С. Н. Трубецкого возмущаетъ насиліе, совершенное надъ чувствами родителей и дѣтей, а *Міровые Отголоски* успокоиваются справкой о легальныхъ условіяхъ и предѣлахъ этого насилія. Конечно, чѣмъ тѣснѣе область дѣйствія закона, идущаго въ разрѣзъ съ основными требованіями человѣколюбія, тѣмъ лучше, но нельзя же забывать, что главный источникъ горя заключается въ самомъ законѣ, а не въ способѣ его пониманія". „Есть органы печати,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—которые считаютъ возможнымъ къ вопросу, глубоко затрогивающему сердце и совѣсть, приложить холодную мѣрку узкаго формализма".

Еслибъ дѣло было только въ этихъ органахъ печати, то это было бы еще съ полгоря, какъ говорится. Но настоящее-то горе нашей текущей литературы и состоитъ въ томъ, что таковъ ея общій тонъ, что ко всѣмъ вопросамъ, глубоко затрогивающимъ сердце и совѣсть, она считаетъ возможнымъ приложить холодную мѣрку узкой формальности, что при обсужденіи почти всѣхъ вопросовъ она способна возвыситься только до болѣе или менѣе умнаго, болѣе или менѣе дѣльно разработаннаго доклада, что въ ней, однимъ словомъ, не замѣчается энтузіазма, этого необходимаго условія умственнаго творчества. Она какъ будто утратила эту творческую способность, какъ будто лишилась тѣхъ могучихъ крыльевъ, которыя когда-то выносили ее за предѣлы непосредственно окружающей ее дѣйствительности въ сферу дѣйствительности болѣе отдаленной, соприкасяющейся съ идеальнымъ. Намъ на этихъ страницахъ не одинъ разъ уже приходилось говорить о такомъ прискорбномъ явленіи, объ утратѣ нашей литературой (разумѣется временной утратѣ) творческой силы, и мы пытались объяснить такой чисто-литературный фактъ его отношеніемъ къ жизни, накопленіемъ выраженныхъ и еще больше оставшихся безъ выраженія требованій

общества, подлежащихъ осуществленію раньше, чѣмъ будетъ возможна новая творческая дѣятельность въ литературѣ.

Говоря о странномъ походѣ, предпринятомъ нѣкоторыми органами нашей печати противъ продовольственныхъ пособій, хроникеръ *Вѣстника Европы* замѣчаетъ: „въ другое время этотъ газетный походъ могъ бы быть оставленъ безъ вниманія, но въ настоящую минуту онъ опасенъ тѣмъ, что доставляетъ предлогъ для невмѣшательства въ борьбу съ послѣдствіями неурожая. Несправедливо было бы, конечно, приписать одной реакціонной печати равнодушіе общества, отсутствіе въ его средѣ движенія, которое хоть сколько-нибудь напоминало бы одушевленіе 1891 года, но едва ли можно отрицать, что постоянное повтореніе одной и той же пѣсни о неосновательности земскихъ ходатайствъ и пр. способствуетъ образованію чего-то вродѣ *сухого тумана*, сквозь который нелегко пробиться лучамъ теплоты и свѣта“. Итакъ, съ одной стороны, сухіе туманы, заставляющіе общество видѣть предметы совсѣмъ не такими, каковы они въ дѣйствительности, а съ другой—равнодушіе общества, даже и отъ сухихъ тумановъ независящее,—таковы тѣ два условія, при которыхъ приходится работать литературѣ. Условія, очевидно, мало располагающія къ дѣятельности мысли и чувства. Тутъ мы попадаемъ въ заколдованный кругъ и сваливаемъ горе литературы на голову вѣчнаго бѣднаго Макара, на голову общества. Трудно, разумѣется, признать этого бѣднаго Макара совершенно неповиннымъ въ преступномъ попустительствѣ дѣлу распусканія сухихъ тумановъ, въ не менѣе преступномъ равнодушіи, но на него такъ часто валятся разныя шишки, что самое примитивное чувство справедливости невольно заставляетъ отыскивать причинъ, если не оправдывающихъ бѣднаго Макара въ его преступленіяхъ, то, по крайней мѣрѣ, объясняющихъ то равнодушіе, которое, однако, есть фактъ, сомнѣнію не подлежащій. Хроникеръ именно ищетъ такой причины въ „сухихъ туманахъ“, самъ, однако, признавая свое объясненіе не вполнѣ удовлетворительнымъ. Попытаемся указать на другую причину, болѣе общую и болѣе покрывающую собой обсуждаемое явленіе.

То одушевленіе, о которомъ говоритъ хроникеръ, вызывалось несомнѣнно особенно сильнымъ подъемомъ альтруистическихъ чувствъ состраданія, жалости, скорби, вообще человѣколюбія. Но эти эмоціональныя движенія общественной души далеко не объясняли всего явленія „хожденія въ народъ“, свидѣтелями котораго мы были въ „голодный годъ“. Кромѣ причинъ, относящихся къ сферѣ эмоціональной, были несомнѣнно и причины чисто-интеллектуальныя; была общая объединившая всѣхъ идея, породившая въ свою очередь новыя, чисто интеллектуальныя эмоціи, породившая надежду и вѣру. Это были довольно простая идея и довольно примитивная вѣра. Идея о томъ, что помощь народу въ его бѣдствіи, причины котораго были ясны для всѣхъ и давно уже изучены, какъ явленія не случайныя, а обусловленныя экономическимъ и соціальнымъ укладомъ, послужитъ поводомъ для устраненія этихъ основныхъ причинъ, для устраненія самой возможности повторенія подобныхъ бѣдствій въ будущемъ. Такая идея, какъ общая и такъ сказать центральная, обладала всѣми свойствами творческой, активной причины, только одна она и могла вызвать одушевленіе и заставить людей самыхъ разнообразныхъ характеровъ и еще болѣе разнообразныхъ взглядовъ приносить тѣ великія жертвы, которыя въ то время были принесены нашимъ обществомъ. Люди шли тогда умирать, если это было нужно,—и послѣ, во время холерныхъ и ти-

фозныхъ эпидемій, и дѣйствительно умирали—совершенно такъ же, какъ въ семидесятые годы, воодушевленные другой обобщающей идеей, они шли, по чьему-то счастливому выраженію, „поклониться ракѣ народнаго страданія". Пусть эта идея оказалась невѣрной, пусть эта вѣра была просто наивной мечтой, — это все равно въ смыслѣ производимаго эффекта. Важно то, что эти идея и вѣра существовали и что онѣ, и только онѣ, а совсѣмъ не простыя альтруистическія стремленія, могли произвести воодушевленіе... Слишкомъ хорошо извѣстно, чѣмъ отвѣтила дѣйствительность на идею, надежду и вѣру общества тѣхъ важныхъ для исторіи нашего общественнаго развитія годовъ. Въ литературѣ, между прочимъ, дѣйствительность отвѣтила обществу „мужиками" г. Чехова—этимъ страшнымъ стономъ изболѣвшей души художника. Удивительно ли, что, получивъ такіе отвѣты, общество снова потеряло найденную было имъ центральную идею и сдѣлалось равнодушнымъ, или, по крайней мѣрѣ, кажется таковымъ?

Но такое право на равнодушіе только кажущееся, а не настоящее нравственное право, и потому наше объясненіе есть только объясненіе, а отнюдь не оправданіе бѣднаго Макара. Дѣло въ томъ, что этотъ бѣдный Макаръ дѣйствительно виновенъ, но только не въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ обыкновенно. Виновенъ же онъ въ незнаніи того, что серьезные и прочные общественные результаты добываются не великодушными порывами, не альтруистическими стремленіями, какъ бы высоки и благородны они ни были, а упорнымъ трудомъ, руководимымъ обобщающей идеей, которая въ этомъ случаѣ и является настоящей общественной силой. Обществу еще приходится учиться работать послѣдовательно и неуклонно, и къ чести его сказать можно, что оно и учится. По крайней мѣрѣ, на это указываетъ дѣйствительно упорная дѣятельность его въ сферѣ народнаго образованія. Въ такомъ дѣлѣ, какъ народное просвѣщеніе, по чрезвычайно удачному выраженію г. Стасюлевича, „при его настоящемъ положеніи недостаточно даже и любви, необходима страсть". И повидимому, страсть къ дѣлу народнаго просвѣщенія дѣйствительно охватила наше общество. Надолго ли—это другой вопросъ. Можетъ-быть, слова почтеннаго общественнаго дѣятеля: „я вовсе не опасаюсь, что и эта страсть, какъ и всѣ страсти, можетъ оказаться скоропреходящей" и отзываются слишкомъ большимъ оптимизмомъ горячо вѣрующаго человѣка. Но несомнѣнно одно, что если въ этомъ случаѣ общество постигнетъ горькое разочарованіе, которое такъ часто постигало его въ другихъ методахъ его дѣятельности, оно все же останется въ серьезномъ выигрышѣ просто потому, что выучится упорно работать для достиженія своихъ цѣлей, для удовлетворенія своихъ основныхъ и давно назрѣвшихъ потребностей, и тогда оно сумѣетъ, снова найдя центральную идею, идею - силу, примѣнить свой пріобрѣтенный навыкъ къ дѣйствію въ другихъ сферахъ своей дѣятельности. Вотъ для такого общества не будутъ страшны никакіе сухіе туманы, да и „равнодушнымъ" такое общество можетъ быть сознательно, т. е. только въ тѣхъ случаяхъ, когда не затрогиваются его жизненные интересы... Въ такой-то выучкѣ, въ пріобрѣтеніи такихъ навыковъ упорнаго труда, не исключающаго, конечно, и великодушныхъ порывовъ и состоитъ выходъ изъ того заколдованнаго круга въ жизни и литературѣ, о которомъ мы говорили выше.

Но, дѣйствительно, пока общество только учится, пока оно тольк еще пріобрѣтаетъ навыки для настоящей послѣдовательной обществен ной дѣятельности, „сухіе туманы" могутъ такъ закрыть его атмосф

ру, что всѣ происходящія въ ней свѣтовыя явленія получаютъ диковинную, почти волшебную окраску, предметы представляются въ самыхъ причудливыхъ и фантастическихъ формахъ, возбуждаемые въ атмосферѣ „сухихъ тумановъ" вопросы пріобрѣтаютъ такое освѣщеніе, котораго они не могли бы получить въ обычной здоровой общественной средѣ. И что всего хуже—такъ это то, что фантастичность-то эта при господствѣ сухихъ тумановъ слишкомъ легко можетъ перейти въ дѣйствительность. Такова, напримѣръ, по-истинѣ фантастическая и не только чудесная, но даже чудовищная окраска, полученная, такъ называемымъ „дворянскимъ вопросомъ". Органы извѣстнаго направленія начали высчитывать, во сколько милліоновъ можетъ быть оцѣнена „несправедливость, допущенная дѣятелями реформы 1861 года относительно дворянства". Ну, и высчитываютъ они такъ, какъ могли бы дѣлать это люди, заблудившіеся въ песчаной пустынѣ и находящіеся во власти миража. Нѣкто г. Полѣновъ въ *С.-Петерб. Вѣдом.* приводитъ такой, напримѣръ, разсчетъ. Дворянство лишилось земли на 900 милл. рублей, оцѣнивая по 28 руб. десятину. Оно лишилось права на обязательный трудъ на 713 милл. рублей, такимъ образомъ оно лишилось имущественной цѣнности на 1,613 милл. рублей. Выкупного вознагражденія оно получило на номинальную сумму въ 867 милл. руб. Но такъ какъ вознагражденіе выдавалось процент. бумагами, то потеря на нихъ и скидка 20% при обязательномъ выкупѣ составляли 150—170 милл. Такимъ образомъ, чистая потеря дворянъ выразилась въ суммѣ около 900 милл. руб. Вотъ тотъ „дебетъ",—заключаетъ г. Полѣновъ,—который лежитъ на государствѣ по отношенію къ коренному нашему частному землевладѣнію, дворянскому. „О какомъ-нибудь вознагражденіи за утраченное право на крѣпостной трудъ не можетъ быть и рѣчи", великодушно сбавляетъ онъ со счетовъ. Изъ чего явствуетъ, конечно, что о вознагражденіи за другіе убытки рѣчь быть можетъ... Какой-то „скромный обыватель деревни" въ *Гражданинѣ*, „одаренный незатѣйливымъ умомъ", „просто и незатѣйливо" требуетъ выпуска бумажекъ на сто милліоновъ и раздачи ихъ безъ процентовъ дворянамъ-землевладѣльцамъ, а чтобъ эти послѣднія бумажки не проѣли, такъ „незатѣйливый обыватель" требуетъ погашенія ими частныхъ долговъ дворянъ землевладѣльцевъ. Саранскій предводитель дворянства г. Орловъ, признавая, что задолженность дворянства является слѣдствіемъ того, что это сословіе вынесло на своихъ плечахъ крестьянскую реформу, что помѣщики ничего не получили за крестьянъ, что безвозмездно были отданы крестьянамъ избы, скотъ и инвентарь, а пашни были отданы за полцѣны, дѣлаетъ тотъ выводъ, что теперь было бы вполнѣ справедливо вознаградить дворянъ за все—и за крѣпостныхъ, и за скотъ, и за избы, и за надѣлы, что было бы справедливо простить дворянамъ всѣ долги земельному банку, отдать даромъ имѣнія, взятыя банкомъ за неплатежъ процентовъ, а дворянскія имѣнія, заложенныя въ частныхъ банкахъ, выкупить на счетъ государства.

Фантасмагорія, чистая фантасмагорія! И однако не слѣдуетъ забывать, что въ такое время, когда общество остается равнодушнымъ ко всему, среди его происходящему, фантасмогорія слишкомъ опасно близка къ дѣйствительности. И по нынѣшнимъ временамъ совершенно не приходится удивляться, что г. В. А., авторъ статьи въ *Русск. Бог.*, изъ которой мы почерпнули вышеприведенные курьезы, считаетъ нужнымъ серьезно возражать господамъ „съ незатѣйливымъ умомъ". „Несправедливость, о которой говорятъ свѣдущіе люди, плодъ чистѣйшей фан-

тазіи; это легенда, создавшаяся на нашихъ глазахъ". Стоимость отчужденнаго дворянскаго имущества выведена чуть ли не въ удвоенной цифрѣ, а то, что получено, пріуменьшено. Стоимость земли высчитана г. Полѣновымъ по цѣнамъ шестидесятыхъ годовъ, а затѣмъ отдѣльно опредѣлена капитальная оцѣнка права на обязательный трудъ, тогда какъ заемный банкъ выдавалъ ссуды подъ „населенныя имѣнія", причемъ оцѣнка души въ сорокъ рублей включала и оцѣнку земли, такъ какъ, по замѣчанію такого компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ, какъ А. С. Ермоловъ, сама по себѣ земля безъ обязательнаго труда цѣнилась очень мало. Г. Полѣновъ, стало быть, просто два раза посчиталъ одну и ту же сумму. Дѣйствительно,—замѣчаетъ авторъ статьи,— ни о какомъ вознагражденіи за крѣпостной трудъ и рѣчи быть не можетъ, и это просто потому, что *фактически* и личность крестьянъ подлежала выкупу. Средніе крестьянскіе оброки,—говоритъ Скребицкій,—далеко превосходятъ процентъ съ капитальной стоимости надѣловъ. А именно эти оброки и положены въ основаніе выкупа. Членъ редакціонныхъ коммиссій Шишковъ прямо говоритъ относительно нечерноземной полосы, что „помѣщикъ ничего не потеряетъ, ничѣмъ не рискуетъ, а имѣя оставшуюся за надѣломъ землю, можетъ быть въ выгодѣ, особенно при выкупѣ правительствомъ крестьянскаго надѣла". Относительно же черноземной, какъ извѣстно, редакціонная коммиссія по настоянію помѣщиковъ повысила цифру денежныхъ повинностей. Потому-то черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ освобожденія и было сдѣлано открытіе, что повсемѣстно въ Россіи платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ „не находятся вовсе въ соотвѣтствіи, не говоримъ уже съ доходами, а и со всей совокупностью условій, обезпечивающихъ бытъ" (Янсонъ). Редакціонныя коммиссіи были правы, утверждая, что, „повинность представляетъ не одну поземельную ренту, а падаетъ и на личность крестьянъ". Въ восьмидесятыхъ годахъ оказалось, что несмотря на повышеніе цѣнъ на земли выкупная ссуда выше банковской оцѣнки. Тутъ сравнивалась съ банковской оцѣнкой именно выкупная ссуда, а не выкупная стоимость надѣла, т.-е. и въ случаѣ обязательнаго выкупа со скидкой 20% помѣщикъ все-таки получилъ больше стоимости земли. Что касается до выдачи вознагражденія не деньгами, а выкупными свидѣтельствами, то финансовая коммиссія, составлявшая проектъ операціи, основательно замѣчала, что способъ вознагражденія помѣщиковъ деньгами „обратился бы во вредъ имъ самимъ", такъ какъ увеличеніе денежныхъ знаковъ для этой цѣли уронило бы ихъ стоимость. Однимъ словомъ, при выкупѣ *фактически* выкупалась не только земля, но и крѣпостное право. Это,— по словамъ проф. Ходскаго—одна изъ темныхъ сторонъ Положенія 19 февраля. „Дебетъ", заключаетъ авторъ статьи, если и существуетъ, то онъ лежитъ не на государствѣ.

А, между тѣмъ, дебетъ, лежащій на государствѣ, дѣйствительно существуетъ, но только не по счету дворянства, а по счету другого сословія, крестьянства. На этотъ дебетъ указываетъ „отчетъ по выкупной операціи за 1895 годъ". „За время съ 1885 г. по 1894 г. правительствомъ принятъ рядъ мѣръ, вслѣдствіе которыхъ выкупная операція все болѣе и болѣе утрачивала характеръ кредитной, говорится в отчетѣ. Сліяніе съ общими средствами государственнаго казначейств суммъ по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій имѣло послѣд ствіемъ прекращеніе уплаты процентовъ и погашенія и *нарушеніе рав новѣсія между платежами правительства и крестьянъ*. Это равновѣ

сіе еще существеннѣе нарушалось конверсіями" бумагъ, выпущенныхъ для нуждъ выкупной операціи. Въ отчетѣ,—говоритъ хроникеръ *Сѣв. Вѣст.*,—къ сожалѣнію, не подсчитаны итоги прибылей казны отъ нарушенія такого равновѣсія. И хроникеръ дѣлаетъ такой разсчетъ: благодаря указаннымъ преобразованіямъ въ счетахъ выкупной операціи и благодаря конверсіямъ казна расходуетъ 27.380,000 въ годъ, а съ крестьянъ получаетъ 41 милл.; такимъ образомъ, казна отъ выкупныхъ платежей получаетъ чистой прибыли 13.665,000 руб. въ годъ. Это только съ однихъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Выкупная операція распространена и на государственныхъ крестьянъ. Изъ общей суммы платежей трудно, конечно, высчитать то, что приходится за дарованіе воли. Но если изъ 41 милл. выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ казна получаетъ 13 милл. прибыли, то можно думать, что не меньшую прибыль получаетъ она и съ 59 милл. платежей бывшихъ удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ, такъ что общая прибыль государства отъ этой операціи, зачисляемая теперь въ общія суммы государственнаго казначейства, равняется не меньше, чѣмъ 26 милл.

Признанію подобныхъ „дебетовъ", которыхъ наберется изрядное количество какъ въ сферѣ матеріальной, такъ и въ сферѣ духовныхъ благъ, какъ въ области прямого и еще болѣе косвеннаго обложенія крестьянства, такъ и въ области его суда и управленія, препятствуютъ именно тѣ „сухіе туманы", которые напущены въ атмосферу нашей общественной жизни творцами разныхъ мнимыхъ вопросовъ. Чѣмъ, объяснить, напримѣръ, то обстоятельство, что серьезной печати приходится совершенно серьезно доказывать, что свободное допущеніе въ среду присяжныхъ повѣренныхъ евреевъ отнюдь никакими бѣдами ни дѣлу правосудія, ни самому институту присяжныхъ повѣренныхъ не грозитъ? А вѣдь именно такія вещи доказывать приходится. Г. Гольденвейзеръ посвящаетъ въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* этому вопросу обстоятельную и дѣльную статью.

Уютный, теплый кабинетъ. Въ каминѣ сверкаютъ причудливые синеватые огоньки, а предъ нимъ въ мягкомъ креслѣ сидитъ глубоко задумавшійся старикъ. Смотритъ онъ на пламя камина и мнится ему, что стоитъ онъ на берегу моря и шумныя волны набѣгаютъ одна за другой шаловливой и бурной чредой, набѣгаютъ и снова исчезаютъ. Такъ много этихъ волнъ видалъ старикъ, такъ много и волнъ бурнаго житейскаго моря прошло предъ его зоркими очами, что въ немъ остались только воспоминанія, чувства кроткой резиньяціи, свѣтлой грусти, философскаго сознанія о преходящести всего на свѣтѣ, и тихая жалость, не болѣзненная, а какая-то грустная и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадно-свѣтлая жалость, вотъ къ этому преходящему, къ отжитымъ уже людьми формамъ жизни, къ самимъ людямъ, страшно тоскующимъ по этимъ прожитымъ формамъ и продолжающимъ все-таки искать ихъ, ушедшихъ въ далекое прошлое, сдѣлавшихся простыми тѣнями этого прошлаго. И тихо шепчутъ уста старика: „къ чему все это было, къ чему все это прошло? Все проходитъ, все". И задумчиво и ласково качаетъ старикъ своей много передумавшей головой.

Такая картина какъ-то сама собой промелькнула предъ нами, когда мы прочли очерки г. Короленка: *Надъ Лиманомъ*. Тихая грусть, философская резиньяція, чувство свѣтлой, не больной жалости,—эти настроенія такъ свойственны, такъ родственны нашему и вялому, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ много прожившему и мало жившему обще-

ству, что оно не можетъ не признать въ г. Короленкѣ особенно близкаго себѣ по духу художника. Среди нашихъ современныхъ беллетристовъ-художниковъ можетъ быть не найдется никого, равнаго ему въ изображеніи именно такихъ настроеній. Это настоящій художникъ эпохи перелома въ общественной жизни. Его фигура, какъ писателя, до извѣстной степени двоится. Какъ публицистъ—это дѣятельный, и глубоко вдумчивый писатель, какъ художникъ—это поэтъ смутныхъ, раздумчивыхъ, переполненныхъ грустью настроеній. Но такая раздвоенность писателя нисколько не вредитъ ему; двѣ доминирующія черты таланта г. Короленка какъ-то сливаются въ гармонію. Его сила, какъ публициста, всегда скрашивается какой - то задушевной мягкостью и граціей, его грусть и философское разочарованіе никогда не переходятъ ни въ прострацію, ни въ пессимизмъ. Почти женственная грація, мягкость и деликатность соединяются у него съ особой стариковской, но не старческой, мудростью. И такое любопытное соединеніе чертъ, такъ рѣдко соединимыхъ въ одномъ писателѣ, дѣлаетъ его любимымъ авторомъ людей разнообразнаго возраста, самыхъ различныхъ положеній и взглядовъ.

Г. Короленко рисуетъ намъ странную психологію некрасовцевъ въ Румыніи. При воспоминаніи о турчинѣ у этого „некрасовскаго корня" лица освѣщаются благодушной улыбкой. „У турчина вѣра собачья, а самъ—добряга", говорятъ они.—Что это такое? Отвратительное правительство, взяточники чиновники, правосудіе, въ которомъ все рѣшаетъ бакшишъ, невозможность найти управу на мусульманина, грубый произволъ—и все это русскій человѣкъ готовъ простить турчину за какія-то особыя добродѣтели... Мнѣ вспомнилась вчерашняя картина: толпа узниковъ и равнодушныя лица румынскихъ солдатъ; ни злобы, ни возбужденія, ни выстрѣловъ, ни борьбы, ни сопротивленія. Скромный господинъ въ сѣромъ костюмѣ прочиталъ протоколъ и постановилъ рѣшеніе за непрививку оспы. И придунайская вольница чувствуетъ, что это рѣшеніе сильнѣе всей турецкой урвани. Современное государство смыкается кругомъ, неодолимое и сильное,—то самое, отъ котораго они убѣгали съ Некрасовымъ. Это сила роковая, стихійная, почти пассивная. И потомки атамана Некрасова чувствуютъ себя точно на островѣ, со всѣхъ сторонъ охваченномъ волнами все приливающаго новаго государственнаго уклада. У турка и вѣра собачья, и судъ плохой, и непорядокъ. Но можетъ быть именно за эту добродѣтель, за слабость турецкаго государства, все прощаетъ турчину наша россійская степная вольница". И не только прощаетъ, но страстно ищетъ стараго, заслоненнаго уже тѣнями прошлаго, вольнаго безгосударственнаго уклада и находитъ его только въ тѣняхъ прошлаго, да въ могилѣ. Пріѣхавшій въ Сарыкіой безпоповецъ, „казалось, вглядывался своими мечтательными глазами въ какую-то мысль, мучительную и неясную и успѣлъ состариться съ этой мыслью". Вспомнивъ о замуровавшихся тираспольцахъ, онъ говоритъ: „онъ... правильной-то законъ Господень—ударилъ гдѣй-то, какъ шнуръ. Прямо, правильно. Да мы-то, вотъ, шукаемъ его, да блукаемъ, какъ слѣпые, найти не можемъ..." „И старикъ истово сложилъ двуперстіе и перекрестился. По сморщенной щекѣ тихо скатилась слеза... А развалины Гераклеи глядѣли на насъ съ своей недоступной вышины и надвигались все ближе". И тихая жалость къ этимъ ищущимъ тѣней прошлаго наполняетъ душу читателя. Есть что-то особенное среди развалинъ. Что-то щемящее, проникнутое *грустью* почти до боли душевной и вмѣстѣ вѣющее въ душу

страннымъ успокоеніемъ... Проходятъ минуты или часы, или годы. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ столѣтія, которыя пронеслись надъ этими стѣнами, не кажутся теперь минутами, а въ настоящія минуты не промчались въ душѣ призраки цѣлыхъ столѣтій?... Все проходитъ, все угасаетъ, какъ сверкающая полоска на глади лимана... Затихла братоубійственная борьба запорожцевъ и некрасовцевъ, рѣзавшихъ другъ друга на низовьяхъ Дуная; ушли турки, исторія перевернула свою страницу... анархическая степная воля скоро покорится государственному укладу... Все проходитъ... Таяли поколѣнія, какъ эти бѣлыя облака, плывущія по синему небу, какъ эти синія волны, ровными прядями набѣгающія на берегъ, въ умершемъ дунайскомъ руслѣ... И я съ грустью думалъ о томъ, сколько такихъ волнъ, живыхъ и сверкавшихъ уже въ мое время, теперь вошли въ иныя русла или затихли, затянувшись, какъ лиманъ, дремотными плавнями. На этомъ самомъ островѣ въ 70-хъ годахъ русскій докторъ бродилъ съ своей рыболовной артелью, отказавшись отъ всего своего прошлаго для мечты, одушевлявшей тогда его поколѣніе... Прошло и это".

Да, все проходитъ,—думается старику, и онъ покачиваетъ своей много передумавшей головой, и чувства *щемящей грусти* и *свѣтлой жалости* ко всѣмъ утекшимъ струямъ, ко всему превратившемуся въ тѣни прошлаго и какое-то *странное успокоеніе* наполняютъ его душу.

Но если и возможно любоваться такими настроеніями, жить ими все-таки невозможно. Всякое раздумье должно закончиться рѣшеніемъ, если оно не хочетъ перейти въ прострацію. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, жить съ одной только щемящей грустью и съ философскимъ сознаніемъ преходящести всѣхъ живыхъ формъ. Самое преобладаніе такихъ настроеній вызываетъ неизбѣжную реакцію,—реакцію къ жизни, къ ея живымъ звукамъ, краскамъ и образамъ, ко всему, что есть въ жизни бурнаго, горячаго, свѣтлаго и мрачнаго. Полумракъ, полусвѣтъ, блѣдные цвѣта, которыми всегда окрашиваются воспоминанія прошлаго, не удовлетворяютъ въ концѣ-концовъ живую человѣческую душу. „Хоть гирше—да инше, хоть мрачнаго, хоть печальнаго, но живого, непремѣнно живого и живущаго полной жизнью, требуетъ она настоятельно.

Отъ г. Короленка намъ приходится перейти къ г. Горькому. Мы, разумѣется, отнюдь не думаемъ сравнивать этихъ двухъ писателей. Признавая, что г. Горькій обладаетъ не только недюжиннымъ, но даже сильнымъ и оригинальнымъ дарованіемъ, мы не можемъ, однако, ни на минуту поставить его въ рядъ съ такимъ художникомъ слова, какъ г. Короленко. Г. Горькій въ послѣднее время началъ писать много и, приглядываясь къ кадрамъ, въ которыхъ движется его творчество, мы найдемъ это довольно натуральнымъ. Просто накопилось у человѣка много наблюденій среды любопытной, оригинальной и въ общественномъ отношеніи значительной, притомъ среды такой, типы которой достаточно разнообразны и психія которой достаточно сложна и любопытна—и вотъ наблюдатель, „волнуясь и спѣша", хочетъ поскорѣе, не медля, пока время не ушло, излить на бумагу результаты видѣннаго, можетъ быть пережитаго и во всякомъ случаѣ передуманнаго. Это, повторяемъ, натурально. Но съ такой поспѣшностью связаны нѣкоторыя не совсѣмъ желательныя качества. Г. Горькій именно потому, что онъ пишетъ „волнуясь и спѣша", не всегда овладѣваетъ своимъ сюжетомъ, часто, напротивъ, сюжетъ владѣетъ имъ и заставляетъ его давать читателю не разработанные живые типы, а только наброски такихъ живыхъ типовъ. Читатель не можетъ не чув-

ствовать при этомъ силы и размаха кисти автора, но онъ больше чувствуетъ біеніе могучаго пульса жизни, чѣмъ осязаетъ его. Онъ больше чувствуетъ, что въ произведеніи оригинальнаго писателя имѣется что-то внушительное, чѣмъ во-очію видитъ это внушительное. А между тѣмъ г. Горькій несомнѣнно способенъ и во-очію показать это внушительное; онъ доказалъ намъ это давно своимъ очеркомъ *Челкашъ* и въ послѣднее время болѣе обработаннымъ изъ его произведеній: *Супруги Орловы*. Приходится пожалѣть также и о томъ, что у г. Горькаго часто попадается повтореніе, иногда чуть ли не буквальное, однихъ и тѣхъ же психологическихъ мотивовъ. Когда человѣкъ пишетъ „волнуясь и спѣша“, такое повтореніе иногда неизбѣжно. И слѣдуетъ сказать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о явленіяхъ значительныхъ, оно даже не совсѣмъ безполезно; но несомнѣнно, однако, и то, что чисто-художественнымъ достоинствамъ беллетристическихъ произведеній это вредитъ, такъ какъ ослабляетъ производимую эстетическую эмоцію.

Если невозможно такимъ образомъ сопоставленіе или противопоставленіе талантовъ двухъ такихъ писателей, какъ г. Короленко и г. Горькій, то возможно, однако, противопоставленіе выражаемымъ ими настроеній. Настроеніе г. Короленка философски-спокойное, мягкое, грустное и чисто гуманистическое, въ лучшемъ смыслѣ этого термина. Настроеніе г. Горькаго, наоборотъ, чисто-мужественное, дѣятельное, часто даже юношески мужественное, всегда неспокойное, всегда преисполненное волненія, страсти, часто ненависти,—однимъ словомъ, это бурное настроеніе. Изъ всѣхъ нашихъ старыхъ писателей и по настроенію и по нѣкоторымъ качествамъ своего таланта г. Горькій всего болѣе напоминаетъ намъ Помяловскаго. И, по нашему мнѣнію, это совсѣмъ не случайное сходство. Въ основѣ его лежитъ нѣкоторое сходство (въ смыслѣ значенія для эволюціи общества) тѣхъ двухъ средъ, — sit venia verba, — которыя изображаютъ эти два автора, одинъ старый, другой только начинающій свою дѣятельность. Помяловскій—изобразитель недолговѣчнаго въ общественной эволюціи типа бунтующаго противъ „устоевъ“ разночинца; а г. Горькій — изобразитель бунтующаго тоже противъ „устоевъ“ босяка-безработнаго. Оба эти слоя вышли на арену общественной жизни если не съ одинаковой, то со схожей психіей. Оба они вышли, такъ сказать, обнаженными, ничѣмъ, кромѣ злости и ненависти къ „устоямъ“, не вооруженными для жизненной борьбы. Потому-то бунтующій разночинецъ такъ скоро и сошелъ съ арены общественной жизни и его замѣнилъ разночинецъ, обладающій творчествомъ и положительными идеалами; потому-то Помяловскій и стоитъ такъ одиноко въ нашей литературѣ; потому онъ теперь такъ многимъ и непонятенъ и чуждъ. Мы не беремся предсказывать, ожидаетъ ли такая же судьба и тотъ общественный слой, изобразителемъ котораго является въ нашей художественной литературѣ г. Горькій. Думается, что этотъ слой будетъ болѣе долговѣчнымъ, что онъ дастъ нашей художественной литературѣ цѣлую массу новыхъ красокъ, звуковъ и образовъ, въ произведеніяхъ ли г. Горькаго или другихъ еще невѣдомыхъ намъ авторовъ. На это, между прочимъ, намекаетъ, но, къ сожалѣнію, только намекаетъ, и новый разсказъ г. Горькаго *Мальва (Сѣверный Вѣстникъ)*.

Одна очень любопытная особенность отличаетъ г. Горькаго и его героевъ отъ Помяловскаго и бунтующаго разночинца. Эту отличительную особенность всего лучше будетъ назвать „чувствомъ природы“ У Помяловскаго это чувство природы совершенно отсутствуетъ, как

оно отсутствуетъ и у его коллективнаго героя, бунтующаго разночинца. У г. Горькаго оно, напротивъ, очень сильно развито. Какъ героя Помяловскаго вы можете представить себѣ только въ подвалѣ или на чердакѣ грязной городской улицы, такъ герои г. Горькаго сами составляютъ какъ бы аксессуаръ широкой степи, морского берега и т. д. Они какъ бы живыя пятна, оживляющія полный мощи ландшафтъ. И сами они переполнены чувствомъ природы, стремленіемъ къ ней, такъ сказать—желаніемъ раствориться въ великомъ космосѣ. Это вноситъ какую-то успокоивающую струю въ бурную жизнь личности бунтующаго босяка. Это чувство природы, это стремленіе раствориться въ космосѣ присуще чуть ли не всѣмъ героямъ г. Горькаго, начиная отъ Челкаша, Коновалова, солдата въ *Степи* до всѣхъ дѣйствующихъ лицъ послѣдняго разсказа автора. И это такъ естественно, что очень трудно рѣшить—влилъ ли авторъ свое чувство природы въ души своихъ героевъ или, наоборотъ, они передали ему это чувство, какъ неотдѣлимое отъ ихъ натуры. Всего вѣроятнѣе, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ обоими этими явленіями сразу. Г. Горькій по своему обыкновенію и въ *Мальвѣ* немногими рѣзкими штрихами рисуетъ намъ море, рѣющихъ надъ нимъ чаекъ, каменистый или песчаный берегъ; и отъ его разсказа дѣйствительно вѣетъ соленымъ воздухомъ этого моря; читатель дѣйствительно видитъ и ласковыя волны, плещущія у его ногъ, и яркіе лучи южнаго солнца, и слышитъ крикъ чаекъ, занятыхъ своей вѣчной неугомонной борьбой за существованіе. И личности, о которыхъ идетъ рѣчь въ разсказѣ, составляютъ какъ бы необходимое дополненіе къ этому ландшафту; онѣ гармонируютъ съ нимъ, выдѣляясь по закону художественнаго контраста съ особой рельефностью именно на такомъ фонѣ. Вы чувствуете, что ни на какомъ иномъ фонѣ онѣ не могли бы представляться вамъ такими яркими.

Все это, однако, только внѣшніе художественные пріемы; обращаясь къ внутреннему содержанію разсказа, мы встрѣчаемся не столько съ достоинствами, сколько съ недостатками автора, съ тѣмъ повтореніемъ мотивовъ, о которомъ мы говорили выше, и съ недодѣланностью типовъ. Типическій босякъ Сережка—это тотъ же Челкашъ, только въ иномъ настроеніи. Оба они сознательно чувствуютъ свою чуждость относительно крестьянства и его традиціонныхъ устоевъ. Но Челкашъ былъ изображенъ авторомъ въ настроеніи романтически-мечтательномъ и потому онъ мечтаетъ о свободѣ крестьянской жизни. Сережка, напротивъ, чуждъ романтизма, онъ чистѣйшій реалистъ и отрицатель и онъ категорически заявляетъ о своей классовой ненависти къ деревнѣ, о своемъ классовомъ антагонизмѣ къ мужику. „Я, видишь ты, всѣхъ мужиковъ не люблю... они сволочи! Они прикинутся сиротами, имъ и хлѣба даютъ... и все. У нихъ, вонъ, есть земство, и оно все для нихъ дѣлаетъ. Хозяйство у нихъ, земля, скотъ... Они ноютъ, да притворяются, но жить могутъ; у нихъ есть зацѣпка... земля. А я что противъ нихъ?... За меня никого нѣтъ въ заступникахъ. А мужики... они, черти, могутъ жить... У нихъ и земство, и все такое!“ Немного какъ будто дѣланно все это; и, во всякомъ случаѣ, послѣ Челкаша, Коновалова и пр., Сережка впечатлѣнія не производитъ,—слишкомъ ужъ онъ слабо нарисованъ. Съ другой стороны, Яшка вылитый деревенскій парень Гаврила изъ того же „Челкаша“. Любопытенъ и достаточно ярокъ отецъ Яшки, Василій. Это, несмотря на его долголѣтнее пребываніе въ средѣ босяковъ, настоящій деревенскій мужикъ, у котораго всѣ мужицкіе устои сохранились гдѣ-то въ уголкѣ души и

только засорены его избалованностью въ средѣ вольнаго и беззаботнаго босячества, на берегахъ южнаго моря. Когда на него отъ прихода сына пахнуло полузабытой уже имъ деревней, онъ застыдился своей вольной и беззаботной жизни, онъ всѣмъ сердцемъ учуялъ тѣ тяготы—обязанности, отъ которыхъ некуда податься мужику, кромѣ раздолья и голодовки безработнаго человѣка-босяка. Среди чарующей и зовущей къ вольной волюшкѣ южной природы у него пораждаются только мужицкія мысли. „Эхъ, дѣла наши!—свободно вздохнулъ Василій, задумчиво лаская прильнувшую къ нему женщину.—И какъ все устроено на свѣтѣ—что грѣшно, то и сладко... Нашему брату много ли надо? Избу, да хлѣбушка вдоволь... да въ праздникъ стаканъ водки. Въ деревнѣ я самъ себѣ хозяинъ, всѣмъ равный человѣкъ, а здѣсь вотъ слуга... Въ деревнѣ баба—нужный для жизни человѣкъ, а здѣсь такъ она... для баловства только живетъ... для грѣха..." И когда парень Яшка, съ котораго деревенскую пыль еще вольнымъ морскимъ вѣтромъ не сдуло, съ энтузіазмомъ восклицаетъ: „И конца, кажись, нѣтъ этому морю... Но ежели бы все это земля была... да черноземъ... да распахать бы!"—мужицкое сердце Василья размякло. „Это, Яковъ, хорошо ты сказалъ. Крестьянину такъ и слѣдуетъ. Крестьянинъ землей и крѣпокъ; пока онъ на ней, онъ живъ; а сорвался съ нея — пропалъ. Крестьянинъ безъ земли, какъ дерево безъ корня... въ работу оно годится, а прожить долго не можетъ — гніетъ. И красоты своей лѣсной нѣтъ въ немъ; обглоданное оно, обстроганное, невидное". Въ Васильѣ, однимъ словомъ, живо стремленіе къ благообразію жизни и сознаніе своего собственнаго неблагообразія. И потому не удивительно, что когда у него изъ-за Мальвы происходитъ столкновеніе съ сыномъ, когда Яшка, съ котораго къ тому времени уже свѣяло морскимъ вѣтромъ деревенскую пыль, отрекается и отъ повиновенія отцу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ всѣхъ деревенскихъ устоевъ, онъ проклялъ сына и этимъ проклятіемъ разбудилъ дремлющаго въ его груди демона грѣха. „Ѣдкое чувство тоски охватило мужика. Онъ крѣпко потеръ себѣ грудь, оглянулся вокругъ себя и глубоко вздохнулъ. Голова его низко опустилась и спина согнулась, точно тяжесть легла на нее... За то, что онъ ради гулящей бабы бросилъ свою жену, съ которой прожилъ въ честномъ трудѣ больше полутора десятка лѣтъ, Господь наказалъ его возстаніемъ сына... Грѣхъ было ему, старику, связываться съ ней, забывая о женѣ и сынѣ... И вотъ Господь въ святомъ гнѣвѣ своемъ напомнилъ ему, чрезъ сына ударилъ его по сердцу справедливой карой своей... Такъ, Господи... Василій сидѣлъ согнувшись и крестился и часто моргалъ глазами, смахивая рѣсницами медленно раждавшіяся слезы, ослѣплявшія его... А солнце опускалось въ море и на небѣ тихо гасла багряная заря".

Василій—типъ цѣльный и выработанный; но онъ не новъ и совсѣмъ не оригиналенъ. Весь интересъ разсказа въ самой Мальвѣ. Но, къ сожалѣнію, именно этотъ типъ и не удался автору. Это только хорошо сдѣланный, дышащій жизненной правдой и оригинальностью набросокъ, начерченный смѣлой, но небрежной рукой, а не цѣльный типъ. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, Мальва, если оставить въ сторонѣ ея внѣшнія черты красивой и по своему кокетливой женщины, своего рода босяцкой сирены, — черты отлично выписанныя? Откуда въ ней эти порывы къ чему-то возвышенному, къ идеальному? Откуда в это бурное сердце забрались чувства великой жалости, великодушія преклоненія предъ всѣмъ выдающимся изъ обычной низменной о

становки, готовности къ жертвѣ, соединенныя съ неудержимымъ стремленіемъ къ волѣ, къ женской свободѣ? Что это — просто ли хорошее русское „бабье“ сердце, великодушное, высокое, готовое на подвигъ и на жертву, полное любви и жалости къ людямъ,— сердце, только случайно попавшее въ среду босяковъ съ ея неудержимой жаждой анархической воли и заразившееся этой жаждой, или, наоборотъ, именно это стремленіе къ волѣ, присущее самой природѣ Мальвы, органически и неразрывно связано въ ней съ ея высокими духовными запросами? Почему она въ своей тяжелой трудовой и вмѣстѣ съ тѣмъ безшабашной жизни зачитывается житіемъ Алексѣя Божьяго Человѣка и, даже не понимая его подвига, задумывается надъ нимъ и тяготѣетъ къ нему? Что ее тянетъ къ Василью, съ его, такъ сказать, остаткомъ благообразія, и отталкиваетъ отъ „щенка“ Яшки, хвастающаго, что съ него деревенскую пыль обдуло, и въ концѣ концовъ приводитъ къ преклоненію предъ Сережкой, какъ истымъ представителемъ отрицанія всяческихъ нравственныхъ устоевъ, сложившихся вѣковымъ процессомъ? Г. Горькій не даетъ отвѣта, и потому-то типъ Мальвы, сначала привлекающій читателя своей внѣшней красотой, въ концѣ концовъ, благодаря его необработанности, кажется нежизненнымъ, не реальнымъ, выдуманнымъ. Ошибка автора, думается намъ, просто въ томъ, что онъ слишкомъ большое содержаніе захотѣлъ вмѣстить въ тѣсныя рамки небольшого разсказа.

Объ оконченномъ романѣ г. Сальяса *Экзотики* мы не можемъ, къ сожалѣнію, сказать ничего добраго. Ужъ очень много крови, альфонсизма, самоубійствъ и убійствъ и слишкомъ много глупости у жертвъ міра экзотиковъ, такъ что не только симпатизировать имъ, но и интересоваться ими совсѣмъ невозможно. Шаблонные пріемы автора могли бы, конечно, найти извиненіе въ его добрыхъ намѣреніяхъ, въ его, очевидно, искреннемъ негодованіи противъ среды людей, оторвавшихся отъ жизненныхъ интересовъ родины. Но, къ сожалѣнію, добрыя намѣренія въ беллетристическомъ произведеніи ничего не оправдываютъ. Да и зачѣмъ намъ искать экзотиковъ непремѣнно въ Парижѣ? Ихъ такъ много среди насъ — попроще, поскромнѣе, безъ всякаго треска и грома, но столь же оторванныхъ отъ родины и ея интересовъ, какъ и та „честная компанія“, которую столь неудачно пытался изобразить г. Сальясъ.

„Образованіе“, *ноябрь и декабрь*. Можно надѣяться, что недолго будемъ ждать того времени, когда народные театры появятся во всѣхъ краяхъ Россіи,—такъ велика чувствуемая въ нихъ всюду потребность, такъ глубоко вкоренилось въ обществѣ сознаніе пользы и даже необходимости для рабочаго люда культурныхъ наслажденій.

Примѣръ чужихъ народовъ будетъ большимъ для насъ подспорьемъ въ этомъ дѣлѣ. Обстоятельные этюды г. Гроссмана, помѣщенные въ двухъ выпускахъ *Образованія* на тему объ искусствѣ и народѣ въ ихъ взаимоотношеніи, представляютъ, въ виду этого, большой интересъ.

„Никогда раньше,— говоритъ г. Гроссманъ,— нѣмецкая жизнь не ставила съ такой страстной настойчивостью вопроса о соотношеніи искусства съ народомъ, какъ въ послѣдніе годы“.

Ни музыка, ни живопись, ни литература, по его словамъ, недоступны, въ сущности, для рабочаго пролетарія. Онъ вынужденъ довольствоваться только урывками, такъ сказать, милостиво бросаемыми въ него сверху крохами духовной пищи и благодарить за то... Вообще

же говоря истинное наслажденіе серьезнымъ искусствомъ стóитъ денегъ, которыхъ у рабочаго нѣтъ.

Даже книга съ великимъ трудомъ проникаетъ въ народъ. Писатель съ развитою совѣстью и сознаніемъ гражданскаго долга не можетъ не чувствовать себя глубоко угнетеннымъ при мысли о томъ, что его читаетъ попреимуществу буржуазія, читаетъ на сонъ грядущій, либо ради лучшаго пищеваренія, и только.

И театръ—это самое общедоступное, казалось бы, средство народнаго просвѣщенія—остается до сихъ поръ открытымъ только „для тѣхъ, которые почище-съ, потому что, извѣстно-съ, они деньги платятъ"... Слова гоголевскаго полового, какъ видите, оказываются самыми подходящими для характеристики положенія искусства въ отношеніи къ народу.

Одинъ изъ самыхъ энергичныхъ филантроповъ, профессоръ политической экономіи, Георгъ Адлеръ опубликовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ такого рода воззваніе. Всѣ казенные и городскіе театры, пользующіеся субсидіей, пусть устраиваютъ разъ въ недѣлю спектакль для рабочихъ по цѣнѣ за входъ не свыше 50 пфениговъ (25 коп.). Городскія общества, власти и прежде всего германскій императоръ обязаны оказывать доброму дѣлу популяризаціи искусства нравственное и матеріальное содѣйствіе. Въ этомъ отношеніи всего приличнѣе было бы выступить иниціаторомъ дѣла придворному театру: пусть первый онъ подастъ хорошій примѣръ остальнымъ и широко раскроетъ свои двери честному трудящемуся люду.

Такое слишкомъ ужъ неожиданное и сенсаціонное заявленіе не привело къ желаннымъ результатамъ, однако идея его не осталась безъ слѣда и безъ вліянія на воспріимчивыя души.

Вскорѣ молодой и талантливый берлинскій писатель и общественный дѣятель, д-ръ Бруно Вилле, обращается съ воззваніемъ къ рабочему населенію Берлина: пора,—внушаетъ онъ,—трудящимся людямъ самимъ, собственными своими силами создать для себя, на вполнѣ демократическихъ началахъ, вольный театръ, задача котораго заключалась бы, какъ было сказано въ воззваніи, „не въ пустомъ развлеченіи, а въ высокомъ художественномъ наслажденіи, нравственномъ подъемѣ и въ здоровомъ возбужденіи для размышленія о великихъ задачахъ времени".

Участь этого воззванія была не въ примѣръ счастливѣе, чѣмъ участь предложенія проф. Адлера.

Создался вольный народный театръ,—создались и соотвѣтствующіе высотѣ его задачи драматурги, и право, трудно сказать, кто кому больше обязанъ: театръ ли имъ, или они театру, который прежде всѣхъ раскрылъ для нихъ свои двери и который въ сильной степени подѣйствовалъ на ихъ развитіе, на воспитаніе въ нихъ чувства долга предъ народомъ, на усовершенствованіе ихъ художественнаго вкуса. Эти дебютанты вольнаго народнаго театра не иные кто-нибудь, какъ Ибсенъ, Гауптманъ и Зудерманъ.

А что они могли у своей аудиторіи многому поучиться, это пре; ставить себѣ нетрудно, если имѣть въ виду, что рабочее населеніе Бер лина весьма интеллигентно, проникнуто серьезнымъ настроеніемъ жаждетъ знанія и высшихъ интеллектуальныхъ наслажденій. Серье но смотря на задачи просвѣщенія и искусства, эта публика относитс очень строго и осмысленно къ содержанію играемыхъ на сценѣ пьес

а потому все, что ставилось и продолжаетъ появляться на этихъ подмосткахъ, принадлежитъ къ разряду классическихъ и первоклассныхъ произведеній современности.

Мы, русскіе, можемъ гордиться тѣмъ вниманіемъ, которое оказывается вольными театрами нашимъ драматургамъ: Гоголю, Островскому и Льву Толстому.

Много и другихъ драгоцѣннѣйшихъ свѣдѣній по вопросу о движеніи народнаго просвѣтительнаго дѣла на Западѣ и въ Россіи разсѣяно въ симпатичномъ журналѣ, ставшемъ въ одно и то же время органомъ популярно-научныхъ знаній и изученія вопросовъ о народномъ образованіи, и помѣщающемъ интереснѣйшія оригинальныя и переводныя статьи по философіи, естествознанію, политической экономіи, исторіи культуры и литературы и критикѣ.

„Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ", *январь*. Ни одинъ изъ дѣтскихъ журналовъ не имѣетъ такой тѣсной и глубокой связи съ нашей общей лучшей литературой для взрослыхъ, какъ *Дѣтское Чтеніе*.

Благодаря этому, одни и тѣ же любимые писатели восхищаютъ и поучаютъ какъ отцовъ, такъ и дѣтей. И съ какимъ удовольствіемъ и какъ незамѣтно, просто и легко молодежь къ возрасту зрѣлости перейдетъ отъ произведеній, приспособленныхъ для ея возраста, къ произведеніямъ болѣе серьезнымъ, благодаря притягательной силѣ знакомыхъ, симпатичныхъ именъ ихъ авторовъ, давно уже завоевавшихъ крѣпкое сочувствіе въ юной средѣ ихъ читателей и поклонниковъ!

Это ли не та преемственность поколѣній, которая столь желательна у насъ, которая такъ трудно достигается? Въ поддержаніи и даже прочномъ установленіи ея между взрослыми и малыми заключается заслуга *Дѣтскаго Чтенія*.

Въ каждой книжкѣ журнала вы встрѣчаете цѣлый рядъ именъ талантливыхъ прозаиковъ и выдающихся поэтовъ. Въ отношеніи къ поэзіи мы положительно совѣтовали бы почтенной редакціи—собрать помѣщенныя въ журналѣ стихотворенія и издать ихъ отдѣльнымъ сборникомъ,—это будетъ цѣнный вкладъ въ дѣтскую литературу. Стихотворенія, особенно, гг. Ладыженскаго, Величко, Льва Медвѣдева и Ѳедорова зачастую такъ и просятся въ хорошую дѣтскую хрестоматію.

Въ январьской книжкѣ помѣщены прекрасныя, проникнутыя искренней поэзіей и чувствомъ любви къ родной природѣ стихотворенія гг. Л. Медвѣдева, П. Тулуба и Н. М.: „Въ сочельникъ", „Зимній путь" и „Далекій край".

Въ той же книжкѣ начата большая повѣсть г. Потапенка „Два таланта" и помѣщены нѣсколько сказокъ гг. Мамина-Сибиряка, Ѳедорова-Давыдова и Баранцевича. Кромѣ того, обращаетъ на себя вниманіе согрѣтый теплымъ чувствомъ разсказъ г. Соловьева -Несмѣлова изъ русскаго народнаго быта „Филимоша", и очеркъ изъ сибирской жизни г. Телешова „Елка дѣдушки Митрича".

Въ отдѣлѣ научномъ съ удовольствіемъ отмѣчаемъ этнографическій, художественно написанный очеркъ знатока Малороссіи г. Эварницкаго — о святкахъ у хохловъ. Добросовѣстно составлены и остальныя статьи.

Родители, воспитатели и народные учителя найдутъ для себя много поучительнаго въ *Педагогическомъ Листкѣ*. Тутъ есть и статья извѣстнаго публициста, г. Оболенскаго, доказывающаго, на основаніи капи-

тальнѣйшихъ трудовъ лучшихъ психологовъ нашего времени, Селли и Гёфдинга, необходимость изученія психологіи и этики для всякаго, кто беретъ на себя смѣлость воспитывать дѣтей, причемъ авторъ какъ нельзя удачнѣе доказываетъ несостоятельность мысли о томъ, будто совершенно достаточно для успѣха воспитанія пріобрѣсти себѣ навыкъ и сноровку при помощи личнаго практическаго опыта. Интересна и статья г. Никифорова о значеніи воспитанія, представляющая собою компиляцію труда Джона Рескина и этюдъ г. Тихомирова по методикѣ объяснительнаго чтенія въ начальной школѣ.

Главное достоинство *Дѣтскаго Чтенія* и *Педагогическаго Листка* заключается въ умѣньи найти и собрать русскія литературныя силы, наполнить журналъ ихъ трудами, и сумѣть все это такъ скомпановать чтобы читатели усвоивали себѣ читаемый матеріалъ легко, быстро и съ живѣйшимъ интересомъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1897 г. по 1 января 1898 г.

Алтаевъ, А. Снѣжинки. Разск. для малютокъ. Изд. А. Ф. Девріена Спб., 1897 г.

Анненковъ, К. Система русскаго гражданскаго права. Спб., 1898 г. Ц. 3 р.

Байронъ. Манфредъ. Драматическая поэма. Перев. съ англійск. М., 1898 г. Ц. 40 к.

Барацъ, С. М. Курсъ коммерческой корреспонденціи. Спб. 98 г. Ц. 2 р. 50 к.

Боголѣпова, Е. А. Хрестоматія для начальныхъ училищъ. Изд. книж. маг. В. В. Думнова. М., 1896 г. Ц. 80 к.

Божеряновъ, И. Н. Графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ. Изд. графа И. В. Канкрина. Спб., 1897 г.

Брокгаузъ, Ф. А., и Ефронъ, И. А. Энциклопедическій словарь. Т. XXII*a*. Спб., 1897 г.

Броуновъ, П. И. Практическое значеніе сельско-хозяйственно-метеорологическихъ наблюденій и краткое руководство для производства ихъ. Спб., 1897 г.

Бюхеръ, Карлъ. Происхожденіе народнаго хозяйства и образованіе обществ. классовъ. Пер. съ нѣм. Подъ ред. С. Н. Булгакова. Изд. М. И. Водовозовой. Ц. 50 к.

Вальтеръ, В. Г. Какъ учить игрѣ на скрипкѣ. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Пер. съ франц. подъ ред. Э. Л. Радлова. Вып. I. Съ 35 политипажами. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Веретенниковъ, И. В. Брачность, рождаемость и смертность среди крестьянскаго населенія. Тифлисъ, 1898 г.

Вольтке, Г. С. Открытіе Новаго Свѣта. Чтеніе для народа. Спб. Ц. 20 к.

В. О. Стихотворенія. Спб., 1898 г. Ц. 75 к.

Вольногорскій, П. Въ лѣсу и въ полѣ. Очерки изъ жизни животныхъ и растеній. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г.

Гёте. Фаустъ. Пер. Голованова. М., 1898 г.

Геммельманъ, С. Стихи. М., 1897 г. Ц. 50 к.

Глѣбовскій, В. А. Императрица Екатерина II и ея царствованіе. Историческій очеркъ. Бобруйскъ, 1897 г. Ц. 45 к.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ. Т. III. Вып. 12-й. Спб., 1897 г. Цѣна за все изданіе 16 руб.

Григорьева, О. Кораллы. Разсказы и сказки для мал. дѣтей. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г.

Движение на населенисто въ Българското княжество прѣзъ 1894 година. София, 97 г.

Доклады тверской земской управы по экономическому отдѣлу очередному собранію сессіи 1897 г. Тверь, 1897 г.

Дружининъ, Н. Новое сельское общество. Разсказъ о томъ, какъ устроили свои общественныя дѣла крестьяне трехъ грамотныхъ деревень. Изд. „читальни народной школы“. Спб., 1898 г.

Жбанковъ, Д. Н. Таблицы движенія населенія въ Смоленской губ. за десятилѣтіе 1886 — 1895 г.г. Смоленскъ, 97 г. Изд. Смол. Губ. Земства.

Желиховская, В. П. Мала былинка, да вынослива. Повѣсть для юношества. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г.

Зетъ, Е. Сказки китайскія, бретонскія, финляндскія и рождественскіе разсказы. Екатеринославъ, 1897 г. Ц. 15 к.

Зиберъ, Н. И. Давидъ Рикардо и

Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Изд. 3-е. Спб., 1897 г. Ц. 2 р. 25 к.
Исторія среднихъ вѣковъ. Подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. Вып. II. М., 1897 г. Ц. 3 р. 30 к.
И. К. Русская грамота. Нѣжинъ, 1897 г.
Календарь сибирскій торгово-промышленный на 1898 г. Изд. Ф. П. Романова. Томскъ, 1898 г.
Календарь-Альманахъ Екатеринославскій, Екатеринославъ. 98 г. Ц. 30 к.
Крепелинъ, Карлъ. Природа въ комнатѣ. Пер. Н. А. Холодковскаго. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г.
Кэрнсъ, Д. Э. Логическій методъ политической экономіи. Основные принципы.—Цѣнность.—Международная торговля. Пер. М. И. Туганъ-Барановскаго. М., 1898 г. Ц. 1 р.
Ларра. Общественные очерки Испаніи. Пер. съ испанск. М. В. Ватсонъ. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
Лейкинъ, Н. А. Сусальныя звѣзды. Романъ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.
Лависсъ, Эрн., и Рамбо, Альфр. Всеобщая исторія съ IV ст. до нашего времени. Т. II. Пер. М. Гершензона. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1897 г. Ц. 3 р.
Лихачевъ, Н. П. „Государевъ Родословецъ“ и родъ Адашевыхъ. Спб. 97 г.
Lourié, Ossip. Ames souffrantes. Paris. Prix 3 fr.
Локкъ, Джонъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. М., 1898 г. Ц. 3 р.
Маноцковъ, В. И. Очерки жизни на крайнемъ Сѣверѣ. Мурманъ. Съ пр. карты и таблицъ. Изд. кн. маг. М. Г. Шашковской. Архангельскъ, 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
Маленькіе разсказы для дѣтей. Въ стихахъ и въ картинахъ. Изд. Т-ва „Книжное дѣло“. М., 1898 г.
Матвѣевъ, Артемонъ. Въ поискахъ правды о народѣ. Спб. 98 г.
Милль, Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной. Пер. съ англ. С. П. Ершова, книга 3-я. М. 98 г. Изд. „Книжное Дѣло“.
Минцловъ, Р. С. Стихотворенія 1888—1897 гг. Одесса, 1897 г. Ц. 25 к.
Немировскій, А. Напасть. Повѣсть. Изд. жур. „Русское Богатство“. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.
Николаевъ, Ник. Стихотворенія 1892—1897 г. Калуга, 97 г. Ц. 1 р.
Обзоръ сельско - хозяйственный Нижегородской губерніи за 1896 г. Изданіе Нижегор. губ. земства. Ц. 1 р.
Отчетъ рогожскаго отдѣленія 1-го московскаго общества трезвости за время съ 1 мая 1896 г. по 1 іюля 1897 г. М., 1897 г.
Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1896 г. Барнаулъ, 1897 г.
Отчетъ о дѣятельности общества попеченія объ улучшеніи быта учащихъ въ начальныхъ училищахъ г. Москвы. М., 1898 г.
Отчетъ кустарно - промышленнаго банка пермскаго губернскаго земства за 1896 г. Пермь, 1897 г.
Отчетъ Общества взаимн. вспомоществованія учащимъ и учившимъ Тульской губерніи съ 1 сентября 96 г. по 1 сентября 97 г. Тула, 97 г.
Отчетъ Общества взаимн. вспомоществованія учащимъ и учившимъ Тульской губ. съ 19 сентября 95 г. по 1 сентября 96 г. Тула, 96 г.
Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи. Т. IV. Спб., 1897 г.
Перро. Котъ въ сапогахъ. М., 98 г.
Переселенцы-арендаторы Тургайской области. Спб. 97 г.
Петри, Э. Ю. Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Съ 158 рис. въ текстѣ, 1 картою и портретомъ В. В. Юнкера. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г.
Петерсонъ, О., и Балабанова, Е. Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ въ 3-хъ томахъ. Т. II. Скандинавія. Спб., 1898 г. Ц. 2 р.
Покровская, В. Справочная книжка по Географіи. I. Настольный словарь географ. назв. II. Географическо - статистическія таблицы. Юрьевъ, 98 года. Ц. 1 р.
Программа изданія трудовъ якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Иркутскъ, 1897 г.
Пружанскій, К. Герои жизни. Изд. книгопродавца Д. А. Наумова. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
П. Я. Стихотворенія. Изд. журн. „Русское Богатство“. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.
Рева, И. 1) Земледѣльческіе синдикаты. 2) Сахарная нормировка. Кіевъ, 1897 г.
Рогова, О. И. Богданъ Хмельницкій. Историч. повѣсть для юношества. Изд. 2-е. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г.
— Сынъ гетмана. Историч. повѣсть для юношества. Изд. 2-е. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г.
Рубакинъ, Н. (переводъ). Подъ гнетомъ времени. Хроника XIII столѣтія объ Альбигойскихъ еретикахъ. Изд. Сытина. М., 1898 г. Ц. 50 к.
Рышковъ, Викторъ. 1) На больничныхъ койкахъ. 2) Въ паутинѣ. Земледѣльческая эпопея. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.
Сборникъ историческаго общества при Императорскомъ С.-Петер. университ. Подъ ред. Н. И. Карѣева. Т. IX. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ „Вѣстникъ Сіона". Ч. II. Изд. книгоиздательства „Улей". Харьковъ, Ц. 1 р.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сотый. Спб., 1897 г. Ц. 3 р.

Скворцова, Е. Забытыя письма. Повѣсть. М., 1897 г.

Спенсеръ, Гербертъ. Цѣломудріе, бракъ и родительство. Пер. Л. А. Золотарева. М., 1898 г. Ц 30 к.

Струве, Генрихъ. Способность и развитіе философствующаго ума. М., 1897 г.

Статистическій сборникъ Новгород. губ. земства за 1896 г. Новгородъ, 1897 г.

Татариновъ. Объ основныхъ формахъ состоянія нашего сознанія. Екатеринославъ. 97 г.

Тимченко, Е. Русско-малороссійскій словарь. Т. I. Кіевъ, 1897 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Уставъ общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ г. Ромны. Ромны, 1897 г.

Фулье, Альфредъ. Критика новѣйшихъ системъ морали. Пер. съ франц. Е. Максимовой и О. Конради. Спб., 1898 г. Ц. 2 р.

Шантепи-де-ля Соссей, Д. П. Иллюстрированная исторія религій. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Н. Линдъ. М. 98 г. Изд. „Книжное дѣло". Вып. I.

Шерръ, I. Всеобщая Исторія Литературы. Вып. XXIII.

Шляпошниковъ, М. 1-й всемірно-еврейскій конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ. Изд. книгоиздат. „Улей". Харьковъ, 1897 г. Ц. 20 к.

Шмитцъ, Л. Половая жизнь человѣка и гигіеническое воспитаніе ребенка. Пер. съ нѣм. Изд. 2-е. Одесса, 1898 г. Ц. 50 к.

Шрейдеръ, Д. И. Нашъ дальній Востокъ. Съ 36-ю рис. въ текстѣ и картою Уссурійскаго края. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г.

Шулика, П. „Де найшовъ, де загубивъ". У Черкасахъ, 1897 г. Ц. 5 к

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

